

ЭН экономическое
наследие

М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ОСНОВЫ
КООПЕРАЦИИ**

ЭН

М. Журав-Тарановский

ЭН

ОТДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ АН СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ АН СССР

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Экономический факультет

М.И.ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ
ОСНОВЫ
КООПЕРАЦИИ

Редакционная коллегия: д. э. н. Л. А. Булочникова,
д. э. н. В. В. Куликов, д. э. н. Ю. М. Осипов,
д. э. н. Г. Н. Сорвина, к. э. н. Т. П. Субботина

Предисловие, комментарии:
докт. экон. наук, профессор **Л. А. Булочникова**,
докт. экон. наук, профессор **Г. Н. Сорвина**,
канд. экон. наук **Т. П. Субботина**

В научно-вспомогательной работе
принимал участие **А. И. Столяров**

Именной указатель составил **В. Д. Сорвин**

Туган-Барановский М. И.

- Т81 Социальные основы кооперации/Предисл.,
коммент.: Л. А. Булочникова, Г. Н. Сорвина,
Т. П. Субботина.— М.: Экономика, 1989.—
496 с.— (Экон. наследие).—
ISBN 5—282—00082—2

Работа крупного русского экономиста М. И. Туган-Барановского, написанная в 1915 г. с близких к марксизму позиций, представляет собой подробное исследование развития теории и практики кооперативного движения в России и странах Европы в XIX—начале XX вв.

Настоящее издание снабжено вступительной статьей, научным аппаратом.

Для преподавателей, научных работников, аспирантов, хозяйственников.

Т $\frac{060300000-106}{011(01)-89}$ 31—89

ББК 65.02

© Издательство «Экономика», 1989

ISBN 5—282—00082—2

М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ И ЕГО КНИГА «СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КООПЕРАЦИИ»

Михаил Иванович Туган-Барановский родился в 1856 г. в Харьковской губернии. В 1888 г. он закончил физико-математический факультет Харьковского университета, получив звание кандидата естественных наук. Однако его больше увлекали общественные науки и почти одновременно с учебой на физико-математическом он экстерном сдал экзамены за юридический факультет. В 1894 г. Михаил Иванович получил степень магистра при Московском университете за книгу «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияния на народную жизнь», издание которой впоследствии принесло ему известность в России и за рубежом.

В 1895 г. М. И. Туган-Барановский стал приват-доцентом Петербургского университета, где вел собственный семинарий. В 1898 г. в Московском университете он защитил докторскую диссертацию «Русская фабрика в прошлом и настоящем. История развития русской фабрики. Т. I». В 1899 г. за политическую неблагонадежность его отстранили от преподавания (в Петербурге), и он вернулся на кафедру в 1905 г. на ту же должность. С 1913 г. Михаил Иванович — профессор Петербургского политехнического института.

После февральской революции в конце лета 1917 г. он уехал на Украину, занимал пост министра финансов при Центральной Раде до января 1918 г., после чего уехал в Москву, где выступал с лекциями, вел научную работу.

Вернувшись вскоре на Украину, Туган-Барановский сосредоточил внимание на научной, научно-организаторской и учебной деятельности. При его ближайшем участии была организована Украинская академия наук, имевшая — одна из первых в мире — отделение социально-экономических наук. Михаил Иванович стал академиком по специальности теоретическая экономия. В последние годы своей жизни был профессором Киевского университета и деканом его юридического факультета, председателем Центрального кооперативного украинского комитета и Украинского научного общества экономистов.

М. И. Туган-Барановский придавал большое значение развитию кооперативного движения. С 1908 г. он участвовал в руководстве Комитетом о сельских и ссудосберегательных товариществах. А в 1909 г. создал и возглавил журнал «Вестник коопе-

рации», по признанию современников, лучшее из подобных изданий не только в России, но и за рубежом. В журнале публиковались обширные материалы о кооперативном движении в России и на Западе, а также статьи теоретического характера. Туган-Барановский много печатался и на страницах этого издания, и во многих других журналах, в таких, как «Мир божий», «Новое слово», «Начало», «Вестник Европы». Был редактором уникального для того времени сборника «Новые идеи в экономике». Участвовал в редколлегиях ряда зарубежных изданий.

Михаил Иванович был блестящим педагогом и лектором. Он выступал с публичными лекциями, всегда приковывавшими к себе внимание общественности, вел студенческие научные кружки, из которых вышло потом немало талантливых ученых-экономистов. Одним из них был Н. Д. Кондратьев, завоевавший в 20-е гг. всемирную известность своими работами в области исследований циклических колебаний конъюнктуры. Вот какие воспоминания о лекциях своего учителя он сохранил: «Он читал в большинстве случаев с огромным эмоциональным подъемом. Его мысли неслись стремительным потоком. Менее всего Михаил Иванович склонен был читать лекции из года в год по раз принятому шаблону. Наоборот он всегда чутко следил за интересами аудитории и общества... Студенчество теснилось к его кафедре»¹.

М. И. Туган-Барановский принадлежал к тому поколению русских экономистов, которые выступили с первыми работами в 90-х гг. XIX в., переняв эстафету у замечательной плеяды ученых 60—80-х гг. Он унаследовал многие черты той русской политической экономии, которая складывалась в своеобразную эпоху «русского ренессанса», наступившего после отмены крепостного права, и которая была составной частью этого ренессанса, занимая по праву место рядом с великой русской литературой, музыкой, живописью.

Научные, учебные, публицистические труды экономистов — одна из вершин русской культуры второй половины XIX — начала XX в. Литература эта широка и необычайно разнообразна. В ней представлены интересы всех общественных слоев периода быстрого роста капиталистических отношений как в городе, так и в деревне, периода острейших дискуссий о выборе пути развития. Эта политическая экономия несла в себе всю специфику и все противоречия своего времени, развиваясь и изменяясь вместе с эволюцией общества.

В 90-е гг. XIX в., когда М. И. Туган-Барановский начал публиковать первые работы, в западных капиталистических странах все явственнее обнаруживались монополистические

¹ Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923. С. 116—117.

тенденции. В России капитализм развивался при сохранении многочисленных остатков крепостного права. С конца XIX в. и в первое десятилетие XX в. в России появились черты монополистического капитализма, что накладывало отпечаток на социально-экономическую и идейно-теоретическую жизнь общества.

В русской экономической мысли наряду с марксизмом начала приобретать популярность субъективная школа. Выявились глубокие расхождения в понимании многих основополагающих проблем. Шел процесс идейного и теоретического размежевания представителей различных социальных слоев.

Все эти процессы отразились в творчестве М. И. Туган-Барановского, определив и его обширные научные интересы, и эволюцию взглядов.

Научное наследие Туган-Барановского богато и разнообразно. Одна из самых характерных черт Михаила Ивановича — стремление откликаться на все животрепещущие, наиболее актуальные проблемы, которые ставила перед экономической наукой жизнь, и, конечно, прежде всего российская действительность. И все же можно совершенно четко наметить главные линии его исследований, которые оказались наиболее плодотворными и принесли ему прижизненную известность. Это исследования в области теории рынков и кризисов; развития капитализма и теории распределения; работы о социализме и о кооперации.

Туган-Барановский не принадлежал к какому-то определенному направлению экономической науки. Он то близок к теории предельной полезности, то марксист, то ревизионист, близкий к бернштейнству, то снова увлечен субъективно-психологической школой, то стремится сочетать ее идеи с марксизмом, найти мостки, способные соединить то и другое.

В первой своей научной работе «Учение о предельной полезности» (Юридический вестник, 1890) Туган-Барановский полон симпатий к идеям австрийской школы. Однако в книге «Промышленные кризисы в Англии...» (1894) он опирался на схемы и концепции воспроизводства общественного капитала, изложенные во втором томе «Капитала» К. Маркса, пытался оценить одну из самых сложных черт капиталистической системы хозяйства — цикличность развития — с марксистских позиций. Этой книге суждена была долгая жизнь. О ней много спорили — и марксисты, и немарксисты, и в России, и на Западе. «Промышленные кризисы...» неоднократно издавались за рубежом, взгляды, изложенные в ней, нашли горячих последователей. Так возникла в этом вопросе целая школа, к которой с теми или иными оговорками примкнули такие видные экономисты, как А. Шпитгоф, А. Эйленбург, Л. Поле, Г. Шмоллер, Ж. Лескюр и др.¹

¹ См. Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 81.

Интерес к этой работе, как свидетельствует зарубежная литература, сохраняется и до сих пор.

В. И. Ленин советовал русскому читателю познакомиться с этим произведением, хотя усмотрел в нем ряд существенных отступлений от марксизма. Книга выдержала целый ряд отечественных и зарубежных переизданий. И нельзя не отметить, что, несмотря на критические замечания, высказанные на Западе, автор в ряде аспектов не отступил от принципиальных позиций, высказанных в первом издании. И все же работа была поистине достижением русской и мировой экономической мысли. Содержала очень глубокие и оригинальные выводы, намного опередившие свое время.

Одним из главных достоинств этого издания было глубокое понимание того, что цикличность развития является имманентной чертой капиталистического хозяйственного строя. Любой экономический анализ должен эту черту учитывать, а государство, выработывая экономическую политику, должно из нее исходить. В последующих изданиях книги М. И. Туган-Барановский одним из первых среди экономистов подчеркнул необходимость прогнозирования развития капиталистической конъюнктуры и предсказал наступление ряда кризисов. «В немецком издании «Промышленных кризисов...», вышедшем в 1900 г., я высказал мнение, что Германия приближается к промышленному кризису; кризис последовал в 1901 г., что обратило на себя большое внимание немецкой печати. Точно так же мною был предвиден американский кризис 1907 г.»¹

В 1898 г. вышла в свет другая крупная работа М. И. Туган-Барановского, получившая большую известность, — «Русская фабрика в прошлом и настоящем. История развития русской фабрики». Приведенные в ней факты, статистические расчеты, многие выводы и оценки сыграли большую роль в преодолении народнических иллюзий, распространенных в то время среди русской интеллигенции. М. И. Туган-Барановский, писал В. И. Ленин, «... с полной точностью указал то основное противоречие, к которому сводит дело новая теория (либеральные народники. — Авторы)... и выяснил значение Сисмонди...»².

В примечаниях к «Развитию капитализма в России» В. И. Ленин отмечал данные и расчеты «Русской фабрики...»³. Ссылался он и на доклад М. И. Туган-Барановского в Императорском вольном экономическом обществе, в котором была указана «полная ошибочность» цифр «Военно-статистического сборника» (данные касались численности рабочих)⁴.

¹ Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. Пг.— М., 1923. С. 8.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 163.

³ Например, см. Там же. Т. 3. С. 472, 497, 517, 540, 545 (Прим).

⁴ Там же. С. 461.

В. И. Ленин отмечал также: «В своем исследовании об исторических судьбах русской фабрики М. И. Туган-Барановский показал, что торговый капитал был необходимым историческим условием образования крупной промышленности»¹. В. И. Ленин ссылаясь на новые сведения о народничестве, приведенные в «Русской фабрике...». «Зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше»².

Исследование М. И. Туган-Барановского, проведенное с позиций марксизма, имело огромное значение не только в борьбе с русским народничеством, но и для уяснения путей развития как русского капитализма, так и капитализма вообще³. Этим объясняется интерес, проявленный к работе на Западе. Для современного читателя интерес представляет мнение М. И. Туган-Барановского о перспективах капитализма. Он был противником этого строя, много сил и внимания уделил его критике, отмечал его антагонистические противоречия, но подчеркивал, что капитализм никогда не умрет естественной смертью, он внутренне способен к непрерывному развитию. Правда, его будут потрясать кризисы. Но эти кризисы не являются симптомом приближающейся смерти, а лишь острое и болезненное средство самокорректирования пути развития со стороны капитализма.

Михаил Иванович начинал в 90-е гг. «с «почти» полного признания Маркса»⁴. Затем увлекся философией Канта, в которой его привлекла вера в человека как конечную и абсолютную ценность. Идеалистические концепции все более захватывали М. И. Туган-Барановского. Однако с усилением влияния идеалистической философии, с одной стороны, и бернштейнианства — с другой, критическое отношение М. И. Туган-Барановского к марксизму усилилось, что особенно отчетливо выявилось вначале в ряде статей, а затем и в вышедших в 1905 г. книгах «Теоретические основы марксизма» и «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», а также в книге 1906 г. «Современный социализм в своем историческом развитии». В основе особой позиции автора — повышенное внимание к «психологическим факторам общественного развития».

В книге «Теоретические основы марксизма» отчетливо видно,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 339.

² Там же. Т. 2. С. 530.

³ Некоторые из статей М. И. Туган-Барановского сохранились в личной библиотеке В. И. Ленина. Доклад Туган-Барановского на заседании III отделения Императорского вольного экономического общества и прения по нему были опубликованы в трудах этого общества (Статистические итоги промышленного развития России: Доклад М. И. Туган-Барановского и прения по этому докладу. Спб., 1898).

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 163.

насколько кантианская идея абсолютной ценности человека захватила ученого, насколько усилились в его мировоззрении мотивы австрийской школы и утопического социализма. Доказывая, что капитализм не может умереть «естественной смертью», Туган-Барановский следующим образом трактовал пути его гибели. Капитализму может быть нанесен смертельный удар лишь мыслью и волей человека. И такой удар должен быть и будет нанесен, ибо в капитализме есть органическое противоречие. Ученый формулировал это противоречие следующим образом: капитализм, обращая человеческую личность в средство, в раба вещей, в то же время ведет к распространению и укреплению общественно-морального сознания, признающего личность верховной ценностью общественной жизни. На почве этого глубокого противоречия неизбежно должно возрасть массовое недовольство.

Сам Туган-Барановский подчеркивал, что критику марксизма он осуществляет ради защиты идеалов Маркса и его учения, высоко оценивая, по его словам, «верное социальное содержание марксизма». Последнее он видел в том, что путем глубокого анализа К. Маркс вскрыл существо отношений капиталистической эксплуатации.

В предисловии к первому изданию своей книги Туган-Барановский писал, в частности: «...настоящая книга далеко не преследует цели простой полемики; критикуя Маркса, я стремился придать своей критике не только отрицательный, но и положительный характер. Моя критика не направлена против Маркса как представителя определенных социальных идеалов; наоборот, высказываясь против данного автором «Капитала» обоснования этих идеалов, я хотел бы лишь содействовать их лучшему и более прочному обоснованию».

В дореволюционной России большой популярностью пользовалась опубликованная в 1909 г. книга «Основы политической экономии», в которой автор систематизировал свои социально-экономические воззрения. В этой работе Туган-Барановский стремился примирить австрийскую теорию субъективной полезности с трудовой теорией стоимости, устанавливая закон пропорциональности между трудовыми затратами и предельной полезностью. Однако во многих случаях идеализм М. И. Туган-Барановского удивительно сочетался с элементами «чистого материализма». Так, специально обращаясь к вопросам методологии экономической теории, он признавал не только примат хозяйства над другими областями общественной жизни, но и определяющее значение «материальных факторов» хозяйства по отношению к «социальным».

Критикуя марксизм, М. И. Туган-Барановский никогда не порывал с ним полностью. В то же время у него все больше симпатий вызывали теории социалистов-утопистов. «Этот утопиче-

ский социализм,— писал он,— представляется мне заслуживающим самого серьезного внимания; я считаю его в некоторых отношениях даже более научным, чем марксизм»¹. Исследования истории социалистических учений и неудачных попыток их практического воплощения в жизнь через разного рода общины составляют значительную часть научного наследия М. И. Туган-Барановского.

В. И. Ленин писал «об экономическом направлении в философии и политической экономии», сторонники которого группировались вокруг Э. Бернштейна. Представители этого направления «отвергают более или менее существенные стороны учения Маркса, становятся, например, в философии не на сторону диалектического материализма, а на сторону неокантианства, в политической экономии — на сторону тех, кто приписывает некоторые учения Маркса «тенденциозности» и т. п.». К этому направлению он причислял в начале века и М. И. Туган-Барановского.

Не приняв марксизма полностью, М. И. Туган-Барановский в первое десятилетие нашего века в ряде аспектов поддержал бернштейнство, выступая с позиций «дальнейшего критического развития марксизма». Его выступления против целого ряда основополагающих положений марксизма дали основания В. И. Ленину в списке литературы, приложенном к статье «К. Маркс», назвать М. И. Туган-Барановского первым среди авторов-критиков марксизма².

Научный поиск ученого в области проблем кооперации был связан с активной работой в практическом кооперативном движении.

Чем был вызван столь пристальный интерес к вопросам кооперации именно в первое десятилетие XX в.?

Наиболее одаренные теоретики, изучая растущее монополистическое производство, не могли не видеть и другой его стороны — огромных преимуществ крупного хозяйства с точки зрения возможностей технического оснащения и организации производства. Даже те сторонники концепции «устойчивости мелкого крестьянского хозяйства» (и среди них был М. И. Туган-Барановский), которые связывали общественный прогресс с развитием науки, техники и применением их достижений в производстве, искали пути обеспечения техникой и мелкого крестьянина. Отсюда (это одна из причин, но немаловажная) — повышенный интерес к крестьянской сбытоснабженческой кооперации. М. И. Туган-Барановский видел здесь единственно удач-

¹ Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. М., 1918. С. V—VI.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 89.

ное объединение сохраняющегося устойчивого крестьянского класса и прогресса (товарищество крестьян закупает и тракторы, и удобрения, и т. д.).

Кооперативное движение, имевшее многочисленных идеологов и политических руководителей, пожалуй, ни в одной из стран не выдвинуло своего хорошего экономиста-теоретика, способного отойти от громких лозунгов и дать теоретическую оценку как сделанному, так и перспективам. То, что было сделано М. И. Туган-Барановским в теории кооперации, было во многом пионерным, его взгляды претерпевали существенную эволюцию — от статьи к статье, даже от одного издания работы к другому (а ведь проходило очень немного времени — всего год-два). Шла работа по созданию интересной и глубокой концепции, которая завершилась публикацией в бурные предреволюционные годы (1916) работы «Социальные основы кооперации» (выдержала еще два издания 1918 и 1919). К третьему изданию была добавлена глава «Кооперативный идеал», ранее опубликованная в журнале «Вестник кооперативных Союзов».

Выход в свет первого издания книги был очень высоко оценен современниками. «Несмотря на то, что наша кооперативная литература очень разрослась, однако до самого последнего времени она оставалась очень бедной сочинениями общего характера, которые бы трактовали не отдельные вопросы или области ее, а всю область кооперации в целом... В этом отношении наиболее крупным произведением является... книга проф. Туган-Барановского, которая, ставя себе задачей дать общую теорию кооперативного движения во всех его многосложных проявлениях и вместе с тем служит общим курсом для ознакомления с кооперацией, представляет собой крупное событие в литературной жизни», — писал один из видных деятелей кооперативного движения К. А. Пажитнов¹.

Появление ее не было всего лишь результатом «озарения» автора. Выводы, сегодня представляющиеся нам столь дальновидными, явились итогом длительных размышлений ученого о социализме как новой форме общественного строя, систематически изложенных в книге «Социализм как положительное учение». К сожалению, именно за эту книгу М. И. Туган-Барановский был причислен к теоретикам «этического социализма», причем в вину автору вменялся не только идеализм методологии, но и «индивидуализм», его особое внимание к отдельному человеку. Показательно в этом отношении мнение одного из лучших учеников М. И. Туган-Барановского Н. Д. Кондратьева: последний усматривал ревизионизм своего учителя в его склонности к народническому пониманию прогресса как приближения к идеалу целостной человеческой личности в отличие от марк-

¹ Пажитнов К. А. История кооперативной мысли. Пг., 1918. С. 267.

систского понимания прогресса как максимального развития производительных сил¹. Очевидно, что здесь развитие производительных сил неправомерно противопоставляется развитию человеческой личности. Для Туган-Барановского же человек с его потребностями и способностями являлся одновременно и высшей целью, и важнейшей производительной силой (социальным фактором хозяйства). Сегодня мало кто сочтет, что такой взгляд противоречит позиции классиков марксизма. Время по-разному оценивает идеи, и современному читателю гуманизм методологии М. И. Туган-Барановского покажется скорее сильной, а не слабой его стороной.

Книга «Социализм как положительное учение», несомненно, несет на себе отпечаток идеалистических увлечений автора. Например, обоснование социализма последний сначала дает с этически-правовой, причем вполне антиисторической, точки зрения: «Социализм есть... требование естественного права, логически связанное с первым и основным прирожденным правом человека на свободу»². Однако, переходя от истории социалистических учений к изображению собственной модели будущего общества, он постепенно встает на все более материалистические позиции. Соответствующая глава называется «Социалистический строй как хозяйственная система высшей производительности». Правда, и в этой главе внимание автора сосредоточено преимущественно на социальной стороне хозяйства (на «человеческом факторе экономики», пользуясь сегодняшним термином). Но в современных условиях именно проводимый М. И. Туган-Барановским анализ особенностей трудовой мотивации человека в социалистической общине, в кооперативе или на государственном предприятии выглядит особенно актуально.

Читая работу «Социализм как положительное учение», а также написанную чуть раньше, весной 1917 г., брошюру «Русская революция и социализм», можно многое понять и в дальнейшей непростой судьбе наследия М. И. Туган-Барановского. Ученый и общественный деятель, он относил себя к представителям «социалистической мысли» в противоположность буржуазным противникам социализма, которых он квалифицировал как «защитников исторических несправедливостей»³. В феврале 1917 г. он восторженно приветствовал революцию, причем, будучи гуманистом по натуре, особенно радовался, что «революция-то бескровная!». Теперь, полагал он, «во всех областях хозяйственной жизни для России открывается широкий простор для нового социального творчества, долженствующего

¹ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 36, 48.

² Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. Пг., 1918. С. 16.

³ Туган-Барановский М. И. Общественно-экономические идеалы нашего времени СПб., 1913. С. 33—34.

все более и более приближать Россию к социалистическому строю. Но, двигаясь в сторону социализма и постепенно приближаясь к последнему, Россия все же в ближайшем будущем не станет социалистической страной»¹. В ближайшем будущем Россия должна была, по его мнению, превратиться в «великую крестьянскую демократию» в результате целого комплекса социальных реформ: в аграрной сфере — в направлении замены капитализма трудовыми крестьянскими хозяйствами, связанными кооперацией; в промышленности — в направлении установления государственно-урегулированного капитализма, ограниченного «в своих правах интересами всего общества и контролем рабочего класса»².

В возможность победы социалистической революции в России он в обозримом будущем не верил. Вместе с тем он опасался «повторения ужасов Парижской Коммуны, подавления восстания и в итоге военной диктатуры»³.

В последние годы Туган-Барановский много размышлял о возможности построения социалистического общества в России, понимая в то же время, что «до социализма современная Россия, безусловно, не созрела»⁴. Все его теоретические представления восставали против идеи о возможности построения социализма в отсталой стране. Но ведь и В. И. Ленин видел, что «в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма» не находились⁵. В. И. Ленин считал необходимым использование переходных форм, введение государственного капитализма как «преддверия», как «ступеньки» на пути к социализму. Разногласие, небольшое в чисто теоретическом измерении, но гигантское — в политическом, касалось вопроса о государственной власти, о том, какой класс сможет силой государства провести в жизнь все эти преобразования.

Зимой 1918 г., после разгрома Украинской Центральной Рады, М. И. Туган-Барановский приехал в Москву. Здесь он читал лекции, занимался делами кооперативного движения, ему было предложено преподавать в созданном тогда Кооперативном институте. Однако он отказался от предложения и вернулся на Украину, где занимался преимущественно научной и научно-организаторской деятельностью.

В самом начале 1919 г. Михаил Иванович Туган-Барановский скоропостижно скончался. Мы не знаем, менялось ли его мнение о возможностях Советской власти в последние месяцы,

¹ Туган-Барановский М. И. Русская революция и социализм. Пг., 1917. С. 31.

² Там же. С. 31—32.

³ Из воспоминаний М. М. Туган-Барановского.

⁴ Туган-Барановский М. И. Русская революция и социализм. С. 29.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 303.

дни его жизни. Знаем только, что незадолго до смерти он внушал своему сыну: «Помни, нельзя сидеть на двух стульях. Борись за то, во что веришь»¹. Метания ученого становятся особенно понятными, если учесть, что он, как теперь ясно, смог предсказать многие из тех социально-экономических проблем, с которыми столкнулась экономика нашей страны в процессе социалистического строительства. Сегодня некоторые из его предостережений звучат как пророчества.

Оценивая заслуги М. И. Туган-Барановского как ученого, необходимо проникнуться пониманием сложности той исторической эпохи, избегать подмены научных аргументов политическими обвинениями. Последние по существу уже торжествовали в наших оценках противоречивого, но исключительно богатого творчества ученого начиная с середины 20-х гг. и до недавнего времени. Теперь пришло время дать научную оценку доставшемуся нам теоретическому наследию.

* * *

Книга «Социальные основы кооперации» — фундаментальный труд, в котором проанализирован и обобщен опыт мирового кооперативного движения, глубоко изучены заложенные в нем идеи, определены пути развития кооперации в связи с перспективами перехода к социализму. Работа содержит большое количество смелых, иногда спорных суждений, способных вызвать оживленную дискуссию и подсказать решение целого ряда актуальных проблем сегодняшнего дня. В то же время можно, вероятно, предположить повышенную настороженность современного читателя по отношению к мнениям автора, настороженность, вызванную сомнениями в марксистском характере его методологии.

Некоторый идеалистический уклон заметен в рассуждениях М. И. Туган-Барановского, например в объяснении возникновения социалистических учений исключительно противоречием между экономическим строем капитализма и соответствующими ему правовыми воззрениями². «Твердому» материалисту легко поправить автора, указав на специфические для капитализма классовые противоречия, а также зреющие в его недрах объективные экономические предпосылки социализма. Однако нельзя отрицать и непосредственного значения указанного М. И. Туган-Барановским фактора из области взаимодействия между базисом и надстройкой.

Недооценка М. И. Туган-Барановским объективных причин возникновения социалистических учений сказывается, по на-

¹ Из воспоминаний М. М. Туган-Барановского.

² Наст. изд. С. 46—47.

шему мнению, и при выявлении особенностей взглядов великих социалистов-утопистов. Сравнивая социальные проекты Р. Оуэна и Ш. Фурье, автор много внимания уделял их личностным характеристикам, но не учитывал различие социально-экономических условий Англии и Франции¹. В то же время нельзя не согласиться, что личные черты характера создателей утопий имели большое значение для формирования последних.

С таких позиций — с позиций полезности дополнения наших (нередко грубых) материалистических представлений факторами надстроечного или промежуточного происхождения — мы бы посоветовали подходить и к некоторым другим, может быть, недостаточно «уравновешенным» частям данного исследования.

Трактуя кооперацию как результат влияния на капиталистическое общество социалистического идеала, М. И. Туган-Барановский сумел тем не менее избежать нормативного представления об ее природе, а также и чрезмерной абстрактности исследования. Анализ кооперации он всякий раз начинает как бы с самой «поверхности» — с идеалов и устремлений участников кооперативного движения. Затем, рассматривая различные теоретические концепции кооперации, он вскрывает за ними специфические классовые интересы, а затем уже подходит и к чисто объективным тенденциям развития кооперации различных типов. Пожалуй, именно такой порядок исследования, позволяющий постепенно переходить от более явного к более скрытому, искать объективные закономерности, не отрываясь от субъектно-объективных и даже субъективных форм их проявления, является наилучшей профилактикой против схоластики. Подобного рода исследование современной кооперации, в том числе вновь возникающей в нашей стране, могло бы иметь огромное значение не только с научной, но и с практической точки зрения.

Нами уже отмечался гуманизм М. И. Туган-Барановского, его неизменное внимание к реальной личности с ее потребностями и интересами. Гуманистический подход придает, в частности, особое своеобразие содержащемуся в книге изложению теорий социализма и коммунизма. В центре внимания автора оказываются проблемы взаимодействия человека и объективных (прежде всего экономических) условий, принципиально различное решение этих проблем у Фурье и Оуэна. Правда, автору не удастся избежать некоторого субъективизма², но сама постановка проблемы учета человеческого фактора, необходимого для реализации того или иного социального проекта, выглядит

¹ В более поздней работе «Социализм как положительное учение» этот подход преодолен.

² См. рассуждения М. И. Туган-Барановского о «предпочтительности» для человечества веселого и грешного общества по сравнению с благодетельным и скучным (Наст. изд. С. 60).

весьма актуально. На протяжении длительного времени советские теоретики политэкономии социализма уподоблялись анархисту Годвину, просто-напросто «предполагая» нужного для оживления их построений «нового человека». Наоборот, М. И. Туган-Барановский постоянно помнит о реальном человеческом «материале». Например, когда выясняет различие между социалистическими общинами и кооперативами: первые требуют от своих членов готовности жертвовать личными интересами, следовательно, они доступны лишь единицам; вторые ориентированы как раз на личные интересы участников и в этом — их сила¹.

Интерес представляет общая оценка М. И. Туган-Барановским социальной природы кооперации в условиях капитализма. Обратим внимание читателя на то, по каким признакам автор различает кооперативы и акционерные капиталистические предприятия — не по юридической форме и даже не по наиболее очевидным экономическим признакам (наличие акционерного капитала, применение наемного труда), а по внутренней, социально-экономической природе. Признавая, что «тело кооператива создано капитализмом», автор в то же время отмечает: «Называть кооперативные предприятия капиталистическими — это значит отказываться от анализа особенностей кооперативных предприятий»². М. И. Туган-Барановский называл кооперативы капиталистическими (по форме) в отличие от будущих социалистических кооперативов, но подчеркивал их некапиталистический характер (по существу — по целевой ориентации) в отличие от собственно капиталистических предприятий, ориентированных на получение максимальной прибыли.

Большой интерес представляет классификационная таблица кооперативов, предложенная М. И. Туган-Барановским³. Она может иметь сегодня не только теоретическое, но и практическое значение, например, для уточнения современного кооперативного законодательства⁴.

¹ Наст. изд. С. 65, 96 и др.

² Наст. изд. С. 67, 70.

³ Наст. изд. С. 100—101.

⁴ В действующем Законе о кооперации в СССР все кооперативы делятся всего на два основных типа: производственные и потребительские. Такое деление представляется нам совершенно недостаточным. В частности, к производственным кооперативам необоснованно относятся многочисленные кооперативы, действующие исключительно в сфере обращения.

Уточнения требует, видимо, и представление о смешанном, производственно-потребительском характере существующей потребкооперации. М. И. Туган-Барановский вполне убедительно, на наш взгляд, проводит различие между действительной производственной кооперацией (объединяющей самих производителей) и собственным производством потребительских обществ (осуществляемым при помощи труда нанимаемых кооперативом рабочих) (Наст. изд. С. 105—106).

Следует, по-видимому, задуматься над отсутствием в классификации М. И. Туган-Барановского столь распространенной сегодня торгово-закупочной кооперации. Можно ли объяснить это тем, что чего-либо подобного кооперативному объединению торговцев-посредников тогда просто не существовало? Или же дело в том, что согласно принятому автором критерию (некапиталистическая цель предприятия: либо увеличение трудовых доходов своих членов, либо сокращение их расходов на потребительские нужды) предприятия такого рода не могли быть отнесены к кооперативам? Независимо от их организационной структуры движение средств таких предприятий выглядит вполне по-капиталистически: $D - T - D'$ (цель — максимальная прибыль).

М. И. Туган-Барановский дал определение кооперации, подчеркивая, что это — объединение трудящихся, противопоставляя это объединение капиталистическому предприятию или любому объединению капиталистов. «Кооперативы всегда были и остаются организациями трудящихся классов»¹. «Так как кооперативы — одна из форм самозащиты трудящихся классов от неблагоприятных для них условий хозяйствования, они существуют только в среде трудящихся классов. И поэтому можно различать кооперативные движения среди пролетариата, крестьянства и промежуточного класса мелкой буржуазии»².

Здесь четко отражено стремление ученого найти именно социальную, классовую характеристику кооперативов. Выделенные группы кооперативов (пролетарские, крестьянские, мелкобуржуазные) суть социальные классовые образования.

Мы не можем не признать плодотворность такого подхода. А в статье, опубликованной в словаре «Гранат» всего на два года раньше, классификация кооперативов другая: не по социальному, а по хозяйственному принципу (потребительские общества, кредитные, производительные). Ученый не отступает и от этой классификации, но она становится у него вторичной по отношению к социальным характеристикам.

Всех, кто интересуется историей кооперативного движения, книга привлечет многообразием и полнотой обработанного автором фактического материала. От Оуэна, Сен-Симона и Фурье до трудовых артелей и домостроительных кооперативов второго десятилетия XX в. тщательно прослеживается путь кооперации. Полнота материала обеспечивается исследованием данных по ведущим капиталистическим странам, прежде всего Англии — родине кооперации, а также Франции, Германии, Италии. Интересно предстает и история русской кооперации.

Пролетарская кооперация в России почти неразвита потому,

¹ Наст. изд. С. 94.

² Там же. С. 106.

подчеркивал М. И. Туган-Барановский, что у рабочих нет средств даже для мизерного паевого взноса в потребительский кооператив, который был бы им очень нужен; ведь хозяйская лавка «дерет» втридорога, да и качество продуктов очень плохое. Но в то время как в Англии и Германии кооперативы строили «дешевые квартиры для рабочих» (три, в порядке исключения даже четыре комнаты, включая кухню), одна треть русских пролетариев не только квартиры, нового платья никогда не покупала.

Основополагающий принцип исследования — найти закономерное. Каждую форму кооперации ученый рассматривает прежде всего и больше всего на примере той страны, где она получила наибольшее развитие. И лишь потом идут сопоставления. Так обеспечивается высокий теоретический уровень работы. Автор не тонет в многочисленных фактах, а выстраивает их в необходимой логической последовательности.

Второй принцип — связь идей с объективными экономическими условиями. Ведь исходная база авторских размышлений: кооперация — такое специфическое явление капиталистического хозяйства, которое возникает не стихийно, а есть результат сознательного действия. Как это действие должно соотноситься с реальностью?

Пожалуй, наиболее обстоятельный ответ на этот вопрос читатель получит, обратившись к оценке идей и роли Оуэна в создании первых кооперативов. Автор, например, объясняет такой парадокс: Оуэн был враждебно настроен к английским кооперативам, которые возникли... в результате активной пропаганды его идей. В тех исторических условиях, которые сложились в Англии в то время, писал М. И. Туган-Барановский, иначе и быть не могло.

Третий принцип, положенный в основу анализа пролетарской кооперации, а также и всей книги, — полемичность. Автор не принимает на веру ни одну теоретическую концепцию, ни одну идею. Все стремится проверить практикой. Детально рассматривает просчеты и ошибки существующих теорий, тем самым выстраивая свою концепцию.

Что есть пролетарская кооперация в теоретической конструкции М. И. Туган-Барановского? Прежде всего главная форма кооперации. Наиболее жизнеспособной формой пролетарского кооператива в условиях капитализма является, по мнению автора, потребительский кооператив (или ассоциация). Однако он имеет существенные границы для своего развития (автор детально и очень интересно анализирует их).

Производительные артели (или кооперативы), которые многие марксистские авторы в то время считали самой желательной формой кооператива, на деле оказываются самой нежизнеспособной формой.

Закономерность такой ситуации обстоятельно доказывается автором, что является его заслугой.

По мнению М. И. Туган-Барановского, в хозяйственной системе капитализма выживают только те кооперативы, которые используют наемный труд и способны приспособиться к своеобразному циклическому развитию капиталистического воспроизводства. Поэтому жизнеспособными оказываются потребительские пролетарские кооперативы. И поэтому же быстро сходят со сцены пролетарские производительные артели.

М. И. Туган-Барановский считал, что в потребительские кооперативы не могут, как правило, входить лица из буржуазных слоев, принадлежащие к крупной и средней буржуазии, не могут входить туда и рабочие, зарплата которых недостаточна для внесения пая. В потребительский кооператив объединяются преимущественно высокооплачиваемые рабочие.

Как доказывал М. И. Туган-Барановский, самыми стойкими из потребительских кооперативов являются те, которые в целях максимального удовлетворения потребностей своих членов создают производственные предприятия, использующие наемных рабочих. Последние могут быть, а могут и не быть (как случается в большинстве случаев) членами кооператива. Эти рабочие не могут получить полный продукт своего труда. Следовательно, как и на капиталистическом предприятии, они создают прибавочную стоимость. Кто же ее присваивает? Члены кооператива, которые, как правило, не заняты на данном предприятии. Таково мнение М. И. Туган-Барановского. Но тогда имеет место присвоение одной группой рабочих неоплаченного труда другой группы! То есть перед нами своеобразная форма капиталистического предприятия. Этот вывод, по мнению автора, не отрицает другого его вывода — о некапиталистической природе (цели) кооператива. Он рассуждал следующим образом: члены потребительского кооператива — тоже рабочие, они работают по найму на капиталистических предприятиях, отдавая прибавочный труд капиталистам. Так почему же рабочие, занятые по найму в потребительских кооперативах, должны оказаться в лучшем положении? Справедливо, считает автор, созданную ими прибавочную стоимость поделить между членами кооператива.

В то же время он обращается к членам кооперативов с призывом помнить о классовой солидарности, создавать своим наемным рабочим наилучшие (по сложившимся стандартам) условия труда, выплачивать наивысшую (из существующих на капиталистических предприятиях) зарплату.

Отдел 3 книги посвящен крестьянской кооперации. Здесь даны исторический процесс возникновения кооперативного движения в сельском хозяйстве и его социально-экономическая характеристика. Этот анализ ведется на основе обобщения боль-

шого фактического материала, отражающего возникновение и развитие сельскохозяйственной кооперации в Германии, Англии, Дании, России и других странах.

При этом М. И. Туган-Барановский не просто фиксирует исторические факты, а дает им свою оценку, вскрывает трудности и противоречия в развитии кооперативного движения в деревне. Особое внимание он уделяет выяснению причин, которые тормозят развитие кооперации в сельском хозяйстве, снижают ее эффективность. Значительное место занимает анализ социально-экономической природы сельскохозяйственной кооперации, ее роли и значения в прогрессивном развитии крестьянского хозяйства.

На наш взгляд, данный аспект исследования развития кооперативного движения в деревне представляет не только большой теоретический интерес, но и имеет практическое значение для нашего времени.

На основе обобщения исторического опыта развития сельскохозяйственной кооперации в странах Западной Европы и России М. И. Туган-Барановский приходит к выводу, что отличительными чертами истинной кооперации являются самостоятельность и самодеятельность. И если данные принципы организации кооперативного предприятия в силу каких-либо причин нарушаются, то они лишаются своей сущности. Это уже, говорит М. И. Туган-Барановский, не кооператив в подлинном смысле этого слова.

Эту мысль автор подтверждает конкретными примерами. Так, в Германии в силу того, что сельскохозяйственная кооперация находилась в сильной зависимости от бюрократического государства, она не могла в полной мере проявить свои преимущества.

М. И. Туган-Барановский на основе этого делает, на наш взгляд, очень интересный вывод. Кооперация, по его мнению, может и должна принимать помощь со стороны государства только в том случае, если она ни в какой мере не ведет к подрыву ее полной свободы и самостоятельности развития.

Как известно, В. И. Ленин также считал добровольное вступление в кооперативы, их полную самостоятельность в решении хозяйственных вопросов главным и определяющим принципом организации кооперативного производства. Помните ленинское требование «не смей командовать!». К большому сожалению, это архиважное требование В. И. Ленина было предано глубокому забвению.

Другим не менее важным условием успешного функционирования любой формы кооперации, считает М. И. Туган-Барановский, является личная заинтересованность ее членов в достижении высоких экономических результатов. Но при этом, подчеркивает он, охрана личного интереса членов кооперативов

должна обязательно сочетаться с общими интересами. «Не чистый эгоизм и не чистый альтруизм,— отмечает автор,— а солидарность интересов — вот духовная основа кооперации».

Кооперация, считает М. И. Туган-Барановский, призвана воспитать нового человека, гармонично сочетающего в себе умение отстаивать личные интересы с готовностью отказаться от них во имя общего интереса.

И опять на память приходит ленинская мысль о том, что кооперация позволяет наилучшим образом сочетать личный, частный интерес крестьянина с общественным интересом.

Разумеется, этот важнейший принцип организации кооперативного предприятия не действует автоматически, стихийно. Для успешного претворения его в жизнь необходим соответствующий хозяйственный и социальный механизм.

Отвергнув главные принципы кооперации — добровольность и самостоятельность, мы не смогли реализовать исключительно важные условия успешного развития колхозов.

Рассматривая процесс распространения сельскохозяйственной кооперации в России, М. И. Туган-Барановский отмечал, что ее развитие в нашей стране началось позже, чем в странах Западной Европы.

Хотя устав первого в России ссудосберегательного товарищества был утвержден 22 октября 1865 г., значительный размах развитие кооперации в нашей стране получило только после революции 1905 г., но зато такого стремительного роста кооперативов и числа их членов не знала ни одна страна. Достаточно сказать, что если на 1 января 1901 г. число кооперативов в России составляло 1625, то на 1 января 1917 г.— уже 47 187. По подсчетам М. И. Туган-Барановского, в них участвовало около 84 млн. чел., т. е. немногим более половины всего населения России.

По числу кооперативов и членов в них Россия занимала первое место в мире!

Наибольшее распространение в России получили кредитные кооперативы, которые имели два основных вида: ссудосберегательные товарищества и кредитные товарищества. Важное отличие кредитной кооперации в России состояло в том, что в отличие от стран Западной Европы она возникла по инициативе государства. В 1904 г. при Государственном банке России было организовано Управление по делам мелкого кредита с обширным штатом инспекторов мелкого кредита. Эти чиновники должны были следить за деятельностью кредитных кооперативов, проводить в них периодические ревизии и вообще руководить ими.

Таким образом, кредитные сельскохозяйственные кооперативы во всех своих действиях были подчинены Управлению по делам мелкого кредита и его чиновникам на местах. В силу

этого обстоятельства, отмечает М. И. Туган-Барановский, наши кредитные кооперативы были кооперативами лишь по форме, а по существу они являлись вспомогательными учреждениями Государственного банка.

Кооперативное движение в русской деревне отличалось большим многообразием. Наряду с кредитной кооперацией в деревне существовали потребительские общества, сельскохозяйственные общества, сельскохозяйственные товарищества. Но самой блестящей страницей нашего кооперативного движения, как считал М. И. Туган-Барановский, являлась маслодельная кооперация. До революции это был единственный вид кооперативов, который достиг огромного экономического значения не поддержкой со стороны имущих классов и государства, а на основе самодетельности самого населения.

Исторически сельскохозяйственная кооперация возникала в сфере обмена, а именно: кредитные кооперативы, кооперативы по закупке средств производства и реализации продукции. Данное обстоятельство объясняется тем, что в сфере обмена крестьянское хозяйство находится в гораздо худших условиях, чем капиталистическое.

Кооперация в сфере обмена принципиально изменяет положение крестьянского хозяйства. Благодаря кооперации крестьянин получает возможность продавать свои продукты почти по такой же высокой и покупать нужные ему продукты почти по такой же низкой цене, пользоваться кредитом почти на таких же (а иногда и лучших) условиях, как и крупный хозяин.

В область непосредственного процесса производства сельскохозяйственной продукции кооперация почти не проникает. Переработка молока в масло, винограда в вино, зерна в муку не является, по мнению М. И. Туган-Барановского, в строгом смысле слова сельскохозяйственным производством. Таковыми являются лишь биологические процессы производства сельскохозяйственной продукции.

В связи с этим сельскохозяйственная кооперация, писал М. И. Туган-Барановский, не меняет характер, природу крестьянского хозяйства. Оно продолжает оставаться самостоятельной, обособленной производственной ячейкой.

Кооперирование крестьян лишь в области обмена хотя и ведет к усилению хозяйственной зависимости крестьянских хозяйств между собой, но само по себе оно не в состоянии обеспечить концентрацию, обобществление непосредственного процесса производства сельскохозяйственной продукции. Такая задача под силу только производственной кооперации. Но эта высшая форма кооперации в земледелии не получила сколько-нибудь заметного развития. Это, по мнению М. И. Туган-Барановского, объясняется прежде всего частнособственнической психологией крестьянства. Крестьянин не хочет лишаться своей

самостоятельности как собственник, хозяин на своей земле.

И марксистская теория считается с этой важной особенностью крестьянства как класса. Как известно, научный социализм не требует немедленного преобразования крестьянской собственности на средства производства и продукты труда.

Отношения между сельскохозяйственной кооперацией и социализмом в разных странах складывались по-разному. Там, где кооперация находилась под влиянием социалистических партий, там она поддерживала социализм. Напротив, в тех странах (Германии, Бельгии, отчасти Франции), где крестьянская кооперация находилась под влиянием реакционных политических партий, там она враждебно относилась к социализму.

В России кооперация сыграла огромную роль в прогрессивном развитии русской деревни. «Кооперативное сознание,— писал М. И. Туган-Барановский,— проникало все глубже и глубже в толщу русского крестьянского мира и глубочайшим образом преобразовывало весь его социально-психологический облик».

Для крестьян, по мнению М. И. Туган-Барановского, кооперация является незаменимым и единственно возможным средством поднятия их экономического благосостояния.

Словом, участие крестьянина в кооперативе диктуется интересами его самосохранения. Вне кооперации само экономическое существование крестьянина как самостоятельного хозяина нередко подвергается опасности со стороны крупного капиталистического хозяйства. Кредитная кооперация сыграла огромную роль в борьбе с ростовщичеством, от которого сильно страдала русская деревня.

Оценивая в целом уровень развития сельскохозяйственной кооперации в России, М. И. Туган-Барановский отмечал, что кооперация создает новый тип крестьянского хозяйства. Сохраняя свой индивидуальный характер, оно становится общественно регулируемым. Кооперация приучает крестьянина к самостоятельности и взаимопомощи, развивает его общественное чувство и приобщает его к умственной культуре.

Сельскохозяйственная кооперация значительно повышает производительность крестьянского хозяйства и увеличивает его способность конкурировать с крупным капиталистическим хозяйством.

Помимо того, что кооперация дает экономические преимущества, в специфических российских условиях она имела также важное политическое значение: в дореволюционное время кооперация была единственным общественным движением, объединявшим широкие народные массы. Никаких других форм массовой организации крестьянства в царской России не существовало.

Большой научный и практический интерес представляет оценка М. И. Туган-Барановским социальной среды коопера-

ции. Он убедительно показал, что сельскохозяйственная кооперация во всех странах возникает и существует в интересах, как правило, средних и крупных крестьян. Мелкие же крестьяне, приближающиеся по своему положению к пролетариату, слишком экономически слабы для того, чтобы участвовать в кооперативах.

Очень важным условием для успешного развития кооперации является, по мнению М. И. Туган-Барановского, наличие знающих и способных руководителей кооперативов. В нашей стране в силу общей экономической и культурной отсталости эта проблема стояла довольно остро. Отсутствие достаточного количества способных руководителей кооперативов явилось одной из причин того, что в России кооперативы развивались вширь, становились все крупнее и крупнее. А в чрезмерно крупном кооперативе, отмечал М. И. Туган-Барановский, гораздо труднее провести в жизнь демократические принципы организации их хозяйственной деятельности.

Необходимым условием успешного функционирования кооперации, отмечал М. И. Туган-Барановский, является объединение кооперативов в союзы. Без союзов сельскохозяйственная кооперация не может достигнуть своей цели — противостоять крупным капиталистическим хозяйствам, так как отдельные кооперативы, не связанные союзными узами с другими кооперативами, являются слишком слабой хозяйственной организацией.

В апреле 1917 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд представителей кооперативных объединений, создавший кооперативный центр — Совет всероссийских кооперативных съездов. Главная задача Совета состояла в том, чтобы сплотить русское кооперативное движение в одно национальное целое.

Сама жизнь, реальная действительность того времени дала необходимым существенный подъем роли и значения сельскохозяйственной кооперации. Уничтожение помещичьего и капиталистического хозяйств, которые давали основную массу сельскохозяйственной продукции, и прежде всего хлеба, требовало резкого подъема крестьянского хозяйства.

Возможность уменьшения эффективности сельскохозяйственного производства под влиянием революционных преобразований в аграрных отношениях М. И. Туган-Барановский рассматривал как одну из грозных опасностей революции. Отсутствие достаточного количества продовольствия, писал он, неизбежно приведет к подрыву союза рабочего класса и крестьянства и, следовательно, к гибели революции.

В этих условиях, считал М. И. Туган-Барановский, есть только один возможный путь увеличения продовольствия — существенное развитие сельскохозяйственной кооперации, что позволит сохранить и усилить преимущества крупного хозяйства. Это, отмечал М. И. Туган-Барановский, было бы самым жела-

тельным разрешением сельскохозяйственного кризиса, угрожающего России. И далее, «...земледельческая артель является... наиболее естественным переходом от хозяйства мелкого сельского производства к социалистическому хозяйству».

Наряду с земледельческими артелями, считал М. И. Туган-Барановский, должны получить развитие и другие формы сельскохозяйственной кооперации, и прежде всего следует позаботиться об усиленном развитии кредитной кооперации, которая служит основой всех других форм кооперации. Ибо только она способна дать необходимые денежные средства для развития разоренного сельского хозяйства. При этом необходимо соблюдать главные принципы организации кооперативов — добровольность, самостоятельность, самодеятельность. Никакой опеки сверху.

И хотя В. И. Ленин в своей знаменитой работе «О кооперации» не ссылаясь на М. И. Туган-Барановского, думается, у нас есть все основания считать, что известные ленинские принципы кооперирования созвучны теоретическим воззрениям М. И. Туган-Барановского по вопросу о природе и роли сельскохозяйственной кооперации.

В отделе, посвященном мелкобуржуазной кооперации, особенно важным нам представляется конкретное раскрытие основополагающей мысли автора о том, что «все особенности... экономической организации объясняются особенностями и экономическими интересами того общественного класса, в среде которого эта организация создавалась и получила развитие»¹. Соответственно мелкобуржуазные кооперативы как организации представителей класса, двойственного по своей природе, получают характеристику не полной, но с самого начала капиталистически перерожденной кооперации, легко превращающейся в чисто капиталистические товарищества и союзы. Среди признаков перерождения кооперативов автор называет не только наличие в их деятельности капиталистической цели (увеличение дивидендов на пайщицкий капитал), но и ведение операций с нечленами (применительно к кредитным и потребительским кооперативам), отсутствие демократических принципов в управлении.

Большой интерес представляет также анализ М. И. Туган-Барановским глубинных причин раскола, произошедшего в рядах германских кооператоров в 1902 г.² Этот раскол явился, по мнению автора, результатом неизбежных и непримиримых противоречий между основными целями деятельности пролетарской потребительской кооперации, с одной стороны, и мелкобуржуазной кооперации — с другой. С практической точки зрения значе-

¹ Наст. изд. С. 349.

² Наст. изд. С. 353 и далее.

ние этого вывода заключается, в частности, в обосновании принципиальной невозможности объединения всего кооперативного движения (в капиталистическом обществе) в единый поток. В теоретическом же отношении тем самым еще раз демонстрируется настоятельная необходимость классового подхода к оценке кооперации.

В главе о ремесленной кооперации обращает на себя внимание выявление автором существенных различий в экономическом положении ремесленников и крестьян, в свою очередь объясняющих относительно слабое развитие ремесленной кооперации по сравнению с крестьянской¹. Различия эти отчасти связываются автором с распространенным тогда преувеличенным представлением об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства в отличие от мелкого городского. Отчасти они, очевидно, являются вполне реальными и позволяют теоретически оправдать раздельный анализ М. И. Туган-Барановским крестьянской и ремесленной (мелкобуржуазной) кооперации. Глава завершается весьма любопытным разделом об особенностях кустарной кооперации.

Некоторые сомнения могут возникнуть у читателя относительно способа объяснения автором различных пределов развития пролетарской и мелкобуржуазной потребительской кооперации. Важное место в этом объяснении занимает следующее утверждение: «...пролетарским обществам присущ дух дерзания, стремления к новым путям, чего часто совершенно лишены чиновничьи общества»². На первый взгляд такое объяснение грешит идеализмом. Представляется, однако, что идеализм автора заключался не в самом по себе учете психологии участников кооперативного движения, а в отсутствии попытки дать ей материалистическое обоснование. В данном случае такая попытка налицо. Вообще, учет М. И. Туган-Барановским психологических факторов в большинстве случаев является достоинством, а не недостатком настоящей работы.

В заключительном отделе книги автор прежде всего недвусмысленно отмежевывается от господствовавших тогда представлений о кооперативах как надклассовых организациях, «оазисах социального мира», так же как от утопических надежд на мирное преодоление капитализма при помощи потребительской кооперации. Пролетарскую кооперацию он характеризует как всего лишь одну из трех ветвей освободительного движения рабочего класса (наряду с политическими партиями и рабочими союзами), подчеркивая, что «не следует думать, будто потребительская кооперация сама по себе может привести к крушению капиталистической системы хозяйства»³.

В то же время М. И. Туган-Барановский задается вопросом

¹ Наст. изд. С. 391 и далее.

² Наст. изд. С. 407.

³ Наст. изд. С. 419.

о «тенденциях развития» различных классовых типов кооперации, заключая, что пролетарская кооперация «тяготеет» в своем развитии к коллективистическому типу социализма, крестьянская — к «новому типу» крестьянского хозяйства, а мелкобуржуазная вообще более всего тяготеет к чисто капиталистическим организациям. Положение о «социалистической тенденции» пролетарской кооперации не следует, однако, трактовать в духе теорий кооперативного социализма. На самом деле автор имеет в виду не неизбежный результат собственного развития этого типа кооперации, а всего лишь «общее направление» ее движения «при благоприятных условиях». Абстрагируясь от всех противодействующих факторов, автор выявляет как бы «логику» исторических процессов самих по себе. Такой своеобразный метод исследования не только имеет право на существование, но и весьма полезен, особенно при прогнозировании различных вариантов исторического развития.

Обосновав несовпадение тенденций развития кооперативов трех социальных типов, М. И. Туган-Барановский вновь ставит вопрос об их взаимных отношениях, на этот раз о противоречивости и солидарности интересов пролетарских и крестьянских кооперативов. Принципиально верный вывод о желательности и возможности дружественных отношений между этими двумя потоками кооперативного движения выглядит, на наш взгляд, недостаточно обоснованным¹. В данном случае автору явно недостает видения перспективы того и другого движения, в частности перспективы капиталистической дифференциации крестьянства, чему препятствовала и его уверенность в относительной устойчивости мелких крестьянских хозяйств.

Глава I этого отдела завершается аргументацией автора против прямых связей между кооперативами и политическими партиями, призывом к политической нейтральности кооперативного движения. Такую «аполитичную» позицию М. И. Туган-Барановского считают иногда чуть ли не главным свидетельством «мелкобуржуазности» всей его концепции кооперации. В тех же исторических условиях В. И. Ленин выдвигал задачу привлечения кооперативов к совместным действиям с РСДРП, а идею их «политической нейтральности» расценивал как «буржуазную»².

Сложность вопроса о наилучшей политической позиции кооперативов заключается в том, что интересы революционной борьбы за социализм зачастую сталкиваются здесь с интересами развития кооперативного движения в рамках капитализма. Именно эти последние и учитывал М. И. Туган-Барановский, опасаясь прежде всего раскола движения по политическому (в дополнение к классовому) признаку. Подчеркнем, что он выступал против политической активности кооперативов, а ни-

¹ Наст. изд. С. 426—427.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 173.

как не их членов. И уж, во всяком случае, нельзя согласиться с мнением, согласно которому оговорки относительно политической позиции кооперации якобы «сводили на нет» признание М. И. Туган-Барановским ее классовой природы¹.

Наконец, особое внимание мы бы советовали читателю уделить самой последней главе настоящей монографии «О кооперативном идеале». Исследуя вопрос о «конечной цели» кооперации, М. И. Туган-Барановский излагает в ней свое собственное представление о социальном идеале — обществе вполне свободных людей, важное место в котором отводится качественно новым, социалистическим кооперативам.

Читая эту главу, нельзя не заметить реалистичности многих предсказаний автора. Удивительно часто он как бы непосредственно включается в сегодняшние дискуссии советских экономистов, порожденные переосмыслением значения кооперации в социалистическом строительстве. И голос его в большинстве случаев звучит солидно и убедительно, как, например, в вопросе об экономической оправданности большего заработка членов трудовых кооперативов по сравнению с рабочими государственных предприятий².

Пожалуй, наибольший интерес представляет выяснение М. И. Туган-Барановским специфических черт кооперации, отвечающей критериям социалистичности. В ней полностью отсутствует наемный труд. Все работающие в кооперативе являются одновременно и его полноправными членами³.

В ней отсутствует паевой капитал и соответственно доход на капитал. Все средства производства принадлежат социалистическому государству, но часть их отдается во временное пользование трудовым кооперативам на взаимно выгодных условиях. По сути дела, речь здесь идет не о чем ином, как об арендном подряде, о том, что сегодня принято называть «использованием кооперативных принципов в государственном секторе»⁴.

¹ Кузьмина А. А. Мелкобуржуазный кооперативный социализм. М.: МГУ, 1974. С. 134.

² Наст. изд. С. 444.

³ Против разрешения кооперативам пользоваться трудом работников, привлеченных по договору, высказывались многие участники обсуждения Закона о кооперации в СССР. В частности, профессор А. Певзнер заявил, что наемный труд в кооперативах по существу приводит к возникновению эксплуатации (Певзнер А. Четко видеть цель // Социалистическая индустрия. 1988. 7 апреля).

⁴ Интересно, что Ф. Энгельс еще в 1886 г. в письме А. Бебелю писал: «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дела должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладавать над интересами всего общества в целом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 361).

Идея соединения преимуществ кооперативной организации труда с преимуществами централизованного, планомерного управления подробно развивалась автором в работе «Социализм как положительное учение» и может, на наш взгляд, считаться крупной, к сожалению, не оцененной вовремя, заслугой ученого.

Попытка М. И. Туган-Барановского предсказать специфические черты кооперации при социализме выглядит особенно ценной на фоне существующего состояния теоретической разработки этой проблемы. В учебниках политэкономии вопрос о кардинальном преобразовании социально-экономической природы кооперации при переходе к социализму решается весьма «просто»: «Социалистический характер колхозно-кооперативной собственности обуславливается тем, что господствующее положение в экономике занимает общенародная собственность на средства производства, народное хозяйство развивается в интересах всего общества, а государственная власть находится в руках рабочего класса и всех трудящихся»¹. Достаточно ли перечисленных, внешних по отношению к кооперации условий для превращения ее в одну из форм социалистической собственности? К каким именно изменениям во внутренней структуре кооперации приводит влияние на нее социалистического окружения? Насколько автоматическим, стихийным или зависящим от наших сознательных действий является это влияние? Насколько опасно капиталистическое перерождение новых форм кооперативов в условиях экономической реформы?

Кстати, по этому последнему вопросу теория кооперации М. И. Туган-Барановского также может оказаться сегодня весьма полезной. Из нее следует, в частности, что опасность превращения в капиталистические акционерные предприятия грозит не всем вообще типам кооперативов, а только мелкобуржуазным, отличительным признаком которых является прежде всего распределение существенной доли дохода по паям или акциям. Здесь обнаруживается близость позиций М. И. Туган-Барановского и К. Маркса, рекомендовавшего: «Во избежание вырождения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества (*sociétés par actions*), рабочие каждого предприятия, независимо от того, являются они пайщиками или нет, должны получать равные доли в доходе. Мы согласны допустить в виде чисто временной меры, чтобы пайщики получали небольшой процент»².

¹ Политическая экономия. Т. 2. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980. С. 75–76.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 199–200.

Право, стоит задуматься, не допускаем ли мы ошибку, санкционируя полную свободу вновь создаваемым кооперативам устанавливать любые принципы распределения своего дохода? Не приведет ли это к возникновению у нас мелкобуржуазного типа кооперации с его естественными капиталистическими тенденциями?

Весьма дальновидными выглядят сегодня и многие рекомендации М. И. Туган-Барановского относительно сельской кооперации как единственно возможного способа перехода крестьян к ведению крупного хозяйства. Здесь и обоснование необходимости вполне добровольного характера кооперации, недопустимости навязывания ее сельскому населению, и предупреждение о рациональности различных «степеней кооперирования» различных сельскохозяйственных процессов вплоть до сохранения индивидуального производства, например, в огородничестве для собственного потребления¹. Очевидно, знание опыта капиталистической кооперации создавало прочную основу для теоретической профилактики «перегибов», которых впоследствии не удалось избежать в практике коллективизации.

Поскольку материал главы «О кооперативном идеале» в основном представляет собой существенно сокращенный вариант текста, взятого из книги «Социализм как положительное учение», заинтересованному читателю мы рекомендуем обратиться непосредственно к последней. Здесь же приведем только еще одно мнение М. И. Туган-Барановского, весьма интересное с точки зрения дискуссии о перспективах социалистической кооперации.

«Маловероятно,— писал М. И. Туган-Барановский,— чтобы производительные ассоциации могли стать в социалистическом государстве господствующим типом промышленного производства». Скорее это возможно лишь «в немногих отраслях промышленности, где ручной труд всегда останется господствующим и где требуется особая индивидуализация производства». Повсюду же, где существует необходимость в высокой концентрации производства, а «преобладающая роль машины отодвигает на задний план личные свойства рабочего», кооперативная, относительно свободная форма организации труда не может выявить своих преимуществ, так как «индивидуальность так же затирается толпой» (или машиной), «как и при управлении той же фабрикой сверху»².

Заметим, что это мнение М. И. Туган-Барановского кажется противоречащим одному из заключительных положений предлагаемой книги, согласно которому дальнейшее развитие мировой истории будет заключаться в постепенном вытеснении «более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации»³. К сожалению, это последнее положение выдвигается автором без специальной аргументации, в то время как приведенные выше его же сомнения отнюдь не безосновательны.

¹ Наст. изд. С. 447—448.

² Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. С. 89.

³ Наст. изд. С. 449.

Добавим к этому, что поставленная М. И. Туган-Барановским проблема соотношения свободы труда человека, с одной стороны, и концентрации производства и технического прогресса — с другой, является сегодня едва ли не центральной теоретической проблемой для целого направления западной экономической мысли — левого радикализма. Представляется, что марксистский анализ этих вопросов становится все более и более актуальным в связи с необходимостью уточнения направлений дальнейшего прогресса реального социализма.

* * *

К моменту настоящего издания наиболее полное освещение научной деятельности М. И. Туган-Барановского в советской литературе дано в многотомном издании «История русской экономической мысли». Однако и этот труд не избежал, на наш взгляд, некоторой упрощенности очевидной недооценки теоретического наследия Туган-Барановского, его вклада в развитие экономической мысли. Более других «не повезло» при этом взглядам М. И. Туган-Барановского на кооперацию и социализм, судя уже по тому, что вместо предлагаемой читателю крупнейшей работы автора по этому вопросу там цитируется статья «Кооперация» в энциклопедии «Гранат». На основании одной вырванной из контекста цитаты автор относится к приверженцам теории кооперативного социализма¹, а в соответствующей статье в Экономической энциклопедии добавляется еще, что он являлся сторонником так называемой нимской школы². Наконец, в исследовании советского философа А. А. Кузьминой утверждается даже, что русский кооперативный социализм в лице М. И. Туган-Барановского (и других) развился «в тесной связи с идеологией либерального народничества»³.

Читатель настоящей монографии имеет возможность самостоятельно судить о степени обоснованности этих утверждений. Однако представляется полезным подчеркнуть некоторые наиболее важные, на наш взгляд, черты концепции М. И. Туган-Барановского и ее отличия от известных теорий кооперативного социализма.

Сначала — о взглядах М. И. Туган-Барановского и народничестве. Говорить о каком-либо сходстве между ними можно не иначе как в методологическом плане — с учетом некоторых

¹ История русской экономической мысли. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1966. С. 348.

² Экономическая энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 244. Возникновение нимской школы во Франции в 1885 г. ознаменовало расцвет идеологии мелкобуржуазного кооперативного социализма. Основные его представители — Ш. Жид, Э. де Буав, А. Доде Бансель.

³ Кузьмина А. А. Указ. соч. С. 79—80.

идеалистических увлечений М. И. Туган-Барановского. Однако и здесь речь должна идти не о «тесной связи», а, скорее, именно о чертах сходства, вызванных различными объективными и субъективными причинами. Что же касается собственно взглядов на кооперацию, то здесь «связь» можно трактовать разве что в смысле взаимодействия в процессе противоборства. Известно, что «легальный марксизм» и М. И. Туган-Барановский как один из его лидеров сыграли весомую роль в идейном разгроме либерального народничества, прежде всего в опровержении его основного тезиса — о невозможности развития капитализма в России. Специфика кооперативного социализма либеральных народников заключалась как раз в надежде на кооперацию как средство предотвращения капиталистической эволюции деревни. Понятно, что М. И. Туган-Барановский, считавший капитализм в России уже существующим, а кооперацию — порождением капиталистического строя, ни в коей мере не мог разделять их надежд. Известны и прямые высказывания М. И. Туган-Барановского против идеализации народниками артелей как «зерен лучшего будущего», его указания на утопизм этой части народнических проповедей¹.

Представление о М. И. Туган-Барановском как последователе немской школы возникло, вероятно, на основании характеристики им потребительской кооперации как высшей формы кооперативных организаций. Именно теоретикам немской школы мелкобуржуазная идеология обязана концепцией потребительского социализма, возникающего вследствие постепенного расширения сферы деятельности кооперативов потребителей. Однако как раз по вопросу о преобразующей роли потребительской кооперации, центральному для Ш. Жида и его соратников, М. И. Туган-Барановский занимал принципиально иные позиции.

Во-первых, характерная для приверженцев немской школы высокая оценка потенциала потребительской кооперации основывалась на их теории прибыли, возникающей из обращения, из эксплуатации потребителя производителем. М. И. Туган-Барановский специально выступал против такого объяснения источника капиталистической прибыли, по существу воспроизводя при этом часть аргументации классиков марксизма, использовавшейся ими в полемике с Т. Мальтусом, П.-Ж. Прудоном, Е. Дюрингом².

Во-вторых, характерной для приверженцев немской школы является уверенность в возможности безграничного развития потребительской кооперации. По словам лидера школы Жида, ей

¹ Например, см.: Начало. 1899. № 2. С. 23.

² Сравните, например: Вестник кооперации. 1918. № 3—4. С. 148; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 194—195.

предстоит «первым победоносным этапом завоевать торговую промышленность, вторым — фабрично-заводскую, наконец третьим — земледельческую»¹. Наоборот, по глубокому убеждению М. И. Туган-Барановского, «кооперативные деревья не растут до неба» и потребительские общества никогда не дойдут в своем развитии до захвата всего общественного производства...»². В частности, потребительская кооперация, по его мнению, никогда не сможет захватить область сельскохозяйственного производства, в которой другие формы крестьянской кооперации оказываются гораздо более эффективными.

Еще более важное значение имеют такие методологические подходы к анализу кооперации, которые коренным образом отличают М. И. Туган-Барановского не только от народников или представителей немской школы, но и вообще от всех теоретиков кооперативного социализма.

Основным пороком теорий кооперативного социализма В. И. Ленин считал, как известно, романтические и даже пошлые мечтания о том, «как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир...»³. Идею примирения всех классов в рамках кооперативов мелкобуржуазный кооперативный социализм унаследовал от домарковского утопического социализма, однако в таких исторических условиях, когда она потеряла уже всякое историческое оправдание. С проповедью установления межклассового сотрудничества посредством кооперации выступали многие мелкобуржуазные теоретики XIX в. (лидеры христианского социализма, Луи Блан, Ф. Лассаль и др.). Фабианцы, а затем и теоретики немской школы приспособили эти идеи применительно к потребительской кооперации, рассчитывая на «общие интересы» всех потребителей независимо от их классовой принадлежности. Однако, по словам Жид, любая кооперация «есть своего рода средство уничтожить поединки»: потребительская кооперация — между продавцом и покупателем, кредитная — между займодавцем и должником, производительная — между хозяином и наемником⁴. Жид надеялся даже, что благодаря этой «школе мира, солидарности и гармонии» когда-нибудь минует и «нелюбовь рабочего к буржуазии»⁵, хотя сами классы рабочих и капиталистов должны, по его мнению, сохраниться и при полном «кооперативном режиме».

Представления М. И. Туган-Барановского о кооперативах

¹ Жид Ш. О кооперации. М., 1917. С. 63.

² Туган-Барановский М. И. Русская революция и социализм. С. 26.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 375.

⁴ Жид Ш. Указ. соч. С. 42.

⁵ Там же. С. 69, 28.

как организациях «трудящихся общественных классов в их борьбе с капиталистами»¹ довольно резко контрастировали с распространенными в кооперативном движении примиренческими настроениями. Причем Туган-Барановский не только указывал на фальшивость рассуждений о кооперации как «социальном мире», стоящем «выше классовых антагонизмов», но и доказывал это на широком историческом материале. Сравните с вышеприведенными высказываниями Жида мнение автора настоящей монографии, согласно которому «каждый вид кооперативов имеет своей специальной задачей борьбу с определенным родом капитала. Так, например, потребительские общества ведут борьбу прежде всего с розничными торговцами, торгующими предметами широкого массового потребления; на следующей ступени своего развития... вступают в борьбу и с оптовыми торговцами, а еще на следующей ступени — и с промышленным капиталом. Товарищества по сбыту борются с капиталистами-скупщиками, закупочные товарищества — с капиталистами-продавцами. Производительные ассоциации стремятся уничтожить капиталиста-фабриканта...»².

Немаловажно, что в отличие от буржуазных и мелкобуржуазных реформистов М. И. Туган-Барановский не рассматривал кооперативное движение как единственное или хотя бы главное орудие преобразования капиталистического строя. Ограниченность потенциала кооперации он справедливо усматривал в том, что кооперативы борются с капитализмом «его же оружием»³. Поэтому он не отрицал ни первостепенной роли политической борьбы за социализм вплоть до социалистической революции, ни важного значения профессионального движения рабочих.

Важное отличие М. И. Туган-Барановского от всех теоретиков кооперативного социализма проявляется также в его оценке характера кооперативной собственности при капитализме, в трактовке вопроса о соотношении кооперации и социализма.

Всем «кооперативистам» свойственно либо отождествлять кооперацию с социализмом, либо противопоставлять их, рассматривая кооперацию как альтернативу не только капитализму, но и социализму. В любом случае уже те кооперативы, которые функционируют в рамках капиталистического хозяйства, рассматриваются ими в качестве готовых «костровков» будущего общества, в своих границах ликвидирующих противоположность труда и капитала. Отсюда — и убеждение в возможности эволюционного преодоления капитализма простым распространением кооперации вширь.

¹ Наст. изд. С. 94.

² Наст. изд. С. 88.

³ Туган-Барановский М. И. Русская революция и социализм. С. 23

Для сравнения приведем несколько высказываний М. И. Туган-Барановского: «кооперация сама по себе не только не есть социализм, но, наоборот, предполагает как свою естественную основу капитализм», кооперация «есть своеобразная хозяйственная организация, стоящая на почве частной собственности и преследующая частных хозяйственных выгоды своих членов»¹, «есть своеобразный орган организма капиталистического хозяйства»². Обнаруживается это, по мнению автора, как в наличии паевого капитала, принадлежащего членам кооператива на правах частной собственности, так и в широком применении наемного труда всеми видами кооперативов, кроме производительных артелей. В то же время М. И. Туган-Барановский специально доказывал, что кооперация при капитализме является некапиталистической хозяйственной организацией, в частности, доход кооперативов нельзя отождествлять с капиталистической прибылью.

Можно подумать, что здесь-то ученый и скатывается к кооперативному социализму, сторонники которого также активно доказывали некапиталистический характер дохода кооперативов. Однако существенное расхождение взглядов обнаруживается и в этом, теоретически, пожалуй, наиболее сложном вопросе.

М. И. Туган-Барановский не отрицает эксплуатации кооперативами наемных рабочих, а также признает вполне капиталистическими доходы, выплачиваемые пайщикам и акционерам кооперативов. Некапиталистической он считает только ту часть дохода, которая распределяется между членами кооператива в соответствии со степенью их вовлеченности в его деятельность (по труду — в производительных артелях, по забору товаров — в потребительских обществах и т. д.) и составляет собственно экономический смысл его существования. Поскольку этот смысл не сводится к самовозрастанию стоимости, постольку кооперативы отличаются от собственно капиталистических предприятий. То есть за критерий социальной характеристики кооперативов он принимает их цель — как бы «основной экономический закон» их деятельности по аналогии с характеристикой способов производства.

Методологическая правомерность такого подхода требует серьезного анализа, однако полученный автором вывод, несмотря на его внешнюю противоречивость, представляется весьма близким к позиции К. Маркса по этому вопросу. По М. И. Туган-Барановскому, кооперация при капитализме является капиталистической по форме, но некапиталистической по содержанию. Напомним читателю известный отрывок из III тома «Капитала»: «Кооперативные фабрики самих рабочих являются,

¹ Туган-Барановский М. И. Русская революция и социализм. С. 21.

² Там же. С. 23.

в пределах старой формы, первой брешью в этой форме, хотя они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы... кооперативные фабрики... следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному...»¹

Показательна эволюция взглядов М. И. Туган-Барановского по вопросу о принципиальной совместимости кооперации и социализма.

С точки зрения кооперативистов, бесспорно, что именно кооперативы должны составить основу будущего хозяйственного строя. Наоборот, М. И. Туган-Барановский еще весной 1917 г. считал, что «конец капитализма знаменует собой и конец кооперации», добавляя, правда: «во всяком случае, в тех формах, в каких кооперация существует в настоящее время»². Основанием для такого заключения служило его представление о социализме как обществе, полностью устраняющем товарообмен и ориентированном исключительно на общие, а не частные интересы. Однако уже осенью того года существенно меняется его мнение об основных чертах социалистического строя, а вместе с тем и о роли кооперации при социализме. М. И. Туган-Барановский утверждает, что «задачей социалистического строя является... не подчинение личности обществу, и не подчинение общества личности, а наибольшее примирение этих начал»³. К тому же полного прекращения обмена в социалистическом обществе он уже не ожидает⁴. Что же касается кооперации, то ей при социализме отводится теперь весьма важная, но все-таки подчиненная роль.

В отличие от теоретиков «кооперативного социализма» М. И. Туган-Барановский видит преимущества растущего обобществления производства, признает необходимость централизованного руководства всей национальной экономикой, считает, что именно «государство должно стать важнейшей хозяйственной организацией социалистического общества»⁵. «При планомерной организации хозяйства всего огромного целого — государства — производительность общественного труда может быть поднята до такого уровня, который совершенно недостижим при организации хозяйства лишь внутри небольшой общины или производительной ассоциации», — писал он⁶.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 483—484.

² Туган-Барановский М. И. Русская революция и социализм. С. 22—23.

³ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. С. 95

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 67.

Однако наряду с достоинствами М. И. Туган-Барановский видит и имманентные опасности огосударствления — бюрократизм (как «оторванность общественного механизма от тесного соприкосновения с жизнью, игнорирование всех индивидуальных отличий ее») и подавление свободы отдельных лиц. Между тем «умножение богатства, покупаемое ценой принижения личности работающего человека, социализм не только не может считать общественным благом, но признает несомненным злом»¹. Отсюда весьма дальновидный вывод: «В систему централистического социализма должны быть вдвинуты элементы федералистического социализма, сохраняющие подчиненное положение и не нарушающие общего плана общественного хозяйства (в чем заключается сила централистического социализма), но в то же время ослабляющие элемент принуждения, и освобождающие общественную инициативу и самостоятельность»². Такими элементами автор считает местное самоуправление и кооперацию. Правда, это уже не та кооперация, которая развивалась в капиталистическом окружении, а качественно новая, социалистическая.

Итак, концепция кооперации М. И. Туган-Барановского, на наш взгляд, противостоит известным теориям кооперативного социализма по наиболее важным методологическим и теоретическим аспектам.

Гораздо меньше разногласий по вопросам кооперации существует между классиками марксизма-ленинизма и М. И. Туган-Барановским. К сказанному выше добавим, что К. Маркс видел в кооперативном движении одну «из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме»³, в то же время активно выступая против попыток подменить им революционную политическую борьбу. К. Маркс рекомендовал рабочим «браться предпочтительнее за кооперативное производство, нежели за кооперативную торговлю», так как последняя «затрагивает только поверхность современного экономического строя, первая подрывает его основы»⁴. Таким образом, представление о кооперации как одной из форм классовой (экономической) борьбы может считаться вполне марксистским⁵.

Что касается предпочтения, отдаваемого К. Марксом производственным кооперативам, то оно отчасти может объясняться

¹ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. С. 82.

² Там же. С. 83.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 199.

⁴ Там же.

⁵ Заметим, что такое представление вступает в противоречие с распространенными характеристиками капиталистических кооперативов как всего лишь «одной из разновидностей частной собственности» или даже просто «коллективных капиталистических предприятий».

не только методологической предпосылкой примата производства над обращением, но отчасти и спецификой потребительских обществ Германии того времени — преобладанием среди них кооперативов мелкобуржуазного, а не пролетарского типа. В. И. Ленин наиболее перспективной с точки зрения трудящихся формой кооперации в условиях капитализма считал кооперацию потребительскую. По его словам, «производственные кооперативы имеют значение для борьбы рабочего класса лишь в том случае, если они являются составными частями кооперативов потребительских»¹.

Оценивая теоретическое наследие М. И. Туган-Барановского, мы с полным основанием можем сказать: лучшие страницы его творчества и лучшие его работы, занимающие достойное место в истории отечественной и мировой культуры, создавались в русле марксизма. Все они заслуживают того, чтобы с ними познакомился современный читатель.

Нельзя оставить без внимания и такой факт: как бы критично не был настроен М. И. Туган-Барановский по отношению к марксизму, практически в каждой своей работе он не может не отдать должного огромному вкладу К. Маркса и Ф. Энгельса в развитие экономической теории.

М. И. Туган-Барановский был одним из немногих, кто чрезвычайно высоко оценивал политико-экономические разработки Ф. Энгельса. Он называл книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» «замечательной». Высоко оценивал работу «Анти-Дюринг».

Представляют интерес те страницы книги «Социальные основы кооперации», где излагается теория товарного фетишизма К. Маркса². Михаил Иванович в своих работах обращался к этой теории неоднократно. И его изложение идей К. Маркса по этому вопросу является, на наш взгляд, блестящим образцом популяризации сложной научной концепции.

Вообще, «Капитал» К. Маркса для М. И. Туган-Барановского — непреходящая ценность. Даже в те годы, когда он критиковал марксизм, «Капитал» он называл «гениальным трудом».

М. И. Туган-Барановский не полностью принял марксистскую философию, прежде всего диалектический материализм. Когда ученый шел от факта, от цифры, он достигал больших успехов в экономическом анализе, чему помогало и блестящее владение статистическими методами исследования. Успех приходил тогда, когда ученый-экономист руководствовался принципом первенства экономической жизни по отношению к идеям. Когда же ученый «грешил» идеализмом, когда исходными в ана-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 311.

² Там же. Т. 11. С. 369—370.

³ Наст. изд. С.

лизе оказывались умозрительные, априорные концепции и оценки, не менее абстрактными, нереальными оказывались и выводы.

В целом противоречивый путь в науке и общественной жизни Михаила Ивановича Туган-Барановского был во многом типичен для русской интеллигенции того периода. Книга «Социальные основы кооперации» могла стать началом нового этапа творчества ученого. Не случайно некоторые рецензенты первого ее издания (1916 г.) усмотрели в этой книге «возвращение автора к марксизму», хотя автор не считал необходимым признать факт этого возвращения.

Несомненно, что в книге немало спорных положений (оценка кооперации в условиях капитализма как некапиталистического предприятия, идея «политической нейтральности» кооперативов). Но это не снижает ценности книги. Дискуссионность данной концепции кооперации заставляет и нас задуматься как над этой проблемой, так и над привычным, стереотипным прочтением трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Существует настоятельная необходимость уточнить наши современные представления о природе кооперации, не забывая о теоретическом наследии классиков, но и не ограничивая себя их достижениями. Кроме того, вполне очевидно, что исследование М. И. Туган-Барановского не было завершено. По тому, как бурно (особенно после революции) развивались его взгляды, как смелы были оценки и прогнозы, можно было ожидать новых научных открытий.

Михаил Иванович умер в расцвете сил и таланта. Умер тогда, когда жизнь ломала многие старые устои, представления, во время, пожалуй, самое трудное для победившей революции. Ученый-гуманист смог подняться над всеми трагичными событиями, обратился к человеку с призывом и планом, как организовать самым конкретным образом будущее общество, главными чертами хозяйственного строя которого, по его глубокому убеждению, должны стать всемерное развитие производительных сил и творческих способностей человека, абсолютная, полная возможность для каждого реализовать все свои способности.

**МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ НАРОДНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. Л. ШАНЯВСКАГО.**

**СОЦИАЛЬНЫЯ
ОСНОВЫ
КООПЕРАЦИИ.**

Проф. М. И. Гуганъ-Барановскій.

ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

**МОСКВА.
1919**

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Кооперативное движение до сих пор еще недостаточно изучено наукой. Литература по кооперации очень велика, но в огромном большинстве случаев она имеет характер не столько научного анализа этой новой формы хозяйства, завоевывающей себе столь видное место в хозяйственном строе современности, сколько более или менее убедительной пропаганды кооперации. Поэтому, несмотря на чрезвычайно обилие книг, брошюр и статей, посвященных вопросам кооперации, в научных трудах, исследующих те же вопросы, избытка не замечается.

Правда, можно указать и на русском, и на других языках ряд работ, являющихся научными исследованиями тех или иных сторон кооперативного движения. Но всякий, знакомый с литературой вопроса, согласится, что число таких работ весьма ограничено. В частности, ни на русском, ни на других языках не имеется книги, которая ставила бы себе задачей дать общую теорию кооперативного движения во всех его многосложных проявлениях и могла бы служить общим курсом для ознакомления с кооперацией.

Между тем потребность в такой обобщающей работе чувствуется очень сильно, и в особенности в России. Последнее потому, что русское кооперативное движение развивается в существенно иных условиях, чем аналогичное движение на Западе. А именно на Западе кооперация является движением народных масс, в котором участие интеллигенции сравнительно невелико. У нас же кооперация хотя и охватила миллионы населения, все же находится под сильным влиянием интеллигенции, действующей в данном случае под влиянием соображений идейного характера, желая служить интересам трудящихся классов.

При таком характере нашего кооперативного движения мы более нуждаемся в разработке кооперативной теории, выясняющей смысл и задачи движения, чем кооператоры Запада, более стоящие на почве ближайших практических нужд. Это подтверждается и характером нашей кооперативной прессы. Так, например, ни в одной стране нет кооперативного органа, подобного по своим заданиям «Вестнику кооперации», специально разрабатывающему вопросы кооперативной теории, в то время

как западно-европейская кооперативная печать носит преимущественно практический характер.

В книге, предлагаемой вниманию читателя, автор ставит себе задачей посылить восполнить указанный пробел. По мысли автора, книга эта должна быть одновременно и учебным курсом для ознакомления с социальными основами кооперации, и попыткой общей теории кооперативного движения.

Такое соединение в одной книге двух по существу различных задач — научное исследование определенного вопроса и учебного руководства — может вызывать возражения. Однако в пользу этого соединения в данном случае можно сказать очень многое и прежде всего то, что если данный круг вопросов еще мало изучен наукой, то и учебное руководство, чтобы достигать своих целей, должно по необходимости принять характер самостоятельного научного исследования тех же вопросов.

Неудобство названного соединения все же остается, в особенности если автор приходит к выводам, расходящимся с общественными взглядами. В таком положении нахожусь и я: изучение кооперации привело меня к заключению, что столь распространенное среди кооператоров мнение о внеклассовом характере кооперативного движения не соответствует фактам. Пока я не присмотрелся к фактам более пристально, я держался господствующего взгляда; но исследование данного вопроса заставило меня самым решительным образом признать справедливость противоположного тезиса. И потому я должен быть готов встретить недоброжелательную критику со стороны большинства. Критика эта может помешать педагогическим целям моей книги, но отказаться от своих выводов, как бы резко они ни противоречили господствующим мнениям, я не мог и не хотел.

Чтобы сделать свою книгу возможно более общедоступной, я старательно избегал внешнего вида ученой работы — подстрочных примечаний, многочисленных цитат и пр. Книга потребовала от меня довольно продолжительного труда, но мне хотелось бы, чтобы читалась она легко и была доступна пониманию даже малообразованного читателя.

В кооперации не должно быть ученых жрецов, голоса которых не доходят до толпы. Кооперативное движение глубоко демократично, и соответственно этому всякая книга, посвященная вопросам кооперации, должна быть такова, чтобы ее при желании мог прочесть и понять всякий человек из народа.

1 дек. 1915 г. Петроград.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание этой книги встретило столь сочувственный прием в нашей кооперативной прессе, что я должен признать опровергнутым свое мнение, выраженное в предисловии к первому изданию, относительно резкого противоречия моих взглядов взглядам большинства русских кооператоров. Тем лучше. Кооперативное движение получило в настоящее время такое развитие, что ему не нужно бояться истины: для своего успеха оно не нуждается в наивных иллюзиях своего детского возраста, когда кооператоры видели в кооперации средство уничтожения классовых антагонизмов и примирения враждующих ныне социальных классов в общей гармонии интересов. К моему удивлению, эта точка зрения, которая еще недавно была, безусловно, господствующей в кооперативной литературе, теперь среди русских кооператоров уже почти не встречает защитников. Это является лучшим доказательством зрелости нашей кооперативной мысли.

Некоторые рецензенты моей книги усмотрели в ней мое возвращение к марксизму. На это я отвечу, что мое отношение к Марксу остается прежним: отношением отнюдь не противника, но и не ученика, а самостоятельного исследователя. В своем научном мировоззрении я много взял у Маркса, но многое и отвергнул, не считая себя обязанным идти чужими путями, но отыскивая свой собственный.*

1 дек. 1917 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В третьем издании я сделал некоторые существенные дополнения, из которых наиболее важны две новые главы — «Русская земельная реформа и кооперация» (отдел 3, гл. VIII)* и «О кооперативном идеале» (отдел 5, гл. II). Вместе с тем я произвел в других отделах сокращения, так что общий объем книги увеличился очень немного.

1 мая 1918 г.

Автор

Глава I. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

1. КООПЕРАЦИЯ И СОЦИАЛИЗМ

В истории человечества можно различить процессы двоякого рода. Одни имеют бессознательный, стихийный характер и являются непреднамеренным результатом взаимодействия множества отдельных человеческих волей. Каждый человек преследует в узкой сфере своей частной деятельности свои особые цели, защищает свои особые интересы, но и из столкновения этого множества особых целей и интересов получается нечто качественно новое, нечто такое, что не укладывается ни в какую из этих отдельных целей, ни в какой из этих отдельных интересов.

Процессы этого рода играли первенствующую роль в прошлой истории людей, особенно в истории хозяйства. Как произошла, например, великая промышленная революция, ознаменовавшая переход человечества к новой системе общественного хозяйства, капитализму? Капиталистический общественный строй возник не потому, чтобы общество убедилось в несостоятельности прежних хозяйственных форм и признало необходимость перехода к капитализму. Капитализм возник «сам собою»: множество отдельных лиц, не сговариваясь друг с другом и не думая об общественных, исторических результатах своих действий, упорно стремились построить свое частное хозяйство таким образом, чтобы оно приносило им наибольшую выгоду, и так как старые формы хозяйства оказывались стеснительными и препятствующими этим целям, то эти старые формы в конце концов рухнули, и весь строй общественного хозяйства испытал глубочайшее преобразование. Не государственная власть как определенная общественная организация и не какая-либо общественная группа как нечто объединенное общей волей создали новую систему хозяйства, но множество независимо действовавших отдельных хозяев, каждый из которых преследовал свои частные, а не общие цели.

Однако наряду с такими стихийными процессами в истории действуют и процессы принципиально иной природы, управляемые сознательной волей и мыслью человека. В развитии хозяйства процессы этого рода лишь редко приобретают первенствующее значение. Почти единственным примером новых форм хозяйственных организаций, возникших как результат сознательных усилий широких общественных групп преобразовать в определенном направлении существующую систему хозяйства, являются кооперативные предприятия.

Чтобы понять своеобразную социально-экономическую природу кооперации, нужно не упускать из виду этой ее особенности, самым резким образом отличающей кооперативные предприятия от капиталистических. Капитализм был создан стихийным развитием хозяйства, причем государственная власть, правда, содействовала этому развитию, но не создавала его в результате определенного замысла.

Напротив, кооперация возникла исторически совершенно иначе. Кооперация была раньше придумана отдельными людьми как средство преобразования существующего социально-экономического строя и лишь в непосредственной связи с этим творческим замыслом стала могучей социальной силой. В противоположность «естественному» процессу развития капитализма кооперация была создана «искусственно». Она имела своих духовных отцов и явилась в результате влияния на капиталистическое общество социалистического идеала.*

Таков исторический факт, благодаря которому понимание кооперации невозможно без знакомства с социалистическим идеалом. Социализм явился как реакция против капитализма.* Капиталистический строй, естественно, предполагает юридическое (а в дальнейшем своем развитии и политическое) равноправие всех членов общества. В этом существенное различие и вместе революционное значение капитализма сравнительно с более ранними системами хозяйства — рабским и крепостным. При системе рабства работник является предметом собственности владельца средств производства, он — существо в полном смысле слова бесправное. При господстве крепостничества за помещиком сохраняется право пользования трудом крепостного; политических прав крепостной совсем не имеет, а гражданские права его крайне ограничены. И только при системе капитализма работник становится в смысле как гражданских, так и политических прав таким же полноправным гражданином, как и владелец средств производства.

Однако этому полному юридическому равенству, характерному для капитализма, сопутствует в экономической области почти столь же глубокое неравенство, как и при предшествовавших системах рабского и крепостного хозяйства. Будучи лишен средств производства, пролетарий в капиталистическом обще-

стве неизбежно попадает в экономическую зависимость от капиталиста, владельца средств производства, подобно тому, как раб находится в экономической зависимости от своего собственника, а крепостной — своего помещика. В экономической области, при господстве капиталистической системы, не только не наблюдается равенства в отношениях рабочего и капиталиста, но рабочий по-прежнему эксплуатируется собственником средств производства, как и при господстве рабского и крепостного хозяйства. Но в то время как экономическое неравенство при прежних системах общественного строя вполне соответствовало правовому мировоззрению того времени, отрицавшему равноценность человеческой личности, экономическое неравенство в системе капитализма оказывается в самом резком противоречии с правовыми воззрениями капиталистического общества, признающего равенство всех людей основой действующего права.

Сущность социализма заключается в требовании экономического равноправия всех членов общества. Социалисты утверждают, что экономический строй современного общества не соответствует правовым воззрениям нашего времени, признающего, что все члены общества имеют равные права на участие в благах культуры. Отрицание социалистами права частной собственности вытекает из их требований экономической равноправности всех. При господстве частной собственности, говорят они, между отдельными лицами возникает экономическая борьба, в которой побеждает сильнейший; право наследства закрепляет и усиливает возникшее социальное неравенство, ведущее к эксплуатации одних общественных групп другими, и в конце концов так торжественно провозглашаемая современным правом равноправность всех оказывается пустым словом. Вот почему социализм в своем стремлении к равенству приходит к более или менее широкому отрицанию права частной собственности, иначе говоря, к требованию общности владения.

2. ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ

В пределах социалистических построений будущего общественного строя нужно различать несколько существенно различных типов.* Поэтому, чтобы правильно понять внутреннее содержание социализма как представление об определенном роде будущего общественного устройства, нужно прежде всего дать классификацию различных типов социалистического общественного строя.

Наиболее естественной является, быть может, следующая классификация:

А

- Социализм в узком смысле слова
 1) государственный (коллективизм)
 2) синдикальный
 3) коммунальный
 4) анархический

Б

- Коммунизм
 1) государственный
 2) коммунальный
 3) анархический

Основным делением социализма является деление его на социализм в узком смысле слова и коммунизм. При системе социализма в узком смысле каждому члену общества обеспечивается определенный доход при полной свободе расходования этого дохода. Предметы потребления покупаются отдельными лицами так же, как и при существующей системе хозяйства, за счет дохода данного лица. Но предметы потребления продаются не в частных лавках и магазинах (каковых не существует), а в общественных складах, ибо средства производства при системе социализма принадлежат не отдельным частным лицам, а всей общественной группе, которая при помощи коллективного труда и производит соответствующие продукты.

Таким образом, при этой системе средства производства не находятся в частной собственности отдельных лиц, но принадлежат всей общественной группе, которая и распоряжается ими по своему усмотрению. Напротив, предметы потребления переходят в частную собственность отдельного лица после того, как оно купило их за счет своего дохода. Это различие в условиях пользования средствами производства и предметами потребления проводится социализмом по следующим соображениям. Если бы было допущено присвоение в частную собственность средств производства, то это неминуемо привело бы к экономическому неравенству и эксплуатации экономически более слабых более сильными. Поэтому социализм принципиально не допускает присвоения в частную собственность средств производства. Последние должны быть в распоряжении всей общественной группы, которая и организывает в общих интересах общественный труд. Что же касается предметов потребления, то социализм в узком смысле допускает переход их в частную собственность для того, чтобы не стеснять свободу частной жизни, предполагающую свободу выбора предметов потребления. Эта свобода распоряжения предметами потребления не приводит к нарушению принципа экономической равноправности всех, ибо каждый может приобретать предметы потребления лишь в пределах своего дохода, право на который у всех одинаковое.

Допуская свободу распоряжения своим доходом, социализм в узком смысле неизбежно предполагает сохранение многих экономических категорий современного хозяйственного строя, и прежде всего цены. Предметы потребления переходят в распоряжение отдельного лица при господстве социализма не даром, но лишь по оплате их соответственно их цене. Однако

в противоположность товарным ценам нашего времени цены эти строятся не на основе борьбы заинтересованных лиц, столкновения интересов покупателей и продавцов, а свободно назначаются обществом по соображениям целесообразности.

Лица, желающие купить соответствующие предметы потребления из общественных складов, должны подчиняться этим ценам, хотя, конечно, они могут отказаться от приобретения соответствующих предметов, и в таком случае предметы эти останутся непроданными в общественных складах и не перейдут в общественное потребление.

Если предметы потребления покупаются отдельными лицами за счет дохода последних, то должны существовать в той или иной форме и деньги как покупательное средство и мерило цены. Правда, деньги в социалистическом обществе будут иметь существенно иную экономическую природу, чем в наше время: при господстве товарного производства деньгами может быть только тот или иной товар, в социалистическом же строе роль денег может играть любой условный знак или документ, выпускаемый общественным союзом. Дело может устроиться, например, следующим образом. Каждый гражданин получает чековую книжку на определенную сумму. Приобретая нужные ему предметы потребления, каждый владелец такой книжки уплачивает за них чеком. Цены продуктов (а значит, и чеки) могут быть выражены в таких же денежных единицах — рублях, марках, франках, — как и в настоящее время. Но существенная разница будет в том, что теперь рубль, марка, франк выражают собой определенное количество золота, имеют, следовательно, определенную самостоятельную ценность. При господстве же социализма рубль, марка, франк будут только чисто условными обозначениями, счетными единицами, не имеющими за собой никакого металлического обеспечения.

Чем же будут обеспечиваться чеки, выдаваемые обществом, при системе социализма? Всю совокупность продуктов, которыми располагает общество. Современное государство должно покрывать свои бумажные деньги звонкой монетой, так как оно не располагает предметами потребления, нужными владельцам бумажных денег. Социалистическое общество не нуждается в таком обеспечении — оно является первоначальным владельцем всех предметов потребления, изготовляемых в его пределах, и может удовлетворить непосредственно предметами потребления всех предъявителей его чеков.

Итак, социализм предоставляет своим гражданам такую же свободу выбора предметов потребления, какая существует и в товарном хозяйстве современности. Напротив, производство предметов потребления совершенно изымается при господстве социализма из сферы частного хозяйства и передается обществу в его целом.

Социализм в узком смысле является, таким образом, системой денежного хозяйства (хотя в ином смысле, чем современное товарное хозяйство). Напротив, коммунизм есть система натурального хозяйства. Коммунизм тем принципиально отличается от социализма в узком смысле, что в коммунистическом обществе продукты распределяются между отдельными лицами без посредства денег в какой бы то ни было форме. Никакой купли-продажи в коммунистическом обществе не существует, и всякий потребитель получает от общества нужные ему предметы потребления даром, без всякой уплаты. Поэтому в коммунистическом обществе отсутствует категория цены, равно как и категория дохода.

Если предположить, что коммунистическое общество располагает такими мощными производительными силами, что все потребности его членов могут быть удовлетворены полностью, то коммунизм может допустить полную свободу общественного потребления: каждый член общества берет для своего потребления из общественных складов все, что ему нужно, без каких бы то ни было ограничений со стороны общества. Но подобная свобода предполагает чрезвычайно высокие размеры общественного богатства. Если общественное богатство не столь значительно, то полная свобода для каждого захватывать все, что ему нужно, неизбежно должна повести к тому, что потребности некоторых членов общества будут удовлетворены недостаточно вследствие того, что другие удовлетворяют свои потребности в большей мере. И поэтому коммунизм, если считаться с реальными условиями общественного хозяйства, неизбежно должен отказаться от предоставления каждому свободы потребления. Такая свобода заменяется при господстве коммунизма предоставлением каждому определенного количества предметов потребления известного рода.

В то время как при системе социализма каждый свободно выбирает по своему вкусу нужные ему предметы потребления, при системе коммунизма отдельные граждане получают от общества те предметы потребления, которые общество считает нужным предоставлять своим членам. Система общественного хозяйства при господстве коммунизма очень упрощается, но в ущерб свободе личного потребления.

3. ЦЕНТРАЛИСТИЧЕСКИЙ, КОРПОРАТИВНЫЙ, ФЕДЕРАЛИСТИЧЕСКИЙ И АНАРХИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

И та, и другая система социалистического хозяйства — социализм в узком смысле и коммунизм — может быть разбита на несколько подвидов соответственно большей или меньшей сте-

пени централизации общественного хозяйства. Соответственно этому социализм в узком смысле распадается на следующие подвиды: государственный социализм, синдикальный, коммунальный, анархический.

Государственным социализмом (коллективизмом) может быть назван такой строй социализма, при котором хозяйственной единицей являлось бы все государство. Средства производства принадлежат в этом случае государству в его целом, которое и организует в национальном масштабе общественное производство. Государство составляет ежегодно национальный бюджет подобно тому, как в настоящее время составляется государственный бюджет; государственная власть заранее определяет общественные потребности в различных продуктах и соответственно распределяет общественное производство, которое выполняется рабочими армиями. Каждый гражданин должен отбывать в течение определенного числа лет эту всеобщую трудовую повинность, подобно тому как в настоящее время отбывается воинская повинность. Изготовленные продукты поступают в государственные склады и покупаются частными лицами.

Все трудоспособные граждане обязаны отбывать трудовую повинность, и взамен этого им обеспечивается определенный доход. Доходом этим они распоряжаются совершенно свободно и покупают за его счет предметы потребления в государственных складах.

План коллективистического государства был впервые разработан французским социалистом Пекером и в настоящее время привлекает к себе все более сочувствующих социалистов. Под флагом коллективизма выступают и марксисты, поскольку вообще марксисты имеют определенное представление о строе будущего общества.

Симпатии социал-демократов коллективизму объясняются тем, что только в широких рамках государства могут вполне развернуться колоссальные производительные силы, созданные капитализмом. Чем крупнее производство, тем рациональнее техника и тем большее применение получают машины. Свободно располагая своей национальной территорией и всеми миллионами рабочих, социалистическое государство может достигнуть такого огромного повышения производительности общественного труда, на которое не может рассчитывать более мелкая хозяйственная единица.

С другой стороны, предоставляя каждому свободу приобретения в государственных складах по своему выбору предметов потребления, государство не стесняет свободы частной жизни и не грозит превратиться в колоссальный рабочий дом.

По этим соображениям большинство современных социалистов склоняются в пользу коллективизма.

Синдикальным социализмом можно назвать такую форму социалистического строя, при которой средства производства принадлежали бы не всему государству как целому, но отдельным группам рабочих, работающих при помощи этих средств производства. Земледельческие рабочие являлись бы в этом случае владельцами земли, углескопы — угольных копей, машиностроительные рабочие — механических заводов, ткачи — ткацких фабрик и т. д. и т. п. Каждая из этих групп рабочих является автономной и самоуправляющейся производительной единицей. Изготовленный продукт принадлежал бы тем рабочим, которые его произвели, и продавался бы ими за свой счет в государственных магазинах. Суммы, вырученные за продажу этих продуктов, распределяются между рабочими в пределах изготовившей эти продукты рабочей группы.

Синдикальный социализм (представителями которого были Луи Блан, Лассаль, теперь являются так называемые синдикалисты) неизбежно должен иметь частичный характер, так как некоторые отрасли хозяйства по самому своему существу не допускают подобной организации и должны быть в заведывании всего общества. Так, например, железные дороги не могут быть предметом полномочного распоряжения железнодорожных рабочих, ибо в правильном функционировании железных дорог заинтересовано все общество. Поэтому сторонники синдикального социализма всегда допускают, что синдикальная организация должна распространяться не на все, а лишь на некоторые отрасли хозяйства, другие же отрасли хозяйства должны быть в непосредственном заведывании государства. Продажа продуктов, изготовляемых рабочими группами согласно планам синдикального социализма, также должна быть в заведывании государства, а не автономных групп торговых посредников.

Вообще, при синдикальном социализме роль государства остается очень значительной, так как только государство может согласовывать действия различных рабочих ассоциаций и регулировать распределение между ними средств производства.

При коммунальном социализме государство совершенно исчезает или роль его сводится к очень незначительным функциям. Самым замечательным представителем коммунального социализма был Фурье, с необычайной яркостью и отчетливостью изобразивший условия жизни социалистической общины, названной им фалангой. Фаланга слагается из нескольких сотен семейств, которые сообща владеют средствами производства, сообща работают и живут в одном общем колоссальном здании, названном Фурье фаланстером. Фаланга одновременно занята и сельскохозяйственным и промышленным трудом, Фурье мыслит ее как самодовлеющую хозяйственную организацию, мало нуждающуюся в обмене и покрывающую потребности своих членов преимущественно продуктами их собственного труда. Го-

сударство распадается на множество фаланг, каждая из которых обладает полной самостоятельностью.

Хозяйственные отношения отдельных фаланг построены на основании свободного обмена. Внутри фаланги господствует самая широкая свобода в выборе занятия и рода труда. Достигается это путем придания всякому труду возможно большей привлекательности. Труд исполняется обширными, свободно образующимися группами рабочих, в приятной и эстетической обстановке. Каждый получает за свой труд определенную плату, которую свободно расходует по своему усмотрению. Кроме того, получают особое вознаграждение капитал и талант. Вознаграждение капитала, с точки зрения Фурье, нисколько не нарушает принципа равноправности всех членов фаланги, так как в фаланге всякий может быть капиталистом: вознаграждение труда настолько обильно, благодаря чрезвычайно высокой производительности труда, что рабочему трудно потратить весь свой заработок, который и превращается им в капитал. Кроме того, не нужно упускать из виду, что самый труд в фаланге, по представлению Фурье, является наслаждением, а не тягостным усилием, предпринимаемым ради необходимости заработать средства к жизни, как в наше время. Поэтому особое вознаграждение капитала никоим образом не может получить характера эксплуатации одних членов общества другими, как в современном обществе.

Основная идея Фурье заключается в том, что все человеческие страсти и влечения по самой своей природе содействуют общему преуспеванию и счастью. Если в настоящее время обществу приходится бороться с естественными влечениями человека, то это лишь благодаря крайней неудовлетворительности общественного устройства. Страсти и влечения суть нечто данное человеку от природы и неизменное. Напротив, устройство общества может быть изменено человеком. Поэтому не влечения человека должны быть приспособляемы к общественному устройству, а это последнее должно быть приспособляемо к человеческим влечениям и страстям.

Фаланга и представляет собой такой социальный строй, в котором все человеческие страсти, имеющие теперь разрушительный характер, вредящие обществу, получают созидательный характер, будут служить на пользу общества. Возьмем, например, то естественное влечение человека, которое более всего препятствует хозяйственным успехам современного человека, — влечение к отдыху, отвращение к хозяйственному труду, лень. Само по себе упражнение мышц и нервов, равно как и всякая другая нормальная деятельность органов нашего тела, не только не доставляет человеку страдания, но вызывает приятные ощущения. Почему же в наше время человек обычно избегает хозяйственного труда и исполняет его только под давлением внеш-

ней необходимости? Потому что в наше время обстановка хозяйственного труда неприятна и неэстетична. Если хозяйственный труд будет происходить в иной обстановке и если род труда будет свободно выбираться человеком под влиянием внутреннего влечения, то этот труд станет доставлять человеку такое наслаждение, какое современному человеку доставляют спорт и разные физические игры; разве хозяйственный труд по самой своей природе менее приятен, чем спорт? То, что теперь называют ленью, является, следовательно, не чем иным, как возмущением нашей природы против той обстановки хозяйственного труда, которая создана современным общественным устройством. В фаланге влечение к свободному, приятному труду явится стимулом небывалого напряжения труда, которое теперь достигается только во время физических игр и спорта.

Точно так же честолюбие, жажда первенства, зависть, которые теперь являются источником стольких несчастий и такой вражды между людьми, будут в фаланге только содействовать повышению производительности труда. Скупость в наше время считается отвратительным пороком и вредит хорошим отношениям между людьми. В фаланге скупость никому вредить не будет и явится полезной общественной силой как противовес чрезмерной жажде чувственных наслаждений и как стимул к накоплению капитала.

Само собою разумеется, что при гармоничном устройстве фаланги и отсутствии внутри ее каких бы то ни было элементов насилия и принуждения необходимость в особой правительственной власти совершенно отпадает, равно как и потребность в суде, полиции, войске и т. д. В фаланге нет поводов к преступлениям, ибо всякий свободно следует своим влечениям.

Так рисует Фурье жизнь в фаланге, которая представляется ему вечным праздником, радостной и свободной игрой сил, присущих нашей природе. Государство исчезнет, исчезнут и современные города — их заменят свободные фаланги, живущие в социальных дворцах — фаланстерах.

Фурье близок к анархизму и только тем отличается от анархистов, что он считает необходимой фалангу, иначе говоря, требует определенной общественной организации труда и является противником хозяйственной независимости каждой отдельной личности. Самым выдающимся теоретиком социалистического анархизма является Прудон. Сущность анархизма заключается в требовании полной свободы во всех областях общественной жизни, полной свободы личности, и прежде всего свободы личности от какой бы то ни было принудительной власти. Прудон в целом ряде сочинений подверг суровой критике государственное начало и пришел к выводу, что всякое государство, каков бы ни был его внутренний строй, будет ли оно основано на принципах единоличной власти кою-либо, господства привиле-

гированного меньшинства или широких народных масс, в равной мере является организацией насилия. Предположим самое демократическое устройство государства. В этом случае власть принадлежит большинству народа. Но ведь подчинение меньшинства большинству есть такое же насилие, такой же деспотизм, как и власть меньшинства над большинством. Свобода человеческой личности протестует против всякого насилия, от кого бы оно ни исходило, от меньшинства или от большинства народа. И потому человеческая личность не может удовлетвориться до тех пор, пока она не освободится от какого бы то ни было государственного принуждения.

Государство должно исчезнуть, а хозяйственная деятельность должна свободно исполняться отдельными рабочими или группами их, причем связью между всеми отдельными производителями должно стать особое учреждение, названное Прудоном новым или народным банком. Задача этого банка сводится к организации для производителей непосредственного обмена их продуктами. Каждый производитель или группа их доставляет в народный банк свои продукты и в обмен получает билеты банка. На эти билеты могут быть приобретены любые другие продукты, имеющиеся в банке. Таким образом может быть организован непосредственный обмен всех продуктов, производимых в пределах известной территории, причем банк возьмет на себя и организацию беспроцентного кредита. Благодаря такому кредиту каждый желающий или группа их будет получать требующиеся для производства орудия и материалы.

Народный банк упраздняет необходимость какой бы то ни было внешней принудительной организации общественного труда — общественный труд остается вполне свободным, и в то же время отдельные роды труда взаимно согласуются. Таким образом становятся возможными анархическое хозяйство и анархический общественный труд.

4. ЦЕНТРАЛИСТИЧЕСКИЙ, ФЕДЕРАЛИСТИЧЕСКИЙ И АНАРХИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

Этими четырьмя типами — государственным, синдикальным, коммунальным и анархическим социализмом — исчерпываются планы социалистического (в узком смысле слова) устройства общества. Что касается коммунизма, то можно различать государственный, коммунальный и анархический коммунизм. Синдикального коммунизма быть не может, так как синдикальная организация предполагает обмен продуктами, а коммунизм не допускает никакого обмена.

Планы государственного коммунизма являются наиболее древними социалистическими построениями. Такие планы мы

встречаем уже у эллинических мыслителей. Знаменитая «Утопия» Томаса Мора содержит в себе очень разработанный план коммунистического государства. В новейшее время представителем государственного коммунизма был Этьен Кабе, в социальном романе которого «Путешествие в Икарню» изображена жизнь коммунистического государства.

При коммунистическом устройстве общества распределение продуктов между отдельными гражданами происходит не при помощи денег в той или иной форме, а путем непосредственного перехода продуктов из общественных складов в руки потребителей. Поэтому отпадает необходимость назначения цен продуктов и нормирования дохода членов общества.

В «Икарнии» Кабе каждый гражданин получает из общественных складов без всякой платы все ему нужное. Государство заботится об удовлетворении нужд своих граждан, предоставляя каждому (соответственно полу и возрасту) одинаковое количество предметов необходимости и удобства. Если предметов известного рода в распоряжении государства имеется слишком мало, чтобы наделить ими всех, то предметы эти совсем не производятся и их не получает никто.

В «Икарнии» царят самое строгое равенство и самая строгая регламентация потребления. Все ходят (соответственно различиям пола, возраста, семейного положения) в одинаковых одеждах, живут в одинаковых квартирах, снабженных одинаковой мебелью, получают одинаковую пищу и т. д. и т. д. Во всем царит самый строгий порядок, и все подчиняется одним неизменным правилам. Всемогущее государство регулирует с начала до конца не только физическую, но и духовную жизнь своих граждан. Так как типографии принадлежат наряду с прочими средствами производства государству, то оно является и издателем книг и издает только те из книг, которые признает полезными.

Это единообразие потребления и отсутствие свободы личного выбора вместе со всемогуществом государства, подчиняющего себе всю духовную жизнь населения, составляют слабую сторону централистического коммунизма, почти не встречающего в настоящее время сторонников.

При коммунальном коммунизме хозяйственной единицей является не государство, а сравнительно небольшая община. Самым влиятельным представителем коммунального коммунизма был духовный отец кооперативного движения Роберт Оуэн.

Оуэн был таким же решительным противником государства и насилия, как и Фурье, и для Оуэна государство подлежит уничтожению. Государство должно распаться на множество общин, вполне автономных и независимых друг от друга. Как и в фалангах Фурье, в общинах Оуэна сельское хозяйство должно соединяться с промышленным трудом. Общины эти должны воз-

никать без малейшего принуждения с чьей бы то ни было стороны, путем добровольного вступления членов. Подобно Фурье, Оуэн представляет себе жизнь этих общин сосредоточенной в огромном центральном здании, в котором и вокруг которого должны быть сгруппированы промышленные мастерские и заводы, среди садов и полей, возделываемых членами общины. Никакой принудительной власти не должно быть места в такой общине. Даже выборное правление вызывает возражения со стороны Оуэна, и чтобы избежать последнего, наш социальный реформатор предлагает следующую организацию управления внутри общины. Все граждане делятся на возрастные группы, и каждая группа выполняет особую общественную функцию: до 20 лет граждане учатся, от 20 до 30 — заняты хозяйственным трудом в пользу общины, от тридцати до сорока — управляют внутренними делами общины, после сорока — внешними ее делами.

Так как число членов общины невелико (от 500 до 3000), то такая организация дает возможность всем гражданам в зависимости от своего возраста принимать равное участие во всех делах общины, и необходимость особого правления или правительства отпадает.

Вообще, между общинами Оуэна и фалангами Фурье замечается значительное сходство по целому ряду существенных пунктов. Тем не менее между организациями того и другого рода имеются и весьма важные различия. Прежде всего нужно помнить, что фаланги Фурье — организации социалистические, а общины Оуэна — коммунистические. Внутри фаланги распределение продукта совершается путем купли-продажи, члены фаланги получают за свой труд заработную плату да еще, кроме того, вознаграждение за талант и процент на вложенный в общее дело капитал. Величина доходов отдельных членов фаланги не одинакова, а характер общественного потребления столь же многообразен, насколько различны индивидуальные вкусы отдельных лиц. Напротив, община Оуэна имеет строго коммунистическое устройство. Всеми продуктами, производимыми общиной, владеют члены ее сообща, и никакой продажи продуктов отдельным лицам, равно как денежного вознаграждения последних, в общине не существует. Община Оуэна представляет собой как бы большую семью, где все имеют равное право участвовать в потреблении, и потому отсутствуют какие бы то ни было определенные правила для распределения продуктов.

Но и самые цели социальных организаций Фурье и Оуэна глубоко различны. По своему духовному складу Оуэн и Фурье были величайшими антиподами и пришли к своим планам социального преобразования путем совершенно противоположным. Оуэн долгое время был чрезвычайно успешным фабрикантом; затем его внимание привлекли вопросы воспитания рабо-

чих, преимущественно морального. Как руководитель огромного фабричного предприятия, в котором от него зависели многие сотни людей, Оуэн пришел к убеждению в пластичности человеческой природы, в ее изменчивости под влиянием изменения условий среды. Будучи по своей духовной природе моралистом, Оуэн считал высшей целью общественного союза моральное возвышение человечества.

В течение ряда лет Оуэн пытался воспитывать в моральном отношении рабочих своей фабрики в Нью-Ланарке. Но он не мог в конце концов не прийти к заключению, что нравственное перевоспитание человека невозможно, если социальная среда, в которой живет человек, остается неизменной. Современное общественное устройство таково, что оно препятствует развитию благородных свойств человеческой природы и поощряет все ее дурные свойства. Не удивительно, что современные люди стоят в нравственном отношении так низко. И, очевидно, никакие воспитательные учреждения не в силах улучшить природу человека, если социальная среда не будет изменена.

Вот таким путем в поисках средств нравственно возвысить человека Оуэн и пришел к мысли о необходимости глубочайшего преобразования основ современной общественной жизни. Новый тип общественного строя, проповедником которого он стал, он называл «новым нравственным миром», указывая этим, что конечные цели этого нового общественного строя заключаются в нравственном преобразовании человека. Современный строй плох потому, что он воспитывает плохого человека; оправданием же проектированной Оуэном великой социальной реформы являлось в глазах ее проповедника связанное с ней нравственное возвышение человека.

Итак, для Оуэна человеческая природа есть нечто в высшей степени пластичное и изменчивое; цель общественного преобразования заключается в изменении человеческой природы, в создании нового человека, более соответствующего нашему нравственному идеалу.

Цели общественной реформы для Фурье прямо противоположны. Фурье не только не считал самым важным общественным делом нравственное преобразование человека, но, с одной стороны, был убежден в неизменности основных свойств человеческой природы, а с другой стороны, был решительным аморалистом. Не человеческий характер должен приспособляться к общественному строю, а общественный строй должен быть приспособлен к неизменным свойствам человеческого характера. Общественное воспитание не имеет никакого смысла, ибо человеческая природа неизменна. Наилучшим общественным строем является не тот, который воспитывает наилучшего человека (как думал Оуэн), а тот, который всего более приспособлен к неизменным свойствам человека. Таким наилучшим

строем казалась Фурье придуманная им организация фаланги, преимуществом которой перед всеми другими формами общественного строя являлась в глазах творца фаланги предоставляемая последней полная свобода действию всех страстей и влечений человеческой природы, ибо не существует естественных влечений вредных или безнравственных, а существуют лишь плохие формы общественного строя, делающие некоторые влечения человека вредными для общества.

Итак, Оуэн был моралистом и пришел к социальной реформе как к средству морального воспитания человечества; Фурье же был аморалистом и пришел к социальной реформе как к средству освобождения человечества от власти долга и морали. Их социальные цели по своим конечным завершениям были прямо противоположны, но конкретные планы общественного устройства, предложенные тем и другим, имели при существенных различиях много общего.

Оуэн несомненно обладал, в гораздо большей степени, чем Фурье, тем, что называется здравым смыслом. Уже своей деятельностью в качестве руководителя огромного фабричного предприятия Нью-Ланарка он доказал свои практические таланты. Он сумел достигнуть двух вещей, почти всегда взаимно исключаящих друг друга: блестящего коммерческого успеха, выразившегося в высоких барышах, которые его фабричное предприятие доставляло ему и его компаньонам, и существенного улучшения экономического положения занятых в его предприятии рабочих. Оуэн обладал талантом влиять на людей и подчинять их своей воле, но воля его была направлена не на личные, а на общие интересы.

Однако в то же время Оуэн отнюдь не был сильным мыслителем, и ему менее всего были свойственны в умственной области гениальность, творческий полет воображения. Он был рассудочной натурой, и таким же духом рационализма были проникнуты его планы будущего общественного устройства, вытекавшие из всеми признаваемых бесспорными посылок. Никто не отрицает высокой ценности добродетели. Вместе с тем очевидно, что благородные свойства человеческой природы не могут развиваться, если социальные условия поощряют пороки. Значит, нужно создать такие условия общественной жизни, при которых пороки не могли бы развиваться, а добродетели встречали бы опору в социальной среде.

Корнем всех пороков является, по общему мнению, себялюбие, в свою очередь проявляющееся наиболее резко в области хозяйственных интересов. Поэтому, чтобы создать добродетельного человека, нужно сделать невозможным проявление хозяйственного эгоизма.

А для этого нужно, чтобы исчезла частная собственность, чтобы человек ничего не мог называть своим — только в этом

случае для развития хозяйственного эгоизма не будет почвы и хозяйственный эгоизм погаснет сам собой.

Но одного этого мало, нужно, чтобы в общественной жизни исчезли какие бы то ни было поводы к развитию дурных свойств в человеческой природе. Всякое неравенство питает зависть и вражду. Поэтому, кроме уничтожения частной собственности, необходимо уничтожить и неравенство в других областях человеческой жизни — не должно быть правительства, хотя бы и выборного, а значит, не должно быть и государства. Таким логическим путем Оуэн приходит к своим кооперативным, как он их называет, общинам, представляющим крайнее развитие коммунального коммунизма.

Весь ход мыслей Оуэна был очень последователен, и несколько не удивительно, что отец кооперации твердо верил в разумность своего плана общественного устройства, верил настолько непоколебимо, что одно из своих сочинений он озаглавил «Попытка превратить человеческое общество из дома сумасшедших в разумный мир»*. Действительно, разве не «домом сумасшедших» должно было представляться рационалисту типа Оуэна современное общество, в котором признаваемые всеми высшие цели общественного союза — выработка благородных свойств человеческого характера — не только не получают осуществления, но и попираются самым грубым образом? И разве общество, понимающее блага морали, не должно стремиться преобразовать строй своей жизни в соответствии с требованиями морали? Если же оно этого не делает, то не нарушает ли оно очевиднейшим образом своих интересов и не свидетельствует ли этим самым о своем безумии?

Слабая сторона всего этого хода мыслей заключалась, однако, в его рационалистическом основании. Добродетель, кроме порока, имеет еще одного опасного врага — скуку. Человечество может предпочитать добродетельному устройству общества менее совершенное, если последнее веселее и приятнее. Социальный строй, проектируемый Оуэном, несомненно, добродетельнее современного, но будет ли в нем интереснее жить? Если бы удалось убить все побуждения тщеславия и себялюбия, к чему так стремится Оуэн, то для многих возник бы вопрос: стоит ли жить в таком социальном монастыре? В заглавном рисунке на одном из своих изданий Оуэн дал изображение, с одной стороны, современного города, с его смешением красивых и безобразных зданий, при крайнем разнообразии условий жизни населения, и, с другой стороны, стройных, величавых социальных дворцов будущего. Этот рисунок подал повод к ироническим комментариям противников Оуэна, которые справедливо нашли, что в изображениях самого Оуэна безумный мир современности оказался гораздо живописнее и привлекательнее скучного и однообразного разумного мира будущего.

Совсем иное Фурье и его фаланги. Если общины Оуэна слишком уж разумны и потому скучны, то фаланги Фурье представляют собой продукт самой смелой, безумной, творческой фантазии. Чего только, каких только чудес нет в этих фалангах! Ведь в фалангах совершенно отсутствует в какой бы то ни было степени долг и все исполняется только во имя непосредственного наслаждения. Фаланги не только не страдают монотонностью и скукой нравственных общин Оуэна, но в них все блестит и сияет радостью и весельем, наполняющими жизнь и отгоняющими всякую мысль о морали. Свобода страстям и смерть долгу — таков девиз фаланги.

В противность рационалисту Оуэну Фурье был величайшим фантазером. Своей мечте он доверял безгранично, до такой степени, что самым серьезным образом рассуждал о таких чудесах мира будущего, как превращение морской воды в приятный напиток вроде лимонада, как население морей будущего новыми животными, антикитами, которые с невероятной быстротой будут перевозить по океану счастливых обитателей фалангеров, как появление в полярных областях великолепных пальм и т. д. и т. д. Фантазии Фурье заходили так далеко, что многие ставят вопрос, не был ли он попросту помешанным. Но кем бы он ни был, он был, во всяком случае, человеком гениальной мысли.

Социальный строй, основанный на полной свободе человеческих страстей, конечно, представляет собой совершенную утопию и никогда не осуществится. Нравственные общины Оуэна гораздо осуществимее, но зато фаланги Фурье привлекательнее и интереснее. Фурье поставил себе несравненно более трудную задачу, чем Оуэн: создать социальный строй, действующий без чувства долга — той социальной узды, которая ныне вводит в пределы разрушительную силу человеческих страстей. И хотя задачи этой Фурье не решил, все же самая ее постановка свидетельствует о поразительной силе его научного воображения.

Как фаланги Фурье являются организациями почти анархическими, также близки к анархизму и коммунистические общины Оуэна. Единственным отличием коммунального коммунизма от коммунистического анархизма является то, что коммунальный строй не допускает иной хозяйственной единицы, кроме общины определенного устройства, между тем как последовательный анархизм должен допускать и единоличное хозяйство. Таким последовательным коммунистическим анархистом был тот, кого можно считать первым по времени выразителем доктрины анархизма, — Годвин. Требуя полного отсутствия какого бы то ни было принуждения, Годвин совершенно правильно отрицал необходимость общественной организации труда и потребления. Хозяйственной деятельностью могут быть заняты как группы людей, так и отдельные личности, и

точно так же для потребления должна быть сохраняема полная свобода. Общественная организация потребления встречает даже несочувствие Годвина. Точно так же он враг принудительного равенства, которое положено в основу коммунистической общины Оуэна.

В общинах Оуэна не существует частной собственности на что бы то ни было, но имеется общественная собственность—община как целое является собственницей своих средств производства и всех производимых ею продуктов. Анархическое общество, как его понимал Годвин, совершенно порывает с какой бы то ни было частной или общественной собственностью. Каждый производит все, что хочет, и также свободно захватывает в свое владение все, что пожелает. Всякий может свободно взять в свое пользование продукт чужого труда, точно так же как его собственным продуктом может завладеть всякий желающий.

Эта свобода завладения всем нужным не приводит, по представлению Годвина, к всеобщей борьбе, так как Годвин предполагает, с одной стороны, чрезвычайно высокий уровень техники производства, при котором человек может своими индивидуальными силами создавать в изобилии нужные ему продукты; с другой стороны, Годвин предполагает и нового человека, полного доброжелательства к своим ближним и лишенного хозяйственного эгоизма. Высокая производительность труда дает возможность отдельной личности обходиться без помощи себе подобных, а отсутствие хозяйственного эгоизма приводит к тому, что все охотно делятся своими продуктами друг с другом, как члены одной семьи.

Действительно, только при наличии этих двух условий можно мыслить строй анархического коммунизма, как его рисовал себе Годвин. Не только человек должен стать совсем иным, но и техника производства должна достигнуть такого уровня, чтобы каждый мог без помощи себе подобных создавать все ему нужное. Если же для производства требуется общая работа многих лиц, то необходимо какое-либо общественное регулирование процесса производства, а значит, неизбежна и общественная власть, отрицаемая анархизмом.

Глава II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КООПЕРАЦИИ

1. РАЗЛИЧИЕ КООПЕРАТИВА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

Кооперация возникла в непосредственной связи с социалистическим движением, но было бы очень ошибочно смешивать кооперацию с социализмом. Духовный отец кооперативного дви-

жения — Роберт Оуэн — называл кооперативными обществами пропагандируемые им коммунистические общины. Тем не менее первым шагом для понимания сущности кооператива является строгое разграничение последнего и социалистической общины.

Социалистические общины хотя и являются хозяйственными организациями, но по своим целям и задачам представляют собой нечто большее, чем эти последние. Общины, возникшие под непосредственным влиянием пропаганды социализма, были задуманы как орудие социального преобразования всего человечества. Членами их были не рядовые люди, в жизни которых хозяйственные интересы господствуют над другими, а искатели новой правды, готовые отказаться от самых очевидных хозяйственных выгод, если это требуется социальным идеалом. Их привлекали в общины не хозяйственная выгода, но соображения совсем иного рода — социальное воодушевление, надежда совершить при помощи этих общин в интересах всего человечества огромное общественное дело. Люди шли в общину по мотивам того же рода, по которым другие шли на политическую борьбу, рассчитывая преобразовать современный общественный строй и привести его в большее соответствие со своим идеалом добра и справедливости.

Социалистические общины были для немногих избранных. Участник коммунистической общины должен совершенно забыть о личном обогащении, должен быть всегда готов отказаться от личной выгоды в пользу своего товарища по общине, должен относиться к последним с таким же бескорыстием и доброжелательством, с каким обычный человек может относиться только к членам своей семьи. Он должен быть чужд зависти и властолюбию, подчинять свои личные вкусы и влечения вкусам и влечениям своих товарищей по общине и т. д.

Фаланги Фурье еще глубже отличаются от современного общества, чем коммунистические общины Оуэна. Ведь фаланга построена на принципе полной свободы страстей и отсутствии какого бы то ни было элемента принуждения, хотя бы морального. В фаланге свобода страстей приводит к общей гармонии и счастью. Но разве не утопична сама идея создать общество, могущее жить без узды нравственного долга? Каким образом можно достигнуть того, чтобы, с одной стороны, каждый исполнял работу только по внутреннему влечению, в силу ее внутренней привлекательности для данного лица, с другой же стороны, чтобы продукты изготовлялись именно те, в которых нуждается данная община? Ведь привлекательность известного труда не находится ни в каком соответствии со степенью необходимости продукта данного труда для населения. Если при выборе занятий каждый будет следовать своим влечениям, то это неизбежно должно привести к тому, что продукты одного рода будут производиться в избытке, других же будет произведено слиш-

ком мало и общество утратит хозяйственную основу своего существования. Свобода следовать при выборе хозяйственного труда своим влечениям равносильна уничтожению общественного хозяйства, предполагающего распределение хозяйственного труда между различными лицами в соответствии не со степенью привлекательности того или иного труда, но с размером общественной потребности в соответствующем продукте.

Если коммунистические общины получили до настоящего времени крайне ограниченное распространение, то общин типа фаланги не существовало и существовать не могло, ибо устройство их заключает в себе внутреннюю невозможность.

Правда, в Америке было немало организаций, именовавших себя фалангами, но по своему внутреннему строю организации эти были близки к общинам Оуэна. Фурьеристская фаланга была для этих общин идеалом, но идеалом недостижимым. Они называли себя фалангами потому, что участники их, выходявшие преимущественно из числа людей интеллигентных профессий, несколько не сочувствовали идеалу коммунистического равенства, который проповедовал Оуэн. Однако в своем практическом осуществлении общины американских фурьеристов были гораздо ближе к коммунистическим общинам Оуэна, которые трудно осуществимы, но все же осуществимы, чем к совершенно неосуществимым свободным фалангам Фурье.

Ни одной фаланги чистого типа никогда не было на свете. Фаланги Фурье не более как бесплотное создание гениальной фантазии их творца, мечта поэта, которая может манить за собой людей, но никогда не станет грубой реальностью.

Если мы обратимся к социалистическим общинам, не связанным с социалистической пропагандой, — то и тут мы увидим, что организации эти возникли не на основе хозяйственных интересов их членов. Наличие необычных по своей силе морально-религиозных интересов так же характерна для таких общин, как общественный энтузиазм для общин, устраивавшихся социалистами. А так как сильное развитие религиозно-нравственных интересов встречается среди современного человечества очень редко, то понятно, что и религиозно-нравственные социалистические общины не получили сколько-нибудь значительного распространения в современном обществе¹.

2. КООПЕРАТИВ КАК ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Напротив, кооператив есть хозяйственное предприятие, как и всякое другое. Кооператив обращается прежде всего к хозяйственному интересу человека, и в этом существенное сходство

¹ О социалистических общинах см. мою книгу «В поисках нового мира» (2-е изд. М., 1918).

кооператива со всеми другими хозяйственными организациями капиталистической системы. В этом же и его огромная сила.

По внешним признакам кооператив столь мало отличается от обычного капиталистического предприятия, что по ним невозможно определить, имеется ли перед нами кооператив или капиталистическое товарищество. Вот почему так трудно дать вполне удовлетворительное определение кооператива для целей законодательства, которое неизбежно должно исходить именно из этих внешних признаков. Возьмем, например, наиболее разработанное германское законодательство о кооперативах. Германский закон 1 мая 1889 г. определяет кооперативное товарищество как «общество с незамкнутым числом членов, имеющее своей целью содействовать путем общего предприятия хозяйству или промыслу своих членов». Наиболее определенным является первый признак (незамкнутость членов), долженствующий, по смыслу закона, проводить разграничительную линию между кооперативом и обычным торговым товариществом¹.

Однако и этот признак дает в сущности очень мало. В каком смысле можно утверждать, что кооператив есть общество с незамкнутым числом членов? Ведь кооператив отнюдь не обязан принимать в свои члены всех желающих. Толкуя это постановление германского закона, автор известной книги о германской кооперации проф. Вигодзинский признает, что смыслу закона несколько не противоречит, если кооператив будет принимать новых лиц в свой состав только с согласия всех своих членов. Но если так, то чем отличается кооператив от торгового товарищества, число членов которого также может быть увеличено по желанию его участников?

Затруднительность по чисто внешним юридическим признакам разграничить кооператив и капиталистическое товарищество видна также и из того, что нередко кооперативы возникают как акционерные компании или торговые товарищества иного рода. Возьмем, например, столь интересные во многих отношениях английские производительные товарищества, основанные на принципе так называемого «копартнершипа». Некоторые из этих товариществ, а именно те из них, в которых владельцами акций являются только рабочие, занятые в данном предприятии, несомненно, являются кооперативами производительного типа. Однако юридически все они просто акционерные компании, как и всякие другие.

¹ В русском кооперативном законе кооператив определяется, как «товарищество с переменным составом и капиталом, которое, действуя под особой фирмой, имеет целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов, посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов». Это — многословный пересказ германского определения.

Но помимо юридической формы, и внутренняя экономическая природа кооператива имеет много общего с капиталистическим предприятием. Прежде всего по отношению ко всем стоящим вне его кооператив ничем не отличается от всякого другого предприятия и столь же строго стоит на почве своих сепаратных интересов. Продавая свои товары посторонним, кооператив так же стремится продать их по наивысшей цене и на наиболее выгодных для себя условиях, как и любой капиталистический картель. Напротив, покупая товары, кооператив стремится купить их возможно дешевле. Вообще, поскольку дело идет о других предприятиях, кооператив проникнут тем же духом защиты своих частных интересов, который царит в современном обществе.

И это является необходимым условием успеха кооператива. Кооперативное предприятие — не благотворительное учреждение, не общество пропаганды, не политическая организация и не рабочий союз. Оно является хозяйственной организацией в интересах определенной группы лиц и, чтобы иметь успех, должно вестись так же деловито, на основе строгого коммерческого расчета, как и капиталистические предприятия.

И это относится ко всем кооперативам, какие бы общественные группы ни были их хозяевами. «Даже самое передовое из современных рабочих потребительских обществ, — справедливо говорит Гере в своей превосходной книге «Die deutschen Arbeiterkonsum vereine», — есть дитя частнокапиталистического хозяйственного строя. Вся техника капиталистического предприятия должна быть усвоена кооперативом. Такой же строгий учет всех элементов прихода и расхода, такая же (с небольшими различиями) бухгалтерия, такие же внешние приемы контроля служащих и рабочих, такое же устройство торговых помещений и товарных складов, такие же приемы изготовления товаров, их упаковки, экспедиции и т. д. и т. д.

В денежном капитале кооперативы нуждаются не менее, чем все остальные предприятия, и капитал получается ими не даром, но за уплату соответствующего процента. Поскольку кооператив сталкивается с денежным капиталом, он усваивает себе всю технику современной крупнокапиталистической системы. Центральные организации кооперативов нуждаются в банковских операциях и ведут их совершенно так же, как капиталистические банки, в тех же формах, которые являются обычными в крупных банках. Такой же прием оплачиваемых обычным процентом вкладов, такие же текущие счета, контокоррент* и пр.

Вообще, если мы возьмем даже пролетарские потребительские общества, то, как замечает Гере, «куда мы ни взглянем, везде мы увидим между ними и частнокапиталистическими предприятиями параллели, черты сходства и внутреннего род-

ства. Потребительские общества, даже наиболее прогрессивные, кажутся с этой точки зрения чисто капиталистическими организациями, стремящимися ни к чему иному, как к крупной организации розничной торговли, совершенно так же, как крупные торговые дома, с той только разницей, что последние достигают своей цели организацией товарного рынка, а потребительские общества — организацией потребителей. Словом, и современное рабочее потребительское общество, даже находящееся в связи с другим и образующее с ним одно органическое целое, имеет вполне частнокапиталистический облик».

В особенности ярко выступает сходство кооператива с капиталистическим предприятием в отношении кооперативов к своему рабочему персоналу. Огромное большинство кооперативов пользуется наемным трудом нисколько не менее капиталистических предприятий. У них такие же директора, кассиры, приказчики, бухгалтеры, высшие и низшие служащие, квалифицированные и неквалифицированные рабочие, как и в предприятиях обычного типа. Все эти служащие получают обычную заработную плату, и условия их труда в отношении продолжительности рабочего дня, сроков уплаты, рабочих помещений и пр. существенно не отличаются от господствующих в лучших капиталистических предприятиях.

Словом, и снаружи и изнутри кооператив кажется капиталистическим предприятием. Он выступает во всеоружии капиталистической техники, стоит на капиталистической почве, и в этом его принципиальное отличие от социалистических общин, которые стремились создать хозяйственную организацию на совершенно новой хозяйственной основе.

Кооператив — не социалистическая община, а хозяйственное предприятие.

3. РАЗЛИЧИЕ КООПЕРАТИВА И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Итак, кооператив — предприятие. Но предприятие не капиталистического типа. Как ни был близок кооператив по своему внешнему облику к капиталистическим предприятиям, под этой капиталистической оболочкой скрывается в кооперативе содержание совершенно иное. Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом. Чем же отличается кооператив от капиталистического предприятия?

Прежде всего нужно помнить, что далеко не всякое предприятие есть предприятие капиталистическое. Предприятием нужно называть всякую хозяйственную организацию, преследующую частнохозяйственные выгоды своих членов и дости-

гающую этих выгод при посредстве обмена. Первым признаком (частнохозяйственный интерес) предприятие отличается от организаций с общественными целями (так, например, благотворительный приют или социалистическая община не суть предприятия); вторым признаком (обмен) предприятие вводится в систему современного менового хозяйства — первобытный охотник не имел предприятия. Но, например, современный ремесленник или крестьянин имеют предприятия, хотя и предприятия трудового, а не капиталистического типа.

Чем же характеризуется капиталистическое предприятие и как отличить его от предприятий некапиталистических? Обычно думают, что характерным признаком капиталистических предприятий является пользование наемным трудом. Это, однако, безусловно неверно. С одной стороны, существуют капиталистические предприятия, совсем не пользующиеся наемным трудом и пользующиеся им в относительно ничтожных размерах, с другой же стороны, имеются предприятия некапиталистические, основанные на наемном труде.

Лучшим примером предприятий первого рода является предприятие ростовщика. Что оно имеет капиталистический характер, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Но ведь ростовщик может вести свое предприятие без всякого наемного труда. На это можно, пожалуй, возразить, что ростовщический капитал не характерен для современной хозяйственной системы. Возьмем, однако, обычный банк. Можно ли утверждать, что прибыли банка основываются на эксплуатации труда занятого в нем рабочего персонала? Высший персонал банка (директора, члены правления), от которого действительно очень существенно зависит доходность банка, получает обычно столь высокое вознаграждение, что об эксплуатации банком этого рода служащих нельзя говорить серьезно. Остаются низшие служащие и чернорабочие. Неужели же можно думать, что десятки миллионов прибыли какого-нибудь банка создаются трудом писцов, швейцаров, дворников, рассыльных и тому подобных служащих?

Источником прибыли банка является, очевидно, не труд этих лиц, а денежный капитал, которым банк располагает. Конечно, в конце концов прибыль банка извлекается из эксплуатации труда, но труда не тех лиц, которые непосредственно заняты в банке, а рабочих, занятых в предприятиях клиентов банка. Банк, владея необходимым для фабриканта денежным капиталом, имеет возможным принудить этого последнего уступить ему долю прибавочного продукта, создаваемого фабричными рабочими. Именно так, а не иначе рассматривает образование прибыли денежного капитала и Маркс*.

Но если так, то, очевидно, банк является капиталистическим предприятием не потому, что он имеет наемный рабочий

персонал, а потому, что, располагая денежными средствами, банк может присваивать долю прибавочного общественного продукта, создаваемого за пределами банка. Иными словами, прибыль банка по своему происхождению совершенно аналогична прибыли ростовщика и основывается на эксплуатации рабочих, занятых не в банке, а в предприятиях клиентов банка; и если бы банк совершенно не имел наемных служащих, он оставался бы капиталистическим предприятием, подобно предприятию ростовщика.

Но банки являются венцом капиталистической системы, и для новейшей эволюции капитализма в высшей степени характерно все большее и большее значение, приобретаемое банками. Мало-помалу банки становятся центральной руководящей силой современного капитализма, и к ним переходит управление промышленным и торговым капиталом. Владая акциями фабрик и заводов, банки являются господами промышленности*.

Итак, денежный капитал есть капитал по преимуществу — крупнейшая сила капиталистической системы. И если, как сказано, для предприятий денежного капитала характерно ничтожное значение занятого в этих предприятиях рабочего персонала, то, очевидно, пользование наемным трудом не может считаться отличительным признаком капиталистического предприятия.

С другой стороны, наемный труд может иметь применение в хозяйственных организациях, не имеющих ничего общего с капиталистической системой. Предположим, например, социалистическое государство. Средства производства принадлежали бы в этом случае государству, которое являлось бы собственником продукта и руководителем всего общественного процесса производства. Рабочие, занятые в государственных мастерских, получали бы за свой труд определенную плату, подобно тому как и рабочие в современных капиталистических предприятиях. Конечно, рабочие в социалистическом государстве не могут быть приравнены по своему положению к современным рабочим. Однако кое-что общее в положении тех и других должно остаться, именно то, что в социалистическом государстве отдельные рабочие не были бы собственниками изготовляемого ими продукта, равно как и средств производства, но получали бы от хозяина средств производства (в данном случае государства) определенную плату за свой труд.

Итак, в социалистическом обществе рабочие получали бы плату за свой труд, и, следовательно, положение их имело бы некоторые черты принципиального сходства с положением современных наемных рабочих*.

Но, оставляя в стороне рабочих социалистического государства, в кооперативах мы имеем многочисленные примеры предприятий хотя и некапиталистических, но пользующихся

нисколько не менее капиталистических наемным трудом. На фабрике потребительского общества работают такие же наемные рабочие, как и на обычной капиталистической фабрике. Тем не менее кооперативы суть предприятия существенно иного типа, чем капиталистические. Правда, многие теоретики кооперации дают такие определения кооператива, исходя из которых и заведомо капиталистические предприятия следуют признать кооперативами: но это говорит только против таких определений, а отнюдь не в пользу тождественности самих определяемых явлений.

Определить что-либо — значит всегда и разделить. Если не проводить различия между предприятиями капиталистическими и кооперативами и называть кооперативами различные капиталистические предприятия, то придется создать новый термин, чтобы из числа капиталистических предприятий выделить те, которые теперь называются кооперативами. По своей форме кооператив может быть неотличим от капиталистического предприятия, и все же внутренняя социально-экономическая природа того и другого столь различна, что в реальной жизни капиталистические предприятия и кооперативы никогда не смешиваются в один общий поток, но всегда живут совершенно особой жизнью.

Капиталистический картель, организующий сбыт, нередко принимает форму, чрезвычайно схожую с кооперативом по сбыту.

Однако и картель, и кооператив представляют собой совершенно различные социально-экономические образования, защищают интересы совершенно различных общественных групп, играют совершенно различную роль в общественной жизни современности. Называть кооперативные предприятия капиталистическими — это значит отказываться от анализа особенностей кооперативных предприятий. Дело тут не в словах, а в самих явлениях, своеобразии которых должно быть признано независимо от того, как бы эти явления ни назывались.

Итак, независимо от вопросов терминологии ясно, что наряду с капиталистическими предприятиями существует обширная группа кооперативных предприятий, которые пользуются наемным трудом, подобно капиталистическим предприятиям, но существенно отличаются по своей природе от последних.

Чем же характеризуется капиталистическое предприятие? У Маркса имеется краткая формула, которая даст все существенное для понимания сущности капитализма. Капитал, говорит Маркс, — это ценность, создающая прибавочную ценность*.

Формула эта включает в себе глубокий смысл. При известных социально-экономических условиях продукт человеческого труда получает в хозяйственной жизни способность возрастать в своей ценности. В наиболее наглядной форме эта способность

выступает в денежном капитале. Владелец денежного капитала пускает в оборот определенную денежную сумму — дает ее в ссуду другому лицу. Проходит некоторое время, и сумма эта возвращается к своему первоначальному владельцу не в прежнем, а возросшем размере. Деньги создали новые деньги — процент или прибыль.

Если мы возьмем другие формы капитала — торговый или промышленный капитал, то и тут мы увидим то же. Торговец пустил в оборот определенное количество товаров, и через некоторое время, если его обороты были удачны, его товарный капитал оказывается возросшим в своей ценности. Точно так же и промышленник получает через известное время весь свой затраченный капитал с известным приростом ценности.

В этом приросте ценности, образующем собой прибыли капиталиста, заключается весь экономический смысл данного процесса с точки зрения его руководителя. Капиталист пускает в оборот капитал только с этой целью. Правда, для общества значение данного процесса далеко не исчерпывается его последствиями для кармана капиталиста. Процесс оборота капитала есть вместе с тем процесс общественного производства и обмена. Вся жизнь общества, не только капиталистических классов, но и рабочих, связана с круговоротом капитала, и стоит только этому круговороту задержаться, чтобы нарушилось равновесие между общественным производством и потреблением. Но как бы ни был важен для общества названный процесс, руководителями его являются капиталисты, не имеющие другой цели приводить в действие этот процесс, кроме прироста ценности капитала, прибыли.

Социальной основой возникновения прибыли является присвоение капиталистом труда рабочего; но это социальное отношение скрывается в капиталистическом хозяйстве под маской отношения вещей. Деньги, товары, средства производства — все это вещи, и прибыль, получаемая капиталистом, рассматривается им с полным основанием как продукт этих вещей. Вещная маска скрывает в капитале его социальное содержание.

В этом и заключается характерная черта капиталистического предприятия в отличие от всякого другого. Капиталистическое предприятие есть, следовательно, такое, движущей силой которого является стремление к прибыли — нетрудовому доходу, возникающему благодаря круговращению капитала. Доход этот имеет своим источником эксплуатацию труда, но отнюдь не всегда того труда, который занят в данном капиталистическом предприятии: источником прибыли может быть и труд в других предприятиях, эксплуатируемых данным предприятием.

Капиталистическое предприятие существует ради прибыли; поэтому капиталистическое предприятие естественно стремится

к неограниченному расширению своих оборотов, ибо чем больше обороты, тем больше и получаемая прибыль. Стремление к большему и большему расширению есть характерная черта капитала.

Сравним с капиталистическим предприятием кооперативное. Какую бы форму ни имело последнее, какие бы цели оно ни преследовало, оно никогда не преследует цели получения капиталистической прибыли.

Правда, кооперативное предприятие нуждается в капитале несколько не менее всякого другого. Нуждаясь в капитале, оно принуждено и оплачивать этот капитал соответствующим процентом. Но оплата капитала для кооперативного предприятия отнюдь не есть цель, а лишь средство для достижения иных целей. Оплата капитала для кооператива есть неизбежное зло, расход, от которого нельзя уклониться, но который кооператив стремится свести к минимуму. И это характерно для всех без исключения форм кооперативов. Именно по этому признаку можно безошибочно определить, имеем ли мы перед собой кооператив или предприятие капиталистического типа.

Возьмем, например, потребительское общество. Оно имеет паевой капитал, на который начисляется процент. Но потребительское общество существует отнюдь не для того, чтобы доставлять своим пайщикам наивысший доход на их пай; наоборот, потребительское общество назначает по возможности низкий процент на пай, а всю свою чистую выручку распределяет между заборщиками товара, потребителями. Значит, оно существует не в интересах капитала, а в интересах потребителей.

Именно поэтому потребительское общество и является кооперативом. Конечно, для организации потребителей открыта возможность распределять свою выручку и иным образом, например между своими пайщиками пропорционально внесенному каждым паю. И действительно, существуют общества потребителей различного рода: одни распределяют выручку между пайщиками пропорционально паям, а другие — между всеми своими покупателями пропорционально закупкам каждого. Так, например, лондонские чиновничьи общества потребителей распределяют свои доходы между пайщиками, а рабочие потребительские общества так называемого «рочдельского» типа — между покупателями пропорционально закупкам. И те и другие общества именуют себя кооперативными.

Однако деятели английского кооперативного движения не признают чиновничьи общества потребителей кооперативами, так глубоки различия во всех основных чертах устройства обществ рочдельского и чиновничьего типов. В то время как рочдельские общества образуют мощные союзы, входят в состав обществ оптовых закупок, охватывающих всю страну, чиновничьи общества потребителей держат себя особняком и ника-

кого общения с рочдельскими обществами не имеют. Как бы ни называть чиновничьи общества, кооперативами или нет (сами себя они, как сказано, называют кооперативами), несомненно, что рочдельские и чиновничьи организации по всем своим целям и условиям развития существенно различной социально-экономической природы. Именно потому английские кооператоры и настаивают, что если называть рочдельские общества кооперативами, то в этом названии следует отказываться чиновничьим обществам, дабы не присваивать одного общего имени социальным образованиям существенно различной природы.

Чем же принципиально отличаются потребительские общества рочдельского и чиновничьего типов? Да тем, что они преследуют совершенно различные цели. Рочдельские общества существуют в интересах потребителей: конечно, они не могут обойтись без капитала и должны вознаграждать капитал, но служат они интересам не капитала, а потребителей; это является из распределения чистой выручки этих обществ, возвращаемой потребителям, а не достающейся владельцам паевого капитала. Напротив, чиновничьи общества служат лишь отчасти интересам потребителей, более же интересам своих пайщиков, ибо доход этих обществ распределяется между пайщиками как обычный дивиденд акционерных обществ. И потому, хотя эти общества и называют себя кооперативами, по своей экономической природе они ближе к капиталистическим компаниям, чем к истинным кооперативам. Если это и кооператив, то промежуточного типа между действительным кооперативом и капиталистическим товариществом.

Перейдем от потребительских обществ к кооперативам других типов. Возьмем, например, кооперативы по сбыту, хотя бы маслодельную артель. Чистая выручка за проданное масло распределяется в маслодельной артели между ее членами пропорционально количеству поставленного молока. Какой смысл имеет такое распределение выручки? Почему выручка распределяется не пропорционально паевому капиталу, а пропорционально молоку? Ведь в стоимость производства масла входит не только молоко, но и многое другое. Казалось бы, всего рациональнее было бы распределять выручку пропорционально доле каждого в расходах по производству масла, т. е. пропорционально внесенному капиталу, включая сюда и ценность поставленного каждым молока.

Однако маслодельная артель, как неизменное правило, распределяет чистую выручку не по паевому капиталу, а по поставленному молоку. Очевидно, для такого распределения выручки существуют серьезные основания. Паевой капитал в маслодельной артели получает свою долю, но артель стремится свести доход паевого капитала к минимуму, совершенно так

же, как и потребительское общество. Оно оплачивает паевой капитал определенным процентом по возможности менее высоким, а всю частную выручку предприятия передает поставщикам молока. Именно поэтому маслодельная артель и является кооперативом; при другом же распределении выручки маслодельная артель превратилась бы в капиталистическое товарищество.

Итак, и маслодельная артель несколько не менее потребительского общества стремится свести к минимуму вознаграждение капитала: она существует в интересах не капиталистов, а производителей молока. Этим и объясняется распределение выручки по количеству поставленного молока.

Кредитный кооператив чистого типа (райфейзеновское кредитное товарищество) совсем не имеет паевого капитала или имеет его в ничтожных размерах. Он оплачивает процентом вклады, но существует в интересах не вкладчиков, которые никакого участия в управлении товариществом не принимают, а исключительно в интересах заемщиков, интересы которых требуют возможного понижения процента на капитал. Таким образом, в кредитном кооперативе некапиталистический характер предприятия выступает с полной очевидностью.

Наконец, если мы возьмем производительную артель, то весь смысл ее заключается в стремлении устранить хозяина-капиталиста путем передачи ведения всего дела самим рабочим. Место предпринимателя-капиталиста занимают сами рабочие, удерживающие в своих руках тот прибавочный продукт, который ранее захватывался предпринимателем. Этот прибавочный продукт, который в руках предпринимателя был прибылью, оставаясь в руках создавших его рабочих, становится трудовым доходом.

Итак, к какому бы виду кооператива мы ни обратились, везде, без всякого исключения, мы встречаем следующую характерную черту: кооператив в противоположность капиталистическому предприятию не только не стремится к получению наибольшей прибыли на вложенный капитал, но стремится к обратному — возможному уменьшению капиталистической прибыли. Капитал всегда рассматривается кооперативом как некоторая враждебная сила, без помощи которой обойтись невозможно и которую необходимо поэтому оплачивать, но оплачивать возможно более низко.

Можно, пожалуй, на это возразить, что и в капиталистическом предприятии предприниматель-капиталист хотел бы оплатить возможно ниже тот капитал, который он получает со стороны, путем кредита. Однако предприниматель-капиталист стремится получить возможно более высокую прибыль на свой собственный капитал, вложенный в дело. Кооператив же относится к своему капиталу совершенно так же, как и к чужому

капиталу: кооператив по возможности ограничивает плату не только за тот капитал, который он получает от посторонних путем кредита, но и за капитал, который вложен в дело самими хозяевами кооператива, пайщиками. Иными словами, кооператив относится к своему собственному капиталу как к чему-то постороннему, чуждому, совершенно так же как капиталист-предприниматель относится к чужому, не своему капиталу. Возьмем, например, акционерную компанию; она может располагать капиталом двоякого рода — собственным, акционерным, и чужим, облигационным. Процент за облигационный капитал акционерная компания, естественно, стремится свести к минимуму, но лишь для того, чтобы тем более повысить дивиденд на акционерный капитал. Потребительское общество также имеет свой капитал — вложенные в общество его членами пай. Этот пайщицкий капитал соответствует акционерному капиталу в акционерной компании. Но потребительское общество не только не стремится довести до максимума доходность этого капитала, а, наоборот, старается ограничить этот доход возможно более низким процентом: оно относится к своему капиталу так, как капиталист относится к капиталу чужому. Этим и обнаруживается с полной очевидностью некапиталистическая природа кооператива.

4. ХАРАКТЕР ДОХОДА КООПЕРАТИВНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Вопрос о природе доходов кооперативов представляет не только теоретический интерес, но имеет также и большое практическое значение в связи с вопросом об обложении налогами кооперативных предприятий. Английское законодательство проводит резкое различие в этом отношении между потребительскими обществами и капиталистическими торговыми предприятиями. Напротив, в Германии налоги на потребительские общества являются одним из средств борьбы государственной власти с этими экономическими организациями. Точно так же и у нас, в России, вопрос об обложении кооперативных предприятий до сих пор не получил вполне определенного решения. Потребительские общества подлежат у нас торговому обложению, если их паевой капитал превышает 10 тыс. руб.

В этих колебаниях государственной власти в ее отношении к кооперативам как к предметам обложения сказывается в числе прочего также и неясность кооперативной теории. Что такое кооператив? Если кооператив принципиально не отличается от капиталистического предприятия, а представляет собой лишь своеобразную форму такового, если доход кооперативного предприятия не что иное, как прибыль, подобно доходу других капиталистических предприятий, то принципиально

трудно возражать против того, чтобы государство подчиняло кооперативы тем же налогам, которым подчиняются капиталистические предприятия вообще.

Доход потребительских обществ кажется всего более сходным с капиталистической прибылью. В то же время потребительские общества, как общества пролетарского типа, встречают наиболее враждебное отношение со стороны многих слоев современного общества, а также во многих странах и государственной власти; подчинение их обычному промысловому обложению является вполне действительным тормозом их развития и роста. Отсюда громадная практическая важность для кооперативного мира доказать некапиталистическую природу доходов потребительских обществ.

Развиваемая при этом аргументация имеет обычно следующий характер. Величина дохода потребительского общества может быть больше или меньше, в зависимости от того, как высоки цены, по которым потребительское общество продает продукты своим членам. Если бы общество продавало продукты по себестоимости (чего обычно нет, но что возможно и в отдельных случаях имеет место), то общество не имело бы никакого денежного дохода и в этом случае, очевидно, не получало бы никакой прибыли. Однако оно не потеряло бы внутреннего смысла своего существования, так как члены его получали бы и в этом случае определенную выгоду, которая сводилась бы к приобретению необходимых предметов потребления по низшей цене. Отсюда следует, что потребительское общество мыслимо без всякого денежного дохода и, значит, без всякой прибыли. Если же мы возьмем обычное потребительское общество рочдельского типа, которое продает продукты своим членам по рыночной цене, то в этом случае общество действительно имеет в конце года определенный денежный доход. Но этот денежный доход является не прибылью, а накопленными суммированными сбережениями членов, которые в первом случае получались бы ими по частям при каждой отдельной покупке.

Такова обычная аргументация, выдвигаемая кооператорами, когда им нужно обосновать свое требование об освобождении потребительских обществ от торгово-промышленного обложения. В полной убедительности этой аргументации позволительно усомниться.

Действительно, недостаточность приведенной выше аргументации очевидна. Чем является по своей природе доход потребительских обществ? Возьмем следующий пример. Перед нами две фабрики: одна принадлежит акционерной компании, другая — потребительскому обществу и работает только на нужды потребительского общества при помощи наемного труда. В капиталистической природе дохода первой фабрики не может быть ни малейшего сомнения. Доход акционеров (хотя бы этими акцио-

нерами были рабочие, как это иногда имеет место в английских фабриках) является капиталистической прибылью. На каком же основании мы не признаем прибылью доход, доставляемый потребительскому обществу его фабрикой, на которой рабочие точно так же работают по найму, как и на всякой другой фабрике. Если доход фабрики потребительского общества не есть прибыль, то к какой категории общественного дохода мы должны его отнести?

Экономическая наука различает в капиталистическом обществе три основных категории общественного дохода: земельную ренту, прибыль и заработную плату. Очевидно, что доход рассматриваемой фабрики не есть земельная рента; точно так же ясно, что этот доход не представляет собой и заработной платы членов потребительского общества, ибо потребительское общество является хозяином фабрики, работа на которой производится наемным трудом. Значит, доход этот должен быть признан прибылью. Другого выхода, по-видимому, нет.

Но если согласиться с этим, то нельзя останавливаться на полудороге и необходимо идти дальше. Если доход потребительского общества с его фабрики является прибылью, то каким образом можно отрицать капиталистическую природу всех остальных доходов потребительского общества? Разве существует принципиальное различие между различными элементами этого дохода? Часть своего капитала общество затрачивает на устройство фабрики; другая часть идет на приобретение товаров, устройство торгового помещения, складов и т. д. Мы называем торговой прибылью доход торговца, получаемый им благодаря закупке товара по низшей цене сравнительно с рыночной, по которой торговец продает эти товары своим покупателям. Разве не такой же природы доход потребительского общества? Если доход потребительского общества с его фабрики мы признали прибылью, то мы не можем иначе рассматривать доход общества с его торгового предприятия.

Можно опять применить ту же аргументацию и спросить, что же такое, если не прибыль, торговый доход потребительского общества, и по методу исключения (это, несомненно, не земельная рента и не заработная плата) прийти к выводу, что весь доход потребительского общества есть несомненная прибыль. Потребительское общество борется с капиталом его собственным оружием. Оно ставит себе целью присвоить прибыль капиталиста-предпринимателя, будет ли это торговый посредник или промышленный предприниматель, все равно. Но прибыль остается прибылью, в чьих бы руках она ни оставалась. Конкурируя с капиталистом, потребительское общество, даже если все члены его являются пролетариями, само делается капиталистом, и значит, и его доход не может не иметь капиталистической природы.

В пользу такого понимания природы потребительского общества и получаемого им дохода, можно, по-видимому, привести очень многое. Не подлежит ни малейшему сомнению, что в пределах потребительского общества между им самим и его служащими и рабочими существует известная рознь интересов, принципиально не отличающаяся от розни интересов труда и капитала вообще. Разве потребительские общества не эксплуатируют своих рабочих? И разве рабочему не все равно, кто его эксплуатирует, обычный ли капиталист или общественная организация в лице потребительского общества, если степень эксплуатации в том и другом случае одинакова?

Таким образом, доход потребительского общества следует, по-видимому, признать просто предпринимательской прибылью, а само общество — одним из видов капиталистических предприятий. Однако и это, казалось бы, такое естественное решение вопроса наталкивается на непреодолимые трудности.

Дело в том, что прибыль всякого капиталистического предприятия есть нечто, вполне определенное и объективно существующее. Можно спорить о наилучших приемах учета капиталистической прибыли, но все эти приемы исходят из представления о прибыли, как о чем-то, допускающем количественное измерение. Но что такое по своим количественным размерам доход потребительского общества? Если этот доход есть не что иное, как прибыль, то как она велика в каждом данном случае? Совершенно ясно и не подлежит ни малейшему спору, что прибыль эта отнюдь не определяется размером того денежного остатка, который в конце каждого года распределяется между членами потребительского общества. Ведь если бы мы предположили, что общество не имеет никакого денежного остатка, подлежащего распределению, благодаря продаже обществом его продуктов по себестоимости, то выгоды, получаемые членами общества от данной хозяйственной организации, отнюдь не исчезли бы и даже могли бы не уменьшиться по своим размерам, а только распределились бы иначе во времени: вместо того чтобы получать раз в год свои суммированные выгоды, каждый член общества получал бы их по частям, при каждой своей отдельной покупке. Точно так же если бы общество повысило продажные цены и этим повысило свой доход, то реальные выгоды членов общества отнюдь не испытали бы увеличения, так как увеличению суммы, получаемой каждым членом в конце года, соответствовало бы и увеличение расходов каждого члена в течение года. Таким образом, размер «прибыли» потребительского общества не может быть определен по денежному остатку, распределяемому между членами общества.

Но каким же другим способом может быть определена эта прибыль? Единственным рациональным способом этого определения мог бы быть только следующий: нужно установить, по

каким ценам члены потребительского общества приобретали бы продукты данного качества, если бы этого общества не существовало. Затем нужно определить, во что обходятся те же продукты при приобретении их от потребительского общества (принимая, конечно, в соображение и денежные суммы, распределяемые обществом между его членами). Разница между первой и последней ценами и определяет экономическую выгоду членов общества от существования последнего.

Дело, однако, в том, что если последняя цена и допускает точный учет, то первая совершенно неопределима. Действительно, как установить цену, по которой член общества приобрел бы продукт при отсутствии общества? Если общество только что возникает, то к решению этой задачи еще можно подойти с той или другой стороны. Но возьмем район, где потребительские общества существуют издавна и имеют большое развитие,—какой-нибудь Цюрих или Глазго. Не нелепа ли в данном случае сама постановка вопроса: каковы были бы цены в розничной торговле этих продуктов, если бы в них не существовало потребительских обществ? Ответить на подобный вопрос почти так же невозможно, как ответить на вопрос, каковы были бы цены в этих городах при отсутствии в них капиталистической розничной торговли, ибо и капиталистическая торговля, и общества потребителей суть неустраняемые и основные факторы строения цен в этих пунктах.

Итак, никаких определенных данных для измерения размеров «прибыли» потребительских обществ мы не имеем. Очевидно, если это и прибыль, то прибыль крайне своеобразная, глубоко отличающаяся по своей экономической природе от прибыли капиталистических предприятий. Лучше сказать, это совсем не прибыль, ибо прибыль неопределенная и не допускающая количественного учета не есть то, что называют капиталистической прибылью.

Но что же такое доход потребительских обществ, если не прибыль? Мы опять вернулись к своему исходному вопросу, приобретшему решительно загадочный характер.

Чтобы подойти к его решению, вспомним об основном делении бюджета каждого хозяйства — приход и расход. Хозяйственная деятельность всегда направлена к получению наибольших выгод. Но выгоды эти могут иметь двойственный характер: они могут заключаться или в увеличении прихода, или в уменьшении расхода. Выгоды первого рода по своей природе всегда допускают точное определение; выгоды второго рода нередко по самому существу такому определению недоступны.

Возьмем конкретный пример. Сельский хозяин желает увеличить удоимость своих коров и с этой целью изменяет характер даваемого им корма. Полученные им с этого выгоды могут быть легко учтены по увеличению количества молока, достав-

ляемого каждой коровой. Это вновь полученное молоко соответственно увеличит доход данного хозяйства.

Но пусть тот же сельский хозяин, чтобы уменьшить опасность заболевания своих коров, прививает им сибирскую язву. Такой образ действий хозяина, если опасность заболевания сибирской язвой велика (например, если болезнь появилась в соседнем стаде), несомненно, вполне рационален и выгоден для хозяйства. Но определить размер полученной выгоды совершенно невозможно, ибо невозможно знать, заболел бы данный скот определенной болезнью или нет, если бы прививок не последовало.

В первом случае полученная выгода имеет определенный характер, ибо это есть новая ценность, поступившая в приход данного хозяйства. Во втором случае никакой новой ценности от данной хозяйственной операции не получилось, ибо операция эта имела в виду лишь предотвратить возможный убыток.

Возможный убыток есть по самой своей природе нечто неопределенное, как и все лишь возможное, но реально неосуществившееся; полученный же прирост ценности имеет вполне реальный характер и допускает точное измерение.

Рациональное хозяйство должно принимать меры в двояком направлении: как к увеличению своего реального прихода, так и к уменьшению своего реального расхода, причем в последнем случае могут иметься в виду не только возможные, ожидаемые, но и реально еще не наступившие опасности. Такой характер имеют все операции страхования и многое другое.

Теперь мы можем понять природу выгод, доставляемых потребительским обществом его членам. Эти выгоды заключаются не в увеличении дохода последних, а в уменьшении их расходов. Потребительское общество не дает своим членам нового дохода, но оно сокращает их расходы, и в этом его польза.

Насколько именно сокращает общество эти расходы, сказать невозможно, так как в данном случае приходится учитывать не реально существующие экономические факторы, а исходить из предположения возможного, но реально не существующего экономического положения.

Итак, трудность или, точнее, невозможность определить экономическую природу дохода потребительских обществ зависела от того, что суммы, распределяемые потребительским обществом между его членами, вообще не являются в экономическом смысле доходом. Он суть лишь сбереженная членами общества часть расходов последних.

В данном случае дело идет вовсе не о тонкостях экономической терминологии, а о реальных экономических различиях огромной важности. Предположим, например, что рабочие устраивают на свои сбережения фабрику, на которой работа производится рабочими, нанимаемыми со стороны. Хозяевами дан-

ной фабрики будут только рабочие; но как бы демократически не было организовано управление данной фабрики, как бы не было велико равноправие между ее хозяевами, она никогда не составит кооператива, если будет ставить своей целью продажу продуктов на сторону. Она явится вполне капиталистическим предприятием, подчиненным всем законам капиталистических предприятий. Хозяева фабрики, рабочие, могут преследовать только одну цель при устройстве этой фабрики — получить наибольшую прибыль на затраченный ими капитал. Чем лучше будет вестись фабрика, тем больше будет доставляемая ею прибыль. При удаче операции фабрики могут неограниченно расти, и соответственно этому может расти и прибыль, получаемая хозяевами. Хотя устроителями фабрики были рабочие и фабрика устроена ими на заработанные деньги, но ничто не мешает тому, чтобы рабочие — хозяева фабрики стали по истечении известного времени крупными капиталистами и вышли из рядов рабочего класса.

Рабочий, имеющий пай на фабрике, на которой начисляется дивиденд, получает доход из двоякого источника: с одной стороны, — со своего труда, с другой стороны — со своего капитала. Чем лучше идет принадлежащее ему капиталистическое предприятие, тем важнее капиталистический доход такого рабочего, и в конце концов рабочий может превратиться в настоящего капиталиста, переставая лично работать по найму, в чем исчезнет надобность вследствие увеличения его нетрудовых доходов.

Возьмем теперь фабрику, принадлежащую потребительскому обществу рабочего состава. Ее хозяевами являются такие же рабочие, как и хозяева первой фабрики. Но эта фабрика работает не на сторону, а на потребительские нужды членов потребительского общества.

Получая свою долю на заборный рубль, член потребительского общества получает нечто совершенно иное, чем хозяин первой фабрики. И это лучше всего видно из следующего. Как бы хорошо ни шли дела второй фабрики, денежный доход от нее не может превзойти очень узких размеров, — он не только не может превысить размер доходов ее хозяев из других источников, но даже не может достигнуть полных размеров этих последних доходов. В самом деле, ведь в виде доли на заборный рубль рабочий возвращает себе часть своих расходов, производимых им из его же заработка. Как бы удачно ни шли дела потребительского общества, но расходы его не могут быть сведены до нуля, значит, рабочий во всяком случае получит обратно от потребительского общества в виде денежного остатка меньше того, что он дал.

Итак, потребительское общество ни в каком случае не может превратить рабочего в капиталиста. Чтобы получить свою долю

доходов потребительского общества, рабочий должен прежде всего израсходовать свои деньги. Откуда же он их может получить? Только путем продажи своей рабочей силы. Никакого нового источника дохода потребительское общество своему члену не даст, ибо оно согласно сказанному имеет своей целью уменьшить расходы потребителя, а не дать новые источники дохода производителю.

Правда, и капиталистические предприятия стремятся к сбережению расходов, но предприятия эти, сберегая расходы, тем самым повышают свою прибыль, между тем как потребительское общество, сберегая расходы, никакого нового дохода не создает.

То обстоятельство, что выгоды потребительского общества находятся в известной зависимости от эксплуатации обществом труда его служащих и рабочих, ничего не меняет в этом положении дела. Далеко не всегда эксплуатация труда приводит к возникновению специфического капиталистического дохода — прибыли. Возьмем, например, труд домашней прислуги. Ее труд эксплуатируется нанимателями не меньше, чем труд рабочего, занятого на фабрике. Однако никому в голову не приходит, вычисляя свои доходы, причислять к ним еще «прибавочный труд» своей домашней прислуги.

Может быть, однако, это просто неточность составления баланса домашнего хозяйства? Отнюдь нет. Приравнивать «прибавочный труд» домашней прислуги прибавочному труду рабочего, занятого в капиталистическом предприятии, значит совершенно не понимать природы капиталистического хозяйства и природы капиталистической прибыли.

Сущность капиталистического хозяйства сводится к тому, что капиталист бросает в оборот известную ценность, которая затем к нему возвращается, но в возросшем виде. Этот прирост ценности образует собой прибавочную ценность, ради которой и предпринимается капиталистом вся данная операция.

Если капиталист дает рабочему на своей фабрике работу, то лишь для того, чтобы уплаченная заработная плата вернулась обратно к уплатившему в возросшем виде. Капиталист совершенно равнодушен к тому, какую именно работу выполняет рабочий, каким потребностям удовлетворяет изготовленный рабочим продукт, как влияет этот продукт на те или иные общественные интересы и т. д., и т. д. Ему важно только одно — чтобы ценность полученного им продукта возможно больше превышала сделанные затраты, чтобы возникла возможно большая прибавочная ценность и вернулась к своему исходному пункту — кассе капиталиста, пустившего ценность в оборот.

Что сущность круговорота капитала именно такова, об этом не может быть серьезного спора. Посмотрим теперь, имеется ли что-либо общее по своему внутреннему экономическому со-

держанию между наймом рабочего на фабрику и наймом домашней прислуги.

Я нанимаю за 20 руб. в месяц кухарку вовсе не потому, что я хочу пустить в оборот свои 20 руб. и превратить их, скажем, в 25 руб. Мои побудительные мотивы совсем иные, не имеющие ничего общего с мотивами капиталиста. Мне нужна не прибавочная ценность — мне нужен обед. И чтобы получить обед, я плачу кухарке. И если согласиться, что я эксплуатирую свою кухарку, то все же окажется, что капиталист эксплуатирует своих рабочих ради прибыли, а я эксплуатирую свою кухарку ради потребительских целей, ради хорошего обеда, а это далеко не одно и то же.

Допустим, что фабрикант увеличил эксплуатацию своего рабочего, повысив его рабочий день на 1 ч. Это вызовет соответственно увеличение прибыли фабриканта.

Если же я увеличу эксплуатацию своей кухарки, повысив ее рабочий день на 1 ч, то я не увеличу своей прибыли от кухарки, ибо и раньше никакой прибыли от нее не получал. Увеличение рабочего дня кухарки даст мне, быть может, возможность улучшить мой стол — вот и все. Я существенно выиграю, как и фабрикант, но мой выигрыш будет другой экономической природы — у капиталиста возросла прибыль, у меня же улучшилось потребление.

Правда, новая прибыль фабриканта может быть затрачена им на улучшение его потребления, и, таким образом, окончательный результат в обоих случаях будет тот же. Но достигнуто-то он будет разными путями: в первом случае увеличение эксплуатации труда (в капиталистическом хозяйстве) превращается в добавочную прибыль, а затем добавочная прибыль превращается в добавочные предметы потребления капиталиста; во втором же случае (в домашнем хозяйстве) увеличение эксплуатации труда никакой добавочной прибыли не дает, а имеет своим непосредственным результатом улучшение условий домашнего хозяйства.

Вообще, капиталистическое хозяйство есть прибыльное, а не потребительское хозяйство — это нужно твердо помнить. Движущей силой капиталистического хозяйства является абстрактная прибавочная ценность; напротив, движущей силой потребительского хозяйства является потребность в тех или иных конкретных хозяйственных предметах.

Потребительское общество по самой своей природе преследует потребительские цели. Как бы оно ни эксплуатировало труд своих служащих и рабочих, оно не может утратить этого своего основного характера. И потому уменьшение расходов на домашнее хозяйство, к чему стремится потребительское общество, нечто совершенно иное, чем увеличение прибыли, к чему стремится капиталистическое предприятие. Суммирование

в одно целое ряда этих сбережений и выдача их в конце года члену потребительского общества не изменяет экономической природы таких сбережений и не делает их прибылью, хотя бы эти суммированные сбережения и назывались «дивидендом», подобно капиталистической прибыли акционерных обществ.

Отсюда видно, как велико различие социально-экономической природы потребительского общества и капиталистического предприятия, кому бы последнее ни принадлежало, — лицам капиталистического класса или, при акционерной форме предприятий, — рабочего класса.

Перейдем теперь к другим видам кооперативных предприятий. Совершенно ясно, что доход производительной артели является принципиально трудовым доходом и в качестве такового ничего общего с нетрудовой капиталистической прибылью не имеет. К какому же подразделению тройственной группы доходов — земельной ренте, прибыли и заработной плате — относится этот доход? Ни к какому, по той простой причине, что эти три вида дохода предполагают капиталистический способ производства, в данном же случае производство не имеет капиталистического характера. Поэтому доход производительной артели, равно как и доход одиночного самостоятельного производства, стоит вне названного тройственного деления.

Правда, в доходе производительной артели могут быть и нетрудовые элементы, общие с капиталистической прибылью. Так, например, поскольку доход артели основывается на разнице между покупной и продажной ценой приобретаемых материалов, доход этот принципиально не отличается от торговой прибыли. Но не эти извне привходящие элементы определяют собой экономическую природу дохода артели. Артель устраивается не для спекуляции на разнице покупной и продажной цены, а для достижения наилучшего использования в интересах рабочего его рабочей силы. Торговая спекуляция является посторонним элементом в деятельности артели. Напротив, трудовой доход составляет самое существо ее, и изображать трудовую артель компанией капиталистов-спекулянтов, значит совершенно исказить действительность.

Возьмем другие виды кооперативов — кооперативы по сбыту продуктов труда членов кооперативов и по переработке этих продуктов. Кооперативы эти во многих случаях по своей внешней форме значительно сближаются с ультракапиталистическими организациями нашего времени — картелями и синдикатами капиталистов. Одна из важнейших целей этих капиталистических организаций заключается в совместной продаже продуктов каждого отдельного предприятия. Для этого картель устраивает общую контору продажи, причем полученная прибыль обычно разверстывается между участниками картеля в соответствии с количеством проданного через посредство общей

конторы продукта. Чем больше продуктов продает через общую контору каждое отдельное предприятие, тем больше причитающаяся ему доля общей прибыли. Перед нами полная аналогия с распределением выручки в кооперативах для сбыта.

Не следует ли такой капиталистический картель — например, хоть бы русскую знаменитую «Продамету» недавнего времени, — признать кооперативом? Экономическая форма «Продаметы» принципиально не отличалась от любого кооператива сбыта. Правда, юридически общество «Продамета» была не что иное, как обычная акционерная компания с такими же акциями, дивидендом на них и т. д. Но эта акционерная форма была только обманчивой видимостью. На самом же деле «Продамета» отнюдь не походила на обычную акционерную торговую компанию, и это с полной очевидностью выступало из поразительного несоответствия между оборотами «Продаметы» и ее акционерным капиталом. Основным капитал «Продаметы» при учреждении этого общества был определен всего в 100 тыс. руб., между тем обороты его в ближайшие же годы достигли десятков миллионов рублей. Отсюда ясно, какое ничтожное значение имел для оборотов «Продаметы» ее основной капитал. Объясняется это тем, что «Продамета» не покупала товаров, а только продавала их по поручению ее членов. Она была организована в виде акционерного общества только для того, чтобы получить права юридического лица.

Акции «Продаметы» не могли быть отчуждены по усмотрению акционеров, но распределялись между участниками пропорционально доле участия каждого в сбыте соответствующих товаров; поэтому и прибыль «Продаметы» распределялась фактически между ее членами таким же порядком, подобно тому как в артельной маслодельне полученный доход распределяется пропорционально количеству поставленного молока.

Некоторые теоретики кооперации не прочь, по-видимому, признать подобные капиталистические организации за настоящие кооперативы. Но ведь совершенно очевидно, что экономическая роль и все условия развития капиталистических картелей и трестов не имеют ничего общего с ролью и условиями развития в современном обществе кооперативов. Ни один кооператор не предложит всерьез включить в кооперативные союзы и организации также и капиталистические картели и тресты. Если же теоретики кооперации приходят в результате своих попыток определить кооперацию к признанию кооперативами и картелей, то это является лучшим доказательством неудачности этих попыток, сведением к абсурду данных теоретических построений.

Итак, чем же отличаются кооперативы по сбыту от капиталистических контор сбыта, иначе говоря, картелей? Только тем, что первые организации объединяют трудовых производителей,

а вторые — капиталистических предпринимателей. Различие юридической структуры тех и других есть следствие этого основного их различия.

Кооперативы по сбыту не нуждаются в юридической форме акционерной компании потому, что они не преследуют капиталистических целей. Как и картели, они стремятся к повышению доходов их членов; но так как членами кооперативов являются не капиталисты, а трудящиеся производители, то и кооперативы по сбыту увеличивают трудовые доходы своих членов.

Опять-таки, как мы видели на примере производительных артелей, нельзя провести точной разграничительной черты между трудовыми и нетрудовыми элементами доходов самостоятельных производителей, образующих кооператив по сбыту. Каждый производитель стремится продать свой продукт по возможно высшей цене, и это верно как относительно капиталистических, так и трудовых производителей. Если продажная цена продукта мелкого производителя не соответствует его относительной трудовой стоимости*, то в ней имеются нетрудовые элементы — мелкий производитель получает доход, аналогичный торговой прибыли. Но мелкие производители по самой природе капиталистического общества являются в нем не сильнейшим, а слабейшим общественным классом. Они борются не за повышение их трудового продукта выше трудовой нормы, а стараются оградить себя путем кооперативной организации от понижения цены их продуктов капиталистами-посредниками ниже этой нормы.

«Продавец всегда стремится,— сказал известный теоретик кооперации Оппенгеймер,— к возможно большей прибыли». Это сказано очень неточно. Действительно, всякий продавец всегда стремится к наибольшей выгоде, но эта выгода не всегда имеет характер капиталистической прибыли. Если продавец продает свой собственный трудовой продукт капиталисту-посреднику, то, как общее правило, не он является эксплуататором покупателей, а покупатель его эксплуатирует. Торговый посредник обладает капиталом, а мелкий производитель находит опору только в своем труде. Повышение продажной цены продукта мелкого производителя отнюдь не превращает его в капиталиста, но, как общее правило, только уменьшает эксплуатацию мелкого производителя капиталистом-посредником.

Но и по самому существу дела продажная цена продукта трудового производителя не может превысить, как общее правило, трудовой нормы. И это потому, что если бы нечто подобное произошло, если бы продажные цены в данной отрасли производства существенно повысились против названной нормы, то мелкий производитель получил бы сильный мотив к расширению своего предприятия путем привлечения к нему наемного труда; таким образом, мелкий производитель развивался бы

в мелкого капиталиста. Кооперация мелких производителей повела бы в этом случае к превращению трудовых производителей в мелких капиталистов. Но организация, в которой трудящиеся элементы перестали бы давать тон, неизбежно утратила бы и специфические черты кооператива, которые обычно считаются его признаками, как-то: демократизм, личное начало и т. д. Все эти черты суть неизбежное и неустранимое следствие существенной природы кооператива — того, что кооператив объединяет трудовые, а не капиталистические элементы.

Капиталистическая организация имеет всегда крайне характерный облик. Весь смысл этой организации заключается в стремлении к наибольшему барышу. Отсюда тенденция к неограниченному расширению оборотов предприятия, ибо жажда наживы никогда не достигает насыщения. Капиталу свойственно становиться самоцелью, подчинять себе не только весь строй данной экономической организации, но и самого человека.

Кооперативы характеризуются прямо противоположными чертами. Их цель — не наибольшая прибыль, но наибольшая степень благосостояния членов кооператива: они не только не подчиняют человека капиталу, но, наоборот, ставят своей задачей избавить человека от такого подчинения.

И в этом смысле кооператоры, настаивающие еще со времен Шульце-Делича на том, что кооперация есть союз лиц в противоположность союзам капиталов, совершенно правы. Недостатком определения кооператива как союза лиц является лишь неопределенность и неясность этого понятия. Нужно показать, какой же экономический смысл имеет противопоставление понятия лица понятию капитала.

Вопрос о природе доходов кооперативов может быть решен следующим образом. Доход кооперативного предприятия принципиально глубоко отличен от капиталистической прибыли. Правда, элементы прибыли могут примешиваться к доходу кооперативов. Но они всегда являются инородным телом в природе этого дохода, явлением ненормальным, препятствующим кооперативу достигать своих основных целей, началом капиталистического вырождения кооператива, которое постигает очень многие кооперативы, но которое никоим образом не может считаться выражением их внутренней сущности. Кооперация выросла на капиталистической почве и имеет капиталистическую форму; но в этой капиталистической форме живет совершенно иной, некапиталистический дух, влекущий человечество на новые пути, создающий новые общественные формы, настолько противоположные формам жизни капиталистического общества, насколько солидарность и взаимопомощь противоположны эксплуатации и насилию*.

5. КООПЕРАТИВ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Итак, кооператив не только не есть капиталистическое предприятие, но именно в борьбе с капиталом и заключается самая сущность кооперативного движения. В своем капиталистическом теле кооператив скрывает душу, враждебную капиталу. Кооперативы служат интересам не капиталистов, а тех, кто страдает от капитализма. Кооперация есть одна из форм самозащиты трудящихся классов от натиска капитала.

Каждый вид кооперативов имеет своей специальной задачей борьбу с определенным родом капитала. Так, например, потребительские общества ведут борьбу прежде всего с розничными торговцами, торгующими предметами широкого массового потребления; на следующей ступени развития потребительские общества, объединенные в общества оптовых закупок, вступают в борьбу и с оптовыми торговцами, а еще на следующей ступени, когда они переходят к собственному производству,— и с промышленным капиталом. Товарищества по сбыту борются с капиталистами-скупщиками, закупочные товарищества — с капиталистами-продавцами. Производительные ассоциации стремятся уничтожить капиталиста-фабриканта, заменяя его организованным участием рабочих в руководительстве промышленным предприятием.

Но не нужно забывать, что борьба кооперативов с капиталистом ведется ими не созданием совершенно нового хозяйственного строя, как пытались, и безуспешно, бороться с капитализмом социалистические общины. Кооперативы тоже создают новый мир, но теми орудиями, которые имеются в самом капитализме.

Развитие капиталистического строя, будучи, несомненно, прогрессивным процессом и повышая в огромной степени производительность общественного труда, в то же время сопровождается тяжелыми страданиями для широких масс населения. Мелкие производители терпят от конкуренции крупных капиталистических предприятий и в то же время, все более и более втягиваясь в сферу меновых отношений, утрачивают устойчивость своего хозяйства и попадают в зависимость от денежного и торгового капитала. Создаваемый ростом капиталистического производства пролетариат является новым общественным классом, лишенным средств производства и не обеспеченным в своем доходе, всецело зависящим от условий продажи рабочей силы.

В то время как мелкие производители страдают от развития капиталистических отношений в качестве предпринимателей, рабочие терпят от тех же отношений в качестве продавцов рабочей силы и потребителей. И для тех и для других возникает

необходимость ограждения своих интересов от неблагоприятных последствий нового хозяйственного строя.

Самозащита трудящихся классов возможна только путем объединения их в более или менее обширные группы. И мелкие самостоятельные производители, и рабочие являются, сравнительно с крупными предпринимателями, капиталистами, экономически более слабыми. Единоличная борьба отдельных представителей трудящихся классов с капиталистами невозможна. Но связанные общей организацией, трудящиеся классы могут с успехом противостоять капиталу.

Единоличный пролетарий не располагает никакими средствами для борьбы с розничным торговцем, продающим ему предметы потребления плохого качества по непомерно высокой цене. Он не может заменить покупку у розничного торговца приобретением товара у оптовика, ибо он покупает по мелочам и не располагает капиталом, необходимым для покупки товара большими партиями. Но группа таких пролетариев, объединенная в качестве покупателей, представляет собой крупную покупательную силу, для которой покупка по оптовым ценам не представляет собой ничего невозможного. Точно так же мелкий производитель, выступая единолично, не имеет никакой возможности отстоять себе тех условий кредита, которые доступны крупному предпринимателю. Группа же мелких производителей при солидарной ответственности их друг за друга представляет собой не меньшее обеспечение исправного возврата полученной ссуды, чем любой капиталистический заемщик. Также и при сбыте своих продуктов мелкий производитель, предоставленный своим единоличным силам, неизбежно попадает в зависимость от экономически более сильного капиталиста — покупателя, между тем как группа тех же производителей, выступая как одно целое на товарном рынке, легко достигает таких же условий продажи, как и крупный предприниматель.

В этом объединении многих лиц вокруг одной хозяйственной цели заключается источник силы кооперации. Кооперативы — не только хозяйственные предприятия, но и предприятия многочисленные.

Хозяйственные организации в интересах широких общественных групп могут возникать двумя способами — принудительно или добровольно. Государство и его органы являются принудительной организацией, которая может ставить себе цели хозяйственные и успешно достигать их. Принудительные общественные организации могут создавать специальные учреждения для защиты хозяйственных интересов тех же общественных классов, которые объединяются и в кооперативы.

Кооператив защищает хозяйственные интересы экономически слабых общественных групп путем объединения их в одно хозяйственное целое. Но то же может делать государство или

его органы — город и земство. И действительно, мы нередко видим, что принудительные общественные организации (например, муниципалитеты), так сказать, конкурируют с кооперативами в защите интересов совершенно того же порядка.

Потребительское общество борется за удешевление стоимости жизни нуждающихся классов населения. Но за ту же задачу борется и муниципалитет. Так, например, в последнее время под влиянием вздорожания жизни многие города устраивают городские лавки для продажи разных продуктов по умеренным ценам.

Другим примером того же рода являются государственные и общественные зернохранилища — элеваторы, устраиваемые государством и муниципалитетами для улучшения условий продажи хлеба. Те же цели преследуют и элеваторы, принадлежащие кооперативам.

Если мы вспомним, какой огромной экономической силой обладают принудительные общественные союзы, то самая возможность конкуренции с последними кооперативов покажется нам мало понятной. Ведь государство и его органы собирают свои средства путем налогов. Экономические средства государства кажутся неисчерпаемыми. Напротив, кооперативы не только не обладают столь же обширными ресурсами, но, как общее правило, очень ограничены в своих денежных средствах. И это несколько не удивительно. Ведь кооперативы возникают среди более бедных классов населения. Эти классы не располагают никакими избытками, никакими свободными капиталами.

Начинаются кооперативы обычно с самым ничтожным денежным капиталом, который только постепенно, после продолжительного существования кооператива, достигает больших размеров. Таким образом, перед нами две хозяйственные организации — одна из них располагает средствами, практически неисчерпаемыми и получаемыми в желаемых размерах путем принудительного обложения населения; другая же организация до последней степени стеснена в средствах, собираемых жалкими грошами среди более нуждающихся общественных классов. Разве возможна успешная конкуренция между организациями столь различной экономической силы?

Опыт показывает, что не только возможна, но что нередко кооперативы оказываются более пригодными для разрешения тех задач, которые они себе ставят, чем преследующие сходные цели учреждения, связанные с государством и муниципалитетами.

Городские лавки и тому подобные учреждения далеко не всегда имеют успех, несмотря на громадные средства, которые на них затрачиваются. Редко они себя окупают и обычно могут существовать только благодаря новым и новым затратам общественных средств. Напротив, кооперативы не только оку-

пают себя, но и имеют возможность накапливать из своей выручки крупные сбережения. Накопленный английскими потребительскими обществами капитал считается десятками миллионов фунтов стерлингов, но, кроме того, эти общества имеют возможность возвращать своим покупателям из своей выручки свыше десяти миллионов фунтов стерлингов ежегодно.

Что же возмещает кооперативам недостаток капитала при начале дела? В чем источник их силы?

Ответ не труден. Если сила принудительных союзов заключается в возможности принуждения населения, то сила кооперативов заключается именно в их полной добровольности, в совершенной свободе каждого члена принимать или не принимать в них участие. Кооператив является такой хозяйственной организацией, которая возникает совершенно свободно, без какого бы то ни было принуждения. Кооператив есть организованная самопомощь, и в этом его специфическая сила.

Сравним потребительское общество с лавкой, устраиваемой городом для борьбы с дороговизной тех или иных продуктов. В городской лавке управление принадлежит городским властям, которые сами непосредственно очень мало заинтересованы в том, чтобы лавка достигала своих целей. Лавка существует в интересах покупателей, но сами покупатели не принимают никакого участия в управлении ею. Они ничем не помогают управлению лавкой и относятся к ней так же, как и к любому капиталистическому предприятию.

Возьмем теперь потребительское общество. Правда, начинать ему приходится с грошей, и его первые шаги всегда сопряжены с огромными затруднениями. Но зато члены потребительского общества лично заинтересованы в том, чтобы оно достигало своих целей. Все покупатели суть вместе с тем и хозяева. Какое-либо упущение или неисправность управления лавкой контролируются самым действительным образом сотнями и тысячами участников кооператива. Всякий из них понимает, что неудача лавки есть его собственная неудача, и отсюда является готовность идти на известные жертвования своими экономическими интересами и своим временем и трудом для поддержания лавки.

Опираясь на эту солидарную заинтересованность всех своих клиентов, кооператив может достигать огромных результатов с самым ничтожным капиталом. Недостаток капитала замещается общей готовностью сделать все возможное для успеха общего дела.

Муниципальное предприятие в интересах населения есть опека последнего сверху. Напротив, кооператив есть самопомощь самого населения.

Кооператив взывает прежде всего к личной заинтересованности каждого. Но это не все — на личной заинтересованности

основываются и капиталистические предприятия. Кооперация в этом отношении, как и в других, существенно отличается от капитализма.

Люди, поведение которых определяется только мотивами личного эгоизма, непригодны для кооперации. Правда, кооператив обещает своим членам существенные экономические выгоды, но эти выгоды могут быть получены ими лишь в случае, если члены кооператива способны отказаться от своих выгод.

Первые шаги кооператива всегда очень трудны, и кооператив не переживает болезней своего детства, если члены его будут думать только о своих личных интересах. На первых порах кооператив никаких выгод не дает, а требует жертв. Не только нужно вносить пай, что для тех классов населения, среди которых возникает кооператив и которые не обладают никакими избытками, очень и очень не легко, но нужно быть готовым и переносить последствия промахов и ошибок, неизбежных у руководителей нового дела. Кучка рабочих, решившихся основать потребительское общество, не располагает знанием рынка и вообще не обладает торговым умением. Поэтому, как общее правило, первое время рабочее потребительское общество оказывается по отношению к выполнению своих непосредственных задач — снабжению своих членов доброкачественными предметами потребления по умеренной цене — стоящим значительно ниже обычной капиталистической лавки. Для членов общества возникает соблазн покупать товары не в своей лавке, а у соседнего торговца, который к тому же предлагает товар в кредит; в то время как общество отпускает товар только за наличные.

Затем, само ведение дела — должности члена правления, ревизионной комиссии — требует значительной затраты времени и труда. А всякая свободная минута дорога рабочему человеку. Приходится жертвовать своим досугом и вместо того, чтобы отдыхать от утомительного труда, тратить время на скучные и несколько не интересные мелкие хлопоты и счеты.

Что же побуждает людей не отступать перед всеми этими трудностями и победоносно преодолевать их? Очевидно, только интерес к общему делу, общественное воодушевление, энтузиазм. Без такого энтузиазма невозможен успех кооператива.

Каких же душевных свойств требует кооперация от своих участников? Конечно, не равнодушия к личному интересу. Наоборот, кооператив предполагает личную заинтересованность и без нее не может иметь успеха. Личная заинтересованность создает тот непрерывный контроль, который так важен для успеха кооператива.

Приказчик продает в лавке потребительского общества товар плохого качества. Если покупатели лавки не привыкли беречь свою копейку, то они могут и не обратить внимания на полученный ими от плохого качества товара небольшой хозяй-

ственный ущерб. В результате этих мелких упущений получается плохое ведение всего дела. Напротив, если члены кооператива привыкли строго охранять свои интересы и избегать всякого хозяйственного ущерба, как бы ничтожен он ни был, то ни одно упущение правления не остается незамеченным и может быть, следовательно, исправлено.

Таким образом, мелочный контроль дела, исходящий от массы членов кооператива, пользующихся его услугами, есть необходимое условие успеха. А этот мелочный контроль может основываться только на привычке строго охранять свои интересы.

6. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КООПЕРАТИВА И РАЗЛИЧИЕ КООПЕРАЦИИ ОТ ДРУГИХ ФОРМ САМОПОМОЩИ ТРУДЯЩИХСЯ КЛАССОВ

Но охрана своих интересов должна соединиться у кооператора с готовностью жертвовать ими во имя общих интересов. Не чистый эгоизм и не чистый альтруизм, а солидарность интересов — вот духовная основа кооперации. Эгоизм лежит в основе капитализма, альтруизм — социализма *, кооперация соединяет эгоизм с альтруизмом в сознании солидарности общего и частного интересов. В кооперативе интересы всех примирены и все в равной мере заинтересованы в том, чтобы общее дело преуспело *, успех этого общего дела обещает и многочисленные выгоды отдельным участникам. Но чтобы получить эти выгоды, нужно уметь и отказываться от них, если это требуют общие интересы.

Как правильно замечает Рейнольд Рин, автор прекрасной книги „Das Konsumvereinswesen in Deutschland“, «сознание своих собственных интересов побуждает кооператора стремиться к сохранению всех тех, по внешней видимости чисто идеалистических учреждений, которые имеют своей целью развитие чувства солидарности между кооператорами. Отсюда затрата огромных сумм в английских потребительских обществах на цели воспитания, образования и благотворительности, достигающих, чтобы привести конкретный пример, в обоих потребительских обществах Ольдгама за пятидесятилетие их существования не менее двух с половиной миллионов марок. Эти общества знают, что эти два с половиной миллиона марок были не следствием, а причиной 53,5 млн. марок, выданных членам тех же обществ. Отсюда и стремление создать в потребительском обществе средоточие духовной и общественной жизни членов общества. Как хороший хозяин потребительское общество вводит в свой финансовый учет выгоды от поднятия морального и интеллектуального уровня своих членов совершенно так же, как государство учитывает выгоды от поднятия платежеспособности насе-

ления, поощряя развитие образовательных учреждений. Наблюдателя поражает контраст между тем членом потребительского общества, который на общем собрании гремит по поводу плохого чая, проданного его достойной супруге, и кооператором, который с воодушевлением требует затрат на кооперативные школы, библиотеки, санатории и пр., но в конце концов это только подтверждение тривиальной истины, что с поднятием морального и интеллектуального уровня возрастают и хозяйственные успехи человека».

Итак, кооперация воспитывает нового человека, гармонично сочетающего в себе умение отстаивать личные интересы с готовностью отказываться от них во имя интереса общего. Как кооперация есть детище двух совершенно противоположных общественных систем — капитализма и социализма, так и душевные свойства кооператора являются своеобразным сочетанием противоположных этических начал эгоизма и альтруизма.

Суммируя все указанные характерные черты кооператива, мы приходим к следующему определению его: *кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких, добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды.*

Кооператив по самому своему существу есть организация трудящихся общественных классов в их борьбе с капиталистами. Поэтому ничего не может быть фальшивее рассуждений многих проповедников кооперации о неклассовом характере кооперативного движения. Кооперативы всегда были и остаются организациями классовыми, организациями трудящихся классов.

Самозащита трудящихся классов может вестись двумя способами: путем непосредственной борьбы с их антагонистами и путем конкуренции с последними. Отсюда и вытекают три основных русла современного рабочего движения — профессиональное, политическое и кооперативное. Профессиональное движение, выражающееся в союзах рабочих как продавцов рабочей силы, непосредственно направлено против капиталистов. Весь смысл рабочего союза заключается в борьбе с капиталистом-предпринимателем ради возможного улучшения условий продажи рабочей силы. Интересы капиталистов и рабочих находятся в данном случае в резком антагонизме.

Политические партии рабочих ведут такую же борьбу, но в более широких политических рамках. Борьба направлена в этом случае непосредственно против капиталистов, против государства, поскольку последнее является выражением классового господства владельцев средств производства. И политиче-

ская партия рабочих, не менее рабочего союза, есть боевая организация, созданная всецело для борьбы.

Кооператив глубоко отличен по своей природе и от рабочего союза, и от политической партии. Правда, все три организации имеют своей средой трудящиеся классы и защищают интересы этих классов. Но кооператив ведет эту защиту совсем другим методом, чем рабочий союз (не говоря уже о политической партии). Рабочий союз борется внутри капиталистического предприятия и, значит, предполагает существование последнего; в рабочем союзе находит себе выражение внутренний антагонизм, присущий капиталистическому предприятию как таковому.

Напротив, кооператив существует не внутри капиталистического предприятия, а вне его, рядом с ним. Рабочий союз берет капиталистическое предприятие, как оно есть, и стремится изменить в интересах рабочих его внутреннее соотношение сил. Кооператив не затрагивает непосредственно внутреннего строения капиталистического предприятия и соотношения его антагонистических сил, а создает рядом с капиталистическим предприятием новое предприятие в интересах трудящихся классов.

Поэтому с формальной, внешней стороны кооператив не ведет никакой борьбы с капиталистическим классом. В то время как весь смысл рабочего союза заключается в этой борьбе, кооператив занят ведением своего предприятия и совершенно не вмешивается в отношения труда и капитала в других предприятиях.

Многие кооператоры думают, что кооператив есть организация, принципиально чуждая какой бы то ни было борьбе. Кооперация, говорят они, есть социальный мир, кооперация не посягает ни на чьи интересы, она стоит выше классовых антагонизмов современности.

Это, однако, безусловно неверно. Если бы кооперация была вне классовых антагонизмов капиталистического общества и выражала собой социальный мир, то почему она встречала бы в своем развитии столько вражды? В особенности потребительская кооперация — самая высшая форма кооперации — вызывает в своем росте самое ожесточенное противодействие капиталистического класса. Об этом будет речь ниже, теперь же ограничимся констатированием того бесспорного факта, что не только лавочники борются всеми средствами с потребительскими обществами, но нередко и государство. Достаточно сослаться на пример Германии.

В действительности кооперативы ведут не менее энергичную борьбу с капиталистическим классом, чем рабочие союзы, но совершенно иным образом. Создавая новое предприятие, кооператив конкурирует с капиталистическими предприятиями и уничтожает последние. В этом смысле кооператив еще опаснее для

капиталистического предприятия, чем рабочий союз. Последний стремится изменить соотношение сил внутри капиталистического предприятия в ущерб интересам капитала, но не только не желает разрушения самого предприятия, а, наоборот, не менее капиталиста заинтересован в сохранении его. Самой действительной угрозой рабочим является закрытие предприятия: нет работодателя — нет и работы.

Напротив, кооператив не только не боится прекращения капиталистического предприятия, а стремится к этому. Всякий кооператив имеет перед собою определенный вид капиталистического предприятия, с которым он конкурирует и который он стремится уничтожить.

В этом смысле кооперация ведет с капитализмом еще более решительную борьбу, чем другие организации рабочего класса. Рабочий союз, как сказано, борется с капиталистом, но не с капитализмом. Что касается политического движения рабочих, то оно, конечно, направлено на уничтожение капиталистической системы, но лишь в окончательном итоге. Непосредственно же удары политической рабочей партии направлены отнюдь не на капиталистические предприятия, а на государственную власть, поскольку последняя ограждает интересы капиталистического класса в ущерб интересам рабочим.

С капиталистическими предприятиями как таковыми борются только кооперативы. И потому кооперация отнюдь не является социальным миром, а социальной борьбой, столь же принципиальной и идущей до конца, как и политическая борьба рабочего класса. Но кооперация борется не насилем, не оружием и не баррикадами, а мирным строительством нового общественного строя. Кооперация есть, конечно, борьба, но борьба мирными средствами.

Глава III. КЛАССИФИКАЦИЯ КООПЕРАТИВОВ

1. КООПЕРАТИВЫ КАК НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Кооператив принципиально отличается от капиталистического предприятия не внешними, формальными признаками, а своей внутренней природой. Поэтому, чтобы решить вопрос, является ли кооперативом то или другое предприятие, нужно прежде всего выяснить, имеет ли данное предприятие капиталистический характер, и если оно имеет этот характер, то оно никоим образом не может быть признано кооперативом, как бы ни были велики черты его сходства с кооперативами.

Возьмем, например, общество взаимного кредита. По внеш-

нему устройству оно очень близко к кредитному кооперативу. Общество взаимного кредита возникает для того, чтобы удовлетворить нужду в кредите его членов, совершенно подобно кооперативному кредитному товариществу. Обе организации носят одинаково демократический характер, и в обществе взаимного кредита, как и в кредитном товариществе, каждое лицо имеет один голос независимо от размера своего паевого взноса. Обе организации носят одинаково открытый характер; каждый может в них вступать с разрешения правления — число членов в них не ограничено.

Проф. Вигодзинский устанавливает три признака кооператива: 1) неограниченное число членов; 2) содействие промыслу или хозяйству членов; 3) общее предприятие. Всеми этими тремя признаками обладает общество взаимного кредита и, значит, должно быть признано кооперативом. Однако общества этого рода живут совершенно иной жизнью, чем кредитные кооперативы, не входят в союзы кооперативов и не имеют ничего общего с кооперативным движением. Как общее правило, эти общества и не называются кооперативами.

Чем же они отличаются от кооперативов? Тем, что они служат интересам не мелких трудовых производителей, а более зажиточных общественных классов. Это доказывается многими признаками, — прежде всего размером открываемого ими кредита, который уже не может быть назван мелким кредитом. Затем самый характер кредита иной: кредитный кооператив кредитует своих членов под их долговые расписки, а общество взаимного кредита учитывает векселя. Клиенты кредитного кооператива принадлежат к тем классам общества, которые не пользуются векселями, так как вообще не ведут коммерческих капиталистических операций. Напротив, общество взаимного кредита, учитывая векселя, содействует капиталистическим операциям своих членов. Затем, истинный кредитный кооператив не должен начислять дивидендов на паи — да и паев в нем не должно быть. Правда, кооператив должен оплачивать капитал, которым он пользуется, но он не ставит себе целью повышение этого дохода, а, наоборот, стремится свести вознаграждение капитала к возможному минимуму. Напротив, общество взаимного кредита всегда имеет паи и выдает на паи дивиденд, который нередко достигает столь же высоких размеров, как и дивиденд любой акционерной компании. И это неудивительно, ибо в то время как члены кредитного кооператива принадлежат к тем классам общества, которые не располагают свободным капиталом, члены общества взаимного кредита выходят из среды более или менее состоятельных общественных классов, получающих капиталистические доходы и потому, естественно, стремящихся оплачивать высоко и вложенный ими в общее дело паевой капитал.

Итак, различие общества взаимного кредита и кредитного кооператива заключается в том, что первое обслуживает более или менее состоятельные, капиталистические или полукапиталистические классы, а второй служит интересам некапиталистического класса мелких трудящихся производителей. Именно поэтому общество взаимного кредита и не может быть причислено к кооперативам.

Точно так же, как бы близко ни походил по внешним чертам своего устройства капиталистический картель на кооператив по сбыту, он не может быть признан кооперативной организацией, потому что членами его являются не мелкие трудящиеся производители, а капиталисты.

Конечно, отнюдь не обязательно, чтобы все члены кооператива принадлежали к трудящимся классам. Наоборот, почти неизбежно, чтобы в состав кооперативов входили и лица других общественных классов. Ведь кооперативы в большинстве случаев носят характер открытых организаций, в которых может принимать участие каждый желающий. Если в кооператив пожелает вступить лицо капиталистического класса, то кооператив не имеет никаких оснований противиться этому.

Возьмем, например, потребительское общество. В него может вступить каждый желающий, к какому бы общественному классу он ни принадлежал. Потребительское общество не имеет мотивов препятствовать богатым людям вступать в число его членов. Наоборот, оно только выигрывает, если его члены и покупатели обладают большими покупательными средствами. И фактически классовый состав членов потребительского общества обычно бывает весьма разнообразен. Правда, в потребительских кооперативах обычно преобладают члены из состава трудящихся классов, но наряду с ними входят и лица состоятельные, и даже богатые. Если последних обычно бывает очень мало, то лишь вследствие их нежелания вступать в члены организации, в которой они не нуждаются и которая им чужда по духу. Дело в том, что все устройство потребительского кооператива приспособлено к обслуживанию интересов не капиталистов, а лиц трудящихся классов. На это указывает скудная оплата паевого капитала, равное право голоса всех членов, независимо от числа паев, запрещение сосредоточения в руках одного лица более определенного числа паев, а главным образом — распределение выручки не по паям, а по забору. И потому участие отдельных лиц капиталистического класса в потребительском обществе не мешает последнему быть кооперативом.

Точно так же в разнообразных кооперативах по сбыту и закупке сельскохозяйственных продуктов состав членов не может быть приурочен к какому-либо одному общественному классу. Не только крестьяне, но и помещики играют большую роль в сельскохозяйственной кооперации, а в некоторых странах на-

блюдается даже, что сельскохозяйственная кооперация развивается под непосредственным руководством и преобладающим влиянием помещичьего класса. Тем не менее это кооперативы, а не капиталистические компании, ибо таково их внутреннее строение.

Возьмем, например, маслодельную артель. Она не имеет никаких поводов отказывать в приеме в число своих членов лицам помещичьего класса. Наоборот, чем больше поставщиков молока примыкает к артели, тем сильнее она себя чувствует. Что же делает кооперативом маслодельную артель, в состав которой входят как крестьяне, так и помещики? То, что внутреннее устройство маслодельной артели не капиталистическое. Это видно из низкой оплаты паевого капитала, равного права голоса всех членов, и главное — из распределения выручки не по паям, а по молоку. Эти черты устройства маслодельной артели свидетельствуют, что она служит интересам не капиталистов, а тех, кто собственным трудом производит молоко, и вот почему артель является кооперативом, сколько бы помещиков ни принимало в ней участия.

То же можно сказать и о кредитном кооперативе, служащем интересам мелких заемщиков и отнюдь не утрачивающем этого своего характера от того, что в члены его входят лица состоятельные.

Итак, некапиталистический характер кооператива нужно понимать не в том смысле, чтобы в кооперативы не могли входить лица капиталистических классов, а в том, что кооперативы по своему внутреннему устройству приспособлены к обслуживанию интересов не капитала, а трудящихся классов. Лица капиталистического класса, входящие в состав кооператива, приравниваются последним к остальным его членам, и кооператив, таким образом, не утрачивает своего демократического характера.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ КООПЕРАТИВОВ КАК ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Переходя к классификации кооперативов, нужно прежде всего отметить, что кооперативная организация может преследовать двоякого рода цели: 1) объединение тех или иных лиц для общего владения предприятием и 2) объединение тех или иных лиц в области труда. Таким образом, мы приходим к основному делению кооперативов на два рода: 1) кооперативы в области владения и 2) кооперативы в области труда. Кооперативы первого рода ставят себе цели более простые и несложные, чем вторые.

Дальнейшие подразделения кооперативов видны из ниже-
следующей таблицы.

Классификационная таблица кооперативов

А Кооперативы в области владения	а) Кооперативы по приобретению хозяйственных предметов	I. Кооперативы по получению денежных средств (кредитные товарищества)	<ul style="list-style-type: none"> а) Для собственного потребления <ul style="list-style-type: none"> 1) потребительские общества (с собственным производством или без него) 2) домостроительные общества (для приобретения жилых домов) б) для нужд своего предпринимательского хозяйства. Закупочные товарищества, приобретающие сырье и иные средства производства
		II. Кооперативы по покупке хозяйственных предметов	
Б Кооперативы в области труда	б) Кооперативы по продаже хозяйственных предметов	I. Продающие продукты индивидуального производства своих членов (товарищества по сбыту)	<ul style="list-style-type: none"> а) Кооперативы совместного трудового пользования средствами производства (производительные подсобные артели) б) Кооперативы совместного сбыта своих совместных трудовых услуг (трудовые артели) в) Кооперативы совместного трудового производства продуктов (производительные артели)
		II. Продающие продукты своих членов, подвергаемые предварительной переработке самим кооперативом (товарищества по переработке)	

Таким образом, можно различить следующие 9 основных видов кооперации.

1. Кредитные кооперативы.
2. Потребительские общества.
3. Домостроительные общества.
4. Закупочные товарищества.

5. Товарищества по сбыту.
6. Товарищества по переработке.
7. Производительно-подсобные артели.
8. Трудовые артели.
9. Производительные артели.

Эти виды кооперативов расположены по порядку возрастающей сложности их функций. Наибольшей простотой отличаются кредитные кооперативы, задача которых сводится к распределению между членами денег, получаемых ими путем кредита со стороны, под ответственностью всех членов кооператива. Организации этого рода так несложны и требуют так мало кооперативного сознания и делового умения, что легко удаются даже в самых отсталых странах. Потребительские общества также преследуют очень простые задачи совместной закупки предметов потребления, но уже требуют более сложного предприятия и значительной степени торгового умения. Домостроительные общества представляют гораздо более трудностей для своего осуществления, так как они предполагают и более значительную затрату средств (постройка дома) и связывают на долгий срок в одно хозяйственное целое всех участников кооператива (погашение основного капитала, вложенного в дом). Закупочные товарищества также труднее осуществимы, чем потребительские общества, ибо интересы потребителей легче могут быть приведены к взаимному согласованию, чем интересы конкурирующих друг с другом производителей.

Все эти четыре вида кооперативов ставят себе задачей приобретение хозяйственных предметов. А так как покупка по самой природе менового хозяйства является операцией гораздо легче осуществимой, чем продажа, то названные кооперативы вообще легче осуществимы, чем вторая группа кооперативов в области владения — кооперативы по сбыту. Кооперативы этого последнего рода, естественно, распадаются на два подразделения: кооперативы по сбыту продуктов индивидуального производства своих членов и товарищества по переработке, сбывающие продукты своих членов в переработанном виде. Товарищества по переработке преследуют более сложные задачи, чем простые товарищества по сбыту, так как, кроме сбыта, они организуют также и переработку продуктов.

Наиболее сложные задачи преследуют кооперативы в области труда. По степени сложности своих функций кооперативы этого рода распадаются на три вида. Производительно-подсобной артелью является такой кооператив, члены которого работают порознь, но сообща владеют и пользуются некоторыми средствами производства. Примерами таких производительно-подсобных артелей в кустарной промышленности являются артельные горны, кузни, парни, а в сельском хозяйстве — артельное пользование молотилками и другими сельскохозяйствен-

ными машинами. Трудовой артелью является группа рабочих, сообща продающих свой труд и сообща исполняющих трудовые процессы. С этим обычно соединяется и общее владение некоторыми средствами производства. Типом таких трудовых артелей являются строительные артели или артели газетчиков, грузчиков, носильщиков, грабарей и т. п. Наконец, производительной артелью является группа лиц, совместно владеющих средствами производства, вместе участвующих в производстве и совместно владеющих изготовленным продуктом. Очевидно, производительная артель образует собой наиболее сложный вид кооператива, так как она является и кооперативом по покупке (средств производства), и кооперативом по производству, и кооперативом по сбыту.

3. ВАЖНОСТЬ ПРАВИЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КООПЕРАТИВОВ

До какой степени важна стройная и соответствующая внутренней природе каждого вида кооперативов общая классификация их, видно из тех недоразумений, к которым приводит отсутствие такой общепринятой классификации. Так, например, на первом Всероссийском кооперативном съезде маслодельные артели были отнесены съездом в одну секцию с производительными артелями и рассматривались съездом как одно из подразделений производительных артелей. Маслодельные артели представляют собой один из наиболее успешных кооперативов. Таким образом, создалось представление, что и производительные артели способны к таким же быстрым успехам. Между тем на самом деле производительные артели являются самым неудачным членом кооперативной семьи и влачат в общем очень жалкое существование по причинам, которые будут выяснены ниже. Отнесение маслодельных артелей к числу производительных артелей совершенно искажало, таким образом, действительное положение дел.

К какому же виду кооперативов должны быть отнесены маслодельные артели? Производство в маслодельной артели выполняется при помощи наемного труда и ничего кооперативного в себе не заключает, так как участвующие в производстве рабочие не состоят членами кооператива. Кооперативное начало маслодельной артели заключается в том, что ее хозяевами являются мелкие производители молока, которые как молочные производители опять-таки ведут хозяйство единолично, некооперативным образом, и вступают в кооперативную связь лишь в сфере сбыта молока, перерабатывая его рабочими, не состоящими членами кооператива.

Переработка молока в масло при помощи наемного труда не есть кооперативная организация труда; но объединение про-

изводителей молока в одну группу для улучшения условий сбыта их молока является кооперативной организацией. В каком виде сбывается молоко объединившихся производителей его — в виде ли просто молока или в переработанном виде, в виде масла, — это принципиально значения не имеет, и маслодельная артель принципиально является кооперативом по сбыту, а именно товариществом по переработке, но отнюдь не кооперативом по производству, ибо в таком кооперативе участники труда производства (в данном случае — рабочие маслодельной артели) должны быть кооперативно связаны между собой.

Вот если бы рабочие маслодельной артели были хозяевами ее, сами приобретали молоко и за свой счет продавали его на рынке, это был бы трудовой производительный кооператив. Таких маслодельных артелей мы не знаем по понятным причинам, на которых мы останавливаться теперь не будем, но такие артели мыслимы, и на это следует указать, чтобы сделать вполне ясным отличие трудового производительного кооператива от кооператива только в сфере владения.

Дело по существу очень просто, хотя и вызывает недоразумения. Поэтому поясним еще в двух словах, почему маслодельная артель не есть трудовой производительный кооператив.

Процесс производства масла слагается из двух ступней — производства молока и переработки молока в масло. Молоко производится хозяевами артели не кооперативным способом, а единолично, каждым за свой счет. Масло производится также не кооперативным трудом, а при помощи наемных рабочих, не принадлежащих к кооперативу. Значит, в области труда производства ни на какой его ступени кооператива в данном случае нет. Иными словами, маслодельная артель не есть трудовой производительный кооператив, а только особый вид кооператива по сбыту, товарищество по переработке, подобно тому как мастерская потребительского общества не есть трудовой производительный кооператив, а только дополнительная организация закупочного кооператива.

И не только русские кооператоры не замечают принципиального различия товариществ по переработке и производительных артелей. Ту же ошибку делают и многие теоретики кооперации на Западе. Так, например, проф. Вигодзинский в своем известном курсе «Das Genossenschaftswesen in Deutschland» относит товарищества по переработке к группе производительных кооперативов, которые делятся им на частичные и полные. Частичные производительные кооперативы выполняют на кооперативных началах только часть того или иного производительного процесса. Так, например, маслодельная артель, которую Вигодзинский относит к частичным производительным кооперативам, перерабатывает в кооперативном пред-

приятно молоко в масло, но само молоко добывается вне кооперативного предприятия. Напротив, полные производительные кооперативы организуют кооперативным образом весь процесс производства с начала до конца.

В данном случае Вигодзинский обнаруживает прямо-таки поразительное непонимание особенностей различного вида кооперативов. Он думает, что товарищество по переработке есть та же производительная артель, только идущая не столь далеко, «менее радикальная», как он выражается, чем эта последняя. Нетрудно показать, однако, до какой степени несостоятельно такое понимание.

Возьмем производительную артель, хотя бы сапожников, и сравним ее с маслодельной артелью. В артели сапожников производителями являются сами сапожники, непосредственно своим трудом участвующие в производстве. Наемного труда не существует, собственниками сапог являются те самые лица, которые их произвели. Напротив, в маслодельной артели масло принадлежит отнюдь не тем рабочим, которые его произвели. Масло принадлежит поставщикам молока, не принимавшим ровно никакого участия своим трудом в переработке молока в масло.

А между тем, с точки зрения Вигодзинского, сапожная артель и маслодельная артель должны быть признаны кооперативами одного рода — частичным производительным кооперативом. Ведь и сапожная артель подобно маслодельной артели не выполняет в своем предприятии всего процесса производства сапог: она покупает кожу на стороне и только перерабатывает эту кожу в сапоги совершенно так же, как маслодельная артель только перерабатывает в своем предприятии молоко, а получает его от индивидуальных производителей.

В сущности Вигодзинский должен признавать все производительные артели частичными производительными кооперативами, ибо ни в одной из них процесс производства не ведется с начала до самого конца в том же предприятии, все они покупают сырой материал и иные средства производства на стороне и, следовательно, выполняют только частичные операции производства.

С точки зрения Вигодзинского, не было бы никакого различия между двумя маслодельными кооперативами следующих типов: в одном переработка масла велась бы наемным трудом, а предприятие принадлежало бы поставщикам молока, в другом же переработка масла велась бы маслодельными рабочими, которые за свой счет покупали бы молоко на стороне, а предприятие принадлежало бы маслодельным рабочим. И тот и другой кооператив Вигодзинский должен принять в равной мере частичным производительным кооперативом.

Однако не требует никаких доказательств, что маслодель-

ные кооперативы двух названных типов глубочайшим образом отличались бы друг от друга; это видно уже из того, что маслодельные кооперативы первого типа удивительно преуспевают и в некоторых странах уже почти уничтожили в области маслоделия капиталистические предприятия, между тем как маслодельные кооперативы второго типа совершенно отсутствуют.

Легко понять, какая невероятная путаница возникнет, если, говоря об успехах маслодельной артели, мы не будем различать, о какой именно артели идет речь — о той, при которой масло принадлежит поставщикам молока, или о той, при которой масло принадлежит маслодельным рабочим. Первая артель действительно делает быстрые успехи, что же касается до второй, то она не только не преуспевает, но до сих пор еще и не возникла.

И если, как заявляет Вигодзинский, успехи полных производительных кооперативов «равняются в Германии нулю», то дело тут совсем не в том, что «полные» производительные кооперативы идут дальше в своих производительных операциях, чем «частичные», а в том, что преуспевающие частичные производительные кооперативы организованы совершенно иначе и имеют совершенно иную внутреннюю природу, чем «полные» кооперативы. Успехи маслодельной артели, организованной по типу «полного» производительного кооператива (т. е. без наемных рабочих), также «равны нулю».

Такая путаница понятий у лучших теоретиков кооперации нагляднее всего свидетельствует о несовершенстве современной кооперативной теории. Нередко делают и другую ошибку в классификации кооперативов: смешивают производительную артель с фабрикой потребительского общества. Совершенно ясно, что эти хозяйственные организации имеют различную структуру: в производительной артели нет наемного труда, а на фабрике потребительского общества работают наемные рабочие. Тем не менее и то, и другое производство сплошь и рядом фигурируют и в кооперативной литературе, и в официальной кооперативной статистике (что еще хуже) под общей рубрикой «производительная кооперация».

И опять-таки в этом смешении виновны видные кооперативные деятели. Так, например, на съезде германского Всеобщего союза в Баден-Бадене в 1901 г. между представителем союза Крюгером и одним из вождей пролетарского кооперативного движения фон Эльмом завязалась полемика, основанная на неправильном употреблении термина «производительная ассоциация». А именно: Крюгер, возражая против стремления пролетарских потребительских обществ основать собственное производство, указал на неосуществимость производительной ассоциации (артели). В свою очередь фон Эльм, ссылаясь на успехи собственного производства потребительских обществ, стал

защищать производительные ассоциации, апеллируя к памяти отца германской кооперации Шульце, который признал производительные ассоциации «венцом кооперации». И Крюгер, и фон Эльм не сознавали, что между производительной ассоциацией и собственным производством потребительского общества нет ничего общего и что Шульце, говоря о производительной ассоциации, никогда не имел в виду собственного производства потребительских обществ.

4. ФОРМЫ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ

Кооперативное движение есть общественное движение, имеющее своей непосредственной целью создание разного рода кооперативов, классификация которых дана выше. Кооперативное движение имеет такой же классовый характер, как и другие великие социальные движения нашего времени.

Так как кооперативы являются одной из форм самозащиты трудящихся классов от неблагоприятных для них условий капиталистического хозяйства, то естественно, что кооперативное движение возможно и исторически существовало и существует только в среде трудящихся классов. Соответственно этому можно различать кооперативное движение среди пролетариата, крестьянства и промежуточного класса мелкой буржуазии*.

Что касается пролетариата, то для него открыты преимущественно нижеследующие кооперативы: потребительские общества, домостроительные кооперативы, трудовые и производительные артели. По причинам, которые будут выяснены ниже, производительные артели не могут достигнуть больших успехов в современном хозяйстве. Трудовые артели более жизнеспособны, но и они играют сравнительно незначительную роль в системе современного хозяйства. Домостроительные кооперативы уже гораздо важнее, но главным пролетарским кооперативом являются потребительские общества, составляющие вместе с тем важнейший вид кооперативов.

Легко понять, что все кооперативы по сбыту продуктов и закупке средств производства не существуют для наемных рабочих, не ведущих самостоятельного производства. Кредитные кооперативы также имеют в виду преимущественно самостоятельного производителя, ибо совершают операции преимущественно производительного, а не потребительского кредита. Таким образом, и кредитные кооперативы существуют не для пролетария.

Для мелких самостоятельных производителей открыты все роды кооперативов, а некоторые из последних и имеют в виду только самостоятельных производителей. Мелкое производство существует как в области сельского хозяйства, так и в про-

мышленности. Однако сельскохозяйственная кооперация по причинам, которые будут выяснены ниже, далеко превосходит по своему значению промышленную кооперацию, и из трех основных ветвей кооперативного движения — пролетарского, крестьянского и мелкобуржуазного — наибольшего развития достигли две первые ветви.

Что касается мелкобуржуазной кооперации, то она имеет своеобразный характер, соответственно своеобразному классовому характеру мелкой буржуазии. К мелкой буржуазии можно причислить частью многие категории служащих — мелких чиновников, представителей либеральных профессий и т. д.,* частью мелких предпринимателей, которые получают доход из двойственного источника: из своего труда и из своего капитала, иначе говоря, из эксплуатации чужого труда. Поскольку мелкий предприниматель является представителем трудового элемента, постольку он может быть истинным кооператором; но поскольку мелкий предприниматель является капиталистом, постольку он чужд кооперации. И потому кооперация в среде мелкой буржуазии есть не полная, но капиталистически перерожденная кооперация, легко превращающаяся в чисто капиталистические товарищества и союзы, не имеющие с кооперацией ничего общего. Эти три основные ветви кооперативного движения — пролетарская, крестьянская и мелкобуржуазная кооперация — и будут рассмотрены нами в последующем изложении особо.

Глава I. РОБЕРТ ОУЭН И СВЯЗАННОЕ
С НИМ КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

I. МИРОВОЗЗРЕНИЕ ОУЭНА

Пролетарская кооперация явилась совершенно непредвиденным результатом того общественного движения, которое связывается с именем Оуэна. В настоящее время вполне установлено, что ни Оуэн, ни его ближайшие последователи отнюдь не ставили своей целью создание таких хозяйственных организаций, какими являются современные потребительские общества. Организации эти возникали на основе совершенно иных целей и стремлений, чем те, которые в настоящее время преследуют участники и деятели потребительских обществ.

Роберт Оуэн был человеком не особенно глубокого ума, очень несовершенного образования, но с большим здравым смыслом и непоколебимым упорством в логическом развитии своих идей. С крайней самоуверенностью соединялась у него бесстрашная смелость мысли, побуждавшая его идти до конца в своих исканиях истины, не смущаясь тем, что выводы его расходятся с господствующими мнениями и принятыми верованиями. Если что-либо казалось ему верным, он готов был это защищать перед всем светом и до конца своих дней. С таким складом ума Оуэн соединял мягкое, сострадательное сердце, которое привлекало к нему людей.

Не обладая особым богатством духовных дарований и будучи человеком крайне рассудочным, Оуэн должен был чувствовать глубокую антипатию ко всему иррациональному, бессознательному, мистическому. Благодаря этому Оуэн не мог не разойтись с господствующей религией. Этот же рационализм в связи с его сочувствием страданиям народных масс сделал Оуэна социалистом.

Как социалист он был одним из самых крайних. Проповедник «нового нравственного мира» мог примириться только с совершенным коммунизмом, полным отрицанием какой бы то ни было частной собственности и какого бы то ни было неравен-

ства. Он был не только коммунистом, но и анархистом,— его боязнь какого бы то ни было насилия и стеснения свободы действий человека была так велика, что ему казалось недопустимым какое бы то ни было правительство, даже выборное. Власть, выбранная народом, есть все же власть, а всякая власть есть насилие.

Новый общественный строй казался ему достижимым не в отдаленном будущем, а немедленно, сегодня или завтра. От этой уверенности, несмотря на все горькие разочарования, которые ему подарила жизнь, Оуэн не отказывался до конца жизни.

Как ни различны в настоящее время формы общественной жизни у разных народов, все это не имеет никакого значения по отношению к достижению «нового нравственного мира». Отсюда полное равнодушие великого утописта к форме правления и отрицание значения политической борьбы. Страны с самым деспотическим правительством так же легко могут перейти к новым формам жизни, как и страны демократические. Новый общественный строй соответствует интересам всех и каждого, и потому этот строй не имеет основания опасаться противодействия каких бы то ни было общественных элементов. Единственным врагом его является человеческое невежество — непонимание людьми своих интересов. Короли и министры боятся коммунизма лишь потому, что они недостаточно ознакомлены с сущностью нового учения. И потому Оуэн обращался со своей проповедью как к королям и министрам и вообще к богатым людям, так и к рабочим и беднякам.

Убеждение в возможности создать такую социальную организацию, которая примирила бы все интересы и была бы в равной мере приемлема для всех, коренилась глубочайшим образом во всем мировоззрении Оуэна. Убеждение это было непосредственно связано с его рационализмом и упрощенной прямолинейностью мысли. Различия человеческих взглядов, вкусов, симпатий, влечений, интересов казались ему чем-то очень поверхностным и неглубоким. Человеческий характер, учил он, есть результат воспитания и окружающих человека условий жизни. Значит, все различия взглядов и вкусов легко могут быть преодолены соответствующим воспитанием и устройством общества, и общее благополучие может быть достигнуто без жертвования интересами кого бы то ни было.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ

Таков был человек, которому было суждено стать отцом кооперативного движения, и таковы были его взгляды. Что же общего, однако, между «новым нравственным миром», к кото-

рому стремился Оуэн и который показался ему достижимым в ближайшем же будущем, и потребительскими обществами?

Общего настолько мало, что, конечно, потребительские общества не напоминают, хотя бы самым отдаленным образом, те свободные коммунистические общины, к которым стремился Оуэн. Возникли же потребительские общества следующим образом.

С тех пор как Оуэн выработал свое социальное мировоззрение, которому он остался верен до конца своей жизни, целью его неутомимой пропаганды стало создание в пределах существующего общества коммунистических общин. Для устройства этих общин, которые он называл «кооперативными» общинами, недостаточно было доброй воли отдельных лиц, но требовались также и денежные средства, и очень крупные. В связи с этим «денежным вопросом» общественное движение, связанное с именем Оуэна, быстро проходит два фазиса. В первом оно было непосредственно направлено на устройство коммунистических общин. Так, первой крупной общественной организацией, примыкавшей к Оуэну, было «Кооперативное и экономическое общество», возникшее в 1821 г. Целью этого общества было согласно уставу «устройство деревни на основах единства и взаимной кооперации, соединяющей земледелие, промышленность и торговлю согласно плану Роберта Оуэна». Общество имело в виду приступить к покупке в предместьях Лондона зданий, в которых могли бы сообща жить и работать члены общества.

Общество действительно приобрело несколько домов, но скоро распалось. В том же 1821 г. в Эдинбурге возникает «Практическое общество» с целью устройства коммунистической общины. Оно скоро распалось, но его инициатор Авраам Комб, человек с большим состоянием, сделал в компании с несколькими другими состоятельными людьми попытку устроить коммунистическую общину в окрестностях Глазго, в приобретенном для этой цели имении Орбистоне.

Возможность осуществления этой попытки объяснялась тем, что среди учеников Оуэна было несколько богатых людей, которые могли взять на себя сопряженные с этим крупные расходы.

Однако огромное большинство последователей Оуэна принадлежало к числу людей бедных, которые, несмотря на свою полную готовность стать участниками «нового нравственного мира», не располагали никакими избытками для его устройства. Поэтому оуэнистское движение очень скоро, по мере своего роста и распространения среди народных масс, вступает в новый фазис: его непосредственной целью становится не устройство коммунистической общины, ибо для этого не хватало

денежных средств, а соби́рание денежнх средств, требующихся для такой общины.

В 1824 г. последователи Оуэна основывают «Лондонское кооперативное общество», имеющее целью пропаганду нового учения всеми возможными способами — лекциями, печатными изданиями, диспутами и т. д. Общество очень энергично принимается за работу и создает особый периодический орган «Cooperative Magazine», который выходил под разными названиями вплоть до конца 1830 г. По этому изданию можно следить за развитием общественного движения, вызванного Оуэном.

В первых номерах «Cooperative Magazine» сообщается преимущественно о событиях, связанных с двумя крупными опытами устройства коммунистических общин — американской общины Нью-Гармони и шотландской в Орбистоне. Обе эти попытки кончились, как известно, полнейшей неудачей.

Лондонские кооператоры пытаются и со своей стороны сделать кое-что в том же направлении — ищут в окрестностях Лондона подходящую землю площадью от 500 до 2000 акров и собирают для этой цели капитал в 4000 ф. ст. И в других частях страны образуются общества для устройства коммунистических колоний, так, например, в Дублине при поддержке лорда Клонкери (Cloncurry) образуется Кооперативное общество, собранное для названной цели несколько тысяч фунтов стерлингов. В том же 1826 г. возникает Девонское Экзетерское кооперативное общество, которое при денежной поддержке одного состоятельного человека приступает даже к устройству кооперативной общины и строит на купленной земле несколько коттеджей. В следующем году образуются Доулэндс-Девонская община (Dowlands-Devon Community) такого же рода и много других, о которых не имеется определенных сведений. Все эти общества были крайне эфемерными образованиями и распались почти немедленно после их возникновения. Они интересны лишь в том отношении, что показывают, куда была направлена первое время деятельность последователей Оуэна.

После неудачи экспериментов в Нью-Гармони и Орбистоне среди последователей Оуэна начинает распространяться правильное убеждение, что на помощь богатых людей рассчитывать нечего и что рабочие могут помочь себе только собственными силами.

В одном анонимном письме в январской книжке «Cooperative Magazine» 1828 г. автор развивает, например, следующие любопытные мысли: если бы и нашлись богатые люди, вроде Оуэна и Комба, которые пожелали бы на свои средства устроить коммунистическую общину, что очень сомнительно, то этим самым община попала бы в полную зависимость от богатых филантропов, и в ней не было бы действительного равен-

ства. Необходима община, устроенная на средства тех самых лиц, которые будут в ней жить и работать.

Сторонники этого взгляда основали в июне 1826 г. Cooperative Community Fund Association (Общество фонда кооперативной общины).

Существенная особенность этой организации сравнительно с другими более ранними того же рода заключалась в том, что общество это стремилось открыть доступ в него более обширным группам, для чего была введена очень низкая купюра паев и сами пай должны были состояться из незначительных еженедельными взносами.

В апреле 1827 г. эта организация объявила об образовании дополнительного фонда, который должен был состояться следующим образом. Общество продает своим членам разного рода продукты, причем вся прибыль поступает в распоряжение общества. При этом первоначально имелось в виду продавать продукты труда членов общества, но с течением времени выдвинулась мысль продавать членам общества вообще всякие предметы потребления независимо от того, кем они произведены, выигрывая на разнице между розничной и оптовой ценой.

В майской книжке «Cooperative Magazine» за 1827 г. появляется статья, озаглавленная «Как собрать средства для устройства коммунистической общины», автор которой советует лицам, желающим образовать общину, продавать друг другу продукты своего труда или же иные предметы потребления, купленные по низким ценам, и известный процент прибыли отчислять в общий фонд. Таким образом, мало-помалу образуется достаточный фонд для устройства общины, и в то же время члены данной организации привыкнут к общему хозяйству и узнают друг друга.

Статья эта произвела большое впечатление, и через несколько недель возникло новое общество Union Exchange Society (Общество совместного сбыта). Члены этой организации условились собираться раз в месяц в помещении «Лондонского кооперативного общества» и продавать друг другу те продукты, которые они могли тем или другим способом приобрести. К продажной цене должны быть прибавлены 10 %, которые и передавались в общий фонд для устройства коммунистической общины. Однако этот фонд должен был распределяться поровну между всеми членами общества и храниться у каждого из них, с тем чтобы впоследствии поступить на устройство общины.

Дело пошло удачно, и скоро обороты этого общества, которое можно считать первым потребительским обществом, возникшим в связи с пропагандой Оуэна, значительно возросли. Однако оно продержалось недолго и, по-видимому, не просуществовало и одного года. Более успеха имела аналогичная ор-

ганизация, возникшая в Брайтоне, Brighton Cooperative Benevolent Fund Association (Брайтонская ассоциация кооперативного дружеского фонда). Цели этой организации определялись ее инициаторами следующим образом: « 1) образовать небольшими еженедельными взносами фонд для того, чтобы соответствующие лица могли устроить кооперативную общину, отдавая на это собранный капитал или часть его, по усмотрению каждого, и 2) распространить знание кооперативной системы».

Через несколько недель число членов этого общества достигло 150 человек, причем еженедельный взнос одного члена составлял 1 пенни. Члены были почти исключительно из числа ремесленников и рабочих.

Однако такой способ составления капитала скоро был найден членами общества недостаточным, и при обществе организовывается новое со следующими операциями. Во-первых, общество приобретает по оптовым ценам товары и перепродает их своим членам с соответствующей прибылью. Во-вторых, общество организует продажу продуктов труда его членов, причем имеет в виду достигнуть того, чтобы продукты продавались соответственно их трудовой стоимости и таким образом обеспечивалась каждому трудящемуся полная выручка его труда.

В обществе скоро начались раздоры, причем несколько мелких капиталистов, участвовавших в нем, вышли. Общество приобрело небольшой участок земли, на котором устроило сад и огород. Имелось в виду приобретение более крупного земельного участка, на котором предполагали выстроить ряд домов и обширное здание для продажи продуктов труда членов общества.

Брайтонское кооперативное общество имело относительный успех и явилось образцом для ряда других. В мае 1828 г. в Англии было только 4 кооперативных общества, а в 1830 г. их насчитывалось уже около 300. Огромное большинство этих обществ возникло, по-видимому, с непосредственной целью собрать средства для коммунистической общины. Во всяком случае, в кооперативной литературе того времени конечной целью этих обществ признается «приобретение земли и жизнь в общине» («the purchase of land and living upon it in Community»).

Еще через два года число кооперативных обществ, большинство которых было одновременно и потребительскими обществами, и сырьевыми товариществами, определялось уже в 400—500. Все эти общества признавали себя созданием Оуэна и видели в нем своего пророка. «Принципы кооперации», по пониманию этих первых кооператоров, суть не что иное, как принципы коммунизма согласно учению Оуэна.

Очень характерна книга самого выдающегося ученика Оуэна, Уиллиама Томпсона «Practical Directives for the speedy

and economical Establishment of Communities» (Практические указания для скорого и экономического устройства общин), вышедшая в 1830 г. Характерно уже само ее заглавие. Истинный метод кооперации заключается, по его словам, не в чем ином, как в добровольном соединении лиц промышленных и производительных классов для образования рынка друг для друга, работы друг на друга, взаимного снабжения собственными силами всем необходимым для удовлетворения наиболее настоятельных нужд. «Кооперативные общества,— говорил он,— все имеют своей целью превращение в полные кооперативные общины, как только из прибылей торгового фонда будет скоплена сумма для приобретения достаточно значительного участка земли, чтобы на нем можно было существовать».

На первом кооперативном конгрессе в Манчестере в мае 1831 г.* было единогласно постановлено, что «конгресс признает в высшей степени желательным, чтобы в Англии была организована настолько скоро, насколько это возможно, коммунистическая община на основах взаимной кооперации, общего владения, равенства труда и источников удовольствия». Конгресс предпринял шаги к немедленному осуществлению этого пожелания и с этой целью обратился, по предложению Виллиама Томпсона, ко всем кооперативным обществам страны с приглашением, чтобы каждое из них назначило особого делегата и ассигновало ему 30 фунтов для немедленного устройства в Англии первой коммунистической общины на 200 человек.

Обращение это никакого успеха не имело отчасти потому, что его не одобрил Оуэн, незадолго перед тем испытавший горькое разочарование со своей американской общиной. Но, конечно, неудача эта зависела также и от того, что ближайшие задачи кооперативных обществ требовали всех их средств и по самой силе вещей не могли не заслонять собой их более отдаленных целей.

Что же такое представляло собой типичное «кооперативное общество» начала тридцатых годов? В большинстве случаев оно слагалось из мелких производителей того или другого определенного ремесла, и непосредственной целью его было приобретение за общий счет не столько предметов потребления, сколько сырых материалов для производства. Оно было более сырьевым товариществом, чем потребительским обществом.

Соответственно такому характеру кооперативных обществ для них очень скоро выдвинулась новая задача — организация сбыта изготовленных изделий. Этой цели должны были служить особые кооперативные базары — магазинные товарищества, находившиеся в сношениях одновременно со многими кооперативными обществами и продававшие их изделия широкой публике. Один из первых таких базаров был открыт в Лондоне

в 1830 г., причём свыше 40 кооперативных обществ только в Лондоне находились с ним в деятельных сношениях. В начале 30-х гг. число кооперативных базаров стало быстро расти, и вместе с этим среди последователей Оуэна возникает новая мысль относительно условий наилучшей организации сбыта — мысль, следующим образом сформулированная в одной из статей журнала Оуэна «The Crisis»* (июнь 1832 г.).

«Сотни тысяч людей разнообразных промыслов просыпаются ежедневно, не зная как обеспечить себя своим трудом. Каждый из них может произвести больше продуктов данного рода, чем ему требуется для своих собственных нужд, и все они нуждаются в продуктах друг друга. Обычный порядок для получения нужных продуктов сводится к тому, что эти лица превращают изготовленные ими продукты в деньги путем продажи своих произведений посреднику и затем обратно превращают полученные деньги в нужные им продукты, обращаясь при этом обычно к какому-либо торговому посреднику. Но если денег мало или посредник не обнаруживает желания купить предлагаемый продукт, то производитель принужден идти на большие жертвы, чтобы получить нужные ему деньги, отдавая большое количество своих собственных продуктов, чтобы приобрести те продукты, в которых он чувствует нужду. Таким образом, производитель попадает в зависимость от посредника, получающего прибыль путем удержания в свою пользу части продукта, проходящего через его руки, к очевидному ущербу для производителя, отчуждающего с убытком свой собственный продукт и приобретающего чужой продукт по повышенной цене. Однако никакой необходимости в торговом посреднике не существует. Производители могут обойтись без него, для этого требуется только, чтобы производители вступили в непосредственное соприкосновение друг с другом, и в таком случае они получат возможность обмениваться своими продуктами к своей взаимной выгоде и к выгоде потребителей вообще».

При этом необходимо новое орудие обмена — таковым должны стать билеты, на которых обозначено среднее количество труда, требующееся для производства данного продукта. Иными словами, обмен продуктов должен совершаться не на основе обычных металлических денег, а при помощи новых рабочих денег, специально выпускаемых для этой цели.

Таким образом, возникла мысль организовать особые кооперативы, которые должны были обеспечить сбыт продуктов мелких производителей при помощи рабочих денег. Кооперативы эти получили название «рабочих бирж». Первая из таких бирж была открыта в Лондоне в 1832 г.

Первые дни прилив разного рода изделий в эту биржу был чрезвычайно велик. Выпускаемые биржей рабочие деньги довольно охотно принимались мелкими торговцами окружающего

района. Тем не менее трудности, связанные с такой организацией сбыта, почувствовались очень осязательно с первых же шагов деятельности рабочей биржи, и она немедленно же должна была отступить от своего основного принципа — расценки продуктов по вложенному в них общественно-необходимому труду и перешла к расценке последних по условиям рынка. Если биржа не рассчитывала на возможность сбыта продукта по его трудовой цене, то цена, уплачиваемая биржей в рабочих деньгах, соответственно понижалась. Хотя в этом случае сама идея рабочих денег утрачивала свое значение (ибо производитель получал в обмен на свой продукт меньше трудовых единиц, чем он затратил на производство), биржа шлое поступать не могла, так как в противном случае (при соблюдении трудового принципа) биржа совсем бы не могла реализовать полученные продукты.

Только благодаря отказу от трудовой расценки лондонская рабочая биржа могла продержаться около двух лет. Кончилось дело все-таки крахом. Еще менее удачными были многочисленные рабочие биржи, возникшие по образцу лондонской в различных провинциальных городах Англии. Все они кончились полной неудачей, создавшей общее недоверие и к другим кооперативным организациям, возникшим в связи с агитацией Оуэна. Одно кооперативное общество за другим стали закрываться, половина тридцатых годов была временем почти всеобщего крушения оуэнистского движения. Можно было думать, что кооперация закончила круг своего развития своей гибелью.

3. КРИЗИС МЕЛКОГО ПРОИЗВОДСТВА И КООПЕРАЦИИ

Столь разнообразные кооперативные общества 20—30-х гг. прошлого века явились сложным результатом факторов двойного рода. С одной стороны, их происхождение находилось в несомненной связи с определенным циклом общественных идей — социальной системой Оуэна. Коммунистический идеал Оуэна был тем семенем, из которого выросли все эти кооперативные организации. И это верно не только в смысле генетической зависимости, исторического происхождения первых кооперативов — нет, это происхождение кооперативов самым существенным образом определяло всю их внутреннюю структуру. Им был присущ в высокой степени идеалистический дух, их целью оставалась коммунистическая община. И хотя эта цель не только не была ими достигнута, но и была недостижима, тем не менее только эта недостижимая цель придавала им жизненную силу, сплачивала в одну тесную организацию сотни и тысячи рабочего люда. Только благодаря наличности этой иде-

альной недостижимой цели могла быть преодолена социальная инерция, препятствующая созданию существенно новых форм жизни, особенно в такой малообразованной и неинтеллигентной среде, каковой являлись в начале прошлого столетия рабочие классы Англии. Только идеальный порыв, новая социальная вера могли дать английским трудящимся классам силы к тому мощному социальному творчеству, которое проявилось в создании кооперативных организаций.

Но, с другой стороны, кооперативные общества, возникшие в действительной жизни, имели так мало общего с тем, что Оуэн называл этим именем, так мало походили на идеальную коммунистическую общину, к которой он призывал людей, что Оуэн не мог видеть в них своих духовных детищ. Они были созданы стремлением к коммунизму, но ничего коммунистического в себе не заключали. В той форме, какую они реально получили, они никогда не входили в круг идей Оуэна. Они отразили в себе реальную историческую среду, в которой пришлось действовать великому утописту. Средой этой были определенные классы капиталистического общества, главным образом мелкие производители, ремесленники и кустари. Пропаганда Оуэна нашла горячих последователей именно среди этих классов английского общества, так как они тяжело страдали от новой в то время системы хозяйства — капитализма. Первая половина прошлого века была эпохой промышленной революции, выражавшейся в вытеснении ремесла и кустарной промышленности фабрикой. Мелкое производство в области промышленности, имевшее ручной характер, погибало от конкуренции крупного производства, получившего в свое распоряжение такое могучее орудие труда, как машина. Рост новой формы промышленности сопровождался чрезвычайным упадком заработков мелких ремесленников и кустарей. А так как кустари и ремесленники пополняли ряды и фабричных рабочих, то неудивительно, что заработная плата и фабричных рабочих должна была оставаться на низком уровне. Таким образом создалось то падение благосостояния широких масс английского народа, которое отметило собой всю данную эпоху и которое получило свое яркое освещение в целом ряде работ парламентских комиссий первой половины XIX в., занимавшихся выяснением причин этого явления и средств борьбы с ним.

Этот кризис мелкого производства в Англии сделал народные массы Англии восприимчивыми к проповеди Оуэна, призывавшего своих современников к созданию нового общественного строя. И действительно, в пределах существующего общественного строя не было выхода из этого кризиса. Мелкие ремесленники и кустари, составлявшие в Англии того времени огромное большинство промышленного населения, были обречены ходом экономического развития на пролетаризацию. Однако

они упорно держались за свою, хотя бы и призрачную, экономическую самостоятельность и более всего опасались перспективы стать фабричными рабочими. И вот является Оуэн, красноречиво доказывающий им, что можно сохранить хозяйственную самостоятельность и избежать горькой участи работать по найму, под властью капиталиста, если только решиться порвать со старым миром и основать свободную коммунистическую общину. Неудивительно, что проповедь Оуэна нашла отклик в массах.

Как человек, близко стоящий к промышленной жизни, Оуэн прекрасно понимал сущность того промышленного переворота, который переживала Англия. «Ваша работа,— говорил он в одном из своих обращений к трудящемуся люду,— страдает от конкуренции с машинами и другими научными изобретениями, угнетающими вас, пока вы не опускаетесь до самого низкого уровня существования». Кризис мелкого производства казался Оуэну с полным основанием не допускающим никакого удовлетворительного разрешения на почве существующего строя, так как технический прогресс не может быть остановлен, а бедствия мелких производителей именно и вызываются техническим прогрессом.

От этого кризиса непосредственно страдали мелкие производители и только косвенно и в гораздо меньшей степени — фабричные рабочие. А так как главную массу промышленного населения Англии составляли в первые десятилетия прошлого века именно мелкие производители — ремесленники и кустари, то вполне естественно, что именно в этой социальной среде проповедь Оуэна оказала наиболее сильное действие.

Первый период кооперативного движения в Англии характеризуется, как мы видели, попытками устройства коммунистических общин. В этом периоде, по самому существу дела, наибольшую роль играла интеллигенция — люди имущих классов и даже нередко очень богатые, по чисто идеалистическим мотивам примыкавшие к Оуэну и дававшие деньги, требовавшиеся для таких попыток. Период этот, как мы видели, был очень непродолжителен и охватывал только несколько лет, тем не менее о нем не следует забывать, так как именно он с наибольшей ясностью свидетельствует о конечных целях всего движения, и как бы ни были далеки эти цели от исторической почвы, они составляли силу движения, создавая тот нравственный подъем и энтузиазм, без которых движение не могло бы получить большого общественного размаха.

Второй период кооперативного движения начинается с того времени, когда оно перерастает свои первоначальные классовые рамки и становится движением уже не только интеллигенции, но и широких народных масс. При этом необходимо иметь в виду, что со вступлением движения в этот фазис важнейшей

социальной средой движения становятся не столько фабричные пролетарии, сколько ремесленники и кустари.

В потребительских обществах участвовали разнообразные общественные элементы, но преобладали в них все же мелкие производители. Это видно уже из того, что первые потребительские общества возникали отнюдь не в центрах фабричной промышленности, а в городах с развитой мелкой промышленностью и торговлей — в Лондоне, Брайтоне, Бирмингеме, Норвиче и др. Еще яснее этот непролетарский характер членов первых потребительских обществ обнаруживается в том, что большинство из них были не столько потребительскими обществами, сколько сырьевыми товариществами.

Что касается до бирж труда, которые получают такое развитие в 30-х гг., то их классовый характер уже не может вызвать ни малейшего сомнения: очевидно, перед нами организации мелких производителей, страдающих от недостатка рынка для своих произведений. Этот недостаток рынка был непосредственно создан промышленной революцией, ростом фабрики.

Наряду с рабочими биржами в это время растут и производительные артели мелких производителей. Именно в этом классовом характере кооперативного движения 30-х и лежит ключ к пониманию всех его особенностей, как совершенно справедливо настаивает Л. Пумпянский в своей работе, посвященной ранней истории английской кооперации (*Die Kooperation und der Socialismus in England. Archiv f. die Geschichte des Socialismus*», В. II, Н. 2—3).

Вот почему кооперативное движение, созданное Оуэном, мало-помалу сошло, как бы в фокусе, в рабочих биржах. Действительно, ведь именно в недостатке рынка заключался центр кризиса мелкого производства.

С другой стороны, ясно, что крушение рабочих бирж было неизбежно. Не говоря уже о том, что кооперация среди ремесленников по причинам, которые выяснятся в последнем отделе этой книги, встречает для своего осуществления огромные трудности, — та форма кооперации, которую представляли собой рабочие биржи, была чистейшей утопией.

Дело шло об организации сбыта произведений мелких производителей. Произведения эти не находили себе сбыта (или, точнее, не находили себе на рынке цены, окупавшей затраты производства) благодаря тому, что с ними конкурировали более дешевые произведения фабричной промышленности. Что же такое представляли собой рабочие биржи? Не что иное, как организованные сообщества этих самых мелких производителей для обмена друг с другом своими произведениями. Но ведь эти небольшие группы производителей составляли только ничтожную долю того рынка, который требовался для сбыта произведений их труда. Даже если бы все мелкие производители

страны входили в состав рабочих бирж, и в этом случае они не могли бы обеспечить своим сочленам достаточного рынка сбыта, ибо продукты труда мелких производителей сбывались также и другим общественным классам: капиталистам, фабрикантам, землевладельцам, промышленным и сельским рабочим и т. д. Какое же значение в качестве рынка сбыта могли иметь небольшие группы мелких производителей, образовывавшие собой рабочие биржи?

В довершение всего рабочие биржи отказывались от употребления денег, обращавшихся в стране, и заменяли их новыми «рабочими деньгами», которые могли приниматься только в тесном кругу лиц, прямо или косвенно заинтересованных в биржах.

Все вместе представляло собой нечто до последней степени непрактичное и внутренне невозможное. Правда, новые общественные образования обычно появляются первоначально в несовершенной форме, и если только в них есть здоровое зерно, то, как бы ни была неудачна форма, зерно может дать ростки. Так, например, и потребительские общества возникли из организаций, преследовавших утопические цели устройства коммунистических общин. Можно себе представить, что и из рабочих бирж могли бы возникнуть жизнеспособные кооперативы, именно кооперативы по сбыту продуктов мелкой промышленности.

Этого не случилось по той причине, что общественная среда этих кооперативов не могла создать жизнеспособность кооперативных организаций. Ремесленная кооперация до настоящего времени не выходит из области благих пожеланий. Вполне естественно, что в 20-е годы прошлого века ремесленная кооперация не могла возникнуть.

Таким образом, сведение кооперативного движения к рабочим биржам знаменовало собой крушение всего дела. И действительно, вторая половина тридцатых годов отмечена в истории кооперации как постепенное разложение и упадок великого движения, вызванного Оуэном, поскольку социальной средой этого движения были мелкие производители.

Однако хотя мелкие производители и составляли главную массу членов кооперативных обществ 20—30-х гг., наряду с ними в состав первых кооперативов входили и представители совершенно иного общественного класса — фабричные рабочие. Фабричные рабочие могли участвовать в кооперативах только одного определенного рода — потребительских обществах.

Глава II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКИХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ

I. КООПЕРАЦИЯ И ПРОЛЕТАРИАТ

Второй период истории кооперативного движения был более продолжительным, чем первый, и закончился крушением большинства кооперативных обществ, созданных Оуэном и его непосредственными последователями. Однако кооперативное движение не погибло: оно вступило после этой неудачи в свой третий и уже успешный фазис, для чего оно должно было еще раз изменить свою социальную среду и найти наконец тот общественный класс, условиям жизни которого оно, естественно, соответствовало.

Этим классом явились фабричные рабочие. Новая история кооперации начинается с образования потребительских обществ чисто пролетарского классового состава.

Однако для того, чтобы пролетарские потребительские общества могли получить развитие, для этого жизнь должна была выработать для них соответствующую форму. Потребительские общества двадцатых—тридцатых годов прошлого века просуществовали недолго. Они были слишком рудиментарны, бесформенны и внутренне нестройны, чтобы обладать жизненными силами. И классовый состав их был очень неопределенным. Наряду с фабричными рабочими в эти общества входили — и в преобладающем числе — ремесленники и люди многих других классов. Одновременно они были и сырьевыми товариществами, а также стремились быть организациями сбыта. Они не были чистыми пролетарскими организациями и соответственно этому страдали от внутренних раздоров.

Кроме того, первые кооперативы были слишком тесно связаны с утопическим идеалом коммунистической общины, чтобы удачно справляться с практическими трудностями жизни. Чем дальше, тем более уклонялись они от оуэнистских идей и тем пригоднее становились для жизни. Этого не мог не видеть их духовный отец и становился к ним все более и более равнодушным. Так, например, он пишет по поводу посещения города Карлейля в ноябре 1836 г.: «К моему удивлению, я нашел в различных частях города 6 или 7 кооперативных обществ. Общества эти хорошо работают, т. е. получают известную прибыль от совместной продажи в розницу. Однако давно пора покончить со столь распространенным взглядом, будто такие общества и суть та социальная система, к которой мы стремимся, или что эти общества имеют что-либо общее с новым нравственным миром».

Чем более развивалось классовое самосознание английского пролетариата, тем отчужденнее чувствовал себя Оуэн среди английских рабочих. Для Оуэна кооперация была, как сказано, средством примирения всех классов, и потому он не мог не относиться враждебно и к тред-юнионизму, и к чартизму*. Реальное кооперативное движение английского пролетариата также ускользало от его непосредственного влияния.

2. РОЧДЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО И СУЩНОСТЬ ЕГО ПРИНЦИПОВ

Как известно, современная потребительская кооперация ведет свое начало от устройства в 1844 г. в небольшом фабричном городке северной Англии Рочделе знаменитого потребительского общества нового типа. В чем же заключался секрет поразительного успеха этого общества, явившегося прообразом стольких тысяч потребительских обществ во всем мире?

Важнейшими из рочдельских принципов, столько раз комментированными в кооперативной литературе, были следующие: 1) *демократичность устройства* (каждый член имеет равный голос), 2) *низкие размеры пая и возможность вносить его небольшими взносами*, 3) *продажа продуктов не в кредит, а на наличные деньги*, 4) *продажа продуктов не по себестоимости, а по средним рыночным ценам* и 5) *распределение всех денежных остатков в конце года не по паям, а по закупкам каждого члена (по забору)*. В чем же заключалась та внутренняя связь, которая объединяет все эти принципы и которая вызвала их к жизни?

Прежде всего следует констатировать, что рочдельское общество возникло на той же самой идейной основе, как и потребительские общества более раннего периода. Известный английский кооперативный деятель Голейок в своей истории «честных рочдельских пионеров» (как они себя называли) приводит подробную характеристику 13 из 28 основателей рочдельского общества. Все они — фабричные рабочие, по своим убеждениям почти все они являются или социалистами, или чартистами; а так как чартизм был политическим движением, преследовавшим широкие социальные цели, то мы смело можем признать основателей рочдельского общества более или менее определенными социалистами или радикальными реформаторами. Среди этих 28 не встречается ни одного имени, получившего ранее общественную известность, — все это были, очевидно, рядовые рабочие, ничем особенно не выделявшиеся и никакими особыми талантами не обладавшие.

Конечно, сами по себе, по своим внутренним свойствам это были далеко не заурядные люди. Но характерно, что никто из

них не выдвинулся из рядовых рабочих и что, следовательно, их дело было создано не лицами, посторонними рабочему классу, но представителями этого самого класса, без всякой внешней поддержки.

Цели созданного ими общества, Общества честных роцдельских пионеров, сформулированы ими следующим образом:

«Устройство склада для продажи провизии, одежды и пр. Приобретение или постройка ряда домов, в которых могли бы жить члены общества, желающие помогать друг другу в улучшении их домашней и общественной жизни; организация производства тех продуктов, которые признает нужным произвести общество для предоставления занятия тем членам общества, которые не имеют занятия или страдают от длительного понижения их заработной платы; в интересах дальнейшего обеспечения экономического положения членов общество должно приобрести одно или несколько имений для обработки их теми из членов общества, которые не имеют занятия или труд которых плохо вознаграждается. Как только это будет возможно, общество должно приступить к организации сил производства, распределения, воспитания и управления, или, иными словами, должно организовать собственными силами общину с объединенными интересами, или же прийти на помощь другим обществам, организующим подобные общины».

Последний пункт бросает особенно яркий свет на социальные верования первых роцдельских пионеров. Та же вера в немедленную осуществимость «нового нравственного мира», которая вдохновляла кооператоров двадцатых годов, дала силы и роцдельцам создать общество.

Историческое значение дела роцдельцев заключалось в том, что роцдельцы положили в основу своего потребительского общества именно те принципы, которые, как показал последующий опыт, наиболее обеспечивают успех и развитие организации этого рода. Каким же образом никому неизвестные и ничем не доказавшие своих выдающихся умственных способностей рядовые фабричные рабочие небольшого английского города придумали эти принципы, ставшие как бы евангелием потребительской кооперации?

Единственно возможный ответ должен быть следующий. Именно потому роцдельские принципы и оказались до такой степени плодотворными, что они никем не были «придуманы». Они явились как бы сами собой, естественным выражением тех социальных потребностей, которым служила вновь возникшая организация.

Никакой глубокой мудрости не требовалось для того, чтобы понять практичность и целесообразность этих принципов. И потому несколько не удивительно, что, как показывают новейшие исследования, многие роцдельские принципы практиковались

сходными обществами рабочих задолго до рочдельского общества. Можно сказать, что всякий разумный фабричный рабочий, сходного душевного склада и сходных социальных верований, легко мог прийти к этим принципам.

Прежде всего нужно иметь в виду, что рочдельское общество было типичным обществом фабричных рабочих. Среди рочдельцев не было ремесленников и мелких буржуа. Поэтому рочдельцы не говорят, перечисляя свои цели, об организации совместной продажи продуктов труда отдельных членов общества, не говорят и относительно совместной закупки необходимого для производства сырья. В этом бросающееся в глаза различие между рочдельским обществом и потребительскими обществами двадцатых — тридцатых годов, которые все были смешанного состава и наряду с фабричными включали в себя многочисленных ремесленников и кустарей.

Рочдельское общество вышло из среды фабричных пролетариев, и потому оно имеет непосредственно в виду только потребительские интересы. Это объясняет отсутствие в рочдельском обществе тех утопических элементов, которые сказались в рабочих биржах и подобных организациях, стремившихся сохранить хозяйственную самостоятельность мелких производителей и в то же время обеспечить им постоянный сбыт их изделий.

Пойдем дальше. Откуда в рочдельском обществе эти строгие требования относительно продажи товара на наличные деньги, назначение сравнительно высокой (рыночной, а не более низкой) продажной цены и распределение остатков не по паям, а по забору? Все это имеет тот же источник: классовую природу рочдельского общества.

Основатели рочдельского общества были не только потребителями, но потребителями — фабричными рабочими. Они сами непосредственно участвовали в производстве, но продукт их труда принадлежал не им. Отсюда и возникли знаменитые рочдельские принципы.

Правило о распределении остатков по забору с необходимостью вытекало из того, что рочдельцы были пролетариями, а не мелкими капиталистами. Как рабочие пролетарии они привыкли отстаивать интересы труда, а не капитала, в капитале же привыкли видеть своего прирожденного врага. Правда, для устройства общества требовались пай, но сила общества основывалась не на его ничтожных капиталах (весь первоначальный капитал рочдельского общества определялся 28 ф. ст. — 280 руб. на наши деньги), а на том, что общество располагало покупательными средствами своих членов. Если бы остатки распределялись по паям, то интересы паевого капитала выдвинулись бы на первый план; этим самым было бы ослаблено общество, так как оно не могло опираться на значительный паевой капитал, которого неоткуда было собрать его пролетар-

ским членам. Вместе с тем такое распределение не соответствовало бы интересам и членов общества опять-таки потому, что они были не мелкими капиталистами, а пролетариями. Правда, каждый из них внес свой пай; но насколько больше он вносил обществу в качестве покупателя предметов потребления? Со знавая это, рочдельцы как пролетарии не могли не прийти к заключению, что остатки должны распределяться отнюдь не по паям, которые в их личном хозяйстве и в хозяйстве общества играли сравнительно ничтожную роль, а по закупкам каждого члена, что было основой всей силы общества и что составляло самую крупную затрату в хозяйстве каждого из них.

Таким образом, знаменитое правило распределения остатков по забору естественно вытекало из пролетарского характера рочдельского кооператива. Известно, какую важную роль во всем последующем развитии потребительской кооперации суждено было сыграть этому правилу. Можно без преувеличения сказать, что на этом правиле основана вся потребительская кооперация и что без него потребительские кооперативы не могли бы рассчитывать на какой бы то ни было успех в среде рабочего класса.

Не так просто поддается объяснению рочдельское правило продажи по рыночной цене и на наличные. Обычно указывают для оправдания этого правила на то, что благодаря ему потребительское общество функционирует как принудительная сберегательная касса: небольшие сбережения при каждой продаже в конце года суммируются и в таком суммированном виде выдаются каждому члену, выигрывавшему благодаря тому, что суммированные небольшие сбережения имеют гораздо большее экономическое значение, чем эти ничтожные сбережения в несуммированном виде. Это объяснение совершенно неудовлетворительно. Конечно, нельзя отрицать, что суммирование сбережений увеличивает их экономическое значение. Но ведь в данном случае это суммирование производится принудительным образом. Казалось бы, было бы гораздо согласнее с духом кооперации предоставить каждому самому решать, суммировать свои сбережения или пользоваться ими в отдельности.

Иными словами, продажа не по рыночным ценам, а по возможно более низким ценам, лишь окупающим покупную цену плюс необходимые расходы общества, кажутся с первого взгляда наиболее соответствующей принципу свободы кооперации.

И это кажется тем правдоподобнее, что существует много потребительских организаций, не придерживающихся этого правила. Можно сказать более — различные организации потребителей распадаются на два типа: одни твердо держатся правила продавать по рыночным ценам, другие продают по возможно более низким ценам.

К числу первых принадлежат общества рочдельского типа, т. е. огромное большинство современных потребительских обществ. К числу вторых принадлежат также довольно многочисленные (хотя далеко не в той мере, как общества первого типа) потребительские организации типа лондонских обществ поставок для служащих в различных ведомствах (Civil Service Supply Association или Civil Service Cooperative Society). Организации последнего рода распространены и в других странах среди лиц средних классов. В Германии наблюдается даже любопытная историческая последовательность в этом смысле. По словам Гуго Цейдлера, автора «Geschichte des deutschen Genossenschaftswesens der Neuzeit» до половины шестидесятых годов прошлого века потребительские общества Германии характеризовались тем, что они отнюдь не стремились продавать товары по рыночным ценам, а, наоборот, старались возможно понизить продажную цену товаров. «Принципиальное отсутствие накопления прибыли и распределения прибыли,— говорит Цейдлер,— есть характерная черта всех потребительских обществ этого типа». И в настоящее время в Германии сохранилось немало обществ этого типа, хотя преобладающим типом в Германии стал рочдельский тип. «Полное вытеснение обществ первого типа рочдельскими мало вероятно,— говорит тот же автор,— так как эти общества вполне удобны для имущих средних и даже высших классов. Ибо лица, принадлежащие к этим классам, как чиновники, врачи, учителя и т. д., имеющие обеспеченный доход, пользуются потребительскими обществами обычно для того, чтобы получать продукты или лучшего качества, или по более низким ценам, когда повышение цен или понижение их доходов угрожает понизить их обычный уровень жизни. В Англии эти потребительские общества известны как Лондонская система, или Civil system, но не признаются кооперативами со стороны собственно рабочих или потребительских обществ рочдельского типа».

Итак, потребительские общества бывают двух родов — рочдельского и иного типа. Эти два типа различаются не только по своему внутреннему строению, но и по своему классовому составу. Общества рочдельского типа являются по своему классовому составу пролетарскими обществами и продают товары по сравнительно высоким ценам, между тем как общества второго типа, состоящие из лиц средних общественных классов, продают товары по возможно более низким ценам.

Дело принимает несколько парадоксальный вид. Почему пролетарские общества, т. е. общества, члены которых принадлежат к наименее обеспеченным классам, не шадят денежных средств своих членов и принуждают их покупать дорого, чтобы накапливать свои сбережения, между тем как общества из среды обеспеченных классов придерживаются обратной политики и

стремятся немедленно же передавать в пользу своих членов все составляемые ими сбережения?

Ответить на этот вопрос поможет нам история потребительской кооперации. Вспомним, что потребительские общества возникли, так сказать, попутно. Как Колумб не искал Америки, а искал Индию, так и первые кооператоры искали «нового нравственного мира», а нашли потребительские общества. Энтузиасты коммунизма из среды рабочего класса хотели собрать средства для устройства коммунистической общины, и для этого им пужно было накопить капитал. Если бы товары продавались по возможно более низким ценам, то никакого накопления капитала не могло бы произойти. При рочдельской системе капитал накапливался в двух местах. Во-первых, в конце года члены общества получали обратно большую часть своих сбережений в суммированном виде. Эти денежные средства членов могли получить любое назначение в зависимости от их усмотрения. Во-вторых, располагая значительными избытками, и сам потребительский кооператив получал возможность удержать в свою пользу некоторую часть этих сбережений и, таким образом, образовать некоторый запасный капитал, который мог также получить любое назначение.

Эти сбережения вполне объясняют, почему рочдельское общество неизбежно должно было продавать продукты не по возможно более низким, а, наоборот, по возможно более высоким ценам. Ибо это общество возникло вовсе не для того, чтобы немного улучшить экономическое положение его членов, уменьшить расходы по приобретению необходимых предметов потребления, а для преобразования всего существующего социального строя, для создания «нового нравственного мира». Для этой великой цели необходимы были известные жертвы, и общество требовало этих жертв со стороны своих членов.

Напротив, потребительские общества средних классов возникают по совершенно другим побуждениям. Чиновники, офицеры, врачи и пр. менее всего стремились и стремятся, основывая свои общества, уничтожить существующий общественный строй. Их цели совершенно иные и несравненно более скромные.

Они хотят возможно уменьшить свои домашние расходы — и только. Для уменьшения расходов нет никакой необходимости прибегать к рочдельской практике — продавать продукты из потребительской лавки по высокой цене и затем в конце года распределять накопленные избытки. Напротив, всего целесообразнее и разумнее поступать обратно — продавать товары по возможно более низким ценам и оставлять в своем домашнем хозяйстве все полученные таким образом сбережения.

Данное объяснение рочдельского принципа продажи по рыночной цене может показаться очень натянутым. Действительно,

если нельзя спорить, что рочдельцы в 1844 г. ввели этот принцип именно по этим побуждениям (ибо это исторический факт, что рочдельцы рассматривали свою организацию как подготовительную ступень к коммунистической общине), то ведь в настоящее время многие тысячи потребительских обществ, рассеянных по всему свету и организованных по рочдельскому типу, отнюдь не мечтают ни о каких общинах и возникают по совершенно иным побуждениям и мотивам.

Конечно, было бы нелепо утверждать, что современные потребительские общества рочдельского типа преследуют те же социальные цели, что и их исторический прототип. Но все же и в современных пролетарских потребительских обществах продажа по рыночным ценам определяется причинами сходного характера.

Современное пролетарское потребительское общество не мечтает о коммунистической общине. Тем не менее душевный строй его членов имеет существенно иной характер, чем душевный строй членов чиновничьих и офицерских обществ.

Лица рабочего класса не обладают никакими избытками. Между тем устройство потребительского общества требует известного, хотя бы и небольшого, капитала. Эта необходимость собрать паевой капитал требует больших жертв со стороны пролетарских членов потребительского общества.

Затем, всякое вновь возникшее потребительское общество, в особенности когда оно плохо снабжено капиталом, первое время, нередко первые годы, не может удовлетворительно справляться со своими задачами и обычно оказывается неспособным так же хорошо удовлетворять потребностям своих членов, как обыкновенная капиталистическая лавка. Для того чтобы общество пережило благополучно первые и самые трудные годы, необходимо, чтобы его члены были готовы идти на известные материальные жертвы; без этой готовности общество не может достигнуть успеха.

Чем менее обеспечена общественная среда, из которой вербуются члены общества, тем чувствительнее эти жертвы. И притом требуются не только денежные жертвы, но и значительная затрата времени и труда без соответствующей оплаты. Только на дружной работе всех членов общества в его общую пользу, на неослабевающем интересе массы членов общества к своему общему делу и основывается сила пролетарского потребительского общества.

Хотя в настоящее время устройство потребительского общества требует гораздо менее инициативы и идеалистического подъема, чем в эпоху Оуэна, тем не менее и теперь без морального подъема, элемента идеализма невозможен успех пролетарского кооператива. Откуда же берется этот энтузиазм? Из сознания, что кооператив служит не только эгоистическим це-

лям его членов, но и выполняет некоторую важную задачу. Только высокие общественные цели могут вызвать энтузиазм.

Иными словами, потребительское общество может вызвать со стороны своих членов готовность к известным жертвам лишь в том случае, если кооператив приобретает в их глазах некоторую идеальную ценность. Нужно, чтобы члены кооператива любили его, рассматривали его как нечто высшее, нежели их собственные интересы.

И, несомненно, успешные кооперативные организации вызывают к себе именно такое отношение со стороны своих наиболее деятельных членов. Где нет группы таких преданных делу лиц, там дело не может рассчитывать на успех.

Только тогда, когда кооператив в большей или меньшей мере является самоцелью (а это существенно важно для его преуспевания), можно рассчитывать на готовность со стороны членов приносить известные материальные жертвы для развития кооператива. Для успеха кооператива требуется, чтоб он располагал достаточным капиталом. А капитал этот не может быть собран, если потребительское общество будет продавать свои товары по возможно более низким ценам.

Итак, для преуспевания кооператива необходимо, чтобы в его распоряжении оставались значительные свободные денежные средства, которыми он мог бы свободно располагать. Это достигается тем, что товары продаются кооперативом по сравнительно высокой цене. Правда, кооператив выдает большую часть накопленных таким образом денежных средств обратно своим членам. Но, во-первых, известная часть накопленных средств остается все же в руках кооператива и превращается в его запасный капитал. Во-вторых, в случае надобности кооператив все же сохраняет свободу распоряжения этим избытком. В случае надобности он может дать им и другое употребление. В-третьих, пока эти избытки не возвращены членам, кооператив пользуется ими для своих оборотов.

Несколько лет тому назад на бирмингемском конгрессе британских потребительских обществ * генеральный секретарь кооперативного союза, покойный теперь Грей, сделал предложение создать «кооперативное государство» — объединить в одну громадную организацию все британские потребительские общества. В своей речи Грей указал на идеалистический дух, пронизавший британское кооперативное движение в первые годы после его возникновения. Современная британская кооперация, доказывал он, несмотря на свои огромные успехи, все же не осуществила рочдельских принципов, как их понимали сами рочдельцы. Рочдельцы на первый план выдвигали не личные интересы отдельных членов кооператива, а общий интерес, выражением которого является кооператив. Основную рочдельскую идею, из которой вытекали все рочдельские принципы, Грей

усматривал в требовании, чтобы каждый член содействовал успеху целого и чтобы сбережения, получаемые благодаря существованию кооператива, шли в большей или меньшей степени на нужды самого кооператива, т. е. на развитие и усиление кооперативного строительства.

«Не пришло ли теперь время,— воскликнул Грей,— серьезно подумать, как соединить старые рочдельские идеалы с новыми методами действия и создать план объединения рассыпанных сил современного кооперативного движения в одно целое? Соберем же силы, осуществим идеалы рочдельцев, соединившись в кооперативное государство».

Для осуществления такого кооперативного государства Грей считал нужным, чтобы члены кооперативов согласились отчислять половину следуемых им заборных отчислений в неотчуждаемый капитал создаваемой гигантской кооперативной организации.

План Грея не получил пока осуществления, но все же его нельзя не считать крайне характерным для духа британского кооперативного движения, который уже теперь привел к грандиозному развитию этого движения. Если кооперативного государства, о котором мечтал Грей, пока и нет, то уже давно существуют и все больше развивают свои операции английское и шотландское общества оптовых продаж, с их оборотами в десятки миллионов фунтов, десятками тысяч рабочих, занятых в производственных предприятиях, многочисленными фабриками, пароходами, плантациями и пр., и пр. Эти гигантские хозяйственные организации, созданные британской кооперацией, возникли всецело за счет средств, накопленных потребительскими обществами из разницы между продажной и покупной ценой товаров. Правда, гораздо большая доля этой разницы пошла в пользу отдельных членов кооперативов. Но и оставшихся средств хватило на то, чтобы создать то великое дело, каким является британская кооперация.

Итак, в рочдельском принципе продажи по сравнительно высокой цене выражается требование от каждого члена кооператива быть готовым на известные жертвы для усиления кооператива. Рочдельский кооператив существует не только для доставления его членам известных экономических выгод. Конечно, он существует и для этого, и без достижения этой цели кооператив не мог бы иметь успеха. Но наряду с этой целью, удовлетворяющей эгоистическим интересам членов, кооператив преследует и идеальные цели, и в качестве такой идеальной ценности он существует ради себя, для развития и укрепления новой формы хозяйственной организации, соответствующей высшим интересам человечества. В качестве идеальной ценности кооператив требует от своих членов готовности жертвовать своими интересами интересу кооператива. Если кооператив слу-

жит интересам его членов, то и, наоборот, его члены должны служить интересам кооператива — такова сущность роцдельского кооператива.

После сказанного нетрудно понять, почему потребительские общества из среды лиц более обеспеченных классов придерживаются совершенно иных принципов деятельности, чем пролетарские кооперативы. Чиновники, офицеры и проч. не могут не относиться к своему кооперативу совершенно иначе, чем относятся рабочие. Никакой идеальной ценности кооператив для них не имеет. Кооператив нужен им лишь постольку, поскольку он им доставляет определенные хозяйственные выгоды. Ни на какое самопожертвование ради усиления своего кооператива они не пойдут, и потому они требуют от кооператива немедленных определенных выгод. Ни о каком «кооперативном государстве» они не мечтают, а желают иметь в своей кухне продукты лучшего качества и по возможно более низкой цене.

Третий роцдельский принцип — покупка на наличные деньги — был выражением той же основной сущности роцдельского кооператива. «Представление о кредите как о социальном зле, — говорит Голейок, — было частью социалистического воспитания роцдельцев. Как социальные реформаторы, они привыкли думать, что для всего общества будет лучше, что коммерческие операции будут проще и честнее, если кредит будет уничтожен».

Объяснение Голейока справедливо, поскольку дело идет о мотивах тех знаменитых «двадцати восьми», которые создали роцдельский кооператив. Но, конечно, не этими социалистическими соображениями о вреде кредита объясняется то, что и этот роцдельский принцип получил такое распространение в пролетарских потребительских обществах.

И этот принцип основан на той же идее, что и принцип продажи по рыночным ценам. Покупка на наличные требует большого напряжения сил со стороны малообеспеченных членов пролетарского кооператива; но она необходима потому, что без нее кооператив будет слишком слаб, чтобы ставить себе крупные цели.

Покупка на наличные особенно необходима именно для пролетарского кооператива, так как кооператив, возникший в этой среде, не может располагать значительными капиталами и, значит, должен черпать всю свою силу из средств своих покупателей. Продажа в кредит лишит пролетарский кооператив всех его оборотных средств, и вот почему роцдельская кооперация предъявляет такие высокие требования своим членам.

Демократичность устройства, невысокий размер пая и внесение его небольшими взносами с очевидностью вытекают из классового характера членов роцдельской кооперации. Иными словами, все роцдельские принципы целиком и без остатка объяс-

няются классовым составом членов рочдельских кооперативов, тем, что данный кооператив является хозяйственной организацией пролетариата — производительного класса, сплоченного условиями своего труда, но не являющегося собственником своего продукта и потому не обладающего капиталом. На особенностях рочдельского кооператива отразилась, однако, не только экономическая необеспеченность того общественного класса, который создал эту новую форму хозяйственной организации. Самая возможность развития в этой среде хозяйственных союзов, предъявляющих к своим членам столь суровые требования, показывает, что эта среда хотя и не обладает капиталом, обладает правильным, регулярным доходом. Этот правильный доход является источником, откуда пролетарский кооператив черпает свои силы.

С другой стороны — и это существенно важно, — рочдельский кооператив характеризует и идеальную сторону социальной природы пролетариата. Пролетариат — это класс будущего, класс, по всем условиям своей жизни долженствующий стремиться к новому общественному строю. Коммунистические общины, стремление к которым создало потребительские общества, — это, конечно, утопия, неосуществимая мечта. Но не случайно эта мечта получила распространение именно среди пролетариата.

В настоящее время миллионные массы рабочего класса, вступающие под знаменем кооперации, совершенно равнодушны к коммунистическим планам Оуэна. Но и теперь, как и в первое время возникновения кооперации, рабочий класс видит в кооперации некоторую идеальную ценность, ради которой можно пойти на крупные жертвы.

Именно в этом признании идеальной ценности кооперации как общественного движения, создающего новые формы жизни, и заключается характернейшая черта рочдельского кооператива, откуда и вытекли так называемые рочдельские принципы. Отсюда — удивительная сила рочдельского кооператива, которая получила столь яркое выражение в потребительских обществах Англии.

В своем реальном историческом осуществлении рочдельская кооперация, удовлетворяя насущные мелкие нужды своих членов, в то же время преследует широкие цели огромного общественного значения. За устранением розничного торговца, посредника между потребителем и оптовым торговцем, идет устранение оптового торговца. Такова задача гигантских обществ оптовых продаж, созданных британской кооперацией.

Но этим дело не кончается.¹ Общества оптовых продаж организуют производство нужных им продуктов и таким образом устраняют капиталиста и в сфере производства.

Таким образом рочдельская кооперация работает над осу-

ществлением грандиозного плана общественного преобразования — наполовину бессознательно, — но тем характерно это направление для кооперативов рочдельского типа.

Глава III. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

1. ОПТОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Наибольшее развитие пролетарские потребительские общества получили в Великобритании, которая остается донныне образцом того, чего может достигнуть пролетариат в области кооперации. Решающую роль в истории пролетарской кооперации сыграло, как сказано, учреждение в 1844 г. рочдельского потребительского общества, выработавшего те единственно возможные основания, на которых неизбежно должна основываться пролетарская кооперация. Следующей знаменательной датой в истории пролетарских кооперативов явилось учреждение в 1863 г. в Манчестере Кооперативного общества оптовой продажи северной Англии. В основу этой новой хозяйственной организации, объединяющей для оптовых операций отдельные потребительские общества, положены своеобразно измененные рочдельские принципы. Потребительское общество ведет розничную продажу, и его членами являются отдельные лица; напротив, Общество оптовой продажи ведет оптовую продажу и его членами являются не физические лица, а целые группы таких лиц, юридические лица — потребительские общества. Капитал Общества оптовой продажи слагается из взносов участвующих в нем потребительских обществ, причем каждое общество должно делать взнос, пропорциональный числу своих членов. Общество отпускает своим членам продукты только на наличные деньги по оптовым рыночным ценам и в конце года возвращает остаток членам пропорционально закупкам. В общем собрании членов каждое общество располагает числом голосов, пропорциональным числу своих паев в общем капитале.

Таковы хозяйственные основы оптовой организации потребительских обществ. Они совпадают с рочдельскими принципами. Правда, может показаться, что последний пункт противоречит рочдельскому требованию, чтобы каждый член имел один голос независимо от числа паев, которым он располагает. Однако на самом деле предоставление в общем собрании членов Общества оптовой продажи каждому члену тем более голосов, чем более он имеет паев, вполне согласуется с демократическими принципами рочдельцев. Если бы члены общества оптовой про-

даже имели равное число голосов каждый, то это было бы равносильно подавлению интересов большинства интересами меньшинства. Ведь каждый кооператив вносит в общество тем больше паев, чем более он имеет в своем составе членов, и, следовательно, чтобы интересы всех членов различных кооперативов, объединенных центральной организацией, были в ней одинаково защищены, необходимо, чтобы число голосов в распоряжении каждого кооператива было пропорционально числу участвующих в нем лиц, а значит, и пропорционально числу паев в его распоряжении.

В то время как потребительские общества ставят своей задачей передавать в распоряжение рабочего класса прибыль розничного торговца, общество оптовой продажи стремится к тому же по отношению к прибыли оптового торговца. В этом было принципиально новое в данной кооперативной организации, объединившей мало-помалу огромное большинство пролетарских кооперативов.

В 1872 г. оно переименовано в Кооперативное общество оптовой продажи (Cooperative Wholesale Society) без ограничения его северной Англией. Районом его действий в настоящее время является вся Англия, в то время как в Шотландии действует возникшее в 1869 г. Шотландское кооперативное общество оптовой продажи.

Дальнейший, принципиально важный шаг в деле развития пролетарской кооперации был сделан присоединением к операциям общества оптовой продажи собственного производства. Потребительская кооперация стремится к возможному улучшению условий потребления своих членов. Для этого она вытесняет сначала розничного торговца-посредника, затем оптового и, наконец, переходит к собственному производству, вытесняя таким образом капиталистическое посредничество и в области производства. Благодаря этому в настоящее время британские общества оптовой продажи представляют собой нечто большее, чем простую организацию оптовой продажи на кооперативных началах: они являются одновременно и обществами производства тех продуктов, в которых нуждается потребительская кооперация.

О размерах самостоятельного производства английского общества оптовой продажи можно судить по нижеследующим данным: в 1915 г. оно располагало в своих производственных предприятиях капиталом в 3 510 442 ф. ст., причем в этих предприятиях было занято 20 432 рабочих, продуктов было изготовлено на 12 895 914 ф. ст. Общество имело не только фабрики и заводы, но и пароходы, чайные плантации и фермы. Шотландское общество оптовой продажи располагало в своих производственных предприятиях капиталом в 1 078 529 ф. ст. при 7 215 рабочих и 3 669 153 ф. ст. ценности изготовленных продуктов.

Но не только общества оптовой продажи имеют свои производительные отделы: почти все наиболее крупные потребительские общества Великобритании имеют свои фабрики и заводы, на которых производятся те или иные продукты для надобностей общества. Самое крупное из английских потребительских обществ рочдельского типа — Лидское — имеет целый ряд своих фабрик и иных производственных предприятий. Общая сумма производства в производительных отделах потребительских обществ Великобритании немногим превышает по своим размерам производство обоих обществ оптовой продажи.

Впрочем, несмотря на огромное развитие собственного производства, значительно бóльшую часть продаваемых ими продуктов британские потребительские общества покупают все же на стороне, у частных предпринимателей; в 1915 г. всего было продано британскими потребительскими обществами продуктов на 102,5 млн. ф. ст., в том числе произведенных в производительных отделах двух обществ оптовой продажи не более чем на 16,5 млн. ф. ст. Через посредство обоих обществ оптовой продажи потребительскими обществами было приобретено продуктов на 44 млн. ф. ст.

2. ПРОИЗВОДСТВО ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ

Для внутренней жизни британской потребительской кооперации особое значение получил вопрос о наиболее желательных формах кооперативного производства. По отношению к этому вопросу среди английских кооперативов очень рано обнаружилось два борющихся течения, которые и поныне разделяют британский кооперативный мир на два лагеря — индивидуалистов и федералистов. Первые признают наиболее желательной формой производства самостоятельную производительную ассоциацию, вторые — производственное предприятие потребительского общества.

Первое течение приобретает особое значение в пятидесятых годах прошлого века, и выразителями его становятся ряд замечательных людей из средних классов общества, объединившихся под флагом так называемого «христианского социализма». К числу их принадлежали Кингсли, Нил, Юз, Морис и др. К ним примыкали в ревностной пропаганде производителей уже ассоциаций и более ранние вожди английской кооперации, в том числе и знаменитый сподвижник Оуэна Голейок.

Для представителей этого течения производительная ассоциация (производительная артель) являлась самой совершенной формой кооперации или даже единственно истинной кооперацией, так как только производительная ассоциация принци-

пильно уничтожает наемный труд. И они делали героические усилия для насаждения в стране производительных ассоциаций — усилия, совершенно безуспешные, так как основываемые ими в значительном количестве артели неизменно распадались по причинам, которые будут выяснены ниже, в главе о производительных артелях.

Противоположное течение, которое относилось отрицательно к производительным ассоциациям и стремилось к созданию собственного производства потребительских обществ, долгое время не имело определенного теоретического выражения. Цитаделью его стало английское Общество оптовой продажи, которое, как только оно упрочилось, стало энергично стремиться к развитию собственного производства. В основе этого стремления не лежало, как сказано, никакой определенной теории, никакой определенной конечной цели, а только ясно сознаваемые потребности практической жизни. «Кооперативные путники пришли к этому принципу, — говорит Редферн, историк английского общества оптовой продажи, в юбилейном издании «The Story of the C. W. S.» — скорее случайно, чем с заранее определенной целью, как Колумб случайно приплыл к островам Вест-Индии».

Теоретическое обоснование этого течения было дано значительно позже, в известной книге Беатрисы Поттер «Кооперативное движение Великобритании». Течение это, именовавшее себя «федералистическим», в противоположность «индивидуалистическому» течению, защищавшему производительные ассоциации, признавало производство потребительских обществ более высоким социальным типом, чем производство производительных ассоциаций. В первом случае производство служит интересам всего общественного целого, совпадающего с кругом потребителей, между тем как во втором случае на первый план выдвигаются сепаратные интересы обособленной группы рабочих, занятых данным производством и естественно противопоставляющих себя общественному целому. Первая система производства объединяет рабочих служением общему интересу, между тем как вторая вносит разьединение в их среду и разбивает рабочий класс на группы враждующих друг с другом отдельных производительных единиц, совершенно так же как мы это видим и по отношению к отдельным капиталистическим предприятиям.

Ввиду очевидного неуспеха производительных ассоциаций сочувственное им течение скоро приняло на практике смягченную форму требования, чтобы рабочие, если они уже не являются полными хозяевами предприятия, то по крайней мере участвовали бы в его прибылях и в управлении предприятием. В такой форме течение это выразилось в требовании организации производства на началах «трудового коопартнершипа»*.

Спор обоих течений неоднократно доходил до обсуждения на ежегодных конгрессах высшей организации, объединяющей бри-

танскую кооперацию Кооперативного союза*. Английское Общество оптовой продажи некоторое время выдавало своим рабочим известную процентную премию в виде прибавки к заработной плате, но в 1875 г. отказалось от таких выдaч не по принципиальным соображениям, а по мотивам чисто практического характера. Затем эта форма оплаты труда была возобновлена и окончательно отвергнута обществом в 1886 г.

Сторонники участия рабочих в прибылях апеллировали к Кооперативному союзу. Во главе кампании против Общества оптовой продажи стал Юз. Стачка рабочих на фабрике общества в Лестере в 1886 г. дала повод к резким нападкам на общество. Голейок сказал даже, что «появление общества оптовой продажи в Лестере было несчастьем для кооперации». Сторонники «индивидуалистического» производства, в числе которых было пять бывших президентов конгрессов Кооперативного союза (Голейок, Юз, Нил, маркиз Рипон, Тейлор), предложили на конгрессе союза в Дьюсбэри резолюцию, защищавшую принцип самостоятельных производительных ассоциаций и настаивавшую на том, чтобы, во всяком случае, рабочим было возвращаемо не менее половины всей чистой прибыли. Голейок сказал на этом конгрессе следующее: «В 1886 г. у Общества оптовой продажи было в Лестере 990 рабочих. Прибыль общества равнялась 9500 ф. ст. Разделенная между рабочими, эта прибыль дала бы на каждого рабочего 9 ф. 10 шилл. Кому же досталась эта прибыль, выработанная рабочими? Ее получили 970 потребительских обществ. Что же они сделали с нею? Они передали ее 650 тысячам своих членов. Сколько же получил каждый член? Около полутора фартинга... Имя Иуды Искариота предается проклятиям всего света в течение 18 веков за то, что он предал распятию Христа; но он предал Христа по крайней мере не даром, а за тридцать сребреников. Между тем, кооператоры предают рабочего распятию неоплаченного труда за три восьмых пенни».

Легко понять софизм Голейока: он противопоставил ничтожность выгоды, получаемой каждым членом потребительских обществ, от присвоения прибавочного труда рабочего отдельной фабрики, крупной потере от такого присвоения для рабочего. Но при этом Голейок игнорировал два обстоятельства: во-первых, то, что если выгоды членов потребительских обществ на каждого отдельного члена оказываются гораздо меньшими, чем потери каждого отдельного рабочего, то зато число выигрывающих членов гораздо больше, чем число проигрывающих рабочих. Во-вторых, Голейок совершенно неправильно противопоставил всей массе членов потребительских обществ рабочих только одной фабрики, между тем как нужно было бы противопоставить членам потребительских обществ рабочих всех фабрик и предприятий, принадлежащих потребительским обществам.

Тогда результат сравнения получился бы совершенно иной. В 1916 г. в потребительских обществах Великобритании, принадлежащих к Кооперативному союзу, было 3 187 285 членов (всего же, во всех потребительских обществах было 3 310 724 членов), а общая сумма чистого дохода этих обществ достигала 14 960 086 ф. ст., да, кроме того, два общества оптовых продаж получили чистого дохода в том же году 1 639 216 ф. ст. Общая сумма чистого дохода достигла, таким образом, для различных и оптовых потребительских обществ 16 592 302 ф. ст. — на каждого члена приходилось чистого дохода около 5 ф. ст. Если бы весь этот доход поступил в распоряжение рабочих и служащих потребительских обществ, то каждый член потребительского общества лишился бы не ничтожной суммы в три восьмых пенни, как рассчитывал Голейок, но около 5 ф. ст. в год, что уже составляет немаловажную сумму в скромном бюджете рабочего, из числа которых вербуются члены потребительских обществ союза.

На конгрессе победило компромиссное предложение, которое, однако, было ближе к резолюции, предложенной сторонниками коопартнершипа, чем к противоположному течению, и могло рассматриваться как победа первых. Большинством в 213 голосов против 160 прошла резолюция, призывавшая Общество оптовой продажи и вообще все кооперативы распределять прибыль между рабочими, пайщиками и потребителями.

Общество оптовой продажи не подчинилось этому постановлению, равно как и большинство потребительских обществ. В 1890 г. общество предприняло анкету для выяснения, в какой мере потребительские общества предоставляют своим служащим и рабочим участие в прибылях. Оказалось, что из 881 общества, принадлежащих к Обществу оптовой продажи, только 94 делали это. Такой результат анкеты только укрепил Общество оптовой продажи в его нежелании вводить участие рабочих в прибылях, и на этой позиции оно твердо стоит и в настоящее время в противоположность Шотландскому обществу оптовой продажи, в котором служащие и рабочие принимают участие в прибыли (правда, в очень незначительной мере).

Сторонники коопартнершипа усмотрели в образе действий английского Общества оптовой продажи решительную измену кооперативным принципам и превращение общества в обычную акционерную капиталистическую компанию. Однако не подлежит сомнению, что образ действий английского Общества оптовой продажи опирается на сочувствие огромного большинства британских кооператоров и что общество остается истинным кооперативом рочдельского типа.

В конце концов сторонники самостоятельных производительных ассоциаций выдвинулись из общей организации британских кооперативов — Кооперативного союза и образовали свой соб-

ственный союз, получивший впоследствии название Ассоциации трудового коопартнершипа *, существующий и поныне, но большого успеха не имеющий. Принципы английского Общества оптовой продажи стали руководящими в английской кооперации, дополнившей рочдельские принципы принципом организации производства силами объединенных потребительских обществ.

Это сказалось в статьях английских кооперативных изданий по поводу исполнившегося в 1914 г. пятидесятилетия деятельности Общества оптовой продажи. Вот, например, как рисуется будущее английской кооперации руководящему органу британской кооперации Cooperative News *.

«К концу следующего пятидесятилетия Общество оптовой продажи будет, вероятно, владеть каменноугольными копями в Англии и Уэльсе, источниками нефти в Америке, хлопковыми плантациями в Африке, пшеничными полями в Канаде и других странах. Оно будет само добывать железо из своих собственных рудников, вырывать кожу со своего скота на своих пастбищах в Аргентине, получать шерсть и баранину со своих овец в Англии и Австралии; оно создаст свои рыбачьи флотилии с помощью потребительских обществ, расположенных вблизи моря, а также земледельческие фермы внутри страны. Что касается океанского транспорта, то ввиду захвата торговых судов синдикатами судовладельцев для Общества оптовой продажи станет необходимым завести свои собственные суда, чем и будет завершён контроль общества над всеми источниками удовлетворения жизненных потребностей».

Можно сомневаться в правильности этого прогноза, но, во всяком случае, ясно, что для Cooperative News дальнейшее развитие британской кооперации рисуется в виде постепенного расширения сферы действий Общества оптовой продажи, пока в его руках не сосредоточится производство всего того, в чем нуждается английский потребитель. Для отдельных производительных ассоциаций в этой концепции места совсем не остается.

Однако за последние годы в общественном мнении английской кооперации как будто замечается по отношению к этому вопросу некоторый многозначительный поворот, что сказалось не только в появлении многих книг и статей в защиту коопартнершипа, но и в резолюции Абердинского конгресса (1913 г.). Конгресс этот снова рассматривал старый и, казалось бы, окончательно решенный вопрос о наиболее желательных формах кооперативного производства и вынес следующую резолюцию: «Ввиду неупорядоченности, трения и малой производительности современной промышленной организации, основанной на конкуренции, конгресс признает, что пришло время для развития кооперативного производства во всех его формах и приглашает кооператоров тщательно изучить наилучшие способы содействия всем формам ассоциированного труда, включая сюда как

существующие формы производства при посредстве потребительских обществ и обществ оптовой продажи, так и при посредстве независимых производительных ассоциаций.

Нужно, впрочем, иметь в виду, что этот возврат к прежним, казалось бы, давно похороненным воззрениям отнюдь не был вызван успехами производительных ассоциаций или хотя бы успехами предприятий на принципах коопартнершипа. Как будет указано в главе о производительных артелях, успехи производительных ассоциаций до сих пор совершенно ничтожны, и немногим лучше обстоит дело с принципом коопартнершипа. Поворот к этим принципам вызван, как правильно указывает г. Чекин в статье «Трансформация капитализма» в «Вестнике кооперации», причинами совершенно иного рода — разочарованием английских кооператоров в возможности для потребительской кооперации захватить в свои руки значительную часть современного производства. «Кооперативный рынок, — говорил на Абердинском конгрессе Гаррисон, — хотя еще не целиком приобретен кооперацией, но имеет свои определенные границы. Он ограничен не только численностью участников кооперации, хотя и возрастающей из года в год, но в уменьшающейся прогрессии, но и низкой покупательной способностью членов потребительских обществ и незначительностью исходящего от них платежеспособного спроса. Не считая пищевых продуктов, потребление рабочим классом продуктов производства печально мало. Голые спины в достаточной степени, по выражению Карлейля, нуждаются в рубахах. Но за рубахи нечем платить, и потребностям не соответствует достаточный платежеспособный спрос».

Эта ограниченность кооперативного рынка в связи с другими условиями, которые будут выяснены ниже, приводит к невозможности занять в кооперативных предприятиях труд тех миллионов членов потребительских обществ, которые уже теперь объединены кооперацией. Действительно, в 1914 г., при 3 096 314 членах всех потребительских и производительных обществ Англии и Ирландии было занято во всех этих кооперативах 144 974 рабочих и служащих, т. е. менее 5 % числа членов. И, очевидно, как бы быстро ни шло развитие потребительских обществ, соотношение это вряд ли существенно изменится, хотя бы уже потому, что большую часть предметов потребления рабочего класса составляют различные пищевые вещества, в производстве которых потребительские общества не могут достигнуть многого. Большая часть этих пищевых продуктов привозится из других стран и, следовательно, не может быть произведена английским рабочим; но и те продукты, которые производятся внутри страны, не могут быть с успехом изготовляемы наемными рабочими на фермах потребительских обществ в силу особенностей сельскохозяйственного производства, делающих последнее более пригодным для крестьянского хозяйства. Неудача

попыток обществ оптовой продажи организовать собственное сельскохозяйственное производство является достаточной иллюстрацией трудностей этого дела.

Таким образом, приходится оставить мысль, что все или хотя бы большинство членов потребительских обществ с течением времени станут находить занятие в предприятиях потребительских обществ и сделаются, таким образом, своими собственными хозяевами. Сознание этого положения дел и вызывает среди кооперативных деятелей Англии известное разочарование в результатах потребительской кооперации. Как быть с миллионами рабочих, которые никогда не найдут себе занятия в предприятиях потребительской кооперации и, значит, обречены работать в капиталистических предприятиях?

Вообще, эксплуатация наемного рабочего потребительского общества этим последним могла бы исчезнуть лишь в том случае, если бы потребительское общество охватило всю нацию, и притом если бы все потребители были в то же время рабочими: в этом последнем случае общая совокупность потребителей совпала бы с совокупностью производителей и рабочих, как бы ни вознаграждался его труд в форме заработной платы, все равно получал бы свой полный трудовой продукт, ибо все то, что он терял бы в качестве производителя, он выигрывал бы в качестве потребителя. Но пока общее число членов потребительского общества превосходит число занятых в нем рабочих, эти последние, получая неполную оплату труда (что является неизбежным по условиям капиталистической конкуренции, так как потребительское общество не может оплачивать рабочих существенно иначе, чем они оплачиваются капиталистическими предприятиями), несомненно, эксплуатируются потребителями, в качестве членов потребительского общества они получают обратно только часть своего прибавочного продукта, присвоенного потребительским обществом.

3. РАБОЧИИ ВОПРОС В КООПЕРАЦИИ

Понимание этого положения дел и вызвало за последнее время среди английских кооператоров известное разочарование в потребительской кооперации и тяготение к производительным ассоциациям и коопартнершипу. Тяготение это не может, впрочем, иметь значительных практических результатов, так как производительные ассоциации по причинам, которые будут выяснены ниже, не являются в современном хозяйственном строе жизнеспособными организациями. Предприятия же на началах коопартнершипа обычно имеют вполне капиталистический характер и ничего общего с кооперацией не имеют. Те же предприятия на началах коопартнершипа, в которых контроль принадлежит не

капиталистам, а рабочим, страдают (хотя и в меньшей мере) недостатками, присущими производительным ассоциациям, и потому также не могут получить значительного распространения.

В конце концов следует признать, что хотя потребительская кооперация своими собственными средствами и не в силах избавить рабочего от эксплуатации, такое избавление не может быть достигнуто и производительными ассоциациями в чистом или преобразованном виде. Кооперация вообще наталкивается здесь на свои естественные границы и требует своего восполнения со стороны государства и муниципалитетов, действующих на совершенно иной, публично-правовой основе, а не на основе частной инициативы.

Рост числа рабочих, служащих в потребительских обществах, естественно, придает все более значения рабочему вопросу в кооперации. Все кооперативные предприятия, кроме трудовых кооперативов, предполагают как свое естественное основание наемных рабочих. По отношению к пользованию наемным трудом нетрудовые кооперативы не отличаются в формальном отношении от капиталистических предприятий. Однако между теми и другими имеется то существенное различие, что кооперативы преследуют совершенно иные цели, чем капиталистические предприятия, и члены кооперативов вербуются из иных общественных классов, чем капиталисты. В этом последнем отношении особенно отличаются от капиталистических предприятий потребительские кооперативы пролетарского типа. В пролетарских кооперативах хозяином предприятия является организованная группа наемных рабочих; они пользуются наемным рабочим персоналом, принадлежащим к тому же самому общественному классу, к какому принадлежат и хозяева этих кооперативов. Таким образом, в пролетарских кооперативах и хозяева, и рабочие принадлежат к одному и тому же классу пролетариата, а между тем как в капиталистическом предприятии хозяева и рабочие принадлежат к разным общественным классам. Противоположность интересов предприятия и рабочих не уничтожается, однако, от того, что хозяева и рабочие являются членами того же общественного класса, ибо как определенные лица хозяева и рабочие отличаются в данном случае друг от друга.

Хозяином в пролетарском кооперативе является обширная группа рабочих, между тем как работает по найму в этом кооперативе только небольшая часть тех же рабочих. Отсюда возникает в кооперативе противоположность интересов наемного персонала и хозяев, но в противность тому, что наблюдается в капиталистическом предприятии, эта противоположность не имеет классового характера. Тем не менее эта противоположность интересов может принимать такой же острый характер, как и в условиях капиталистического производства. Действительно, стачки рабочих в кооперативах далеко не являются ис-

ключением даже в тех странах, где кооперация достигла наивысшего развития. Так, например, в Англии английскому Обществу оптовой продажи приходилось неоднократно вести борьбу со своими бастующими рабочими. То же нужно сказать о Франции и Германии.

Эти острые проявления антагонизма интересов рабочих и хозяев в пролетарских кооперативах не должны удивлять, так как названный антагонизм имеет корни в самом существе данного экономического отношения. Однако принадлежность хозяев и рабочих к одному и тому же общественному классу не остается без последствий и приводит к тому, что рабочий вопрос в кооперативах чувствуется членами кооператива как нечто болезненное и ненормальное. В то время как капиталисты, стоящие во главе своих предприятий, легко примиряются с мыслью, что антагонизм их интересов с интересами рабочих является естественным и неустранимым условием современной хозяйственной системы, пролетарии, стоящие во главе пролетарского кооператива, не могут не видеть в рабочих, занятых в их кооперативе, своих товарищей, а не противников.

Отсюда, естественно, стремление кооперативов смягчить по возможности противоположность интересов хозяев и рабочих в предлах своего предприятия.

Именно на почве защиты интересов рабочих, занятых в кооперативах, и возникло течение среди кооператоров, благоприятствующее трудовому коопартнершипу и вообще расширению контроля рабочего над кооперативом. Кооператоры старой школы отрицали неизбежность рабочего вопроса в кооперации. Такова была, например, точка зрения одного из самых авторитетных вождей британской кооперации Митчелля, давшего в этом смысле показание перед известной английской Королевской комиссией о труде. Противоположность интересов рабочих и хозяев в потребительском обществе рассматривалась им как проходящее явление, которое должно исчезнуть при дальнейшем развитии кооперации.

Однако с этим мнением согласиться никоим образом нельзя. Как указано выше, только в том случае, если бы потребительские общества охватили всю нацию, и притом если бы все потребители были в то же время рабочими, названная противоположность интересов должна была бы исчезнуть. Следует при этом подчеркнуть, что одного распространения потребительского общества на всю нацию недостаточно для прекращения эксплуатации труда. Требуется еще второе условие исчезновения капиталистического класса, ибо если бы капиталисты входили в потребительские общества наряду с рабочими, то эксплуатация труда сохранилась бы, так как нетрудовые доходы капиталистов были бы вычетом се трудового продукта рабочих.

Иначе говоря, потребительская кооперация как таковая не может разрешить рабочий вопрос.

Рабочий вопрос в кооперативах является, следовательно, таким же неустранимым явлением, как и рабочий вопрос в пределах капитализма. Только одна форма кооперации уничтожает в корне антагонизм трудящегося и работодателя — это производительная ассоциация. Но характерно, что именно эта форма кооперации, как это будет выяснено ниже, оказывается на практике почти неосуществимой.

Однако из неизбежности рабочего вопроса в пределах кооперации отнюдь не следует, что кооперация должна относиться пассивно к этому положению дел, предоставляя борьбе заинтересованных лиц устанавливать положение трудящихся в кооперативе. Наоборот, кооперация не может не занять в данном случае совершенно иную позицию, чем капиталистическое предприятие. Различие это вытекает из самого существа предприятий того и другого рода. Капиталистическое предприятие действует в интересах капиталиста, и интересы занятых в предприятии рабочих не могут рассматриваться капиталистом как нечто совершенно чуждое реальным целям данной хозяйственной организации. Вот почему в капиталистическом предприятии отношения труда и капитала определяются относительной силой двух борющихся сторон — капиталиста и рабочего (до тех пор пока в эти отношения не вмешивается посторонняя сила государства, которое и регулирует положение трудящегося, исходя из совершенно иных публично-правовых оснований). В другом положении находится кооператив. Хотя кооператив также служит прежде всего интересам своих хозяев, но этими хозяевами являются трудящиеся люди, которые в своей хозяйственной деятельности отстаивают интересы не капитала, но труда. Кроме того, кооператив преследует не только цели хозяйственного благополучия своих участников, но и ставит себе известные задачи идеального порядка. Эта существенная основа кооперации не может не оказать влияния и на отношение кооперативов к положению занятых в них наемных рабочих.

И действительно, мы замечаем, что лишь при неразвитых формах кооперации вопрос о рабочих разрешается в них так же, как и в капиталистических предприятиях — путем борьбы рабочих и работодателей, на основании соотношения реальных сил того и другого общественного элемента. В то время как капиталистическое предприятие отнюдь не тяготеет к какому-либо иному решению рабочего вопроса, кооперация с самого начала воспринимает борьбу рабочего с хозяином, как нечто противоречащее природе кооператива, как «больной вопрос» своего внутреннего строя. Правда, при неразвитых формах кооперации наемный труд обычно эксплуатируется кооперативами несколько не меньше или почти не меньше, чем в обычных капи-

талистических предприятиях того же размера. Однако такое отношение к наемному труду встречает осуждение со стороны представителей идеального духа кооперации — вождей и идеологов кооперативного движения. Поэтому в это время отношение к наемному труду в пределах кооперации характеризуется следующими чертами. На практике в кооперативах положение труда существенно не отличается от положения труда в капиталистических предприятиях. Но в кооперативной теории такое положение вещей осуждается, и общественное мнение кооперативного мира стремится изменить положение труда к лучшему. Выражением этого общественного мнения являются резолюции кооперативных съездов, которые обычно протестуют против эксплуатации труда и стремятся побудить кооперативы улучшить положение занятого в них рабочего персонала.

Однако долгое время кооперативная мысль не может выработать принципов, которыми должны руководствоваться кооперативы в своих отношениях к наемному персоналу. Ясно одно, что отношения эти не должны регулироваться борьбой труда и капитала, как в капиталистических предприятиях. Необходимо найти некоторое общее начало, исходя из которого кооперация могла бы создать такое положение для своих рабочих, которое одновременно было бы согласовано и с хозяйственными целями кооперации, и с интересами рабочих.

Какое же это начало? Прежде всего ясно, что наемный персонал кооперации не может никоим образом претендовать на полную оплату своего труда соответственно вырабатываемому им продукту. Ибо если бы кооперация стала возвращать рабочему все то, что рабочий создает в кооперативном предприятии, то кооперация не получила бы ничего в свою собственную пользу и лишалась бы своего хозяйственного смысла. Возьмем, например, фабрику потребительского общества. Весь продукт, производимый на этой фабрике, мы должны рассматривать как создание труда занятого на ней рабочего персонала (конечно, не только физических, но и умственных рабочих). Правда, потребительское общество дало капитал, необходимый для того, чтобы фабрика могла работать, но если мы не приписываем капиталу способности создавать новый прибавочный продукт в частном капиталистическом предприятии, то мы не можем приписывать ему этой способности и в том случае, когда собственником капитала является потребительское общество. Продукт, по общему правилу, создается только трудом, капиталу же принадлежит в создании продукта только пассивная роль необходимого условия производства.

Итак, весь продукт, производимый на фабрике потребительского общества, создан рабочими, прямо или косвенно принимавшими участие в производстве. Потребительское общество, давшее фабрике капитал, ни малейшим образом не создавало

прибавочного продукта и, значит, может претендовать на возвращение из полученного продукта лишь той его части, которая соответствует по своей ценности затраченному капиталу.

Но если так, то для чего потребителю обществу устраивать фабрику? Если оно вернет себе только затраченный капитал, то устройство фабрики будет для общества бесполезно.

Точно так же, если всю разницу между себестоимостью и продажной ценой продукта, продаваемого из лавки потребителю общества, возвращать рабочим и служащим общества, то общество лишится своего смысла и должно будет прекратить свои операции, ибо оно не будет давать никаких выгод своим членам.

Отсюда с очевидностью следует, что условием самого существования кооператива является удержание в его пользу известной части прибавочного продукта, создаваемого рабочим персоналом, занятым в кооперативном предприятии. Кооператив не может вознаграждать занимаемых им рабочих согласно принципу возвращения им полного трудового продукта. Кооператив под страхом своей гибели должен удерживать в свою пользу часть прибавочного продукта, создаваемого рабочим.

Но какую часть? Здесь и возникает главная трудность.

Решение ее возможно при помощи следующих соображений. Кооперативное предприятие конкурирует с капиталистическим. Верховным законом кооператива, как и всякого другого жизненного образования, является стремление к самосохранению. Нельзя требовать от кооператива, чтобы он давал рабочему больше, чем это совместимо с поддержанием самого кооператива.

Если кооперативу приходится конкурировать с капиталистическими предприятиями, то, значит, и условия оплаты труда в кооперативном предприятии не могут существенно разойтись с условиями оплаты труда в капиталистических предприятиях. В противном случае кооператив не мог бы выдержать конкуренции с капиталистическими предприятиями, и последние вытеснили бы кооперацию из современной хозяйственной системы.

Таким образом, основным принципом вознаграждения труда в кооперативах должно быть признано правило, что вознаграждение труда должно исходить из тех или иных оснований, господствующих в капиталистических предприятиях. Но труд вознаграждается в различных капиталистических предприятиях не одинаково: в одних вознаграждение труда больше, в других меньше. Значит, вышесказанное правило требует дальнейшего развития. Какие именно условия вознаграждения труда в капиталистических предприятиях должны быть руководящими для кооперативов — высшие, средние или низшие нормы вознаграждения?

Несомненно, именно высшие нормы. Кооперативное предприятие преследует не только цели хозяйственной выгоды своих

членов, но и идеальные цели высшего порядка. Требование труда на полную оплату всего трудового продукта вполне соответствует идеальным целям кооперации. Если требование это тем не менее не осуществляется кооперацией, то лишь потому, что осуществление его было бы равносильно самоуничтожению коопераций. Но тем не менее кооперация должна стремиться подойти возможно ближе к этому требованию, поскольку это допускается самым существом кооперации.

Вознаграждение труда по высшим капиталистическим нормам экономически возможно, ибо оно осуществляется некоторыми капиталистическими предприятиями. Следовательно, оно возможно и для кооперативных предприятий, и такое вознаграждение является нормой, к которой кооператив должен всячески стремиться.

Итак, мы нашли принцип, исходя из которого, кооператив может определить, какова должна быть оплата занятого в нем рабочего персонала. Рабочие должны быть поставлены в кооперативном предприятии в такое положение, которое соответствует положению трудящихся в капиталистических предприятиях с наилучшими условиями для труда или даже по возможности выше.

Если кооператив будет исходить из этого принципа, то столкновения с рабочими на почве неудовлетворенности последних условиями труда не должны иметь места, ибо рабочие будут дорожить работой в данном предприятии, и в другом предприятии они не найдут лучших условий работы. В то же время и кооператив сохранит возможность достигать своих целей, оплачивая рабочих ниже их полного трудового продукта.

Только таким образом может быть если не разрешено, то ослаблено противоречие интереса работодателей и рабочих кооперации. На практике именно к такому решению и идет кооперация в тех странах, где кооперативное сознание всего выше.

Так, в Англии и Германии между двумя основными формами рабочего движения в экономической области — кооперацией и рабочими союзами — устанавливается все более тесная связь. На конгрессах пролетарской кооперации принимают участие и представители рабочих союзов. В пределах самих кооперативов сознание общности классовых интересов как служащих, так и хозяев кооператива все более дает себя чувствовать.

Выдающееся значение вопрос о положении рабочих в кооперативах получил в германской пролетарской кооперации, которая стала очень быстро развиваться за последнее десятилетие. В целом ряде конгрессов германских пролетарских потребительских обществ вопрос этот вызвал страстные дебаты, в особенности на конгрессах в Штутгарте (1905 г.) и Дюссельдорфе (1907 г.). Интересы рабочих защищались представителями рабочих союзов.

Точно так же вопрос о положении рабочих в кооперативах обсуждался и на конгрессах рабочих союзов, особенно на конгрессе в Кельне в 1905 г. Потребительские общества подвергались ожесточенным нападкам со стороны рабочих за эксплуатацию своих рабочих.

Мало-помалу и кооперативы и рабочие пришли к известному сближению, что и обнаружилось на Эйзенхском конгрессе потребительских обществ в 1908 г. Конгресс этот принял следующую резолюцию: «Конгресс признает долгом кооперативов стремиться, насколько возможно, к тому, чтобы по отношению к условиям оплаты и положению своих рабочих кооперативы являлись образцом для других предприятий. Конгресс обнаруживает готовность вступить в переговоры с рабочими союзами относительно установления общих условий вознаграждения труда и продолжительности труда».

В Англии рабочие потребительской кооперации получают, как общее правило, заработную плату согласно тарифам рабочих союзов, рабочий день на фабриках Общества оптовой продажи обычно значительно ниже, чем на капиталистических фабриках того же рода. Абердинский кооперативный конгресс 1913 г. выработал шкалу минимальной заработной платы и рекомендовал ее введение во всех принадлежащих к союзу кооперативах.

И в других странах с развитой пролетарской кооперацией условия труда в пролетарских кооперативах являются если и не образцовыми, то все же лучшими, чем в средних капиталистических предприятиях того же типа.

Очень ярко рисует новый характер условий труда в пролетарских кооперативах П. Гере в своей книге «Die deutschen Arbeiter — Konsumvereine» (1910 г.) *.

Пролетарские кооперативы, говорит он, создают более совершенную обстановку труда, чем та, что мы видим в капиталистических предприятиях. «Корни этих новых отношений заключаются в своеобразном факте, что в рабочем потребительском обществе служащие, как высшие, так и низшие, обученные и необученные, мужчины или женщины, в равной мере в то же время являются членами общества, в котором они служат. В большинстве обществ служащие нанимаются только из среды членов общества и притом по одному на семью. Если из этого правила приходится делать исключения и нанимать лиц, не состоящих членами общества, то вновь нанимаемое лицо должно немедленно же стать и членом общества: каждый служащий в обществе должен состоять его членом. Это имеет крайне важные последствия. Каждый рабочий и служащий общества соединяют в своем лице и нанимателя труда, и рабочего. Он — рабочий, поскольку он работает по найму общества; он — наниматель труда, поскольку он в качестве члена общества является

хозяйном имуществе общества и полноправным членом общего собрания — высшей инстанции общества. Так как общее собрание избирает правление и требует отчетов от этого последнего, то, поскольку служащий не является сам членом правления, какую бы должность он ни занимал, хотя бы был только ночным сторожем, он является одновременно и высшим лицом по отношению к своему начальству. В то же время он высшее лицо и по отношению ко всем своим товарищам по службе. Иными словами, он свое собственное начальство и свой собственный работодатель. В пределах общества он является, так сказать, двойственным лицом в хозяйственном отношении, заключающим в себе неустранимое внутреннее противоречие, и в то же время как рабочий и работодатель он вдвойне заинтересован в успехах общества. Благодаря тому что служащие и рабочие рабочего потребительского общества являются одновременно и его членами, в современной хозяйственной жизни создается совершенно новый тип рабочего, который имеет существенно иной характер, чем рабочий частного капиталистического предприятия. В то время как в капиталистическом предприятии рабочие всегда остаются просто рабочими руками, и обычно тем в большей мере, чем крупные предприятия, в потребительском обществе они являются до самого последнего уважаемыми лицами».

В общем собрании потребительского общества рабочие общества не только являются такими же членами, как и все остальные, но обычно наиболее осведомленными и заинтересованными членами. Хотя общая численность рабочих общества составляет незначительный процент членов, но так как члены далеко не аккуратны в посещении общих собраний, а служащие общества, естественно, связаны с ним всего теснее всеми своими интересами, то служащие легко приобретают значительное влияние на решения общего собрания. Поэтому правление общества не может относиться к своим служащим так, как относится к последним правление капиталистического предприятия, которому не приходится бояться своих служащих, так как в общем собрании акционеров они участия не принимают.

Конечно, это не должно приводить к утрате авторитета правления и недисциплинированности рабочего персонала. Во всяком случае, такое положение дела не может не иметь своим следствием известного уважения к личности рабочего, который не чувствует себя по своему социальному положению низшим лицом по отношению к правлению. И члены правления, и служащие являются в социальном отношении товарищами, равными, а не высшими и низшими. Поэтому в пролетарских кооперативах нередко наблюдается такая смена должностей, которая невозможна в обычном предприятии. Сплошь и рядом высшая должность сменяется на низшую, и притом совершенно

добровольно, без всякого чувства унижения для заинтересованного лица. Очень часто, например, член правления, т. е. высшее лицо в служебной иерархии потребительского общества, становится приказчиком, т. е. подчиненным правления. Иногда даже председатели правления добровольно принимают должности простых служащих того или другого рода.

Таким образом, пролетарская кооперация является прообразом того общественного строя, при котором никакая работа не будет заключать в себе чего-либо социально унижающего человека, при котором уважение к отдельному человеку будет определяться его личными достоинствами, а не занимаемым им общественным положением.

Столкновение интересов рабочих и работодателей не может исчезнуть в кооперативном предприятии, ибо оно коренится в самом существе данной хозяйственной организации. Но при том чувстве равенства, которое все больше и больше проникает в отношения членов, служащих в пролетарской кооперации,— это столкновение интересов не должно приводить к борьбе, но к известному компромиссу, основанному на взаимном уважении к правам и интересам обеих сторон.

4. ПРЕДЕЛЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Потребительские общества являются кооперативом такого рода, в котором с формальной стороны могут участвовать все классы общества, ибо все являются в равной мере потребителями. Поэтому можно было бы думать, что потребительские общества могут создаваться во всякой социальной среде и в конце концов должны охватить все общество.

Отсюда понятно, что именно с потребительскими обществами связывались и связываются наибольшие надежды относительно преобразования современного общества. Дело рисуется в таком виде. Потребительские общества растут все больше и больше, охватывают мало-помалу все общественные классы и становятся единственной организацией, при посредстве которой потребители получают необходимые для них предметы потребления. Вместе с этим растет и собственное производство потребительских обществ как в области изготовления промышленных, так и сельскохозяйственных продуктов. В конце концов процесс этот должен закончиться совершенным поглощением новой формой хозяйства старой хозяйственной системы — капиталистическое хозяйство сходит со сцены, и место его занимает коллективистическое хозяйство, ибо потребительское общество, вытеснившее капиталистическое хозяйство, охватившее все население страны и управляющее всем народным хозяйством, было бы не чем иным, как системой коллективизма.

Таково было мнение многих из специалистов, именно в силу этого и сочувствовавших потребительской кооперации. Казалось в высшей степени заманчивым достигнуть социалистического строя без всякой политической и классовой борьбы, путем органического развития потребительских обществ.

Однако в настоящее время мнение это вряд ли может рассчитывать на большое число сторонников даже среди самых увлекающихся кооператоров. Совершенно ясно, что потребительские общества ни в каком случае не могут сами по себе заместить капиталистическую систему хозяйства, ибо развитие их силою вещей заключено в довольно узкие пределы.

Вопрос этот в некоторых отношениях был выяснен еще Б. Поттер в ее классической книге «Кооперативное движение в Великобритании». Прежде всего отнюдь не нужно думать, что потребительские кооперативы могут развиваться во всякой общественной среде. Правда, всякий является потребителем, но далеко не всякий имеет достаточные побудительные мотивы, чтобы вступать в члены потребительского общества.

Кооперация открывает свои двери для всех, но не все в них входят. Прежде всего кооперация существует лишь для трудящихся классов современного общества, но не для капиталистов.

Конечно, и капиталистические классы могут нуждаться в соединении своих сил для достижения тех или иных целей. Но хозяйственные организации среди капиталистов, естественно, принимают совершенно иные формы, чем организации трудящихся классов. Хозяйственной организацией трудящихся является кооператив; хозяйственная же организация капиталистов должна неизбежно сложиться в формы капиталистического товарищества.

Что касается удовлетворения лицами богатых классов своих потребительских нужд, то для этого существуют обычные капиталистические магазины, вполне удовлетворяющие своему назначению и предоставляющие богатым людям такие удобства выбора разнообразных предметов потребления и элегантно обставленные, которые недостижимы для потребительского общества. Если же для более низших слоев капиталистического класса и возникает потребность в потребительских организациях (для удешевления жизни), то организации эти естественно складываются в более или менее капиталистические формы, как это мы видим на примере лондонских потребительских обществ чиновников гражданского ведомства (о которых будет сказано ниже, в отделе, посвященном мелкобуржуазной кооперации).

Итак, потребительская кооперация не может охватить капиталистические классы. Здесь лежит классовая граница потребительской кооперации сверху.

Но и снизу для потребительской кооперации имеются свои пределы. Потребительская кооперация предъявляет довольно

суровые требования своим участникам. Платеж наличными, уплата пая — все это не под силу многим и многим более бедным элементам современного общества. Полезным членом потребительского общества может быть только тот, кто располагает определенным регулярным и не совсем незначительным доходом.

Поэтому беднейшие элементы современного общества так же мало пригодны для потребительской кооперации, как и более богатые. Потребительская кооперация развивается с успехом лишь среди некоторой части трудящихся классов, именно среди лучше оплачиваемой или более достаточной его части.

Потребительская кооперация может развиваться среди всех трех общественных классов, в которых вообще возможна кооперация, — среди пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. Но полного своего развития потребительская кооперация достигает только среди одного общественного класса — пролетариата, и притом городского пролетариата.

Для этого существуют свои причины. Среди мелкой буржуазии кооперация вообще тяготеет к капиталистическим формам, так как мелкая буржуазия сама является наполовину капиталистическим классом. Среди крестьянства потребительская кооперация также не может получить значительного развития по причинам, которые будут выяснены при характеристике крестьянских потребительских обществ (в отделе крестьянской кооперации). И только среди городского пролетариата потребительская кооперация принимает те грандиозные формы, которые характеризуют потребительские кооперативы рочдельского типа.

Мало того, для полного успеха потребительского кооператива требуется социальная среда совершенно определенного типа. А именно, как показывает опыт, потребительские общества достигают наибольшего развития преимущественно в не очень больших фабричных городах.

Небольшим фабричным городом был Рочдель, где зародилась современная пролетарская кооперация. И это было далеко не случайным, как показывает неудача попыток создать потребительскую кооперацию в Лондоне.

Казалось бы, Лондон, являющийся сосредоточием духовных сил всей страны, мог, во всяком случае, достигнуть того, что так блестяще удалось ничтожному Рочделю. Между тем потребительская кооперация, быстро распространявшаяся в фабричных городках северной Англии, натолкнулась на непреодолимые препятствия в мировой столице.

И это кажется тем более странным, что кооперативное движение Англии началось с учреждения в Лондоне в 1824 г. Лондонского кооперативного общества.

С того времени, когда в Рочделе жизнь выработала ту единственную форму, в которой потребительская кооперация может

достигнуть полного развития, не прекращались попытки создать в Лондоне потребительскую кооперацию. Только за время 1881—1892 гг. в Лондоне было основано в разное время не менее 73 потребительских обществ, и все они погибли после короткого существования. Причины гибели их указывались разнообразные: плохая администрация, раздоры среди членов, растраты и хищения служащего персонала и многое другое — вот что вызвало гибель этих обществ согласно анкете, проведенной кооперативным союзом и Обществом оптовой продажи.

Но почему же именно в Лондоне — мировой столице — хуже справлялись с трудностями, естественно сопровождающими всякое хозяйственное предприятие, чем в Рочделе и других небольших фабричных городах, где потребительская кооперация достигла такого блестящего расцвета? В этом и заключается весь вопрос.

Ответ на него должен быть следующий. Для успеха потребительского общества требуется наличие совершенно определенной социальной среды. Кооператив только в том случае может существовать, если члены относятся к нему, как к чему-то им дорогому, ради чего они готовы идти на известные жертвования. Члены должны любить свой кооператив, составлять собой как бы одну семью, видеть в своем кооперативе самостоятельную ценность. Такое отношение к кооперативу гораздо легче достижимо в небольшом городе с мало меняющимся, устойчивым населением, чем в таком необъятном скоплении людей, каким является Лондон. Каким образом могут составить кооперативную семью жители Лондона, с переменной квартиры внезапно исчезающие из пределов досягаемости кооператива, не знающие своего соседа и имеющие множество интересов и пристрастий вне кооператива?

В среде населения, обладающего прочной оседлостью и хорошо знакомого друг с другом, имеется наилучшая почва для кооперации. В такой среде люди не боятся жертвовать своему кооперативу не только своими имущественными средствами, но и своим досугом и трудом. Действительно, сколько дарового труда со стороны всех более деятельных членов кооператива, а тем более со стороны лиц, руководящих им, требует кооператив! Если члены будут относиться к своему кооперативу как к обычному хозяйственному предприятию, то, конечно, такой кооператив не выдержит конкуренции с капиталистическими предприятиями.

В отсутствии подходящей духовной атмосферы и заключается основная причина неудачи лондонской кооперации. И это препятствие оказывается настолько существенным, что преодолеть его не могли самые упорные усилия создать в Лондоне потребительскую кооперацию рочдельского типа. В 1894 г. за дело взялась такая мощная и опытная в кооперативном строи-

тельстве организация, как Общество оптовой продажи, ассигновав для создания в Лондоне потребительского общества 3000 ф. ст. Оно само выбрало лиц для управления обществом, наняло помещение для магазинов, доставило обществу все нужные продукты — словом, организовало все дело наилучшим образом. В то же время Кооперативный союз, со своей стороны, предпринял в Лондоне деятельную агитацию в пользу нового общества и мобилизовал все свои силы, чтобы заинтересовать им лондонское население. Общество открыло сразу 5 магазинов под руководством лиц, опытных в управлении потребительскими обществами. Сначала дело пошло хорошо, и Гаукинс, председатель правления лондонского отдела Общества оптовой продажи, заявил на конгрессе в Вульвиче в 1896 г., что пройдет немного времени и Лондон будет обладать самым крупным потребительским кооперативом во всей Великобритании.

Будущее далеко не оправдало этих ожиданий, и через несколько лет Лондонское общество закрылось вследствие постоянного сокращения своих операций. Оказалось, что никакая пропаганда и никакие денежные затраты не в силах создать потребительскую кооперацию, если для нее не имеется почвы в данной социальной среде.

Эта неудача в Лондоне роцдельской кооперации тем характернее, что в том же Лондоне прекрасно удаются потребительские общества иного, не кооперативного или не вполне кооперативного типа — чиновничьи общества, о которых будет идти речь в отделе о мелкобуржуазной кооперации.

Таким образом, следует признать, что наиболее благоприятной средой для развития потребительской кооперации являются не очень большие фабричные города, где имеется достаточно многочисленная группа оседлых и хорошо знающих друг друга, довольно однородных по своему образу жизни потребителей — фабричных рабочих, составляющих обширный рынок для предметов потребления массового характера и в то же время благодаря своему классовому составу и общему социальному облику обладающих достаточным социальным идеализмом и чувством товарищеской солидарности для социального творчества. И действительно, мы видим во всем мире, что роцдельские кооперативы удаются преимущественно в городах этого рода. Это наблюдается и в Англии, где потребительская кооперация сосредоточена преимущественно в северной части страны, в районах фабричной промышленности, и во Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии — словом, повсюду. Наоборот, мировые столицы — Лондон, Париж, Берлин, — если и не являются «кооперативными пустынями», то во всяком случае отстают по развитию в них потребительских кооперативов от менее крупных фабричных городов.

Итак, сферой развития потребительской кооперации явля-

ется лишь определенная общественная среда. Затем, по самому существу потребительская кооперация может захватывать в данной стране только те отрасли хозяйства, в которых изготавливаются продукты, предназначенные для потребления внутри страны, но отнюдь не отрасли промышленности, работающие для экспорта. Продукты, предназначенные для вывоза, естественно, выходят за пределы деятельности туземных потребительских обществ*, ибо последние суть организации туземных потребителей, а не организации для сбыта товаров иностранным покупателям.

Итак, вся огромная область экспортной промышленности и торговли остается вне сферы влияния туземной* потребительской кооперации. Но и по отношению к производству предметов ввоза влияние туземной потребительской кооперации весьма ограничено.

Правда, можно себе представить, что потребительские общества внутри страны организуют собственное производство этих предметов за пределами страны, в местах их производства. Образцы такого производства мы видим в чайных плантациях на Цейлоне, которые принадлежат английскому Обществу оптовой продажи. Но сколько-нибудь значительного развития производство этого рода получить не может в силу огромных трудностей для руководства промышленным предприятием за пределами страны — трудностей, которые для потребительского общества гораздо значительнее, чем для капиталистического предприятия.

Таким образом, из сферы хозяйства потребительских обществ почти целиком изымается производство всех продуктов, обращающихся в международной торговле. Предметы ввоза могут, конечно, закупаться потребительскими обществами, но почти не могут ими производиться. Предметы же вывоза ни продаваться, ни производиться потребительскими обществами не могут.

Далее, потребительские общества ограничивают свое хозяйство почти исключительно предметами потребления. Продажа же средств производства выходит за пределы хозяйственной деятельности потребительских обществ по той причине, что члены потребительских обществ как не имеющие своего производства в этих продуктах не нуждаются. Правда, общества потребителей имеют свое собственное производство, но размеры его столь ограничены, что спрос на средства производства со стороны потребительской кооперации сравнительно невелик. Потребительское общество не может устроить для своих надобностей железодельный завод, ибо железо лишь в ничтожной мере может понадобиться ему для собственных надобностей, и большую часть изготовленного железа пришлось бы продавать на сторону, что не соответствует

задачам потребительских обществ. Каменноугольная шахта уже более может стать предметом эксплуатации потребительского общества, так как каменный уголь потребляется как топливо в домашнем хозяйстве. Но, как общее правило, потребительская кооперация лишь в очень незначительной степени нуждается в средствах производства, и, следовательно, изготовление средств производства по необходимости остается вне сферы потребительской кооперации.

Между тем для современного хозяйственного развития характерно растущее значение средств производства в общественной экономии. Это очень ярко сказывается в том, что руководящей отраслью промышленности все более и более становится железнорудная промышленность (железо — важнейшее средство производства современности), в то время как еще не очень давно такую руководящую роль играла хлопчатобумажная промышленность. Таким образом, естественное развитие капитализма в этом отношении имеет тенденцию не увеличивать, а уменьшать значение потребительской кооперации в общем строе народного хозяйства, ибо народное хозяйство все более направляется на изготовление не предметов потребления, а средств производства.

Но и, помимо этого, многие отрасли хозяйства по самому своему существу непригодны для того, чтобы перейти в сферу действия потребительской кооперации. Это именно те отрасли хозяйства, которые по самой своей природе предполагают работу на все общество. Важнейшим примером хозяйственных организаций этого рода, непригодных для потребительской кооперации, является столь важная в современной хозяйственной жизни транспортная промышленность. Железная дорога для пассажирского передвижения не может быть устроена потребительским обществом, ибо по железной дороге ездят не только члены потребительского общества, но все население страны; железная дорога только для надобностей членов потребительского общества была бы экономической нелепостью — по такой дороге было бы слишком мало движения и стоимость транспорта достигла бы чудовищных размеров. Можно себе представить, пожалуй, только небольшую железнодорожную пригородную ветку местного значения в руках потребительского общества, и то только в том случае, если передвижение членов потребительского общества по этой линии так интенсивно, что окупает расходы по ее эксплуатации. Но и в этом случае постройка железной дороги потребительским обществом не была бы экономически целесообразна, ибо значительная часть населения — все не члены потребительского общества — исключалась бы из пользования дорогой, и потому такая дорога не могла бы конкурировать с железными дорогами обычного типа, которыми пользуются все.

Морское сообщение более пригодно для того, чтобы были организованы потребительские общества, и мы действительно видим, что Общество оптовой продажи имеет свою собственную небольшую флотилию. Однако и это возможно только в весьма ограниченных размерах, и пароходы Общества оптовой продажи служат не для пассажирского, а для грузового транспорта, и по очень понятным причинам: для пассажирского транспорта не хватило бы пассажиров — членов потребительских обществ.

В общем, нужно сказать, что железнодорожный и паромный транспорт не может перейти в руки потребительских обществ, и только в ничтожной мере может быть организован на началах потребительской кооперации.

Сфера потребительской кооперации оказывается ограниченной и с этой стороны. Но этими пределами далеко не исчерпываются естественные границы, на которые наталкивается потребительская кооперация.

Потребительские общества ставят себе целью доставление своим членам необходимых для них предметов потребления. Из чего же состоят эти предметы потребления? Главным образом из различных предметов питания: те общественные классы, нуждам которых преимущественно служит потребительская кооперация, в силу незначительности своего дохода принуждены большую часть последнего тратить на свою пищу.

Поэтому важнейшую роль среди продуктов, продаваемых потребительскими обществами, играют разные предметы питания. Возникает вопрос, могут ли потребительские общества организовать собственное производство сельскохозяйственных продуктов.

Ответ на это должен быть дан отрицательный. Дело в том, что в силу особенностей сельского хозяйства мелкое крестьянское хозяйство сильнее капиталистического. Но потребительское общество может организовать сельскохозяйственное производство только на началах наемного труда. Поэтому сельскохозяйственное производство потребительского общества не может не страдать всеми недостатками капиталистического сельского хозяйства и оказывается так же слабо в конкуренции с крестьянским хозяйством, как и капиталистическое сельское хозяйство.

И действительно, мы видим, что все попытки Общества оптовой продажи организовать собственные молочные и иные фермы оказались более или менее неудачными или, во всяком случае, не вполне удачными. Правда, общество имеет чайные плантации на острове Цейлоне, но это потому, что в чайном деле капиталистическое хозяйство более выгодно. Вообще, нельзя отрицать, что в отдельных случаях возможна организация потребительскими обществами собственного сельскохозяй-

зяйственного производства, но лишь в отдельных случаях. Как общее же правило, нужно признать, что в сфере сельского хозяйства потребительские общества силой вещей обречены на роль простых покупателей продуктов, производимых не ими.

Поэтому нас несколько не должны удивлять сравнительно ничтожные размеры собственного производства потребительских обществ. И что же мы видим? При более чем 3 миллионах членов потребительских обществ в производственных предприятиях всех обществ было занято в 1914 г. всего 53 923 рабочих.

Число членов потребительских обществ Великобритании с семьями значительно превышает четверть всего населения страны.* Напротив, число рабочих в производственных предприятиях потребительских обществ составляет ничтожную долю процента всего рабочего населения страны. И нет основания думать, чтобы это соотношение существенно изменилось к лучшему по мере дальнейшего развития потребительской кооперации.

И общие теоретические соображения, и факты показывают, что потребительская кооперация хотя и растет, но рост ее наталкивается на известные пределы, почему темп ее роста там, где она уже успела достигнуть значительного развития, падает. Правда, еще и теперь в Англии оборот потребительских обществ растет быстрее суммы роста внешней торговли страны: за десятилетие 1901—1910 гг. оборот потребительских обществ возрос на 48,3 %, в то время как сумма всего национального ввоза и вывоза возросла за то же время на 36,9 %. Но темп роста оборотов потребительских обществ в общем падает:

1861—1870 гг.	305,5 %
1871—1880 гг.	163,5 %
1881—1890 гг.	96,5 %
1891—1900 гг.	34,5 %
1901—1910 гг.	48,3 %

Еще характернее цифры закупок в потребительских обществах на одного члена (разделить общую сумму продажи в потребительских обществах на число членов):

1905 г.	28 ф. 7 шилл.	1910 г.	28 ф. 5 шилл.
1906 г.	28 » 10 »	1911 г.	28 » 7 »
1907 г.	29 » 6 »	1912 г.	28 » 13 »
1908 г.	29 » »	1913 г.	29 » 7 »
1909 г.	28 » 10 »	1914 г.	28 » 16 »

Эти цифры не показывают почти никакого роста, хотя члены потребительских обществ расходуют в своих обществах только небольшую долю своего дохода, который определяется приблизительно в 110 ф. с т. Только в тех странах, в которых

потребительская кооперация находится в начале своего развития, наблюдается ее быстрый рост. Так, например, в Германии, в которой рост потребительских обществ был искусственно задержан особыми условиями германского общественного развития, мы видим за последние годы чрезвычайно быстрое увеличение как числа членов, так и оборотов потребительских обществ, далеко оставляющее за собой то, что мы наблюдаем в этом отношении в Англии. В Германии за время 1899—1909 гг. оборот потребительских обществ поднялся на 269 %, в то время как обороты внешней торговли возросли лишь на 59 %. Но эти успехи находятся в очевидной связи с молодостью германской кооперации и должны неизбежно прекратиться с течением времени. В особенности ясна ограниченность потребительской кооперации в сфере производства. Если в области приобретения продуктов потребительской кооперации удалось все же достигнуть очень многого, то по отношению ко всему национальному производству собственное производство потребительских обществ является величиной совершенно незначительной. И это положение вещей не может быть изменено никакими усилиями потребительских обществ по причинам, которые были указаны.

Невозможность расширения собственного производства очень наглядно обнаруживается в том, что английские потребительские общества вложили к 1914 г. в свое производство только около 8 млн. ф. ст., а их капиталы, вложенные в частные капиталистические предприятия (преимущественно в железные дороги), достигают в несколько раз большей суммы.

Все это доказывает, что характерные для раннего периода кооперативного движения мечты о вытеснении силами одной кооперации существующей хозяйственной системы не имеют под собой реальной почвы. Как бы ни была велика мощь кооперации, но кооперация является лишь одной из многих сил, преобразующих современное капиталистическое хозяйство. Так, кооперация отнюдь не может выполнять тех хозяйственных функций, которые с успехом выполняются принудительными органами общества — государством и муниципалитетами. Взять, например, область железнодорожного хозяйства — здесь кооперация бессильна, но государство вполне доказало свою способность руководить железнодорожным делом. Снабжение городов газом, водой, электричеством, трамвайное сообщение наилучшим образом могут быть организованы городскими муниципалитетами. Народное образование в широком смысле слова (включая сюда библиотеки, музеи и прочие образовательные учреждения и т. д.) также, естественно, ложится на государство и муниципалитеты. Где муниципалитеты берут на себя организацию продажи населению

тех или иных продуктов, там кооперативы иногда отказываются от конкуренции с муниципалитетами в данной области. Так, в Италии, в городах, где существуют городские хлебобулочные кондитерские предприятия, потребительские общества обычно не продают хлеб.

Среди различных общественных союзов, выполняющих функции снабжения населения необходимыми ему предметами потребления, особенно выдвинулись за последнее время городские муниципалитеты, развитие деятельности которых создало целое общественное течение, обычно называемое «муниципальным социализмом». Муниципалитет нередко конкурирует с потребительской кооперацией, и естественно, что кооперация должна занять определенную принципиальную позицию по отношению к муниципальному социализму.

Более старые кооператоры рочдельской школы, для которых потребительская кооперация была единственным средством решения социального вопроса, принципиально отрицали какую бы то ни было принудительную организацию общественного хозяйства, в том числе и муниципальную. Кооперация казалась им вполне справедливо высшей хозяйственной системой, чем муниципальное хозяйство, и всякое ограничение кооперативного хозяйства муниципальным они признавали принципиально недопустимым. Теперь сознание естественной ограниченности сферы достижения потребительских обществ приводит и самих кооператоров к сочувственному отношению к муниципальному социализму. Так, на одном из недавних конгрессов Кооперативного союза секретарь Международного союза Мюллер сказал по этому вопросу следующее:

«Для кооператора приятно констатировать, что некоторые крупные города Великобритании и континента уже много сделали в смысле организации потребительских интересов своих обитателей, создав для них общественное снабжение газом, водой и электричеством, построив жилища, общественные бани и организовав трамвайное сообщение. С моей точки зрения, это муниципализаторское движение по самой своей сущности и целям близко подходит к нашему, и я думаю, что понимающий принципы нашего движения кооператор имеет полное основание принимать участие как гражданин в развитии и расширении подобных предприятий его общины».

5. ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И БОРЬБА КЛАССОВ

Потребительская кооперация является той формой кооперации, которая резче сталкивается с интересами некоторых общественных классов, в особенности класса торговцев. Поэтому ни один другой вид кооперации не встречает в своем развитии такого сильного общественного противодействия, ибо торговый

класс является влиятельным и могущественным в современном обществе. Наиболее яркие формы общественной борьба на основе роста потребительской кооперации получила в Германии соответственно вообще особой обостренности классовой борьбы в этой стране.

Как будет указано ниже (в главе о возникновении мелкобуржуазной кооперации), германская кооперация рочдельского типа возникла сравнительно недавно, причем она первоначально примыкала к Всеобщему союзу, основанному Шульце, имевшему резко выраженный мелкобуржуазный характер. Потребительские общества пролетарского состава начинают быстро расти со времени девяностых годов прошлого века преимущественно в фабричных центрах Саксонии и складываются в формы рочдельской кооперации в противность мелкобуржуазному типу более старых германских потребительских обществ. Эти новые пролетарские общества не замедлили вызвать к себе самую ожесточенную вражду со стороны руководителей шульцевского союза — вражду, которая закончилась исключением их из союза вопреки их собственному желанию (обо всем этом будет идти речь ниже, в отделе мелкобуржуазной кооперации). Но и после того как пролетарские общества образовали свой особый союз — Центральный союз германских потребительских обществ, руководители шульцевского союза продолжали, как могли, вредить пролетарской кооперации в правительственных кругах, а также в кругах имущих классов, настаивая на том, что пролетарские кооперативы представляют собой социал-демократические организации, хотя на самом деле кооперативы эти ровно ни в какой связи с политической партией социал-демократии не состоят и строго придерживаются принципа политического нейтралитета (что отнюдь не мешает большинству членов этих кооперативов примыкать к социал-демократической партии).

Но, конечно, главным врагом пролетарской кооперации являются не мелкобуржуазная кооперация и ее руководители, а те общественные классы, интересам которых угрожает рост пролетарских кооперативов, и прежде всего класс торговцев, особенно же мелких торговцев. С тех пор как потребительские общества в Германии благодаря участию в них рабочих масс стали быстро расти, начинается и энергичная агитация против них торговцев.

На почве этой борьбы торговцев с потребительскими обществами возникли своеобразные хозяйственные организации торговцев — так называемые «общества скидок». (Rabattvereine). Общество скидок является организацией торговых фирм, которые на основании общего соглашения предоставляют лицам, примыкающим к этим обществам, получать известные скидки с цены товаров, продаваемых в соответствующих магазинах.

Торговцы вступают в такие соглашения ради привлечения к себе клиентов. Однако в большинстве случаев льготы подобного рода оказываются мнимыми, так как торговые фирмы имеют множество способов уклониться от исполнения своего обязательства путем продажи товара худшего качества или по повышенной цене. Но если даже торговые фирмы и исполняют свои обязательства вполне добросовестно, организации такого рода не имеют ничего общего с целями рочдельской кооперации.

Цели рочдельской потребительской кооперации отнюдь не исчерпываются удешевлением предметов потребления, но идут гораздо дальше: рочдельские общества стремятся освободить потребителя от зависимости торгового посредничества во всех его видах. Поэтому общества эти по самой своей природе должны вести борьбу с капиталом, и отсюда вытекает для них необходимость работать над созданием новой хозяйственной системы. В результате этой борьбы получают огромные выгоды для потребителей. Напротив, общества скидок как организации торгового капитала оставляют торговое посредничество во всей его силе и даже укрепляют позицию торгового посредника, привлекают к нему новых клиентов. Поэтому общества скидок являются ни чем иным, как одним из орудий борьбы торгового капитала с потребительской кооперацией путем отвлечения менее сознательных общественных элементов от вступления в потребительские общества, которые требуют самостоятельности от своих членов и готовности на известные жертвы, но зато и обещают им гораздо более крупные выгоды, чем общества скидок, не требующие никаких жертв, но зато ничего существенного и не дающие их клиентам.

Потребительские общества не только уменьшают для своих членов расходы по приобретению необходимых предметов потребления, но являются еще и самым действительным средством в борьбе с фальсификацией продуктов, которая достигает при условии капиталистической торговли чудовищных размеров. Как показали специальные обследования, большая часть предметов потребления, приобретаемых в мелких лавочках более бедными классами населения, в большей или меньшей степени фальсифицирована. Потребитель не имеет никакой возможности проверить, фальсифицирован ли приобретаемый им продукт или нет, и является беспомощной жертвой эксплуатации лавочников. Только потребительские общества дают надежные средства для борьбы с фальсификацией. Общества скидок в этом отношении ровно никакого значения не имеют, ибо они оставляют потребителя в руках торговцев.

Вообще, общества скидок реальных экономических выгод потребителю не обещают даже при полной добросовестности торговых фирм. Взаимная конкуренция между фирмами и так

понижает процент торговой прибыли до довольно низкого уровня, и не понятно, каким образом общества скидок могут сделать процент торговой прибыли еще более низким. Пока этих обществ мало и число участвующих в них фирм ограничено, фирмы могут выигрывать на отвлечении покупателей от других фирм, не участвующих в данных организациях, и таким образом, расширяя свои обороты, могут понижать процент прибыли на каждом отдельном товаре. Но если число фирм, участвующих в таких организациях, возрастает, то и выгоды участия в них путем возможности расширения своих оборотов за счет не участвующих фирм для каждой отдельной фирмы падают и, значит, фирмы не имеют возможности понижать процент прибыли, падающей на каждый отдельный товар.

Несмотря на свою полную недействительность по отношению к интересам потребителей, общества скидок за последние годы получили в Германии очень большое распространение. В настоящее время число таких обществ определяется в Германии многими сотнями, а число членов — десятками тысяч. Все они образуют один общеимперский союз, распадающийся на подотделы, подобно имперскому союзу потребительских обществ и его подотделам.

Успех обществ скидок объясняется тем, что они являются организациями торговцев, борющихся с потребительскими обществами. Именно общества скидок и ведут наиболее деятельную агитацию против потребительских обществ. Рядом с ними имеется целый ряд иных организаций торговцев, преследующих те же цели. Вообще германские торговцы копируют потребительскую кооперацию и стремятся бороться с нею ее же оружием. Так, в 1904 г. германские торговцы колониальными товарами образовали центральное общество оптовой продажи по образцу таких же организаций потребительских обществ.

Кроме того, торговые классы Германии располагают многими обществами и союзами, не имеющими характера хозяйственных предприятий и преследующими цели защиты интересов торговцев против всех враждебных им общественных течений. Эти общества и союзы выступают под общим флагом защиты интересов «средних классов общества». Одним из главных врагов средних классов признается потребительская кооперация, с которой организации этого рода ведут самую ожесточенную борьбу.

Так, например, основанный еще в 1898 г. Немецкий союз промышленности и торговли выставил в числе других своих требований также и «запрещение всех потребительских обществ и торговых домов для военных, чиновников и иных служащих». Союз этот является главной цитаделью борьбы с по-

требительскими обществами, к чему, собственно говоря, и сводится вся его деятельность. Союз стремится влиять на правительство и законодательные палаты в смысле, враждебном потребительской кооперации.

В отчете союза за 1908—1909 гг. читаем по вопросу о потребительских обществах следующее: «Потребительские общества из года в год дают повод правлению союза обращать внимание властей на все возрастающую опасность от этих организаций для мелких и средних предприятий. Прошлом собрание союза вновь потребовало, чтобы было обращено внимание правительства на эту опасность. В соответствии с этим правление составило обширную записку, в которой указывало на развитие как социал-демократических, так и чиновничьих потребительских обществ. В этой записке обращается внимание министров, равно как рейхстага, на опасность для государства распространения потребительской кооперации. Социал-демократия пользуется потребительскими обществами как испытанным средством уничтожения консервативных общественных элементов. Недальновидно со стороны государства не только предоставлять своим чиновникам полную свободу устраивать потребительские общества, но даже и поощрять разными способами последние».

Все эти организации выпускают в свет разнообразную литературу, посвященную борьбе с потребительскими обществами. В этой литературе потребительские общества объявляются созданием социал-демократии и средние общественные классы призываются к уничтожению потребительских обществ. Сплошь и рядом литература эта принимает характер открытых политических доносов, причем поименно указываются чиновники и городские служащие, занимающие те или иные должности в потребительских обществах. Нередким приемом борьбы с потребительскими обществами является следующий.

В Германии потребительским обществам запрещено законом продавать свои продукты нечленам. Враждебные обществам лица всячески стараются уличить последних в продаже товаров нечленам; для этого посылают кого-либо с улицы, чтобы незаконным образом купить в лавке потребительского общества, и затем немедленно доносят властям.

Вместе с тем торговые организации, равно как и отдельные торговцы, всеми способами стараются помешать развитию операций потребительских обществ, причем обычным средством является бойкот обществ и запугивание всех тех лиц, кто состоит в сношениях с потребительской кооперацией. Членам потребительских обществ нередко отказывают в продаже нужных им продуктов, если они обращаются в обычную лавку, торговцам же, которые продают свои товары обществам, отказывают в каких бы то ни было коммерческих сношениях

как изменникам своему классу. Иногда бойкот распространяется на фирмы, которые помещают свои объявления в прессе потребительских обществ. Бойкоту подвергаются и служащие в потребительских обществах, в случае если им приходится искать место в обычных лавках. Иногда составляются проскрипционные листы всех лиц, так или иначе имеющих хозяйственные связи с потребительской кооперацией, не только служащих, но и торговцев, фабрикантов и пр., состоящих в коммерческих сношениях с потребительской кооперацией. Такой проскрипционный список составлен был, например, в 1904 г. в Галле и сообщен местным торговцам со следующим сообщением: «Присылаемый список очень обширен и является результатом большого труда. Ваше дело воспользоваться им. Для этого вы должны, если только вы нуждаетесь в услуге какого-либо ремесленника или, если вам нужно у кого-либо купить какой-либо товар, прежде всего удостовериться, не стоит ли данное лицо в названном списке. Если оно стоит в списке, то вам следует ранее заказа настоять на том, чтобы данное лицо прекратило все сношения с потребительскими обществами и вернулось к сношениям со свободными торговыми предприятиями. Указывайте ему, как горько почувствовал бы он сам, если бы его лишили его клиентуры, и настаивайте, что основой социального мира является правило: жить самому и давать жить другим».

В случае согласия бойкотируемого лица отказаться от сношений с потребительскими обществами, оно должно подписать особое письменное обязательство, которое и сообщается руководителям бойкотистской кампании — правлению местного союза общества скидок. Даже простые члены потребительских обществ подвергаются подобному бойкоту и рискуют потерять работу в капиталистических предприятиях.

Иногда членам потребительских обществ отказывают в квартирах или же отдают квартиры лишь по повышенной плате. В некоторых городах домовладельцы, являющиеся вместе с тем и торговцами, даже включают в свои контракты с квартирантами особый пункт о непринадлежности квартиранта к потребительскому обществу. Еще труднее потребительскому обществу найти помещение для своих общих собраний, так как владельцы подходящих помещений нередко принципиально отказывают уступать их для надобностей кооперативов, почему иногда приходится устраивать такие собрания под открытым небом.

Особенно усиленно агитируют торговые организации против участия чиновников в потребительских обществах. При этом развивается такая аргументация. Торговцы являются основой среднего класса общества; средний общественный класс является опорой современного государства, и от него получает

свои денежные средства казна. Поэтому государство должно считать недопустимым для своих служащих, чтобы они участвовали в организациях, уничтожающих средние классы.

Иногда требования торговцев, обращенные к властям, принимают более мягкие формы, оставаясь такими же по существу. Очень характерны в этом смысле пожелания Гессенского союза торговцев, вынесенные на общем собрании союза в 1908 г.: «Союзу чужда мысль требовать, чтобы правительство совершенно запретило своим чиновникам участвовать в потребительских обществах. Союз хорошо понимает, что такой меры нельзя советовать правительству, так как она равносильна ограничению личной свободы граждан. Но, конечно, правительство может поступить, как это сделало баварское министерство путей сообщения, — указать, что участие его чиновников в потребительских обществах не согласно с общечеловеческой справедливостью, а в особенности с деятельностью чиновников».

В других случаях организации торговцев менее умеренны и прямо требуют закрытия всех чиновничьих потребительских обществ.

При этом вся эта агитация проводит глубокое различие между потребительской и всякой иной кооперацией: очень часто определенно указывается, что торговый класс ничего не имеет против крестьянской кооперации и только потребительская кооперация признается им недопустимой.

В петиции президенту прусского совета министров, князю Бюлову, представленной от имени Центрального союза германских обществ для защиты промышленности и торговли в 1908 г., было выдвинуто требование, чтобы допущение деятельности существующих потребительских обществ, равно как и устройство новых, было разрешаемо лишь с особого согласия в каждом отдельном случае правительственной власти. Осуществление этого требования дало бы возможность властям совершенно уничтожить потребительскую кооперацию.

Правда, такая крайняя мера не встретила сочувствия со стороны законодательных палат и потому не могла осуществиться. Но, несомненно, правительства различных германских государств не остались глухи к домогательствам торговцев, и отношение правительственных властей к потребительской кооперации было и остается совершенно иным, чем к другим видам кооперации. Враждебность германских правительств к потребительской кооперации обнаруживается очень ярко. Статья закона, запрещающая потребительским обществам продажу нечленам, дает повод к многочисленным стеснениям потребительских обществ в их нормальной деятельности по отношению к членам. Местные власти путем всевозможных мелочных придинок стараются затруднить деятель-

ность потребительских обществ, что им нередко и удастся. Об отношении местных властей к потребительской кооперации может дать понятие следующий ответ магистра города Акена на просьбу центральной организации германских потребительских обществ — Общества оптовых закупок — разрешить постройку в пределах города мыловаренного завода: «Магистрат постановил отклонить эту просьбу, ибо постройка мыловаренного завода не соответствует государственным и местным интересам. Очевидно, мыловаренный завод является только началом целого ряда подобных кооперативных предприятий в Акене. Это ясно как из обширных размеров приобретенного обществом земельного участка, так и из публичных заявлений депутатов рейхстага Пеуса и фон Эльма. По словам этих последних, «Общество оптовых закупок» имеет в виду устроить в Акене различные другие фабрики и вообще концентрировать в Акене кооперативное производство. Производство это угрожает существованию многочисленных торговцев и ремесленников разного рода, так же как и интересам многих домовладельцев, которым грозит утрата квартирантов и напимателей лавок. Кооперативное производство угрожает гибелью так называемых средних классов общества, противоречит интересам государства и не соответствует желанию правительства охранять интересы средних классов общества, особенно же ремесленников».

На такие неожиданные, необоснованные возражения местных властей против расширения деятельности потребительских обществ последним приходится наталкиваться сплошь и рядом.

Государственные власти также нередко запрещают рабочим государственных предприятий и своим чиновникам принимать участие в определенных потребительских обществах, особенно в тех из них, среди руководителей которых имеются социал-демократы. Так, например, прусский министр железных дорог фон Будде издал в 1904 г. следующий циркуляр своим подчиненным местам: «Вообще желательно, чтобы служащие в управлении государственных железных дорог получали нужные им продукты при посредстве обычных лавок. Обращаю внимание, что принятие на себя служащими в управлении государственных железных дорог должностей в правлениях потребительских обществ и предоставление помещений в казенных зданиях для торговых операций потребительских обществ допустимо лишь в тех случаях, когда создание или сохранение потребительского общества является настоятельно необходимым. Последнее же я могу признать лишь тогда, когда:

1) большому числу служащих вследствие удаленности их местожительства от торговых заведений существенно затруд-

няются приобретение предметов жизненной необходимости;

2) когда замечается в данном районе дороговизна жизни длительного характера;

3) когда есть основания опасаться, что служащие будут удовлетворять свою потребность в удешевлении своей жизни путем участия в потребительских обществах, которые фактически преследуют не только частнохозяйственные цели.

Сходным образом относятся к потребительским обществам и другие министры различных германских правительств, причем подобные циркуляры далеко не остаются только на бумаге, но приводятся в исполнение с величайшей строгостью. Участие в потребительских обществах, входящих в состав Центрального союза германских потребительских обществ, обычно рассматривается властями как несовместимое с пребыванием на государственной службе или работой в государственных предприятиях, и виновные в этом немедленно увольняются. Пожелания торговых организаций получили, таким образом, в данной области полное осуществление.

Даже потребительские общества чиновников встречаются в Германии несочувственное отношение власти; нередко чиновникам указывается на желательность участия вместо потребительских обществ в обществах скидок.

Местная полиция пользуется всяким поводом, чтобы не разрешать собрания потребительских обществ пролетарского состава. Хотя эти общества в Германии, как сказано, политически совершенно нейтральны и никакой связи с социал-демократией не имеют, они всегда стоят под угрозой закрытия под предлогом их политического характера. Так, одно из крупнейших германских обществ потребителей — Лейпциг-Плагвицкое — едва не было закрыто за то, что передало несколько сотен марок совершенно неполитическому образовательному кружку рабочих.

Но главным орудием борьбы с потребительскими обществами является для германских правительств крайне несправедливое и тяжелое обложение налогами. В Англии потребительские общества свободны от обычного промыслового обложения, и это только справедливо, ибо потребительские общества не дают никакой прибыли и распределяемые ими остатки не имеют по своей экономической природе ничего общего с дивидендом акционерных компаний.

В Германии положение потребительских обществ иное. Первоначально, пока потребительские общества были распространены преимущественно среди мелкой буржуазии, германское обложение потребительских обществ было более или менее справедливо: облагались особым налогом только те общества, которые продавали товары нечленам, и лишь соответственно той части своих доходов, которая получалась ими от

нечленов. Затем была совершена первая несправедливость: был обложен весь доход потребительских обществ, продающих нечленам, т. е. и тот остаток, который получался от сбережений на цене при покупках членами.

Затем, в 1889 г. потребительским обществам было запрещено продавать товары нечленам. Эта мера должна была, по мысли ее инициаторов, замедлить рост потребительских обществ, лишив их значительной части их клиентов. На самом же деле она привела к противоположному результату: нечлены, не желая терять выгод от приобретения предметов потребления через посредство общества, стали вступать в число членов последних, которые именно с этого времени стали быстро расширять свои обороты.

Тогда власти начали борьбу с ростом потребительских обществ при посредстве налогового законодательства: их стали подчинять обычному промысловому обложению и притом таким образом, что потребительские общества должны были платить не менее, а более, чем обычные промышленные предприятия.

Неудивительно, что Герс, описывая все эти формы борьбы с потребительскими обществами в Германии, с тех пор как эти организации получили огромное распространение среди германского пролетариата, приходит к следующему заключению: «Все это не что иное, как классовая борьба, в которой германские рабочие потребительские общества уже давно так же участвуют, как и германский пролетариат вообще... Поэтому неверно обычное утверждение, что кооперация есть мир. Нет, кооперация, во всяком случае пролетарская потребительская кооперация, есть борьба, и именно классовая борьба. Не имеет значения, что генеральный секретарь Центрального союза заявляет в отчете союза за 1908 г., что рабочие потребительские общества принципиально отвергают, чтобы они представляли собой классовую кооперацию, хотя они и не спорят, что они обязаны своим возникновением и развитием определенному общественному классу. Это неверно, и это опровергается фактами. Еще более ложно то, что д-р Крюгер опять повторил на весь свет в декабре 1909 г., будто рабочие потребительские общества не что иное, как боевые и классовые организации социал-демократической партии. Правда, доказываемая фактами, и которой не может не видеть никто, кто не желает от нее отворачиваться, заключается в следующем: потребительские общества суть боевая и классовая организация современного пролетариата точно так же, как партия и рабочие союзы. Потребительские общества имеют свое самостоятельное значение, как и каждая из двух последних организаций. В противоположность этим последним они преследуют исключительно хозяйственные цели и —

никто не может доказать противного — не стремятся в своей деятельности ни к каким политическим целям, стоят совершенно вне политических партий. Но они не менее, чем эти последние, боевые и классовые организации современного пролетариата».

6. ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В РОССИИ

Потребительская кооперация в России, как и вообще русская кооперация, имеет преимущественно крестьянский характер. Возникла же она в шестидесятые годы прошлого века в среде имущих классов, на почве того общественного подъема, который характеризовал собой это время.

Пролетарская потребительская кооперация начинает развиваться у нас только в самое последнее время. Как правильно указал С. Н. Прокопович, успехи пролетарской потребительской кооперации задерживаются в России целым рядом неблагоприятных условий. Важнейшим из них является то, что у нас не достиг еще значительного развития класс фабричного пролетариата. Правда, у нас имеется несколько миллионов фабричных рабочих, но из них значительная часть еще не утратила связи с деревней. По данным Всероссийской переписи 1897 г., 57,1 % рабочих, занятых в нашей промышленности, были одиночками, т. е. жили без семьи, причем часть их совсем не имела семьи, а другая часть имела семью в деревне. Но бессемейный рабочий, как общее правило, не имеет своего домашнего хозяйства — столуется он не дома, а либо у хозяина предприятия, где работает, либо у квартирной хозяйки, либо в трактире. В потребительском обществе такие рабочие почти не нуждаются и, во всяком случае, не могут расходовать в этих обществах значительную часть своего бюджета.

Но и семейный рабочий только тогда может много давать потребительскому обществу, когда его заработная плата достаточно высока. При крайне низком уровне заработной платы в России до революции наш фабричный рабочий являлся плохим покупателем. Так, например, по бюджетному обследованию условий жизни петроградских рабочих, более трети рабочих никогда не покупали нового платья, довольствуясь приобретением ношеного. Естественно, что при таких условиях потребительская кооперация среди нашего фабричного пролетариата не могла достигнуть того развития, как на Западе.

Правда, наряду с этим в наших экономических условиях имеются и противоположные факторы, благоприятствующие

созданию потребительских организаций среди рабочего класса. А именно: значительная часть наших фабрик расположена вдали от городских поселений и торговых центров. Удовлетворение потребительских нужд фабричных рабочих путем приобретения предметов потребления в обычных лавках наталкивается в этом случае на серьезное препятствие в виде отсутствия или недостаточного количества этих лавок. В этом случае сама жизнь требует создания какой-либо особой организации для удовлетворения потребительских нужд рабочих.

В наших русских условиях положение это привело к тому, что потребительские организации рабочих сложились довольно рано и получили довольно значительное развитие, но в своеобразной, почти некооперативной форме. Отдаленность наших фабрик от торговых центров уже издавна привела к тому, что у нас получила огромное распространение система фабричных лавок, причем эти фабричные лавки являлись в руках фабрикантов орудием самой грубой эксплуатации фабрикантами своих рабочих. Когда же с созданием нашей фабричной инспекции органы инспекторского надзора начали борьбу с оплатой труда рабочих при помощи товаров, фабричные лавки уступили место фабричным потребительским обществам, которые номинально являлись потребительскими кооперативами пролетариата, но фактически во многих случаях мало отличались от прежних фабричных лавок, так как эти потребительские общества находились в полной зависимости от фабрикантов и служили их интересам.

В сходном положении находятся и железнодорожные рабочие. Среди них чувствуется также настоятельная нужда в особых потребительских организациях, но в то же время вследствие общих условий нашей общественности организации эти до революции с трудом сохраняли самостоятельность и, как общее правило, находились в сильной зависимости от правления дороги.

Таким образом, у нас имелись три различного рода пролетарских кооперативов: зависимые фабричные потребительские общества, зависимые железнодорожные потребительские общества и независимые рабочие потребительские общества.

Зависимые фабрично-заводские и железнодорожные общества представляли собой во многих отношениях очень сходный тип. Они не могли считаться вполне кооперативными организациями, так как находились под сильным влиянием правлений соответствующих капиталистических предприятий и во многих случаях являлись простым придатком к этим последним. Это сказывалось очень наглядно в том, что, как общее правило, выбор членов правления в таких обществах не был свободным; нередко правление состояло в большей своей части из

членов администрации предприятия. Затем, так как в уставах многих таких обществ имеется пункт, согласно которому членами общества могут быть только служащие в данном предприятии, то администрация последнего имела полную возможность исключать любого члена общества путем увольнения его из числа служащих.

Иногда лавка фабрично-заводского потребительского общества становилась простым отделением фабричной конторы, воссоединяя собой фабричные лавки прежнего времени.

Неудивительно, что потребительские общества при фабриках и заводах сплошь и рядом вызвали к себе резко враждебное отношение со стороны рабочих. Во время рабочих беспорядков на Брянском заводе в Екатеринославе 1898 г. рабочие подожгли и разграбили лавку потребительского общества. Такие случаи бывали неоднократно.

Заводоправления сплошь и рядом распоряжались капиталом состоящих при них потребительских обществ по своему усмотрению и затрачивали их капиталы на нужды заводов, состоя в неоплатном долгу по отношению к обществам. Во всех этих случаях форма потребительского общества прикрывала собой организацию, ничего общего с кооперацией не имеющую.

Действительно кооперативными организациями среди нашего фабричного пролетариата являлись лишь так называемые независимые рабочие потребительские общества. Во всяком случае, такие кооперативы были и до революции 1917 г. Самым крупным из них был эфемерный Трудовой союз, возникший среди петроградских рабочих летом 1906 г., быстро достигший значительных размеров (в октябре 1907 г. число членов в нем превысило 8 тыс.), но уже в начале 1908 г. принужденный ликвидировать дело. Причина крушения Трудового союза заключалась, помимо преследований администрации, в плохой постановке всей коммерческой стороны дела.

Война привела к колоссальному росту потребительской кооперации. По подсчету А. Меркулова в Союзе потребителей к 1 января 1917 г. у нас было уже 20 000 потребительских обществ*. Число членов их должно было быть не менее 5 миллионов. Правда, большая часть этих обществ, равно как и членов, приходится не на города, а на села.

Однако и в городах потребительская кооперация под влиянием обостренного продовольственного кризиса во время войны сделала огромные успехи, причем особенно характерно, что в городах стали возникать огромные потребительские общества многолабочного типа. Такие потребительские общества в 1916 г. возникли в Москве, Киеве, Самаре, Харькове, Иркутске и других городах. На первом месте среди них стало московское общество «Кооперация» с числом членов свыше 60 000.

Февральская революция в истории русской кооперации яви-

лась новой эрой, ибо впервые русская кооперация получила полную свободу своего развития. С кооперации были сняты узы, которые стесняли ее свободный рост при старой власти, и кооперация пошла по новому пути свободного самоопределения.

В области пролетарской кооперации немедленным последствием этого нового положения дела явился чрезвычайный рост независимых рабочих потребительских обществ. Пролетариат, создавший революцию и ставший во главе ее, конечно, не мог не взять в свои руки те потребительские общества, которые в прежнее время были в руках фабричной администрации. Зависимые фабричные потребительские общества рабочих быстро стали переходить в руки самих рабочих. Так, в Москве перешло в руки рабочих огромное потребительское общество, общество фабрикантов и заводчиков, обслуживающее до 200 тыс. рабочих. То же произошло в Петрограде в потребительском обществе Путиловского завода, обслуживающем 35 тыс. рабочих, и на многих других фабриках и заводах России.

Рядом с этим в изобилии стали возникать и новые рабочие кооперативы. Кооперативный закон*, изданный Временным правительством, сделал открытие новых кооперативов, равно как и союзов их, совершенно свободным. В связи с огромным подъемом самосознания рабочего класса, а также с большим и большим обострением продовольственного кризиса, это не могло не повести к быстрому росту пролетарской кооперации. Русская пролетарская кооперация — как и на Западе — выступила с совершенно определенными симпатиями к социализму. По словам одного из видных деятелей этой кооперации М. Л. Хейсина, число членов пролетарских потребительских обществ достигло к началу октября 1917 г. крупной цифры в 1,5 миллиона.

Рост пролетарских потребительских обществ повел к тому, что пролетарские кооперативы почувствовали потребность в самостоятельном объединении. 1—7 августа 1917 г. состоялся первый Всероссийский съезд представителей рабочих потребительских обществ. На этот съезд явилось более 200 представителей пролетарских кооперативов.

Главным вопросом съезда был вопрос о том, какое положение пролетарская кооперация должна занять по отношению к имеющимся всероссийским объединениям кооперации, и прежде всего по отношению к всероссийскому объединению потребительской кооперации в виде московского Союза потребительских обществ.

Московский Союз потребительских обществ* возник еще в 1898 г. и стал центральной закупочной оптовой организацией для потребительской кооперации России. В состав этого мощ-

ного союза, которым может гордиться русская кооперация (обороты его в настоящее время превышают 200 млн. руб. в год), входят разнообразные потребительские общества как пролетарского, так и не-пролетарского состава, причем, однако, первые, несомненно, преобладают. Так, в 1912 г. число членов в фабрично-заводских и железнодорожных обществах, примыкающих к союзу, составляли 60,6 % общего числа членов обществ союза.

Съезд постановил образовать особый идейный центр пролетарской кооперации, но нового хозяйственного центра не создавать, продолжая участвовать в московском союзе.

Глава IV. ДОМОСТРОИТЕЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ

Родиной домостроительной кооперации, как и пролетарской кооперации вообще, является Англия. Появление этого вида кооперации тесно связано с развитием капиталистической хозяйственной системы. Характерный для капитализма рост больших городов приводит к крайнему вздорожанию квартир, в особенности для беднейших слоев городского населения. Вместе с тем благодаря чрезвычайной скученности городского населения существенно ухудшаются жилищные условия большинства городского населения. Отсюда настоятельная потребность городского пролетариата, а также и вообще всех менее достаточных слоев городского населения, включая сюда хуже оплачиваемых служащих, чиновников и лиц либеральных профессий, в мерах общественной самопомощи для улучшения жилищных условий и понижения расходов по оплате жилища.

Первые домостроительные товарищества возникают в Англии еще ранне потребительских обществ и, по-видимому, вне всякой связи с великим общественным движением, вызванным Оуэном. Таким образом, домостроительная кооперация с самого своего возникновения стоит особняком от других видов кооперации и продолжает занимать такое же положение и ныне. Объясняется это как особым характером по своим техническим задачам домостроительной кооперации, так и недоступностью этого вида кооперации для массы городского пролетариата в силу необходимости затраты сравнительно очень крупных денежных средств.

Первые английские строительные кооперативы имели характер особого рода сберегательных касс, ставивших себе целью накопление денежных средств, необходимых для постройки дома. Организация их была следующая. Группа лиц с неопределенным составом обязывается делать еженедельные взносы в общую кассу, взносы эти накапливаются, пока

они не достигнут таких размеров, что образуется капитал, достаточный для постройки небольшого дома для одной семьи. Капитал этот выдается в ссуду тому или иному члену товарищества, причем дом переходит в собственность лица, получившего ссуду, строящего дом совершенно самостоятельно и пользующегося им по своему собственному усмотрению.

Товарищества этого типа получили большое распространение в Англии, английских колониях и в Америке. В настоящее время в Англии числится свыше 700 тыс. членов этих товариществ, в Америке же число членов превышает два миллиона.

В строительных кооперативах принимают участие преимущественно высшие слои пролетариата, а также служащие разного рода. Кооперативная связь их членов очень невелика: кооператив существует только для того, чтобы дать своим членам возможность приобрести в собственность дом. Когда эта цель достигнута, то лицо, получившее ссуду для постройки дома, остается по отношению к кооперативу должником, и только эта связь соединяет его с кооперативом. По уплате ссуды данное лицо выходит из состава товарищества.

Операции товарищества в высшей степени несложны. Оно является простой сберегательной кассой, только тем отличающейся от обычной сберегательной кассы, что активная операция ее имеет строго определенный характер и состоит в выдаче ссуд под залог домов. Этот характер активных операций домостроительных товариществ придает чрезвычайную финансовую устойчивость товариществам: ссуды обеспечены залковыми, и риск потери выданной ссуды минимален. Расходы по управлению товариществом также очень невелики, ибо ввиду крайней простоты операций товарищества последнее не нуждается даже в своем особом помещении.

Эта простота организации в связи с тяготением населения англо-саксонской культуры к жизни в отдельных небольших домиках, каждая семья особо, привела к значительному распространению товариществ описанного типа в Англии и родственных ей странах. Однако этому виду строительной кооперации присущи очень крупные недостатки. Прежде всего она доступна только для более достаточных лиц, так как требует внесения, хотя и по частям, очень значительного пая. Затем, в ней могут принимать участие только лица, уверенные, что им не придется менять своего местожительства в поисках работы. Заурядный рабочий, которому приходится переходить из одного места в другое, не склонен связывать себя с определенной недвижимостью. Затем, задача товарищества этого рода ограничивается доставкой своим членам денежной суммы, необходимой для постройки дома, сама же постройка, равно как и условия эксплуатации дома, товарищества не касаются. Все это имеет своим последствием то, что жилищный вопрос

не разрешаются домостроительными товариществами данного типа, создающими лишь новых домовладельцев, иногда пользующихся своим домом в целях спекуляции.

Поэтому за последние годы начинает быстро расти новый вид домостроительного товарищества существенно иного типа. Прежние англо-саксонские товарищества, как сказано, не строили домов, а только доставляли своим членам средства для такой постройки. В настоящее время задачей домостроительного товарищества становится постройка домов.

В Англии инициатором этого нового типа товарищества явился видный общественный деятель Генри Виван. Домостроительные товарищества должны, по его представлению, ставить себе несравненно более широкие задачи, чем товарищества старого типа. А именно: они должны стремиться преобразовать к лучшему жилищные условия городского населения. Город нашего времени представляет собой нечто до последней степени нерациональное и уродливое. Нужно создать новый тип человеческого поселения — город-сад. Чтобы достигнуть этого, домостроительные товарищества должны сами строить дома и оставаться их собственниками после того, как в них поселятся жильцы.

В настоящее время в Англии имеется 14 товариществ этого нового типа, располагающих недвижимой собственностью в 800 тыс. ф. ст. Товарищества приобретают для застройки обширные земельные участки и возводят на них по определенному плану изящные дома, устраивая между домами сады, площадки для лаунтенниса, детских игр и вообще принимая все меры к тому, чтобы создать не только вполне гигиеничное и комфортабельное, но и приятное для жизни жилище. Правда, товарищества эти не могут считаться в полном смысле слова кооперативами и приближаются в некоторых отношениях к акционерным компаниям. Отступление от кооперативных принципов выражается следующими чертами: во-первых, в этих товариществах число голосов, которыми располагает каждый член, пропорционально числу паев во владении каждого (максимум числа паев в одних руках ограничен 10); во-вторых, на пай выдается довольно крупный дивиденд (однако не свыше 5 %); наконец, товарищества имеют в виду как менее достаточных, так и более состоятельных квартирантов — стоимость квартир доходит в них до 1000 руб. в год и выше.

Товарищества этого типа работают, в противность старым товариществам, только в ничтожной мере на собственный, а главным образом на заемный капитал, выпуская особые закладные листы, которые без труда размещаются на рынке. Пасвой капитал составляет около 15 % всего капитала, которым располагают товарищества.

Английские строительные кооперативы основаны всецело на частной инициативе и не пользуются никакими пособиями со стороны государства или муниципалитетов. Но государство и город самым жизненным образом заинтересованы в оздоровлении условий жизни городского населения. Поэтому борьба с жилищной нуждой должна по справедливости рассматриваться как задача, лежащая не только на кооперации, но и на государстве и его органах. Кооперация не в силах собственными средствами справиться с этой задачей уже потому, что наиболее нуждаются в коренной реформе жилищные условия беднейших слоев городского населения, не обладающих достаточными средствами, чтобы принять без посторонней помощи участие в строительной кооперации, требующей гораздо больших капиталов, чем какой бы то ни было другой вид кооперации. Поэтому мы видим, что на европейском континенте строительная кооперация развивается в новейшее время при непосредственной и очень значительной поддержке государства и муниципалитетов.

Особенный размах строительная кооперация получила за последние годы в Германии. Германские товарищества по демократичности своего устройства стоят гораздо выше английских нового типа, так как в них каждый член имеет только один голос. Члены их принадлежат преимущественно к высшим слоям пролетариата. Паи в них также значительно ниже, чем в английских товариществах, и преобладает пай в 200 марок; внесение такой суммы сразу не под силу пролетарию, но она вносится не сразу, а по частям.

В 1910 г. в Германии было 1056 строительных кооперативов, причем в 739, давших о себе сведения, числилось 196 751 членов, располагавших паевым капиталом в 41 млрд. марок и заемным капиталом в 363 млрд. марок. Огромное большинство германских строительных кооперативов остаются собственниками выстроенных ими домов. Члены кооператива пользуются за определенную плату квартирами в этих домах.

Десятая часть пая вносится обычно при вступлении, а остальная сумма покрывается ежегодными взносами, размер которых колеблется от 30 пфеннигов до 1 марки. Как общее правило, каждый член владеет только одним паем. Величина процента на пай не превышает 4 и нередко спускается значительно ниже.

Успехи германской строительной кооперации всецело основываются на том, что кооперативному строительству приходят на помощь государство и муниципалитеты. Дело в том, что кооперативы, располагая незначительным собственным капиталом, настоятельно нуждаются в привлечении капиталов со стороны. Между тем частные банки очень неохотно ссужают в Германии своими капиталами строительную коопера-

цию благодаря тому, что банки находятся в руках домовладельческих элементов, относящихся к строительной кооперации очень враждебно, как к своему опасному конкуренту. И германская строительная кооперация влачила бы жалкое существование, если бы ей не пришли на помощь государственные кассы страхования рабочих, которые располагают миллиардным капиталом, составившимся из страховых взносов.

Германские кассы рабочего страхования понимают свою задачу очень широко и признают, что в сферу деятельности их входит содействие всякого рода мерам, которые приводят к оздоровлению населения. Конечно, самым действительным средством к поднятию уровня народного здоровья является улучшение жилищных условий. Поэтому кассы поступают в полном соответствии со своими основными задачами, открывая широкий кредит домостроительным товариществам на льготных условиях.

К 1913 г. кассы выдали в кредит на постройку рабочих жилищ более 418 млн. марок, из которых 238 млн. марок приходится на долю строительных кооперативов и общепользовательных строительных акционерных обществ. Процент по этим ссудам колеблется между 3 и 4. При этом кассы выдавали в ссуду значительно большую часть капитала, необходимого для постройки, чем частные кредитные учреждения, выдающие не свыше 60 % стоимости имущества, между тем как кассы кредитуют до 70 %, а иногда и до 85 % стоимости имущества.

Существенную помощь германские строительные кооперативы получают и от городских муниципалитетов. Большинство германских городов признают в настоящее время, что жилищная реформа, настоятельная необходимость которой никем не отрицается, может быть проведена только при помощи строительной кооперации. Поэтому обязанностью города является всяческое содействие этому виду кооперации и принятие мер к тому, чтобы кооперативное строительство было возможно более согласовано с интересами массы городского населения.

Германские города обычно не продают своих земель кооперативам, а сдают их в наследственно-строительную аренду сроком на 70—100 лет, причем на все это время обычно назначается одна и та же умеренная арендная плата. Таким образом, кооперативы избегают необходимости затрачивать крупный капитал на приобретение земельной собственности и в то же время избегают столь разорительного повышения городской земельной ренты. Далее, города деятельно содействуют получению кооперативами необходимых им денежных средств, что достигается следующим образом. Так как частные кредитные учреждения кредитуют только в известном проценте к стоимости имущества, то города устраивают специальные банки для кредитования под вторую закладную.

В 1912 г. таких городских банков было уже 61. Если же город не может непосредственно ссудить капитал, необходимый кооперативу, то он достигает того же, принимая на себя перед кредитным учреждением поручительство за исправное выполнение кооперативом своих обязательств, причем благодаря поручительству кредитуемая сумма повышается иногда до 90 % стоимости постройки.

Но, конечно, город приходит на помощь строительной кооперации лишь в том случае, если она удовлетворяет целям, которые ставит себе город в своей деятельности по улучшению жилищных условий массы городского населения. Поэтому город требует одобрения планов постройки городской властью, городского контроля за квартирной платой и предназначения квартир для более нуждающихся слоев городского населения. Поэтому обычно город содействует только такому строительству, которое имеет в виду устройство дешевых рабочих квартир, число комнат в которых (включая кухню) не превышает трех, редко четырех.

Некоторые германские строительные кооперативы строят небольшие домики с двумя квартирами (так называемые парные особняки), но большинство строит огромные многоэтажные дома, стремясь, однако, согласовать свои постройки с требованиями гигиены и эстетики.

Благодаря содействию государства и городов, германская строительная кооперация служит интересам той части населения, которая не располагает капиталами, необходимыми для постройки дома, но в то же время всего более нуждается в улучшении своих жилищных условий, — городского пролетариата. Правда, и при помощи со стороны строительная кооперация доступна все же не всей массе пролетариата, а только наиболее обеспеченной его части.

Интересна постановка государственной помощи строительной кооперации в Австрии. Центральное общество жилищной реформы в Австрии выработало в 1908 г. особый проект образования государственного фонда для поддержки общепольной строительной деятельности вообще и кооперативного строительства в частности. Согласно этому проекту государственный фонд должен был служить для покрытия расходов по государственному поручительству за капитал, выдаваемый в ссуду строительным организациям ипотечными учреждениями, причем поручительство это должно выдаваться не за всю ссуду, а лишь за ту ее часть, которая выдается под вторую закладную сверх 50 % стоимости дома. Кредит строительным кооперативам должен был быть организован согласно проекту следующим образом: под первую закладную строительные кооперативы получают деньги без всякого содействия государства, под вторую же закладную берет на себя поручительство

государство — в размере 40 % стоимости дома. Таким образом кооперативы получают возможность получать ссуду до 90 % стоимости своей недвижимости на таких же условиях, как и под первую закладную.

Проект этот был одобрен правительством, и в 1910 г. в Австрии вступил в действие закон об образовании государственного жилищного фонда в 25 млн. крон. Фонд предназначается на поддержание общепольного домостроительства, а строительство может быть признано общепольным лишь в том случае, если соответствующая строительная организация выдает не свыше 5 % дивиденда на паи. При этом, однако, фонд оказывает содействие постройке лишь небольших квартир, под каковыми закон понимает семейные квартиры общей площадью не свыше 80 кв. метров, дома для бессемейных, причем в каждой комнате должно быть помещаемо не более трех жильцов, и ночлежные дома. Все дома должны удовлетворять в строительном-техническом, санитарном и нравственном отношении требованиям, предъявляемым к здоровым и дешевым народным квартирам.

Как справедливо указывает в «Вестнике кооперации»* Г. А. Глебов, в австрийском законе имеет наибольшее значение признание принципа планомерной государственной поддержки строительной кооперации, но идея государственной гарантии не может быть признана удачной. Благодаря гарантии все выгоды от кредитования кооперативного строительства будут доставаться существующим ипотечным учреждениям, а убытки по возможным несостоятельствам будет нести государство. Было бы гораздо рациональнее, если бы государство основало со специальной целью содействия общепольному строительству особый ипотечный банк с правом выпуска закладных листов. Таким образом государство получило бы не меньшую возможность кредитовать строительные кооперативы, чем и при системе поручительства, но в то же время оно гораздо непосредственнее влияло бы на ход общепольного строительства, извлекая в свою пользу все выгоды от поддержки строительной кооперации. Но необходимым условием для успеха дела является связь с органами местного самоуправления — непосредственно распределять государственную поддержку должны муниципалитеты как учреждения, ближе всего стоящие к местным делам.

Что касается России, то у нас домостроительная кооперация имеется только в слабых зачатках. Поскольку она существует, она служит интересам не пролетариата, а достаточных классов городского населения, что и понятно, так как наши рабочие получают слишком низкую заработную плату, чтобы делать из нее крупные сбережения, требующиеся для участия в строительных кооперативах.

Глава V. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ АРТЕЛИ

I. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Производительные артели занимают крайне своеобразное место среди других кооперативов. Не будет преувеличением сказать, что вся современная кооперация выросла из идеи производительной артели и что в этом смысле производительная артель является основным и первоначальным видом кооперации. Ибо что такое социалистические общины, явившиеся духовной почвой кооперации, как не производительные артели известного рода, лишь тем принципиально отличающиеся от обычного типа артелей, что изготовленные ими продукты предназначаются не для сбыта, а для собственного потребления артельщиков? Между социалистической общиной и производительной артелью обычного типа существует множество незаметных переходов, и между обеими организациями имеется несомненная внутренняя связь.

И действительно, кооперативное движение во всех странах начинается с увлечения идеей производительной артели в тех или других формах. Классической страной производительных ассоциаций считается по справедливости Франция. В кооперативной литературе прежнего времени было принято отождествлять различные роды кооперации с различными странами: Англия считалась страной потребительской кооперации, Франция — производительных артелей, а Германия — кооперации кредитной. Это совершенно неверно, поскольку дело идет о современном состоянии кооперации в этих странах; но в историческом смысле указанная характеристика не лишена основания. Действительно, в то время как в Англии кооперация всегда выражалась почти исключительно в форме потребительских обществ, в Германии долгое время руководящую роль в кооперативном движении играли кредитные кооперативы Шульце-Делича, а во Франции самой яркой страницей истории кооперации были попытки к устройству производительных ассоциаций.

Попытки эти ведут свое начало от Бюше, ученика Сен-Симона и Фурье. Сам себя он считал сенсимонистом и долгое время был деятельным сотрудником сенсимонистских изданий. Однако идея производительной ассоциации как основной ячейки нового общественного строя была заимствована им не у Сен-Симона, а у Фурье. С первым Бюше сближался высокой оценкой роли религиозного элемента в общественной жизни; но в своей практической общественной деятельности он был ближе к Фурье. Подобно последнему (и в противоположность школе

государство — в размере 40 % стоимости дома. Таким образом кооперативы получают возможность получать ссуду до 90 % стоимости своей недвижимости на таких же условиях, как и под первую закладную.

Проект этот был одобрен правительством, и в 1910 г. в Австрии вступил в действие закон об образовании государственного жилищного фонда в 25 млн. крон. Фонд предназначается на поддержание общепольного домостроительства, а строительство может быть признано общепольным лишь в том случае, если соответствующая строительная организация выдает не свыше 5 % дивиденда на паи. При этом, однако, фонд оказывает содействие постройке лишь небольших квартир, под каковыми закон понимает семейные квартиры общей площадью не свыше 80 кв. метров, дома для бессемейных, причем в каждой комнате должно быть помещаемо не более трех жильцов, и ночлежные дома. Все дома должны удовлетворять в строительном-техническом, санитарном и нравственном отношении требованиям, предъявляемым к здоровым и дешевым народным квартирам.

Как справедливо указывает в «Вестнике кооперации» * Г. А. Глебов, в австрийском законе имеет наибольшее значение признание принципа планомерной государственной поддержки строительной кооперации, но идея государственной гарантии не может быть признана удачной. Благодаря гарантии все выгоды от кредитования кооперативного строительства будут доставаться существующим ипотечным учреждениям, а убытки по возможным несостоятельствам будет нести государство. Было бы гораздо рациональнее, если бы государство основало со специальной целью содействия общепольному строительству особый ипотечный банк с правом выпуска закладных листов. Таким образом государство получило бы не меньшую возможность кредитовать строительные кооперативы, чем и при системе поручительства, но в то же время оно гораздо непосредственнее влияло бы на ход общепольного строительства, извлекая в свою пользу все выгоды от поддержки строительной кооперации. Но необходимым условием для успеха дела является связь с органами местного самоуправления — непосредственно распределять государственную поддержку должны муниципалитеты как учреждения, ближе всего стоящие к местным делам.

Что касается России, то у нас домостроительная кооперация имеется только в слабых зачатках. Поскольку она существует, она служит интересам не пролетариата, а достаточных классов городского населения, что и понятно, так как наши рабочие получают слишком низкую заработную плату, чтобы делать из нее крупные сбережения, требующиеся для участия в строительных кооперативах.

Глава V. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ АРТЕЛИ

1. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Производительные артели занимают крайне своеобразное место среди других кооперативов. Не будет преувеличением сказать, что вся современная кооперация выросла из идеи производительной артели и что в этом смысле производительная артель является основным и первоначальным видом кооперации. Ибо что такое социалистические общины, явившиеся духовной почвой кооперации, как не производительные артели известного рода, лишь тем принципиально отличающиеся от обычного типа артелей, что изготовленные ими продукты предназначаются не для сбыта, а для собственного потребления артельщиков? Между социалистической общиной и производительной артелью обычного типа существует множество незаметных переходов, и между обеими организациями имеется несомненная внутренняя связь.

И действительно, кооперативное движение во всех странах начинается с увлечения идеей производительной артели в тех или других формах. Классической страной производительных ассоциаций считается по справедливости Франция. В кооперативной литературе прежнего времени было принято отождествлять различные роды кооперации с различными странами: Англия считалась страной потребительской кооперации, Франция — производительных артелей, а Германия — кооперации кредитной. Это совершенно неверно, поскольку дело идет о современном состоянии кооперации в этих странах; но в историческом смысле указанная характеристика не лишена основания. Действительно, в то время как в Англии кооперация всегда выражалась почти исключительно в форме потребительских обществ, в Германии долгое время руководящую роль в кооперативном движении играли кредитные кооперативы Шульце-Делича, а во Франции самой яркой страницей истории кооперации были попытки к устройству производительных ассоциаций.

Попытки эти ведут свое начало от Бюше, ученика Сен-Симона и Фурье. Сам себя он считал сенсимонистом и долгое время был деятельным сотрудником сенсимонистских изданий. Однако идея производительной ассоциации как основной ячейки нового общественного строя была заимствована им не у Сен-Симона, а у Фурье. С первым Бюше сближался высокой оценкой роли религиозного элемента в общественной жизни; но в своей практической общественной деятельности он был ближе к Фурье. Подобно последнему (и в противоположность школе

Сен-Симона) Бюше отнюдь не был государственным и возлагал надежды преимущественно на частную инициативу и свободу самодеятельности.

Идея производительной ассоциации сводилась у Бюше к следующему. Группа рабочих одинаковой профессии образует собой ассоциацию для того, чтобы совместно за общий счет производить известные продукты для продажи. Объединенные рабочие образуют собой предприятие, в котором нет хозяев-капиталистов, но каждый является одновременно и хозяином и рабочим. Каждый получает в течение года обычную заработную плату, весь же чистый доход предприятия, остающийся за покрытием всех расходов (в том числе и на заработную плату), распределяется следующим образом: одна пятая идет в неделимый капитал ассоциации, остальная же доля частью распределяется между членами ассоциации пропорционально труду каждого, частью же идет на цели взаимопомощи. Неделимый капитал ассоциации, долженствующий таким образом механически возрастать с каждым годом, не может быть разделен между членами ассоциации и не выдается никому из последних при уходе из ассоциации. Он принадлежит ассоциации в ее целом и должен идти на расширение общего дела. Ассоциация не может пользоваться более года работой по найму посторонних рабочих; по истечении годового срока она обязана вводить этих рабочих в среду своих полноправных членов, если только имеется надобность в их работе.

Образованию неделимого «социального» капитала Бюше придавал особое значение: только благодаря такому самовозрастающему фонду принцип ассоциации может восторжествовать над своекорыстными интересами ее членов, и вся организация приобретает устойчивость и возрастающую экономическую силу.

Капитал, необходимый для устройства таких ассоциаций, мог бы быть получен, по представлению Бюше, или от государства, или же от частных лиц, сочувствующих идее ассоциации. В конце концов ассоциация должна охватить всех рабочих той же профессии, живущих в том же районе, но это должно явиться результатом роста ассоциации, а не началом всего дела. Ассоциации должны возникать первоначально независимо одна от другой, совершенно добровольно и без всякого принуждения со стороны общественной власти. Их собственный успех должен привести к тому, что они станут господствующей формой хозяйства и вытеснят капиталистические предприятия в современном обществе.

Этот план устройства производительной ассоциации обратил на себя большое внимание французских рабочих, и скоро начались попытки его осуществления. Первой ассоциацией, возникшей по плану Бюше, была небольшая ассоциация рабочих

ювелирного дела. Но особое значение идеи Бюше получили после революции 1848 г., когда революционное правительство ассигновало капитал в 3 млн. фр. на поддержку производительных ассоциаций. Декрет об этом ассигновании был принят Национальным собранием единогласно и даже без прений, но отнюдь не потому, что все члены Национального собрания были убеждены в спасительности производительных ассоциаций. Наоборот, большинство депутатов относились к этой идее с решительной враждебностью, но не считали возможным противиться желаниям парижских рабочих, некоторые же депутаты руководились мотивом, который был выражен Тьером, сказавшим докладчику законопроекта: «Следовало бы попросить об ассигновке не в три, а в двадцать млн. фр. Да, мы бы дали вам двадцать миллионов, и это была бы не слишком большая плата за убедительный опыт, который излечил бы вас всех от этого грандиозного безумия».

Впрочем, что касается последователей Бюше, то они были скромнее правительства и опасались, что слишком щедрая помощь государства поведет к основанию несолидных ассоциаций и Тьер окажется прав. «Лучше было бы, — писали они в своем органе, — чтобы в год было издержано для данной цели сто тыс. фр., лучше было бы поддержать одну или две ассоциации, чем дать повод для врагов освобождения рабочего, крича о невозможности рабочих ассоциаций».

В сороковые годы прошлого века среди рабочего класса Франции шла борьба между двумя течениями: одно, примыкавшее к Бюше, стояло на принципе добровольности ассоциаций и опасалось слишком легкого возникновения их на государственные средства; другое, во главе которого был Луи Блан, отрицало возможность развития производительных ассоциаций без помощи государства и настаивало на государственной организации ассоциаций среди рабочих. Первое течение защищало кооперацию, второе — социализм. Спор по существу вращался вокруг тех же идей, как и более поздний спор Лассалья и Шульце-Делича.

Для распределения ссуд был образован особый комитет под председательством министра земледелия и торговли. Комитет выработал нормальный устав для производительных ассоциаций, имеющих право на получение государственной поддержки. Устав этот был составлен почти во всем согласно идеям Бюше, вплоть до образования неделимого «социального» капитала. Комитет был завален просьбами о ссудах для возникавших ассоциаций. Всего было подано около 600 таких просьб, причем общее число членов предполагавшихся ассоциаций должно было достигать свыше 60 тыс. Одна ассоциация портных Парижа должна была включать 30 тыс. членов — всех членов, занятых этим промыслом в городе.

Точных данных о распределении ассигнованной суммы между различными ассоциациями не имеется. Известно только о получении правительственной ссуды 32 ассоциациями Парижа и 29 в провинциях. Огромное большинство просьб о ссуде осталось, как видно, без удовлетворения.

Очень немногие из ассоциаций, получивших ссуду, не распались в течение ближайших же лет. Те, которые сохранились, в большинстве превратились в капиталистические товарищества.

Кроме ассоциаций, учреждавшихся при непосредственной поддержке государства, в конце сороковых годов во Франции возникло без правительственной помощи несколько десятков производительных ассоциаций, судьба которых была приблизительно такая же.

Затем во Франции была новая вспышка артельного движения в восьмидесятых годах прошлого века, благодаря тому что богатый благотворитель Рампаль завещал городу Парижу капитал в 1 400 тыс. фр. для поддержки производительных ассоциаций. Из этого капитала было выдано до 1901 г. 127 отдельных ссуд, значительная часть которых пропала безвозвратно. Больших фактических результатов в смысле развития производительных ассоциаций это пожертвование не имело.

2. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КООПЕРАТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Производительные артели были той формой кооперации, к которой вожди социалистического движения относились в течение долгого времени с совершенно исключительной симпатией. Точнее говоря, только производительная артель среди различных кооперативных организаций и встречала сочувствие со стороны создателей современного социализма.

И это относится не только к более ранним представителям социализма в его утопической форме, но и к Марксу с его ближайшими последователями. Так, Интернациональная ассоциация рабочих в своем вступительном воззвании*, составленном Марксом и принятом на митинге рабочих в Лондоне 28 сентября 1864 г., говорит по поводу производительных артелей следующее: «Высокая ценность этого социального эксперимента не может быть преувеличена. Фактами, вместо аргументов, доказывают производительные ассоциации, что производство в крупных размерах и в соответствии с успехами современного знания может совершаться без участия хозяев, пользующихся наемным трудом, что средства производства для того, чтобы приносить свои плоды, отнюдь не должны быть неизбежно монополизированы как средство господства над рабочими и экс-

плуатации их во вред труду и что как рабский труд, как крепостное право, так и наемный труд являются лишь преходящими общественными формами, обреченными на исчезновение при появлении ассоциированного труда, исполняющего свое дело добровольно, с бодрым сердцем и полной энергией. В Англии семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном; рабочие эксперименты на континенте были фактически практическим результатом теорий, которые в 1848 г. не были впервые открыты, но только были во всеуслышание провозглашены» *.

Не менее энергично подчеркивала значение производительной артели и известная резолюция женевского конгресса Интернационала *, специально посвященная кооперации. Резолюция эта признала необходимым объединение отдельных производительных артелей, но предостерегала рабочих от увлечения «доктринерскими системами кооперации». Значение кооперации усматривалось в том, что кооперация «доказала на практике возможность замены существующей губительной и деспотической системы подчинения труда капиталу благодетельной и республиканской системой ассоциации свободных и равных производителей». Однако Интернационал не предавался иллюзии относительно возможности для артели преобразовать капиталистический хозяйственный строй. Напротив, по мнению Интернационала, преобразование современного общества могло совершиться только путем изменения всех его основ, для чего требуется прежде всего, чтобы политическая власть перешла пролетариату. Кооперация же может играть при этом лишь второстепенную роль.

Переходя к рассмотрению различных видов кооперации, резолюция заканчивается следующим призывом к рабочим: «Мы советуем рабочим обратить большее внимание на кооперативное производство, чем на кооперативные лавки (потребительские общества). Эти последние задевают лишь поверхность современной хозяйственной системы, в то время как кооперативное производство затрагивает самые ее основы. Мы советуем всем кооперативным обществам часть их дохода обращать в фонд для пропаганды, советуем распространять их основные принципы как путем примеров, так и практических указаний, иными словами, путем новых предприятий кооперативного производства. Чтобы помешать превращению кооперативных обществ в обычные буржуазные командитные товарищества, все рабочие кооперативов должны иметь равные права, все равно, состоят ли они пайщиками или нет. Как переходную меру мы можем допустить, чтобы пайщики получили небольшой процент на свой пай» *.

Вопрос о производительных артелях привлекал усиленное внимание и последующих конгрессов Интернационала. Так, на

лозанском конгрессе был поднят вопрос о мерах содействия развитию кооперативного производства. В этих видах конгресс советовал рабочим союзам «помещать их фонд в производительные товарищества как лучшее средство для извлечения этих фондов из рук буржуазии и правительства и использования их для освобождения рабочего класса». В конце концов это должно было привести, по мнению конгресса, к созданию широко организованного национального кредита производительным товариществам.

Но Интернационал не довольствовался теоретической защитой производительных артелей. Ее руководители пытались и сами создавать артели через посредство своих лекций в разных странах. Вообще, не подлежит сомнению, что производительные артели были единственным видом кооперации, встречавшим горячее сочувствие со стороны Интернационала.

Такое отношение к производительным ассоциациям Маркс сохранил до конца. Так, в III томе «Капитала» мы находим по данному вопросу следующие характерные соображения:

«Кооперативные фабрики самих рабочих представляют в пределах старых форм первую брешь в старых формах, хотя они, конечно, повсюду по своей действительной организации воспроизводят и принуждены воспроизводить все недостатки существующей системы. Но противоположность между капиталом и трудом в них утрачивается, хотя вначале в такой форме, что рабочие, как ассоциация, представляются своим собственным капиталистом, т. е. употребляют средства производства для увеличения ценности своего собственного труда. Они показывают, каким образом на известной степени развития материальных производительных сил и соответственных им форм общественного производства из одного способа производства естественно развивается и вырабатывается новый способ производства. Кооперативная фабрика не могла бы развиваться иначе, как из фабричной системы, возникшей из капиталистического способа производства, и без кредита, возникающего из него же. Кредит, образуя существеннейшее основание для постепенного превращения капиталистических единичных предприятий в капиталистические акционерные общества, оказывается точно так же средством постепенного расширения кооперативных предприятий до более или менее национальных размеров. На капиталистические акционерные предприятия точно так же, как и на кооперативные фабрики, надо смотреть, как на переходные формы от капиталистического способа производства к обобществленному; только в одном случае противоположность уничтожается отрицательно, а в другом положительно».

Знаменитый спор в шестидесятых годах прошлого века между Шульце-Деличем и Лассалем вращался вокруг вопроса о том, каким образом рабочий класс Германии может скорее

всего прийти к созданию производительных артелей. Что касается Шульце, то этот выдающийся деятель германского кооперативного движения выступил на историческую арену горячим поклонником артельной идеи; он вырабатывает своеобразную теорию естественного хода развития кооперации — теорию, в которой производительной артели принадлежит роль венца всего кооперативного здания.

Кооперативное движение, думал Шульце, когда его теория окончательно сложилась, естественно начинается с кредитных кооперативов и потребительских обществ. Значение этой первой ступени кооперативного движения заключается в том, что при помощи кредитных кооперативов и потребительских обществ мелкие производители и фабричные рабочие накапливают в своих руках некоторые сбережения, которые должны дать им возможность перейти ко второй ступени кооперации, каковой являются сырьевые и магазинные товарищества-кооперативы по закупке и сбыту. Эти товарищества представляют собой кооперативы уже более сложного состава и должны в еще большей степени увеличивать достатки своих членов, приучая их в то же время к самостоятельному руководительству сложным хозяйственным предприятием и знакомя с торговыми операциями. По достижении известного уровня кооперативного воспитания и накопления достаточного капитала участники этих кооперативов могут перейти к заключительной, высшей форме кооперации — производительным ассоциациям.

Производительная ассоциация казалась Шульце не только высшей формой кооперации, но и такой, по достижении которой исчезает потребность в кооперативах низших ступеней. Только производительная артель, по мнению Шульце, может преодолеть кризис мелкой промышленности, ремесла, вызванный ростом капиталистической фабрики. Только производительная ассоциация может с успехом конкурировать с фабрикой и успешно бороться с пролетаризацией ремесленников.

«В производительной ассоциации, — говорил Шульце, — мы приветствуем завершение всей системы. В то время как ассоциации первых ступеней обеспечивают своим членам в их мелких предприятиях и домашнем хозяйстве выгоды крупного капитала только в некоторых отношениях, производительные ассоциации дают возможность своим членам создать крупное предприятие со всеми выгодами новых приемов хозяйства и таким образом заполнить пропасть, которая теперь отделяет рабочих и мелких мастеров от класса крупных предпринимателей».

Производительные ассоциации не только превращают своих членов в самостоятельных участников крупного предприятия, но и повышают уровень заработной платы рабочих, находящихся вне их: капиталист принужден уплачивать своим рабо-

чим ту плату, которую они могли бы получить, основав производительную ассоциацию, так как в противоположном случае рабочие бросят работу по найму и организуют самостоятельную ассоциацию.

Благодаря росту ассоциаций заработная плата в капиталистических предприятиях должна будет в конце концов принять ту форму, которая единственно соответствует интересам «справедливости и гуманности», — форму участия рабочих в прибылях предприятия.

Выгоды такого порядка вещей почувствует все общество. Предприниматели выиграют благодаря повышению производительности труда. Затем общество выиграет «благодаря сохранению и укреплению здоровых средних классов, этих незаменимых носителей здорового, как политического, так и социального, духовного и материального развития». Будет положен предел росту мамонизма и пауперизма, бичей современного общества.

Однако Шульце решительно протестует против мысли, что ассоциации вытеснят капиталистические предприятия. «Никто не может отрицать значения капитала и интеллигентности, если и тем и другим в достаточной мере обладает отдельное лицо. Устройство промышленного предприятия таким лицом во всяком случае легче осуществимо, чем организация удачной ассоциации. И, без сомнения, такой предприниматель, даже если в той же отрасли промышленности имеются ассоциации, не встретит труда в приискании рабочих, которые признают для себя выгоднее, вместо того чтобы брать на себя риск участия в ассоциации, работать по найму, в особенности если отношения наемного труда будут регулированы указанным способом».

Поэтому неудивительно, что Шульце признавал планы общественного преобразования, предложенные Оуэном, «самой бессмысленной и радикальной системой, которую когда-либо знал свет». Излагая историю кооперативного движения в Англии, Шульце рисует дело таким образом, как будто рабочий класс Англии, убедившись в бесполезности рабочих союзов и во вреде стачек, пришел к мысли, что единственное средство улучшения его участи заключается в устройстве производительных ассоциаций. «Производительная ассоциация есть только дальнейшее развитие тред-юниона», — заявляет он категорически.

Производительная ассоциация объединила, по мнению Шульце, английское рабочее движение, которое раньше выражалось в других формах: тред-юнионах и потребительских обществах. Что касается французского рабочего движения, то в нем Шульце не видел ничего, кроме более или менее удачных попыток устройства производительных ассоциаций.

Итак, производительная артель — вот к чему должны стре-

миться трудящиеся массы, чтобы прочным образом улучшить свое экономическое положение. Но производительная артель, являясь самым сложным видом кооперации, может возникнуть только в результате долгой кооперативной эволюции, после многих лет кооперативного воспитания населения. Пока массы этого воспитания еще не получили, не следует и мечтать об артелях — преждевременные попытки создания артелей могут только скомпрометировать самую идею кооперации. В особенности нежелательны и опасны попытки насаждения артелей сверху, при поддержке государственной власти, так как кооперация, основанная на поддержке извне, нежизнеспособна и неминуемо должна привести к крушению всего дела, как бы ни была щедра эта поддержка.

Такова была точка зрения того, кого с полным правом считают отцом германской кооперации. Противником его выступил блестящий оратор и мыслитель Фердинанд Лассаль.

Лассаль решительно отрицал, чтобы кооперативы, которые явились в действительной жизни результатом деятельности Шульце, могли иметь какое бы то ни было значение по отношению к улучшению положения фабричного пролетариата. «Что касается сырьевых товариществ и ссудосберегательных, — писал он, — то обе эти формы хозяйственных организаций существуют лишь для тех, кто ведет предприятие за свой собственный счет, т. е. для ремесленного класса. Для рабочего класса в собственном смысле слова, т. е. для рабочих, занятых в крупном фабричном производстве, не имеющих собственного предприятия, эти формы совсем не существуют». Но и по отношению к ремесленникам кооперативы этого рода, по мнению Лассалья, большого значения иметь не могут. «Они могут только prolongировать безнадежную борьбу, которую мелкая промышленность ведет с крупной, и тем увеличить муки этой борьбы, задержать без всякой пользы поступательный ход развития. Таков единственный их результат по отношению к классу ремесленников, между тем как класса рабочих, занятых в крупной промышленности, они совсем не затрагивают».

Потребительские общества также ничего не могут сделать для рабочих, ибо заработная плата, в силу «железного закона», никогда не может подняться на продолжительное время выше уровня, строго необходимого для жизни. Если потребительские общества не имеют большого распространения, то они могут помочь своим членам из числа рабочих классов, удержав в свою пользу прибыль мелкого лавочника. Но если потребительские общества получают значительное распространение и в состав их начинают входить значительные массы рабочего класса, заработная плата соответственно падает, и все выгоды приобретения рабочими предметов потребления по более дешевым ценам достаются предпринимателям.

Однако Лассаль отнюдь не хотел этим сказать, что кооперация ничего не может дать рабочему классу. Наоборот, именно в кооперации он видел выход для рабочего из капиталистического хозяйства. Но единственной формой кооперации, преобразующей самую основу капитализма, Лассаль признавал производительную артель.

Производительная ассоциация не может явиться результатом долгой эволюции других кооперативных форм, так как эти формы существенного значения для рабочего класса иметь не могут. С другой стороны, производительные ассоциации не могут быть создаваемы рабочими собственными усилиями, так как, чтобы иметь успех, они должны располагать значительными капиталами, которые никак не могут быть накоплены рабочими, заработная плата которых не может подняться над уровнем голого существования. Значит, производительные ассоциации могут возникать лишь при помощи извне, со стороны государства. Рабочие составляют большинство населения, и потому они могут потребовать от государственной власти, чтобы она взяла в свои руки образование производительных ассоциаций. На это государство должно единовременно ассигновать достаточно крупную сумму, так как дело может удалиться лишь в том случае, если оно будет ведено в крупном масштабе. Пруссия могла бы, например, ассигновать 100 млн. талеров* для устройства производительных ассоциаций и этим сделала бы решительный шаг на путь к превращению современного капиталистического хозяйства в новый хозяйственный строй, в котором производство перейдет в руки связанных между собой производительных ассоциаций. Но все это станет возможно лишь тогда, когда рабочий класс получит возможность влиять на законодательство страны. Для этого же, в свою очередь, прежде всего требуется, чтобы рабочие завоевали всеобщее избирательное право.

Таков был ход мыслей Лассаля, приведший его к резкому полемическому столкновению с Шульце. Каждый из обоих противников одержал в своей области победу: Шульце на долгое время подчинил своим идеям кооперативное движение Германии, а Лассаль явился отцом политической партии германских рабочих — социал-демократии. Но характерно, что оба противника в равной мере видели в производительной артели заключительное звено общественного развития.

3. НЕУДАЧИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ АРТЕЛЕЙ

Эти исключительные симпатии теоретиков и общественных деятелей идее производительной артели должны были бы, казалось, привести эту форму кооперации к особенно быстрому ро-

сту. Что же нам показала жизнь? Исключительно быстрый рост артелей? Ни малейшим образом. Именно этот вид кооперации получил на практике наименьшее распространение. Совсем недавно знаменитое Фабианское общество* в Англии предприняло исследование вопроса о производственной кооперации. В результате исследования получился напечатанный в 1914 г. доклад лучших знатоков рабочего движения в Англии С. и Б. Вебб, пришедших по вопросу об успешности артельного движения к следующему заключению: «Если мы попробуем обозреть три четверти столетия упорного и воодушевляющего труда, который был затрачен в полудюжине различных стран по созданию ассоциации производителей, владеющих своими средствами производства и управляющих своим промышленным предприятием, то нельзя не вынести чувства разочарования. Ни в одной из стран не существует более сотен таких ассоциаций из тысяч, которые возникали; и большинство из этих ассоциаций все еще с трудом борются за свое существование. К тому же эти ассоциации в большинстве случаев наблюдались в трех родах промышленности, которые допускают производство в небольших размерах; и они ни в одном случае не охватывают большого числа рабочих или значительного капитала. Затем, те из таких обществ, которые имели сколько-нибудь значительный экономический успех или достигли более значительных размеров, существенно уклонились в большинстве случаев от типа самоуправляющейся мастерской, — и это в такой мере, что можно, не удаляясь от истины, утверждать, что шансы успеха такого общества тем более, чем дальше оно от типа самоуправляющейся мастерской!»

Этот успех, продолжают С. и Б. Вебб, тем поразительнее, что именно производительные артели привлекали к себе всего более симпатий и поддержки не только со стороны идейных вождей рабочего движения, но и со стороны правительства и общественных учреждений. «Поскольку дело идет о хозяйственной и интеллектуальной поддержке других общественных классов, — читаем в том же отчете, — ассоциации производителей во всех странах находили гораздо более поддержки и поощрения, чем ассоциации потребителей. Точно так же они пользовались — по крайней мере во Франции и Италии — гораздо большей поддержкой и правительства. В Великобритании, где правительство не оказывало помощи никакой форме кооперации, ассоциации производителей находили себе защиту и опору у влиятельных людей промышленного и политического мира, точно так же как и в прессе. Наконец, эти ассоциации производителей постоянно пользовались особой симпатией, поощрением и помощью столь влиятельных организаций рабочего класса, как рабочие союзы».

И все это не привело ни к каким сколько-нибудь заметным

практическим результатам. Производительные артели в чистом виде представляют собой нечто до последней степени редкое и исключительное среди различных экономических организаций нашего времени. Достаточно указать, что вполне компетентные авторы названного доклада Фабианского общества находят в Великобритании всего одну производительную артель чистого трудового типа, т. е. такой кооператив, все рабочие которого являются в равной мере собственниками предприятия и изготавливаемого ими продукта.

Эта единственная производительная артель Великобритании представляет собой небольшую бумаготкацкую фабрику в Нельсоне (в Ланкашире), существующую с 1888 г. и возникшую после неудачной стачки рабочих. Капитал этой фабрики равняется 4355 ф. ст., рабочих на ней 116, из которых полноправными членами артели состоит около половины, а остальные рабочие — женщины и малолетние, принадлежащие в большинстве к семьям членов артели.

Что же дает рабочим эта фабрика, столь исключительная по своему устройству? Судя по имеющимся данным, рабочие от своеобразного строя своей фабрики выигрывают в экономическом отношении весьма мало — они получают за свой труд лишь обычную нормальную (тред-юнионистскую) заработную плату, без всяких прибавок. Капитал, который эта артель накопила за четверть века своего существования, очень невелик, она сильно задолжена, в техническом отношении оборудование фабрики стоит невысоко, и обороты ее в течение ряда лет остаются стационарными.

Продолжительность рабочего дня на ней, как сообщает Губер, автор ценной монографии о британской производительной кооперации «*Kapital und Verwaltungsbeteiligung der Arbeiter in den britischen Produktivgenossenschaften*», равняется 9,5 часа, т. е. как и на большинстве обычных капиталистических фабрик. Правда, рабочие этой фабрики имеют то преимущество, что они сами хозяева в своем деле, это может давать им известное самоудовлетворение, но и только, — никаких реальных экономических выгод, как видно из приведенных данных, артельная организация рабочим не дала.

Итак, в Англии, родине пролетарской кооперации, существует одна единственная производительная артель чисто трудового типа. В Германии дело обстоит еще хуже. В настоящее время в Германии нет ни одной производительной артели трудового типа. Еще недавно существовала такая артель — башмачников в Штрауссберге, но, как сообщает Вейль в монографии «*Die gewerblichen Produktivgenossenschaften in Deutschland*», она уже утратила свой чистый трудовой тип и не может считаться в строгом смысле производительной артелью.

Классической страной производительных артелей обыкновенно

венно принимают Францию. Действительно, ни в одной стране идея производительных артелей не встречала такой симпатии и, что важно, деятельной поддержки со стороны общественных кругов и даже правительственных и общественных учреждений, как во Франции. Но результат всех этих усилий в течение многих десятилетий оказался до последней степени скудным. Правда, во Франции насчитывают более сотни производительных артелей. Но, во-первых, очень немногие из них имеют чистый трудовой характер; во-вторых, в огромном большинстве случаев это очень небольшие предприятия, с небольшим числом членов и небольшим капиталом; в-третьих, они существуют в большинстве случаев только благодаря деятельной поддержке их со стороны или правительственных и общественных учреждений, снабжающих их заказами и отчасти капиталами, или отдельных частных лиц, сочувствующих идее производительной артели. Знаменитый Рабочий стекольный завод в Альби, о котором будет речь ниже, не является производительной артелью чистого типа.

Единственным примером успешных производительных артелей чистого трудового типа, крупных размеров и существующих без посторонней поддержки, являются земледельческие артели Италии, на которых поэтому нужно остановиться.

Артели эти возникли весьма своеобразно в итальянской провинции Реджио-Эмилии. В провинции этой преобладает крупное землевладение, причем число земледельческих рабочих превышало за последнее время спрос на них со стороны местных земледельцев. Следствием этого явились безработица и ухудшение условий заработка, что в свою очередь повело к образованию среди земледельческих рабочих союзов, начавших борьбу за улучшение условий труда. Союзы эти поставили себе целью добиться такого распределения труда между отдельными рабочими, при котором все рабочие находили бы себе занятия, хотя бы и работая неполное время. Чтобы доставить занятия своим безработным членам, союзы пришли к мысли организовать на арендуемой земле земледельческие артели.

Эта мысль была приведена в исполнение, и таким образом возникли знаменитые итальянские земледельческие артели, тесно связанные с союзами земледельческих рабочих и с политической партией итальянских социалистов.

Устройство этих артелей следующее. Артель ведет общее хозяйство на арендуемой земле, сообща приобретает весь необходимый инвентарь и продает изготовленные продукты. Каждый вновь поступающий член артели вносит небольшую вступительную плату (обычно 1 лиру) и приобретает известное число паев, высота которых обычно не превышает 10—12 лир. Денежный остаток в конце года за вычетом отчислений в запасный капи-

тал распределяется между пайщиками пропорционально числу паев.

Все работы на арендуемом участке производятся сообща артелью, во главе которой стоят избираемые ею правление и совет. Правление избирает директора и других должностных лиц артели, причем обычно директором является председатель правления.

Члены артели получают заработную плату, которая обычно не отличается от средней платы земледельческих рабочих в данном районе.

Чтобы понять внутренний смысл всей этой организации, нужно помнить, что она возникла путем своеобразного развития союзов земледельческих рабочих, стремившихся тем или другим способом обеспечить своим членам достаточный заработок. Поэтому неудивительно, что члены такой артели одновременно состоят и членами местного рабочего союза. Далеко не все члены артели работают одновременно на арендуемом ею земельном участке: если для них занятия на этом участке не находится, то они работают на стороне как обычные наемные рабочие.

По словам г. Христиана, организации эти возникли «как дополнение к работе профессиональных организаций, и это особое условие необходимо иметь в виду для оценки достигнутых ими результатов. Коллективная аренда позволяет профессиональной организации давать работу тем членам, которые не находят места на частновладельческих землях или находят слишком кратковременную работу. Во-вторых, они могут давать работу той части рабочих, которые не могут претендовать на получение установленной организациями оплаты, — старикам, женщинам. И таким путем сохраняют на известном уровне заработную плату» (Вестник кооперации. 1914. № 1).

Таких своеобразных земледельческих артелей возникло в Италии 82, из которых 79 имеют 21 644 члена и 525 957 лир основного капитала и 8168 гектар арендуемой земли. Сопоставляя число членов этих артелей с площадью арендуемой земли (почти 3 члена на 1 гектар), легко видеть, что рабочая сила артельщиков только в ничтожной мере используется артелью. Как общее правило, на арендуемом участке находят себе временное занятие только те члены, которые по той или иной причине остаются без работы в обычных капиталистических сельскохозяйственных предприятиях.

Из всего этого видно, что земледельческие артели Италии отнюдь не могут считаться производительными артелями нормального типа. Они не имеют самостоятельного значения как производственные предприятия, а преследуют иную цель — предоставления временного занятия тем из их членов, кто потерял заработок в капиталистическом предприятии. Они тесно при-

мыкают к рабочим союзам, одной из важнейших задач которых всегда является борьба с безработицей их членов. Как средство борьбы с безработицей артели эти должны быть признаны достигающими цели, а потому они, в общем, не только не падают, но, по-видимому, развиваются и растут. Но очень сомнительно, чтобы артели эти могли существовать, если бы работа в них была единственным занятием их членов.

Таким образом, сравнительный успех итальянских земледельческих артелей очень мало говорит в пользу производительных артелей вообще.

В России, невзирая на многочисленные попытки создания производительных артелей, имеется, строго говоря, в настоящее время только одна производительная артель крупных размеров, существующая настолько продолжительное время, что ее можно считать доказавшей свою жизнеспособность. Это — известная ножевая артель в селе Павлове *, созданная и руководимая А. Г. Штанге. Возникла она в 1893 г. при деятельной поддержке со стороны различных общественных учреждений и частных лиц, а также и государства. Благодаря неусыпным стараниям своего устроителя артель получила заимообразно довольно крупный капитал. Так, от частных лиц она получила в ссуду в разное время не менее 50 тыс. руб., а кроме того, от правительственных учреждений 55 тыс. руб. Благодаря этому артель получила возможность выстроить обширный корпус с паровыми двигателями и вообще поставить дело производства на уровень современной техники.

Число постоянных работников этой артели, по сообщению А. Г. Штанге на первом Всероссийском кооперативном съезде *, достигало 277, причем членов было 144, а нечленов — 133. Значительное количество рабочих нечленов ни малейшим образом не препятствует артели сохранять свой чистый трудовой тип, так как, по словам г. Штанге, «наемные рабочие находятся в совершенно одинаковых условиях с членами в отношении заработной платы, прибыль же до сих пор между членами не распределялась (она поступала на погашение убытков прежних лет). При таком равенстве в зарплате необходимость для членов вносить 5 % заработной платы в пай и служит главной причиной, почему работающие в артели не торопятся вступать в члены, несмотря на то преимущество членов, что положение их в артели прочнее».

Рабочий день в артели является обычным для фабрик этого рода — 10,5 часа.

Подводя итог сказанному, мы должны признать, что производительные артели чистого трудового типа являются крайне редкой формой производительной организации.

Вряд ли число участников производительных артелей превосходит число участников коммунистических общин. Обе эти

формы хозяйственных организаций — явление исключительное в современной хозяйственной жизни и представляет в этом отношении разительный контраст с другими кооперативными организациями, развивающимися с такой удивительной быстротой и приобретающими все большее и большее значение в хозяйственном строе современности.

4. ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ АРТЕЛЕЙ

В чем же заключаются глубокие внутренние причины неуспеха производительных артелей? В своем вышецитированном докладе Фабианскому обществу С. и Б. Вебб указывают три основные причины этого неуспеха: 1) недостаток дисциплины среди членов артелей; 2) недостаток знания ими условий рынка и 3) недостаточную быстроту производительных ассоциаций в изменении техники производства.

Что касается первой причины, то она выражается в том, что рабочие — члены артели, чувствуя себя хозяевами дела, плохо слушаются лица, руководящего делом. Руководитель, как общее правило, оказывается не в силах справиться с рабочими и заставить их подчиняться дисциплине, необходимой для того, чтобы сложное хозяйственное дело имело успех. При обычных условиях капиталистического производства руководитель предприятия всегда может настоять на своем распоряжении, так как в его власти отказать рабочему в работе. Напротив, в артели авторитет руководителя очень ограничен, так как этот руководитель выбран самими же рабочими из их собственной среды и может быть каждую минуту ими же смещен. Он должен быть популярен среди своих избирателей, чтобы оставаться у власти, и потому последняя не может не быть весьма слабой.

Именно эта невозможность подчинить рабочих дисциплине указывается очень часто как причина крушения производительных артелей. История Рабочего стекольного завода в Альби, представляющего собой тип, значительно уклоняющийся от настоящей производительной артели, является яркой иллюстрацией того, как трудно заставить рабочих повиноваться руководителю, если только рабочие сознают себя господами положения. Администрация этого завода оказалась совершенно не в силах справиться с рабочими, и лица, стоящие во главе ее, должны были уходить благодаря нежеланию рабочих считаться с распоряжениями выбранных ими же руководителей.

Дело шло все хуже и хуже, пока не был изменен тот параграф устава завода, согласно которому выборы административного персонала находились в руках занятых на заводе рабочих. Только тогда, когда рабочие утратили власть выбирать

по своему усмотрению администрацию завода, дела на заводе пошли лучше.

Вторая причина неуспеха артелей, указываемая С. и Б. Вебб, также приводит множество артелей к гибели. Рабочий может превосходно знать свое дело и в то же время совершенно не обладать знаниями, необходимыми для руководителя предприятия. А ведь успех предприятия зависит в огромной мере от знания условий товарного рынка. Особенно важно в этом отношении знание условий сбыта продуктов. Чтобы быть хорошим предпринимателем, даже и знания рынка недостаточно, нужно обладать еще особым душевным складом и особыми предпринимательскими талантами. А так как условия жизни и деятельности рабочего ни малейшим образом не предрасполагают его к приобретению всех этих знаний и развитию соответствующих талантов, то естественно, что рабочая группа оказывается плохим предпринимателем, а это не может не действовать самым губительным образом на успех предприятия.

Наконец, что касается третьей причины, то и ее значение громадно. Рабочий, привыкший к определенному роду труда и достигший в нем значительного искусства, естественно, не склонен переходить к новым приемам производства, в которых преимущества его приобретенных навыков и знаний отпадают. Если предприятие находится в руках капиталиста, то последний не имеет оснований уклоняться от изменения характера производственных процессов, если такое изменение обещает предприятию существенную выгоду. Напротив, рабочий склонен насколько возможно оставаться при прежних приемах производства, которые ему привычны, и только под давлением крайней необходимости отказывается от них и переходит к новым приемам.

Кроме того, артель встречает большие затруднения при введении новых машин, так как машины уменьшают спрос на труд, а артель не может оставить своих членов без работы, подобно тому как это делает капиталистический предприниматель. Так, например, на кооперативных сапожных и башмачных фабриках Лестера, которые, не будучи артелями чистого трудового типа, все же значительно приближаются к таковым, замечается значительная отсталость в техническом отношении именно по этой последней причине. В докладе С. и Б. Вебб приводят характерный отзыв одного из горячих сторонников производительных ассоциаций, который, описывая одну фабрику этого типа в Лестере, прибавляет: «Теперь фабрика эта может легко ввести новые машины, так как пятеро из ее рабочих пайщиков умерло».

Легко понять, до какой степени затрудняется введение новых машин, если для введения их приходится ждать смерти тех рабочих, труд которых эти машины могут сделать излишним.

К этим трем причинам С. и Б. Вебб сводят основные фак-

торы неуспеха производительных артелей. Вряд ли можно, однако, признать этот анализ причин неуспеха артелей достаточно глубоким и исчерпывающим. Он кажется довольно неубедительным, и вполне естественно, что такой горячий сторонник артелей, как А. В. Меркулов, пришел в статье в «Вестнике кооперации» к выводу, что серьезных доводов против возможности успеха артелей авторы доклада не привели. Этот вывод напрашивается сам собой, но напрасно А. В. Меркулов заключает отсюда, что таких доводов и вообще не существует и что неудачи артелей зависят от внешних причин, которые могут быть в будущем устранены.

Нет, причины неудачи производительных артелей коренятся в самом существе социально-экономической природы последних. Правда, факторы неудачи артелей, которые указывают Веббы, могут казаться чем-то несущественным и внешним. Так, например, может показаться неубедительным указание Веббов, что артели не могут иметь успеха благодаря незнакомству рабочих с условиями товарного рынка и отсутствию в их среде предпринимательских талантов. На это можно возразить ссылкой на успех других кооперативов, возникающих в той же социальной среде или же в среде, еще менее знакомой с условиями рынка. Возьмем, например, потребительскую лавку среди тех же фабричных рабочих. Разве рабочие знакомы с условиями покупки нужных им товаров? Ни малейшим образом. И однако же потребительские лавки с успехом конкурируют с обычными капиталистическими лавками. Точно так же разве крестьяне, устраивающие кооператив по сбыту хлеба или яиц, обладают нужными торговыми сведениями? И тем не менее никому не придет в голову отрицать на этом основании возможность успеха этих кооперативов, доказываемого ежедневным опытом.

Точно так же известная дисциплина и готовность подчинять свои частные интересы и выгоды общим требуются не только от участников производительных артелей, но и от членов всех других кооперативов. А если так, то не сводится ли критика Веббов, направленная против артелей, к указанию на трудности, свойственные вообще всякому кооперативному предприятию, — трудности, несомненно, вполне реальные, но, как показывает опыт, вполне преодолимые?

Действительно, Веббы не указывают или по крайней мере не подчеркивают достаточно ярко тех слабых сторон производительной артели, которые свойственны именно этому роду кооперативного предприятия в отличие от кооперативов всех других отделов. И однако такие слабые стороны в производительной артели, несомненно, имеются, и именно они приводят к столь глубокому контрасту между мощным развитием других кооперативов и прозябанием производительных артелей.

Принципиальное отличие производительной артели как одного из трех видов трудовых кооперативов от кооперативов нетрудовых (кооперативов в области владения) заключается в том, что только трудовые кооперативы отрицают наемный труд, между тем как другие кооперативы имеют в своем основании наемный труд. В отрицании наемного труда вся сущность производительной артели.

Всякий определенный кооператив заключает в себе, в своем особенном строе, определенный внутренний смысл и вместе специфический источник своей экономической силы. Кооперативы возникают не стихийно, сами собой, но как средство достижения определенных целей, во имя каких-либо определенных интересов составляющих их лиц. Так, производительная артель возникает во имя вполне определенных интересов тех рабочих, которые выполняют в данном предприятии рабочую функцию, составляющую хозяйственное содержание данного предприятия. Другие кооперативы возникают с другими целями — в интересах лиц, пользующихся услугами данного предприятия. Так, потребительская лавка возникает в интересах покупателей этой лавки, кооперативное зернохранилище — в интересах лиц, продающих хлеб через посредство данного зернохранилища, маслодельная артель — в интересах поставщиков молока, сбывающих при помощи артельного завода свое молоко, перерабатываемое заводом в масло, кредитное товарищество — в интересах лиц, нуждающихся в кредите, и т. д., и т. д.

Поэтому все другие кооперативы могут также свободно организовывать рабочие функции своего предприятия. Потребительская лавка нанимает на стороне приказчика, подобно любой другой лавке, на фабрике, принадлежащей потребительскому обществу, работают такие же наемные рабочие, как и на капиталистической фабрике; в маслодельной артели масло производится таким же наемным мастером, как и в капиталистическом заводе, и т. д., и т. д. Все эти кооперативы почти не страдают от незнакомства своих участников с торговым делом: руководство торговыми операциями возлагается этими кооперативами на наемный персонал, совершенно так же как это мы видим и в капиталистических предприятиях. Для успеха этих кооперативов отнюдь не требуется, чтобы участники их были людьми исключительных умственных и моральных качеств, были своего рода хозяйственными энциклопедистами, обладали знанием процессов производства и торговых приемов, мест покупки и сбыта товаров, имели предпринимательские таланты и пр., и пр. Все кооперативы, основанные на наемном труде, могут привлекать к делу каких угодно рабочих и специалистов какого угодно дела в какой угодно области, совершенно так же, как и капиталистические предприятия. И как для того чтобы получать дивиденды от акций химического завода

отнюдь не требуется предварительное знакомство с химией, точно так же и получение выгод от участия в потребительском кооперативе отнюдь не требует знакомства с условием торговли.

Располагая наемным рабочим персоналом, кооперативы приобретают полную свободу в такой организации предприятия, которая наиболее соответствует успеху данного дела. Успех же всякого предприятия зависит прежде всего от удачного подбора личного состава его рабочего персонала. Кооперативы с наемным трудом могут свободно выбирать самый лучший рабочий персонал: если только тот или иной агент или рабочий оказывается неудовлетворительным, то кооператив может заменить их лучшими. При этом кооператив может оплачивать особо искусных и талантливых рабочих или лиц своей администрации так высоко, как это требуется, чтобы привлечь данное лицо на службу. Только это может дать кооперативу возможность привлекать к себе наиболее производительных и успешных работников, что существенно важно для успеха дела.

Совершенно иной характер имеет производительная артель. Она не имеет никакой свободы в выборе своего рабочего персонала и должна довольствоваться персоналом, которым являются члены артели. Персонал же этот даже в том случае, если он состоит из лучших рабочих данного дела, неизбежно страдает весьма существенным недостатком: он состоит из людей, знакомых с операциями производства, но не с торговыми операциями. Между тем производительная артель не только производит, но и покупает необходимые средства производства и сырой материал для обработки, да кроме того, и продает свои изделия. Продажа же при современных капиталистических условиях хозяйства представляет собой крайне трудную операцию благодаря огромной конкуренции между различными предприятиями, производящими те же самые продукты. Вообще нужно сказать, что в современной хозяйственной системе самое главное — найти рынок для сбыта продукта, производство же продукта технических трудностей не представляет. В борьбе за существование побеждают не те предприятия, которые имеют особые преимущества по отношению к производству, а те, которые находятся в лучшем положении по отношению к сбыту.

Производительная артель имеет некоторое преимущество сравнительно с другими предприятиями только по отношению к условиям производства. Преимущество это заключается в том, что члены артели работают не на хозяина, а на самих себя. Это, естественно, имеет тенденцию повышать и производительность труда. Правда, оборотной стороной медали является то, что рабочие, освобожденные от принудительной дисциплины, устанавливаемой хозяином, могут работать небрежно и не исполнять своих обязанностей. Выше было указано, что эта не-

брежная, недисциплинированная работа является частой причиной гибели артелей. Тем не менее нужно признать, что при благоприятных условиях рабочие производительной артели под влиянием сознания, что они получают за свой труд продукт полностью, без всякого вычета в пользу капиталиста, могут работать лучше и энергичнее, с большим успехом, чем наемные рабочие, прибавочный продукт которых достается не им самим, а хозяину-капиталисту.

Вот в этой-то возможности поднятия производительности труда и заключается единственное преимущество артели перед конкурирующими с ней капиталистическими предприятиями. Но возможно ли считать это преимущество значительным? Если производство основано на ручном труде и притом требует труда особенно искусного, квалифицированного, то преимущество это более существенно. Поэтому артель чаще встречается среди предприятий, имеющих характер ремесла. Но когда в основе производства лежит машина и количество и качество производимого продукта не столько зависят от искусства труда, сколько от свойства употребляемых при производстве машин, тогда это преимущество артели перед капиталистическим предприятием утрачивает большую часть своего значения.

Уже одно это обстоятельство, естественно, суживает область применения артели по мере распространения машины.

Указанной сильной стороне артели противостоит специфическая свойственная ей слабость, заключающаяся в том, что артель не может привлекать рабочие силы по найму и потому должна довольствоваться своим собственным рабочим персоналом, естественно, слагающимся из представителей физического труда, незнакомых с условиями торговой деятельности. Как бы ни был успешен в артели труд производства, это еще не гарантирует ее успеха, если ее торговые функции выполняются плохо. А по отношению к выполнению торговых функций артель не может не стоять ниже капиталистического предприятия, ибо рабочие как таковые отнюдь не обладают знаниями и душевными свойствами, необходимыми предпринимателю.

Поэтому производственные артели должны быть признаны, в общем, более слабыми предприятиями, чем капиталистические; их слабость коренится не во внешних, устранимых условиях, как, например, в недостатке капитала, недостаточном знакомстве рабочих с этим видом кооперации и т. д., а в самой природе производительной артели. Эта основная слабость артели вытекает из ее особенности как кооператива, существующего в интересах рабочих, выполняющих в ней хозяйственные функции.

Отсюда проистекают и те причины неуспеха артелей, которые указывают Веббы. Недисциплинированность рабочих потому так губительно отражается на судьбе артели, что рабочие

производительной артели не имеют хозяина. Точно так же незнакомство членов артели с торговыми функциями лишь потому так опасно для успеха дела, что артель не может нанять на стороне лиц, знакомых с этими функциями. Наконец, трудность введения новых приемов производства и новых машин очевидным образом связана с указанной особенностью артели.

Но этими тремя причинами неудач артелей далеко не исчерпываются слабые стороны рассматриваемого рода кооперативов. Веббы не указывают одной из них, которая, быть может, имеет наибольшее значение.

Дело в следующем. Промышленная жизнь нашего времени складывается из чередования периодов промышленного подъема и застоя. В этом заключается то, что называют промышленным циклом. Всякое предприятие, рассчитывающее на продолжительное существование в пределах существующей хозяйственной системы, должно быть построено таким образом, чтобы иметь возможность расширяться и сокращаться в связи с фазами промышленного цикла.

При промышленном подъеме предприятия должны расширять свои обороты, при наступлении же промышленного застоя — сокращать последние. Только приспособляясь к фазисам промышленного цикла, предприятия могут существовать и развиваться.

Для капиталистического предприятия приспособление к циклическим колебаниям промышленности не представляет затруднений. Оно может легко и расширять свои обороты, и сокращать их, в первом случае путем найма новых рабочих рук, которые всегда имеются в избытке на рабочем рынке, во втором случае путем увольнения тех рабочих, которые оказываются излишними по условиям товарного рынка. Совсем в другом положении находится артель: она испытывает огромные затруднения и по отношению к расширению, и по отношению к сокращению производства.

В первом случае, т. е. при расширении производства, артель должна увеличить число рабочих, занятых в ней. Каким же образом может быть это достигнуто? Новые рабочие могут быть введены либо как полноправные члены артели, либо как наемные рабочие. Но первый способ увеличения рабочих сил артели встречает большие затруднения. Прежде всего, если артель является предприятием, имеющим успехи и приносящим своим членам хозяйственные выгоды, то введение новых лиц в качестве полноправных хозяев дела равносильно отказу прежних членов артели от части выгод, которые они получили бы, если бы новые рабочие были заняты обычным порядком, на условии обычной заработной платы. Иными словами, введение новых рабочих в артель требует добровольного отказа членов артели от известных хозяйственных выгод. Конечно, в отдельных слу-

чаях члены артели могут проявить такое бескорыстие, но, как общее правило, ожидать от кого бы то ни было поведения, противоречащего собственным хозяйственным интересам, не приходится. Кроме того, введение новых рабочих в качестве полноправных членов артели нецелесообразно даже помимо соображений подобного рода. Дело в следующем. Успех артели возможен только при подборе рабочих, обладающих более или менее исключительными моральными и интеллектуальными свойствами. Обычно артель достигает некоторого успеха только после трудной и упорной борьбы за существование, причем ее инициаторам приходится идти на всякого рода жертвы, лишь бы сохранить артель. И вот, когда артель добилась наконец известного успеха и может расширить свои обороты, возникает вопрос о введении в ее состав новых членов только потому, что это необходимо для расширения производства. Но ведь новые рабочие, потребность в которых должна быть удовлетворена немедленно, могут быть ниже тех требований, которые артельщики вправе предъявить своим новым сочленам. Каким же образом артельщики могут принимать в артель новых лиц и делать их своими полноправными товарищами, когда это может повести к крушению всего дела, требующего для успеха исключительного подбора своих членов?

Все эти соображения препятствуют артели привлекать новых рабочих в качестве своих полноправных товарищей. Конечно, артель может вводить новых членов, но лишь в том случае, если эти члены удовлетворяют тому высокому моральному и интеллектуальному уровню, который требуется от артельщиков. Потребность же в расширении оборотов отнюдь не сопровождается увеличенным предложением рабочих этого рода.

Итак, при необходимости расширять обороты артель неизбежно переходит к пользованию трудом вольнонаемных рабочих. Но этим самым она утрачивает свой чистый трудовой тип и приближается к капиталистическому предприятию.

Сокращение производства еще труднее выполнимо для артели, ибо в этом случае артель не может уменьшить числа занятых рабочих, которые состоят ее полноправными членами. В общем артель представляет собой хозяйственную организацию, крайне неподвижную и неэластичную, с трудом допускающую сжатие и расширение оборотов, между тем как возможность того и другого настоятельно требуется условиями совместной промышленной жизни. Иными словами, производительная артель не приспособлена к условиям капиталистического хозяйства.

Тем не менее артели продолжают возникать. Каждый промышленный кризис ведет к образованию артелей, которые обычно состояются из наиболее энергичных и предприимчивых рабочих. Причины возникновения артелей в этом случае

следующие. Кризис приводит к сокращению производства и к потере заработка тысячами рабочих. Среди безработных естественно появляется мысль попытаться собственными средствами организовать производство, что возможно только в случае образования артелей.

Яркой иллюстрацией такого возникновения артелей является довольно сильное артельное движение, развившееся в России после 1905 г., в период сильного застоя нашей промышленности, охватившего несколько лет. Застой этот привел к массовой безработице, между тем как общественный подъем, в котором рабочий класс принял такое выдающееся участие, значительно содействовал росту самосознания и самостоятельности рабочих. И вот мы видим, что во многих городах России создаются в большом числе самые разнообразные артели. В одном Петрограде образовалось несколько десятков артелей, некоторые из которых были довольно крупными предприятиями, имевшими свыше сотни членов. Так, например, артель производителей металлических кроватей имела свой паровой двигатель и в 1908 г. включала 135 членов.

Петроградские артели были предметом особого обследования со стороны артельного отдела Петроградского отделения Комитета о сельских ссудосберегательных товариществах*. Для Всероссийского кооперативного съезда 1908 г. были собраны сведения о 15 артелях, возникших около этого времени в Москве, причем одна из московских артелей — артель портных — включала в себя 253 члена и имела обширную, прекрасно оборудованную мастерскую. Многочисленные артели возникли также в Риге, Одессе, Баку, Николаеве и других городах России.

Нередким поводом к возникновению артелей являются также стачки рабочих. Нежелание хозяев уступить стачечникам приводит к тому, что рабочие, покинувшие работу, устраивают самостоятельно или при посторонней помощи собственное предприятие, в котором и начинают работу. Таким образом возник, например, известный рабочий стекольный завод в Альби после неудачной стачки в Кармо в 1894 г.

Наиболее крупным рабочим предприятием, возникшим непосредственно из неудавшейся стачки, является стекольный завод в северной Италии *Verregia operai federale*, устроенный в 1903 г. Стачечники при поддержке союза стекольных рабочих организовали это предприятие, в скором времени приобретшее огромные размеры и ставшее крупнейшим стекольным заводом Италии. Число рабочих на этом заводе доходило до 2000 и на нем производилось около 60 % всего количества стеклянных бутылок, изготавливаемых в стране. В 1911 г. артель эта должна была ликвидировать свои дела вследствие финансовых затруднений, но затем реорганизовалась и возобновила производство.

Во всех этих случаях артели возникают вследствие внешнего повода — потери рабочими занятия на обычных капиталистических предприятиях. Очень немногие из таких артелей оказываются жизнеспособными. Если на Западе за последнее время можно указать несколько примеров рабочих предприятий этого рода, имевших больший или меньший успех, то это лишь потому, что предприятия эти уклонялись от чистого типа артелей и приближались к иному типу, о котором речь будет идти впереди.

Производительные же артели чистого трудового типа, возникающие таким образом, имеют крайне мало шансов достигнуть успеха и почти неизменно распадаются. Это и понятно, для своего успеха артель требует исключительного подбора рабочих, и наскоро организовать ее невозможно. В период же промышленного застоя устройство новых предприятий вообще встречает огромные затруднения благодаря трудности сбыта изготавливаемых продуктов. И потому именно артели, возникающие из потребности найти занятие для рабочих, утративших работу, оказываются, как показывает опыт, особенно недолговечными.

Огромное большинство артелей, возникших у нас в период промышленного застоя середины первого десятилетия этого века, очень скоро распалось, и артельное движение этих годов ни к каким прочным результатам не привело.

Итак, первая и самая обычная судьба производительных артелей — это быстрое распадение их вследствие неспособности артели выдержать конкуренцию капиталистических предприятий.

Но, конечно, нельзя сказать, что распадаются все артели. Распадаются сотни, но десятки выживают. Эти уцелевшие артели бывают двух типов.

Одни из них в силу исключительно благоприятного подбора своих членов (например, потому, что среди членов оказываются лица с предпринимательскими талантами) имеют положительный успех. Успех этот выражается в том, что заработок артельщиков подымается над уровнем обычной заработной платы в данном промысле. Такая артель, если только она свободна и ее действия не регулируются какой-либо иной общественной организацией, неизбежно испытывает своеобразное капиталистическое превращение. Артель больше и больше приближается к капиталистическому предприятию, пока не становится в полном смысле слова таковым. Превращение это совершенно неизбежно по причинам, выясненным выше. Преуспевающая артель не может расширять своих оборотов путем привлечения в свой состав новых рабочих в качестве полноправных членов. Новые рабочие силы неизбежно должны стать в положение наемных рабочих по отношению к хозяевам артели. Рабочий персонал распадается, таким образом, на два класса —

хозяев-артельщиков и наемных рабочих. Чем лучше идут дела артели, тем многочисленнее становится группа наемных рабочих. Процесс этот завершается тем, что члены артели, первоначально участвовавшие в работе наряду со всем остальным рабочим персоналом, перестают сами работать и становятся пайщиками предприятия. От артели не остается ровно ничего — вместо нее вырастает капиталистическое предприятие на паях.

Такой путь проделали все свободные в своих действиях артели, которые по тем или иным причинам имели достаточный коммерческий успех. Так, например, товарищество очечников в Париже, возникшее в 1848 г., имело выдающийся успех и очень скоро утратило свой первоначальный трудовой тип. Оно существует и теперь в Париже как огромное предприятие, имеющее свыше тысячи рабочих, но все они работают по найму. Предприятие это получило вполне капиталистический характер — во главе его стоят 58 пайщиков, владеющих капиталом свыше одного миллиона франков. Такое же превращение испытали и другие производительные ассоциации, возникшие во Франции в конце сороковых годов и имевшие хозяйственный успех.

Но, конечно, нельзя сказать, чтобы все артели, которым удастся преодолеть трудности борьбы за существование и уцелеть, подвергались процессу капиталистического превращения. Процесс этот почти неизбежен только для преуспевающих артелей. Если артель особого успеха не имеет, то она может сохранить трудовой характер, но именно благодаря отсутствию успеха. Мы знаем примеры артелей, которые существуют многие десятилетия и не вырождаются в капиталистические предприятия. Так, например, ассоциация формовщиков, возникшая во Франции в сороковых годах прошлого века, сохранилась вплоть до нашего времени и не пользуется наемным трудом. Такой же чисто трудовой характер имеет описанная Веббами артельная хлопчатобумажная фабрика в Нельсоне, Павловская ножевая артель и др.

Все эти артели существуют уже давно, не распадаются и в то же время не проникаются капиталистическим духом. В глазах поклонников артелей они являются доказательством возможности для производительной артели достигать успеха, сохраняя трудовой тип. А если это удастся некоторым артелям, то почему при благоприятных условиях это же самое не удастся и многим?

Дело, однако, в том, что сохранение названными артелями трудового типа именно тем и объясняется, что они не имеют большого успеха. Возьмем, например, едва ли не единственную артель чисто трудового типа, сохранившуюся во Франции с сороковых годов прошлого века, — артель формовщиков. Артель эта имеет всего навсего около десятка членов, а ее капитал оп-

ределяется немногими десятками тысяч франков. Отсюда видно, как скромны успехи этой артели. Или взять артельную фабрику в Нельсоне. Как указано выше, артель эта, хотя и существует более четверти века, имеет капитал только в несколько тысяч фунтов стерлингов, а члены ее получают не больше заработка, чем наемные рабочие соседних капиталистических фабрик. Точно так же единственная русская крупная и упрочившаяся производительная артель — Павловская, несмотря на свое долговременное существование, дает своим членам так мало выгод, что, по свидетельству ее руководителя, наемные рабочие, работающие в этой артели, не обнаруживают никакого желания вступить в ее члены, хотя последние охотно принимают их в свою среду; участие в артели выгод для рабочих не представляет, и потому последние предпочитают работать на артельщиков по найму, вместо того чтобы вступить в артель в качестве полноправных членов.

Вот в этом-то отсутствии каких бы то ни было реальных выгод от участия в артели и заключается секрет сохранения названными артелями их трудового типа. Если артель имеет действительный успех, то она дает своим членам больший заработок, чем они получали бы вне артели. Отсюда является искушение для артельщиков привлекать в артель новых работников не в качестве полноправных членов, а нанимать их так же, как нанимает и любой фабрикант-капиталист. Если же артель не обеспечивает своим членам лучшего заработка, то отпадает и мотив для артельщиков замыкать свои ряды, и артель обнаруживает готовность принять в свой состав всякого желающего. Но по этой же самой причине желающих вступить в артель в этом случае оказывается мало, и артель, — как, например, в Павлове, — принуждена прибегнуть к найму рабочих, несмотря на то что двери для поступления в артель для них открыты настежь.

Трудовой тип артели объясняется в этом случае тем, что артель не доросла до капиталистического предприятия, дающего не только заработок рабочему, но и прибыль предпринимателю. На почве этой слабости артели как производственного предприятия, нередко возникают очень странные факты. Так, обследование петроградских артелей, произведенное в 1909 г., обнаружило, что «условия труда членов артелей гораздо хуже, чем условия труда наемных рабочих в тех же артелях». И рабочий день оказался у членов артелей более продолжительным, чем у наемных рабочих тех же артелей, и заработок ниже. Рабочий день в артелях, как показало обследование, «доходит до предела физической возможности работать дальше». Как общее правило, обследованные артели работали больше установленной законом нормы рабочего дня в 11,5 часа. Почти все артели прибегали к наемному труду, но, конечно, они не заслуживали

упрека в эксплуатации своих наемных рабочих. Наоборот, наемные рабочие артели эксплуатировали своих хозяев, что является из того, что наемные рабочие находились в большинстве случаев в лучших условиях по отношению к заработку, чем их хозяева. Вот что говорит по этому поводу цитированное обследование: «Установленным можно считать тот факт, что условия наемного труда в артелях, как бы это ни показалось странным с первого взгляда, значительно лучше тех условий, которыми обставлен труд самих членов артели. Причина же этого вполне реальна. Член артели, вложив в устройство известный капитал и сам устанавливая для себя обстановку труда, при стесненных обстоятельствах (а в настоящих артелях «стесненные» обстоятельства почти постоянны) легко примиряется даже с очень значительным ухудшением положения своего труда, льстя себя перспективой на лучшие обстоятельства. Наемные же рабочие, не являясь хозяевами в артели, оценивают условия труда без всяких подобных «видов», считаясь лишь с рыночной ценой их рабочей силы. Это приводит к тому, что артели, прибегая к наемному труду, не могут переносить на него условия труда своих членов, а подчиняются общим средним обычным условиям наемного труда в их профессии» (Вестник кооперации. 1909. Кн. 3).

Понятное дело, что артели, не могущие обеспечить своим членам того заработка, который получается наемными рабочими, не подвергаются опасности капиталистического вырождения. Но позволительно поставить вопрос: для чего вообще нужны артели, если они не могут доставить своим членам лучших условий труда и заработка, чем обычные капиталистические предприятия?

Итак, немногие артели, преодолевающие огромные трудности конкуренции с капиталистическими предприятиями, обычно либо сами превращаются в капиталистические предприятия, либо избегают этой участи благодаря своей относительной бесполезности для входящих в них членов. И то и другое является банкротством артельной идеи.

Подводя итог сказанному, следует признать, что производительные артели чисто трудового типа являются кооперативами, не могущими рассчитывать на значительное распространение в условиях современного хозяйства. Конечно, это не значит, что такие артели совершенно невозможны. Они могут иметь в редких случаях успех, даже не утрачивая своего трудового типа, но это только в том случае, если успех их не велик. При значительном же успехе свободная артель почти неизбежно превращается в капиталистическое предприятие.

И в этом ничего странного нет. Производительная артель, будучи кооперативом, в одном отношении наиболее далеким от условий капиталистического предприятия, в других отношениях всего ближе к капиталистическому предприятию. Правда, ар-

тель отрицает наемный труд, в то время как для других кооперативов он является единственным основанием. В этом заключается противоположность артели капиталистическому предпринятию, а вместе с тем и коренная причина слабости артели. Но, с другой стороны, артель ближе всех остальных кооперативов к капиталистическому предпринятию в том отношении, что артель так же охватывает предпринимательскими интересами со всех сторон своих членов, как и любое капиталистическое предприятие. Действительно, возьмем другие кооперативы, например потребительское общество. Кооператив этого рода ставит себе задачей не получение наибольшего предпринимательского дохода, а сокращение расходов по приобретению нужных предметов потребления. Предпринимательская психология по необходимости отсутствует в таком кооперативе. Точно так же ничего общего с предпринимательством не имеют и кредитные кооперативы. Что касается кооперативов по закупке средств производства и сбыту продуктов (в переработанном или непереработанном виде), то такие кооперативы уже ближе к предпринимательству, но все же не всецело стоят на предпринимательской точке зрения, и это по следующей причине. Кооперативы эти имеют в виду создать наилучшие условия для трудового хозяйства членов этих кооперативов, каковыми фактически являются преимущественно крестьяне. Это трудовое крестьянское хозяйство более или менее чуждо предпринимательской психологии, а именно оно определяет все направление кооператива. Возьмем, например, маслодельную артель. Во главе ее стоят крестьяне, производящие молоко и стремящиеся выручить при посредстве маслодельной артели наивысшую цену за свое молоко. Как производители молока они ведут трудовое потребительское хозяйство, и только как продавцы масла они являются предпринимателями.

Напротив, члены производительной артели со всех сторон стоят на почве частнохозяйственного предпринимательства. Они и покупают на рынке средства производства, и продают свои продукты, стремясь как можно дешевле купить и возможно дороже продать. Все их хозяйственное благополучие основывается на успехе их предприятия, и стремление к расширению этого предприятия им естественно присуще. Хотя сами они являются рабочими в противность обычному предпринимателю-капиталисту, но они не менее последнего заинтересованы в том, чтобы их предприятие давало наибольший доход. Артельщики не менее любого капиталиста чувствуют себя противниками и естественными конкурентами всех других предприятий, производящих те же продукты, и противопоставляют свои интересы интересам всего остального мира.

В то время как все остальные кооперативы естественно стремятся к расширению своих рядов и не имеют ровно никаких

оснований замыкаться в своем составе, артель, наоборот, естественно тяготеет к замкнутости. Потребительское общество только выигрывает, если в состав его входят новые члены. То же нужно сказать и о кредитных кооперативах, равно как и о кооперативах по закупке и продаже. Чем больше членов входят в состав этих кооперативов, тем больше выигрывает каждый отдельный их член, ибо тем лучше осуществляются задачи этих кооперативов.

Напротив, производительная артель должна опасаться включения новых членов в свои ряды по мотивам, о которых сказано выше, и тут принципиальное отличие артели от всех других кооперативов (основанных на наемном труде). Введение новых членов ни малейшим образом не расстраивает рабочих функций этих последних кооперативов, ибо в них рабочие функции исполняются не хозяевами кооператива, а наемным персоналом (хотя, конечно, под руководством и наблюдением первых), в то время как в артели рабочие функции выполняются самими хозяевами кооператива, и потому каждый новый член изменяет характер рабочей функции. С другой стороны, члены преуспевающей артели проигрывают экономически, если в состав артели входит новый член, который мог бы работать на артель и в качестве наемного рабочего.

В других кооперативах вновь поступающий член есть источник новых средств для кооператива, становящегося от этого только сильнее и богаче. В артели (если она имеет успех) новый член есть новый претендент на те выгоды, которые артель получает вследствие благоприятного положения, достигнутого старыми членами. Введение в кооператив нового члена во всех других кооперативах соответствует экономическим выгодам старых членов. В артели же введение нового члена требует отказа от своих экономических выгод со стороны старых членов.

Отсюда естественное стремление артели принимать характер замкнутого предприятия. По сходным мотивам артель неохотно входит и в союзы с другими артелями — совершенно так же, как капиталистическое предприятие неохотно входит в союзы с другими капиталистическими предприятиями и делает это только под давлением необходимости или под влиянием надежды достигнуть таким образом монопольного положения и вознаградить себя этим за потерю полной свободы действий (картели и иные капиталистические организации).

Вот почему для некоторых теоретиков кооперации возникает даже вопрос, можно ли признавать производительные артели кооперативами или нет (столь видный теоретик кооперации, а вместе и выдающийся практический деятель в той же области, как Георг Кауфман, видимо, склоняется к этой точке зрения). И действительно, свободная, предоставленная самой себе производительная артель по самому существу дела не может

быть организацией открытой, а, по общему мнению, открытый характер предприятия — возможность доступа в него всем желающим — является характерным признаком кооператива. Производительная же артель является предприятием почти столь же замкнутым, как и капиталистическое предприятие, представляя с последним и в этом отношении разительное сходство. Крайности, очевидно, сходятся.

В общем, нужно признать, что условия современной хозяйственной жизни не благоприятствуют успеху производительных артелей. В отдельных случаях, однако, артели могут удаваться, в особенности в тех отраслях промышленности, которые не требуют применения машин и вообще не требуют большой затраты капитала. Так как самая слабая сторона артели заключается в ее коммерческих операциях, то чем примитивнее хозяйственный строй страны, тем легче в ней удаются артели, особенно в добывающей промышленности, в которой требуется наименьшая затрата капитала (отпадает затрата на приобретение сырья). Вот почему у нас, в России, встречаются артели в рыболовных промыслах, охотничьих, в горном деле, например по разработке камня, добыче разного рода руд, золота и пр.

Затем, артели имеют некоторое распространение в кустарной промышленности, хотя тут и требуется затрата капитала на приобретение сырья. Но благодаря тому что в кустарной промышленности производство имеет характер мелкого, кустари в благоприятных случаях могут образовывать небольшие артели, хотя для возникновения кустарных артелей, как общее правило, требуется содействие извне. В последнее время такие артели устраиваются в различных районах России при помощи земства.

Вообще производительные артели возможны и действительно существуют в отдельных случаях, но почти всегда как очень небольшие предприятия, значение которых в общем строе современного хозяйства совершенно ничтожно.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ ТИПА КОПАРТНЕРШИП

В конце концов мы должны признать, что производительная артель в чистом виде не играет сколько-нибудь заметной роли в хозяйственной системе современности и не имеет шансов играть более важную роль в будущем. Однако жизнь создала некоторый новый тип предприятий, имеющих нечто общее с артелями и народнохозяйственное значение которых является несравненно более важным. Это предприятия, основанные на системе так называемого трудового коопартнершипа.

Принципиальное отличие предприятий этого рода от артелей заключается в следующем. В артели капитал и труд сли-

ваются в одно неразрывное целое: каждый рабочий артели является в то же время собственником общего капитала артели. Напротив, в предприятиях по системе коопартнершипа капитал и труд формально разъединены: капитал такого предприятия складывается из паев, которые могут принадлежать как рабочим, занятым в предприятии, так и другим лицам. Но для более тесной связи между капиталом и трудом предприятия этого рода, с одной стороны, вводят в состав правления известное число членов по выбору рабочих, с другой стороны, предоставляют рабочим известную долю чистой прибыли предприятия.

Большая часть предприятий по системе коопартнершипа объединена в Англии общей организацией — обществом Co-operative Production Federation (Федерация кооперативного производства), владеющим капиталом свыше 400 тыс. ф. ст. Обществу этому принадлежат около 60 фабрик. Задачи его заключаются в содействии возникновению новых фабрик на основе трудового коопартнершипа, финансировании их и облегчении сбыта их изделий. Общество выработало нормальный устав предприятий этого типа; основные пункты этого устава заключаются в следующем.

Членами предприятия могут быть как частные, так и юридические лица. Капитал предприятия всегда выражается определенной фиксированной суммой, предприятие не имеет открытого характера, сближаясь в этом отношении с обычными капиталистическими предприятиями и резко отличаясь от кооперативных.

Каждый новый член принимается правлением. Для того чтобы приобретение паев было доступно и простым рабочим, паи очень мелки — обычно в 1 ф. ст., причем они могут быть уплачиваемы и по частям. Устанавливается максимум числа паев в одних руках. Паи могут быть свободно перепродаваемы и переуступаемы третьим лицам.

В общем собрании пайщиков каждый имеет один голос независимо от числа паев в его обладании. Однако юридические лица, входящие в состав членов, могут иметь и дополнительное число голосов, соответственно числу своих паев.

Правление избирается общим собранием пайщиков, причем в состав его могут быть избираемы и те члены, которые состоят рабочими предприятия. Но, во всяком случае, будучи избран в правление, рабочий должен оставить прежнюю работу в предприятии.

Директор предприятия (manager) назначается правлением. Директор своей властью назначает и увольняет всех рабочих и руководит всем делом, отдавая отчет в ходе дела ежемесячными заседаниями правления.

Из чистой прибыли предприятия 5% поступает в дивиденд на паи, часть идет на возвращение затрат покупателям товаров

предприятия, часть идет рабочим в соответствии с полученной ими заработной платой, а часть (в очень немногих предприятиях) и в добавочный дивиденд пайщикам. В большинстве предприятий при распределении прибыли рабочие получают в дополнение к своей обычной плате такой же процент, какой получают покупатели товаров предприятия в дополнение к цене этих товаров. Остальная прибыль идет на другие цели: в запасный капитал, на благотворительные цели и пр.

Таков нормальный тип фабрик на основе трудового коопартнершипа. Фабрики эти не могут похвалиться особенно быстрым ростом, однако все же это не то, что производительные артели, почти не существующие в действительности. Их имеется в Англии в общем около сотни, с 6—7 тыс. рабочих.

Внутренний строй предприятий, основанных на системе трудового коопартнершипа, может быть весьма различен. Некоторые из них значительно приближаются к производительным артелям. Другие же почти ничем не отличаются от обычных капиталистических предприятий.

К артелям приближаются те из них, в которых состав членов почти совпадает с составом рабочих и в которых, следовательно, хозяевами дела являются те самые рабочие, которые заняты в предприятии. Правда, все же некоторая часть паев оказывается и в этом случае принадлежащей нерабочим. Но если большинство членов принадлежит к числу рабочих в данном предприятии, то система коопартнершипа не препятствует тому, чтобы все управление предприятием принадлежало рабочим.

Такое предприятие не может все же считаться производительной артелью — хозяином предприятия являются не рабочие как таковые, а пайщики предприятия. Иными словами, предприятие принадлежит все же пайщикам, а не рабочим как таковым. Директор назначается правлением, избираемым пайщиками, и имеет право увольнять рабочих и нанимать новых, что совершенно противоречит духу артели.

Словом, при системе трудового коопартнершипа, если даже паи принадлежат преимущественно рабочим, рабочие имеют хозяина и предприятие не связано неразрывно с данным составом рабочих. В этом огромное преимущество системы трудового коопартнершипа перед производственной артелью — основная слабость артели, заключающаяся в связанности ее с данным составом рабочих, отпадает.

В то же время система трудового коопартнершипа, если только паи принадлежат большей частью рабочим, приближается к артели в том отношении, что рабочие могут неограниченно влиять на ход дела и получать все его выгоды. В общем система эта может быть признана наиболее рациональным типом предприятия, в котором рабочим принадлежит фактическое

руководство предприятием и в котором рабочие получают все выгоды последнего.

Другие предприятия на основе коопартнершипа совсем удаляются от кооперативного типа и должны быть отнесены к чисто капиталистическому типу. Это именно те предприятия, в которых пан принадлежат посторонним капиталистам, а рабочие составляют лишь меньшинство — и нередко ничтожное меньшинство — общего числа членов. Такие предприятия, хотя бы они и причисляли себя к системе трудового коопартнершипа, начисляли рабочим известный процент прибыли к их заработной плате и вводили в состав правления известную часть представителей рабочих, не могут считаться в каком бы то ни было смысле кооперативами и ничего общего с артелями не имеют. О предприятиях этого типа здесь говорить не приходится.

По большей части фабрики на основе коопартнершипа, если они имеют успех и идут хорошо, выдают своим рабочим около 5% дополнительной платы. Это, конечно, немного, а в некоторых случаях прибавка эта оказывается даже номинальной, так как она достигается путем соответствующего уменьшения нормальной платы или только зачисляется в пай рабочего, в распоряжение его фактически не поступая. Большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что, по-видимому, на многих фабриках этого рода, особенно же в тех из них, которые находятся под большим влиянием рабочего персонала, рабочий день короче, иногда весьма значительно, чем на обычных фабриках, и вообще обстановка труда значительно лучше, чем на последних.

Преимущество типа трудового коопартнершипа сравнительно с обычной производительной артелью заключается также и в том, что при этой системе чрезвычайно облегчается привлечение капитала и установление органической связи между данным предприятием и иными организациями рабочего класса. Во многих фабриках этого типа большей или по крайней мере очень значительной частью паев владеют потребительские общества. Благодаря этому последние получают возможность контролировать производство в своих интересах, а соответствующее предприятие, не утрачивая своей самостоятельности, в то же время приобретает себе обеспеченный сбыт.

Как общее правило, имеют успех именно те фабрики на основах трудового коопартнершипа, которые находятся в органической связи с потребительскими обществами. Но и кроме потребительских обществ, пайщиками могут быть рабочие организации иного рода. Так, например, пайщиками рабочего стекольного завода в Альби явились разнообразные рабочие организации Франции — как кооперативы, так и рабочие союзы.

Вообще, насколько можно судить по имеющимся в литературе данным, все или почти все производственные предприятия

на Западе, возникающие в наше время как самостоятельные организации рабочих, не сливают в одно целое труд и капитал. Капитал всегда собирается иным порядком, чем составляется рабочий персонал. Иными словами, эти предприятия не являются в строгом смысле слова производительными артелями, рабочие всегда имеют хозяина, каковым является собрание пайщиков, причем в состав этих пайщиков входят в большей или меньшей мере и те лица, которые не принимают участия в работе.

Благодаря этому производственные предприятия рабочих становятся предприятиями не только той группы рабочих, которые непосредственно участвуют в работе в этом предприятии, но и иных рабочих групп, преимущественно разного рода рабочих кооперативов. Фабрика становится в этом случае предприятием обширной группы рабочих, а непосредственно занятые на ней рабочие находят себе хозяина в более обширной группе организованных рабочих, которым принадлежат пай.

6. ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ КООПЕРАТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В заключение нужно решить принципиальный вопрос: какой тип производства является более желательным — производство, организуемое потребительским обществом в интересах своих членов, или же производство, организуемое занятыми в предприятии рабочими в своих собственных интересах? Предприятие первого типа тем существенно отличается от второго, что в первом интересы рабочих как таковых подчинены интересам потребительского общества, между тем как во втором на первом плане стоят интересы рабочих.

С точки зрения общественных интересов следует в условиях современного хозяйственного строя скорее отдать предпочтение первому типу, т. е. производственным предприятиям, организуемым потребительскими обществами. Потребительские общества объединяют в себе обширные группы населения. Подчинение общественным интересам сепаратных интересов группы рабочих, работающих на фабрике потребительского общества, оправдывается тем соображением, что рабочие, не работающие на фабрике потребительского общества, имеют не менее человеческих прав, чем те, кто непосредственно занят работой на фабрике потребительского общества.

Огромное большинство членов потребительского общества работает на обычных капиталистических фабриках, и только немногие из этих членов заняты работой на фабрике потребительского общества. Эти последние рабочие получают, как общее правило, такую же плату, как и рабочие в капиталистиче-

ском предприятии. И это понятно: только оплачивая труд по этой норме, потребительское общество может извлекать выгоду из своего производственного предприятия, иными словами, потребительское общество присваивает себе прибавочный продукт нанимаемых им рабочих. Напротив, самостоятельное предприятие рабочих для того именно и возникает, чтобы весь трудовой продукт остался в руках рабочих.

Что же является в условиях современной хозяйственной системы более справедливым и согласованным с интересами всего рабочего класса: тот ли порядок, при котором рабочие, занятые в предприятии потребительского общества, получают заработную плату, какую получают и рабочие в капиталистических предприятиях, или тот, при котором рабочие в своем собственном предприятии получают свой полный трудовой продукт и, значит, получают значительно больше, чем их товарищи на капиталистических фабриках?

В первом случае рабочие получают только часть своего трудового продукта; прибавочный продукт присваивается их нанимателем — потребительским обществом. Можно сказать, что потребительское общество эксплуатирует своих рабочих подобно капиталисту. Но кому идет этот прибавочный продукт? Обширной группе рабочих, образующих потребительское общество.

Положение создается такое. Все рабочие, как работающие в предприятии потребительского общества, так и работающие на стороне в капиталистических предприятиях, находятся в равном положении — все получают только часть твоего трудового продукта.

Прибавочный же продукт, создаваемый рабочими, нанимаемыми потребительским обществом, распределяется равномерно между всеми рабочими, входящими в состав потребительского общества, как между теми, кто создал этот прибавочный продукт, так и между теми, кто этого прибавочного продукта не создавал, но создавал прибавочный продукт в капиталистических предприятиях.

Едва ли может возникнуть сомнение, что такое распределение прибавочного продукта наиболее соответствует социальной справедливости. Рабочие, нанимаемые потребительским обществом, принадлежат к тому же рабочему классу, как и остальные рабочие, работающие на капиталистических фабриках. Первые ничем не лучше вторых и никаких преимущественных прав перед последними не имеют. Поэтому вполне согласно с социальной справедливостью, чтобы экономическое положение тех и других было приблизительно одинаково и, значит, чтобы прибавочный продукт первых был равномерно распределен между всеми.

Напротив, при самостоятельной организации производства отдельной группой рабочих в их сепаратных интересах они хо-

тят сохранить себе весь свой трудовой продукт и стать, таким образом, в лучшее положение, чем их товарищи, работающие в капиталистических предприятиях. Это противоречит солидарности всего рабочего класса и не может не наталкиваться на противодействие остальной массы рабочего класса. Весь смысл тяготения рабочих к артелям, равно как и к предприятиям на основе трудового коопартнершипа, являющимся наиболее жизнеспособным типом самостоятельного предприятия рабочих, и состоит в том, что данные рабочие желают сохранить в своих руках весь свой трудовой продукт. Это вполне законное стремление противоречит интересам остальной массы рабочего класса, и потому мы должны признать производственные предприятия потребительских обществ в условиях современной хозяйственной системы более высоким типом, более согласованным с социальной справедливостью, чем самостоятельные производственные предприятия отдельных рабочих групп.

Однако из этого не следует делать вывода, что предприятия типа трудового коопартнершипа (о производительных артелях мы не говорим, ибо этот тип предприятия в капиталистическом обществе нежизнеспособен) являются нежелательным типом кооперативных предприятий. Отнюдь нет.

Во-первых, сложные вопросы экономической жизни не могут быть решаемы только с точки зрения отвлеченной социальной справедливости. Та или другая группа рабочих, создающая свое самостоятельное предприятие, имеет на это такое же право, как и любой частный предприниматель. Весьма возможно, что без инициативы данных рабочих соответствующее предприятие совсем не возникло бы. Надежда повысить свой социальный уровень, улучшить свое экономическое благосостояние есть чрезвычайно важный двигатель экономической энергии, содействующий росту общественного богатства и развитию производительных сил. Можно только сказать, что производственные предприятия потребительских обществ принципиально более желательны в современных условиях, чем самостоятельные предприятия рабочих. Но отсюда еще отнюдь не следует нежелательность предприятий этого второго рода.

Если же значительная часть паев в самостоятельных предприятиях рабочих принадлежит потребительским обществам, то получается промежуточный тип предприятия, который иногда может заключать в себе сильные стороны обоих типов.

Но имеется и другое важное основание, говорящее в пользу трудового коопартнершипа. Оно заключается в следующем. Потребительские общества могут охватить только некоторую часть общественного потребления и соответственно этому могут подчинить своему контролю только часть общественного производства. Как же быть с той большой частью общественного производства, которая остается вне контроля потребительских

обществ? Так, например, не ясно ли, что железоделательные заводы, судостроительные верфи, угольные шахты, железные дороги и пр. никоим образом не могут подпасть под контроль потребительских обществ. Во всех этих предприятиях естественным средством увеличить контроль рабочих масс является введение принципа трудового коопартнершипа. Трудовой коопартнершип является в предприятиях этого рода единственно возможным типом кооперации, ибо для потребительских обществ эти предприятия недоступны.

Таким образом, трудовой коопартнершип сохраняет свое самостоятельное значение рядом с другими видами кооперации.

Исключительные симпатии к производительным артелям со стороны как интеллигенции, так и рабочих масс имели различное происхождение. Что касается социалистических вождей — как, например, Маркса и его школы, — то симпатии эти вытекали из того, что производительные артели казались им кооперативами, наиболее близкими к социалистическому идеалу. Напротив, потребительские общества не встречали сочувствия Маркса по той причине, что Маркс считал потребительские общества чуждыми социализму*.

Теперь нам ясно, что в этой сравнительной оценке производительной артели и потребительского общества скрывалась глубокая ошибка. Правда, артель из всех кооперативов всего дальше от капиталистической организации в том отношении, что она отрицает естественное основание капиталистического строя — наемный труд. Но другими своими сторонами именно производительная артель, действующая в пределах капиталистической хозяйственной системы, наиболее приближается к капиталистической организации, превращая рабочих в предпринимателей и пропитывая их капиталистическим духом.

Напротив, потребительское общество, бывшее столь антипатичным Марксу, по своему типу всего ближе к социалистическому обществу. Ибо социалистическое общество является организацией, имеющей своей задачей обеспечение своим членам в равной мере наибольшего благосостояния, ввиду чего производительные силы подчиняются общественному контролю в интересах общественного целого. Точно так же и в потребительском обществе данная хозяйственная организация создается в интересах наилучшего потребления всех, а производство регулируется интересами потребления.

По этой причине современные марксисты — как, например, Каутский, — рисуя социалистическое общество, нередко изображают его как потребительское общество, вытеснившее капиталистическое хозяйство и охватившее все население страны. И действительно, потребительское общество, достигшее такого развития, явилось бы, как было указано в предыдущей главе, коллективизмом.

Впрочем, социалистическое общество может быть построено на разных основаниях, и необходимо рассмотреть именно эти различные типы социалистического общества с точки зрения их большей или меньшей близости к производительной артели и потребительскому обществу.

Потребительское общество ближе всего, как сказано, к государственному социализму, коллективизму. При государственном социализме общественное производство регулируется из одного центра, причем работа выполняется под руководством общественных властей, избираемых обществом. Рабочий при господстве коллективизма подчинен этим властям не менее, чем он подчинен при господстве наемного труда предпринимателю.

Напротив, производительная артель, не дополненная государственной организацией обмена (как в синдикальном социализме), приближается к идеалу анархического социализма. Анархизм отрицает подчинение личности обществу и стремится к такому общественному строю, при котором каждый рабочий или каждая группа рабочих выполняла бы свою работу без всякой принудительной власти со стороны. Артель и является такой свободной производительной группой, ничем не связанной в своих действиях и не подчиняющейся общественному контролю.

Поэтому совершенно естественно, что артели вызывают принципиальное сочувствие всех, тяготеющих к анархическому идеалу (например, французских революционных синдикалистов, несомненно стоящих на почве анархического идеала). Но Маркс и марксисты никогда не тяготели к анархизму. Их социалистическим идеалом был коллективизм. Поэтому симпатии Маркса к артелям и антипатия к потребительским обществам основывались на недостаточном понимании внутренней природы кооперативов того и другого рода*.

Напротив, симпатии рабочих классов к артелям вполне естественны и законны. Производительные артели привлекают рабочих потому, что артель при удаче дает возможность рабочему избавиться от работы по найму, стать хозяином. Именно наиболее энергичные, предприимчивые и даровитые рабочие должны тяготеть к артелям. Успевающая артель обещает рабочему превратить его в капиталиста. Это не может не привлекать тех из числа рабочих, кто обладает предпринимательскими склонностями и талантами.

Вот почему, несмотря на все неудачи самостоятельных рабочих предприятий, в виде ли артелей или в виде более совершенного типа, основанного на системе трудового кооператива, предприятия эти не утрачивают своей притягательной силы для рабочих, несмотря на то что отношение к таким предприятиям со стороны социалистических вождей в настоящее время изменилось в неблагоприятном смысле.

Глава VI. ТРУДОВЫЕ АРТЕЛИ

Трудовые артели тем существенно отличаются от производительных, что в трудовых артелях рабочие не владеют изготовленным продуктом, а нередко и большей частью средств производства. Трудовые артели являются гораздо более простым типом предприятия, чем производительные. Последние представляют собой кооперацию и в сфере закупки средств производства, и в сфере труда, и в сфере продажи изготовленного продукта. В трудовых же артелях кооперация сосредоточивается преимущественно в сфере труда и только в небольшой части захватывает область закупки средств производства; что же касается области сбыта, то здесь мы имеем, при трудовой артели, сбыт не продукта, но несравненно менее сложную продажу самого труда.

Соответственно этому трудовые артели являются гораздо более жизнеспособными организациями, чем артели производительные. И это понятно, так как кооперативное начало в этих организациях сосредоточивается преимущественно в сфере труда, где рабочая артель обладает наибольшими преимуществами сравнительно с капиталистическим предприятием, а коммерческие функции, в которых артель всего слабее сравнительно с капиталистическими предприятиями, отпадают.

И мы, действительно, видим, что трудовые артели имеют довольно большое распространение, притом не только в странах, стоящих на низком уровне развития, как Россия, но и в странах высокой капиталистической культуры, как Италия, Франция, Новая Зеландия.

Что касается России, то в ней трудовые артели охватывают многие десятки, если не сотни тысяч рабочих.

Всем известным примером трудовой артели являются весьма распространенные у нас плотничьи артели. Выгоды сотрудничества в этом промысле очень велики, а орудия труда сравнительно дешевы. В то же время капиталистическая организация промысла наталкивается на раздробленность работы в деревне. В городе господствует капиталистическая организация строительного дела, но в деревне, при ничтожных размерах проектов и их разбросанности, капиталистическая организация строительного дела встречает известные трудности. Благодаря этому в деревне издавна распространены плотничьи артели, учет которых никто никогда не вел, но которые исчисляются тысячами.

Плотничьи артели обычно отличаются небольшими размерами: в них участвует 4—5, много — 10 рабочих. Как исключение встречаются артели и гораздо более крупные, например, достигающие до 75 человек. Артели каменщиков, также имеющие большое распространение, обычно имеют небольшие размеры.

Кроме строительного промысла, трудовая артель очень распространена в разнообразных землекопных промыслах, работах по проведению дорог, каналов, промыслах по рубке и сплаву леса и пр. Точно так же мы знаем многочисленные артели по разгрузке и выгрузке разного рода товаров. Во всех этих случаях артельщики работают сообща, оказывая разного рода трудовые услуги или исполняя те или иные производительные операции по заказам других лиц, от которых артель нередко получает и важнейшие средства производства (так, например, строительные артели получают строительный материал от нанимателя). Поэтому трудовая артель, будучи кооперативом, является в то же время особой формой наемного труда. В Англии заработок таких артелей рассматривается как особая форма заработной платы — «кооперативная» заработная плата.

Кроме России, где трудовые артели являются старинным бытовым явлением, кооперативы этого рода получают за последнее время значительное развитие и в некоторых странах Запада, преимущественно в романских странах. Всего более замечательные трудовые артели Италии.

Трудовые артели Италии подробно описаны немецким автором Прейером в его книге «Die Arbeits und Pachtgenossenschaften Italiens» (1913 г.). Согласно его данным, в конце 1910 г. в Италии было 1017 таких артелей, причем в 754 артелях было 94 738 членов; большинство этих членов (55 387) принадлежали к артелям по выполнению различного рода общественных работ.

К числу городских артелей в Италии принадлежат артели строительных рабочих, портовых грузчиков и т. п. Однако особенно интересны артели для общественных работ. Первая из таких артелей образовалась в провинции Эмилия в 1883 г.; она возникла для выполнения обширных работ по мелиорации в так называемой *Ager Romanum*. Работы эти, порученные артели правительством, были исполнены ею так удачно, что правительство в скором времени создало особое законодательство о видах поощрения трудовых артелей.

Законодательство это допускает к выполнению общественных работ трудовые артели наряду с капиталистическими предпринимателями, причем, артелям предоставляются известные преимущества сравнительно с частными предпринимателями.

Закон указывает особые меры, которые должны быть принимаемы властями для того, чтобы частные предприятия с целью воспользоваться льготами, предоставляемыми артелям, не принимали фиктивно форм этих последних. С этой целью в каждой префектуре должны вестись для данного района особые регистры действительных трудовых артелей, удовлетворяющих требованиям, указываемым в законе. Идя навстречу обнаруживающемуся среди трудовых артелей стремлению соеди-

ниться в более крупные союзы, закон определенно разрешает такие объединения, получающие права юридических лиц и полную свободу в своей деятельности. Объединения этого рода не только не встречаются в Италии подозрительного отношения со стороны власти, но всячески поощряются и поддерживаются.

Одной из целей итальянского законодательства о трудовых артелях является сохранение этими артелями их трудового характера. Контроль государственной власти за деятельностью этих артелей преследует те же цели — охранение их трудового характера, воспрепятствование развитию в их среде капиталистических элементов, но, однако, так, чтобы артели сохраняли полную свободу своей деятельности и отнюдь не превращались в подчиненную инстанцию государственных учреждений.

Артели организованы обычно следующим образом. Лицо, желающее стать их членом, должно представить рекомендацию не менее двух членов. Во главе артели стоит правление, избираемое рабочими из своей среды, но рядом с правлением действует нередко и особый технический комитет из лиц с высшим образовательным уровнем (инженеров, юристов и пр.), не принадлежащих к артели. Необходимость в техническом комитете, члены которого состоят на жалованьи артели и к ней не принадлежат, вызывается трудностью для рабочих справиться со стоящими перед ними задачами собственными силами.

Наличность такого технического комитета порывает со строго рабочей организацией артели, так как в состав ее вводится посторонний элемент — служащие в артели по найму. Это вызывает нередко недовольство ревнителей артельной чистоты, но экономическая необходимость привлекать к участию в операциях артелей лиц с лучшим образованием преобладает.

При исполнении работ члены артели получают обычную заработную плату. Избыток заработка артели сверх этой платы идет частью в запасный капитал, частью на образование особых фондов на поддержание рабочих в старости, частью же распределяется между членами артели как добавочное вознаграждение. Это добавочное вознаграждение обычно очень невелико и редко превышает 2 %.

Трудовые артели Италии благодаря поддержке их со стороны государства выросли в крупную экономическую силу и выполняют с большим успехом самые сложные работы, соединяясь для этой цели в огромные союзы. Так, например, в провинции Равенне союз трудовых артелей взял на себя работы по мелиорации бассейна Рено, причем общая стоимость этих работ выражалась внушительной цифрой в 10 млн. фр. В Реджио-Эмилии союз трудовых артелей взял на себя и удачно выполнил постройку ширококолейной железнодорожной линии Reggio — Ciano *. В Милане точно так же союзы трудовых артелей исполняют очень крупные строительные работы.

Из изложенного видно, что итальянские артели представляют собой нечто действительно весьма жизнеспособное. Артели с успехом конкурируют с частными предпринимателями, чем главным образом и объясняется благожелательное отношение к ним государственной власти. Конечно, далеко не все артели выживают. Но все же статистические данные доказывают, что погибает меньшинство артелей.

За двадцать лет артели выполнили общественных работ на огромную сумму в 70 млн. лир. Во многих районах Италии трудовые артели почти вытеснили капиталистических предпринимателей при выполнении общественных работ. Министерство общественных работ вполне удовлетворено работами, выполняемыми артелями, и неоднократно это высказывало в официальных документах. Особенно удаются артелям земляные работы и мелиоративные. Правда, вначале артели выполняли работы с некоторым замедлением благодаря недостаточно хорошей организации работ, но впоследствии и в этом отношении стали перегонять частных предпринимателей. Особым преимуществом работ, выполняемых артелями, министерство признает их лучшее качество сравнительно с работами, выполняемыми частными подрядчиками, а также и то, что с артелями возникает меньше споров и пререканий.

О ходе развития в Италии трудовых артелей дают представление нижеследующие цифры:

Год	Число артелей	Количество выполняемых работ	Ценность работ (млн. лир)	Год	Число артелей	Количество выполняемых работ	Ценность работ (млн. лир)
1889	2	26	0,4	1900	193	104	2,2
1890	88	157	3,7	1901	201	136	2,8
1891	201	120	1,6	1902	225	134	2,9
1892	272	106	1,8	1903	285	159	4,4
1893	346	177	2,6	1904	341	180	3,9
1894	380	215	2,0	1905	353	187	4,2
1895	408	159	2,1	1906	394	215	5,1
1896	350	200	2,0	1907	421	274	6,6
1897	303	125	1,8	1908	492	212	7,3
1898	271	140	2,8	1909	547	199	6,9
1899	165	146	3,2				

Отсюда видно, что хотя с большими колебаниями, но все же довольно быстро растет как число артелей по выполнению общественных работ, так и ценность выполняемых ими работ. Очевидно, итальянские трудовые артели стоят вполне прочно и мало-помалу вытесняют из охватываемой ими сферы общественного хозяйства частнохозяйственное предпринимательство*.

Однако не нужно забывать, что эти успехи основываются в значительной степени на покровительстве трудовым артелям со стороны государственной власти, которая идет ради этого даже на известные жертвы: дело в том, что государству работы, выполняемые трудовыми артелями, обходятся несколько дороже, чем выполняемые частными предпринимателями.

Для массы рабочих трудовые артели имеют довольно большое значение: они оказывают значительное влияние на общие условия труда в соответствующих промыслах и повышают заработков даже тех рабочих, которые непосредственного участия в артелях не принимают. Артели избавляют от безработицы рабочих, которым не хватает работы в частных предприятиях, — они образуют собой естественное дополнение рабочих союзов и выполняют самую важную функцию этих последних — пособие безработным. Можно думать, что в непосредственной связи с развитием этих артелей находится замечаемое за последнее время в тех итальянских провинциях, где эти артели распространены, повышение заработной платы и сокращение рабочего дня.

Эта тесная связь итальянских трудовых артелей с рабочими союзами не должна упускаться из виду. Как и арендные артели земледельческих рабочих, трудовые артели лишь отчасти являются хозяйственными предприятиями; отчасти же, а может быть и в большей части, они являются вспомогательными организациями при рабочих союзах и преследуют цели этих последних.

Во всяком случае, трудовые артели гораздо более способны к самостоятельному развитию, чем производительные артели. И это понятно: трудовые артели не продают продуктов, в гораздо меньшей степени нуждаются в капитале и не имеют такого замкнутого характера, как производительные артели. Объединяя группы рабочих, выполняющих за известную плату определенные работы в пользу другого лица, артели эти легко сливаются в более обширные союзы. Трудовые артели не отрицают принципа наемного труда, ибо сами они слагаются из наемных рабочих.

Подводя итог сказанному, мы должны признать трудовые артели вполне жизнеспособным видом кооперации, который может еще много дать в будущем. Но для успеха их существенно важно, чтобы они не боялись прибегать к использованию труда наемного персонала: мы видели, что итальянские артели, состоя из рабочих, оплачивают из своих средств труд более квалифицированного служащего персонала — инженеров, механиков, юристов, других лиц высшего образовательного уровня. Этим нарушается артельный принцип, и артель приближается к кооперативам обычного типа, пользующихся наемным трудом. Но от этого артель становится только сильнее.

Глава VII. МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Инициаторами Международного кооперативного союза явилась группа английских кооператоров с Ванзиттаром Нилом и Генрихом Вольфом во главе, которые при этом преследовали свои особые цели, связанные с борьбой двух течений в английском кооперативном движении. Как указано выше, лица эти стояли во главе того течения, которое искало решения социального вопроса в участии рабочих в прибылях предприятия и возлагало большие надежды на производственные ассоциации. Участие рабочих в прибылях наряду с производительными ассоциациями должно, по мнению этих лиц, примирить интересы труда и капитала, а значит, и уничтожить основной социальный антагонизм нашего времени.

Значительное большинство английских кооператоров враждебно этой точке зрения. Ввиду этого Нил и Вольф задумали опереться в своей борьбе за принципы коопартнершипа на иностранных кооператоров, которые, по их расчетам, были более склонны к этому принципу, чем англичане.

Таким образом, возникла международная организация кооперативов. Первый международный кооперативный конгресс, состоявшийся в Лондоне в 1895 г., прошел под преобладающим влиянием сторонников коопартнершипа. Точно так же и на последующих конгрессах первоначально преобладало то же течение. Но по мере роста Международного союза и все более и более энергичного участия в нем пролетарских потребительских обществ положение стало изменяться. На Манчестерском международном конгрессе 1902 г., в центре английской кооперации, сторонники коопартнершипа потерпели решительное поражение: их проект создать особую секцию участия рабочих в прибылях не встретил никакой поддержки, и таким образом тот принцип, во имя которого возник Международный кооперативный союз, был отвергнут им же самим.

Решающее значение в дальнейшей эволюции союза имел Будапештский международный конгресс 1904 г. На этом конгрессе столкнулись очень резко три основных течения, разделяющие современную кооперацию,— крестьянское, мелкобуржуазное и пролетарское. Борьба разыгралась вокруг вопроса о задачах потребительских обществ. Секретарь союза швейцарских потребительских обществ Ганс Мюллер прочел доклад о потребительских обществах, в котором доказывал, что потребительские общества должны стремиться к уничтожению капиталистической торговли и замене капиталистической системы хозяйства кооперацией. Доклад заканчивался следующими словами: «Кооперативное движение есть освободительное движение в эконо-

мической и социальной области, стремящееся к новому порядку хозяйственной и общественной жизни... И потому, кто действительно желает содействовать развитию кооперации, тот никогда не должен забывать, что дело идет об уничтожении существующих отношений зависимости, а не о создании новых».

Эти последние слова были направлены против венгерских аграриев, достигших очень влиятельного положения в венгерской сельской кооперации и подчинивших ее себе в некоторых отношениях.

Венгерские магнаты, в большом числе принимавшие участие в конгрессе, не сочли нужным протестовать против реферата Мюллера, но это исполнили представители германской кооперации: Крюгер — от имени руководимого им союза кооперативов, верных идеям Шульце-Делича, и Клингенбиль — от имени райффейзеновских кооперативов. «От имени представляемого мною союза,— сказал Крюгер,— я должен заявить, что принадлежащие к нему потребительские общества не разделяют взглядов Мюллера... Потребительское общество, с нашей точки зрения, не есть средство преобразования и изменения современного хозяйственного строя, но для нас потребительское общество есть законный член существующего строя. Современное кооперативное движение уже имеет столько врагов, что нет нужды увеличивать их число, предаваясь таким утопиям, которые вытекают из указанного хода мыслей».

В своей речи Крюгер старался доказать, что в торговом посреднике не нужно видеть врага кооперации.

Очень решительно высказался против Мюллера также и представитель райффейзеновских кооперативов Клингенбиль. «В то время как мы всячески содействуем,— сказал он,— тем обществам, которые стараются доставить земледельцу средства производства, в которых нуждается его хозяйство, мы не оказываем помощи потребительским обществам в собственном смысле слова. У нас, в Германии, имеется класс мелкой промышленности и торговли, в состав которого входит множество независимых хозяев, и он в своей совокупности, конечно, не эксплуатирует общества. Ввиду особой важности поддержания этого класса мы избегаем делать последние выводы из идеи ассоциации, чтобы не подвергать опасности существование этого класса или хотя бы причинить ему вред, поскольку это не требуется необходимостью. Действуя так, мы остаемся верны чистому райффейзеновскому духу, ибо мы положили в основу практической деятельности нашей организации чувство общности в смысле христианской любви к ближнему».

Огромное большинство ораторов высказалось в пользу Мюллера, и победу одержали сторонники кооперативного социализма, как определил враждебную ему точку зрения Крюгер. Конгресс раскололся на две группы: с одной стороны, крюге-

ровский и райффейзеновский союзы, а также австрийский союз товариществ в духе Шульце-Делича, с другой — все остальные участники конгресса.

В результате Крюгер вместе с руководимым им союзом вышел из союза; так же поступил и глава австрийского союза Врабец. Германский имперский союз сельскохозяйственных товариществ, равно как и австрийский того же рода, отказались примкнуть к Международному кооперативному союзу, и в скором времени возник особый международный союз сельскохозяйственных кооперативов.

«С внешней стороны, — замечает по этому поводу Мюллер, — этот раскол ослаблял международную организацию кооперации; на самом же деле выступившее наружу разногласие было выгодно для союза». Действительно, нельзя объединить в одной организации того, что по самой своей природе различно и преследует совершенно различные общественные цели.

Раскол этот, показавший, что в пределах союза одержали окончательную победу представители кооперативного социализма, вызвал изменения и в составе правления союза. Президент его и один из основателей Генрих Вольф, горячий сторонник идеи примирения классов посредством участия рабочих в прибылях, должен был уйти, и место его занял Максвелл, глава Шотландского общества оптовых продаж, а секретарем союза стал Ганс Мюллер, реферат которого вызвал раскол в среде союза.

История Международного кооперативного союза поучительна во многих отношениях. Прежде всего союз силой вещей получил совершенно иной характер, чем хотели его основатели. «Они хотели воздвигнуть здание союза на производительных ассоциациях, и поскольку они придавали значение потребительским обществам, то лишь как покупателям продуктов производительных ассоциаций. Но жизнь создала иное. Отброшенный угол стал основанием всего здания» (Мюллер).

Затем, крайне характерно, что союз отнюдь не содействовал объединению различных видов кооперации, но, наоборот, углубил пропасть между ними. И это, несомненно, содействовало выяснению действительного положения вещей. Несоединимого по самой своей природе искусственными мерами соединить нельзя. «Ни в одной стране, — говорит Мюллер, — не могли возникнуть союзные организации, охватывающие все отрасли и ветви кооперативного движения. Единство кооперативного движения, к которому стремились его теоретики и практические деятели пять — десять лет тому назад, уже давно разрушено фактическим ходом развития». Международный кооперативный союз, задуманный как объединительный центр всех видов кооперации, превратился в объединительный центр только одного вида кооперативов — пролетарских потребительских обществ.

Глава I. РАЙФФЕЙЗЕН И ЕГО
ОБЩЕСТВЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Как Оуэн является отцом пролетарской кооперации, так крестьянская кооперация ведет свое начало от Райффейзена. Крестьянская кооперация возникает в шестидесятых годах прошлого века в прирейнских провинциях Пруссии под непосредственным влиянием агитации Райффейзена. Райффейзен был очень сильной и своеобразной фигурой, но весь его душевный облик представляет собой яркий контраст с обликом Оуэна. Он тоже был идеалистом, но идеалистом совершенно иного рода, чем Оуэн. Последний по своему душевному складу был прямолинейным радикалом, человеком, не боящимся идти своим путем до конца, совершенно не считаясь с общественным мнением. Этот радикализм соединялся у Оуэна с крайней уверенностью в правоте собственного мнения. Отсюда его доктринерство, нетерпимость к чужим взглядам.

Райффейзен был другим человеком. Успех его деятельности основывался на том, что он был менее всего доктринером и самым тесным образом сросся с теми верованиями и убеждениями, которые господствовали в его общественной среде. Это был тип разумного филантропа, способного с величайшим воодушевлением бороться с замечаемым им общественным злом, но исходящего в своей деятельности, в своих представлениях о хорошем и дурном из тех представлений, которые преобладают в окружающем его обществе.

В то время как Оуэн начал свою широкую общественную деятельность с пропаганды коммунистических общин, Райффейзен начал ее с устройства благотворительных обществ. Желание поставить благотворительность на более прочную основу привело его к тому, что он создал в прирейнском городке Фламмерсфельде свою первую наполовину кооперативную, наполовину благотворительную организацию Фламмерсфельдское общество помощи нуждающимся сельским хозяевам. Вторая организация в том же роде, основанная Райффейзеном, — Геддерсдорфское благотворительное общество — также имеет не

столько кооперативный, сколько благотворительный характер. Это общество ставило себе задачей наряду с кредитованием своих нуждающихся членов также и помощь беспризорным детям, воспитание их, доставление работы выпущенным из тюрьмы и многое другое в том же роде.

Превращение этого общества в действительный кредитный кооператив произошло, так сказать, само собой, помимо желания его учредителя. Оказалось, что благотворительные функции общества не получили развития, а кредитная функция разрослась и вытеснила остальные. Таким образом, крестьянская кооперация, подобно пролетарской, возникла в результате переработки самой жизнью организаций, созданных с иными, идеальными и отнюдь не своекорыстными хозяйственными целями. Однако цели, которые ставились в первом и другом случае, были совершенно иные: пролетарские потребительские общества возникли из организаций, которые стремились к величайшей общественной реформе — созданию коммунистического общественного строя, а сельскохозяйственные кооперативы возникли из благотворительных обществ, никакими радикальными целями не задававшихся, пытавшихся ослабить нужду теми средствами, которая указывала господствующая мораль, — помощью ближнему.

Мировоззрение Райффейзена очень отчетливо выражено им во введении к его главному литературному труду «Die Darlehnskassen-Vereine» (1-е изд. в 1866 г.). Указывая, что наше время гордится своими хозяйственными успехами, автор скорбит, что эти успехи покупаются в ущерб нравственности. «Среди предпринимательного класса царит дикая погоня за наживой... а в низших классах также распространяется все большая и большая жажда чувственных удовольствий: ненависть и зависть к имущим получают среди них все большее распространение; партия социальной революции находит себе среди них, несмотря на все препятствия, которые закон ставит ее планам, направленным на ниспровержение всего существующего государственного и общественного порядка, все более и более сторонников... Наступило время дать другое направление духу нашего времени, пошедшего по ложному пути. Каково должно быть это новое направление, для истинного христианина не может быть сомнения. Оно указано нашим Господом... Нужно стремиться не к преходящим земным, а к вечным небесным благам, к чему сам Христос указал нам путь учением и примером».

В то время как конечная цель Оуэна заключалась в радикальнейшей общественной реформе, Райффейзен не обнаруживал никакого интереса к политическим и социальным реформам и признавал единственно важным делом нравственное поднятие человека, что ему казалось вполне возможным и в условиях современного общества. Он ожидал нравственного подъема

человеческой личности от основанных им хозяйственных организаций, в свою очередь предполагающих действие нравственных сил. «Без нравственных сил, т. е. без познания наших обязанностей по отношению к Богу и по отношению к нашим ближним, как это учит христианство, и без искреннего стремления исполнять эти обязанности совершенно невозможно развитие кредитных товариществ», — писал он с глубоким убеждением.

Хотя основанные им кредитные товарищества в том виде, который они окончательно приняли, отнюдь не были благотворительными учреждениями, но все так называемые райффейзенские принципы исходят из убеждения, что высокий нравственный уровень членов должен быть основой кредитных товариществ. В этом требовании нравственного обновления человека заключался утопический элемент райффейзенской организации, бывший вместе с тем источником ее силы, подобно тому как социальная утопия Оуэна явилась источником силы кооперативного движения Англии. Ибо из утопического элемента вытекало воодушевление деятелей райффейзенского движения, а без воодушевления невозможно никакое широкое социальное творчество.

Социальное мировоззрение Райффейзена может быть охарактеризовано как христианский социализм очень умеренного оттенка — мировоззрение, к которому естественно и неизбежно приходит всякий верующий христианин, не склонный к политической борьбе. Во главе кредитных товариществ Райффейзен охотнее всего видел местного священника. К политической борьбе Райффейзен был не только равнодушен, но даже совершенно чуждался политической жизни: по словам его близкого товарища Фасбендера, он совсем не принимал участия в выборах в законодательные палаты по соображениям принципиального характера.

Евангельские заповеди Райффейзен рассматривает как единственно возможную основу деятельности кредитных товариществ. Защищая требование бесплатности обязанностей членов правлений, Райффейзен ссылается на слова Христа «возлюби ближнего своего, как самого себя». «С христианской точки зрения, — говорит он, — мы все дети Небесного Отца и как братья Того, Кто ради нас стал человеком, будучи Сыном Божиим, образуем одну большую семью. Отсюда следует, что мы должны так же заботиться о своих ближних, как о самих себе. И если от руководителей сельских кредитных товариществ требуется, чтобы они без вреда для своих личных дел часть своего свободного времени уделяли руководительству товариществом (денежные жертвы от них не требуются), то это поистине далеко не чрезмерное требование. У кого так мало готовности к самопожертвованию и так мало чувства общности, тот не должен считать себя христианином».

Задачи райффейзеновского кредитного товарищества далеко не ограничиваются, по мысли самого Райффейзена, кредитными операциями. Товарищество должно стать универсальным кооперативом, охватывающим со всех сторон хозяйственную жизнь своих сочленов.

Так, товарищество должно прежде всего исполнять операции по закупке предметов, нужных для сельского хозяйства. К обычным потребительским обществам Райффейзен относился очень несочувственно. «Сомнительно,— говорит он,— имеют ли благотворительное действие потребительские общества, устраиваемые в городах. Это зависит от местных условий и от руководителей общества. При огромной конкуренции торгующих предметами потребления каждый из них должен стараться превзойти других качеством своего товара и дешевизной своих цен. Это делает, как можно думать, излишним устройство потребительских обществ. Но если такие общества, тем не менее, возникают, как это часто случается, то управление ими остается очень трудным делом».

Еще труднее, по мнению Райффейзена, устраивать потребительские общества в деревне. В последних нет и действительной потребности, так как желательнее, чтобы крестьянин не покупал предметов своего потребления со стороны, а довольствовался произведениями собственного хозяйства. Следует покупать только то, что не производится в деревне и необходимо для хозяйства, как удобрительные туки, семена, каменный уголь и т. д. Все это может быть приобретаемо кредитным товариществом.

Оно же может заниматься и совместной продажей продуктов хозяйства его членов. Вместе с тем оно может перерабатывать эти продукты за общий счет и исполнять разнообразные производительные функции.

Капитал кредитного товарищества должен оставаться неделимой собственностью товарищества. Капитал этот должен возрасти до значительной величины, так как райффейзеновское товарищество не знает паев и дивидендов, и весь доход товарищества за вычетом его благотворительных расходов должен идти на увеличение его капитала. Товарищество образует собой, таким образом, прочную хозяйственную организацию, которая с течением времени должна стать еще сильнее. Но так как высшая цель райффейзеновских товариществ, по мысли их творца, заключается не в улучшении хозяйственного положения их членов, но в их нравственно-религиозном подъеме, то капитал товарищества не должен возрастать далее известного предела, излишек должен употребляться на цели благотворительности.

«Истинный райффейзеновский союз,— читаем в «Райффейзенском календаре» за 1898 г.,— есть не что иное, как благотворительное учреждение, которое учреждается при помощи

состоятельных членов общины в интересах менее обеспеченных его членов и бедных».

Все это необходимо иметь в виду, чтобы понимать ту социальную почву, на которой возникло райффейзеновское движение. Движение это было столько же хозяйственным, сколько и нравственно-религиозным. Долгое время оно сохраняло этот характер; до известной степени сохраняет и теперь, хотя, конечно, в гораздо меньшей степени. Выражается это очень наглядно в том, что и теперь во главе большинства райффейзеновских союзов стоят люди, которые непосредственных выгод от этих союзов не получают,— духовенство, богатые землевладельцы, учителя и т. д. Кэпитал этих союзов первоначально также получался преимущественно на благотворительной основе: путем ссуды его богатыми членами общины.

У Райффейзена также была своя утопия, как и у Оуэна, но утопия совершенно иного рода. А именно, по словам его близкого друга Нагеля, Райффейзен «рассматривал свои товарищества только как средство к достижению гораздо более высокой цели. Ему рисовалась впереди реформа современного общественного строя на основе деятельного христианства. Товарищества же казались ему этапом на пути к этой цели, к организации братского, христианского общежития».

Глава II. РАЙФФЕЙЗЕНОВСКОЕ КРЕДИТНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАЙФФЕЙЗЕНОВСКОГО КРЕДИТНОГО ТОВАРИЩЕСТВА

Возникновение первого райффейзеновского кредитного кооператива В. А. Косинский рисует в своей работе, основанной на тщательном изучении первоисточников, следующим образом. Основанное Райффейзенем в 1854 г. Геддерсдорфское благотворительное общество исполняло функции как благотворительного, так и кредитного учреждения. Как благотворительное общество оно большого успеха не имело, но кредитные операции его получили быстрое развитие. Рост этих операций имел своим последствием значительное увеличение задолженности самого общества. Когда на общем собрании общества в 1863 г. обнаружилось, что долг общества дошел почти до 25 тыс. талеров, то собрание постановило ликвидировать общество, если его задолженность превысит эту сумму. Рост задолженности, однако, не прекратился, и общее собрание постановило ликвидировать общество 1 ноября 1864 г.

Эта неудача привела Райффейзена к признанию необходимости поставить кредитные операции на прочную основу, отделив их от благотворительной деятельности. Знакомство с орга-

низацией шульцевских ссудосберегательных товариществ помогло ему выработать тип кредитного учреждения, приспособленного для целей кредита в крестьянской среде.

В первоначальном уставе геддерсдорфского кредитного товарищества явно сказывается влияние уставов народных банков, устроенных несколько ранее Шульце-Деличем. И это несколько не удивительно, так как не подлежит сомнению, что именно Шульце явился учителем Райффейзена в области кооперации. Ввиду последующих враждебных отношений обоих крупнейших кооперативных деятелей Германии факт этот должен быть особенно подчеркнут, тем более что в своих печатных сочинениях Райффейзен отрицает влияние на него Шульце. Однако В. А. Косинский вполне установил, что именно от Шульце Райффейзен заимствовал идею своего кредитного товарищества, как показывает очень интересная рукопись самого Райффейзена, относящаяся к 1864 г. В этой рукописи отец крестьянской кооперации говорит, что он долго вел переписку с Шульце, отстаивая мысль, что общества, подобные геддерсдорфскому, должны основываться всецело на христианской любви и быть чуждыми в каком бы то ни было отношении своекорыстных мотивов; однако неуспех фламмерсфельдского общества и недовольство среди членов геддерсдорфского общества в конце концов убедили его в правоте Шульце. «Чтобы не повторить печального опыта в Фламмерсфельде,— говорит Райффейзен далее,— я решил не противодействовать закрытию общества и с течением времени создать новое на иной основе. Это мне и удалось, и притом в форме, близкой к товариществам Шульце-Делича. Так как эти последние приспособлены к городским условиям, то я, конечно, ввел в устав постановления, приспособленные к здешним условиям».

Таким образом, можно считать бесспорным, что идея райффейзеновского кооператива непосредственно внушена Шульце. А так как не подлежит сомнению, что кооперативные воззрения Шульце возникли на основе знакомства с учениями французских социалистов, то в конце концов крестьянская кооперация оказывается ведущей свое начало от социалистических учений первой половины прошлого века.

Первый крестьянский кредитный кооператив казался его создателю, Райффейзену, лишь слегка измененным ссудосберегательным товариществом типа Шульце. И действительно, в первом уставе геддерсдорфского товарищества связь с народными банками Шульце еще очень велика: в этом товариществе имеется, например, паевой капитал, на который начисляется дивиденд, против чего очень решительно протестовал Райффейзен впоследствии. Только постепенно из этого товарищества развился кооператив совершенно нового типа. В своей окончательной форме кооператив, созданный Райффейзенем, оказался

организацией, глубоко отличной от шульцевского народного банка. Те нововведения, которые первоначально касались самому Райффейзену незначительными и вызванными необходимостью приспособить ссудосберегательное товарищество к нуждам деревни, знаменовали собой в действительности создание кооператива совершенно нового типа.

Действительно, шульцевское ссудосберегательное товарищество было приспособлено к нуждам и интересам совершенно иного общественного класса, чем райффейзеновский кооператив: первое обслуживало нужды городской мелкой буржуазии, а второй служил интересам христианства. А так как городская мелкая буржуазия и крестьянство являются совершенно различными общественными классами, с разными интересами и различными условиями жизни и хозяйства, то естественно, что и хозяйственные организации, удовлетворяющие их интересы, должны были оказаться принципиально различными.

Глубоко неправ поэтому В. А. Косинский, рассматривая райффейзеновский кооператив как один из подвидов шульцевских народных банков. Повторяем, что райффейзеновское кредитное товарищество является организацией принципиально совершенно новой, хотя творец ее и был приведен к ней желанием приспособить уже существовавшую организацию к нуждам иной социальной среды.

2. РАЙФФЕЙЗЕНОВСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Новое райффейзеновского кооператива заключается в так называемых «райффейзеновских принципах», которые имели для крестьянской кредитной кооперации такое же значение, как рочдельские принципы для пролетарской кооперации. Наиболее характерные из этих принципов заключаются в следующем.

Райффейзеновское товарищество принципиально отрицает паевой капитал. Правда, в настоящее время все райффейзеновские кредитные кооперативы в Германии имеют паевой капитал, но это только уступка требованию германского закона, не допускающему существования кооперативов без паевого капитала. Однако пай в райффейзеновских товариществах обычно незначителен, иногда они имеют даже номинальный характер.

Затем райффейзеновское товарищество строго придерживается принципа «локализации» — район действий товарищества должен быть строго ограничен и по возможности не превышать района церковного прихода. Максимальным районом для кредитного товарищества Райффейзен признал территорию с 1500 душ населения. Товарищества с большим районом уже нежелательны.

Третьим райффейзеновским принципом является требование безвозмездного труда со стороны всех выборных должностных

лиц товарищества. Оплачиваться должен лишь труд наемного счетовода. Правление же и совет должны работать для товарищества даром.

Четвертым райффейзеновским принципом является запрещение одному члену товарищества участвовать одновременно в нескольких товариществах.

Наконец, характерной особенностью райффейзеновского товарищества является отсутствие согласованности между активными и пассивными операциями товарищества: райффейзеновское товарищество признает себя совершенно свободным в помещении поступающих в него вкладов и, как общее правило, дает долгосрочное помещение вкладам, поступившим в него на короткие сроки.

Все названные принципы звучат очень парадоксально, и удивительно, что они встретили самое решительное порицание со стороны того, от кого Райффейзен получил первый толчок в своей кооперативной деятельности,— Шульце. Шульце был типичнейшим представителем мелкой буржуазии, со всеми сильными и слабыми сторонами этого общественного класса. Сильной стороной мелкобуржуазного духа является практичность, слабой — духовная ограниченность, связанная с этой практичностью. Мещанство духа вполне соединимо с большой дозой здравого смысла, но трудно соединимо со значительным полетом воображения.

Народные банки Шульце отразили все типичные стороны особенности их духовного отца. Райффейзен был иной натурой — в нем была творческая мечта, и потому ему удалось создать нечто гораздо более грандиозное, чем шульцевские народные банки (о которых речь будет идти ниже, в отделе о мелкобуржуазной кооперации). Райффейзеновские принципы показали Шульце чем-то до последней степени противоречащим здравому смыслу и рациональным основам кредитного дела. Между обоими вождями германской кооперации возникла ожесточенная полемика, в которой Шульце был нападающей стороной и притом не только в печати; как влиятельный депутат Шульце боролся с райффейзеновскими принципами и на законодательной почве; ему удалось добиться того, что германское законодательство сделало невозможным осуществление одного из райффейзеновских принципов, запретив товарищества без паевого капитала.

Какой же смысл имеют эти столь странные принципы? Разберем их один за другим.

Отказ от паевого капитала казался Шульце чистой нелепостью. Никакое предприятие не может работать без капитала, это совершенно очевидно. Не может обходиться без капитала и кредитное товарищество; откуда же оно может получить этот капитал? Первоначальные райффейзеновские товарищества

получали капитал на благотворительной основе: более достаточные жители деревни — помещики, духовенство и др. — ссужали кредитные товарищества необходимым им капиталом с тем, чтобы этот капитал был возвращен им впоследствии, когда товарищество окрепнет. Но на основе благотворительности не может создаться прочная хозяйственная организация. Поэтому Шульце считал себя вправе не только самым резким образом возражать против этого основного райффейзеновского принципа, но и добиваться законодательного запрещения товариществ без паевого капитала, чего ему, как сказано, и удалось достигнуть.

Однако этот райффейзеновский принцип отнюдь не был произвольным измышлением Райффейзена. Мало того, только на основе этого принципа возможен кредит для массы менее обеспеченного деревенского населения по той простой причине, что нуждающийся крестьянин отнюдь не располагает капиталом, необходимым для внесения сколько-нибудь значительного пая. Кредит, основанный на предварительном внесении пая в несколько сотен марок (как это практикуется в шульцевских народных банках), естественно, предназначается не для нуждающегося крестьянина, а для более достаточных классов населения. Небольшой же пай делает невозможным самостоятельное возникновение кредитного кооператива и вызывает необходимость посторонней помощи, совершенно так же, как и при отсутствии паевого капитала.

Таким образом, крестьянская кредитная кооперация стоит, по-видимому, перед дилеммой — или крупный пай и, следовательно, недоступность кредита для более бедной части крестьянства, или же небольшой пай (полное отсутствие паевого капитала) и в таком случае необходимость помощи кооперативу со стороны. Райффейзен, естественно, выбрал второе решение, которое ему диктовалось уже тем, что он отправлялся в своем построении от идеи благотворительного общества и против помощи кооперативу со стороны он принципиально ничего не имел.

Но, конечно, если бы кооперация опиралась на благотворительность, как этого хотел Райффейзен, то она не могла бы получить большого развития. В действительной жизни названная дилемма получила с течением времени разрешение совершенно иное, не предвиденное творцом крестьянской кооперации. А именно: кооперация постепенно настолько окрепла, создавши свои центральные организации, что эти центральные организации получили возможность открывать кредит вновь возникающим кооперативам и, таким образом, ссужать им необходимый основной капитал. Кооперативы получили прочную основу для начала своей деятельности, не прибегая к помощи богатых благотворителей (как это было вначале), и в то же время избегли

необходимости требовать внесения крупного пая от лиц, нуждающихся в кредите.

Своеобразный, нехозяйственный подход Райффейзена к решению данной задачи — подход из области благотворительности — оказался чрезвычайно плодотворным. Если бы Райффейзен стоял только на почве хозяйственного рационализма, как Шульце, то, конечно, он не мог бы совершить своего исторического дела — создать крестьянскую кооперацию. Нужно было преодолеть систему капитализма *, а для этого нужно было внести в эту систему некоторые принципиально новые начала, что и сделал Райффейзен, подойдя к кооперации как к наилучшей форме благотворительности.

Итак, отрицание паевого капитала как нельзя более соответствует задачам крестьянской кредитной кооперации, имеющей своей целью организовать кредит для лиц, не обладающих денежным капиталом. Капитал, необходимый для начала дела, получается в этом случае со стороны, из средств, которыми располагают центральные кооперативные организации. Источником же для открытия кредита являются, как и в других кредитных учреждениях, вклады.

Для того чтобы вклады притекали в кредитное учреждение, необходимо доверие вкладчиков. Доверие же это достигается правильным и добросовестным ведением дела, а отнюдь не значительностью паевого капитала. Таким образом, кредитное учреждение, даже не имеющее никакого паевого капитала, может пользоваться полным доверием пайщиков.

Второй райффейзеновский принцип — локализация — звучит не менее парадоксально. Всякое предприятие экономически тем сильнее, чем больше его размеры *. Поэтому, казалось бы, кредитный кооператив только выигрывает, если он принимает большие размеры и, значит, охватывает более значительную группу лиц. Между тем принцип локализации требует, чтобы кооператив никоим образом не увеличивал своих размеров — товарищество всегда должно оставаться организацией небольших размеров, как бы ни были благоприятны условия для его расширения.

Это кажется такой же экономической несообразностью, как и первый принцип — отрицание паевого капитала. Обрекая свои кооперативы на локализованность, не обрекает ли их Райффейзен вместе и на бессилие?

Однако и в данном случае Райффейзен обнаружил такой же такт и такое же глубокое понимание истинной природы крестьянской кооперации, как и при отрицании паевого капитала. Крестьянское кредитное товарищество должно оказывать помощь лицам, не обладающим сколько-нибудь значительным имуществом. Тем не менее оно должно быть вполне обеспечено в исправном возвращении заемщиками получаемых ими ссуд.

Чем же можно заменить имущественное обеспечение ссуды? Очевидно, только личным доверием к должнику. Данное лицо может обладать ничтожным имуществом и все-таки заслуживать полного доверия, если его личные качества таковы, что внушают доверие.

Особенностью крестьянского кредита является, таким образом, необходимость самого близкого знакомства кредитного учреждения с личностью должника. Без этого знакомства кредитное учреждение рискует потерять свои ссуды, если должник не может обеспечить полученной им ссуды своим имуществом.

Но для возможности близкого знакомства с каждым должником требуется, чтобы район действия кредитного учреждения был ограничен. В одной деревне или в одном церковном приходе все прекрасно знают друг друга. В этом случае имеется не только полное знание друг друга, но и полное знакомство с состоянием хозяйства каждого; не представляет никакого труда проверить, насколько правильны заявления того или иного лица, ищущего ссуды. Если, например, данное лицо заявляет, что ссуда ему нужна на покупку лошади, то не трудно убедиться, действительно ли данное лицо нуждается в лошади и выигрывает ли оно от покупки лошади. Столь же легко проверить и назначение, какое ссуда получает в хозяйстве лица, воспользовавшегося ссудой. Для односельчан все жители деревни живут как бы под стеклянной крышей, и все самые интимные подробности жизни каждого всем превосходно известны.

При таком близком знакомстве совсем не трудно размещать ссуды без всякого риска их невозвращения. Но имеется и еще одна очень существенная выгода размещения ссуд среди лиц, близко живущих друг от друга. В этом случае чрезвычайно затрудняется для должника уклонение от выполнения им своих обязательств; неуплата долга одним лицом причиняет ущерб всем членам товарищества, которые имеют возможность тысячами способов дать почувствовать своему односельчанину все недовольство его образом действий. Уклонение от платежа полученной ссуды грозит в этом случае должнику множеством самых серьезных неприятностей.

Итак, принцип локализации имеет то значение, что он дает возможность индивидуализировать кредитные операции и таким путем достигать их наибольшего обеспечения; и в то же время он дает возможность самого строгого контроля за назначением ссуды и гарантирует исправный возврат ее путем нравственного давления со стороны заинтересованных членов товарищества. Всех этих выгод лишается товарищество более крупного района, и вот почему Райффейзен придавал такое важное значение малому району действия своих товариществ.

Однако невыгоды небольших размеров кредитного учреждения все же остаются: мелкое предприятие по необходимости

является слабым. Но для кредитного кооператива с очень узким районом возникает, кроме этого, еще особое неудобство, связанное с его операциями как учреждения кредита. А именно: товарищество кредитует теми капиталами, которые оно получает в виде вкладов от лиц, не нуждающихся в данный момент в этом капитале. Но если вкладчики и члены кредитного учреждения принадлежат к очень узкому району и находятся вследствие этого в очень сходных условиях экономической жизни, то усиленный спрос на капитал, равно как и усиленное предложение капитала, приходится для всех приблизительно на одни и те же моменты времени. Так, осенью все сельские хозяйства после продажи урожая имеют некоторые избытки денежных средств, а весной при начале полевых работ чувствуют нужду в оборотных средствах. По этой причине товарищество очень узкого района рискует периодически испытывать то избыток предложения капитала, то избыток спроса на капитал; в первом случае будет трудно разместить капитал, во втором будет трудно удовлетворить потребность в кредите.

Таким образом, принцип локализации заключает в себе при своих сильных сторонах и некоторые опасности. Жизнь показала, однако, что имеется полная возможность сохранить сильные стороны этого принципа, избегнув его опасности: нужно только дополнить этот принцип новым — принципом объединения строго локализованных товариществ в более или менее обширные союзы. Такие союзы, связывая сотни и тысячи отдельных товариществ, нисколько не уменьшают самостоятельности каждого отдельного товарищества и не препятствуют ему так же тонко и точно индивидуализировать свои кредитные операции, но в то же время союзы эти делают отдельное товарищество членом крупного целого, одной ячейкой огромной сети товариществ. Перемещая капитал из одного товарищества в другое, союз дает возможность выравнивать спрос и предложение капиталов в отдельных товариществах, и, что не менее важно, союз связывает товарищество со всем денежным рынком страны; денежный капитал с широкого рынка не может быть помещен в небольшом деревенском товариществе, но союз, объединяющий множество таких товариществ, выступает на денежном рынке как крупное кредитное учреждение, привлекающее денежные вклады с широкого денежного рынка, подобно всякому другому крупному кредитному учреждению.

Таким образом, союз создает для отдельного кредитного товарищества мощную экономическую базу. Товарищества, образующие союз, сплетаются в одну сеть, раскидывающуюся на обширной территории, и в то же время товарищества не утрачивают сами тесной связи с небольшими группами лиц, принадлежащих к одному селу. Выгоды локализации кредитного товарищества целиком сохраняются, но невыгоды небольшого

размера кредитного учреждения отпадают благодаря союзному объединению товариществ.

Третий райффейзеновский принцип — бесплатность работы руководителей товарищества — не менее существен для успеха дела. Конечно, в крупном кредитном предприятии нельзя требовать бесплатного труда. Но ведь райффейзеновское товарищество должно оставаться мелким. В мелком кредитном товариществе распределение ссуд между какой-нибудь сотней членов требует самой незначительной затраты труда; заседания товарищества происходят всего раз, много — два раза в неделю, в свободное время, и жертва своим досугом, которая требуется в этом случае от члена правления, настолько незначительна, что для принесения ее не нужно героизма. Во всяком случае, опыт показал, что бесплатная служба членов правления и совета вполне осуществима.

Бесплатность же службы членов правления и совета значительно усиливает товарищество. Во-первых, непосредственная выгода соблюдения этого райффейзеновского принципа заключается в значительном понижении расходов по управлению товариществом. Райффейзеновские товарищества работают с такими небольшими затратами на управление предприятия, как никакие другие. Если бы служба членов правления оплачивалась по обычной капиталистической мерке, то это привело бы к огромному повышению процентов по ссудам, выдаваемым товариществами, ибо при ничтожном количестве этих ссуд благодаря небольшим размерам товарищества прибавка к расходам товарищества, вызываемая оплатой членов правления, выразилась бы крупным увеличением расходов на каждую ссуду. Благодаря же бесплатности труда членов правления и совета товарищества могут работать при самом ничтожном превышении процента по ссудам сравнительно с процентом, платимым по вкладам. Так, за первые годы настоящего столетия германские сельские кредитные товарищества взимали по ссудам от 4,7 до 4,8 %, в то время как по вкладам они платили от 3,6 до 3,7 % — разница немногим более 1 %. Конечно, такой результат был бы невозможным, если бы труд членов правления и совета оплачивался.

Райффейзеновские товарищества давали деревенскому населению кредит из такого процента, который нередко оказывался даже более низким, чем учетный процент Имперского банка. В этих случаях крестьянин получал из своего товарищества ссуды на более выгодных условиях, чем первоклассные фирмы из крупных капиталистических банков.

Однако этим далеко не исчерпываются выгоды, получаемые товариществом от строгого соблюдения принципа бесплатности трудовых услуг. Принцип этот имеет чрезвычайно важные косвенные последствия. Райффейзеновское товарищество целиком

основывается на доверии к личности должника. Оно вручает своему правлению очень большую власть — открывать или отказывать в кредите только на основании оценки нравственных качеств человека. Поэтому важно, чтобы эта власть была в достойных руках. Лишь в этом случае весь механизм может работать правильно и товарищество будет заслуживать того доверия, которое оно само требует от своих вкладчиков.

Отсюда следует особая важность для райффейзеновского товарищества привлекать в свое правление лиц, вполне добро совестных, которым не страшно вручать судьбу других лиц. Как же обеспечить подбор в состав правления лиц именно таких редких качеств? Райффейзеновский принцип бесплатности работы членом правления и совета как нельзя лучше приспособлен к тому, чтобы достигать этой цели. Не рассчитывая ни на какие материальные выгоды, члены правления и совета райффейзеновского товарищества берут на себя свои обязанности только из интереса к делу и желая помочь своим односельчанам. Правда, они получают известное вознаграждение за свои труды, но вознаграждение не денежное, а заключающееся в уважении и благодарности тех, кому они бескорыстно служили. Таким образом, только благодаря следованию этому принципу, заимствованному Райффейзеном из области благотворительности, созданные им учреждения крестьянского кредита могут наиболее удачно осуществлять свои отнюдь не благотворительные функции.

Четвертый райффейзеновский принцип не требует особых пояснений. Участие одного и того же лица в нескольких кредитных товариществах совершенно несовместимо с той тесной личной связью между товариществом и всеми его членами, которая является основой райффейзеновского кооператива. Кредитное товарищество должно иметь возможность осуществлять полный контроль над всей хозяйственной деятельностью своего члена; если же данное лицо участвует одновременно в нескольких товариществах, то, конечно, каждое из них, не будучи осведомлено относительно операции этого лица с другими товариществами, не имеет никакой возможности осуществлять этот контроль.

Одной из характерных особенностей райффейзеновского товарищества, вызвавшей особо горячие нападки на этот тип кредитных учреждений со стороны Шульце и его единомышленников, было несоответствие в этих товариществах между характером пассива и актива. Кредитное учреждение кредитует из тех капиталов, которые притекают к нему со стороны. Поэтому общим правилом деятельности кредитных учреждений признается, что их активные операции должны определяться характером их пассивных операций: для того чтобы кредитное учреж-

дение могло практиковать долгосрочный кредит, оно должно получать и капитал в свое распоряжение на долгие сроки.

Поэтому ипотечные банки, кредитующие своих клиентов на продолжительные сроки, получают капиталы для своих операций не путем привлечения краткосрочных вкладов, а выпуском особых кредитных документов, закладных листов, которые погашаются в течение того же срока, на который выдается ссуда. Банки же, не выпускающие подобных документов, а получающие свои средства для кредитования из краткосрочных вкладов, могут оказывать лишь краткосрочный кредит. Это признается элементарным и основным правилом банковского дела, нарушение которого должно приводить к невозможности для банка выполнять свои обязательства по отношению к своим кредиторам и, значит, к крушению банка.

Между тем райффейзеновское товарищество силой вещей приводится к долгосрочному кредиту. Оно имеет в виду оказывать помощь сельскому хозяину в его хозяйственной деятельности. Но в сельском хозяйстве капитал оборачивается медленно, это не торговля, в которой капитал легко может обернуться несколько раз в течение года. Нормальный сельскохозяйственный оборот охватывает при озимом посеве почти год, в скотоводстве три-четыре года. Основной же капитал (постройки, машины и пр.) оборачивается в сельском хозяйстве многие годы.

Между тем источником средств для кредитования являются для райффейзеновского товарищества краткосрочные вклады. Отсюда возникает для крестьянского кредита серьезное затруднение, которое должно быть тем или иным способом преодолено.

Райффейзеновские товарищества практикуют кредит двоякого рода: во-первых, краткосрочный кредит и, во-вторых, долгосрочный, причем последний охватывает продолжительные сроки, даже свыше 10 лет.

При этом нужно иметь в виду, что фактически краткосрочные ссуды, сроком до одного года, играют в райффейзеновских кооперативах сравнительно незначительную роль. Значительно преобладают ссуды сроком от 1 до 10 лет (на эти ссуды приходится около $\frac{2}{3}$ всех ссуд), ссуды же на сроки свыше 10 лет составляют около $\frac{1}{5}$ всех ссуд.

Каким же образом райффейзеновское товарищество открывает долгосрочный кредит, получая краткосрочные вклады?

Чтобы обеспечить товарищества на случай истребования вкладов, Райффейзен ввел в уставы своих товариществ два постановления: во-первых, товарищества могут в случае надобности прибегнуть к выпуску долгосрочных облигаций; во-вторых, товарищества имеют право во всякое время потребовать от своих членов возвращения полученных последними ссуд, на

какие бы сроки ни были выданы последние, при условии предупреждения должника за четыре недели.

Это последнее правило формально превращает все ссуды товарищества в краткосрочные, возвращаемые через четыре недели. Первое же правило дает возможность товариществу превратить свои обязательства в долгосрочные.

Однако и то и другое правило имеют чисто формальный характер и на практике почти никогда не применяются. Что касается выпуска долгосрочных обязательств, то за все время существования райффейзеновских товариществ к этому не приходилось прибегать ни разу. А право требовать возвращения ссуды с предупреждением за четыре недели также остается на бумаге, так как фактически товарищества пользуются им крайне редко, в совершенно исключительных случаях.

Таким образом, фактически товарищества открывают долгосрочный кредит при помощи вкладов, помещаемых в товарищества на короткие сроки. Это возможно только потому, что фактически вклады остаются в товариществе продолжительные сроки.

Указанное затруднение разрешается, следовательно, следующим образом: товарищества фактически получают капитал на долгие сроки и потому могут выдавать его в ссуду на долгие сроки. Формально же товарищества кредитуют на короткий срок (ибо каждая ссуда может быть истребована обратно в течение месяца), получая вклады также на короткий срок. Требование банковской политики о соответствии банковского актива и пассива фактически совершенно не нарушается, да и формального нарушения нет вследствие указанной статьи устава товарищества, разрешающей досрочное истребование ссуды.

Возможность кредитования на долгий срок обуславливается, таким образом, особым характером вкладов в райффейзеновских товариществах. В данном случае еще раз обнаруживается основная черта всей этой организации, ее тесная связь с жизнью деревни и начало доверия, которое составляет основу всех ее операций. К райффейзеновскому товариществу совершенно неприменимы те требования, которые следует предъявлять ко всякой хозяйственной организации, стоящей на почве только хозяйственного эгоизма и строгого хозяйственного расчета. Дух райффейзеновского товарищества совершенно иной, и в этом сила товарищества. Неудивительно, что Шульце, стоявший на почве совершенно иного миросозерцания, оказался не в силах уразуметь эту специфическую силу райффейзеновской кооперации и, предъявляя к ней те же требования, как и ко всякой другой хозяйственной организации, упорно отказывался признать рациональность и остроумие той организации, при помощи которой Райффейзен решил казавшуюся неразрешимой

задачу — обеспечить кредит лицам, с точки зрения обычного банка совершенно некредитоспособным.

Но указанными чертами не исчерпываются особенности райффейзеновского товарищества. Оно включает в себе еще одно учреждение, для него весьма характерное.

Кредитный кооператив был для Райффейзена не целью, а только средством для более высокой цели. Кредитные товарищества были задуманы их творцом как орудия преобразования всего современного общественного строя на началах братской любви и христианской морали. Они отнюдь не должны были служить интересам только своих членов.

Соответственно этому Райффейзен придавал особое значение тому, чтобы созданные им товарищества могли исполнять свою общественную функцию помимо своих ближайших задач — улучшения условий кредита небольшой группы своих членов.

С этой целью Райффейзен сделал обязательным для своих товариществ образование особого неделимого и постоянного фонда, который в случае прекращения товарищества должен идти на устройство нового кредитного товарищества. Фонд этот образуется из отчислений товарищества и имеет следующее назначение: во-первых, он должен дать возможность товариществу с течением времени избавиться от чужого капитала — товарищество, пользуясь этим фондом, получает возможность кредитовать из него своих членов; во-вторых, при прекращении товарищества фонд этот должен быть передан центральной организации райффейзеновских товариществ для устройства нового товарищества такого же типа.

Образованию такого неделимого фонда Райффейзен придавал особое значение. Идея этого фонда была внушена Райффейзену, очевидно, неделимым фондом для производственных ассоциаций Бюше, хотя, по-видимому, сам Райффейзен и не был знаком со взглядами Бюше, — они дошли до него из других рук. Фасбендер в своей книге «F. W. Raiffeisen, in seinem Leben, Denken und Wirken» (1902 г.) отмечает, что идея неделимого фонда была высказана одновременно с Райффейзеном известным швейцарским социалистом и кооператором Беккером, но что и тот и другой пришли к своим взглядам независимо друг от друга. Это вполне возможно, так как и тот и другой воспользовались в данном случае идеей Бюше, которая была хорошо известна в шестидесятые годы прошлого века в кругах лиц, интересовавшихся кооперацией.

Идея неделимого фонда как хозяйственного базиса кредитного кооператива при устранении чужого капитала является самым слабым из райффейзеновских принципов и до настоящего времени не получила практического осуществления; фактически райффейзеновские товарищества в гораздо большей

степени, чем кредитные кооперативы шульцевского типа, кредитуют чужим капиталом, и это нисколько не удивительно ввиду того, что образование значительного собственного капитала возможно лишь путем повышения процента по ссудам, на что члены товарищества идут очень неохотно.

Чтобы понять сущность райффейзеновского товарищества, нужно иметь в виду, что кредитные операции отнюдь не должны были, по мысли Райффейзена, быть единственным делом товарищества. Кредитное товарищество должно стать деревенским кооперативом самого универсального рода: кроме ссуд, оно должно также закупать для своих членов нужные им средства производства, продавать продукты их труда, организовывать для своих членов сельскохозяйственные курсы и лекции, вообще всесторонне руководить жизнью и деятельностью своих членов и подымать их хозяйственный, моральный и интеллектуальный уровень.

«Доставлением денежных средств,— говорит Райффейзен в своем основном сочинении *«Die Darlehnskassen Vereine»*,— не ограничиваются задачи товарищества. Дальнейшая задача товарищества заключается в том, чтобы достигнуть наилучшего использования этих средств в видах поднятия хозяйства и производства, а не увеличения бесполезных расходов. Указание способов к этому столь же важно или даже важнее, чем получение денег. Сельскохозяйственные общества, так же как и крестьянские общества, ставят себе задачей содействовать этому. Они, без сомнения, сделали в этом отношении многое. Однако редко собрания таких обществ и доклады странствующих лекторов при относительно очень скудном специальном образовании в сельскохозяйственных школах еще далеко не оказывают на отдельные лица такого влияния, чтобы произошел общий подъем. Очень часто подобные собрания посещаются многими лицами, ищущими образования и помощи в своей нужде. Но после докладов нередко слышишь: все это прекрасно и мы охотно бы сделали все это, но у нас нет денег. Землевладельцы могут предлагать, что им угодно, но мы ничем из этого воспользоваться не можем. Иначе обстоит дело с кредитными товариществами. Без всяких особых мер собрания товарищества являются вместе с тем и собраниями сельскохозяйственного общества. Но в отличие от сельскохозяйственных обществ товарищества располагают средствами для проведения и исполнения предлагаемых улучшений. Таким образом могут осуществляться всевозможные мелiorации, дренажирования почвы, улучшения лугов, устройство виноградников, плодовых садов и т. д., и т. д., могут быть поощряемы разные вспомогательные отрасли хозяйства, как пчеловодство, рыбоводство, кустарные промыслы и т. д. Собрания товарищества могут происходить каждое воскресенье. Все, что касается улучшения хозяйственного

положения членов товарищества, может быть обсуждаемо на этих собраниях и осуществляется при помощи имеющихся денежных средств».

Глава III. РАЗВИТИЕ РАЙФФЕЙЗЕНОВСКОЙ КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ

1. РАЙФФЕЙЗЕНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРОГОМ СМЫСЛЕ

Первое райффейзеновское товарищество возникло, как сказано, в 1864 г. Оно нашло для себя благодатную почву, так как во второй половине XIX в. в Германии, как и в других государствах Западной Европы, крестьянское хозяйство переживало тяжелый кризис, вызванный быстрым проникновением в деревню денежного хозяйства и сопровождавшийся чрезвычайным обострением нужды крестьянина в денежных средствах.

Эта потребность в денежном капитале еще усиливалась обнаружившейся необходимостью перехода к более интенсивным системам хозяйства: от прежнего, преимущественно зернового хозяйства к различным отраслям животноводства и птицеводства. Как показало обследование германским «Союзом социальной политики» вопроса о ростовщичестве, германская деревня даже в восьмидесятых годах прошлого века сильно страдала от ростовщичества, и это было несколько не удивительно, так как в деревне почти не существовало особых учреждений для удовлетворения крестьянской потребности в кредите.

Положение еще более осложнилось возникновением в половине семидесятых годов прошлого века тяжелого аграрного кризиса, охватившего свыше двух десятилетий. Кризис этот был вызван сложными причинами, в основе которых лежало удешевление сухопутного и морского транспорта, благодаря чему зерновые продукты заокеанских стран и России появились в огромном количестве на рынках Западной Европы, что естественно привело к падению цен этих продуктов, продолжавшемуся вплоть до половины девяностых годов прошлого века.

Все это вместе привело к тому, что в германской деревне обнаружилась очень острая потребность в кредитных учреждениях, которые могли бы кредитовать крестьянскую массу. Обычные учреждения кредита были недоступны для крестьянина. Вполне понятно, что райффейзеновские кооперативы пришли как нельзя более кстати и начали быстро распространяться.

Вот данные о росте в Германии кредитных товариществ (всех типов):

Год	Число кредитных товариществ в Германии	Год	Число кредитных товариществ в Германии
1890	3 467	1910	17 493
1895	6 417	1912	18 830
1900	11 477	1913	19 300
1905	15 011	1914	19 700

Правда, в этот итог входят и городские товарищества Шульце. Но так как число последних очень невелико и колеблется около тысячи, то приведенные цифры характеризуют собой рост именно сельских кредитных товариществ, огромное большинство которых является товариществами более или менее чистого райффейзеновского типа.

Этот поразительный рост крестьянской кредитной кооперации стал возможен лишь благодаря тому, что райффейзеновские товарищества действовали не изолированно друг от друга, но очень скоро создали объединяющие их союзы.

Союзы эти носят в Германии названия центральных касс и служат, как было указано выше, главным образом двум целям: во-первых, выравниванию спроса и предложения денежного капитала в отдельных товариществах и, во-вторых, установлению связи между отдельными товариществами и широким денежным рынком. Только опираясь на центральные кассы, райффейзеновские товарищества могли достигнуть таких выдающихся успехов.

Райффейзен прекрасно понимал необходимость объединяющих товарищества союзов и с самого начала своей кооперативной деятельности стал стремиться к созданию центральной кассы своих товариществ, равно как и к более широкой организации небанковского типа для объединения деятельности товариществ в других отношениях. Чтобы достигнуть этой цели, ему пришлось преодолеть значительные затруднения, так как германский кооперативный закон 1868 г. запрещал образование союзов кооперативов. Препятствие это было обойдено Райффейзенем путем образования центральной кассы своих товариществ на основах акционерной компании. Таким образом, уже в семидесятых годах прошлого века в Нейвиде — в небольшом прирейнском городе, в районе которого развивалась деятельность Райффейзена, — возникли две центральные организации для крестьянской кооперации: Сельскохозяйственная центральная кредитная касса Германии и Общий союз сельских товариществ Германии.

Центральная касса возникла, как сказано, в форме акционерной компании с капиталом в 10 млн. марок, разделенным на 10 000 акций по 1000 марок. Задача центральной кассы заключалась в производстве банковских операций для доставления членам кассы необходимых денежных средств. Членами же кассы являлись лишь райффейзеновские товарищества. Кроме

банковских операций, касса содействовала также и другим операциям товариществ — закупке ими сельскохозяйственных средств производства и продаже сельскохозяйственных продуктов.

Касса эта с течением времени открыла 12 отделений в различных районах Германии, являющихся центрами, объединяющими деятельность товариществ данного района. Главная задача отделений кассы заключалась в регулировании распределения денежных капиталов между отдельными товариществами данного района. Директора отделений составляли вместе с главным директором правление центральной кассы. Отделения возникли сравнительно недавно: первые три отделения были учреждены в 1895 г., до этого же времени все денежные операции объединенных товариществ были сосредоточены непосредственно в Нейвидской кассе.

Другим объединяющим центром райффейзеновских товариществ явился Общий союз сельских товариществ Германии. Эта организация не преследовала непосредственных хозяйственных целей и должна была стать духовным центром всей сети райффейзеновских товариществ, играя по отношению к райффейзеновской кооперации такую же роль, какую играет по отношению к британской потребительской кооперации Кооперативный союз. Но, кроме этого, Общий союз выполнял и некоторые иные функции: так, при нем было ревизионное отделение, заведующее ревизией товариществ, и страховое отделение, исполняющее роль посредника между товариществами и частными страховыми обществами. Союз представляет райффейзеновскую кооперацию в сношениях с правительственными и законодательными учреждениями.

Все эти кооперативные учреждения — отдельные товарищества и обе центральные организации — образовали собой тесно сплоченное целое, стоящее на страже райффейзеновских принципов. Принципы эти являются для всей данной кооперативной организации чем-то священным, не подлежащим никаким изменениям. Райффейзеновские принципы признаются обязательными для всех товариществ, принадлежащих к центральной кассе. Согласно уставу каждого товарищества какое-либо изменение статей устава, касающихся основных райффейзеновских принципов, могут быть вытеснены общим собранием только по единогласному решению всех членов товарищества. В уставе Общего союза содержится в этом отношении еще более суровая статья, заявляющая, что вопрос об изменении основных райффейзеновских принципов совсем не может быть предметом обсуждения собрания. Изменение этой статьи возможно лишь на основании единогласного постановления всех товариществ, принадлежащих к союзу.

Нельзя не согласиться с А. Н. Анцыферовым, что в органи-

зации, созданной Райффейзенем, его принципы окружены тройной непроницаемой броней. Создана целая хитросплетенная система, имеющая целью обеспечить этим принципам вечное существование. Раз только товарищество организовано по нейвидскому образцу, раз только члены-учредители подписали его, они тем самым навсегда отказываются от права касаться новых райффейзеновских принципов. И по мере того как число членов будет расти, фундамент, на котором стоит незыблемость принципов, будет становиться все тверже и тверже. При современных условиях кредита отдельному товариществу нет возможности существовать, если оно не присоединится к какой-либо центральной кассе, в которую оно помещает временный избыток своих средств и откуда, что еще важнее, оно получает кредит на выгодных условиях. Таким образом, жизненная необходимость заставляет местное товарищество сделаться акционером Нейвидской центральной кассы. Но здесь принципы стоят незыблемо, и каждый новый акционер укрепляет их положение; выйти же из кассы для товарищества почти невозможно.

Правда, райффейзеновские принципы в самом важном вполне соответствуют характеру крестьянской кооперации; однако этого все же нельзя сказать относительно каждого из них. Так, одним из основных райффейзеновских принципов является неограниченная ответственность членов товарищества по всем его обязательствам. Этот принцип отнюдь не может считаться необходимым условием кредитного товарищества, ибо при хорошем ведении дела товарищество всегда может выполнить свои обязательства, не прибегая к дополнительным взысканиям со своих членов. Опыт показывает, что товарищества с ограниченной ответственностью почти так же или даже совершенно так же привлекают вклады, как и товарищества с неограниченной ответственностью. Таким образом, этот райффейзеновский принцип особого значения на практике не имеет.

Принцип бесплатности услуг в общем вполне соответствует характеру кредитного товарищества небольших размеров, но опять-таки в отдельных случаях строгое осуществление его может натолкнуться на серьезные затруднения. И было бы совершенно непрактично жертвовать реальными интересами товарищества ради соблюдения чистоты принципа. Идея неприкосновенного учредительного фонда, бывшая в глазах Райффейзена едва ли не самым основным из его принципов, на практике не имеет почти никакого значения.

В общем итоге, воздавая должное райффейзеновским принципам и усматривая в некоторых из них единственно возможную основу крестьянского кредита, все же никоим образом нельзя одобрить принудительного навязывания этих принципов каждому товариществу, чем, несомненно, грешит райффейзеновская организация. Поэтому несколько не удивительно, что

по мере роста крестьянской кооперации в Германии росла и оппозиция правоверному райффейзенизму.

Райффейзеновская организация, как справедливо замечает А. Н. Анцыферов, была вся проникнута духом патриархальной оценки, что отнюдь не вяжется с современной кооперацией. Вместе с тем для всей организации характерен чрезвычайный централизм ее конструкции. Первоначально этот централизм был даже еще большим. Так, вначале не существовало никаких отделений Центральной кассы, и все исполнялось непосредственно в Нейвиде. Постепенно райффейзеновская организация должна была отказываться от своего первоначального догматизма и предоставлять больше свободы своим кооперативам.

2. ДВИЖЕНИЕ ИМПЕРСКОГО СОЮЗА

При том духе, который первоначально пронизывал все райффейзеновские товарищества, неудивительно, что рядом с ними стали возникать крестьянские кооперативы, стоявшие в стороне от райффейзеновских организаций. Товарищества эти вскоре после своего возникновения стали соединяться в союзы, а затем все эти местные союзы в 1883 г. объединились в один Всеобщий союз сельскохозяйственных товариществ Германии (в 1903 г. переименованный в Имперский союз сельскохозяйственных товариществ Германии). При своем возникновении союз этот объединил всего 278 товариществ, к 1913 г. в состав этого союза входило уже 13 131 кредитное товарищество.

Кредитные товарищества, входящие в состав Имперского союза, стоят в сущности на основе тех же самых принципов, как и райффейзеновские товарищества, и в этом смысле могут быть с полным основанием причислены к типу этих последних. Различия же между товариществами, принадлежащими к тому и другому союзу, заключаются лишь в том, что товарищества райффейзеновского союза признают райффейзеновские принципы непререкаемыми догмами, между тем как товарищества Имперского союза, стоя в общем на основе тех же принципов, допускают возможность и отклонения от них в случае необходимости. Самым крупным принципиальным расхождением с этими принципами является, пожалуй, то, что Имперский союз признает необходимым для товариществ паевой капитал, и даже довольно крупный.

Вопрос о паевом капитале был рассмотрен на конгрессе Имперского союза в Свинемюнде в 1909 г., причем данному вопросу был посвящен особый реферат д-ра Квабека. Докладчик решительно высказался за усиление паевого капитала товарищества, причем, однако, признавал нужным ограничить дивиденд по паям теми и другими нормами (процентом, платимым по вкладам, или же максимумом в 4 %) с тем условием, чтобы дивиденд этот приписывался к паю, пока последний не достиг-

нет 100 марок. При этом Квабек признавал желательным, чтобы товарищества доводили пай до еще более крупных размеров — 500 марок на члена. Обязательный взнос при вступлении в товарищество, по мнению Квабека, должен достигать по крайней мере 50 марок.

Предложенная Квабеком резолюция, которая рекомендовала товариществам стремиться к увеличению своего паевого капитала, была принята конгрессом единогласно.

Выше было сказано, что все германские кооперативы по закону должны иметь паевой капитал. Однако многие кредитные товарищества, не только в райффейзеновском, но и в Имперском союзе, стремятся свести пай к такому ничтожному размеру, при котором пай становится номинальным. Так, в 1908 г. среди германских сельскохозяйственных товариществ считалось 3131 товарищество с паями от 2—5 марок, 229 — с паями от 1 до 2, 126 — с паем в 1 марку и ниже. Против подобных товариществ с очень ничтожным паевым капиталом и был направлен реферат Квабека. Единогласное одобрение его конгрессом показывает, что в среде германской крестьянской кооперации райффейзеновский принцип, отрицающий паевой капитал, в настоящее время утрачивает сочувствие. Это объясняется поднятием благосостояния германского крестьянина, благодаря чему внесение пая уже не становится для него до такой степени затруднительным, как это было в шестидесятых годах прошлого века, когда вырабатывались райффейзеновские принципы. Во всяком случае, принцип этот сохраняет все свое значение для крестьянской кооперации тех стран, где благосостояние крестьянской массы стоит не выше или даже ниже германского уровня полвека тому назад.

Точно так же и по вопросу о неограниченной ответственности членов товарищества Имперский союз отклоняется от райффейзеновских принципов. Правда, союз рекомендует неограниченную ответственность, но допускает и ограниченную. Фактически в начале этого века в Германии 94 % всех кредитных товариществ имели ответственность неограниченную.

Затем, Имперский союз отнюдь не считает обязательным бесплатность службы членов правления и совета. Идея «учредительного фонда», которой Райффейзен придавал такое значение, совершенно чужда Имперскому союзу. Товарищества Имперского союза имеют, далее, более специализированный характер: в то время как райффейзеновское товарищество выполняет всевозможные операции по закупке и сбыту, товарищества Имперского союза выделяют операции этого рода особым товариществам. Вообще, союз предоставляет входящим в его состав товариществам полную свободу внутреннего устройства и ничего им не навязывает. Вся организация Имперского союза характеризуется отсутствием централизации и широким про-

стором для самодеятельности, выгодно отличаясь в этом отношении от райффейзеновского союза.

Тем не менее товарищества Имперского союза в большинстве мало отличаются по своей организации от товариществ райффейзеновского союза: те же небольшие размеры товарищества, та же в большинстве бесплатность работы членов правления и совета, те же небольшие пай (хотя и более крупные, чем в товариществах чисто райффейзеновского типа).

При своем возникновении Имперский союз состоял исключительно из товариществ по закупке, сбыту и переработке, кредитные же товарищества не принимали в нем никакого участия, так как принадлежали к райффейзеновской организации. Чтобы не раздражать Райффейзена, союз даже принципиально не принимал в свой состав кредитных товариществ.

После смерти Райффейзена (в 1888 г.) союз изменил свою тактику и стал принимать в свой состав все крестьянские товарищества без различия. Немедленно же к союзу стали примыкать в большом числе кредитные товарищества, и через 15 лет число кредитных товариществ в Имперском союзе стало значительно превосходить число товариществ в райффейзеновской организации.

При отсутствии глубоких принципиальных различий между кооперативами обоих союзов существование двух обособленных союзов долго продолжаться не могло, и в 1905 г. произошло слияние обеих организаций, причем нельзя не признать, что слияние это было в сущности присоединением гораздо менее крупного райффейзеновского союза к более мощному Имперскому, широкая свобода которого сделала его привлекательным и для райффейзеновских товариществ.

Присоединение райффейзеновского союза к Имперскому, о чем переговоры велись более десяти лет без всякого результата ввиду упорного желания преемников Райффейзена по руководительству союзом сохранить свое самостоятельное существование, стало необходимым ввиду неудовлетворительного ведения дела в Нейвидской центральной кассе, которая стала давать постоянные дефициты.

Значение состоявшегося соглашения обеих центральных организаций сводилось преимущественно к тому, что райффейзеновский союз согласился отказаться от своей прежней централизации и предоставил своим 12 отделам такую же широкую свободу, какой пользовались и отделы Имперского союза.

После достигнутого слияния с райффейзеновской организацией Имперский союз объединил почти всю сельскохозяйственную кооперацию Германии. Талантливый руководитель Имперского союза Гааз явился почти такой же центральной фигурой в крестьянской кооперации Германии, какой был в свое время Райффейзен. Гааз, несомненно, много сделал для дальнейшего

развития крестьянской кооперации, хотя деятельность его не внесла ничего существенно нового в формы, созданные его предшественниками. Заслуга Гааза заключается только в том, что он сгладил углы и шероховатости первоначального райффейзеновского кооператива и приспособил его к потребностям жизни. Гааз был человеком компромисса, а такие люди всегда идут в главном за более оригинальными людьми и выполняют второстепенное дело улучшения в частности основ, вырабатываемых не ими.

Имперский союз представляет собой сложную организацию учреждений различного рода. Кредитные товарищества, принадлежащие к нему, соединены между собой прежде всего посредством центральных касс, которых до присоединения райффейзеновской организации было 23. Но над всеми центральными кассами еще недавно стоял Имперский кооперативный сельскохозяйственный банк, созданный в 1902 г. по постановлению конгресса союза в Карлсруэ путем преобразования существовавшего еще с 1897 г. в Гамбурге общества оптовых закупок Имперского союза.

Соответственно своему происхождению Имперский кооперативный банк преследовал цели разного рода — не только объединения денежно-кредитных операций отдельных центральных касс, но и регулирования чисто товарных операций отдельных товариществ, организацию кооперативных закупок и продаж сельскохозяйственных продуктов.

Этот банк, созданный Имперским союзом, явился серьезным конкурентом Прусской центральной кассы кооперативных товариществ, учрежденной прусским правительством в 1895 г. (об этой кассе будет речь в главе о ремесленной кооперации). Прусская касса поставила себе задачей сосредоточить в своих руках общее руководство всей германской кооперацией и как учреждение государственное быстро развило свои операции. Шульцевские народные банки, принципиально отрицающие вмешательство государства в кооперативное движение, отнеслись к ней очень враждебно. Крестьянская кооперация Германии никогда не отрицала принципиально помощи государства, и потому крестьянские кооперативы охотно вступили в сношения с Прусской кассой. Однако Прусская касса своим бюрократическим образом действий скоро вызвала недовольство и среди крестьянских кооперативов. В Имперском кооперативном банке Прусская касса увидела своего нежелательного конкурента и стала систематически стремиться к ограничению его операций. В конце концов между всеми организациями состоялось соглашение, которым области деятельности Прусской кассы и Имперского банка были строго размежеваны. Круг деятельности Прусской кассы был ограничен, во-первых, территориально — Пруссией, а во-вторых, по отношению к харак-

теру сделок — денежно-кредитными операциями. За Имперским банком остались операции вне пределов Пруссии и на всей территории империи операции товарного характера.

3. КРУШЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕРМАНСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Имперский банк занял видное положение в крестьянской кооперации Германии; можно было думать, что обороты банка начнут расти таким же темпом, как и обороты Имперского союза, которые к 1913 г. достигли почти 5 млрд. марок. Однако ожидания эти не оправдались главным образом благодаря неблагоприятному отношению к банку могущественной Прусской кассы. Соглашение, заключенное между банком и Прусской кассой в 1904 г., уже само по себе поставило деятельность банка в очень узкие рамки, так как оно лишило банк возможности производить кредитные операции во всей Пруссии.

Столь же неблагоприятно относилась Прусская касса и к другой организации крестьянских кооперативов — к Центральной кассе райффейзеновского союза. Дело кончилось столкновением Прусской кассы с обеими организациями.

Конфликт с райффейзеновской кассой был вызван следующими обстоятельствами. Прусская касса заключила в 1905 г. договор с Нейвидской центральной кассой следующего рода: Нейвидская касса обязалась по этому договору покрывать все свои потребности в банковском кредите исключительно в Прусской кассе и вместе с тем вносить все свои излишки вкладов исключительно в Прусскую кассу. По следующему договору в 1907 г. Нейвидская касса обязалась не вести никаких операций с Имперским кооперативным банком.

Все эти ограничения деятельности были очень тягостны Нейвидской кассе, и в 1910 г. она заявила Прусской кассе, что хотела бы вступить в сношения с Имперским банком и вообще не ограничивать свои банковские операции только сношениями с Прусской кассой. Последняя в ответ на это заявление прервала в 1911 г. сношения с Нейвидской кассой.

Это совпало с очень тяжелым положением Нейвидской кассы, вызванным главным образом ее операциями по закупке и сбыту сельскохозяйственных продуктов. Операции эти нередко приносили большие убытки, превысившие к 1910 г. 3 млн. марок. Ввиду этого в 1910 г. правление Нейвидской кассы решило ликвидировать свои товарные операции, а в возмещение своих убытков обязать принадлежащие к ней товарищества сделать единовременный взнос в 750 марок каждое товарищество с тем, чтобы эта сумма была впоследствии постепенно погашена кассой из ее доходов.

Прусская касса воспользовалась тяжелым положением Нейвидской кассы для того, чтобы попытаться совершенно разрушить последнюю. А именно: она обратилась ко всем союзным кассам райффейзеновских товариществ с предложением вступить в непосредственные сношения с Прусской кассой и прекратить сношения с Нейвидской кассой.

К счастью, попытка Прусской кассы уничтожить Нейвидскую кассу не удалась: огромное большинство товариществ, принадлежащих к райффейзеновскому союзу, согласилось поддерживать свою союзную организацию, и только около 170 познанских товариществ отказали в просьбе Нейвидской кассе и вышли из состава ее членов.

Однако хотя Нейвидская касса и устояла, но самостоятельно существовать она уже не могла и должна уже была примкнуть к кооперативному отделению Дрезденского коммерческого банка, который выполняет функции центрального банковского учреждения и для шульцевских народных банков (о чем см. в главе о мелкобуржуазной кредитной кооперации). Но если такое подчинение чисто капиталистическому кредитному учреждению и не представляло собой ничего противоестественного для полукапиталистических шульцевских товариществ, то иное нужно сказать о райффейзеновских товариществах, ничего общего с капиталистическими учреждениями не имеющих*. Для них присоединение к Дрезденскому банку знаменовало собой полное крушение всей кооперативной идеи.

Таким образом, история райффейзеновской кооперации заканчивается к нашим дням тяжелым кризисом, который, без сомнения, будет в конце концов преодолен кооперацией, но который все же показывает, как еще относительно слаба кооперация в борьбе за свою самостоятельность.

Еще в худшее положение пришли дела Имперского союза. Некоторые из товариществ этого союза значительно уклонились от райффейзеновских принципов и мало-помалу стали развиваться в направлении капиталистических банков. Возможность для такого развития открыта для всех товариществ, имеющих большие пай и достигающих крупных размеров. Одно из таких очень крупных товариществ, принадлежащее к Гессенскому союзу (входившему в состав Имперского) товарищество в Нидермодау, благодаря хищениям в его среде оказалось в невозможности продолжать дело и должно было закрыться. При этом оказалось, что пассив товарищества превосходит его актив свыше чем на полтора миллиона марок. По этой крупной цифре можно видеть, как далеко было это товарищество от райффейзеновского принципа локализации.

Деятельность этого товарищества охватывала очень большой по территории район. Число его членов было незначительно — к моменту ликвидации в нем было всего 197 членов,—

но операции его были так обширны, что иногда в товариществе скапливалось до 3 млн. марок вкладов. Эти крупные суммы размещались вопреки закону между нечленами, жившими в совершенно других местах. Товарищество вступило на путь капиталистических спекуляций и вообще мало-помалу приняло характер обычного банка, и притом весьма плохого рода.

В конце концов все это привело к хищениям в среде товарищества и к краху, в результате которого четверо главных руководителей товарищества попали на скамью подсудимых и были приговорены к продолжительному тюремному заключению за мошенничества разного рода.

Подобного же рода грустные явления обнаружились и в нескольких других товариществах Гессенского союза. Расстроенное положение в товариществах этого союза не замедлило отразиться и на положении центральной кассы Гессенского союза, которая также должна была ликвидировать свои дела. Впрочем, ликвидация Гессенской кассы была вызвана преимущественно другим, еще более крупным несчастьем германской кооперации — крушением Имперского банка.

Большую часть своих средств касса вложила в Имперский банк, около 8 млн. марок. Когда под влиянием событий балканской войны 1912 г. вкладчики стали требовать из кассы свои вклады обратно, то касса оказалась не в силах вернуть свои деньги из Имперского банка и обратилась за помощью к Прусской кассе, которая и оказала эту помощь, открывши Гессенской кассе кредит в размере 6 млн. марок. Но и это не спасло Гессенскую кассу, и она была вынуждена приступить к ликвидации своих дел.

Гессенские товарищества не замедлили организовать взамен закрывшейся новую центральную кассу, которая, впрочем, большого доверия к себе не вызвала и существует доньше только поддержкой Прусской кассы и гессенского правительства, которое охотно пошло на поддержку кассы, подчинив ее вместе с тем своему контролю.

Гессенская касса пострадала не только материально, но и морально: ее директор был признан судом виновным в составлении ложных отчетов и был приговорен к тюремному заключению. Вообще, руководители гессенской кооперации (во главе которых стоял создатель Имперского союза Гааз) были совершенно дискредитированы в общественном мнении.

Как сказано, главной причиной гибели Гессенской кассы был крах Имперского банка. Банк этот, образованный первоначально в форме кооперативного товарищества, в 1907 г. был преобразован в акционерный банк. Деятельность его была сильно стеснена соглашением с Прусской кассой, и благодаря этому обороты его не обнаружили тенденции к правильному росту, как это видно из нижеследующих цифр:

Год	Обороты Имперского банка, млн. марок
1907	366
1908	710
1909	836
1910	610
1911	459

Соглашение с Прусской кассой ограничило, как сказано выше, операции Имперского банка товарными сделками во всей империи и денежно-кредитными операциями за пределами Пруссии. Но товарные операции плохо удавались банку и давали хронический убыток. Ввиду этого в 1910 г. банк решил ликвидировать эти операции и ограничиться денежно-кредитными.

Однако банку не удалось привлечь к себе значительное количество вкладов, которых в 1913 г. было всего около 12 млн. марок, причем около 8 млн. приходилось на долю вкладов Гессенской центральной кассы.

Хуже всего, однако, было то, что и Имперский банк, подобно многим другим кредитным учреждениям Имперского союза, существенно уклонился от своих задач служить делу мелкого крестьянского кредита и постепенно принял характер обычного спекулятивного банка. Большую часть своих оборотных средств банк вложил в капиталистический Сельскохозяйственный кредитный банк. Оба эти учреждения фактически составили одно целое. Президент Имперского союза Гааз, бывший одновременно председателем правления Имперского банка, стал председателем совета и Сельскохозяйственного банка. Сельскохозяйственный банк до этого слияния был в очень трудном положении. Имперский банк пришел ему на помощь и вложил в него около 10 млн. марок своих средств. Однако эта сумма оказалась недостаточной, чтобы поправить дела Сельскохозяйственного банка, и вместе с последним рухнул и Имперский банк.

Все эти катастрофы привели к расколу и среди Имперского союза. Как сказано выше, к Имперскому союзу присоединился в 1905 г. райффейзеновский союз. Крушение предприятий Имперского союза и недоверие к его руководителям привели к тому, что на общем собрании райффейзеновского союза в 1912 г. в Гейдельберге было постановлено о выходе из состава Имперского союза. Согласно этому постановлению 4373 кредитных товарищества райффейзеновского союза, т. е. приблизительно четверть всех кредитных товариществ Германии, покинули Имперский союз.

Таким образом, германская крестьянская кооперация испытала за последние годы целый ряд катастроф; катастрофы эти, несомненно, отнюдь не были случайными событиями, ничем не связанными с общим характером германской кооперации. Нельзя не остановиться на очень поучительном выяснении общих причин всех этих грустных для кооперации событий.

Эти общие причины могут быть сведены к двум: 1) к неблагоприятному влиянию на германскую кооперацию правительственного органа — Прусской центральной кассы и 2) к капиталистическому перерождению центральных учреждений германской кооперации и некоторых отдельных кооперативов.

Что касается первой причины, то ее значение из изложенного ясно. Не подлежит сомнению, что Прусская касса много сделала для развития германской кооперации. Но платой за эти успехи явилась зависимость некоторых важнейших отраслей германской кооперации от Прусской кассы.

Прусская касса совершенно определенно стремилась и стремится подчинить себе германскую кооперацию. Центральные учреждения кооперативных союзов, естественно, стоят на пути к этому стремлению, и касса сознательно идет к их разрушению. Невысказанной целью руководителей кассы является создание такого положения вещей, при котором отдельные кооперативы получили бы возможность полного развития своих сил, но связывались бы друг с другом не собственными кооперативными же организациями, а над ними стоящим бюрократическим учреждением — Прусской кассой.

В этом опасность той поддержки кооперативного движения, которая оказывается государственной властью. Принципиально нельзя отвергать с точки зрения целей и задач кооперации такой поддержки. Но если она исходит от правительства, проникнутого духом бюрократической опеки, то такая поддержка должна приниматься кооперативами лишь на условии предоставления кооперации полной свободы ее самостоятельного развития. В противном случае кооперация рискует лишиться своей сущности — свободы самоопределения и самостоятельности*.

Вторая причина неудачи германской кооперации также весьма характерна для условий германской общественности. Как будет указано ниже, в Германии крестьянская кооперация находится под сильным влиянием класса крупных землевладельцев. Духовными вождями германской деревенской кооперации являются аграрии. Этот союз помещичьего и крестьянского классов входил в основные замыслы Райффейзена, который, исходя из своего социального идеала, отрицал классовый антагонизм и хотел основать свою кооперацию на сотрудничестве богатых и бедных. Райффейзенские принципы имели своей целью сделать невозможным капиталистическое перерождение кооперации: хотя и руководимый помещиком, райффейзенский кооператив должен служить интересам отнюдь не помещиков, а крестьян — в этом весь смысл этих принципов.

Итак, райффейзенская кооперация должна была заставить помещиков служить интересам крестьян — задача далеко не из легких, и неудивительно, что разрешение ее не всегда удавалось на практике.

Товариществам Имперского союза, менее строго придерживающимся райффейзеновских принципов, но в равной или даже большей мере находящимся под влиянием помещичьего класса, еще больше угрожает эта опасность капиталистического перерождения. И мы действительно видим, что не только центральные учреждения Имперского союза, но и отдельные товарищества союза уклонились от своей задачи — помощи крестьянскому классу и стали организациями, служащими капиталистическим интересам.

Из всего этого для крестьянской кооперации вытекает урок: союз крестьянства и помещичьего класса в области кооперации чреват опасностями и легко может повести к искажению сущности кооперации. Ибо кооперация есть самодеятельность, помещик же, руководящий крестьянским кооперативом, является наглядным, фактическим доказательством, что крестьяне сами еще не доросли до самопомощи, а значит, не доросли и до истинной кооперации.

Райффейзен начал с благотворительных организаций; затем он перешел к кооперации. Но его кооперация, при всем бесспорном величии его замысла, все же заключала в себе много элементов, чуждых духу самодеятельности. Вот почему эта кооперация оказалась все же слабой и подверженной опасности капиталистического перерождения. Еще более грозной оказалась эта опасность для тех крестьянских кооперативов, которые дальше стояли от райффейзеновских принципов, имевших в виду препятствовать кооперации развиваться в сторону капиталистических учреждений.

Неудачи германской крестьянской кооперации составляют резкий контраст с тем, что мы видим в области пролетарской потребительской кооперации. Можно ли допустить, чтобы английское общество оптовых продаж или хотя бы германское общество оптовых закупок запуталось в спекуляциях и было вынуждено ликвидировать дело? Нечто подобное в высшей степени невероятно, и, конечно, пролетарской кооперации никогда не придется заносить на страницы истории таких эпизодов, как крушение Гессенской центральной кассы и Имперского кооперативного банка.

Откуда же это различие? Во-первых, из самого различия задач, которые кооперация ставит себе в области пролетарского и крестьянского хозяйства. Пролетарская кооперация преследует цели удовлетворения потребительских нужд, и это уже само по себе почти исключает элемент спекуляций и риска. Потребительская кооперация удовлетворяет вполне определенным общественным потребностям и ничего общего с капиталистическим предпринимательством не имеет. Напротив, крестьянское хозяйство незаметно переходит в капиталистическое предпринимательство, предполагая сбыт крестьянских продуктов на широком

и неопределенном рынке, сбыт в тех же условиях, как сбывают и продукты капиталистического производства. Этот сбыт не может не заключать в себе элемента риска и, естественно, предполагает торговую спекуляцию.

Итак, одна из причин твердости и устойчивости развития пролетарской кооперации сравнительно с неустойчивостью крестьянской заключается в различии потребительского и предпринимательского хозяйства*. Другая причина заключается в неопределенности классового состава крестьянской кооперации: если бы эта кооперация имела чисто крестьянский характер, то она была бы гораздо меньше подвержена капиталистическому перерождению. Но в Германии руководителями крестьянской кооперации на практике являются крупные землевладельцы-капиталисты. Что же удивительного, что при таких руководителях крестьянская кооперация легко сбивается с кооперативного пути и переходит к чисто капиталистическим спекуляциям?

Причины неудачи германской крестьянской кооперации сводятся, следовательно, преимущественно к зависимости этой кооперации от элементов, чуждых крестьянству, — бюрократических учреждений государства и помещиков. Проистекающий отсюда для кооперации урок заключается в том, что здоровое развитие кооперации возможно лишь на основе ее большей классовой обособленности.

Глава IV. КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ВНЕ ОБЛАСТИ КРЕДИТА

1. КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ОБЩЕСТВА

Райффейзеновские товарищества должны были быть, по мысли их творца, всеобщими крестьянскими кооперативами, совмещающими в себе все отрасли кооперативного хозяйства, доступные крестьянской кооперации: они должны были не только организовывать снабжение своих членов необходимыми денежными средствами, но и давать своим членам возможность сообща покупать необходимые средства производства и некоторые предметы потребления, которые не производятся в крестьянском хозяйстве, а также сообща продавать продукты крестьянского хозяйства и сообща перерабатывать некоторые сырые. В действительной жизни райффейзеновские товарищества хотя отчасти и выполняют эти более сложные функции, но главным их делом все же остается доставление кредита.

Наряду с такими сложными кооперативами жизнь создала в крестьянской среде и кооперативы с более специализирован-

ными целями. Эти специализированные кооперативы в большинстве случаев лучше справляются со своими задачами, чем недифференцированные райффейзеновские кооперативы. Однако никакого общего правила в этом отношении установить нельзя.

Среди крестьянских кооперативов по закупкам следует прежде всего отметить своеобразное положение потребительских обществ. Все общественные классы являются потребителями, в том числе и крестьяне. В то же время крестьяне являются потребителями малодостаточными, легко поддающимися эксплуатации капиталистов-посредников, торгующих предметами потребления. Действительно, нигде не наблюдается такого огромного превышения различных цен сравнительно с оптовыми, как именно в деревне, и это понятно, так как в деревне, естественно, создается в пользу местного лавочника известная монополия, вытекающая из трудности для деревенского жителя купить нужные ему предметы потребления за пределами своего села.

Пользуясь этой монополией, деревенские лавочники нередко сильно повышают цены своих товаров и этим создают потребность в организациях потребителей. Однако в пределах крестьянского хозяйства имеются также некоторые условия, задерживающие рост потребительской кооперации.

Условия эти заключаются в следующем. Прежде всего нужно иметь в виду, что значительная часть потребностей крестьянина удовлетворяется продуктами его собственного хозяйства. В то время как городской житель все свои предметы потребления должен закупить на рынке, крестьянин весьма значительную часть своих предметов потребления совсем не покупает, а производит в своем собственном хозяйстве. Поэтому покупательный спрос крестьянина представляет собой гораздо меньшую величину, чем покупательный спрос горожанина с таким же достатком, и, значит, благосостояние крестьянина в меньшей степени зависит от цены на предметы потребления, чем благосостояние городского жителя, например фабричного рабочего.

Затем нужно иметь в виду и то обстоятельство, что крестьянин не только покупает нужные ему предметы потребления, но и производит продукты для продажи. Крестьянин прежде всего производитель, а потом уже потребитель. Его благосостояние определяется прежде всего тем, сколько ему удастся произвести продуктов и по какой цене их сбыть, лишь на втором плане — ценой предметов его потребления. Напротив, фабричный рабочий имеет на товарном рынке только потребительские интересы, ибо он не является собственником производимого им продукта.

Вместе с тем ясно, что деревенские потребительские общества, в силу их небольших размеров, ни в каком случае не могут приобрести такой экономической силы, как потребительские кооперативы фабричных рабочих.

Таким образом, для развития деревенской потребительской кооперации имеются некоторые существенные задерживающие условия, равно как и условия благоприятствующие, причем, однако, задерживающие условия связаны с самым существом крестьянского хозяйства, а благоприятствующие условия (слабое развитие деревенской торговли) связаны с низким уровнем экономического развития данной страны и исчезают при большом развитии капиталистического обмена.

Поэтому мы наблюдаем далеко не одинаковое развитие деревенских потребительских обществ в различных странах. В некоторых из них деревенские потребительские общества достигают большого распространения (Дания, Россия), в других замечается почти полное отсутствие деревенских потребительских обществ. К числу последних принадлежит и Германия, причем в Германии для этого имеются и свои особые причины. В то время, как в германских городах потребительская кооперация развивается очень быстро, германская деревня почти не знает потребительской кооперации.

Выше было указано, что руководители германской крестьянской кооперации — и прежде всего Райффейзен — относились без всякой симпатии к потребительским обществам по причинам довольно сложного характера. Самому Райффейзену потребительская кооперация казалась неуместной в деревне главным образом потому, что он хотел бы, чтобы крестьянин возможно меньше покупал предметов своего потребления, а производил бы их в своем собственном хозяйстве. Это соответствовало его общему мировоззрению, требовавшему для деревни патриархального и натурального хозяйства. Но, кроме того, в данном случае играли свою роль и определенные общественные симпатии руководителей райффейзеновской кооперации к классу мелких деревенских торговцев, сохранение которого казалось весьма желательным как для самого Райффейзена, так и для его преемников. Последний мотив был высказан с полной определенностью представителем райффейзеновской кооперации на международном кооперативном конгрессе в Будапеште в 1904 г. (об этом см. главу о международном объединении пролетарской кооперации).

С еще большей враждебностью к потребительским обществам относятся германские аграрии, влияние которых так значительно в германской деревенской кооперации. Вот что говорит по этому поводу один из лучших знатоков германской деревни, председатель восточно-прусской сельскохозяйственной палаты фон Батоки: «Дружеское отношение руководящих сельскохозяйственных кругов к городскому среднему торгово-промышленному классу сделало невозможным для этих кругов участие в потребительской кооперации». С этим объяснением вполне соглашается и проф. Вигодзинский, указывая, что именно обще-

ственно-политические симпатии аграриев к среднему торговому классу препятствуют появлению в германской деревне потребительских обществ.

2. КООПЕРАЦИЯ В ОБЛАСТИ ПОКУПКИ И СБЫТА

Закупочная кооперация в деревне имеет своей целью приобретение разного рода средств производства сельского хозяйства. Такие закупки в Германии осуществляются частью райффейзеновскими кредитными товариществами, частью особыми специализированными кооперативами. Нередко эти последние кооперативы одновременно занимаются и сбытом тех или иных крестьянских продуктов.

Вполне естественно, что операции по закупке получили гораздо большее развитие, чем операции по сбыту, так как при условиях современного хозяйства покупка является несравненно более простой операцией, чем сбыт. Закупаются разнообразные продукты, необходимые для сельского хозяйства, — искусственные удобрения, кормовые средства, семена, каменный уголь, машины, инструменты и пр. В 1912 г. таких закупочных товариществ в Германии было 2321, причем всего было закуплено кооперативами на 300 млн. марок.

Закупочные товарищества также объединяются в более или менее крупные союзы, как и кредитные товарищества. Союзы закупочных товариществ производят оптовые закупки. Центральные общеимперские кредитные учреждения, как Имперский кооперативный банк и райффейзеновская Центральная касса, имели в виду общеимперское объединение операций по закупке и сбыту, но не достигли в этом, как сказано, успеха.

Существенным отличием закупочных товариществ (равно как и товариществ по сбыту) от кредитных товариществ является то, что кредитные товарищества в Германии почти всегда имеют неограниченную ответственность, а значительная часть товариществ по закупке и сбыту построена на основе ограниченной ответственности. Это и понятно, так как кредитные учреждения более нуждаются в особых гарантиях своей кредитоспособности, чем предприятия другого рода.

Подобные организации весьма распространены и в других странах, кроме Германии. Французские сельскохозяйственные синдикаты начали быстро развиваться с 1884 г., когда был издан французский закон о синдикатах, разрешавший свободное образование профессиональных рабочих союзов и получивший неожиданно для его инициаторов применение к организациям совершенно иного рода, чем кооперативные, частью чисто капиталистических организаций.

Цели их весьма разнообразны. По образцовому уставу за-

дача синдиката заключается в изучении и защите сельскохозяйственных интересов. С этой целью синдикат изучает меры экономического характера и законодательные реформы, которые могут требоваться интересами сельского хозяйства, организует разные экономические учреждения, которые могут быть полезны сельскому населению, производит опыты в интересах поднятия производительности сельского труда, устраивает лекции, облегчает приобретение необходимых для сельского хозяйства продуктов, содействует сбыту сельскохозяйственных продуктов и исполняет, кроме того, многие другие операции. Вообще сельскохозяйственный синдикат должен быть согласно образцовому уставу таким учреждением, которое стоит в центре всей сельскохозяйственной жизни данного района. По словам гр. де Рокиньи, синдикат должен быть «ячейкой, несущей в зародыше все учреждения, способные улучшить экономические, моральные и социальные условия обитателей деревни».

В действительности французские синдикаты очень далеки от достижения этого идеала, хотя и нельзя отрицать, что они сделали много для поднятия французской деревни. Плохо то, что в большинстве случаев они далеки от истинно кооперативного духа и основаны не столько на самодеятельности населения, сколько на патронаже богатых землевладельцев. В этом смысле очень характерно, что синдикаты допускают в состав своих членов не только лиц, ведущих сельское хозяйство, но и землевладельцев, которые владеют землей, но никакого самостоятельного сельского хозяйства не ведут.

В числе руководителей французских синдикатов в изобилии встречаются имена старинной знати. Соответственно общему характеру французских синдикатов как учреждений патронального характера мы замечаем во внутреннем строе их глубокое уклонение от кооперативных принципов. Так, прежде всего в них весьма часто не находит выражения принцип равноправия членов. Членские взносы обычно различны, и лица, уплачивающие взносы низших разрядов, не пользуются правом решающего голоса в общих собраниях. Прибыли синдиката нередко развешиваются по паям.

Этих уклонений достаточно, чтобы отказать многим и многим французским сельскохозяйственным синдикатам в признании их кооперативами. Конечно, среди синдикатов имеются и такие организации, которые можно признать кооперативами или по крайней мере приближающимися к таковым. Но именно наиболее крупные и успешные французские синдикаты всего более уклоняются от кооперативных принципов и значительно сближаются с капиталистическими учреждениями.

Среди кооперативов по сбыту заслуживают особого внимания кооперативы по сбыту хлеба, получившие наибольшее развитие в Америке и Германии. Для нас, русских, поучительнее

именно германские кооперативы этого рода. Идея широкой организации совместного сбыта хлеба возникает в Германии первоначально не в крестьянских, а в помещичьих кругах в 90-х гг. прошлого века под влиянием падения хлебных цен, особенно обострившегося в это время. Низкие цены на хлеб особенно тяжело чувствовались крупными землевладельцами, так как крестьяне являются в большей степени производителями животных продуктов, между тем как для крупного хозяйства важнейшим предметом производства являются разного рода хлеба. Поэтому неудивительно, что в девяностые годы в Германии среди крупных помещиков появляется усиленный интерес к разного рода мерам, которые могли бы поднять цены на хлеб или по крайней мере задержать падение их.

Среди таких мероприятий обратил на себя особое общественное внимание план крупного землевладельца Грасс-Планина устроить на государственный счет сеть элеваторов во всех важнейших узловых пунктах железных дорог, имеющих значение для хлебной торговли. Элеваторы эти должны были быть переданы товариществам сельских хозяев, причем Грасс-Планин считал необходимым, чтобы государство сделало поставку хлеба в эти элеваторы обязательной для всех землевладельцев данного района.

При монополии внутренней хлебной торговли, думал автор этого проекта, станут возможны общественное регулирование хлебных цен и успешная борьба с их падением.

Проект Грасс-Планина первоначально был встречен германскими кооперативными кругами несочувственно, так как он был явно внушен особыми интересами крупных помещиков. Но так как влияние этих последних в германском кооперативном мире очень велико, то мало-помалу идеи Грасс-Планина стали завоевывать и кооператоров. На конгрессе Имперского союза в Нейштадте в 1895 г. была принята резолюция, требовавшая перестройки в случае надобности за государственный счет сети хлебных элеваторов с тем, чтобы эти элеваторы были передаваемы в распоряжение сельскохозяйственных товариществ.

Однако среди германских кооперативов было и противоположное течение, не сочувствовавшее перестройке за государственный счет крупных элеваторов и признававшее желательным с точки зрения крестьянских интересов устройство только мелких элеваторов, которые не могли бы влиять на общий уровень хлебных цен, но более соответствовали бы задачам сбыта крестьянского хлеба. Эта точка зрения нашла себе выражение в резолюциях провинциального (силезского) конгресса райффейзеновских товариществ и преобладала в местностях с развитым крестьянским хозяйством — в Бадене, Вюртемберге и Баварии.

Прусское правительство охотно пошло навстречу идеям Грасс-Планина и в 1896 г. ассигновало из государственных

средств 3 млн. марок на устройство хлебных элеваторов с тем, чтобы эти элеваторы передавались на особых условиях товариществам. В следующем году фонд этот был доведен до 5 млн. марок. Примеру Пруссии последовали и некоторые другие германские государства: Саксония, Бавария, Вюртемберг, Баден.

За счет прусского фонда было выстроено 36 элеваторов, перешедших в заведывание специально образованных для этого товариществ. Руководителями товариществ оказались люди, ничего общего с крестьянским хозяйством не имеющие. Многие, и притом наиболее крупные, товарищества занялись спекулятивной торговлей хлебом, причем сбывался хлеб, покупаемый товариществами и на стороне. Товарищества вели такую же капиталистическую торговлю хлебом, как и любая хлеботорговая фирма. Никаких кооперативных элементов товарищества эти в себе не заключали.

Судьба их оказалась весьма плачевной. Значительная часть их была ликвидирована, а остальные утратили всякую связь с кооперативным движением, что должен был признать в конце концов и Имперский союз, под покровительством которого состоялась вся эта кампания. Прусское правительство также разочаровалось в идее государственной помощи для устройства элеваторов, и дальнейшие затраты фиска на этот предмет прекратились.

Однако одновременно с крушением плана государственных элеваторов возникло движение в пользу организации кооперативного сбыта хлеба на совершенно иных основах. Товарищества с государственной помощью были в руках крупных землевладельцев и отнюдь не могли считаться кооперативами. Но по отношению к условиям продажи хлеба положение крестьянина гораздо хуже, чем крупного землевладельца, ибо крестьянин продает свой хлеб небольшими партиями, и потому цена его хлеба обычно значительно ниже помещичьего. Кооперативная организация сбыта хлеба обещает существенно улучшить условия продажи крестьянского хлеба, и потому вполне естественно, что среди германских крестьян возникло сильное движение для устройства кооперативных зернохранилищ.

Понятное дело, что крестьянские кооперативные зернохранилища ставят себе более скромные задачи и отнюдь не пытаются управлять хлебными ценами. Они стремятся лишь к тому, чтобы дать возможность крестьянину продавать свой хлеб по господствующей в данный момент рыночной цене, устраняя посредничество хлебного скупщика.

Такие крестьянские хлебные зернохранилища получили значительное развитие в районах с преобладающим крестьянским хозяйством — в Баварии, Бадене и Вюртемберге. Характерной чертой южно-германских кооперативов по сбыту хлеба является то, что огромное большинство из них существует не самостоя-

тельно, но при каких-либо других товариществах. Так, например, в Бадене из 67 кооперативных зернохранилищ лишь 23 товарищества основаны с данной специальной целью, остальные же связаны с другими кооперативами.

В Баварии большинство этих товариществ связано с кредитными товариществами, в Бадене же — с товариществами по закупке и продаже. Как общее правило, кооперативы по сбыту хлеба занимаются одновременно и закупочными операциями, причем закупаются преимущественно искусственные удобрения, семена и кормовые средства. Это является необходимым ввиду того, что хлебный сезон продолжается только несколько месяцев в году и нужно найти занятие в остальное время для служащего персонала и помещений товарищества.

Наиболее интересны и поучительны баденские товарищества. Более крупные из этих товариществ при железнодорожных станциях имеют небольшие зернохранилища, в которых хлеб не только хранится, но и очищается и сортируется. Хлеб принимается или за наличный расчет, или же на хранение, причем в последнем случае лицо, сдавшее свой хлеб, получает складочное свидетельство, в котором обозначены количество и качество хранящегося хлеба, и имеет право получить от товарищества ссуду в размере 66 % стоимости хлеба. Однако, как общее правило, кооперативные зернохранилища принимают хлеб лишь за наличный расчет, прием же хлеба на хранение является исключением. Средства для всех этих операций товарищества получают в случае необходимости от Баденского союза сельскохозяйственных товариществ.

Баденские товарищества по сбыту хлеба заняли вполне прочное положение среди других сельскохозяйственных кооперативов и ведут свое дело довольно удачно. Обороты их определяются несколькими миллионами марок в год, что сравнительно с общим количеством продаваемого в Бадене хлеба является, конечно, цифрой незначительной, не превышает нескольких процентов всего количества хлеба, продаваемого в Бадене.

Сходным образом ведут свои операции кооперативные зернохранилища и в других крестьянских районах Германии, например в Баварии, где их роль особенно велика.

3. ТОВАРИЩЕСТВА ПО ПЕРЕРАБОТКЕ И СБЫТУ

Весьма интересный тип крестьянского кооператива — маслодельные товарищества. Маслодельный кооператив является товариществом по переработке. Членами маслодельного товарищества являются сельские хозяева данного района, поставляющие в маслодельню молоко. Молоко расценивается соответственно своему

качеству, перерабатывается в масло в товарищеской маслодельне при помощи наемного персонала, оплачивается по известной цене, а весь полученный чистый доход от продажи масла разверстывается между членами товарищества пропорционально количеству и качеству поставленного каждым молока.

Маслодельные товарищества интересны тем, что они являются кооперативами, имеющими совершенно исключительный успех. Можно без всякого преувеличения сказать, что экономическая история не знает другого примера такого быстрого распространения новой хозяйственной организации, как мы наблюдаем в данном случае.

Первая товарищеская маслодельня была устроена Штиллигом Андерсеном в Дании в 1882 г. Развитие этой новой формы кооперации пошло поразительно быстрыми шагами. Через 16 лет, в 1898 г., в Дании насчитывалось всего 1547 молочных предприятий, причем на долю кооперативных приходилось 1013 — вдвое более, чем на долю капиталистических. Иными словами, достаточно было столь небольшого промежутка времени, чтобы капиталистические молочные предприятия уже решительно отступили на задний план сравнительно с кооперативными.

В 1900 г. в Дании было 1029 кооперативных маслоделен, 266 акционерных маслодельных заводов и 264 помещичьих.

В 1909 г. число маслодельных кооперативов возросло до 1157 (160 тыс. членов), число акционерных заводов упало до 238, а помещичьих до 90. Кооперативная переработка молока стала почти единственной формой производства масла — из 115 млн. кг масла, производимого в Дании, на долю кооперативного производства приходилось 100 млн. кг.

Чтобы понять причины этого необычайно быстрого развития датской маслодельной молочной кооперации, нужно иметь в виду историческую обстановку, при которой это развитие совершалось. Изобретение сепаратора совершенно преобразовало технику маслоделия. Первое время применение сепаратора дало решительный перевес капиталистическому молочному хозяйству сравнительно с крестьянским, так как отдельному крестьянину было не под силу приобретение сепаратора. Но кооперативная организация маслоделия дала возможность крестьянину использовать для своего молока это важное техническое изобретение. Внедрив сепаратор, крестьянское кооперативное маслоделие стало быстро вытеснять капиталистическое*.

После изобретения сепаратора (а также и некоторых приборов для определения качества молока) самой рациональной формой предприятия по переработке молока стало кооперативное предприятие. Правда, капиталистический маслодельный завод может пользоваться теми же машинами, что и кооперативный. Но дело в том, что качество масла самым тесным образом связано с качеством молока. Производство же молока факти-

чески находится преимущественно в крестьянских руках: помещичье хозяйство не может по чисто техническим условиям с успехом конкурировать в этой области с крестьянским. Капиталистический маслодельный завод должен скупать у крестьян молоко для выработки масла. Слабая сторона такой скупки с точки зрения техники маслоделия заключается в том, что завод, скупающий молоко, не имеет возможности контролировать производство молока, а между тем малейших неправильностей при производстве и хранении молока (например, хранение его в загрязненной посуде) достаточно, чтобы пострадало качество изготавливаемого масла. Поэтому с технической точки зрения является рациональной лишь такая организация производства масла, при которой производство молока и переработка его в масло связаны между собой в хозяйственном отношении и подчиняются одному общему контролю.

Поэтому капиталистический маслодельный завод, вырабатывающий масло из скупаемого молока, является с технической стороны нерациональной формой предприятия. Молоко должно производиться под контролем предприятия, которое производит масло.

С другой стороны, после изобретения сепараторов производство масла должно было отделиться от крестьянской фермы, так как устройство хорошо оборудованного маслодельного завода не под силу среднему крестьянину.

Иными словами, и капиталистическое, и крестьянское маслоделие стали после изобретения сепаратора одинаково нерациональны. Единственно рациональной формой производства масла стало кооперативное маслоделие, так как при нем производство масла может производиться в крупных размерах при помощи машин, в то же время маслодельное предприятие имеет возможность контролировать производство молока, так как хозяевами предприятия являются производители молока.

К тому же рационально поставленный маслодельный завод является предприятием, хотя и превышающим экономические силы отдельной крестьянской семьи, но все же далеко не крупным по масштабу современной хозяйственной системы. На устройство маслодельного завода вполне достаточен капитал в несколько тысяч рублей. Такая сумма не превышает экономических сил крестьянской группы.

Таким образом, кооперативное маслоделие оказывается несравненно более сильной формой предприятия, чем капиталистическое маслоделие или индивидуальное крестьянское. Только опираясь на кооперацию, молочное хозяйство в наше время может быть организовано технически рационально.

И действительно, мы видим, что в Дании молочное хозяйство стало делать быстрые успехи лишь после того, как оно приняло кооперативную форму. В настоящее время датская организация

маслодельного производства является во всех отношениях образцовой. Члены товарищества обязываются подчиняться определенным условиям как доения, так и содержания скота; товарищество принимает все возможные меры для улучшения качества и удойности молочного скота. Для этого вырабатываются наиболее рациональные правила кормления скота, воспрещается выдача коровам таких кормов, которые неблагоприятно влияют на количество и качество молока; молоко принимается в маслодельню по количеству содержащегося в нем жира, что поощряет крестьянина тщательно следить за тем, чтобы все производство молока было рационально; для улучшения качества скота устраиваются случные пункты с лучшими производителями, принимаются меры к доставлению всем членам товарищества самой рациональной посуды и т. д., и т. д. Товарищество следит за способами сохранения молока у членов товарищества и всячески старается поднять производство как молока, так и масла на наиболее высокий технический уровень. Когда в агрономической лаборатории в Копенгагене было открыто, что некоторыми манипуляциями можно уничтожить неприятный привкус в масле, то этот очень сложный способ в скором времени стали применять почти все кооперативные маслодельни.

В результате распространения кооперативного маслоделия получился огромный рост производства масла и поднятие всей этой отрасли хозяйства на необычайную техническую высоту. Дания заняла в маслоделии первое место в мире.

Конечно, датские кооперативные маслодельни работают не изолированно, но сплоченные в мощные союзы; вообще без союзного объединения отдельных кооперативов никакой длительный и прочный успех кооперации невозможен*.

Подобную же картину чрезвычайно быстрого распространения кооперации при одновременном подъеме техники молочного дела мы замечаем в молочном хозяйстве Германии, Ирландии, Австрии, Австралии и других стран. В некоторых районах Германии с наибольшим распространением крестьянского хозяйства кооперативное маслоделие почти совершенно вытеснило, как и в Дании, всякое иное. В Германии молочная кооперация организована следующим образом. Товарищества объединены в союзы, которые играют чрезвычайно важную роль в деятельности каждого отдельного товарищества. При своем возникновении товарищество получает от союза детально разработанный план устройства завода и сметы всех необходимых построек и технических приспособлений. Технический персонал в распоряжении союза следит в случае надобности за всей постройкой завода. Все необходимые препараты и машины товарищество также получает через посредство союза.

От него же товарищество получает и бланки необходимых для ведения дела книг и ведомостей; а нередко союз же посы-

ляет своих инструкторов для обучения персонала товарищества правильному счетоводству.

Союзы содержат специальные школы для подготовки технического персонала для молочных заводов. Услуги союзов товариществам так велики и очевидны, что вне союзов остается только небольшая часть товариществ.

Что касается капитала, необходимого для открытия действий товарищества, то и этот капитал получается при посредстве союзных организаций; товарищество присоединяется к какой-либо центральной кассе и из нее получает краткосрочный кредит на оборотные средства и долгосрочный — на оборудование самого завода. Другие товарищества кредитуются у отдельных кредитных товариществ.

Некоторые товарищества вырабатывают только масло, значительное большинство — как масло, так и сыр, также побочные продукты молочного производства. Пригородные товарищества совсем не перерабатывают молоко и поставляют его в сыром виде потребителям.

Всего в 1913 г. в Германии было зарегистрировано Имперским союзом 3488 молочных товариществ, да, кроме того, незарегистрированных товариществ было, по приблизительному подсчету, около 700—800. Число членов в этих товариществах должно было приближаться к 400 000.

За последние годы рост молочной кооперации в Германии несколько замедлился, потому что для германской молочной кооперации выступает новая задача — перейти от производства молочных продуктов к поставке потребителям молока в сыром виде, так как продажа молока в непереработанном виде дает гораздо большую выручку, чем в виде масла, цена которого сильно понижается иностранной конкуренцией. Эта новая задача — подход к непосредственной поставке потребителям молока — является очередной для германской молочной кооперации.

Очень интересной формой кооператива по переработке являются описанные А. Н. Анцыферовым товарищества виноделов рейнского района. Для владельца небольшого виноградника устройство хорошо оборудованного погреба для переработки винограда в вино является делом совершенно непосильным. Поэтому мелкие виноградари принуждены продавать свой виноград не весь и, естественно, попадают в полную зависимость от скупщиков винограда, ибо виноград является очень быстропортящимся продуктом, продолжительное хранение которого невозможно. На этой почве создается потребность в кооперативной организации для переработки винограда в вино.

Образцом винодельческих товариществ явилось первое из них в прирейнской деревне Майшоссе. Культура винограда остается делом каждого отдельного члена товарищества, но весь

собранный виноград поступает в распоряжение товарищества, которое подвергает виноград в своем подвале всем операциям, необходимым для изготовления вина.

При поступлении винограда в распоряжение товарищества виноград оплачивается, а затем все полученные при продаже вина излишки распределяются между членами товарищества пропорционально ценности доставленного винограда и внесенного членом пая.

Особенно интересно влияние, оказываемое товариществом на производство винограда. Как сказано, культура винограда остается в руках отдельных членов товарищества. Однако успех товарищества самым существенным образом зависит от хозяйничанья отдельных членов на их виноградниках. Поэтому товарищество вынуждается силой вещей к самому деятельному вмешательству в индивидуальное хозяйство его членов. Чтобы вино было надлежащего качества, для этого необходима срезка винограда в надлежащее время. Поэтому товарищество требует, чтобы все члены его производили срезку винограда в момент, определяемый правлением товарищества. Затем качество винограда зависит от способа обработки почвы, от системы удобрений, от рациональной борьбы с разного рода вредителями и т. д., и т. д. Все это в большей или меньшей степени регулируется товариществом на общих собраниях его членов, устанавливающих путем взаимных соглашений все детали виноградной культуры. Товарищество же является посредником по приобретению членами орудий, удобрительных средств и всего другого, необходимого для виноградной культуры.

В результате получается, как это замечается и в области молочной кооперации, поднятие технического уровня не только производства того продукта, который непосредственно выпускается товариществом, но и того сырья, которое производится в индивидуальном хозяйстве отдельных членов товарищества.

Производство этого последнего продукта остается хотя и индивидуальным, но регулируемым коллективом и опирающимся на содействие этого коллектива. Граница между индивидуальным и общественным производством в этом случае не стирается совершенно, ибо отдельные члены все же работают не на коллектив, а на себя самих, причем их доход определяется успешностью их единоличного труда.

Однако нельзя не признать, что в данном случае благодаря всестороннему регулированию труда отдельного лица коллективом труд этот не может быть назван всецело индивидуальным. Перед нами новый тип индивидуального труда, управляемого коллективом *.

4. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНО-ПОДСОБНЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА

Товарищества по переработке, как было выяснено выше, отнюдь не должны быть смешиваемы с кооперативами в сфере труда: в этих товариществах кооперативная организация охватывает не труд производства, но владение производительным предприятием и управление им вместе со сбытом изготавливаемого продукта. Производство же в кооперативах этого рода ведется при помощи наемного труда совершенно так же, как в любой капиталистической мастерской. Ничего общего по своему внутреннему экономическому строю между маслодельным или винодельческим товариществом и производительной артелью не существует, ибо в производительной артели процесс производства осуществляется не наемными рабочими, но членами кооператива. В маслодельном или винодельческом товариществе члены товарищества никакого участия своим личным трудом в процессе переработки молока в масло или винограда в вино не принимают, а все эти процессы выполняются наемными рабочими.

Что касается кооперативов в сфере труда, то в сельском хозяйстве производительные артели являются таким же редким исключением, как и в области промышленности. Трудовые артели совершенно отсутствуют в сельском хозяйстве, и только производительно-подсобные артели имеют известное значение.

Производительно-подсобные артели встречаются среди крестьян преимущественно в двух видах: во-первых, как товарищества по пользованию некоторыми машинами, приобретение которых по их сравнительно высокой стоимости не под силу отдельному крестьянину, и, во-вторых, как арендные товарищества. (Третьим и крайне интересным типом производительно-подсобных артелей являются товарищества по снабжению сельских хозяев электрической энергией, но эти товарищества только возникают и еще ищут для себя подходящих экономических и юридических форм. Сомнительно, чтобы они могли осуществиться в широком размере в форме кооперативов.)

Наибольшее распространение имеют товарищества по пользованию молотильными машинами. Что касается арендных товариществ, то они за последнее время стали быстро распространяться в Италии и Румынии на почве своеобразных условий крестьянского хозяйства в этих странах.

Италия является страной с большим развитием аренды. Так, в Ломбардии до 90 % крупных землевладельцев отдают свою землю в аренду капиталистическим фермерам. В южной Италии, особенно в Сицилии, преобладает аренда другого типа — мелкими участками крестьянам, причем сами крестьяне не снимают землю непосредственно у землевладельцев, но последние сдают землю особым капиталистическим посредникам, не веду-

щим сельского хозяйства, но пересдающим снятую землю крестьянам. Посредник не выполняет никаких производительных функций, но гарантирует землевладельцу исправный взнос арендной платы, внося ее из своих средств и собирая затем значительно увеличенную арендную плату с мелких арендаторов.

При таком положении дела мелкие арендаторы принуждены платить чрезвычайно высокую арендную плату, значительная часть которой остается в руках посредников. Отсюда и возникло движение в пользу кооперативной аренды, которая в Италии существует в двух формах: в форме коллективной аренды с общей обработкой земли и в форме коллективной аренды без общей обработки земли. При первой форме аренды арендующая группа является земледельческой производительной артелью (об этих артелях было сказано в главе о производительных артелях). Распространение таких форм аренды весьма ограниченное. Гораздо большее значение имеет коллективная аренда без общей обработки земли.

При этой последней форме аренды товарищество за общий счет снимает определенный участок земли, разбивает его на мелкие участки и распределяет их между своими членами. Арендная плата за эти участки равняется соответствующей части общей арендной платы, уплачиваемой землевладельцу, плюс некоторая добавочная сумма на расходы по управлению товариществом и отчисление в резервный капитал товарищества, равно как и на амортизацию долгов товарищества.

Хотя обработка земли ведется в этом случае самостоятельно каждым отдельным членом, тем не менее имеется и некоторое общее хозяйство. Прежде всего члены товарищества сообща производят закупки нужных им средств производства и сообща продают продукты. Затем, так как ответственность за исправный взнос арендной платы ложится на все товарищество, то товарищество считает себя вправе контролировать хозяйство каждого отдельного члена. Особый наблюдательный комитет следит за обработкой земли отдельными членами, учит их методам новейшей техники, указывает на наилучшие способы использования удобрения, наилучшие сорта культивируемых растений и т. д. Иногда товарищество для целей общего руководства приглашает особых агрономов.

Таким образом, итальянские арендные товарищества с отдельной обработкой земли представляют собой кооперативы весьма сложного типа, не только производительно-подсобные, но и товарищества по закупке и сбыту, заключая в себе к тому же некоторые элементы и производительных артелей.

В 1906 г. таких арендных товариществ с отдельной обработкой в Италии было 83, причем, площадь арендуемой ими земли определялась крупной цифрой в 30 тыс. га. Товарищес-

ства эти имеют полный успех, и нет никакого основания сомневаться в их дальнейшем развитии.

Еще большее значение имеют арендные товарищества в Румынии. И в Румынии, как и в Италии, арендные товарищества возникли на почве особых аграрных отношений этой страны: при господстве крупного землевладения в Румынии создано такое же капиталистическое посредничество при аренде, как и в Италии. После революционного движения румынского крестьянства в 1907 г. румынское правительство признало необходимость широкого аграрного законодательства, направленного к улучшению участи крестьянства. Одним из самых действительных средств к оздоровлению аграрных отношений была признана кооперация. Развитие арендных товариществ идет за последние годы в Румынии чрезвычайно быстрым темпом, как это видно из нижеследующих данных:

Год	Число арендных товариществ	Число членов их	Арендуемая площадь (тыс. га)
1903	8	—	5,0
1907	103	11 118	73,3
1908	172	23 071	133,2
1910	275	36 071	190,5
1911	372	62 009	283,4
1912	550	100 000	400,1

Румынские арендные товарищества, подобно итальянским, не ограничиваются передачей земельных участков в арендное пользование членам товарищества, но практикуют некоторые общие хозяйственные операции, как, например, общую закупку различных товаров и общий сбыт. Быстрый рост их находится в связи с правительственными мерами, принятыми под влиянием крестьянского движения. Важнейшие из этих мер заключаются в следующем. В 1908 г. был издан закон, согласно которому ни одно лицо не может брать в аренду в одни руки более 4000 га земли; законом 1910 г. было установлено, что все казенные земли, а равно земли, принадлежащие обществам и общественным учреждениям, если они эксплуатируются самими владельцами, должны отдаваться в аренду не иначе, как кооперативным товариществам сроком не менее как на 5 лет.

Но и помимо этого, румынское правительство непосредственно поощряет кооперативную аренду. Так, в 1908 г. была основана правительством Центральная сельская касса, капитал которой был доведен до 20 млн. лей. Центральная касса должна приобретать частновладельческую землю для распродажи ее

небольшими участками крестьянам или же для отдачи ее в аренду кооперативам. Кооперативные аренды организуются при посредстве Центральной кассы, издавшей с этой целью особый нормальный устав арендного товарищества.

Согласно нормальному уставу арендное товарищество является кооперативом с неограниченной ответственностью. Капитал товарищества составляется из паевых взносов размером не менее 20 лей каждый пай. План ведения хозяйства составляется правлением и должен быть утвержден Центральной кассой. Земельные участки находятся в пользовании одной и той же семьи в течение всего срока арендного договора (обычно охватывающего срок от 5—10 лет). Руководит хозяйством особый ученый агроном, который следит за хозяйством всех членов товарищества, должен заботиться об улучшении этого хозяйства, организовывает зимой особые агрономические курсы для крестьян и т. д.

Утверждают, что кооперативная аренда очень подняла крестьянское хозяйство Румынии. Так, например, только с этого времени в Румынии начинает развиваться огородничество, которое раньше было делом исключительно приезжающих на летний сезон болгарских крестьян; агрономы же научили румынского крестьянина огородничеству.

Хотя обработка земли в румынских арендных товариществах производится раздельно, но некоторые рабочие операции производятся сообща: так, например, сжатый хлеб члены товарищества отвозят на общий ток и сообща его обмолачивают машиной. Продукты также сбываются сообща через выборных представителей. Из вырученной суммы отчисляется известный процент в пользу товарищества и образовывается фонд для приобретения машин, производства мелиораций, постройки школ и пр.

5. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ В АНГЛИИ

Особый характер имеет сельскохозяйственная кооперация в Англии. Значение английской сельскохозяйственной кооперации и ее своеобразие заключаются в том, что она является одним из звеньев грандиозной и строго продуманной системы, имеющей своей целью коренное изменение аграрных условий Англии и насаждение в ней на место господствующего крупного капиталистического сельского хозяйства крестьянского хозяйства. К этому стремятся английские власти уже много лет, не отступая перед такими решительными мерами, как принудительное отчуждение частновладельческих земель. Английское общественное мнение издавна привыкло ценить значение кооперации; естественно, что и насаждение крестьянского хозяйства было при-

знано осуществимым лишь при условии развития крестьянских кооперативов. Закон 1908 г., установивший в случае надобности принудительное отчуждение частновладельческой земли (по нормальной оценке), рекомендовал советам графств способствовать образованию среди владельцев небольших земельных участков и по возможности наделять землей не отдельные лица, а целые группы таких лиц под их круговую ответственность.

С целью распространения сельскохозяйственной кооперации в Англии возникло в 1901 г. по частной инициативе «Земледельческое организационное общество», получающее от правительства крупную субсидию. Общество это ведет деятельную пропаганду кооперации, устраивает с этой целью публичные лекции, посылает особых своих агентов для ознакомления населения в разных местах с кооперативными принципами, инструктирует вновь возникающие кооперативы и пр. Никакой коммерческой деятельности у него нет и оно не располагает никакой властью по отношению к вновь возникающим кооперативам.

В 1905 г. такое же общество возникло и в Шотландии. В Ирландии оно возникло еще раньше английского, в 1894 г.

К концу 1910 г. к этой организации принадлежало уже 396 кооперативов, т. е. около $\frac{4}{5}$ всех сельскохозяйственных кооперативов Англии. В названной организации участвовало 161 арендное товарищество. В 1915 г. в английском земледельческом организационном обществе состояли уже 543 сельскохозяйственных кооператива. К шотландскому обществу в том же году принадлежало 145 кооперативов, к ирландскому — 1023 кооператива.

Члены английских арендных товариществ обрабатывают землю обычно раздельно, но значительная часть живого и мертвого инвентаря принадлежит всему товариществу, которое ссужает его за определенную плату членам товарищества.

Земледельческому организационному обществу удалось наладить сбыт некоторых сельскохозяйственных продуктов непосредственно английскому Обществу оптовых продаж, чего достигнуть было не легко, так как потребительские кооперативы Англии относились с большим недоверием к сельскохозяйственной кооперации. Вообще, английская сельскохозяйственная кооперация при всей своей молодости обещает стать чрезвычайно важным фактором возрождения в Англии давно исчезнувшего крестьянского хозяйства.

Глава V. СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Одним из характерных признаков кооперации, по общему мнению, является то, что кооперативы представляют собой открытые учреждения: в них принимаются все желающие, согласные

выполнять обязательства, налагаемые принадлежностью к данному кооперативу. Это несколько не мешает тому, что фактически в кооператив того или иного рода идут не все, а лишь лица, принадлежащие к определенным общественным группам, классовым интересам которых соответствует участие в данных организациях.

Состав участников сельскохозяйственных кооперативов весьма сложный. Сельскохозяйственный кооператив не имеет никаких оснований отгораживаться от крупных сельских хозяев, напротив, участие последних в кооперативе для последнего весьма желательно, так как чем крупнее хозяйственные обороты данного лица, тем экономически сильнее и включающая его организация. Поэтому, как общее правило, сельскохозяйственные кооперативы охотно принимают в свои члены всех сельских хозяев независимо от того, ведут ли последние крупное или мелкое хозяйство.

Что касается отношения к кооперативам самих сельских хозяев, то оно далеко не одинаково у мелких хозяев — крестьян и крупных хозяев — помещиков. Для крестьян кооперация является незаменимым и единственно возможным средством поднятия их экономического благосостояния.* Крестьянин экономически слишком слаб, чтобы своими собственными силами удовлетворительно справиться с теми задачами, которые выпадают на него в современном развитом капиталистическом хозяйстве. Капиталистическая система хозяйства, господствующая в настоящее время, приспособлена к интересам крупных хозяев, располагающих достаточным капиталом. Капиталы, которыми располагают крестьяне, сравнительно ничтожны, потому крестьяне, естественно, попадают под эксплуатацию тех капиталистических общественных элементов, с которыми крестьянин сталкивается по условиям своего хозяйства; такими элементами являются, во-первых, представители денежного капитала (на этой почве возникает деревенское ростовщичество), во-вторых, представители торгового капитала (на этой почве возникает эксплуатация крестьянства торговыми посредниками — деревенскими лавочниками, продавцами разного рода сельскохозяйственных средств производства, машин, орудий, искусственных удобрений и пр., а также скупщиками сельскохозяйственных продуктов) и, наконец, в тех районах, где крестьянин ведет хозяйство не на своей, а на арендованной земле, крупные землевладельцы или капиталистические посредники, передающие землю в аренду. Все эти общественные элементы, интересы которых находятся в антагонизме с интересами крестьянина, экономически сильнее изолированного крестьянина, и при отсутствии особых крестьянских организаций, когда крестьянину приходится своими единоличными силами отстаивать свои интересы, крестьянин естественно попадает в экономическую зависимость от названных

капиталистических классов. Общественная задача кооперации в том именно и заключается, чтобы освободить крестьянина от этой зависимости и восполнить коллективной силой крестьянской группы слабость единоличных сил крестьянина.

Поэтому естественной задачей кооперации является защита интересов мелкого сельского хозяина — крестьянина. Участие крестьянина в сельскохозяйственных кооперативах диктуется его настоятельнейшими экономическими интересами.

Соответственно этому вся организация, весь внутренний строй кооператива приспособлен к защите именно крестьянских интересов. Возьмем, например, кредитное товарищество. Основанием его являются так называемые райффейзеновские принципы. Все эти принципы вытекают из одного основного стремления — дать возможность пользоваться возможно дешевым кредитом тем лицам, которые считаются некредитоспособными с точки зрения обычного капиталистического банка. Райффейзеновская организация существует, очевидно, для мелких и малообеспеченных сельских хозяев, а не для крупных помещиков, которые легко получают кредит в обычных банках. По своей первоначальной идее райффейзеновский кооператив был почти благотворительным учреждением для бедняков.

Если мы возьмем разнообразные кооперативы по закупке и сбыту, то и в них мы заметим черты, которые делают их организациями, приспособленными для обслуживания интересов именно мелких, а не крупных хозяев. Прежде всего какой смысл имеет основное правило всякого кооператива, предоставляющее каждому члену иметь только один голос в общих собраниях независимо от того, сколько паев он имеет в своем распоряжении? Правило это, очевидно, внушено стремлением оградить интересы именно менее самостоятельных членов кооператива. Тот же смысл имеет и другой кооперативный принцип — распределение чистого дохода не по паям, а по участию данного лица в оборотах кооператива.

Возьмем, например, кооперативную маслодельню. Чем объясняется самая характерная черта этой экономической организации, резко отличающая ее от акционерного капиталистического маслодельного завода, — то, что доход от продажи масла распределяется пропорционально поставленному каждым молоку, а не пропорционально доли внесенного каждым в предприятие капитала?

Смысл этой особенности маслодельного кооператива, очевидно, заключается в том, что предприятие основывается в интересах производителей молока, а не в интересах лиц, владеющих капиталом. Но ведь молоко с точки зрения капиталистического предпринимателя такой же капитал, как и машины, заработная плата и прочее, необходимое для действия маслодельного предприятия. Поэтому с капиталистической точки зрения

самым рациональным было бы приравнять молоко к прочим элементам капитала и распределять прибыль пропорционально капиталу, вносимому каждым, иначе говоря, по паям. Маслодельный кооператив смотрит на это дело совершенно иначе и самым строгим образом выделяет молоко из прочих затрат маслодельного производства и распределяет получаемый доход только по молоку.

Почему? Да потому, что маслодельный кооператив существует не в интересах людей, владеющих капиталом, а в интересах тех, благосостояние которых основывается на владении коровой и получаемом от нее молоке. Вот почему молоко для маслодельного кооператива вовсе не есть элемент капитала, а нечто принципиально отличное от капитала, нечто символизирующее затраченный на производство молока крестьянский труд.

Вообще, внутренняя часть организации сельскохозяйственного кооператива неопровержимым образом свидетельствует, что перед нами организация, существующая в интересах не капиталистических предпринимателей, а трудящихся производителей.

Соответственно этому мы видим, что повсеместно сельскохозяйственная кооперация обслуживает прежде всего трудящиеся слои деревенского населения.

Возьмем, например, кредитную кооперацию. В германских кредитных товариществах райффейзеновского типа существует три вида ссуд: под личное поручительство, под обеспечение ценными бумагами, под обеспечение ипотекой*. По данным, приводимым А. Н. Анцыферовым, в 1901 г. 75,3 % общего числа ссуд падало в товариществах райффейзеновского союза на ссуды, обеспеченные поручительством, 22,6 % — на ссуды, обеспеченные ипотекой, и только 1,1 % — на ссуды, обеспеченные ценными бумагами. Средняя величина ссуды на одного члена не превышала в том же году 690 марок. Все это ясно говорит, что клиентом райффейзеновских товариществ является мелкий сельский хозяин-крестьянин и что капиталистический кредит не играет в деятельности этих товариществ почти никакой роли.

Точных статистических данных относительно имущественного положения членов сельскохозяйственных кооперативов в различных государствах не имеется, и потому приходится довольствоваться для выяснения классового состава участников сельской кооперации косвенными данными. Все эти данные говорят, что членами сельских товариществ являются по преимуществу крестьяне.

Так, прежде всего бросается в глаза, что кооперативы распространены по преимуществу в районах с преобладанием крестьянского хозяйства и имеют гораздо меньший успех там, где преобладает помещичье хозяйство. Макс Грабейн приводит в своей известной книге „Wirtschaftliche und sociale Bede-

uttung ber ländlichen Genossenschaften in Deutschland“ (1908 г.) следующую статистику распределения германских кооперативов в различных районах Германии:

Районы с преобладанием мелкого и среднего сельского хозяйства	Сельскохозяйственная площадь, приходящаяся на одно товарищество, га	Районы с преобладанием крупного сельского хозяйства	
Рейн-Пфальц	453	Бранденбург	2380
Гессен	606	Познань	2838
Рейн-Прусск.	815	Померания	3089
Вюртемберг	862	Западная Пруссия	3833
Гессен-Нассау	896	Мекленбургская Шве- рин	4031
Вальдек	925	Восточная Пруссия	5220
Баден	1027	Мекленбург-Стрелиц	6223

Легко заметить, что кооперативы преобладают в районах мелкого и среднего хозяйства.

Относительно Гессена имеются данные об имуществе и доходах членов сельских кредитных товариществ. Средний доход члена кредитного товарищества оказался в этом далеко не бедном германском государстве равным всего 1207 маркам, а средний размер имущества — 15 602 маркам; и то и другое свидетельствует, что члены кредитных товариществ принадлежат в своей массе малообеспеченным слоям населения.

Какие же именно слои крестьянского населения преимущественно принимаются в кооперативном движении? Ответить на этот вопрос по недостатку соответствующих статистических сведений очень не легко. По-видимому, кооперация привлекает в свои ряды главным образом средних и крупных крестьян. Самые мелкие крестьяне, приближающиеся к пролетариату, слишком слабы экономически для того, чтобы участвовать в значительном количестве в кооперативах*.

Имеющаяся по данному вопросу отрывочная статистика, в общем, подтверждает это предположение. Так, например, относительно образцовой датской молочной кооперации можно сказать, что в ней участвуют все элементы сельского населения, обладающего коровами, но далеко не в одинаковой мере: на долю парцеллярных мелких хозяйств приходилось, по данным, относящимся к 1903 г., 28,7 % всего молока, переработанного в молочных кооперативах, на долю средних хозяйств — 55,2, а на долю крупных хозяйств — только 13,8 %.

Что касается группы мелких хозяйств, то она в свою очередь может быть разделена на три подгруппы. Самая низшая группа карликовых хозяйств дает ничтожное количество коров, поставляющих молоко на кооперативы, но из общего числа коров во владении этой группы все же 58 % коров принадлежит членам кооперативов. В следующей группе мелких хозяйств

В кооперативы поставляется молоко 82,8 % всех коров, находящихся во владении этой группы; наконец, в самой высшей группе мелких хозяйств уже 84,9 % коров связано с кооперативами. Отсюда очевидно, что в датской маслодельной кооперации участвуют все слои крестьянского населения, но участие самых мелких хозяев менее значительно, чем участие тех крестьянских групп, которые приближаются к средним слоям крестьянства.

В Германии роль крупного хозяйства в кооперации более значительна, чем в Дании, и соответственно этому в германской кооперации замечается стремление к сближению с капиталистическими организациями. Так, некоторые германские молочные товарищества охотно замыкают свой состав и становятся фактически недоступными беднейшим хозяевам деревни благодаря требованию высокой вступительной платы (до 80 марок на корову). Но это является далеко не общим правилом, а исключением.

По словам такого выдающегося знатока германской кооперации, как Грабейн, генерального секретаря Имперского союза, «кооператив есть такая хозяйственная форма, в которой объединяются ради своих общих интересов средние и мелкие хозяева, а также и остальные, более слабые элементы деревенского населения. Однако сельский кооператив не носит характера односторонней классовой организации; наоборот, почти повсеместно в кооперативных организациях принимают в большей или меньшей степени деятельное участие и крупные хозяева, а также и иные элементы деревенского населения».

Особенно велико участие крупных хозяев в французских сельских синдикатах, которые только отчасти могут быть причислены к кооперативам. Вообще, сельская кооперация представляет в этом отношении в разных странах далеко не одинаковую картину: хотя везде преобладает в кооперативах крестьянство, но, во-первых, среди самого крестьянства имеются различные группы по своему относительному достатку, и роль каждой из этих групп в кооперации в разных странах различна; во-вторых, наряду с крестьянством почти всюду в состав кооперативов входят крупные землевладельцы, в одних странах в большей, в других в меньшей мере.

Что касается участия в деревенской кооперации крупных землевладельцев, то оно объясняется частью хозяйственными интересами помещиков, частью же причинами исторического и политического характера. Что касается первой причины, то она, конечно, имеет свое значение. Кооперация приспособлена к интересам менее достаточных классов деревенского населения, но и более достаточные классы могут извлекать из участия в кооперативах определенные хозяйственные выгоды. Ссуда в несколько сотен марок, которая выдается кредитным

кооперативам, не удовлетворит, конечно, потребности в кредите крупного землевладельца, но все же и она может оказаться далеко не лишней в добавление к кредиту, получаемому из обычного капиталистического банка. Еще более существенную помощь хозяйству крупного сельского хозяина могут оказать разного рода кооперативы по сбыту, закупке и переработке. Поэтому хозяйственные интересы крупного хозяина побуждают его не уклоняться от участия в кооперативах. Нужно, однако, иметь в виду существенное различие в этом отношении между крестьянином и крупным хозяином: для крестьянина участие в кооперативе диктуется интересами самосохранения — вне кооператива само экономическое существование крестьянина как самостоятельного хозяина нередко подвергается опасности; напротив, для крупного хозяина участие в кооперативе ни малейшим образом не является вопросом первенствующей хозяйственной важности — крупный хозяин прекрасно может существовать и вне кооперации, но участие в ней может быть для него выгодно, хотя выгода эта обычно и не является сколько-нибудь значительной.

Таким образом, чисто экономические причины хотя и благоприятствуют участию крупных хозяев в кооперации, но действие их довольно слабо. А так как кооператив является по самому своему существу демократическим учреждением, большинство членов которого принадлежат к иному общественному классу — крестьянству, то на чисто экономической почве трудно было бы ожидать сколько-нибудь значительной тяги класса крупных хозяев к кооперации. Ведь в кооперативах всякий член имеет равный голос — немногие помещики, участвующие в них, совершенно подавляются голосами крестьян. Вся организация кооператива совершенно не приспособлена к обслуживанию нужд помещика.

Но, кроме хозяйственных мотивов, поведение общественных групп управляется и многими другими соображениями. Исторически сельскохозяйственная кооперация возникла как благотворительное учреждение в среде крупных землевладельцев и деревенской интеллигенции: деревенских учителей, духовенства и пр. Райффейзен и его первые сподвижники отнюдь не принадлежали к крестьянскому классу, и вся райффейзеновская кооперация задумана как организация, служащая интересам крестьянства, но опекаемая и руководимая не самими крестьянами, а более образованными и достаточными классами деревенского населения. Этот первоначальный характер сельской кооперации значительно изменился по мере ее роста, но не вполне утрачен и поныне. И теперь руководители сельской кооперации и выходят в значительной степени из общественных классов, стоящих на социальной лестнице гораздо выше крестьянства.

К таким историческим причинам, обуславливающим сравнительно значительное участие помещичьего класса в крестьянской кооперации, присоединились и присоединяются в некоторых странах и причины политического характера. В Германии, например, политические условия объединили среднее и крупное крестьянство в одну политическую партию с крупными землевладельцами. Дело в том, что землевладельцы вместе с крестьянами — сторонники пошлин на сельскохозяйственные продукты, между тем как партия городского пролетариата — социал-демократы — является ожесточенным врагом аграрного протекционизма, удорожающего предметы потребления городского населения. Общие политические интересы и общность принадлежности к этой политической партии сближают помещиков с крестьянами и на экономической почве. Помещики, опираясь политически на поддержку крестьян, привыкших видеть в них своих политических вождей, естественно становятся руководителями и крестьянской кооперации.

И действительно, в Германии крестьянская кооперация находится под преобладающим влиянием крупных землевладельцев. Грабейн сообщает следующие данные относительно участия крупных землевладельцев в управляющих органах сельских кооперативов. В 305 кредитных товариществах Померании было из среды крупных землевладельцев 109 председателей совета и 50 председателей правления. В Силезии в 619 кредитных товариществах было из среды крупных землевладельцев 308 председателей правления и 273 председателя совета.

Еще гораздо сильнее участие крупных землевладельцев в управлении центральными организациями сельской кооперации: союзов, центральных касс и т. п.

Затем выдающуюся роль в руководстве сельскохозяйственной кооперацией Германии играют духовенство и школьные учителя, которые в Германии стоят очень близко к помещичьему классу и находятся под его сильным влиянием. В Силезии в 619 кредитных товариществах из среды духовенства было 88 председателей совета и 45 председателей правления, а из среды учителей — 39 председателей совета и 34 председателя правления. В Померании в 305 товариществах из среды духовенства был 51 председатель совета и 49 председателей правления, из среды учителей — 27 председателей совета и 23 председателя правления.

Таким образом, можно думать, что вообще в большинстве сельских кооперативов Германии руководителями являются не крестьяне, но более достаточные элементы деревенского населения, и прежде всего крупные землевладельцы.

Этим объясняется, что некоторые виды кооперации совершенно отсутствуют в германской деревне. В предшествовавшей

главе было указано, что благодаря политическим симпатиям германских аграриев классу торговцев в германской деревне не могут развиваться потребительские общества. Точно так же известная политическая организация германских аграриев Союз сельских хозяев очень успешно тормозит развитие и некоторых других форм сельскохозяйственной кооперации, противоречащих интересам тех общественных групп, которые поддерживаются союзом, а именно: мукомольных и хлебопекарных кооперативов. Вопрос о мерах развития этих кооперативов уже много лет стоит на очереди в Германии, но все не получает решения благодаря нежеланию германских аграриев ссориться с мельниками и булочниками.

На одном из недавних конгрессов германских деревенских кооперативов это подчинение сельскохозяйственной кооперации руководству крупного землевладения получило очень яркое выражение. А именно: на Майнцском конгрессе 1908 г. был поставлен на обсуждение доклад ландрата фон Эйзенгард-Роте, посвященный вопросу о том, какими средствами в области кооперации можно бороться с недостатком рабочих в сельском хозяйстве. Эту тему докладчик более точно определил как вопрос о том, «каким образом кооперативное движение может наиболее целесообразным образом поддержать стремления, направленные к увеличению числа сельскохозяйственных рабочих путем прикрепления их к земле?» Докладчик указал, что в настоящее время крупные землевладельцы очень страдают от недостатка рабочих рук и стремятся теми или другими способами увеличить связь сельскохозяйственных рабочих с землей. Последнее необходимо потому, что только этим путем можно задержать отлив рабочих в города.

Достигнуть этого можно, по мнению докладчика, следующим образом. Желательно, чтобы сельскохозяйственные кооперативы покупали землю и передавали ее в долгосрочную аренду сельскохозяйственным рабочим, но непременно небольшими участками — размером от 3 до 8 моргенов*, во всяком случае, не настолько крупными, чтобы рабочий был избавлен от необходимости работать на стороне.

Доклад этот, явно направленный против интересов сельскохозяйственных рабочих, был встречен конгрессом весьма сочувственно. Председатель Касперс-Бубенгейм счел нужным выразить от себя полное одобрение докладу. Очень поучительны были и последовавшие за докладом прения. Один из ораторов выразил мнение, что несчастьем для сельскохозяйственных рабочих является чрезмерное учение в школе, которое приводит к тому, что рабочие стремятся в город. В заключительном слове докладчик еще резче выразил свою классовую точку зрения. «Различные ораторы, — сказал он, — признавали, что рабочий, имеющий свой собственный кусок земли, не работает или

редко работает на чужой земле, ибо он стремится по возможности увеличить прикупкой свое землевладение и занять свои рабочие силы на своем участке. Это, однако, не принесет пользы. Мы на востоке страдаем от недостатка рабочих рук для крупного землевладения и для крестьянского хозяйства, а крупное землевладение у нас на востоке такой важный носитель культуры, что мы должны позаботиться о нем. Поэтому мы должны принять меры, чтобы крупные землевладельцы и крестьяне имели в своем распоряжении достаточно рабочих, и только на втором плане мы можем поставить вопрос о желательности для рабочего собственной земли. Исходя из этих соображений, я, как председатель востока Германии, считал нужным рекомендовать, чтобы были приняты меры, которые, так сказать, принудили бы рабочего работать на чужой земле. . . Я не противник частной земельной собственности для рабочих, но мы не хотим давать землю каждому рабочему, даже и не заслуживающему этого. Сельские рабочие большей частью сущие дети, и их нужно опекать».

Эти слова вызвали крики «браво», и конгресс единогласно принял следующую резолюцию, предложенную докладчиком: «Конгресс германской сельскохозяйственной кооперации признает в высшей степени желательным, чтобы Имперский союз обратил особое внимание на крайне важный вопрос об укреплении связи с землей сельскохозяйственных рабочих при помощи кооперативов».

Майнцский конгресс германских сельскохозяйственных кооперативов с полной ясностью показал, что германская деревенская кооперация находится в полном подчинении у крупных аграриев, представляя в этом отношении разительный контраст с потребительской кооперацией, в сфере которой господствуют социал-демократические элементы¹.

¹ Нужно иметь в виду, что майнцский конгресс был не просто очередным ежегодным конгрессом германской сельскохозяйственной кооперации, но «юбилейным» конгрессом, так как он совпал по времени с двадцатипятилетием Имперского союза сельскохозяйственных кооперативов. В связи с этим конгрессу была придана особая торжественность. Почетным председателем конгресса был Великий Герцог Гессенский, конгресс был особенно многолюден и даже принял до некоторой степени международный характер, ибо в нем участвовали многочисленные представители сельскохозяйственной кооперации из других стран. Тем характернее принятые конгрессом резолюции по вопросу о сельскохозяйственных рабочих. Об этом конгрессе имеется особая статья в «Очерках по кооперации». А. Н. Анцыферова. Почтенный автор с энтузиазмом говорит о нем и об обнаружившейся в нем мощи германской сельскохозяйственной кооперации. С последним нельзя не согласиться, но нельзя и не пожалеть, что как в России, так и на Западе наблюдается среди друзей кооперации наклонность оставлять в тени ее классовые черты даже тогда, когда они до такой степени бьют в глаза, как в резолюциях Майнцкого конгресса. А. Н. Анцыферов, говоря о работах конгресса, даже и не упоминает об его резолюциях по рабочему вопросу.

Подобное же положенис вещей — господство крупных сельских хозяев в пределах деревенской кооперации — мы наблюдаем и во многих других странах. Так, например, в Бельгии сельскохозяйственная кооперация является одной из главных хозяйственных опор господствующей там реакционной католической партии. Крупные помещики доминируют на конгрессах бельгийских сельскохозяйственных кооперативов еще больше, чем в Германии.

Во Франции мы видим совершенно ту же картину. Достаточно сказать, что духовным вождем французской кооперации в деревне считается граф де Рокиньи, реакционный политик и завзятый враг социализма. Экономические воззрения Рокиньи крайне наивны и не пошли в области социальной политики дальше либерального манчестерства половины прошлого века. Он не видит в современном обществе никаких социальных антагонизмов и склонен считать таковые зловредной выдумкой социалистических агитаторов. «Кропоткины, Карлы Марксы, Жюли Геды и пр., и пр., — говорит он, — могут стараться возбудить антагонизмы и классовую вражду, которые следовало бы считать угасшими после того, как французская революция провозгласила равенство прав людей, свободу и братство граждан; они могут предсказывать социальное разрушение и уничтожение частной собственности, снятие границ и исчезновение идеи отечества: время для всего этого еще не пришло, можно надеяться, что в стране здравого смысла, как наша, оно никогда не придет для осуществления этих преступных утопий. Народ действительных тружеников хорошо знает, и не от таких утопий он ожидает улучшения своей участи».

Вне революционного социализма Рокиньи различает два главнейших направления экономической мысли. Одно, называемое им государственным социализмом, стремится путем социальных реформ, осуществляемых государством, улучшить участие трудящегося народа; это направление достигло особого развития в Германии и вообще имеет успех в странах, не знающих политической свободы.

Государственному социализму Рокиньи противопоставляет идею профессиональной ассоциации. Профессиональная ассоциация не имеет ничего общего с союзами рабочих, так как рабочий союз объединяет рабочих в противоположность их хозяевам, а профессиональная ассоциация уничтожает классовый антагонизм, объединяя в одной организации и рабочих, и хозяев известного промысла, без различия их классовой принадлежности. В этом Рокиньи усматривает главную силу сельскохозяйственных кооперативов.

«Сельскохозяйственные синдикаты включают в свои ряды как хозяев, так и рабочих, и на этом основан их успех. Крупные землевладельцы, фермеры, управляющие, мелкие земле-

владельцы, служащие, простые рабочие входят в состав одного союза; они научатся в нем знать друг друга, помогать друг другу, просвещать друг друга, обсуждать свои общие интересы, соединяться для общей победы. Ничто не сближает в такой степени различные общественные классы, и ничто не способствует в такой мере объединению их интересов, и ничто не поднимает в такой мере уровень демократии. Первые деятели сельскохозяйственных синдикатов очень правильно поняли, что для достижения действительного прогресса и крупных социальных результатов необходимо, ввиду раздоров и столь эксплуатируемых недоразумений в промышленном мире, утвердить союз, господствующий между хозяином и рабочим в сельском хозяйстве».

Рокиньи признает, что во Франции обычно думают, будто сельскохозяйственные синдикаты являются опорой реакционных партий. Он возражает против этого, но очень неубедительно. Зато он вполне согласен, что сельскохозяйственные синдикаты представляют силу, враждебную социализму. «Не так давно предлагали,—говорит он,—организовать во Франции антисоциалистическую лигу или ассоциацию, долженствующую воспрепятствовать успехам социализма путем поощрения частной инициативы. Эту ассоциацию в деревне не нужно создавать, так как она там уже имеется и не как общество академического характера, а как практическое учреждение. Сельские хозяйственные синдикаты образуют эту антисоциалистическую лигу; это они, постепенно осуществляя путем профессиональной солидарности всевозможные реформы и социальные улучшения, докажут бесплодность обещаний коллективизма и государственного социализма».

И это не только общие фразы. Действительно, некоторые сельские синдикаты Франции ведут активную борьбу с социализмом. Так, например, *Syndicat economique agrical* является одновременно «лигой социальной защиты против социалистической пропаганды в деревне». Эта организация ставит себе задачей борьбу с социалистической пропагандой в деревне и в противность государственному социализму стремится к «сведению к минимуму вмешательства государства в частную жизнь». Тезису о борьбе классов эта организация противопоставляет начало объединения классов, причем «буржуазия должна образовать генеральный штаб свободной ассоциации».

Соответственно выдающейся роли, которую в сельскохозяйственной кооперации играют представители крупного землевладения, деревенская кооперация занимает в большинстве западно-европейских стран совершенно иную политическую позицию, чем потребительская кооперация. И это ярко обнаружилось при попытках объединить все виды кооперации в общие организации национального или интернационального харак-

тера. Везде потребительская кооперация складывается в особые организации сравнительно с сельскохозяйственной.

Выше (в главе отдела о пролетарской кооперации) была изложена история образования Международного кооперативного союза, который по замыслу его инициаторов должен был объединить все виды кооперации. На самом деле он объединил только одну ветвь мирового кооперативного движения — пролетарскую кооперацию. Союз не только не содействовал объединению различных классовых течений современной кооперации, но углубил пропасть между ними. И это, несомненно, являлось шагом вперед и соответствовало внутренним тенденциям кооперативного движения. Несоединимого по своей внутренней природе никакими искусственными мерами соединить нельзя.

Подобно тому как пролетарская кооперация получила свой объединяющий центр в Международном кооперативном союзе, так и сельскохозяйственная кооперация образовала свой собственный Международный союз сельскохозяйственной кооперации. Союз этот возник в 1907 г., через три года после будапештского конгресса старого союза; как выше было указано, будапештский конгресс имел решающее значение в истории Международного кооперативного союза, так как на этом конгрессе ясно обнаружилось, что пролетарская кооперация тяготеет к сближению с социалистическим движением. Представители германских и австро-венгерских сельскохозяйственных кооперативов отнеслись с большим несочувствием к этому повороту пролетарской кооперации и решили образовать свой особый международный союз, чего им и удалось достигнуть.

Международный союз сельскохозяйственных кооперативов проникнут совершенно иным духом, чем старый Международный кооперативный союз. Руководящую роль в нем играют германские сельскохозяйственные кооперативы с характерными для них аграрными тенденциями. Сила и значение этого нового международного союза пока гораздо слабее старого.

Глава VI. СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Сельскохозяйственная кооперация является при современных условиях необходимым спутником крестьянского трудового хозяйства. Эта чрезвычайно важная роль кооперации в крестьянском хозяйстве объясняется тем, что благодаря кооперации крестьянин получает возможность пользоваться выгодами и преимуществами крупного хозяйства. Кредитные товарищества, общества по закупке, сбыту и переработке — все это организации, во главе которых стоят мелкие хозяева *, но в то же

время общества эти являются сравнительно крупными хозяйственными организациями, могущими с успехом конкурировать с крупными капиталистическими предприятиями; объединенные же в союзы общества эти становятся не только крупными, но и очень крупными предприятиями.

Одна группа сельскохозяйственных кооперативов не имеет никаких специфических преимуществ перед капиталистическим предприятием, кроме того, что объединенные в союзы кооперативы эти могут иметь большие размеры. Так, например, общество по сбыту сельскохозяйственных продуктов ставит себе те же цели, что и капиталистическое предприятие с теми же задачами, но если эти общества объединены в национальный союз, то силы такого союза могут быть громадны. Кредитное товарищество само по себе гораздо менее привлекает вклады, чем любой капиталистический банк, и только товарищества, объединенные в союз, становятся уже сильным кредитным учреждением. Поэтому вне союзов кооперативы этого большого рода значения иметь не могут.

Другая группа кооперативов имеет в отношении выполнения своих задач уже специфические преимущества перед капиталистическими предприятиями. Сюда относятся прежде всего товарищества по закупке как средств производства сельского хозяйства, так и предметов потребления. Преимущество их перед аналогичными капиталистическими предприятиями заключается в том, что самая трудная задача при условиях современной хозяйственной системы заключается в отыскании рынка для имеющихся продуктов; кооперативы же по закупке суть уже готовый рынок, ибо они состоят из объединившихся для целей закупки покупателей.

Правда, этим специфическим выгодам кооперативной организации закупки противостоят и известные невыгоды сравнительно с капиталистической закупкой — меньшее знакомство с рынком, меньшая заинтересованность в успехе дела лиц, руководящих им, и т. д. Объединенные в союзы кооперативы этого рода получают уже значительные преимущества перед капиталистическими предприятиями.

Третью группу сельскохозяйственных кооперативов составляют такие, которые в силу особых технических условий почти не допускают конкуренции капиталистических предприятий, представляя собой в техническом отношении единственно рациональную форму предприятия. К этой группе относятся некоторые товарищества по переработке, например маслодельные кооперативы; по чисто техническим условиям, сущность которых сводится к тому, что рациональное производство масла требует контроля и над производством молока, капиталистический маслодельный завод, производящий масло из покупного молока, стоит в техническом отношении гораздо ниже масло-

дельного кооператива, контролирующего производство молока. Кооперативы этого типа уже сами по себе обладают силой вытеснять капиталистические предприятия.

В общем, сельскохозяйственная кооперация значительно повышает производительность крестьянского хозяйства и увеличивает его способность конкурировать с крупным капиталистическим сельским хозяйством. Крестьянскому хозяйству, и помимо кооперации, присущи известные преимущества сравнительно с капиталистическим; преимущества эти коренятся в одной определенной области сельского хозяйства — в области производства, где в силу технических условий крестьянское производство оказывается значительно более производительным, чем капиталистическое*.

Однако в сфере обмена крестьянское хозяйство находится в гораздо худших условиях, чем капиталистическое. Кооперация глубоко изменяет в этом отношении позицию крестьянского хозяйства: благодаря кооперации крестьянин получает возможность пользоваться кредитом почти на таких же (а иногда и лучших) условиях, как и крупный сельский хозяин, продавать свои продукты почти по такой же высокой и покупать нужные ему продукты почти по такой же низкой цене, как и крупный хозяин, или даже благодаря союзам обгоняет в этом отношении изолированных крупных хозяев.

В область чисто сельскохозяйственного производства в точном смысле слова кооперация почти не проникает или если и проникает, то лишь окольным путем, со стороны. Переработка молока в масло, винограда в вино, зерна в муку, что исполняет кооперация, не является в строгом смысле слова сельскохозяйственным производством, областью которого являются только биологические процессы.

Поэтому с принципиальной стороны сельскохозяйственная кооперация отнюдь не превращает мелкого крестьянского производства в какую-либо иную форму.

Объединенное кооперативными организациями хозяйство крестьянина остается мелким в том смысле, что основной ячейкой кооперативной ткани, как бы эта последняя ни была разветвлена, прочна и сложна, все же остается отдельное крестьянское хозяйство, во главе которого стоит самостоятельный хозяин, на свой страх и риск ведущий это хозяйство. Самостоятельности крестьянского хозяйства кооперация не только не угрожает, но, увеличивая успешность этого хозяйства и повышая его технический уровень, делает крестьянское хозяйство более устойчивым. Поэтому нужно самым решительным образом отвергнуть идею, будто кооперация ведет к концентрации крестьянского производства. Нет, как бы ни была развита сеть кооперативных организаций, все же в основе ее остается индивидуальный производитель — крестьянин.

Однако не следует игнорировать и то новое, что кооперация привносит в крестьянское хозяйство. Кооперация прежде всего уничтожает ту изолированность мелких хозяев друг от друга, которая являлась характернейшей чертой крестьянского хозяйства прежнего времени.

До начала кооперативной эры хозяйственный успех каждого крестьянина зависел только от условий его индивидуального хозяйства. Крестьянин чувствовал себя на своем поле, за стеной своей усадьбы изолированным от всего мира. От своего соседа, живущего рядом с ним в совершенно сходных экономических условиях, он так же мало ожидал помощи, как и от своего помещика, который помещался на противоположной ступени социальной лестницы. На этой почве вырастали чудовищный крестьянский эгоизм и отчужденность крестьянина от всего мира, которые были так ярко описаны Золя в его знаменитом романе «La Terre» (условия жизни русского крестьянина благодаря общине и вообще примитивности всего нашего сельского экономического строя, еще недавно имевшего в большей или меньшей степени характер натурального хозяйства, были существенно иные).

Кооперация все это изменила в корне. Правда, крестьянин по-прежнему остается господином на своем поле и в своей усадьбе. Но он уже чувствует себя единицей огромного целого — ячейкой сложной кооперативной организации, которая начинается тут же в деревне, но, постепенно распространяясь, охватывает всю страну. Благополучие каждого отдельного члена этой организации существеннейшим образом зависит от успешной работы всей кооперативной системы. Для индивидуальной независимости деятельности крестьянину остается только одна область — сельскохозяйственного производства на своем поле и в пределах своей усадьбы. Но как только крестьянин соприкасается с рынком, тут его личное хозяйство поглощается хозяйством обширного коллектива, к которому он принадлежит. И чем большее значение приобретают денежные отношения в пределах крестьянского хозяйства, тем большее значение приобретает и хозяйство этого коллектива.

Таким образом, хозяйство крестьянина в целом утрачивает свой прежний индивидуалистический характер. Его внутренняя природа становится более сложной: сохраняя известную область, в которой крестьянин чувствует себя по-прежнему предоставленным своим собственным силам, он в то же время все более и более связывает крестьянина со всеми его односельчанами и, далее, со всем его классом.

В этом заключается огромное воспитательное значение крестьянской кооперации. Однако некоторые виды кооперации оказывают еще более глубокое влияние на строй крестьянского хозяйства, подчиняя контролю кооперативно организованной кре-

стьянской группы и сами процессы крестьянского производства.

Сюда относятся прежде всего различные формы товариществ по переработке. Так, маслодельное товарищество существенно преобразовывает и сам процесс производства молока. Правда, молоко выделяется самостоятельно отдельным крестьянином; но так как качество масла зависит от качества молока, то маслодельный кооператив вынужден силой вещей контролировать производство молока. Возьмем, например, образцовую датскую маслодельную кооперацию. Вокруг кооперативного маслодельного завода группируется целый ряд других кооперативов, имеющих в виду улучшить производство молока. Так, этой цели служат товарищества для приобретения лучших производителей, ибо лишь таким путем можно улучшать породу молочного скота. Не меньшее значение имеют контрольные товарищества, которые контролируют способы кормления скота, доения коров, хранения молока и вообще всю постановку молочного хозяйства. Для выполнения контроля товарищества имеют особые аппараты, посредством которых определяются составные вещества молока, а сам контроль осуществляют лица с основательным агрономическим образованием, могущие быть руководителями крестьянина во всех случаях его хозяйственной жизни. Эти контролеры объезжают всех членов товарищества, присутствуют при доении коров и указывают средства для поднятия молочности коров.

Таким образом, производство молока, оставаясь делом отдельного крестьянина, в то же время оказывается регулируемым кооперативной организацией во всех своих существенных частях. Это уже не прежнее изолированное производство, а нечто существенно иное. Производство, правда, еще не принимает характера общественного, так как оно осуществляется не общественной группой при помощи общественных средств производства, а отдельным хозяином при помощи средств производства, находящихся в его индивидуальной собственности. Однако это индивидуальное производство контролируется и регулируется общественной группой.

Выше было указано, что совершенно подобное же влияние на весь строй культуры винограда оказывает и винодельческое товарищество. Во всех этих случаях само крестьянское производство (а не только рыночные отношения крестьянского хозяйства) преобразовывается кооперацией.

Еще существеннее влияние кооперативной организации на строй производства в некоторых формах трудовой производительной кооперации, например в арендных товариществах. Тут мы видим очень сложную комбинацию единоличного и общественного производства. Единоличное производство помещено в ткань общественного и невозможно вне этой связи, само распределение земельных участков между отдельными хозяевами

производится общественной группой, которая многие процессы производства (например, молотьбу хлеба, а также разного рода мелиорации и т. п.) производит общими силами.

Полное поглощение индивидуального сельскохозяйственного производства общественным возможно только в производительной артели. Но производительные артели в земледелии имеют не большее распространение, чем в промышленности, т. е. практически никакого. Правда, в Италии имеются довольно сильные арендные товарищества с общей обработкой земли. Но, как было выяснено в главе об артелях, эти артели отнюдь не могут считаться самостоятельными хозяйственными предприятиями и служат целям совершенно иного рода — давать подсобный заработок сельскохозяйственным рабочим, временно потерявшим работу в обычном капиталистическом сельском хозяйстве. Артели эти являются, следовательно, одной из форм помощи безработным и не преследуют самостоятельных хозяйственных целей, являясь вспомогательной организацией при рабочих союзах.

Таким образом, следует без всяких ограничений признать, что крестьянская кооперация ни малейшим образом не разрушает крестьянского хозяйства и не превращает его из индивидуального в коллективное. Какое бы широкое распространение ни получила в крестьянской среде кооперация и как бы ни развилась вглубь, она не может ослабить крестьянского хозяйства. Наоборот, кооперация имеет тенденцию укреплять крестьянское хозяйство, ибо развитие различных форм кооперативной самопомощи приводит к тому, что стоящая в центре их крестьянская ячейка получает новые источники силы*.

В этом существенное различие между крестьянской и пролетарской кооперацией. Пролетарская кооперация, выразителем которой является пролетарское потребительское общество, создает новую хозяйственную систему и в своем естественном развитии совершенно разрывает с существующими хозяйственными формами. Если бы мы предположили, что потребительское общество охватило все население страны и заменило капиталистические предприятия, то получился бы хозяйственный строй, вполне совпадающий с одной из форм социалистического строя, с так называемым коллективизмом. Совсем иной характер имеет крестьянская кооперация. Если бы мы предположили, что крестьянская кооперация достигла своего логического завершения и охватила все те стороны крестьянского хозяйства, на которые она в большей или меньшей степени оказывает влияние и теперь, то получилось бы хозяйство, конечно, глубоко отличное от изолированного крестьянского хозяйства недавнего времени, до появления кооперативных организаций, но, как бы глубоко ни было влияние кооперации на крестьянское хозяйство, все же это хозяйство оставалось бы крестьян-

ским и отнюдь не стало бы социалистическим, ибо в основе его по-прежнему лежала бы частная собственность крестьянина на средства производства и продукты его труда.

Отсюда, однако, не следует, что крестьянская кооперация по своему существу враждебна социализму: современный социализм отнюдь не требует уничтожения крестьянской собственности и замены крестьянского труда на своем поле обработкой земли обширными общественными группами *. Большинство представителей современного социализма (включая сюда и таких ортодоксальных марксистов, как Карл Каутский) признает, что даже в пределах социалистического государства крестьянское хозяйство может сохраняться благодаря существенно иным техническим условиям производства в сельском хозяйстве и промышленности. Не выставляя требования уничтожения крестьянской собственности, социалисты могут являться защитниками и крестьянской кооперации, которая, несомненно, поддерживает крестьянское хозяйство *.

Но, с другой стороны, крестьянская кооперация отнюдь не должна неизбежно, по своему внутреннему существу, относиться дружелюбно к социализму. Современный социализм и крестьянская кооперация идут не противоположными, но разными путями. Поэтому между социализмом и крестьянским кооперативным движением возможны самые различные отношения — как дружеские, так и враждебные.

И мы это наблюдаем в действительности. В некоторых странах социалистическое движение оказывает сильное влияние на крестьянскую кооперацию и до известной степени созидает ее. Это мы видим, например, в Италии, где некоторые интересные формы крестьянской кооперации (как, например, коллективные аренды) создались под непосредственным влиянием социалистической партии (хотя в той же Италии мы наблюдаем наряду с социалистическими крестьянскими кооперативами крестьянские кооперативы, находящиеся под влиянием клерикалов и реакционных партий). Напротив, в других странах, как, например, в Германии, Бельгии и отчасти Франции, крестьянская кооперация находится под влиянием реакционных политических партий и относится враждебно к социалистическому движению.

Но какую бы позицию по отношению к социализму ни занимала крестьянская кооперация, она делает свое дело не только поднятия экономического уровня крестьянского хозяйства, но и глубокого его преобразования. Она воспитывает нового крестьянина, приучает его к самостоятельности и самопомощи, развивает его общественные чувства и приобщает его к умственной культуре. Это с одной стороны, со стороны влияния кооперации на личность крестьянина. Что же касается до самого крестьянского хозяйства, то под влиянием кооперации

оно становится также иным: вместо прежней изолированности кооперация создает мощные общественные связи между крестьянскими хозяйствами не только одного села, но через посредство союзов и всей нации. Крестьянское хозяйство хотя и остается индивидуальным, но в то же время общественно урегулированным, и в этом заключается новый тип крестьянского хозяйства, который создается кооперацией*.

Глава VII. КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В РОССИИ

1. УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ

Русская крестьянская кооперация представляет собой нечто весьма своеобразное. С одной стороны, ни в какой другой стране мы не наблюдаем такого стремительного роста кооперативов и числа их членов. Хотя в октябре 1915 г. наша кооперация отпраздновала свой пятидесятилетний юбилей (22 октября 1865 г. был утвержден устав первого в России ссудосберегательного товарищества), тем не менее наше кооперативное движение приобрело серьезное общественное значение совсем недавно. Более или менее значительный размах оно принимает только после революции 1905 г. и, таким образом, насчитывает не более десяти лет быстрого роста. Если сравнить число кооперативов в начале века с тем, сколько их имелось накануне революции, то как не поразиться скорости развития нашей кооперации!

Общее число кооперативов в России

	1 января 1901—1902 гг.	1 января 1917 г.
Кредитные кооперативы	837	16 055
Потребительские общества	600	20 000
Сельскохозяйственные общества	137 (мало- района)	6 032
Сельскохозяйственные товари- щества	?	2 100
Маслодельные артели	51	3 000
Кустарные и иные артели	—	—
Итого	1625	47 187

Число членов в этих 47 тысячах кооперативов точно установить не легко. Известно только число членов в кредитных

кооперативах, в которых, по официальному подсчету, было к 1 января 1917 г. 10 478 000 членов. Общее число членов наших кооперативов можно было принять к началу 1917 г. в 16 млн. чел. Правда, некоторое число членов участвует одновременно в нескольких кооперативах, но все же общее число семейств, принадлежащих к кооперативам (как общее правило, от семьи участвует в кооперативе только одно лицо), должно было быть, по всей вероятности, около 14 млн. Принимая среднюю семью члена кооператива около 6 человек (как показали специальные обследования, в кооперативах участвуют преимущественно многосемейные крестьяне), получаем, что всего участвовало в кооперативах около 84 млн. чел., т. е. немногим более половины всего населения России.

И если вспомнить, что все это движение едва насчитывает одно десятилетие своего роста, то достигнутые результаты не могут не показаться грандиозными. По числу кооперативов и членов в них Россия занимает в настоящее время, безусловно, первое место во всем мире.

При этом нужно иметь в виду, что до революции наша кооперация была главным образом крестьянской. Городская кооперация была развита у нас накануне революции сравнительно слабо и охватывала собой не более 6—8 тыс. потребительских обществ и кредитных кооперативов (почти исключительно ссудосберегательные товарищества).

Эти удивительные успехи крестьянской кооперации в России кажутся отнюдь не согласующимися с обычным представлением о русском крестьянине как об общественном элементе, не проявлявшем больших способностей к самостоятельности и социальному творчеству.

Однако приведенные цифры не должны приводить к преувеличенному представлению о значении русской кооперации. Мы не должны упускать из виду, что русская кооперация до революции была глубоко отличной от кооперации на Западе.

Западно-европейская кооперация возникла или без всякой помощи государства или же если государство и оказывало поддержку кооперативному движению, то, во всяком случае, не государство ее создавало. Наша кооперация в самой значительной своей части — именно кредитная кооперация — была почти целиком насаждена государством.

Как это будет выяснено ниже, быстрый рост наших кредитных товариществ должен быть почти всецело отнесен на счет деятельности чиновников Государственного банка — инспекторов мелкого кредита. И поэтому грандиозные цифры наших кооперативов не должны были внушать друзьям нашего кооперативного движения слишком много энтузиазма. Очень и очень немногие из этих десятков тысяч кооперативов были действительно кооперативами по своему внутреннему содержанию.

2. КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ

Наибольшее распространение у нас имеют кредитные кооперативы. Из 16 млн. членов наших кооперативов на долю кредитной кооперации приходилось у нас свыше 10 млн. членов.

Кредитные кооперативы у нас двух типов — так называемые ссудосберегательные товарищества и кредитные товарищества. Первых к 15 октября 1917 г. считалось по официальным данным 4373, вторых — 12 114.

Хотя ссудосберегательных товариществ, таким образом, гораздо меньше, чем кредитных, они возникли гораздо раньше вторых. Кредитная кооперация ведет у нас свое начало от Рождественского товарищества в селе Дороватове, устроенного в 1866 г. Лугинным. Товарищество это было попыткой приспособить кредитный кооператив типа Шульце к условиям русской деревни. Краткая история первых попыток насаждения в России кредитной кооперации будет ниже, в отделе о мелкобуржуазной кооперации. Основной грех этих первых попыток насадить в России крестьянскую кооперацию заключался в том, что ссудосберегательные товарищества не были приспособлены к условиям русской деревни уже потому, что они были построены на основе паевого капитала, между тем как при бедности русского крестьянина требование пая делало невозможным участие в товариществе рядового крестьянина. И до настоящего времени ссудосберегательные товарищества распространены преимущественно не среди крестьянства коренной России, а среди неземледельческих слоев населения или же на более зажиточных окраинах России. Сильные ссудосберегательные товарищества имеются среди еврейского населения, затем в Королевстве Польском и в Прибалтийском крае. Главная же масса крестьянских кредитных кооперативов совершенно иного типа — в виде кредитных товариществ.

Кредитные товарищества созданы у нас законом 1895 г., установившим им тип. Они отличаются от ссудосберегательных товариществ в принципиальном отношении: они не имеют паевого капитала и этим воспроизводят в русских условиях тип райффейзеновского кредитного товарищества. По отношению к вопросу о паевом капитале русские кредитные товарищества стоят даже более строго на райффейзеновских принципах, чем их германский образец, ибо в Германии, как было выше указано, закон не разрешает кооперативов без паевого капитала, почему райффейзеновские кооперативы принуждены иметь свой паевой капитал, между тем как русские кредитные товарищества действительно никакого паевого капитала не имеют.

Откуда же кредитные товарищества в России черпают необходимый все же для начала дела капитал? В Германии первые райффейзеновские кооперативы были основаны на благо-

творительной основе и получали нужные денежные средства от местных состоятельных людей — помещиков, пасторов и пр.; когда же кооперация достигла значительного развития, то вновь возникающие кооперативы стали получать денежные средства для начала дела из союзных кооперативных организаций — центральных касс Имперского банка, а также из государственной Прусской центральной кассы кооперативных товариществ.

В России сложилось существенно иное положение. Кредитные товарищества возникли у нас по инициативе не помещиков и иных зажиточных элементов деревни, но по инициативе государственной власти, которая, естественно, и позаботилась о снабжении кредитных товариществ необходимым им капиталом. Кредитные товарищества получают у нас средства для начала дела заимообразно от Государственного банка.

Оказывая денежную поддержку кредитным товариществам, государство, естественно, подчинило товарищества и своему контролю. В 1904 г. было образовано при Государственном банке особое Управление по делам мелкого кредита, с обширным штатом инспекторов мелкого кредита, причем эти чиновники должны были следить за деятельностью кредитных товариществ, производить в них периодические ревизии и вообще всячески руководить ими. Товарищества были во всех важнейших своих действиях подчинены Управлению по делам мелкого кредита и его местным чинов. На инспекторов мелкого кредита было возложено оказание содействия при устройстве учреждений мелкого кредита, поставленных под всестороннюю опеку инспекторов.

Со времени 1904 г. правительственная власть в лице Управления по делам мелкого кредита начинает систематически стремиться к насаждению в нашей деревне кредитных товариществ. Для этой цели ассигновываются из государственных средств десятки миллионов рублей на кредитование кредитных товариществ. При деятельной поддержке государства кредитные товарищества действительно достигают весьма значительного развития. В дополнение к средствам, получаемым в ссуду из Государственного банка, они собирают значительные собственные капиталы и привлекают еще более значительные капиталы со стороны в виде вкладов. К 1 января 1916 г. пассив кредитных товариществ выражался следующими крупными цифрами:

	В млн. руб.
Средства собственные	129
Вклады и займы у частных лиц	558
Займы из государственных средств	95,5

Хотя по развитию своих денежных оборотов наши кредитные товарищества далеко уступают германским, все же около

800 млн. руб. капитала, которым они располагали, являлись суммой далеко не незначительной. Государство, несомненно, достигло своей цели — создать в русской деревне доступный крестьянину мелкий кредит. Вопрос только в том, чем были наши кооперативные по форме учреждения мелкого кредита — действительно кооперативами или только вспомогательными учреждениями Государственного банка?

Что касается ссудосберегательных товариществ, число которых в деревнях сравнительно невелико, то они могли бы безусловно считаться настоящими кооперативами, если бы действовали сколько-нибудь нормально. Но среди ссудосберегательных товариществ, действующих в русской деревне, только незначительная часть живет нормальной жизнью; остальные же находятся в упадке по тем или иным причинам. Поэтому когда приходится говорить о нашей крестьянской кредитной кооперации, то нужно иметь в виду почти исключительно кредитные товарищества.

Относительно же кредитных товариществ сомнения в их кооперативности были вполне обоснованы. Даже с точки зрения формально-правовой их трудно было считать кооперативами в полном смысле слова. По мнению составителей проекта нового гражданского уложения, «кредитные товарищества представляются не столько частными товариществами, основанными на кооперативном начале с целью содействия кредиту своих членов, сколько своеобразным способом организации мелкого кредита, оказываемого Государственным банком».

И действительно, степень самостоятельности членов кредитного товарищества была чрезвычайно ограничена: в лице инспектора мелкого кредита каждое товарищество имело начальника или, точнее, опекуна, руководившего почти каждым шагом товарищества. Собственный капитал товарищества в большинстве случаев выражался незначительной суммой сравнительно с тем капиталом, который товарищество получило в ссуду из Государственного банка. Огромное большинство членов товарищества не принимало почти никакого участия в руководительстве товариществом, контролировавшимся фактически отнюдь не членами товарищества, а стоявшими вне его правительственными чиновниками. Для среднего члена кредитного товарищества последнее имело интерес лишь постольку, поскольку оно могло выдать ему требуемую ссуду. Если ссуда возвращена обратно, то крестьянин обычно считал, что связь его с товариществом порвалась. Общие собрания членов бывали редко и посещались плохо. Во многих товариществах благодаря их сравнительно крупным размерам место общего собрания членов заступали собрания уполномоченных; в этом случае связь рядового члена с жизнью товарищества

была еще более слабой и ограничивалась выбором уполномоченных.

Вообще, относительно среднего кредитного товарищества смешно было и говорить о самостоятельности его членов, а следовательно, в таком товариществе не имелось и истинной кооперативной жизни. Все это было бесспорно, и все же кредитные товарищества сыграли огромную роль в кооперативном пробуждении России.

Обычная история русского кредитного товарищества была такова. В начале это было учреждение, возникшее по инициативе инспектора мелкого кредита или кого-либо другого со стороны. Члены его нисколько им не интересовались и видели в нем только источник получения ссуды, причем в первое время эти ссуды получались из капиталов, ссуженных государством..

Однако чем дольше существовало товарищество, тем сильнее становилось его воспитательное воздействие на его членов. Сначала начинает сознательно относиться к делам товарищества небольшой кружок лиц из числа его непосредственных руководителей. Затем этот кружок все расширяется, товарищество начинает вести более сложные операции, все более прививается на местной почве и все более втягивает в круговорот своих интересов крестьян того же села. Товарищество начинает поддерживать своими капиталами другие товарищества — уже несомненно кооперативного типа — как местное потребительское общество, сельскохозяйственное общество, товарищество по закупке и сбыту и т. д. Мало-помалу накапливается собственный капитал товарищества, и оно начинает жить самостоятельной кооперативной жизнью, освобождаясь от зависимости от Государственного банка.

Таков был обычный и вполне естественный ход развития кредитного товарищества. В начале его деятельности оно никаких кооперативных элементов в себе не заключало. Но чем дальше, тем более проникается его жизнь кооперативными элементами и в конце концов товарищество становится истинным кооперативом. Кооперативная форма товарищества наполняется действительным кооперативным содержанием.

Конечно, невозможно с полной определенностью сказать, что представляли собой десятки тысяч кредитных товариществ, которые существовали в русской деревне. Во всяком случае, можно быть уверенным, что среди них имелись товарищества на всех ступенях кооперативного развития — от товариществ, не имевших в себе никаких элементов истинной кооперации, до настоящих кооперативов, живших полной кооперативной жизнью, ничуть не менее кооперативов Запада. И, что самое важное, ясно, что число кооперативов первого рода относительно все сокращалось, а число кооперативов последнего рода

быстро росло. Кооперативное сознание проникало все глубже и глубже в толщу русского крестьянского мира и глубочайшим образом преобразовывало весь его социально-психологический облик.

Какова же социальная среда нашей кредитной кооперации? В этом отношении следует прежде всего отметить, что в связи с иным происхождением нашей кооперации влияние помещичьего элемента в ней гораздо слабее, чем, например, в Германии. Это может быть иллюстрировано до некоторой степени и статистическими данными. Кооперативная секция Киевской все-русской выставки 1913 г. провела анкету среди кредитных кооперативов, на которую откликнулось 1322 товарищества. Согласно этой анкете оказалось, что по образовательному уровню состав правления и совета в ответивших кредитных и ссудосберегательных товариществах имеет следующий вид (в процентах):

	Высшее образование	Среднее	Низшее	Неграмотные
Правление	2,7	11,2	85,5	0,7
Совет	4,2	10,5	83,5	1,8

На долю лиц с высшим и средним образованием приходилось только 13,9 % членов правления и 14,7 % членов совета. По всей вероятности, все помещики входили в эту группу; но, очевидно, в эту группу входили и многие другие лица, кроме помещиков,— лица либеральных профессий, народные учителя, священники, фельдшера и т. д. Таким образом, можно думать, что в составе правления и совета помещики играли роль совершенно незначительную.

Наша крестьянская кооперация находилась вне влияния помещичьего класса. Это и неудивительно, так как отношения между помещичьим и крестьянским классами в России не имеют ничего общего с тем, что мы наблюдаем, например, в Германии, где оба класса стоят в тесном политическом союзе.

Труднее решить вопрос относительно того, какие именно элементы крестьянства входили в состав кредитных товариществ. Общих данных этого рода относительно всей России не имеется, приходится довольствоваться данными относительно отдельных районов. В отчете Управления по делам мелкого кредита за 1904 г. имеются сведения об обеспечении членов кредитных товариществ лошадьми. Эти сведения могут быть сравнены с данными относительно обеспечения лошадьми крестьянского населения в тех губерниях, в которых в том же 1904 г. была произведена конская перепись. Таким образом, возможно сравнение в отношении обеспечения лошадьми всего крестьянского населения и членов кредитных товариществ в 3 губерниях: Херсонской, Таурической и Екатеринославской.

С. Н. Прокопович дает на основании этого сопоставления следующие данные (в процентах)

	Кредитные товарищества	Все крестьянское население
Безлошадные	12,2	32,8
1 лошадь на двор	8,8	8,2
2 лошади » »	48,6	34,0
3 » » »	19,7	15,4
5 и более лошадей на двор	10,7	9,6

Легко заметить, что в кредитных товариществах сравнительно мало представлена группа деревенской бедноты — безлошадных крестьян. Наоборот, группа двухлошадных крестьян представлена значительно сильнее, чем в массе крестьянского населения. Группа зажиточных крестьян, имеющих 3 лошадей и больше, представлена также сильнее, чем в остальном населении, хотя тут перевес и не так значителен, как при сравнении групп двухлошадных.

Исходя из этого, следует заключить, что кредитные товарищества привлекают преимущественно крестьян средней состоятельности — трудовое крестьянство, ведущее самостоятельное сельское хозяйство и стоящее выше сельского пролетариата. Пролетаризированное крестьянство лишь в ограниченной степени участвует в кредитных товариществах, а более зажиточное крестьянство занимает в кредитных кооперативах следующее место за средними крестьянскими группами*.

Но «лошадность» крестьянских групп является очень неточным показателем степени их экономической зажиточности. Детальный анализ сравнительного уровня экономического положения членов кредитных товариществ и остального крестьянского населения дан г. Красильниковым на основании земской переписи членов кредитных товариществ в Уфимской губернии в 1911 г.

Сравнение это приводит к следующим результатам. Во-первых, оказалось, что в товариществах участвуют крестьяне со значительно большим семейным составом, чем семьи крестьян, не участвующих в товариществах. Это указывает на большую экономическую силу членов товарищества (как общее правило, у более зажиточных групп крестьянского населения семья имеет больший состав).

Лучше всего характеризуется экономическое положение крестьянского двора площадью его посева*. В этом отношении уфимское обследование дало следующие результаты:

	Из 100 дворов	
	Все крестьянское население	Товарищества
Не сеют	10	5
Сеют до 2 десятин	21	12
» 2—10 »	56	64
Свыше 10 »	13	19

Несеющие крестьянские группы участвуют в кредитных товариществах в два раза менее, чем эта группа представлена во всем крестьянском населении. В товариществах преобладают крестьянские группы со средним размером посевной площади, за ними идут крестьяне с большими посевами.

Точно так же и скотом члены кредитных товариществ обеспечены значительно лучше, чем крестьянская масса.

Судя по этим данным, можно было бы думать, что кредитные товарищества имеют тенденцию замыкаться в среде более состоятельного крестьянства. Однако это не так. Г. Красильников приводит следующую таблицу:

	На 100 дворов членов кредитных товариществ в Уфимской губернии находилось на 1 января				
	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Безлошадных	2	3	3	4	4
Хозяйство с 1 лошадыю	16	25	27	27	28
» 2 лошадыми	29	31	32	31	32
» 3—4 »	34	29	26	27	25
» 4 »	19	12	12	11	11

Эта таблица показывает, что первоначально кредитные товарищества захватывают более состоятельных крестьян. Но по мере укрепления товариществ в состав их входят и более бедные крестьяне. За 5 лет процент безлошадных в уфимских товариществах возрос в два раза, а процент крестьян, имеющих более четырех лошадей, понизился более чем на треть. «Создаваясь сначала по преимуществу среди зажиточных элементов деревни,— говорит г. Красильников,— уфимская кооперация постепенно всасывала в себя и хозяйства, менее экономически состоятельные, и в результате основным ядром ее оказывался крестьянин-середняк, который и составляет собой так называемую народную массу».

Точно так же и обследование Никольского кредитного товарищества в Раненбургском уезде Рязанской губернии привело к выводу, что «в своей работе кооператив естественно стремится к средним по хозяйственному положению группам крестьянства. Для кредитной кооперации эти средние группы и выше средних являются нормальной средой».

Таким образом, по общему мнению исследователей, кредитная кооперация служит у нас интересам прежде всего среднего трудового крестьянства, имеющего свое хозяйство и обрабатывающего свою землю.

Мы видели, что по условиям своего возникновения русская крестьянская кооперация не имела ничего общего с германской. И в других отношениях русское кредитное товарищество глубоко отличалось от райффейзеновского товарищества Германии.

Первым и самым важным различием является то, что наши товарищества самым грубым образом расходятся с принципом локализации. Средние размеры нашего кредитного товарищества значительно превосходят германские: в то время как в Германии преобладают товарищества с числом членов менее 100, у нас совсем нет товариществ, в районе которых число дворов было бы не менее 100. Наиболее распространенным у нас типом являются товарищества, в районе которых от 1000 до 2000 дворов. Наряду с этим у нас имеются товарищества еще гораздо более крупные. В среднем на одно товарищество у нас приходилось в 1916 г. 682 члена.

Легко понять, какое огромное значение в жизни наших товариществ имеет столь значительный их размер. Охватывая собой иногда обширную территорию со множеством сел, деревень и хуторов и включая тысячи членов, товарищества наталкиваются на многообразные трудности в осуществлении своего прямого дела — организации кредита для малоимущей массы крестьянского населения. При большом районе правление товарищества не имеет никакой возможности знать своих членов, и при определении их кредитоспособности правлению приходится руководствоваться внешними формальными признаками — обычно количеством земли, которым располагает заемщик. Но так как этот признак далеко недостаточный, а к тому же при существовавшем у нас законодательстве взыскание долгов с крестьянина было чрезвычайно затруднительно, ибо крестьянская наделная земля, равно как и движимое имущество крестьянина, необходимое для существования, не могли быть продаваемы за долги, то товарищество, отказывая в кредите всем более бедным своим членам, в то же время подвергалось большому риску потерять свои деньги. При крупном районе товарищества неизбежны большие расходы членов отдаленных селений на проезд к товариществу; эти расходы по поездке иногда значительно повышают сумму, в которую обходится должнику получение кредита из товарищества. Далее, при крупном районе для товарищества невозможно контролировать употребление ссуды и отсутствует то давление общественного мнения села на каждого члена, которое играет такую важную роль в обеспечении исправного возврата ссуды. Более близкие села к месту помещения правления получают при этом естественное преимущество перед более отдаленными, почему, как общее правило, в крупных товариществах процент крестьян, принимающих участие в товариществе, тем менее, чем данное село более удалено от места пребывания правления.

Не менее важна и следующая сторона дела. Мелкое товарищество имеет характер более чистого кооператива, чем крупное. Действительно, в крупном товариществе силой вещей

невозможны общие собрания членов (как собрать в одно место несколько тысяч человек?), и их заступают собрания уполномоченных. Но при этом рядовой член товарищества совершенно отстраняется от контроля за деятельностью правления и, естественно, утрачивает интерес к своему товариществу. О кооперативном воспитании в этом случае не может быть и речи.

Поэтому крупные товарищества уклоняются от кооперативного типа в сторону обычных банков и нередко начинают в обход своего устава заниматься разного рода спекуляциями, так как размещение среди членов скопляющихся у таких товариществ в значительном количестве вкладов весьма затруднительно. Многие из таких товариществ ссужают своими деньгами разные местные учреждения и в конце концов подвергают серьезному риску свои вклады. Напомним, что и в Германии крушение Имперского кооперативного банка произошло в связи с ликвидацией некоторых крупных товариществ, которые уклонялись от райффейзеновского принципа локализации и благодаря этому должны были прибегнуть к рискованным спекуляциям.

Почему же наши товарищества имеют столь крупный район? Для этого существуют разнообразные причины.

Прежде всего это вызывается недостатком в русской деревне лиц, способных руководить хотя бы и весьма несложным хозяйством товарищества. Поэтому, где такие лица явились и дела товарищества пошли хорошо, там товарищество, естественно, растет и захватывает в круг своих операций все больший и больший район. Новые товарищества не возникают, так как для руководства ими не находится достаточно знающих и способных лиц.

Поэтому до последнего времени мы замечали, что, как общее правило, товарищества становились все крупнее и крупнее; несмотря на огромное увеличение числа товариществ, число членов в них росло еще более.

Существенным препятствием к возникновению у нас мелко-районных кредитных товариществ являлась и слабость у нас кооперативных союзов. Мелкое товарищество может быть сильным, только опираясь на союз. Пока же у нас союзов было мало или же они были очень слабы, единственным средством увеличения экономической силы товарищества было увеличение числа его членов. Нередко крупные товарищества фактически начинали играть роль союзов товариществ; такую эволюцию претерпело, например, одно из очень крупных товариществ юга России — Лохвицкое кредитное товарищество, которое распространило свои операции на весь уезд, натолкнулось при этом на разнообразные трудности в размещении своих вкладов и должно было значительную часть их разместить между другими товариществами уезда

Из этого основного отличия наших кредитных товариществ от райффейзеновского типа (нарушения ими принципа локализации) вытекали и другие. Так, наши товарищества отнюдь не придерживались другого райффейзеновского принципа — бесплатности труда членов правления и совета. Как общее правило, члены правления и совета получали у нас известное вознаграждение, причем, по киевской анкете, среднее вознаграждение председателя правления (для всех товариществ) почти достигало трехсот рублей. Затем, наши товарищества очень редко построены на начале неограниченной ответственности — обычно ответственность составляет некоторое кратное число по отношению к открываемому данному члену кредиту. Нередко один член участвует в нескольких товариществах, хотя это и запрещается уставом. Все это было неизбежным спутником малой кооперативности наших товариществ, не связанных тесными узами с определенной ограниченной группой крестьянского населения.

В общем, наши кредитные товарищества были весьма своеобразным типом кредитного учреждения. Но, как нужно думать, по мере развития нашей кооперации или, точнее, по мере того, как кредитные товарищества будут больше и больше приближаться к действительной кооперации, они будут приближаться и к райффейзеновскому типу. Крупнорайонность наших товариществ неизбежно должна отпасть с дальнейшим ростом их числа: подъем деревни поведет к тому, что каждое село пожелает иметь свое кредитное товарищество, что при развитии союзных организаций не встретит затруднений.

Влияние кредитных товариществ на экономическое положение деревни нельзя учесть статистически, но оно, несомненно, очень велико. Наиболее наглядно значение товариществ как удачного конкурента ростовщичества, составляющего старинную язву нашей деревни. Анкета, которую произвело Московское земство среди ссудосберегательных и кредитных товариществ в 1911 г., дала следующие результаты. Шесть товариществ ответили, что сокращения ростовщичества не было заметно в связи с особым развитием операций самих товариществ; 5 товариществ ответили, что в их районах и раньше не было ростовщичества; 37 товариществ заявили, что вследствие их деятельности ростовщичество, процветавшее раньше в их районах, или совершенно исчезло, или значительно сократилось.

Вот для примера некоторые из отзывов товариществ, заимствуемые из московского земского сборника «Кредитные и ссудосберегательные товарищества» (1911 г.).

Спасо-Нудольское товарищество пишет: «ростовщики совсем перевелись». Правлением совета Петровского кредитного товарищества «констатируется полное прекращение ростовщи-

чества лавочников, трактирщиков и пр.». Васильевское: «местное ростовщичество заметно уменьшилось». Авдотьинское пишет об отсутствии теперь «клиентов у ростовщиков, что последними в частных разговорах неоднократно высказывалось». По словам Онуфриевского товарищества, «открытие товарищества совсем убило ростовщичество; если и берут они процент, то одинаковый с товариществом».

По словам Рудневского товарищества, «деятельность ростовщиков совершенно подорвана. Лица, занимавшиеся снабжением нуждающихся деньгами за высокие проценты, теперь сами вносят вклады в товарищество. Товарищество в сем году выяснило и другие результаты своей деятельности, именно: уменьшилось число безлошадных крестьян в волости, а также заметно улучшение хозяйства и вообще — в других отраслях».

«Местное ростовщичество упало, — пишет Петровское ссудосберегательное товарищество, — местные ростовщики хотя и дают деньги в долг, но за те же проценты, что и товарищество». Иногда они пользуются лишним процентом, когда товарищество не дает члену больше определенного уставом кредита. За последнее время заметно, что ростовщики охотнее несут свои деньги в то же товарищество, потому что деньги, раньше даваемые в заем, остаются свободными.

По словам Зюзинского товарищества, теперь у ростовщиков «проценты уменьшились наполовину: они стали взимать 12 % годовых и не свыше 15 в редких случаях, когда рискуют неуплатой в срок или совсем отказом от платежа».

«Благодаря деятельности товарищества, — пишет Звенигородское товарищество, — для ремесленников, кустарей и земледельцев открывается возможность обходиться без кредита частных лиц, скупщиков товара и т. д., обходящихся всего дороже. Пользование кредитом частных лиц сократилось очень сильно. Положение лиц, занимающихся промыслом разного рода, облегчилось, так как имеется возможность делать более крупные хозяйственные заготовки (материал, скот), выжидать лучшие цены».

Наконец, Зятьковское товарищество сообщило следующее: «Благодаря деятельности товарищества экономическая жизнь населения заметно улучшается. Получивши деньги в товариществе, член покупает себе домашний скот или же дешевле, чем в долг, покупает предметы для своего промысла, более свободен от ростовщичества при покупке и продаже своих изделий. Отсюда ясно, что у товарища остается часть денег, которую он расходует или на пополнение домашнего хозяйства, на расширение своих оборотов в промысле, или делает сбережения на всякий случай».

На то же указывают сведения и из других мест. Так, в районе известного Дзенгелевского товарищества (Киевская губер-

ния) местные ростовщики должны были прекратить свои операции и стали вкладчиками товарищества. То же указывается и относительно Уфимской губернии. В Екатеринбургском уезде Пермской губернии, по словам г. Мавричева, ростовщичество почти исчезло, а ростовщики стали вкладчиками товарищества.

Этот переход прежних ростовщиков в число вкладчиков товарищества, давая товариществу необходимые для него денежные капиталы, имеет, по справедливому мнению Б. А. Фроммета, и свои опасные стороны. Ростовщики стремятся приобрести влияние на ход дела в товариществах и нередко этого достигают, становясь членами его правления. Будучи заинтересованы в повышении процента по вкладам, они стремятся держать и процент по ссудам на высоком уровне (например, на 12 % годовых — вообще, проценты по ссудам в наших кредитных товариществах стоят сравнительно с тем, что мы видим в Германии и других странах, на очень высоком уровне) и вообще использовать товарищество в своих личных торговых или иных экономических интересах.

По свидетельству «Вестника мелкого кредита», «обычно при возникновении товарищества против него восстают благодетели деревни, инстинктивно чувствуя в нарождающейся организации личного своего врага и соперника. Обычно вначале пускаются в ход всякого рода нелепые слухи и запугивания, а когда это не действует, то все эти благодетели спешат пристроиться к новому делу и нередко попадают в правления и советы, стараясь провести в состав правления подходящих подручных людей, и притом таких, чтобы на первых же порах умалить значение учреждения в глазах темного населения, помешать его развитию или, наконец, выжать из него что-либо в свою пользу. Такой план деревенских богатеев часто проводится незаметно для темного люда, который считает это неизбежным злом. В других — около товарищества возникает серьезная партийная борьба».

Но, конечно, все эти попытки ростовщиков захватить в свои руки кредитные кооперативы могут иметь успех лишь при слабом развитии кооперативного духа и должны прекратиться при дальнейшем развитии нашей крестьянской кооперации.

3. ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ

Если относительно многих кредитных товариществ были вполне обоснованны сомнения в их кооперативности, то за последние годы перед революцией у нас быстро росли уже несомненные кооперативы. Так, нельзя было сомневаться в кооперативности наших деревенских потребительских обществ, число которых росло у нас почти таким же темпом, как и кредитных товариществ. К 1 января 1917 г. у нас насчитывалось

около 20 000 потребительских обществ, из которых около 15 000 обществ было в деревне. По числу потребительских обществ Россия занимает во всем мире первое место, далеко оставляя позади себя даже Великобританию. Но, конечно, отсюда не следует заключать, что наша потребительская кооперация стоит выше английской. Наши потребительские общества, хотя и велики по своей численности, были очень слабы экономически, большинство из них очень небольших размеров, не идет в этом отношении ни в какое сравнение с английскими. В Англии потребительские общества существуют в городах, у нас же преимущественно в деревне.

В противность тому, что мы видим по отношению к кредитной кооперации, правительственная власть не только не насаждала в нашей деревне потребительских обществ, но задерживала их развитие как общими неблагоприятными условиями нашей общественности, так и неразрешением союзов потребительских обществ, в чем настоятельно нуждается потребительская кооперация не менее всякой иной. При небольших же размерах наших потребительских обществ союзное объединение для них особенно важно.

Среднее число членов в нашем потребительском обществе было всего около 150, но так как сюда входят как деревенские, так и городские потребительские товарищества, то среднее число членов в деревенском потребительском обществе должно было быть совсем незначительным. Общая численность членов потребительских обществ достигала в начале войны приблизительно 1,5 млн. чел. Сравнительно с общей численностью нашего населения эта цифра, конечно, не была велика, и по отношению к интенсивности развития нашей потребительской кооперации мы не только не занимали первого места, как по отношению к общей численности потребительских обществ, но занимали едва не последнее место в Европе. Тем не менее если вспомнить неблагоприятные общественные условия, при которых приходилось развиваться нашей кооперации, то полтора миллиона членов потребительских кооперативов покажутся числом не только значительным, но даже огромным.

Чем же объяснялся этот быстрый рост в нашей деревне уже несомненной кооперации? Прежде всего слабым развитием в русской деревне капиталистической торговли. Деревенский лавочник занимает у нас монопольное положение и, пользуясь этим, повышает цены своих товаров до чудовищных размеров. При таком положении дела даже очень слабое потребительское общество может с успехом конкурировать с лавочником.

И действительно, мы видим, что устройство в деревне потребительского общества обычно приводило к очень значительному понижению цен. Так, в Киевской губернии обследованием 160 обществ установлено, что понижение цен на товары до-

стигло 5—25 %. В других районах понижение цен благодаря появлению потребительских обществ выражается еще более крупными цифрами: например, в Пермской губернии цены на многие товары упали под влиянием потребительских обществ на 3 % и более, в Новгородском уезде цены упали по той же причине на 30—40, в Крестецком уезде — на 20—30 % и т. д., и т. д. Конечно, все подобные показания большой точностью не отличаются, но факт значительного понижения товарных цен при появлении в деревне потребительского общества не подлежит ни малейшему сомнению.

В то же время благодаря развитию денежного хозяйства в нашей деревне быстро растет за последнее время спрос на разнообразные продукты, которые можно получить лишь путем покупки; продукты эти крестьянин получал от местного лавочника по очень высокой цене. Что же удивительного, что, несмотря на все препятствия со стороны администрации и крайне низкий уровень кооперативного сознания, потребительские общества завоевывали нашу деревню?

Такова общая почва, благоприятствовавшая росту нашей деревенской потребительской кооперации. К этому присоединялась деятельность разного рода общественных учреждений, ставивших себе целью развитие кооперации. Важность этого второго фактора особенно наглядно обнаруживается тем, что относительное развитие потребительской кооперации в различных районах с очень близким хозяйственным характером нередко оказывается чрезвычайно различным.

Так, например, наибольшего развития потребительская кооперация достигала в начале войны в трех юго-западных губерниях, в которых число потребительских обществ достигло 1776, между тем как в находящихся в сходных условиях трех правобережных малороссийских губерниях при очень близкой общей численности населения число потребительских обществ было всего 801. В центральном земледельческом районе, при значительно большей численности населения число потребительских обществ выражалось скромной цифрой — 370. Нельзя не согласиться с В. В. Хижняковым, который дает следующее объяснение этих, на первый взгляд непонятных различий.

«Кооперация, — говорит он, — у нас пока насаждается, а не вырастает сама путем самостоятельной инициативы населения. Вследствие некультурности населения и отсутствия у него необходимых навыков наша кооперация — еще нежный цветок, требующий приложения искусных рук и тщательного ухода за собой. Поэтому ее возникновение и успешное развитие стоят всецело в зависимости от наличия местных интеллигентных сил, увлеченных делом кооперации и способных ее возвращать и ею руководить. И так как теперь почва для этого возвращения благоприятна, — поскольку мы говорим о населении, уже

ищем новых путей для организации своего хозяйства и выхода из векового его застоя, — то труд интеллигентных работников, идущих навстречу возникшей потребности, оказывается при сколько-нибудь благоприятных внешних условиях благоприятным: кооперация множится и дает некоторые плоды. Поразительную разницу в преимущественном развитии то одной, то другой формы в губерниях близких между собою и даже в смежных уездах одной и той же губернии можно отнести в значительной степени на счет разницы в отношении к той или другой форме со стороны местных учреждений и общественных деятелей, насаждающих кооперацию и направляющих местную инициативу в соответствующее их взглядам русло. И как в количественном отношении, так и в вопросе о том, какая кооперативная форма наиболее развивается, определяющую роль играют местные, часто совершенно случайные, условия: характер местного земства, направление деятельности местного центрального сельскохозяйственного общества, качество и кооперативные воззрения третьего элемента в земстве и деятелей местного общества».

Все это, конечно, так. Нужно только прибавить, что таково же было положение и в других странах в начале развития в них кооперации. В особенности это верно по отношению к деревенской кооперации. Крестьянское население вообще не отличается большой самодеятельностью и готовностью воспринимать новые формы хозяйства; поэтому везде пионерами в деле развития крестьянской кооперации являлись учреждения и люди, сами не принадлежавшие к крестьянской среде. В Германии такую роль сыграли помещики, духовенство, учителя. У нас — отчасти правительственные чиновники, отчасти же земство и интеллигенция, в особенности так называемый третий элемент — земские служащие.

4. КООПЕРАЦИЯ ПО ЗАКУПКЕ И СБЫТУ

Весьма заметную роль в нашей деревенской кооперации играли сельскохозяйственные общества, которых у нас считалось накануне революции около 6000. Сельскохозяйственные общества отнюдь не всегда могут быть признаны кооперативами, ибо по своей первоначальной цели они должны быть прежде всего учреждениями культурно-просветительского характера. У более крупных сельскохозяйственных обществ этот характер их особенно выступает на первый план. Но мелкие сельскохозяйственные общества, членами которых являются крестьяне, обычно на первый план выдвигают задачи совершенно иного рода — чисто хозяйственные и становятся, таким образом, кооперативами с весьма сложными функциями. Сельскохозяйственное общество небольшого района обычно выполняет функ-

ции закупочного товарищества, оно приобретает для своих членов средства сельскохозяйственного производства: семена, орудия сельскохозяйственного производства и пр. К этому обычно присоединяются и функции производительно-подсобного кооператива: сельскохозяйственное общество владеет некоторыми сельскохозяйственными машинами, которые оно отпускает за плату для пользования своим членам и другим лицам; иногда общество владеет скотом — производителями (бык, кабан и т. п.). Наконец, сельскохозяйственное общество в некоторых случаях выполняет и функции кооператива по сбыту, беря на себя продажу тех или иных сельскохозяйственных продуктов.

Правда, выполнению сельскохозяйственными обществами всех этих хозяйственных функций сильно препятствовал их устав, отнюдь для этого не приспособленный. Сельскохозяйственное общество не имеет паевого капитала и потому лишено естественного хозяйственного базиса своих сложных операций. Тем не менее эти операции оно нередко выполняет с большим успехом по отсутствию в деревне других кооперативных организаций, которые могли бы эти операции выполнять. В общем, сельскохозяйственные общества являются кооперативами, так сказать, на безрыбье, по отсутствию организаций, более приспособленных к названным целям.

Само собою разумеется, что вести операции по закупке должны бы такие организации, которые имеют определенный капитал, будет ли это паевой капитал или какого-либо иного происхождения. Кооперативами с паевым капиталом являлись, по терминологии нашего законодательства, сельскохозяйственные товарищества, которые именно этим признаком и отличались, по букве дореволюционного законодательства, от сельскохозяйственных обществ. Сельскохозяйственные товарищества начали распространяться у нас только в самое последнее время. Накануне революции их считалось 1650 самого разнообразного типа, как по закупке средств производства, так и по переработке и сбыту сельскохозяйственных продуктов.

Наибольшее значение среди товариществ по сбыту у нас имели кооперативные зернохранилища. Кооперативный сбыт хлеба обещает большие выгоды русскому крестьянству, принужденному продавать свой хлеб небольшими партиями и очень спешно под влиянием нужды в деньгах. Хлебные операции, требующие значительных денежных средств, получили развитие у нас при кредитных товариществах, что вполне естественно, так как при бедности нашего крестьянина и затруднительности собрать с крестьянского населения значительный паевой капитал только кредитный кооператив, располагающий значительными денежными средствами, может с успехом организовать сбыт крестьянского хлеба.

Согласно данным, приводимым Бородавским в его книге «Зернохранилища, элеваторы и кооперативный сбыт хлеба» (1912 г.) *, крестьяне даже в не особенно захолустных углах продавали хлеб скупщикам на 5 и даже 10 коп. дешевле цен в ближайшем крупном центре хлебной торговли. Кооперативные зернохранилища должны были избавить крестьянина от власти хлебного скупщика. Нельзя не признать, что именно при кредитных товариществах всего легче может быть организована кооперативная продажа хлеба. В пользу такой связи говорит и то, что на Западе (в Германии и Австрии) кооперативные зернохранилища обычно существуют не самостоятельно, но при кредитных кооперативах, причем ввиду сложности дела и необходимости для него крупных затрат целая группа кредитных кооперативов объединяется для устройства такого зернохранилища.

Наши кредитные кооперативы уже давно занимались хлебозалоговыми операциями, которые велись свыше чем 1000 кредитными кооперативами при помощи ссуд из Государственного банка. К маю 1913 г. было уже 498 мелких зернохранилищ, принадлежащих кредитным кооперативам, и несколько более крупных, принадлежащих целым группам объединившихся кредитных товариществ.

В последние годы до войны дело постройки сети как элеваторов в крупных центрах хлебной торговли, так и небольших зернохранилищ пытался взять в свои руки Государственный банк. Предполагалась планомерная постройка сети элеваторов и зернохранилищ, причем более крупные элеваторы должны были находиться в заведывании самого банка, а мелкие зернохранилища, входящие в общую сеть, должны были сооружаться на средства Государственного банка, но находиться в пользовании учреждений мелкого кредита.

Элеваторы Государственного банка согласно предположениям правительства должны были быть учреждениями, управляемыми администрацией самого банка, но вместе с тем облегчать кооперативным организациям сбыт товарищеского хлеба.

Недостатком всей этой предполагавшейся широкой организации элеваторов и зернохранилищ был приданный ей с самого начала бюрократический характер. Война застала все эти предложения в начале их осуществления, и, конечно, в будущем предполагаемая организация сложится в совершенно иные формы.

5. КООПЕРАЦИЯ ПО ПЕРЕРАБОТКЕ

Среди разнообразных крестьянских кооперативов совершенно особое место занимают маслодельные артели. Можно сказать, что маслодельная кооперация является у нас самой блестящей

страницей всего нашего кооперативного движения. Быть может, до революции это был единственный у нас вид кооперативов, который достиг огромного экономического значения не поддержкой со стороны, а на основе самодеятельности самого населения.

Молочная кооперация имеет у нас свою длинную историю. Начинается она в 60-х гг. в виде артельных сыроварен в Тверской и Ярославской губерниях. Несколько интеллигентов — Верещагин, Бландов, Бирюлев и др. — заинтересовались вопросом о молочной кооперации, изучили за границей молочное дело и приехали насаждать в Госсии молочную кооперацию, причем остановились на кооперативном производстве сыра. Благодаря общественному сочувствию их начинаниям и поддержке земства им удалось в скором времени организовать целый ряд сыроваренных артелей совершенно того же типа по своему внутреннему строю, как и маслодельные кооперативы, получившие ныне огромное распространение во всем мире. Это были не производительные артели, а товарищества по переработке молока.

В 1866 г. возникла первая сыроваренная артель в Тверской губернии на средства Вольного экономического общества. В 1871 г. было уже 25 сыроваренных артелей в Тверской, Ярославской, Новгородской, Вятской губерниях и в Терской области благодаря главным образом щедрой денежной поддержке земств. Судьба этих первых молочных кооперативов была печальная: почти все они в скором времени распались. Однако нельзя сказать, чтобы пионеры нашей молочной кооперации не сделали никакого полезного практического дела: не достигнув успеха в деле насаждения молочной кооперации, они достигли иного — создания у нас капиталистического производства сыра и масла. Неудавшиеся артельные заводы в конце концов перешли в руки капиталистов, и один из главных пропагандистов молочной кооперации, Бландов, стал одним из крупнейших в России предпринимателей в области молочного хозяйства.

Конечно, этот странный оборот молочной «артельной эпопеи» ни малейшим образом не компрометирует почтенные имена первых насадителей у нас рационального молочного дела: если наша крестьянская среда оказалась неподготовленной к кооперации, то пионерам нашей молочной кооперации ничего не оставалось, как организовать молочное хозяйство капиталистически. Они сделали большое культурное дело, и не их вина, если это дело оказалось совершенно иным, чем то, к которому они стремились.

Молочная кооперация на время у нас совершенно замерла, и «артельная эпопея» возбуждала только насмешки интеллигенции девяностых годов прошлого века. Но история молоч-

ной кооперации в России не только не кончилась, но еще только начиналась.

В конце 90-х гг. у нас вновь начинают возникать молочные кооперативы, но уже иного типа, с иными техническими задачами и в совершенно иной общественной обстановке.

Причины неудачи первых молочных кооперативов были многообразны. Прежде всего с точки зрения технических заданий артели не могли иметь успеха потому, что независимо от артельной формы сами процессы сыроварения были у нас мало изучены и, имея очень сложный характер, требовали приспособления к русским условиям, для чего не имелось еще достаточного опытного материала. Не было специалистов не только по сыроваренному, но и по гораздо более простому маслодельному делу. Все это нужно было создавать заново, и потому молочные продукты должны были выходить низкого качества.

Не меньшую роль играла и полная неподготовленность к кооперации крестьян, среди которых интеллигенты насаждали артели. Были и частные причины неудач артелей (вроде неправильного выбора районов с незначительным развитием крестьянского скотоводства), но наибольшее значение имели две вышеуказанные.

Новые молочные артели возникли в Сибири и поставили себе задачей приготовление не сыра, а масла. Возникновение их в Сибири отнюдь не было случайным. Сибирское крестьянство стоит несравненно выше русского по своей зажиточности и земельному богатству. На основе этого земельного богатства развилось сравнительно цветущее крестьянское скотоводство. В Сибири приходится в среднем на крестьянский двор более 4 коров, о чем, конечно, не приходится и мечтать русскому крестьянину.

К этому богатству скотом сибирского крестьянина присоединилось в половине 90-х гг. прошлого века еще крупнейшее хозяйственное событие в жизни Сибири — постройка Сибирской железной дороги, соединившей Сибирь со всем европейским миром. Железная дорога открыла перед Сибирью необъятный рынок и дала толчок необычайной силы для развития сибирского хозяйства. В Сибири появляются представители крупных иностранных фирм по экспорту масла, и на основе иностранного капитала, как отмечает Н. В. Чайковский, начинается лихорадочно быстрое развитие сибирского маслоделия.

Во второй половине 90-х гг. в Западной Сибири вспыхивает масляная горячка: возникает множество мелких капиталистических масляных заводов, взаимная конкуренция между которыми принимает такие размеры, что в скором времени многие предприниматели разоряются и следует общий кризис капиталистического маслоделия.

Почва для маслоделия кооперации была, таким образом,

вполне подготовлена, и вот почему деятельность пионеров сибирской кооперации, Сокульского и Балакшина, привела к такому блестящему успеху. Устройство первых маслодельных артелей вследствие недоверия крестьянства к этой новой хозяйственной организации было очень трудно. Но как только крестьяне убедились на опыте в преимуществах этой новой организации для сбыта их молока в переработанном виде, новые артели стали возникать с большой быстротой и вытеснять капиталистические маслодельные заводы.

О характере развития сибирского маслоделия можно судить по нижеследующим данным:

Количество маслодельных заводов в Томской и Тобольской губерниях

Год	Все заводы	В том числе артельные	В процентах
1896	29	5	17
1900	1022	32	3
1902	1980	60	3
1905	1943	357	18
1910	3109	1337	43

Ясно, какой огромный скачок сделало сибирское маслоделие со времени открытия Сибирской дороги. При этом в начале развитие это совершалось в форме капиталистического маслоделия. Со времени 1902 г. картина меняется: под влиянием кризиса капиталистического маслоделия общее число маслодельных заводов к 1905 г. сократилось, но число артельных заводов во много раз возросло. Дальнейшее развитие маслодельного производства совершается почти исключительно за счет роста артельного маслоделия.

Сибирская маслодельная кооперация уже никоим образом не может быть отнесена на счет «благоприятствующей опеки». Это действительно огромное дело, созданное самим населением, на основе самопомощи заинтересованных лиц. И неудивительно, что кооперация так удалась именно в Сибири. Прежде всего этот успех объясняется исключительными преимуществами маслодельной кооперации перед капиталистическим маслоделием, о чем было сказано в предшествующей главе. Другие кооперативы не обладают такими преимуществами перед капиталистическими организациями. Поэтому, когда условия сложились крайне благоприятно для развития в Сибири маслодельного производства, оно, естественно, приняло форму кооперации.

Во-вторых, сибирский крестьянин, как экономически более сильный, легче мог создать вполне жизнеспособные устойчивые

кооперативы, чем гораздо более слабый крестьянин Европейской России.

Сибирская маслодельная кооперация охватывает, как и крестьянская кооперация в Европейской России, преимущественно средних по зажиточности, а затем более богатых крестьян. Около двух третей артельщиков имеют не свыше 5 коров, что близко к средним цифрам для сибирского крестьянства данных районов. По подсчету г. Макарова, среднее количество коров на одного члена артели равно 4—8, а среднее количество коров во владении одного крестьянина в том же районе — 4—16. Число коров у артельщиков, таким образом, только немногим выше среднего. Как это мы видели и по отношению крестьянства Европейской России, вне кооперации стоят только очень бедные жители деревни.

Особенностью сибирских маслодельных артелей является их тесная связь с потребительскими лавками. Эта связь между двумя кооперативами совершенно различных типов вытекла из условия нашего крестьянского хозяйства: при слабости развития в нашей деревне торговли предметами крестьянского потребления маслодельные заводчики являлись одновременно и деревенскими лавочниками. Маслодельные артели, вступив в борьбу с заводчиками, должны были организовать и снабжение населения продуктами лавочной торговли, так как в противном случае артели лишились бы своих членов: деревенский лавочник не станет снабжать своими товарами в кредит тех крестьян, которые не поставляют в его завод своего молока.

В настоящее время сибирские артели имеют обычно следующий вид. При маслодельной артели находится и артельная лавка, причем юридически оба кооператива существуют независимо друг от друга, но так как члены в них одни и те же, то фактически оба кооператива являются одной организацией. Члены артели обязуются поставлять молоко только в свою артель, и точно так же члены потребительского общества обязуются покупать, кроме исключительных случаев, только в лавке своего общества. Чистый остаток потребительской лавки распределяется между членами по забору, а чистый доход маслодельной артели распределяется пропорционально поставленному молоку.

Товары из потребительской лавки отпускаются в кредит под поставляемое каждым членом маслодельной артели молоко.

Но этим не заканчивается организующая роль маслодельной артели. Присоединив к себе потребительскую организацию, она стремится организовать кооперативную продажу хлеба и стать вообще универсальным крестьянским кооперативом. Некоторым артелям это и удается; вообще значение маслодельных артелей в хозяйстве сибирского крестьянина громадно. Жаль только, что в смысле влияния на технику маслоделия и

вообще молочного дела сибирская молочная кооперация составляет желать очень и очень многого, не выдерживая в этом отношении никакого сравнения с молочной кооперацией Запада. Этот этап кооперативного развития у нас еще, очевидно, впереди.

Маслодельная кооперация сходного типа быстро развивалась и в Европейской России, в тех губерниях, в которых существуют благоприятные условия для крестьянского скотоводства, — в Вологодской, Ярославской, Московской и др., но везде в гораздо более скромных размерах, чем в Сибири. Это вполне понятно, так как только исключительные условия сибирского крестьянского скотоводства дали возможность сибирскому крестьянину, несмотря на все неблагоприятные условия нашей общественности, достигнуть таких крупных результатов в деле молочной кооперации.

6. КООПЕРАТИВНЫЕ СОЮЗЫ

Необходимым условием нормального развития кооперации является объединение кооперативов в союзы. Без союзов кооперация не может выйти из стадии первых подготовительных шагов, ибо отдельные кооперативы, не связанные союзными узами с другими кооперативами, являются слишком слабой хозяйственной организацией, чтобы с успехом достигать своих целей. Кооперация есть форма борьбы более слабых в хозяйственном отношении элементов современного общества с более сильными его элементами, и только единение слабых дает им возможность побеждать сильных. Это верно по отношению не только к отдельным членам кооператива, но и целым кооперативам: кооперативное строительство не заканчивается объединением небольшой группы лиц в кооператив, но продолжается и по отношению к отдельным кооперативам, которые точно так же, чтобы достигать своих целей, должны объединиться в более обширные кооперативные союзы.

Такова одна из аксиом кооперативного движения, столь же верная по отношению к России, как и по отношению к другим странам. Повсюду мы видим, что отдельные кооперативы не остаются изолированными друг от друга, но соединяются в обширные союзы.

Наша кооперация по числу участников в кооперативном движении занимает первое место в мире. Тем не менее создание столь необходимых для кооперации союзов наталкивалось у нас до революции на упорное сопротивление власти.

Только с величайшим трудом удавалось нашим кооперативам при прежнем режиме создать ту или иную союзную организацию. И все-таки жизнь столь властно требовала таких

организаций, что они возникали и развивались даже при старом режиме.

Важнейших союзных организаций у нас до войны было три: Московский союз потребительских обществ, объединяющий как крестьянские, так и городские потребительские общества (об этом союзе было сказано в главе о пролетарской потребительской кооперации), Московский народный банк* и Сибирский союз маслодельных артелей.

Московский народный банк является с формальной стороны акционерным банком, но так как число частных акционеров в нем ничтожно, а огромное большинство акций размещено среди кооперативов (преимущественно кредитных, но также и среди потребительских обществ и маслодельных артелей), то фактически этот банк является союзной организацией национального масштаба. Банк возник еще очень недавно — в 1912 г., — но успел развить чрезвычайно энергичную деятельность. Операции банка далеко не ограничиваются одним кредитованием кооперативов, но направлены также на объединение кооперативной закупки и кооперативного сбыта, причем, однако, во избежание нежелательной конкуренции с другим кооперативным союзом — Московским союзом потребительских обществ, — банк объединяет закупку только средств производства, а не предметов личного потребления.

К 1 января 1918 г. баланс банка превысил 300 млн. руб., причем вкладов было на 140 млн. руб.; за 1917 г. банк выдал кооперативам по всем видам ссуд около 0,5 млрд. руб., из числа которых потребительская кооперация получила свыше 300 млн. руб. Акционерный капитал банка достиг к 1 декабря 1917 г. 10 млн. руб.

Сибирский союз маслодельных артелей возник в 1907 г., причем в начале в нем принимало участие всего 12 артелей, а оборотный капитал (занятый) выражался скромной цифрой в 21 тыс. руб. В 1912 г. к союзу принадлежало уже 382 артели со 170 артельными потребительскими лавками, причем товарные обороты союза достигли почти 7,5 млн. руб. (в том числе масла было продано свыше чем на 6 млн. руб.). В 1912 г. союзу удалось организовать сбыт своего масла непосредственно на лондонском рынке — в Лондоне была учреждена компания на паях под названием Союз сибирских кооперативных товариществ, к которой перешли все заграничные операции по сбыту масла сибирских артелей. В 1915 г. в союзе участвовало 829 артелей и 628 артельных потребительских обществ, совокупный оборот которых достигал 20 млн. руб. Через союз проходила $\frac{1}{6}$ всего сибирского масла. Хотя в последние годы в союзе начались раздоры и из союза ушли сначала приуральские артели, а затем и английские артели, составившие свои особые центральные организации, тем не ме-

нее обороты союза быстро росли и достигли в 1917 г. 160 млн. руб. В начале 1918 г. к союзу принадлежало 1410 маслодельных артелей и 1167 артельных лавок. В артелях, принадлежащих союзу, вырабатывалась $\frac{1}{3}$ всего масла, производимого в Сибири.

Стремление к союзному объединению все настоятельнее чувствовалось в мире русской кооперации, и, несмотря на все препоны к устройству союзов, которые чинились администрацией старого режима, такие союзы стали возникать за последние два-три года до революции в огромном количестве путем договорных объединений нотарнальным порядком без утверждения устава правительственной властью. Нередко объединялись кооперативы различного рода ради общих целей. Объединялись и кредитные кооперативы, и потребительские общества, и сельскохозяйственные товарищества. Некоторые кооперативы объединялись с целью общей закупки, другие — с целью общего сбыта. В числе последних обращают на себя внимание союзы для постройки за общий счет элеваторов и зернохранилищ.

Те немногие союзы, которые существовали на основании утвержденных уставов, энергично развивали свои операции. До 1911 г. союзы кредитных кооперативов не имели права принимать вкладов, что, естественно, сводило их функции к очень скромным размерам. По уставу 1911 г. эта операция была разрешена союзам, и с этого времени союзы кредитных товариществ начали быстро усиливаться. К 1 января 1917 г. их было уже 71. При переходе на новый устав операции Киевского союза кредитных товариществ возросли в 90 раз, Мелитопольского — в 17 и Бердянского — в 13 раз.

В связи с ростом кооперативных объединений, а также и с одновременным развитием земской деятельности по вспомоществованию и содействию кооперации для русского кооперативного движения открылась новая задача: каково должно быть взаимодействие союзных кооперативных организаций и земства.

Дело в том, что за последние годы до революции чрезвычайно усилилась деятельность земств по содействию кооперации. К 1 января 1917 г. было уже 272 земские кассы мелкого кредита, выполнявшие приблизительно те же функции, которые выполняют и кооперативные союзы. К 17 октября 1917 г. земских касс было 281.

Как показала анкета, проведенная I отделом Петроградского отделения комитета о сельских ссудосберегательных товариществах, разработанная г. Н. Шереметьевым, кассы эти кредитовали преимущественно кооперативы, причем замечалось постепенное вытеснение кредитования отдельных лиц кредитованием кооперативов. Выполняя эту последнюю функцию,

земская касса вступает в конкуренцию с союзом кооперативов. На этой почве возникло некоторое взаимное соперничество между земскими кассами и союзными кооперативными учреждениями.

С принципиальной стороны вопрос о взаимоотношении между кооперацией и земством прост и ясен. Земство поступит совершенно правильно, вступив на путь деятельного содействия кооперации. Но по мере того как кооперация развивается и набирает сил, земство должно уступить место чисто кооперативным организациям в тех областях хозяйственной жизни, которые пригодны для кооперативного строительства. Пока в нашей деревне непочатый край работы как для органов земства вроде земских касс мелкого кредита, так и для союзных организаций кооперативов. Но как только кооперация достаточно созрела, чтобы обходиться без благожелательной опеки и поддержки земства, земство должно очищать место для чисто кооперативной самодеятельности населения. Делая это, земство не только не терпит какого-либо ущерба, но, наоборот, достигает своей собственной цели — развития кооперации.

7.

Война оказала, как и следовало ожидать, огромное влияние на русскую кооперацию главным образом в двух направлениях: благодаря созданному войной продовольственному кризису чрезвычайно выросла потребительская кооперация в деревне и особенно в городе; в то же время потребности армии в поставке огромного количества продовольственных продуктов повели к развитию кооперации по сбыту, чему содействовало и разрушение частной капиталистической торговли, вызванное переходом в руки государственных организаций важнейших отраслей торговли. В том же направлении — в направлении развития кооперации по сбыту — действовал и третий фактор, связанный с войной, — затруднения внешней экспортной торговли многими сельскохозяйственными продуктами.

Продовольственные нужды армии поставили правительство в необходимость обратиться к кооперации за поставкой необходимых продовольственных продуктов. Однако агенты власти очень мало сделали для того, чтобы привлечь кооперативные учреждения к таким поставкам, и потому результаты получились не вполне удовлетворительные. Где правительственные уполномоченные пошли навстречу кооперативам, там получила широкое развитие и кооперативная поставка хлеба. Так было, например, в Орловской, Тульской, Тамбовской губерниях, в Области войска Донского, в Херсонской губернии, на

Кубани, в Сибири. Сбытом хлеба, как общее правило, занимались кредитные товарищества, объединенные в союзы. В 1916 г. кооперативы объединяли около 17 % всех хлебных поставок на армию.

Кроме хлеба кооперативы поставляли в армию масло, сено и многие другие продукты. Очень оживленно работали кооперативы в области поставок на армию кустарных изделий — преимущественно сапог.

Так как для развития деятельности кооперативов по сбыту на нужды армии необходимы союзы, то правительство было вынуждено отказаться от своей прежней политики — неразрешения союзов, и новые кооперативные союзы стали возникать в большом количестве. Уже в 1915 г. возникло 64 новых уставных союза и 120 действительных объединений. К концу 1916 г. было уже свыше 320 союзных объединений. К 1 октября 1917 г. по подсчету Совета Всероссийских кооперативных съездов было уже 612 союзов, из них 3 центральных, 140 союзов кредитных товариществ, 171 потребительское общество, 31 союз по сбыту, 31 — по закупкам, 210 — смешанных.

Среди кооперативов по сбыту получили мощное развитие кооперативы по сбыту льна. Лен является продуктом крестьянского хозяйства северных районов России. Война чрезвычайно затруднила экспорт льна и этим поставила крестьян-льноводов перед необходимостью самим наладить экспорт льна. Эта трудная задача была блестяще разрешена кооперацией.

В 1915 г. возникла центральная организация по сбыту льна — Центральное товарищество льноводов, которое быстро объединило сотни тысяч льноводных хозяйств в 11 губерниях — Псковской, Тверской, Смоленской, Новгородской, Ярославской и др. Этот новый кооперативный союз с самого начала поставил себе широкие задачи не только сбыта льна на заграничном рынке, но и снабжения льноводов семенами, удобрениями, машинами и другими средствами производства. Успех этого союза был необыкновенно быстрым. К январю 1918 г. в товарищество входило 47 союзов и кроме них 132 отдельных кооператива. Всего в товариществе было объединено до 0,5 млн. крестьянских льноводных хозяйств в 19 губерниях. За 1917 г. товарищество сбыло около 1 млн. пудов льна, что составляет $\frac{1}{20}$ всего льна, сбываемого на рынок русским крестьянством. Посевных семян льна товарищество приобрело для своих членов в 1917 г. 247 тыс. пудов. Большая часть продаваемого товариществом льна сбывалась непосредственно в Англию, Францию и Японию.

В дореволюционное время кооперация была единственным широким общественным движением, объединившим народные массы. Никаких других форм организации народных масс при самодержавии почти не существовало. Не только не было политических организаций, но и профессиональные союзы почти отсутствовали; таким образом, кооперация приобретала совершенно исключительное значение и выдвигалась на первый план в качестве общественной силы.

Революция в корне изменила это положение дела. Разного рода общественные организации стали развиваться с быстротой прямо изумительной и через несколько месяцев после революционного развития народные массы России оказались сплоченными и связанными в самые разнообразные общественные объединения.

Наряду с этим, хотя и в гораздо слабой степени, шло и объединение народных масс в политические партии.

Какова же была роль кооперации среди новых объединений, той самой кооперации, которая до революции имела такое доминирующее значение в организации народных масс?

Не подлежит сомнению, что относительное значение кооперативного движения в ряду других общественных организующих сил после революции чрезвычайно упало.

Кооперация не только не сыграла в революционный период первенствующей роли в общественной жизни народных масс, но на революционной арене была как-то мало заметна.

И это был не только обман зрения столичного жителя, оглушенного шумом и грохотом политических событий революции.

Нет, и на местах роль кооперативов в общественной жизни очень сузилась и потускнела.

Руководители кооперативов, которые раньше были наиболее видными деятелями местной жизни, теперь были отеснены на задний план новыми людьми, выдвинутыми революцией.

Вообще можно сказать, что русская кооперация не оказалась сколько-нибудь заметным фактором русской революции.

И это несколько не удивительно. Кооперация по самой своей природе сила не разрушающая, а созидаящая. Правда, при известных условиях и кооперация может явиться революционной силой как центр организации народных масс. Но русская революция произошла так внезапно и так быстро, что народным массам не пришлось организоваться для победы и надобности в кооперативных объединениях для целей революции не оказалось.

С другой стороны, хотя революция и выдвинула целый ряд

задач творческого характера в области новой организации народного хозяйства и народного труда, но для разрешения этих задач было сделано крайне мало.

Поэтому и с этой стороны кооперация не смогла сыграть сколько-нибудь заметной роли в процессе революционного пересоздания России.

В конце концов приходится констатировать, что в русской революции кооперация оказалась отодвинутой другими общественными силами с исторической авансцены и ими как бы затертой.

В самой кооперации революция вызвала глубокие изменения.

До революции наша кооперация была преимущественно сельской, развивавшейся под опекой государственной власти. Огромный рост кредитных товариществ за последнее десятилетие, поставивший Россию по числу членов кооперативов на первое место в мире, был создан главным образом правительственной опекой.

Революция это положение совершенно изменила. Наша кооперация стала совершенно свободна и получила возможность идти тем путем, который сама себе выберет.

И хотя революционный взрыв отвлек от кооперации общественное внимание, уже теперь явно начекаются новые пути развития нашей кооперации.

Немедленно после революции в апреле состоялся в Москве Всероссийский съезд представителей кооперативных объединений, создавший всероссийский кооперативный центр в Москве — Совет всероссийских кооперативных съездов с задачами сплотить русское кооперативное движение в одно национальное целое.

Однако Московский кооперативный съезд еще шел в старых дореволюционных рамках русского кооперативного движения.

На московском съезде имели огромное преобладание представители сельской кооперации, и при этом кооперации кредитной. Пролетарская кооперация была представлена более чем скромно.

И это было вполне естественно, ибо в дореволюционной России независимая пролетарская кооперация играла ничтожную роль. Самодержавие имело все основания опасаться организации пролетариата, и даже самые далекие от политики учреждения, членами которых являлись фабричные рабочие, оказались опасными.

Революция привела к быстрому росту пролетарской кооперации.

Наша дореволюционная кооперация стремилась сохранить внеклассовый характер и объединить в одной национальной

организации все ветви кооперативного движения — как кооперацию крестьянскую, так и пролетарскую и мелкобуржуазную.

Московский кооперативный съезд в апреле еще целиком продолжал эту традицию. Он стоял на внеклассовой позиции и исходил из понятия кооперативного движения как единого целого.

Однако жизнь скоро показала, что свободная кооперация не может не обнаружить свои классовые черты. Всероссийский съезд пролетарской кооперации в Петрограде был чрезвычайно поучителен в этом смысле.

Оказалось, что и наше кооперативное движение утрачивает свое единство и идет тем же путем, как и на Западе, где каждая из трех ветвей кооперативного движения — крестьянская кооперация, пролетарская и мелкобуржуазная — имеет свои особые объединяющие центры и преследует свои особые задачи и цели.

Тем же путем, по-видимому, пойдет и наша кооперация, получив полную свободу своего самоопределения.

Что касается крестьянской кооперации, то ей предстоит в грядущей крестьянской России, без сомнения, блестящее будущее.

Но пока крестьянская кооперация с прекращением правительственной опеки, ликвидацией Управления по делам мелкого кредита и прекращением деятельности инспекторов мелкого кредита переживает трудные дни. Как показало совещание инспекторов мелкого кредита, состоявшееся в Петрограде в конце июля 1917 г., многие деревенские кооперативы находились в полном расстройстве, а в некоторых случаях даже были закрыты местными революционными организациями.

Конечно, все эти временные затруднения переходного времени скоро будут преодолены, и кооперация займет почетное место в строе новой России.

Глава VIII. РУССКАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И КООПЕРАЦИЯ

1.

Россия стоит на пороге величайшей земельной реформы, которую когда либо видел мир. Общее направление нашей земельной реформы вполне соответствует тем тенденциям аграрного развития, которые явственно обозначались за последние десятилетия повсеместно — везде мы наблюдаем постепенный переход земли из рук крупных собственников в руки непосредственных земледельцев.

Самым значительным шагом в этом направлении была земельная реформа в Ирландии, которая еще не вполне закончилась, но общий характер которой обозначился уже достаточно определенно. В Ирландии, как известно, еще недавно почти вся территория страны была сосредоточена в руках крупных земельных собственников, которые не вели на этой земле своего собственного предпринимательского хозяйства, но сдавали ее мелким арендаторам-крестьянам. В первоначальной своей стадии ирландская земельная реформа выразилась в том, что было произведено урегулирование арендных отношений, причем за арендаторами были закреплены арендные права и была установлена общественной властью арендная плата. Но на этом земельная реформа в Ирландии не остановилась: мелкие арендаторы потребовали окончательного перехода земли в их руки, и этого им удалось достигнуть. В 1903 г. был издан закон о выкупе фермерами земли, причем в 1909 г. закон этот был дополнен новым, который допустил принудительный выкуп.

Благодаря этим мерам крупное землевладение в Ирландии, если пока еще и не ликвидировано полностью, то, во всяком случае, стоит на пути к такой ликвидации. Земля перешла в руки трудящихся земледельцев, и требования трудящихся масс были удовлетворены.

Ирландская земельная реформа представляет собой самый крупный опыт земельной реформы за много веков. Но как ничтожны размеры этой законодательной меры сравнительно с тем, что предстоит в ближайшем будущем России!

Прежде всего уже сама территория Ирландии несравнима с территорией России. Ирландская земельная реформа охватила земельную площадь приблизительно в 6 млн. десятин. Результатом ее должно явиться превращение нескольких сотен тысяч крестьянских семейств из арендаторов в земельных собственников, причем в руки крестьянина переходит на правах частной собственности в большей своей части та самая земля, которую они и раньше обрабатывали как арендаторы.

Этот результат был достигнут в Ирландии при помощи целого ряда законодательных актов, охвативших почти три десятилетия упорной законодательной работы: первый закон об урегулировании аренды был издан в Ирландии в 1881 г., в то время как решающий законодательный акт о принудительном выкупе был издан в 1909 г. При этом нужно иметь в виду, что до настоящего времени еще далеко не вся помещичья земля в Ирландии перешла в руки крестьян.

Размах нашей земельной реформы совсем иной. Она должна охватить площадь приблизительно в 70—80 млн. десятин, а может быть, и более.

При этом имеется в виду не просто передача земли тем, кто ее теперь обрабатывает, а уравнильное распределение земли между безземельным и малоземельным земледельческим населением, даже, в идеале, осуществление равного права всех на землю.

И эта грандиозная земельная реформа, вернее, земельная революция должна быть осуществлена не на протяжении нескольких десятилетий, как в Ирландии, а в ближайшее же время.

Отсюда видно, насколько превосходит по своей трудности та задача, перед которой ныне стоит Россия, все то, с чем до настоящего времени приходилось иметь дело другим странам.

2.

Великая земельная революция, в практическое осуществление которой мы уже вступили, должна быть обсуждаема и оцениваема с двух различных точек зрения — с точки зрения социальной справедливости и с точки зрения развития производительных сил.

Эти две точки зрения принципиально совершенно различны. В иных случаях они могут совпадать между собой, но такое совпадение отнюдь не вытекает из самого их существа и потому в других случаях оно может совершенно не иметь места.

Достаточно в этом отношении сослаться на историю возникновения капиталистического способа производства. Капиталистическая система хозяйства основана на эксплуатации труда капиталом и с точки зрения социальной справедливости стоит, конечно, гораздо ниже системы мелкого производства, которая была вытеснена капитализмом. Тем не менее развитие капитализма было, несомненно, процессом прогрессивным по той причине, что капитализм стоял по своей производительности гораздо выше предшествующих форм хозяйства.

Точка зрения социальной справедливости разошлась в данном случае с точкой зрения производительности и победила не более справедливая, а более производительная система хозяйства.

Теперь мы стоим перед новым историческим моментом разрушения уже не мелкого, а крупного производства. Крупное капиталистическое сельское хозяйство в России уничтожено революцией, на смену ему приходит новая система хозяйства — трудовая.

Однако разрушение капиталистического сельского хозяйства оказалось бы в России исторически неизбежным отнюдь не в силу низкой производительности этой системы хозяйства. Наоборот, наше капиталистическое сельское хозяйство до сих пор по своей производительности значительно превышает тру-

довое крестьянское хозяйство и, что особенно важно в данном случае, трудовое хозяйство не только не нагоняет в процессе хозяйственного развития, но скорее все больше и больше отстает от последнего*. Вот соответствующие данные для Европейской России за пять последних десятилетий:

Урожай всех хлебов в пудах с десятины

	На крестьянских землях	На помещичьих землях
В среднем за 1861—1870 гг.	29	33
» » 1871—1880 гг.	31	37
» » 1881—1890 гг.	34	42
» » 1891—1900 гг.	39	47
» » 1901—1910 гг.	43	54

Как видно из этих цифр, урожайность крестьянской земли значительно ниже, чем помещичьих. Правда, это может зависеть от того, что в помещичьих руках находятся земли лучшего качества, чем в руках крестьян. Но приведенные цифры показывают в то же время, что превосходство помещичьего хозяйства по урожайности сравнительно с крестьянским не только не уменьшается с течением времени, а возрастает. За сорок лет крестьянские урожаи возросли на 48 %, а помещичьи на 64 %; разница тех и других урожаев значительно возросла.

Отсюда ясно, что отнюдь не слабая производительность помещичьего хозяйства может оправдать то разрушение его, которое произвела русская революция*. Наоборот, капиталистическое сельское хозяйство в России как раз последнее время обнаружило значительный технический прогресс. Первое время после освобождения крестьян наше помещичье хозяйство переживало тяжелый кризис, вызванный неприспособленностью многих помещиков к новым условиям, созданным реформой 19 февраля*. В результате этого кризиса последовали разорение множества помещиков и значительная мобилизация крупного землевладения, причем земля переходила как из среды крупновладельческого класса в руки мелких трудовых хозяйств, так и от одних крупных владельцев к другим.

Новые хозяева из среды крупных владельцев уже были гораздо более приспособлены к условиям капиталистического хозяйства, что и выразилось в значительном подъеме нашего капиталистического сельского хозяйства как раз накануне революции. Произошел подбор более сильных крупных хозяйств, введших у себя усовершенствования современной агрономической техники, перешедших от трехполья к интенсивным системам севооборота, травосеянию, культуре корнеплодов, сахарной свеклы и т. д.

Культурные помещичьи имения, которые лет двадцать — тридцать тому назад были величайшей редкостью, теперь встречаются уже в значительном количестве почти во всех районах России. И тем не менее все это не спасло помещичьего хозяйства, беспощадно уничтоженного революцией.

Что же погубило помещичье хозяйство? То, что помещичье хозяйство встретило осуждение народного правосознания с точки зрения социальной справедливости; и нельзя не признать, что в народном гневe против помещичьего землевладения говорил голос правильного нравственного сознания. Ясно, как божий день, что нетрудовое владение землей не имеет за собой никакого оправдания с точки зрения социальной справедливости. Наша крестьянская масса в противность крестьянству большинства стран Запада не настолько проникнута еще инстинктами собственника, чтобы утратить в земельном вопросе непосредственное, здоровое нравственное чувство. И этот-то голос нравственного чувства крестьянской массы и явился приговором помещичьей земельной собственности*.

В противность исторически выросшему из социального насилия институту частной земельной собственности народное сознание выдвинуло новое право — право на землю. Не следует преувеличивать степень сознательности нашего крестьянства и не нужно думать, что крестьянство в своей массе чуждо собственнических интересов. Наоборот, несомненно, что крестьянин, даже протестуя против земельной собственности, стоит на почве своих интересов как собственника. Но столь же несомненно, что вражда крестьянина к помещичьей собственности основана не только на его классовых интересах как землевладельческого класса, нуждающегося в расширении своего землевладения, но и на нравственном чувстве, возмущаемом против сосредоточения огромных земельных территорий в руках неработающих лиц. Именно благодаря такому соединению классового интереса и нравственного чувства крестьянский протест против помещичьего землевладения приобретает сокрушающую силу*.

Однако как ни важна точка зрения социальной справедливости, нельзя все же забывать и принципиально совершенно иной точки зрения производительности. В данном же случае точка зрения производительности самым тесным образом соприкасается с точкой зрения справедливости.

А именно: следует признать, что идея права каждого гражданина на землю отнюдь не представляет собой высшей социальной идеи. Идее права на землю следует противопоставить как бесспорно высшую социальную идею — идею права на землю (равно как и на все средства производства) отнюдь не каждого отдельного гражданина, а всего общества в совокупности.

На землю имеет право не только землероб, но и фабричный рабочий, матрос, врач, учитель, писатель и т. д., и т. д.— все полезные члены общества без исключения.

Как же осуществить это право? Всем пахать землю? Фабричному рабочему бросить свою фабрику, матросу бросить корабль, врачу бросить больницу и т. д., и всем сесть на землю?

Совершенно ясно, что такое решение права всего общества на землю было бы величайшей нелепостью. Чтобы пахать землю, нужно иметь плуг, а этот плуг выделяется на фабрике. Поэтому нельзя пахать земли, если фабрики остановятся за недостатком рабочих. Сама возможность пользования землей предполагает работу тех лиц, кто никакого непосредственного участия в сельском хозяйстве не принимает.

Нельзя всем стать землеробами, и, значит, равного права всех на землю нельзя осуществить превращением всех в землеробов. Как же может быть осуществлено это бесспорное право всех на землю?

Очевидно, только одним путем. Землю пахать должна только часть общества, а остальные члены общества, будучи заняты другим делом, имеют право требовать, чтобы те, кто пашет землю, пахали ее наилучшим образом, чтобы для всех хватало земледельческого продукта.

Если часть общества, обрабатывающая землю, обрабатывает ее неудовлетворительно, благодаря чему остальные члены общества, участвующие не в сельскохозяйственной работе, терпят недостаток в сельскохозяйственных продуктах, то этим нарушается бесспорное право этих последних на землю. Ибо земля принадлежит, согласно естественному праву *, не только землеробам, но всему обществу, в том числе и тем, кто никакого участия в земледельческих работах не принимает, но работает в других областях. И эти последние работники имеют право объявить свое право нарушенным, если земля плохо обрабатывается теми, кто непосредственно пользуется землей.

Только такой смысл имеет новая правовая идея, противопоставляемая в настоящее время революционным сознанием русского крестьянства идее частной земельной собственности. Лишь под тем условием земля может быть в пользовании части общества, чтобы эта часть общества наилучшим образом исполняла свой общественный долг снабжения общества сельскохозяйственными продуктами.

Всякому праву противостоит общественная обязанность. Общественной обязанностью землероба является снабжение общества достаточным количеством сельскохозяйственных продуктов.

Значит, достаточно высокий уровень производительности сельского хозяйства необходим с точки зрения социальной справедливости. Ибо было бы несогласно со справедливостью, если бы переход земли в руки работающих земледельцев повлек за собой лишение сельскохозяйственных продуктов для всех тех, кто работает не на земле, а в других областях общественного труда.

Если бы это случилось и если бы переход земли в руки трудящихся земледельцев имел своим последствием сокращение производительности сельского хозяйства, в таком случае русской революции угрожала бы самая грозная опасность — распадаения русского, пока единого, трудового фронта на два враждебных фронта — городского пролетариата и крестьянства. Ибо, конечно, пролетариат самым насущным образом заинтересован в том, чтобы деревня поставляла в город требуемое количество сельскохозяйственных продуктов. Не забудем, что продовольственный вопрос в России стоит очень грозно — и отнюдь не только в связи с войной.

Можно быть уверенным, что и после войны дело доставления нашим городам достаточного количества продуктов продовольствия наладится не скоро. Обычное представление, что Россия изобилует хлебом и иными сельскохозяйственными продуктами, представляет собой чистейшее заблуждение. Правда, мы являлись до войны одним из главных поставщиков хлеба и иных сельскохозяйственных продуктов на мировом рынке. Но в русской экономической литературе стало общим местом, что мы вывозили не от избытка, а от недостатка. Избытки для вывоза сельскохозяйственных продуктов образовались у нас лишь вследствие того, что мужик недоедал.

Земельная реформа и предпринимается для того, чтобы изменить это положение дела, чтобы избавить от хронического голода нашу деревню. Но при этом условии и при предположении, что техника нашего сельского хозяйства не повысится, у нас не только не будет хлебного избытка для вывоза, но и продовольствие наших собственных городов станет очень затруднительным.

Чтобы охарактеризовать действительное положение нашего продовольственного дела, достаточно сказать, что Россия производит не больше, а меньше хлеба на душу населения, чем Германия. А ведь Германия была страной, ввозящей хлеб, неспособной прокормить своим хлебом свое население.

При той ничтожной урожайности, которой до настоящего времени характеризовалось наше крестьянское хозяйство, и при прекращении деревенского недоедания, накормить город русской деревне будет очень трудно. До сих пор город кормился не крестьянским, а преимущественно помещичьим хле-

бом, несмотря на то что помещичьи запашки составляли только одну десятую всей запахиваемой площади в России.

Теперь эти помещичьи запашки прекратились. Откуда же городское население будет получать свое продовольствие? Таков грозный вопрос, поставленный перед Россией земельной реформой.

Отсюда следует, что необходимым условием осуществления предстоящей нам реформы является принятие мер к поднятию производительности нашего крестьянского хозяйства. Лишь в этом случае земельная революция не повлечет общего расстройтва нашего народного хозяйства и не приведет наше городское население к голоду.

3.

Между тем не подлежит сомнению, что раздел крупных имений между многочисленными мелкими производителями сам по себе, независимо ни от каких других условий, имеет тенденцию понижать производительность.

Достаточно в этом отношении сослаться на следующее обстоятельство. Раздел крупного имени на мелкие участки имеет тенденцию создавать недостаток сельскохозяйственного инвентаря. Предположим, например, что имение с площадью запашки в 1000 десятин должно быть разделено между 200 крестьянскими хозяйствами. По полтавским данным, запахиваемая площадь в 1000 десятин требует для своей обработки 54 плуга. Если та же площадь достанется 200 владельцам, то для ее обработки каждому потребуется особый плуг; для всей площади потребуется, таким образом, 200 плугов. Иными словами, если между крестьянами будет разделен весь инвентарь прежнего крупного имени, то крестьяне окажутся не в силах обработать эту земельную площадь по недостатку инвентаря.

Таким образом, раздел крупных имений между трудящимися земледельцами угрожает совершенно обессилить наше сельское хозяйство и оставить город без продовольствия.

Однако все эти угрожающие последствия земельной реформы отнюдь не неизбежны. Они неминуемо должны были бы наступить, если бы земельная реформа выразилась только в разделе земли крупных владельцев между мелкими. Но в том-то и дело, что земельная реформа ни в коем случае не может и не должна ограничиться только этим. Раздел земли между трудящимися земледельцами для того, чтобы не привести Россию к экономической катастрофе, неизбежно требует существенного дополнения в виде систематически проведенных мероприятий, имеющих в виду дать возможность новым

земельным владельцам вести на прежней помещичьей земле не менее производительное хозяйство, чем вели помещики.

На первом плане среди этих мероприятий должны стоять меры по развитию крестьянской кооперации.

Уже до революции кооперация сделала в нашей деревне огромные успехи. Однако дореволюционная кооперация, которая в нашей деревне выражалась преимущественно в кредитных товариществах, опекаемых чиновниками Управления по делам мелкого кредита, не может быть базисом, на котором утвердится трудовое хозяйство русской деревни в будущем.

Земельная реформа выдвигает перед нашей кооперацией новые задачи, и эти задачи могут быть разрешены лишь при помощи новых форм кооперативного движения, с которыми русская деревня пока знакома очень мало.

Раздробление крупного помещичьего хозяйства и передача его в руки многих мелких хозяев обещает прежде всего уничтожить крупное сельскохозяйственное производство и превратить его в мелкое. Правда, в сельском хозяйстве выгоды крупного хозяйства гораздо менее значительны, чем в промышленности. Тем не менее эти выгоды в большинстве отраслей сельского хозяйства, и в частности в области культуры злаков, несомненно остаются. И потому уже уничтожение крупного сельскохозяйственного производства создает опасность понижения производительности сельского хозяйства.

Ввиду этого было бы с точки зрения развития производительных сил чрезвычайно существенно, если бы можно было и после раздела земли между мелкими владельцами, после уничтожения капиталистического сельского хозяйства сохранить крупное сельскохозяйственное производство. Нечто подобное теоретически вполне мыслимо: место крупного капиталистического сельскохозяйственного производства могло бы занять крупное кооперативное сельскохозяйственное производство. Это было бы самым желательным разрешением сельскохозяйственного кризиса, угрожающего ныне России.

И потому несколько не удивительно, что наши социалистические партии, аграрные программы которых по существу почти тождественны и различаются между собой только в деталях*, признают особенно желательным, чтобы на месте прежних крупных помещичьих экономий возникли не мелкие крестьянские хозяйства, но крупные сельскохозяйственные артели.

Действительно, такое разрешение нашей земельной революции было бы во всех отношениях наиболее желательным и с точки зрения развития производительных сил, и с точки зрения интересов города, и с точки зрения социалистического идеала. Ибо, несомненно, раздробление крупного хозяйства, хотя бы это крупное хозяйство было капиталистическим,

а мелкие хозяйства трудовыми, не может признаваться движением в сторону социализма. Социализм предполагает обобществление труда, а в данном случае мы имеем движение в обратном направлении — от капиталистически обобществленного труда, к раздробленному индивидуальному труду мелких производителей.

В программу первого Интернационала, находившегося под руководящим влиянием Маркса, входило образование крупных земледельческих артелей. Нельзя представить другой формы превращения мелкого крестьянского производства в социалистическое, кроме сельскохозяйственных артелей. Совершенно очевидно, что крестьянин не согласится бросить свое самостоятельное хозяйство и вместо труда на своем поле перейти к труду на какой-то государственной ферме.

Другое дело — земледельческая артель. Здесь крестьянин не порывает со своим хозяйством и только его расширяет, включая в него и своих односельчан. Товарищеская работа в артели не мешает крестьянину сознавать и чувствовать себя самостоятельным хозяином, между тем как работа на государственной ферме по своей обстановке приближается к работе в помещичьей экономике, которая до такой степени ненавистна крестьянину.

Поэтому земледельческая артель является, говоря теоретически, наиболее естественным переходом от хозяйства мелкого сельского производства к социалистическому хозяйству.

И потому наши социалистические партии, сознавая опасность с социалистической точки зрения насаждения на место прежнего крупного сельского хозяйства мелкого крестьянского, признают наиболее желательной замену помещичьего производства крупным трудовым артельным производством.

Однако хозяйственное развитие не всегда идет в том направлении, которое признается желательным хотя бы и очень могущественными партиями.

Нельзя не согласиться, что именно земледельческие артели должны считаться той формой кооперации, развитие которой в настоящее время в России наиболее желательно, ибо только земледельческие артели явятся радикальным разрешением нашего сельскохозяйственного кризиса, между тем как все другие формы кооперации могут лишь содействовать такому разрешению, не будучи таковым в окончательной форме. Тем не менее я не возлагаю больших надежд на земледельческие артели и думаю, что на практике с артелями считаться почти не придется.

Трудовая кооперация является, несомненно, чрезвычайно важным видом кооперации, но этот вид кооперации получит пышное развитие лишь после крушения капиталистического хозяйства, в социалистическом обществе будущего. Пока же речь

идет об обществе настоящего, трудовая кооперация будет привлекать не народные массы, а немногих избранных, людей, стоящих выше толпы, ищущих нового мира. Таких искателей всегда немного, и трудовая кооперация является и останется кооперацией для людей исключительных и возвышающихся над средним уровнем человечества.

Я несколько не сомневаюсь, что в ближайшем будущем возникнет немало земледельческих артелей. По всей вероятности — хотя в этом уверенным быть нельзя, — в ближайшем будущем мы много услышим о земледельческих артелях, и вокруг них возгорятся самые ожесточенные споры и возникнет обширная литература.

Артели найдут среди интеллигентов восторженных поклонников, которые будут с фактами и цифрами в руках опровергать скептиков в данном вопросе, подобных мне.

Все это весьма вероятно, и мы должны быть готовы пережить новую «артельную эпопею» в дополнение к стольким предшествовавшим. Но, нужно думать, предстоящая «артельная эпопея» далеко оставит за собой по своим размерам все ранее бывшие.

Я охотно допускаю, — и был бы этому как кооператор искренне рад, — что у нас возникнут сотни земледельческих артелей с тысячами членов. Но ведь сотни артелей и тысячи членов — это капля в море сравнительно с размерами нашей земельной революции.

На месте разрушенных крупных экономий возникнут не тысячи, а миллионы крестьянских хозяйств, в распоряжение которых перейдут помещичьи земли. И мне кажется совершенно невероятным, чтобы в близком будущем члены земледельческих артелей считались у нас миллионами.

Вероятнее всего, что число членов земледельческих артелей будет считаться немногими тысячами. В лучшем и весьма мало вероятном случае таких членов будут сотни тысяч. На миллионы же рассчитывать уж никак не приходится.

И потому даже в наиболее благоприятном случае земледельческие артели охватят лишь ничтожную долю крестьянских хозяйств.

Впрочем, и чрезмерный пессимизм по отношению к земледельческим артелям не может считаться обоснованным. Дело в том, что, несомненно, для успеха таких артелей условия складываются в настоящее время гораздо благоприятнее, чем когда-либо раньше. Во-первых, никогда раньше не происходило такой огромной ликвидации крупного капиталистического сельского хозяйства, как ныне. Можно себе представить, что во многих случаях, когда возникнет вопрос, как быть с помещичьей экономией, снабженной всем необходимым инвентарем, прежние земледельческие рабочие той же экономии заинтересуются

мыслью продолжать общее хозяйство на той же земле, образовать земледельческую артель.

И это будет тем возможно, что идеи социализма носят теперь в воздухе и вождями крестьянства являются участники социалистических партий. До сих пор наше кооперативное движение в деревне развилось почти без влияния социалистических партий. Не социалисты, а чиновники разных ведомств являлись главными насадителями деревенских кооперативов.

Теперь не то. Теперь вся интеллигенция, влияющая на настроения деревни, в большей или меньшей степени проникнута социалистическими симпатиями — не потому, чтобы среди интеллигенции не было элементов, враждебных социализму, но потому, что несоциалистические элементы интеллигенции не могут влиять на крестьянскую массу, признающую только социалистические партии.

Социалистически настроенные кооперативные деятели будут толкать крестьянство в сторону устройства земледельческих артелей, и, вероятно, такие артели будут возникать.

В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в единственной стране, в которой существуют в довольно значительном количестве земледельческие артели — в Италии, такие артели возникли под непосредственным влиянием социалистических партий.

То же будет, вероятно, и у нас. Социалистические партии окажут и у нас свое влияние на развитие земледельческих артелей. Но как бы ни был велик успех таких артелей, они все же должны явиться в будущей русской деревне не правилом, а исключением*.

4.

На производительные артели как на средство поднятия производительности русского сельского хозяйства больших надежд возлагать, таким образом, не приходится. Иное нужно сказать о других формах кооперации.

Многие виды кооперации должны получить чрезвычайное развитие в трудовом крестьянском хозяйстве будущего. Я указывал, что разделение между многими мелкими хозяевами инвентаря крупного имения неизбежно должно повести к недостаточности этого инвентаря для обработки того же имения. Однако это затруднение может быть легко преодолено при помощи образования производительно-подсобных артелей.

Производительно-подсобные артели играли до настоящего времени в русской деревне совершенно ничтожную роль. Однако на Западе кооперативы этого рода имели и имеют очень большое распространение.

Возьмем, например, машинные товарищества, которые насчитывают в южной Германии многие десятки тысяч членов. Эти товарищества обычно образуются для кооперативного использования таких сельскохозяйственных машин, которые по своей цене недоступны для заурядного крестьянского хозяйства, как, например, молотилки и т. п. Потребность в товариществах этого рода после перехода помещичьих экономий в руки трудящегося народа будет громадна.

Было бы очень нецелесообразно передавать инвентарь помещичьей экономии отдельным крестьянским хозяйствам, гораздо целесообразнее было бы передавать этот инвентарь специально для того образуемым товариществам, производительно-подсобным артелям.

Такая артель могла бы снабжать деревню необходимым инвентарем, и инвентаря хватило бы для поддержания сельскохозяйственного производства на прежнем уровне.

Но нужно с этим спешить. Жизнь не ждет. Помещичья земельная собственность уже не существует. Место помещиков в качестве владельцев заняли земельные комитеты. Что касается помещичьего инвентаря, то судьба его остается неопределенной. Во многих случаях помещичий инвентарь расхищается соседними крестьянами, а то и просто уничтожается и погибает.

Земельные комитеты отнюдь не пригодны для того, чтобы организовать дело снабжения крестьянства инвентарем. Только добровольно возникающие специальные товарищества, находящиеся под контролем самих заинтересованных лиц, могут удачно справиться с этой далеко не легкой задачей.

Здесь открывается чрезвычайно важная задача для волостных и уездных земств. В большинстве земств в настоящее время имеются специальные инструкторы по кооперации. Им следует, ни мало не медля, приступить к организации таких товариществ, к которым и должны переходить от земельных комитетов сельскохозяйственные орудия и машины, принадлежавшие раньше помещикам.

С живым инвентарем дело обстоит значительно труднее, так как содержание скота и лошадей требует тщательного ухода, и сомнительно, чтобы такой уход мог быть достигнут, если скот и лошади будут принадлежать производительно-подсобной артели. Живой инвентарь помещичьих экономий, если он не отличается никакими особыми достоинствами, было бы целесообразно отчуждать отдельным крестьянам; в случае же племенного хозяйства следует сохранить стадо в нераздробленном виде во владении местного муниципалитета. Во всяком случае, кооперативное владение лошадьми и скотом организовать было бы нелегко.

Б.

Одним из самых трудных вопросов земельной реформы является судьба наших свеклосахарных заводов. Заводы эти в большинстве случаев ведут свое собственное плантаторское хозяйство — они владеют огромными площадями земли, на которой культивируют сахарную свеклу. Если отобрать эти плантации у заводов и передать их для других культур крестьянству, то возникнет опасность гибели свеклосахарной промышленности, дающей огромные заработки местному населению и производящей такой необходимый предмет общенародного потребления, как сахар. Как же быть с сахарными заводами?

И в этой области вполне возможно применение кооперации. В Чехии незадолго до войны стали возникать многочисленные кооперативные сахарные заводы, принадлежащие крестьянам-поставщикам свеклы.

Такой кооперативный сахарный завод представляет собой товарищество по переработке, общеизвестным примером таких товариществ по переработке являются маслодельные артели. Известны поразительные успехи маслодельных товариществ во многих странах. Совершенно по тому же типу могут быть организованы и кооперативные свеклосахарные заводы.

Правда, не нужно преуменьшать трудностей этого дела и думать, что устроить кооперативный свеклосахарный завод так же легко, как устроить кооперативную маслодельню. Большая трудность в этом случае состоит в том, что по техническим условиям маслоделия только кооперативное маслоделие является технически рациональной формой производства масла: а именно, как было указано в главе IV, только при кооперативном маслоделии производитель масла имеет полный контроль над производством молока в хозяйстве мелкого производителя, а этот контроль в маслодельном производстве совершенно необходим благодаря тесной зависимости качества масла от свойства молока и условий хранения последнего. В свеклосахарной промышленности всех этих условий не имеется и вполне возможна капиталистическая организация производства сахара, которую мы и видим в настоящее время.

Таким образом, технические условия сахарного производства не требуют неизбежно кооперативной организации. С другой же стороны, создание кооперативных свеклосахарных заводов затрудняется огромной стоимостью их: в то время как маслодельный завод является предприятием сравнительно некрупным, сахарный завод для своего устройства требовал до войны многих сотен тысяч рублей, а теперь требует миллионов.

Все это так, но тем не менее ничего невозможного в устройстве кооперативных сахарных заводов нет. И если в Чехии

число таких заводов возрастает, почему бы им не возникать и в России?

Главная трудность в данном случае заключается в огромной стоимости заводов. Но ведь при помощи государства кооперация всегда может получить нужные ей денежные средства. И потому переход свеклосахарных заводов в руки объединенных в особые кооперативы поставщиков свеклы должен считаться самым естественным путем дальнейшего развития нашей свеклосахарной промышленности.

Правда, свеклосахарные заводы могут быть устраиваемы и иначе — например, кредитными кооперативами. Но, строго говоря, это не будет кооперацией ибо кооператив выступает в данном случае как всякий иной предприниматель на рынке и кооперативного начала здесь нет. В этом заключается и естественная слабость таких предприятий, почему гораздо более могут рассчитывать на успех предприятия действительно кооперативные, т. е. такие, хозяева которых участвуют в кооперативном предприятии не только своим капиталом, но и пользуются данной организацией в своей хозяйственной деятельности. Напомнить об этом не мешает, так как у нас нередко возникают предприятия такого рода и среди кооператоров, благодаря общей неясности кооперативной теории, нет вполне определенного отношения к ним.

Так, легко можно себе представить, что крупный кредитный кооператив, хотя бы Московский народный банк или Украинский кооперативный банк, устроит свой собственный свеклосахарный завод. Это предприятие может иметь успех, но, во всяком случае, он ничего общего с кооперацией иметь не будет. Свеклосахарный завод, принадлежащий кооперативному банку, принципиально ничем не отличается от свеклосахарного завода, принадлежащего капиталистическому банку.

Напротив, свеклосахарный завод, принадлежащий товариществу производителей свеклы, которые перерабатывают на данном заводе свою свеклу, будет несомненным кооперативом. Почему же? Потому, что свеклосахарный завод, принадлежащий кооперативному банку, является в руках банка лишь одним из способов помещения капитала ради получения прибыли, между тем как завод в руках товарищества производителей свеклы является средством сбыта в переработанном виде трудового продукта этих производителей — свеклы.

А так как ведение банком промышленного предприятия является операцией, несомненно, рискованной и маложелательной, то столь же нельзя советовать и кооперативным банкам заниматься такими операциями. Напротив, производителям свеклы вполне целесообразно кооперативно объединяться для устройства своего свеклосахарного завода.

Правда, кооперативный сахарный завод может быть уст-

роен и союзом потребительских обществ. Но и этому типу следует предпочесть товарищества по переработке. Опыт Запада показал это во всех областях, соприкасающихся с сельским хозяйством, крестьянская кооперация сильнее собственного производства потребительских обществ.

6.

Кооперативное производство в разных его видах является вообще той областью кооперации, для которой требуется наибольшая подготовка участников. Гораздо легче удаются кооперативы в области обмена.

В этой области можно ожидать в связи с земельной реформой колоссального развития в близком будущем. Дореволюционная Россия уже была густо покрыта сетью кредитных товариществ. Но хотя членов кредитных товариществ у нас было больше, чем в любой другой стране, тем не менее наша кредитная кооперация оставляла желать очень и очень многого.

Главным недостатком нашей кредитной кооперации была крайне малая ее самостоятельность и непосредственно связанное с этим ее отклонение от райффейзеновского типа. Большинство наших кредитных товариществ только по имени было кооперацией.

Теперь нам необходимо перестроить наши кредитные товарищества по типу действительно самостоятельной кооперации и придать им черты райффейзеновских товариществ. Нужно стремиться к тому, чтобы каждое село имело свое собственное кредитное товарищество и чтобы члены товарищества фактически держали его в своих руках. Потребность в кредите в связи с земельной реформой и созданием целого ряда новых крестьянских хозяйств, а также с расширением старых хозяйств будет громадна. Государство должно, конечно, прийти на помощь этой потребности, и денежный капитал должен политься широкой струей в нашу деревню. Но крайне важно, чтобы капитал этот находил на местах наиболее целесообразное применение и использование.

Для этого, в свою очередь, требуется, чтобы дело распределения капитала между нуждающимися в нем производителями было всецело в их собственных руках. Лишь при условии самого тщательного контроля крестьянским обществом можно рассчитывать на успех во всем деле применения капитала к поднятию крестьянского хозяйства.

Тут перед крестьянским населением открывается огромная творческая работа, которую оно должно взять на себя, не рассчитывая, как раньше, на правительственную опеку.

Теперь нет начальства, и трудящиеся массы сами должны строить свою жизнь. Конечно, инструктора по кооперации

должны оказывать необходимую помощь; число таких инструкторов должно быть увеличено в огромных размерах. Трудно указать другую деятельность, потребность в которой в новой, преобразованной деревне так настоятельна.

Но инструктор по кооперации никоим образом не должен играть роли прежнего инспектора мелкого кредита. Инструктор по кооперации должен быть сам прежде всего кооператором и, значит, твердо помнить, что кооперация есть самодеятельность населения, а отнюдь не опека и руководство сверху. Его роль должна быть ролью инициатора и помощника — и только. Главной задачей его должно быть создание такого положения, при котором он сам становится ненужным вследствие развития самодеятельности населения.

Но пока это будет достигнуто, без помощи со стороны кооперация обойтись не может. И потому теперь самой настоятельной общественной потребностью является создание многочисленных кадров инструкторов и вообще работников кооперации.

Мощная и самодеятельная кредитная кооперация, опирающаяся на широкую поддержку государства (но без всякого элемента бюрократизма и опеки, чего новая русская деревня, впрочем, и не потерпит), должна стать маховым колесом, которое будет приводить в движение всю русскую кооперацию. Ибо всякое кооперативное предприятие требует прежде всего известного капитала, которым русская деревня снабжена крайне скудно. Поэтому кредитная кооперация является естественной основой всякой другой.

Но кредитная кооперация не должна стремиться захватывать в свои руки всю остальную. Задачи кредитной кооперации строго определены: снабжение денежным капиталом как индивидуального крестьянина, так и кооперативов. Было бы нежелательно, чтобы кредитный кооператив становился универсальным кооперативом, совмещающим в себе все крестьянские кооперативы разного рода. Между тем тенденция к такому развитию кредитной кооперации, несомненно, имеется благодаря тому, что кредитная кооперация располагает денежным капиталом и может давать ему любое направление и приложение.

Более правильным и соответствующим целям кооперации следует признавать устройство особых кооперативов для каждой особой задачи. В этом отношении следует возразить против райффейзеновского типа кооперации, стремящегося к образованию универсальных кооперативов на основе кредитной кооперации.

Итак, прежде всего нужно позаботиться о самом усиленном развитии кредитных товариществ, и притом преимущественно в чистом виде, т. е. ставящих для себя преимущественно чисто кредитные задачи. Рядом с кредитными кооперативами должны

получить самое широкое распространение также кооперативы по закупке и сбыту.

Кооперативы по закупке было бы нецелесообразно организовывать в двух различных формах — кооперативы по закупке предметов потребления и кооперативы по закупке средств производства. Напротив, ввиду того что задачи кооперативов того и другого рода в деревне очень близки между собой (крестьянское хозяйство образует собой производително-потребительную единицу, в которой производство и потребление тесно связаны друг с другом и образуют одно неразрывное целое), желательны универсальные закупочные кооперативы, в которых должны сосредоточиваться все закупки крестьянина как предметов потребления, так и средств производства.

Так как операция закупки представляется, вообще говоря, очень несложной, то при деятельной поддержке закупочных кооперативов со стороны кредитной кооперации нужно думать, что закупочная кооперация получит очень скоро огромное развитие в русской деревне. В идеале нужно стремиться к тому, чтобы крестьянин ничего не покупал индивидуально, а только через посредство своих закупочных кооперативов.

Гораздо более трудной является кооперация сбыта. Тем не менее и в этой области заметны за последнее время большие успехи. Во время войны наша кооперация по сбыту стала весьма важным органом сбыта сельскохозяйственных продуктов.

Весь характер внешней торговли России должен испытать глубочайшее изменение. Вряд ли Россия останется страной, вывозящей хлеб. Предметом нашего будущего вывоза станет, по-видимому, главным образом лес, которым мы снабжены лучше какой-либо другой страны и который обещает нам огромные богатства. Соответственно этому потребность в крупных экспортных элеваторах американского типа у нас отпадает за вероятным прекращением самого хлебного вывоза. Но, конечно, внутренний хлебный рынок требует своей организации. Мелкие зернохранилища настоятельно необходимы, и следует стремиться, чтобы в каждой волости было свое зернохранилище.

Можно себе представить, что такие зернохранилища будут устраиваться волостными земствами. Однако мне кажется более целесообразным, чтобы все, доступное по своим техническим задачам кооперации, исполнялось именно кооперацией, а не принудительными общественными союзами, каковыми являются муниципалитеты, как бы ни был ограничен район их действия.

Дело в том, что кооперативная организация представляет собой вообще высший тип общественного устройства и стоит выше всякого принудительного общественного союза именно потому, что принудительный общественный союз основан на принуждении, между тем как кооперация является единственным

известным нам типом хозяйственной организации совершенно свободной. И потому все, что может быть достигнуто путем кооперативной организации, должно и достигаться ею, и лишь в случае невозможности достигнуть тех же целей при помощи кооперации следует прибегать к союзам принудительного рода.

Кооперативы по сбыту хлеба вполне целесообразно комбинировать с кооперативами по сбыту и других продуктов сельского хозяйства. Опыт германских кооперативных зернохранилищ убедительно говорит о необходимости такого соединения, ибо в противном случае помещение и рабочий персонал кооператива не могли бы быть полностью использованы в течение всего года.

Таким образом, кооператив по сбыту приближается к типу универсального кооператива по сбыту. Но, конечно, в такой универсальности нет безусловной необходимости, и если технические и экономические условия делают желательными специализированные кооперативы по сбыту, то против этого нечего возразить.

Эти кооперативы по сбыту требуют для своего успеха затраты значительных денежных капиталов. Поэтому первое время, пока дело кооперативного кредита не будет вполне налажено, было бы целесообразно соединять эти кооперативы с кредитными кооперативами.

Но когда кооперация получит под собой прочную основу, связь кооперации по сбыту с кредитными кооперативами могла бы без всякого ущерба для дела прерваться: как я говорил выше, наиболее естественным я считаю образование кредитных кооперативов чистого типа, которые финансировали бы кооперативы других типов.

Таким образом, вся область покупки и сбыта продуктов крестьянского труда должна сосредоточиваться с течением времени в кооперативах. Крестьянин, выступая на рынке, будет выступать не индивидуально, а как член мощных кооперативных союзов.

В связи с кооперацией земельная реформа может привести к мощному развитию нашего крестьянского хозяйства и явится, таким образом, стимулом развития производительных сил вместо тормоза такового в противном случае*.

Глава I. ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧ И СВЯЗАННОЕ
С НИМ КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕI. ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧ И ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЕ
МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Как Англия является типичной страной пролетарской кооперации, так Германия была долгое время типичной страной кооперации мелкобуржуазной. Недаром отцом германской кооперации является такой характерный представитель мелкой буржуазии, со всеми сильными и слабыми духовными чертами этого класса, как Шульце-Делич.

И если английская пролетарская кооперация явилась непредвиденным ее творцами результатом увлечения рабочих масс Англии идеей коммунистических общин, то организации, созданные Шульце, возникли как непредвиденный им результат увлечения общественных кругов Германии идеей производительной артели. Общественные убеждения Шульце сложились под сильным влиянием французского социализма, своеобразно преломившегося в социальной среде германской мелкой буржуазии, к которой принадлежал Шульце.

Шульце, безусловно, не был социалистом. По своей натуре он был слишком трезвым, осторожным и расчетливым человеком, чтобы увлекаться планами радикального преобразования общественного строя. Никакого полета воображения мы у него не видим, равно как и прямолинейности в преследовании одной господствующей идеи. Во всех этих отношениях Шульце является прямой противоположностью Оуэну.

Тем не менее и Шульце было суждено стать новатором и прокладывать новые пути. Объясняется это тем, что сама жизнь толкала на новые пути те общественные элементы, выразителем интересов которых явился Шульце.

Развитие капитализма сопровождалось во всех странах кризисом мелкой промышленности и торговли. В Германии этот процесс особенно резко почувствовался около половины прошлого столетия. Это вызывало недовольство обширных кругов мелкой буржуазии.

«Фабрика,— писал в 1853 г. Шульце в брошюре «Die arbeitenden Klassen und das Associationswesen in Deutschland»,— вытесняет ремесло и лишает рынка ремесло в тех отраслях промышленности, которые она вовлекает в свою сферу, и делает невозможной всякую конкуренцию с ней. Овладевая одной за другой новыми и новыми отраслями труда, как это мы видим ежедневно, фабрика в недалеком будущем не оставит ни одного уголка, где могло бы найти себе приют ремесло. И если уже теперь многие прежде самостоятельные мастера ищут работы на фабриках, нельзя не опасаться, что постепенно вся масса ремесленников спустится до роли простых наемных рабочих крупных предприятий и пополнит ряды злополучного пролетариата».

Вместе с тем ухудшается положение и фабричных рабочих. Рост крупного производства вызывает, следовательно, падение благосостояния всех трудящихся классов населения— как мелких самостоятельных производителей, так и фабричных рабочих. Но крупное предприятие, говорит Шульце, обладает такими техническими преимуществами сравнительно с мелким, что тенденция к нему неустраима при современных условиях.

Как же помочь народной нужде при таком положении дел? Возвращение к старому экономическому порядку— восстановление цехового строя промышленности— Шульце признает невозможным. Останется одно: признать неизбежность роста крупного предприятия, но попытаться осуществить его в новых формах, согласованных с интересами трудящихся. Таким образом, Шульце приходит к выводу, что «ассоциация является единственным средством спасения для нуждающихся рабочих и ремесленников. В ассоциации воскреснет с новыми силами для ремесленников старый цех, ставший в наше время бесполезным и бессмысленным учреждением». Поэтому ассоциация может быть названа «цехом будущего». Ассоциация даст возможность трудящимся воспользоваться выгодами крупных предприятий без потери своей самостоятельности.

Высшим видом ассоциации Шульце, как было указано выше (в главе о производительных артелях), признает производительную ассоциацию.

Кооперативная система Шульце начала осуществляться на практике уже в конце сороковых годов, и хотя она сложилась далеко не в те формы, которые имелись в виду ее создателем, все же нельзя не признать, что практическое осуществление идей Шульце оказалось гораздо ближе к его теоретическому замыслу, чем это мы видим по отношению к Оуэну. С внешней стороны между судьбой обоих замыслов много общего. Потребительские общества фабричных рабочих были для Оуэна средством для подготовки коммунистических общин. Однако никаких коммунистических общин не возникло, а потребительские

общества получили огромное развитие. Точно так же и для Шульце основанные им кредитные кооперативы, о которых он почти не упоминает в первых очерках своей кооперативной теории, были только первым шагом кооперативного развития, которое должно было привести к созданию производительной ассоциации. Производительная ассоциация оказалась утопией не меньшей, чем коммунистические общины Оуэна, а кредитные кооперативы процвели. Однако на самом деле судьба созданий Оуэна и Шульце была существенно различна.

Для Оуэна коммунистические общины были не туманным и отдаленным завершением кооперативного движения, а единственно ценным и важным элементом во всей его системе. Коммунистический идеал был для него все, средства же для этой цели (потребительские общества) теряли всякую ценность, если цель не была достигнута. И потому Оуэн не мог не чувствовать себя разбитым в своих лучших упованиях и надеждах. То, что получилось в результате его деятельности, не могло давать ему ни малейшего нравственного удовлетворения.

Напротив, в мировоззрении Шульце главную роль играли ближайшие результаты его деятельности, а вовсе не конечные цели. Признавая производительную ассоциацию венцом своей кооперативной системы, Шульце не был склонен отрицать значение того, что ему казалось подготовительными формами ассоциации. Напротив, чем больше разворачивается его практическая деятельность и чем больше выясняется утопичность производительной ассоциации, тем равнодушнее он становится к последней. Рост кредитных кооперативов его вполне удовлетворяет, и призрак неосуществившейся производительной ассоциации не причиняет ему никакой горечи. Эта ассоциация начинает в конце концов играть в его системе роль безобидного орнамента, ни к чему не нужного, но и ничему не мешающего.

Все дело в том, что Оуэн был человеком огромных замыслов, а Шульце — типичной мещанской натурой. И потому Оуэн чувствовал себя разбитым, а Шульце — победителем.

Что же такое была та кооперация, которая была создана Шульце? Деятельность Оуэна повела к возникновению потребительских обществ рочдельского типа — кооперативов, не имевших ничего общего с коммунистическими общинами, которые проповедовал Оуэн, но способных к грандиозному развитию. Против своей воли Оуэн создал нечто великое, не менее великое, чем то, к чему стремился.

Напротив, создание Шульце, вполне его удовлетворяющее, было так же лишено элемента величия, как и сам он или, точнее, как тот общественный класс — мещанства, мелкой торговли и ремесла, — выразителем которого он являлся.

2. ВЫЗВАННОЕ ШУЛЬЦЕ КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Очень интересна история созданных Шульце кооперативов. Мы видели, что теоретические воззрения Шульце приводили его к признанию венцом кооперативной системы производительной ассоциации. Вместе с тем как человек большого практического смысла он понимал трудность осуществления этого наиболее сложного вида кооперации. Поэтому неудивительно, что первые кооперативы, созданные Шульце, были отнюдь не производительными ассоциациями, а кооперативами совсем иного рода, сырьевыми товариществами — обществами ремесленников для приобретения за общий счет нужного сырья.

Уже в 1849 г. Шульце основывает в Делич два сырьевых товарищества: столяров и сапожников. Затем возникает несколько новых сырьевых товариществ, и к 1853 г. их было уже 6 (и, кроме того, два кредитных товарищества и два потребительских общества). К 1859 г. насчитывалось уже 55 сырьевых товариществ, а к 1868 г. — даже 131. Но из быстрого увеличения числа этих кооперативов было бы неправильно заключать о действительном росте этого вида кооперации. Дело в том, что в противность другим видам кооперативов, созданным Шульце, этот вид — сырьевые товарищества — оказался очень маложизнеспособным.

Первое время число их возрастало быстро, но более на бумаге, чем в действительности. Деятельность их почти не проявлялась, а в скором времени и число их стало падать. Еще меньше успеха имели магазинные товарищества — организации сбыта ремесленных продуктов, равно как и производительно-подсобные товарищества — организации совместного использования ремесленниками разного рода дорогих орудий и технических приспособлений. Все эти кооперативы не получили никакого развития и не приобрели никакого значения в народном хозяйстве Германии.

Полная неудача всех этих видов кооперативов совершенно бесспорна. О причинах этой неудачи речь будет идти ниже.

Еще меньше успеха имели производительные ассоциации, которые почти не вышли из стадии неудачных попыток их создания. Зато те виды кооперации, которые играли очень скромную роль в теоретической системе Шульце, получили значительное развитие на практике: это кредитные кооперативы и потребительские общества.

Центральное положение среди кооперативов, созданных Шульце, очень скоро заняли именно кредитные кооперативы.

Эти-то кооперативы, которые можно назвать ссудосберегательными товариществами, и были его историческим делом. Возникли они путем спонтанного развития сырьевого товари-

щества: как выяснил В. А. Косинский в своем исследовании «Учреждения для мелкого кредита в Германии», кредитный кооператив возник в результате неспособности сырьевого товарищества справиться с приобретением сырья на наличные деньги. Необходимо было организовать для сырьевых товариществ кредит; таким образом, для этих товариществ выдвинулась новая задача — организация кредита, и создались первые кредитные кооперативы, оказавшиеся в противность сырьевым товариществам вполне жизнеспособными учреждениями. Первое ссудосберегательное товарищество было основано в Эйленбурге, по-видимому, без всякого участия Шульце неким Бюрманом, сапожным мастером, причем Бюрман исходил из опыта сырьевых товариществ.

Как из агитации Оуэна получились потребительские общества рочдельского типа, так из агитации Шульце получились ссудосберегательные товарищества.

Гочдельские кооперативы были типичными организациями пролетариата, в которых заложена тенденция к неограниченному росту и внутреннему развитию: начав с преобразования розничной торговли, они, естественно, перешли к устранению капиталистического посредничества в области оптовой торговли, а затем начали вовлекать в сферу своего влияния все народное хозяйство.

Напротив, ссудосберегательные товарищества Шульце являются столь же типичными организациями иного общественного класса — мелкой буржуазии, мелких торговцев и ремесленников, обладающих небольшими капиталами. И точно так же, как и в рочдельском кооперативе, все особенности данной экономической организации объясняются особенностями и экономическими интересами того общественного класса, в среде которого эта организация создавалась и получила развитие.

Что ссудосберегательные товарищества являются кооперативами преимущественно мелкой буржуазии, доказываются статистическими данными относительно классового состава их членов.

Так, например, в 1888 г., когда ссудосберегательные товарищества Шульце получили уже полное развитие, классовый состав их членов был следующий (в процентах):

Самостоятельные предприниматели в сельском хозяйстве, торговле и промышленности	74,1
Либеральные профессии, рантье, пенсионеры	13,8
Низшие служащие	3,5
Рабочие	8,6

Огромное большинство членов ссудосберегательных товариществ принадлежало и принадлежит к числу самостоятельных предпринимателей. Что это предприниматели преимущественно

мелкие, а не крупные, ясно само собой, так как крупные предприниматели имеют к своим услугам обычные капиталистические банки.

Выше было указано, что в представлении Шульце производительная ассоциация была завершением кооперативной системы. Такова была теория. Практика ей не отвечала ни малейшим образом, да и сам автор этой теории не придавал ей сколько-нибудь серьезного значения, во всяком случае, в конце своей жизни Шульце коренным образом изменил свои взгляды на то, в чем следует видеть венец его кооперативной системы.

Главным видом кооперативных организаций Шульце были, как сказано, ссудосберегательные товарищества,— организации, наполовину не кооперативные, а капиталистические. Неудивительно, что товарищества эти при успехе быстро утрачивали последние следы кооперативной природы и превращались в обычные капиталистические акционерные банки, причем пайщики становились акционерами.

С точки зрения того кооперативного идеала, которому первоначально сочувствовал Шульце, такое превращение кооперативной организации в обычную капиталистическую должно было казаться изменой народному делу и встречать суровое осуждение. Иначе смотрел на это дело Шульце. На годовых собраниях союза кооперативов его имени он неоднократно высказывался в том смысле, что превращение ссудосберегательных товариществ в акционерные в его глазах является лучшим доказательством успеха народных банков.

Венцом кооперативной системы становится в глазах Шульце, следовательно, уже не производительная ассоциация — утопия его юности, а капиталистическая акционерная компания, ничего утопического в себе не заключающая. Здесь ярко сказывается капиталистический дух всей кооперативной системы Шульце.

Кооперативное движение в Германии, как и в Англии, началось среди средних классов общества. И это понятно, в половине прошлого века Германия была еще страной со слабо развитой фабричной промышленностью, в экономической жизни которой тон давали мелкие формы производства.

Экономическая неразвитость Германии была в это время так велика, что, например, Шульце в первых своих литературных произведениях еще не различал промышленный пролетариат самостоятельных ремесленников. Созданные им кооперативные организации имели в виду мелких предпринимателей, а он полагал, что они могут служить интересам и пролетариата.

Если Шульце не понимал столь простых вещей, то это потому, что в самой жизни соответствующие общественные классы еще не успели резко обособиться, и новый общественный слой — промышленный пролетариат — еще не стал крупной силой. И в культурном, и в политическом отношении рабочий класс

был заслонен в Германии половины прошлого столетия классом ремесленников.

Неудивительно, что именно в среде мелкой буржуазии и начало развиваться германское кооперативное движение. Затем, когда большее и большее значение в общественной жизни стал играть класс промышленного пролетариата, общие условия германской жизни сделали германский пролетариат на долгое время равнодушным к кооперации. Из всех видов кооперативов для пролетариата имсет особое значение потребительская кооперация. Но для германского пролетариата на первый план выдвинулись политические задачи, которые заслонили для него все остальное, в том числе и потребительскую кооперацию.

Известно, как отрицательно относился Лассаль к потребительским обществам. Он видел в них просто самообман рабочего класса: так как заработная плата при условиях капиталистического производства не может подняться, думал он, выше уровня, необходимого для голого существования, то все попытки рабочих удешевить для себя стоимость предметов потребления должны иметь своим результатом соответствующее понижение денежной заработной платы. Иными словами, ровно никакой пользы в окончательном итоге потребительские общества рабочему классу не приносят, и только временно отдельные рабочие могут выигрывать от этих организаций.

Единственный вид кооперации, который Лассаль не только признавал, но даже видел в нем решение всего социального вопроса, это были производительные ассоциации. Но так как Лассаль в противность Шульце ясно понимал невозможность самостоятельного развития таких ассоциаций, то он требовал государственной помощи производительным ассоциациям.

Однако из писем Лассалья к Родбертусу видно, что Лассаль в действительности почти не верил в свои производительные ассоциации с государственной помощью. Ему нужно было указать рабочим какое-либо ясное и простое средство решения социального вопроса, и он остановился на плане Луи Блана, который ему казался наиболее удобным для агитационных целей.

Таким образом, знаменитый противник Шульце в сущности не верил вообще в значение кооперации. Он придавал значение только политической борьбе рабочего класса и явился создателем политической партии германского пролетариата *.

Поэтому вполне естественно, что германская социал-демократия не могла поддерживать кооперативное движение среди рабочих. Маркс относился к кооперации почти так же, как и Лассаль *. Единственным видом кооперации, которому он придавал значение, были производительные ассоциации, потребительским же обществом он решительно не сочувствовал. В известной резолюции Интернациональной ассоциации рабочих,

осуждающей потребительские общества и рскомендующей производительные ассоциации, нашла себе выражение точка зрения Маркса *.

Итак, вожди германского рабочего движения не придавали никакого значения или относились отрицательно к той единственно возможной для рабочего класса кооперации, которая получила такое блестящее развитие в Англии. Соответственно этому и в согласии с общим строем германской общественной жизни германское рабочее движение сосредоточилось на многие годы на политической борьбе.

Однако как ни могущественно было влияние духовных отцов германской социал-демократии, равно как и тех условий германской жизни, которые толкали рабочих на политическую борьбу, потребность в потребительской кооперации была слишком настоятельна именно среди рабочего класса, ибо бюджет рабочего особенно страдал от вздорожания предметов потребления. И вот мы видим, что наряду с потребительскими обществами средних классов начинают развиваться и пролетарские потребительские общества.

Так как единственной общественной организацией, объединявшей кооперативное движение Германии (кроме райффейзеновской организации, охватывавшей сельскохозяйственные кооперативы), долгое время был основанный Шульце Всеобщий союз германских промышленных и хозяйственных товариществ, основанных на самопомощи, то вполне естественно, что пролетарские потребительские общества развивались в пределах именно этого союза.

И вот в пределах союза Шульце, объединявшего кооперативы мелкой буржуазии и проникнутого классовым духом этого общественного слоя, появились и начали быстро расти элементы совершенно иного общественного порядка.

На этой почве не могла не возникнуть в пределах союза борьба между двумя противоположными кооперативными течениями, борьба, отнюдь не вызванная какими-либо влияниями со стороны (ибо социал-демократия относилась с прежним равнодушием или пренебрежением к пролетарским кооперативам), но всецело вызванная внутренней противоположностью пролетарской и мелкобуржуазной кооперации.

Один из основных тезисов кооперативной теории Шульце: кооперация должна иметь внеклассовый характер и объединять по возможности все общественные классы, осуществляя, таким образом, в пределах современного общества и на основах частной собственности и свободы предпринимательства социальный мир. Правда, о примирении классов много говорил и Оуэн, но для Оуэна такое примирение было возможно только после прекращения капиталистического строя и создания нового общественного мира на коммунистических началах. Шульце же счи-

тал возможным примирение классов в пределах существующего капиталистического мира.

Соответственно этому и союз, основанный Шульце, стремился объединить все виды кооперативов, а в пределах каждого кооператива объединить лиц возможно более различных общественных классов. Формально это и достигалось: мы видели, например, что в народных банках Шульце членами были лица всех общественных классов, начиная от крупных капиталистов и земледельцев и кончая фабричными рабочими.

Но это объединение имело лишь формальный характер: в каждом кооперативе, по самому существу дела, получали преобладание лица тех общественных классов, интересам которых эти кооперативы наиболее соответствовали. Так, в народных банках решительно преобладали мелкие торговцы и промышленники (а также, в меньшей степени, и мелкие сельскохозяйственные предприниматели). Что касается потребительских обществ, то долгое время они также были под преобладающим влиянием средних классов.

В это время германские потребительские общества не следовали рочдельским принципам и преследовали узкие цели удешевления предметов потребления. В них господствовал такой же мелкобуржуазный дух, как и в народных банках. Но так как потребительский интерес далеко уступает по своему значению для предпринимателя интересам его предприятия, то неудивительно, что потребительские общества, хотя и составляли одно из звеньев мелкобуржуазной кооперативной системы Шульце, играли в его союзе роль пасынка. И это тем более, что потребительские общества, несмотря на полное отсутствие в них каких-либо широких общественных целей, по самой своей природе плохо укладывались в эту систему. Ведь одной из главных, если не самой главной целью всей этой системы, Шульце признавал сохранение и укрепление средних классов общества. Между тем потребительские общества имеют неизбежную тенденцию вытеснять торгового посредника, влиятельнейшего представителя средних общественных классов. Торговые и промышленные предприниматели, интересам которых служили народные банки, игравшие господствующую роль в союзе Шульце, не могли поэтому не смотреть косо на своего собрата по союзу, который подрывал основы их благосостояния.

3. РАСКОЛ В КООПЕРАТИВНОМ ДВИЖЕНИИ ГЕРМАНИИ

Такое положение таило в себе зародыш раскола. Для потребительских обществ естественной общественной средой являются фабричные рабочие. Равнодушие германского пролетариата к потребительским обществам объяснялось особыми историче-

скими условиями германского рабочего движения, сосредоточившегося на политической борьбе. И рано или поздно, несмотря на все неблагоприятные идеологические влияния лассальянства и марксизма *, рабочие должны были пойти тем путем, который определялся их настоящими жизненными интересами.

И вот мы видим, что начиная с девяностых годов, когда отмена закона против социалистов дала возможность более нормального и мирного развития германского рабочего движения, в Германии начинает быстро расти уже пролетарская потребительская кооперация. Она вливается в то единственное русло, которое дала для нее германская жизнь,— в мелкобуржуазный союз Шульце.

Вместе с усилением в союзе пролетарского элемента начинается в пределах союза все более ожесточенная борьба между руководителями союза и пролетарскими потребительскими обществами. Правление союза опасалось рочдельского направления развития потребительской кооперации. Оно желало бы, чтобы потребительские общества ограничивались скромной задачей покупки нужных им товаров по оптовым ценам и перепродажи их своим членам; но оно решительно не сочувствовало образованию потребительскими обществами единого для всей страны общества оптовых закупок и возникновению самостоятельного производства объединенных потребителей.

Вместе с тем правление союза всячески препятствовало самостоятельному объединению потребительских обществ. Последние должны были, по мысли правления, быть объединены лишь постольку, поскольку они были наряду с другими кооперативами членами общего союза; при этом нужно иметь в виду, что в союзе представители потребительских обществ были в меньшинстве сравнительно с представителями мелкобуржуазной кредитной кооперации.

Все эти неблагоприятные условия не помешали росту пролетарской кооперации, очень быстро, несмотря на все препятствия, принявшей и в Германии ту самую форму, которая явилась залогом силы английской кооперации.

Центром нового потребительского движения становятся саксонские потребительские общества, среди членов которых огромным преимуществом пользовались фабричные рабочие.

Пока германские потребительские общества были в руках мелкобуржуазных элементов, они слабо развивались и были неспособны перейти на высшую ступень — к собственным оптовым операциям. К половине семидесятых годов общее число членов потребительских обществ Германии достигало лишь 90 тыс. чел., а к половине восьмидесятых годов это число возросло только до 120 тыс. Попытки создать общество оптовых закупок оканчивались неудачей потому, что потребительские общества боялись рисковать своим капиталом.

Все это было вполне естественно: потребительское общество из среды средних классов неспособно ни к какому крупному предприятию на новых началах, так как такое предприятие неизбежно сопряжено с известным риском. Пролетарское общество не боится риска потому, что оно преследует более широкие цели, а не только свои узкие хозяйственные выгоды.

С половины восьмидесятых годов и особенно с начала девяностых в Германии начинает расти пролетарская потребительская кооперация. Это сопровождается и быстрым ростом числа членов потребительских обществ. К половине девяностых годов это число достигает уже 300 тыс. чел., а в настоящее время приближается к трем миллионам. Рост этот был создан преимущественно приливом в потребительские общества пролетариата.

Вместе с этим изменением классового состава потребительских обществ стало изменяться общее направление их хозяйственной деятельности.

Уже давно потребительские общества делали попытки объединиться вне рамок союза Шульце. Союз относился к таким попыткам очень враждебно, он стремился объединить в своих рамках все кооперативное движение Германии и, таким образом, подчинить своему влиянию и обезвредить с точки зрения интересов средних классов пролетарскую кооперацию.

Все попытки создать общество оптовых закупок встречали самое горячее сопротивление Шульце под предлогом трудной осуществимости такого предприятия. Но истинный смысл сопротивления Шульце лучше всего выражен был в его органе «Blätter für Genossenschaftswesen» при обсуждении одного подобного проекта. «Централизация закупок,— заявлялось в этом органе,— если бы и была осуществима, может быть желательна только как последствие социалистического государства, но противоречит духу германской кооперации».

Действительно, образование общества оптовых закупок противоречило духу мелкобуржуазной кооперации, выразителем которой был Шульце.

В конце концов благодаря усилиям главным образом саксонских пролетарских потребительских обществ общество оптовых закупок все же возникло в 1894 г. в Гамбурге. Быстрый успех этого общества был лучшим доказательством неосновательности всех опасений, которые высказывались правлением союза Шульце, точнее говоря, доказательством неискренности этих опасений.

Дальнейший рост пролетарской кооперации в пределах союза, проникнутого мелкобуржуазным духом, сделался в конце концов невозможным и привел к полному разрыву. Несмотря на то что пролетарские потребительские общества не находились ни в какой связи с социал-демократической партией, которая продолжала сохранять по отношению к ним враждебную

позицию, правление союза навязывало этим потребительским обществам социал-демократические тенденции, что было равносильно доносу на них перед полицейскими властями.

Обвинения такого рода высказывались правлением союза совершенно официально. Так, например, в официальном издании союза «*Gahrbuch des allgemeinen Verbandes*» за 1902 г., в отчете секретаря союза Крюгера, встречаем по этому поводу следующие строки: «В кругах потребительских обществ нередко стараются доказать отсутствие какой бы то ни было связи между социал-демократической партией и новейшими потребительскими обществами. Для чего, однако, скрывать истину? Во влиятельных органах социал-демократии обнаруживается полнейшая перемена взглядов. Именно через посредство потребительских обществ социал-демократия надеется осуществить так называемое эволюционистское движение. Оставим в стороне вопрос о том, занимаются ли потребительские общества политикой... Правление союза должно занять определенную позицию по отношению к хозяйственному направлению этого движения. И правление не может одновременно соглашаться с теми воззрениями, которые имеют в виду коренное преобразование хозяйственного строя, повсеместную замену частнохозяйственных предприятий кооперативами, соглашаться с надеждами, что когда-либо вся хозяйственная жизнь сложится в одну кооперацию, и в то же время указывать кредитным товариществам, ремесленным кооперативам и т. п. пути и способы, посредством которых эти кооперативы могут стать опорой существующего хозяйственного строя. Совершенно ошибочно заключать из этого, что Всеобщий союз должен поэтому занять отрицательное положение по отношению к потребительским обществам вообще. И потребительские общества могут укладываться в рамки существующего хозяйственного строя и в качестве таковых работать рука об руку с другими кооперативами. Несовместимы с задачами Всеобщего союза цели тех потребительских обществ, которые стремятся к преобразованию существующего хозяйственного строя».

Подобные обвинения приводили к тому, что правительственные власти различных германских государств получили возможность ссылаться на официальные заявления руководителей Всеобщего союза в своих преследованиях рабочих потребительских обществ. Так, саксонское правительство основывалось на заявлениях Крюгера в записке, которой оно обосновывало проект подчинения потребительских обществ обычному торговому обложению.

Во всяком случае, Крюгер был прав, утверждая, что задачи союза были несовместимы с целями пролетарских потребительских обществ. В то время как эти общества боролись с торговыми посредниками и стремились вытеснить их кооперативной

организацией, союз стремился к укреплению и организации торгового капитала. На одном из съездов союза была принята резолюция, приглашавшая торговцев образовывать союзы для совместной закупки нужных им товаров. Иными словами, союз становился с полной откровенностью на сторону торгового капитала против потребительской кооперации.

Это не могло не вызвать взрыва негодования в кругах рабочих потребительских обществ. Но правление союза несколько не было смущено этим и продолжало с еще большей решительностью свою политику провоцирования потребительских обществ.

На конгрессе союза 1901 г. в Баден-Бадене была принята по предложению правления следующая резолюция относительно потребительских обществ: «Задачи потребительских обществ лежат в хозяйственной области: общества эти доставляют менее обеспеченным классам населения выгоды закупки предметов потребления в крупных размерах и могут, если условия этому благоприятствуют, удовлетворять потребности своих сочленов и при помощи собственного производства. Присоединения к этому иной более широкой хозяйственной деятельности, не связанной непосредственно с названными задачами, является нежелательным. Преследование политических целей прямо или косвенно и поддержание классовых или сословных организаций находятся в противоречии с задачами потребительских обществ».

Большинство представителей рабочих потребительских обществ высказалось за эту резолюцию, так как они также были сторонниками политического нейтралитета потребительских обществ.

Разрыв произошел на конгрессе в Крейцнахе в 1902 г.

Правление союза предложило исключить из союза целый ряд пролетарских потребительских обществ, и предложение это было принято значительным большинством членов конгресса. В прениях по этому поводу нашли яркое отражение принципиальные различия мнений обоих враждебных течений германской кооперации: пролетарского и мелкобуржуазного.

Что касается этого последнего, то его квалификация как мелкобуржуазного была принята самими его представителями. «Некоторые члены, — заявил секретарь союза Крюгер, — желали бы уничтожения существующего, так называемого капиталистического хозяйственного строя. Они называют шульце-деличевскую кооперацию мелкобуржуазной; я принимаю это наименование мелкобуржуазной кооперации и думаю, что мы можем испытывать только чувство гордости, если наши кооперативы называют мелкобуржуазными, ибо этим доказывается, что они служат интересам средних классов * и рабочих классов, что они желают уничтожить пропасть, которая лежит между сильными

и слабыми. Задача наших товариществ заключается в том, чтобы поднять общий уровень хозяйственного благосостояния».

В своей речи Крюгер заявил, что в союзе не место тем кооперативам, которые стремятся к уничтожению торговли и ремесла, стремятся к развитию кооперации не ради непосредственных выгод ее участников, а для «создания новой хозяйственной системы».

Что касается Крюгера, то он не только не считал желательным вытеснение потребительскими обществами торговых посредников, но, наоборот, хотел бы укрепления торговцев при помощи той самой организации, которую выдвинула кооперация посредством объединения торговцев в общества совместной закупки. «Следует, наконец, всем признать, что кооперативная организация есть новая форма торгового предприятия, пригодная как для потребителей, так и для торговцев. Действительно, мы замечаем теперь между торговцами стремление создавать союзы на кооперативной основе. Если эти круги желают извлекать все доступные им выгоды из кооперативной организации, то справедливо было бы, чтобы среди них прекратилась всякая агитация против той кооперации, которая считает себя самоцелью. Напротив, если они агитируют против тех потребительских обществ, которые заявляют: наша цель заключается в уничтожении торговли, то такая агитация естественна и неизбежна».

Крюгер был, безусловно, прав, когда настаивал на том, что в пределах союза нельзя было совместить два совершенно противоположных кооперативных течения, из которых одно стремится к поддержанию и укреплению средних классов общества, а другое направлено к уничтожению последних*.

Противоположное направление германской кооперации было представлено в конгрессе Рингом, Пеусом, Эльмом и др. Ринг указал, что Шульце-Делич не различал рабочих и ремесленников и что он не понимал сущности рабочего вопроса. Устранение торгового посредника неизбежно связано с самым фактом существования потребительских обществ, и потому всякий сторонник потребительских кооперативов является тем самым врагом торгового посредничества. То направление кооперативного движения, с которым борется правление союза, соответствует ходу экономического развития, и в этом его сила. «Мы, представители так называемого современного направления,— сказал Эльм,— стремимся к тому же, к чему стремятся и столь несовременные англичане, которых раньше так расхваливал Крюгер и стремления которых всегда одобрялись им, пока эти стремления не получили распространения в Германии; но как только оказалось, что в Германии делаются попытки направить развитие потребительских обществ по тому же руслу, как и в Англии, Крюгер выступил против нас и старался помешать

нам делать то же, что давно сделали в Англии. Это — факт, который не подлежит оспариванию».

Спор этот закончился исключением из Всеобщего союза пролетарских потребительских обществ. Хотя представители этих последних сделали все возможное, чтобы остаться в пределах союза, будущее показало, что противники их были совершенно правы, настаивая на их уходе. Действительно, совместное пребывание в одной организации представителей двух совершенно противоположных общественных течений было невозможно, и раскол был в интересах обеих сторон.

Глава II. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ

1. ХАРАКТЕРИСТИКА НАРОДНОГО БАНКА ШУЛЬЦЕ

Кредитная кооперация обслуживает нужды тех общественных классов, которые ведут самостоятельное хозяйство. Пролетариат не испытывает существенной нужды в кредитных кооперативах, так как наемный рабочий не ведет самостоятельного хозяйства. Поэтому кредитная кооперация существует преимущественно в двух формах — крестьянской и мелкобуржуазной кооперации.

Мелкобуржуазная кредитная кооперация получила наибольшее развитие в Германии, и на примере этой страны можно с наибольшей отчетливостью наблюдать естественные тенденции развития этого рода кооперации. В кооперативной теории Шульце кредитная кооперация играла самую скромную роль. Но в действительной жизни кредитная кооперация в форме ссудосберегательного товарищества явилась, как сказано, главным содержанием всего кооперативного движения, созданного Шульце.

Что же такое представляют собой по своей внутренней природе ссудосберегательные товарищества Шульце? Каким реальным целям они служат?

Характернейшим признаком кооператива нужно считать некапиталистическую цель данной организации. В то время как капиталистические предприятия стремятся к получению наибольшей прибыли на затраченный капитал, кооперативные предприятия имеют своей целью либо увеличение трудовых доходов своих членов, либо сокращение расходов последних на их потребительские нужды. Крестьянские кредитные товарищества райффейзеновского типа являются несомненными кооперативами, так как капиталистических целей они не преследуют и преследовать не могут, ибо они почти не имеют или совсем не имеют паевого капитала. Задача их сводится к доставлению

членам товарищества кредита на возможно более выгодных условиях, т. е. по возможно более низкому проценту. Никаких капиталистических доходов они давать не могут.

Иное нужно сказать о ссудосберегательных товариществах Шульце. По самой своей природе они имеют двойственный характер. Правда, они преследуют и те цели, которые ставят себе кредитные товарищества райффейзеновского типа: они стремятся к доставлению своим сочленам наиболее дешевого кредита. Но к этой цели кредитные организации, созданные Шульце, прибавляют и другую, совершенно противоположную — обеспечить своим пайщикам возможно больший дивиденд на пайщицкий капитал.

Поскольку организации этого рода стоят на почве первой задачи, они являются кооперативами; поскольку же они преследуют цели второго рода, они ничего общего с кооперацией не имеют и должны быть причислены к организациям капиталистическим.

Эта двойственность целей знаменует собой двойственность и внутренней природы кредитных организаций Шульце. В состав шульцевского народного банка входят члены с существенно различными хозяйственными интересами: одни ищут наиболее выгодного помещения своего капитала, другие — дешевого кредита.

По поводу «погони за дивидендом» шульцевских кредитных организаций велась долготетняя полемика между Шульце и Райффейзенем, упрекавшим Шульце, что его товарищества преследуют капиталистические цели. И конечно, в этом споре был прав Райффейзен.

Правда, сам по себе принцип паевого капитала не противоречит сущности кооперации. Почти все кооперативы, кроме райффейзеновских кредитных товариществ, имеют паевой капитал. Однако между паевым капиталом шульцевского кредитного товарищества и паевым капиталом других кооперативов имеется существенное различие.

Паевой капитал в других кооперативах появляется вследствие невозможности для этих кооперативов привлечь в свое предприятие необходимый для функционирования последнего капитал иначе, как в форме паевого капитала. Но паевой капитал этих кооперативов не имеет ничего общего с паевым капиталом капиталистических предприятий.

В капиталистических предприятиях весь чистый доход предприятия разверстывается пайщиками пропорционально паям каждого. Напротив, пайщики кооператива получают лишь определенный (по возможности более низкий) процент на свой капитал; чистый же доход предприятия разверстывается не пропорционально паям, а пропорционально тому участию, которое каждый член принимает в оборотах кооператива: в потреби-

тельских обществах остаток за покрытием всех расходов разверстывается между покупателями пропорционально закупкам каждого, в кооперативах по сбыту — пропорционально поставленному каждым товару и т. д.

Таким образом, пайщицкий капитал кооператива аналогичен той доле капитала капиталистического предприятия, которая получена предприятием в кредит. Если взять акционерную компанию, то пайщицкий капитал кооператива аналогичен не акционерному, а облигационному капиталу.

Напротив, в ссудосберегательном товариществе Шульце паевой капитал вполне аналогичен паевому капиталу капиталистического предприятия: на паевой капитал начисляется не определенный, возможно более низкий процент, но дивиденд, величина которого измеряется в зависимости от чистого дохода товарищества. Дивиденд ссудосберегательного товарищества принципиально ничем не отличается от дивиденда акционерной компании, и, значит, паевой капитал народного банка Шульце аналогичен не облигационному, а акционерному капиталу акционерной компании.

Чтобы быть действительно кооперативом, ссудосберегательное товарищество должно было бы распределять свой чистый доход не пропорционально паям, а пропорционально тому, в какой мере члены товарищества содействовали его оборотам, пользовались его услугами, — пропорционально количеству полученного каждым кредита. Это было бы кооперативным распределением чистого дохода, между тем как то распределение, которое практикуется народными банками, характерно для капиталистических, а не кооперативных предприятий.

Итак, уже основные принципы устройства ссудосберегательного товарищества сближают его с капиталистическим предприятием. Неудивительно, что ссудный процент в ссудосберегательных товариществах Шульце стоит сравнительно на высоком уровне.

Вначале, пока эти товарищества не накопили своего собственного значительного капитала, ссудный процент был даже очень высок. Так, по сообщению самого Шульце, его народные банки вначале ввели обычно $14\frac{1}{3}$ годового процента со своих клиентов, причем этот огромный процент распределялся следующим образом: 5 % шли на уплату процентов по капиталам, помещаемым в товариществе лицами, ему посторонними, 3 % шли на покрытие расходов по управлению товариществом, остальное же шло на дивиденд пайщикам, что могло составить очень крупный дивиденд, принимая во внимание, что пайщицкий капитал был значительно ниже чужих капиталов, которыми работало товарищество.

Правда, с течением времени ссудный процент в шульцевских товариществах был значительно понижен, в шестидесятых годах

он спустился до 8 %, а теперь обычно колеблется между 5 и 7 %. Но нужно иметь в виду, что ссудосберегательные товарищества Шульце являются очень хорошо организованными кредитными учреждениями. Кредитная из 5—7 %, народные банки имеют возможность по-прежнему выдавать внушительные дивиденды своим пайщикам. Большинство товариществ выдает дивиденд в размере 5—8 % паевого капитала, но некоторые выдают дивиденд в размере 10—12 % и даже выше.

Точно так же и служба членом правления шульцевских народных банков оплачивается по обычной капиталистической расценке, что является разительным контрастом с действительно кооперативной организацией райффейзеновских товариществ, в которых труд членом правления и совета принципиально совсем не оплачивается.

Пойдем дальше. Истинный кооператив ведет свои операции со своими членами, а не с посторонними лицами. Так, в райффейзеновском товариществе кредит получают только члены. Напротив, шульцевские народные банки с самого своего возникновения вели значительные операции с лицами, не принадлежавшими к составу членом. Операции с нечленами привели многие народные банки к крушению в семидесятые годы прошлого столетия благодаря финансированию дутых предприятий, отчего страдают и обыкновенные банки.

В семидесятые годы погибло немало более крупных и богатых народных банков, ближе всего подходивших по своим операциям к обычным банкам, как, например, народные банки в Дрездене (в 1873 г.), в Дюссельдорфе (в 1875 г.), в Штутгарте (в 1885 г.), в Россвейне, Лейбусе и многих других городах. Особенное значение имело крушение Дюссельдорфского ссудосберегательного товарищества, которое Цейдлер, автор известной истории германской кооперации, называет «величайшим несчастьем, которое когда-либо постигало германскую кооперацию». И действительно, в результате этого крушения 22 народных банка рейнских провинций ликвидировали свои дела в качестве ссудосберегательных товариществ и приняли форму акционерных банков.

И по размерам паев кредитные организации Шульце не очень далеко отстоят от небольших капиталистических банков. При этом замечается, что с течением времени сумма паевого капитала, приходящегося на одного пайщика, быстро возрастает. Так, например, в 1903 г. в товариществах, входивших в состав Всеобщего союза Шульце, на одного члена приходилось 276 марок паевого собственного капитала, в 1908 г. уже — 336 марок.

Кооператив предполагает деятельное участие членом в управлении делом. Напротив, в народных банках Шульце большинство членом так же индифферентно относится к общему

делу, как и большинство акционеров в акционерном предприятии. Общие собрания бывают, как общее правило, только раз в год, причем и это годовое собрание посещается очень плохо, на что обычно жалуются правления. Мало этого, большое число членов народных банков (среднее число членов на один такой банк достигало в 1912 г. 661 чел., а во многих банках число членов достигает несколько тысяч человек) приводит к тому, что общее собрание членов заменяется собранием уполномоченных. При таком порядке связь между рядовым членом и общим предприятием еще ослабевает и от «кооперативного духа» не остается почти ничего. Всем фактически управляет небольшая группа руководителей совершенно так же, как и в обычных капиталистических товариществах.

Точно так же и операции народных банков очень мало отличаются от обычных банковых операций. Главнейшими активными операциями их являются контокоррентный кредит и учет векселей. Ссуды под долговые расписки членов практикуются в ничтожных размерах; ссуды под векселя более распространены, но все же уступают чистокапиталистическим формам кредита. При самом возникновении народных банков преобладали некапиталистические формы кредита, теперь же замечается обратное:

Открытый народными банками кредит (марок)

	1880 г.	1912 г.
Под векселя	550,3	1103,2
Под долговые расписки	100,5	225,9
Учет векселей	299,2	1268,1
Ипотечный кредит	9,0	158,9
Контокоррентный кредит	488,4	2286,6
Итого	1447,2	4984,8

Учет векселей и контокоррентный кредит являются важнейшими кредитными операциями капиталистических коммерческих банков. Поскольку народные банки являются организациями некапиталистического кредита, для них характерен преимущественно кредит под долговые расписки. И мы видим, какое ничтожное значение имеет эта операция в балансах народных банков; в 1880 г. она составляла всего 0,7 % всех кредитных операций этих банков, а с 1912 г.— даже менее 0,5 %. Напротив, учет векселей и контокоррент составляли в 1880 г. 55 % всех операций, а в 1912 г.— уже свыше 70 %.

Что касается величины открываемого народными банками кредита, то об этом дают представление нижеследующие данные:

он спустился до 8 %, а теперь обычно колеблется между 5 и 7 %. Но нужно иметь в виду, что ссудосберегательные товарищества Шульце являются очень хорошо организованными кредитными учреждениями. Кредитуя из 5—7 %, народные банки имеют возможность по-прежнему выдавать внушительные дивиденды своим пайщикам. Большинство товариществ выдает дивиденд в размере 5—8 % паевого капитала, но некоторые выдают дивиденд в размере 10—12 % и даже выше.

Точно так же и служба членов правления шульцевских народных банков оплачивается по обычной капиталистической расценке, что является разительным контрастом с действительно кооперативной организацией райффейзеновских товариществ, в которых труд членов правления и совета принципиально совсем не оплачивается.

Пойдем дальше. Истинный кооператив ведет свои операции со своими членами, а не с посторонними лицами. Так, в райффейзеновском товариществе кредит получают только члены. Напротив, шульцевские народные банки с самого своего возникновения вели значительные операции с лицами, не принадлежавшими к составу членов. Операции с нечленами привели многие народные банки к крушению в семидесятые годы прошлого столетия благодаря финансированию дутых предприятий, отчего страдают и обыкновенные банки.

В семидесятые годы погибло немало более крупных и богатых народных банков, ближе всего подходивших по своим операциям к обычным банкам, как, например, народные банки в Дрездене (в 1873 г.), в Дюссельдорфе (в 1875 г.), в Штутгарте (в 1885 г.), в Россвейне, Лейбусе и многих других городах. Особенное значение имело крушение Дюссельдорфского ссудосберегательного товарищества, которое Цейдлер, автор известной истории германской кооперации, называет «величайшим несчастьем, которое когда-либо постигало германскую кооперацию». И действительно, в результате этого крушения 22 народных банка рейнских провинций ликвидировали свои дела в качестве ссудосберегательных товариществ и приняли форму акционерных банков.

И по размерам паев кредитные организации Шульце не очень далеко отстоят от небольших капиталистических банков. При этом замечается, что с течением времени сумма пассивного капитала, приходящегося на одного пайщика, быстро возрастает. Так, например, в 1903 г. в товариществах, входивших в состав Всеобщего союза Шульце, на одного члена приходилось 276 марок паевого собственного капитала, в 1908 г. уже — 336 марок.

Кооператив предполагает деятельное участие членов в управлении делом. Напротив, в народных банках Шульце большинство членов так же индифферентно относится к общему

делу, как и большинство акционеров в акционерном предприятии. Общие собрания бывают, как общее правило, только раз в год, причем и это годовое собрание посещается очень плохо, на что обычно жалуются правления. Мало этого, большое число членов народных банков (среднее число членов на один такой банк достигало в 1912 г. 661 чел., а во многих банках число членов достигает несколько тысяч человек) приводит к тому, что общее собрание членов заменяется собранием уполномоченных. При таком порядке связь между рядовым членом и общим предприятием еще ослабевает и от «кооперативного духа» не остается почти ничего. Всем фактически управляет небольшая группа руководителей совершенно так же, как и в обычных капиталистических товариществах.

Точно так же и операции народных банков очень мало отличаются от обычных банковских операций. Главнейшими активными операциями их являются контокоррентный кредит и учет векселей. Ссуды под долговые расписки членов практикуются в ничтожных размерах; ссуды под векселя более распространены, но все же уступают чистокапиталистическим формам кредита. При самом возникновении народных банков преобладали некапиталистические формы кредита, теперь же замечается обратное:

Открытый народными банками кредит (марок)

	1880 г.	1912 г.
Под векселя	550,3	1103,2
Под долговые расписки	100,5	225,9
Учет векселей	299,2	1268,1
Ипотечный кредит	9,0	158,9
Контокоррентный кредит	488,4	2286,6
Итого	1447,2	4984,8

Учет векселей и контокоррентный кредит являются важнейшими кредитными операциями капиталистических коммерческих банков. Поскольку народные банки являются организациями некапиталистического кредита, для них характерен преимущественно кредит под долговые расписки. И мы видим, какое ничтожное значение имеет эта операция в балансах народных банков; в 1880 г. она составляла всего 0,7 % всех кредитных операций этих банков, а с 1912 г.— даже менее 0,5 %. Напротив, учет векселей и контокоррент составляли в 1880 г. 55 % всех операций, а в 1912 г.— уже свыше 70 %.

Что касается величины открываемого народными банками кредита, то об этом дают представление нижеследующие данные:

Высшие размеры кредита на одно лицо

		Высший кредит	
В 40 народных банках Берлина и окружаю- щих местностей	1 банк	500 000 марок и выше	
	5 банков	200 000 »	»
	7 банков	100 000 »	»
	4 банка	50 000 »	»
	9 банков	20 000 »	»
	8 »	10 000 »	»
	6 »	ниже 10 000 марок	
В 63 банках среднего Рейна	1 банк	300 000 марок и выше	
	2 банка	200 000 »	»
	8 банков	100 000 »	»
	8 »	50 000 »	»
	18 »	20 000 »	»
	14 »	10 000 »	»
	12 »	ниже 10 000 марок	

Не говоря уже о кредите в 500 000 марок или 400 000 и 300 000 марок на одно лицо, даже кредит в 10 000 марок на одно лицо не может считаться мелким кредитом. Но, как видно из приведенных данных, почти все народные банки практикуют кредит свыше 10 000 марок на одно лицо; иными словами, почти все шульцевские ссудосберегательные товарищества являются учреждениями не только мелкого кредита.

В то время как кредитные товарищества райффейзеновского типа неизбежно требуют для своего успеха центральных учреждений, объединяющих в себе обширные группы этих товариществ, шульцевские народные банки только в очень ограниченной степени испытывают потребность в таком объединении. Правда, в первое время, пока они были слабы и с трудом находили поддержку у обычных банков, потребность в создании объединяющего центра все же чувствовалась ими и повела к созданию в 1865 г. Немецкого кооперативного банка Зергеля, Паризиуса и К°, который являлся командитным товариществом на акциях*. Акционерный капитал этого банка первоначально выражался очень скромной цифрой в 270 000 талеров, но постепенно по мере развития народных банков возрастал и в конце концов был доведен до 36 млн. марок.

Однако, несмотря на свое название, банк этот далеко не был всецело созданием народных банков: с самого начала последние владели лишь двумя третями его акций, а по мере увеличения его оборотов доля капитала, принадлежавшая шульцевским товариществам, значительно сократилась. Товарищества эти обнаруживали чем дальше, тем меньше интереса к их общему банку, и последний стал все более и более принимать характер обычного акционерного банка. Это повело к тому, что Немецкий кооперативный банк безнадежно запутался в разных рискованных спекуляциях и в конце концов

должен был ликвидировать свои операции в связи с кризисом, вызванным крушением Лейпцигского банка в 1900 г.

Дальнейшая судьба этого банка была весьма своеобразна. Ликвидацией его дела занялся Дрезденский коммерческий банк, и Немецкий кооперативный банк перестал существовать как самостоятельное банковское учреждение. Функции центрального учреждения, объединяющего шульцевские народные банки, стал исполнять Дрезденский коммерческий банк, который для этой цели открыл в своих филиальных отделениях особые кооперативные отделы.

Дрезденский банк является одним из крупнейших капиталистических банков Германии. Взявши на себя задачу обслуживать нужды шульцевских ссудосберегательных товариществ, он ввел в состав своих органов управления многих выдающихся деятелей шульцевских организаций, в том числе и председателя Всеобщего союза Крюгера. Неожиданное поглощение Немецкого кооперативного банка обычным капиталистическим не вызвало, по-видимому, никакого неудовольствия среди руководителей шульцевских организаций, и эти последние вполне примирились с создавшимся новым положением дел.

Таким образом, в настоящее время положение шульцевских кредитных учреждений таково: сами себя они признают кооперативами и в некоторых отношениях, действительно, приближаются к таковым. Но во главе всех этих «кооперативов» стоит объединяющий их уже вполне капиталистический и ничего общего с кооперацией не имеющий Дрезденский банк, принадлежащий к типу капиталистических банковых колоссов.

Впрочем, Дрезденский банк большой роли в деятельности народных банков не играет, потому что банки эти вообще не испытывают значительной потребности в объединяющем центре. Большинство из них стоит настолько прочно, что легко получает нужный кредит из любого банка, подобно всякому другому солидному кредитному учреждению. Отчасти же тут действовала и действует и иная причина: и сам Шульце и его преемники по руководительству Всеобщим союзом всегда относились с известным опасением к тесному хозяйственному объединению отдельных народных банков, опасаясь, чтобы такое объединение не привело к ослаблению самостоятельности этих последних. В данном случае Шульце стоял вполне последовательно на почве экономического либерализма, идеологией которого он был всегда проникнут.

2. РАЗВИТИЕ НАРОДНЫХ БАНКОВ

Обратимся теперь к цифровым данным относительно развития народных банков:

Год	Число народных банков	Число членов в них
1859*	80	18 676
1865	498	165 595
1870	740	314 656
1875	815	418 251
1880	906	460 656
1885	896	458 080
1890	1072	518 003
1896	1068	525 748
1900	870	511 061
1905	921	539 993
1912	957	632 480

* Год основания Всеобщего союза.

Мы видим, что в шестидесятых годах число шульцевских кредитных организаций быстро растет, равно как и число членов в них. Рост этот продолжается, хотя и несколько замедленным темпом, вплоть до начала девяностых годов. За десятилетие девяностых годов наблюдается падение и числа народных банков, и количества членов в них. Затем возобновляется рост того и другого, но очень незначительный: в 1912 г. число народных банков оказывается более низким, чем в 1890 г.

Отсюда ясно, что народные банки Шульце в противоположность райффейзеновским кредитным товариществам уже пережили период своего наибольшего расцвета, который приходится на семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия. Теперь народные банки утрачивают свое бывшее значение, в особенности, если мы будем сравнивать развитие их с ростом других кооперативных организаций. Чем же вызван этот относительный, а отчасти и абсолютный упадок народных банков?

Ответ звучит несколько парадоксально: упадок народных банков вызван их выдающейся хозяйственной успешностью. Именно потому, что народные банки оказались вполне жизнеспособными хозяйственными организациями, они и стали сокращаться в своей численности. Сокращение численности их есть результат не плохого, а хорошего ведения дел: народные банки сходят со сцены не путем ликвидации их как неудачных хозяйственных предприятий, а путем превращения их в высшую для них форму — акционерных капиталистических банков.

Поворотным пунктом в истории этих банков является 1890 г. Что же произошло в этом году? В 1889 г. был издан в Германии новый кооперативный закон, запретивший кооперативным

организациям операции с нечленами. Эта статья нового закона дала сильный толчок к развитию большинства германских кооперативов: запрещение операций с нечленами побудило этих нечленов войти в состав кооперативов. Совершенно иначе отозвалась она на народных банках. Так как народные банки имели и имеют мало общего с кооперативами, то операции с нечленами имели для них жизненное значение, и притом с такими нечленами, которые ни в каком случае не вошли бы в состав членов народного банка, принадлежа к классу крупных капиталистов и отнюдь не нуждаясь в услугах этого рода организаций. Капиталистические клиенты народных банков могли найти кредит в других банках, если народный банк отказывал им в кредите.

Поэтому после издания нового кооперативного закона многие из народных банков предпочли отказаться от кооперативной формы для того, чтобы сохранить свою истинную сущность учреждений обычного капиталистического кредита.

Впрочем, не нужно и преувеличивать значение закона 1889 г.: превращение народных банков в акционерные было только ускороено новым законом, но более глубокие причины этого процесса были заложены в самой сущности кредитной организации, созданной Шульце. Своеобразный ход развития народных банков от кооператива к капиталистическому предприятию был неизбежен, как доказал Р. Финк, автор монографии «Das Schulze-Delitzsch'sche Genossenschaftswesen».

Совершенно так же, как Финк, характеризуют этот процесс и другие исследователи: «Благодаря развитию операций с векселями, шульце-деличевские кредитные товарищества, — говорит, например, Герц в своей работе о банках в Пфальце, — достигли в Пфальце того, что они стали выполнять все функции обычного банка. Неудивительно, что некоторые из этих товариществ, сильно выросшие благодаря успехам в Пфальце торговли и промышленности, перешли под влиянием внешних обстоятельств, а более под влиянием стремления к полному обнаружению своих внутренних сил, к более свободной форме акционерных товариществ. Когда именно совершался этот переход, это зависело существенным образом от отношения к данному вопросу руководителей народных банков. Различные товарищества указывали различные основания для такого перехода. Промышленный банк в Шпейсере и народный банк в Ландау выставляли как основание введенное новым законом ограничение круга клиентов банка только членами. Людвигсгафенский народный банк (впоследствии Пфальцский банк) указывал на желание отказаться от неограниченной ответственности. Но действительное, частью высказываемое, частью не высказываемое основание для таких превращений заключалось в расширении операций этих кредитных учреждений».

Совершенно такой же характер имел ход развития шульцевской кредитной кооперации и в других местностях Германии. Так, Шрейбер в работе о саксонских банках, сообщает:

«Из 33 местных акционерных банков, имевшихся в Саксонии в 1892 г., только 6 возникли самостоятельно, все же остальные развились из ссудосберегательных товариществ путем превращения их в акционерные общества. В начале восьмидесятых годов в Саксонии возникла усиленная агитация в пользу законодательного разрешения товариществ переходить к ограниченной ответственности. Так как издание соответствующего закона замедлилось, а руководители германской кооперации не обнаруживали сочувствия такому изменению закона, то с половины восьмидесятых годов начались в большом числе переходы товариществ в акционерные компании. Однако страх перед неограниченной ответственностью был только внешним предлогом для таких переходов, внутренняя же причина последних заключалась в развитии самих товариществ. Хорошо руководимые товарищества в сущности переросли рамки товарищеской формы; они приняли характер настоящих банков и в то же время уже давно вели операции не только со своими членами. Начало к этим переходам положил в 1886 г. Лейзницкий банк; в следующем году последовали переходы крупных банков в Пирне и Фрейберге. Последний толчок был дан новым кооперативным законом 1889 г. Правда, закон этот разрешил ссудосберегательным товариществам переходить к ограниченной ответственности, но при таких ограничительных условиях, которые были неприемлемы для товариществ, принявших характер настоящих банков. За время 1889—1891 гг. не менее 19 товариществ приняли форму акционерных компаний, в том числе из более крупных банков теперешний Лебауский, Цвиккауский, Фогтлэндский и др. банки».

Велика тяга ссудосберегательных товариществ к акционерной форме: за 1889—1905 гг. 161 шульцевский народный банк превратились в обычные акционерные банки.

Мало-помалу различие между народным банком и капиталистическим банком делается все менее и менее чувствительным. Это сказалось и в том, что Всеобщий союз шульцевских кооперативов постепенно стал включать в себя и акционерные банки. Уже в 1874 г. по предложению самого Шульце Бременский съезд союза постановил, что в союзе могут оставаться те товарищества, которые приняли акционерную форму.

На Кольбергском съезде прошло постановление еще более важного принципиального значения, а именно было постановлено, что в союз могут вступать и те акционерные банки, которые никогда не были ссудосберегательными товариществами. Согласно новому уставу союза, принятому в 1891 г., в союзе могут принимать участие акционерные общества, но лишь

с особого согласия в каждом отдельном случае общего съезда. Правда, число акционерных обществ, принимающих участие в союзе, невелико — немногим более десятка, но с принципиальной стороны участие это имеет большое значение: оно воочию обнаруживает, что шульцевские кооперативы чувствуют себя внутренне близкими к капиталистическим товариществам, гораздо более близкими, чем к пролетарским кооперативам, которые были против своего желания исключены из союза в 1902 г.

Выше было указано, что шульцевская мелкобуржуазная кооперация пережила период своего наибольшего расцвета в семидесятые — восьмидесятые годы прошлого века. Действительно, именно в это время народные банки пользовались наибольшим влиянием в германском кооперативном движении: городская кооперация вмещалась почти целиком в рамки основанного Шульце Всеобщего союза. Затем положение начинает изменяться: рядом с мощной деревенской кооперацией, которая вела свое начало от Райффейзена и никогда не сливалась с мелкобуржуазной кооперацией Шульце, начинает делать быстрые успехи и пролетарская кооперация. Что же касается народных банков, то эти организации начинают сокращаться в числе благодаря превращению значительной части их в акционерные банки, новые же народные банки почти перестают возникать после восьмидесятых годов прошлого века.

Однако этот застой шульцевской кредитной кооперации не нужно понимать в том смысле, что народные банки приостановили развитие своих операций. Наоборот, прекращение роста их числа сопровождалось чрезвычайным расширением их операций и вообще улучшением хозяйственной постановки всего дела. Именно после 90-х годов многие из этих товариществ достигают до уровня благоустроенного капиталистического банка.

Современное хозяйственное положение шульцевских товариществ в полном смысле слова блестяще, и по своей хозяйственной силе они далеко оставляют позади себя истинную кредитную кооперацию, которая в Германии представлена райффейзенскими товариществами.

Год	Товарищества Всеобщего союза Шульце		Год	Товарищества Имперского союза (крестьянские)	
	Открытые кредиты в среднем на 1 товарищество	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество		Оборот в среднем на 1 товарищество	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество
	В тыс. марок			В тыс. марок	
1890	1531	135,7	1892	189	7,5
1900	2617	204,8	1900	171	4,8
1912	5230	344,1	1911	418	6,7

С 1890 г. собственный капитал шульцевского товарищества возрос в среднем более чем в два с половиной раза, а сумма открываемого таким товариществом кредита возросла в три с половиной раза. Напротив, райффейзеновский кредитный кооператив, хотя и развил свои обороты в среднем более чем в два раза, не только не увеличил своих капиталов, но стал еще беднее капиталом благодаря тому, что новые кооперативы этого типа, быстро возросшие в своем числе, не имели времени скопить капиталы.

В то время как райффейзеновские товарищества кредитуют только в ничтожной мере своим собственным капиталом, а почти исключительно чужим, шульцевские народные банки имеют столько собственного капитала, что почти на одну треть кредитуют своим собственным капиталом.

Рост оборотов шульцевского товарищества при отсутствии соответствующего роста числа членов является, по справедливому указанию Финка, лучшим доказательством, что товарищество, это все более принимает капиталистический характер. Одновременно с этим вся шульцевская кооперация все более и более утрачивает связь с кооперативным движением в Германии.

Всеобщий союз, основанный Шульце, ведет в настоящее время борьбу на два фронта. С одной стороны, он сохраняет свою прежнюю враждебность к пролетарской кооперации, зародившейся в недрах самого союза и исключенной из него в 1902 г., с другой стороны, союз относится резко отрицательно и к государственному вмешательству в кооперацию, которое нашло выражение в деятельности Прусской центральной кассы, основанной в 1895 г.

От деятельности Прусской кассы руководители Всеобщего союза не ожидали ничего хорошего для германской кооперации. При обсуждении в прусском ландтаге соответствующего законопроекта против него решительно высказались представители свободномыслящей партии Шенк и Рихтер. Точно так же и на съезде Всеобщего союза в том же году была принята резолюция, рекомендующая шульцевским товариществам не вступать ни в какие сношения с Прусской кассой, причем Шенк указал, что и без помощи Прусской кассы шульцевские товарищества без труда находят требуемый им кредит, к государственному же банку товарищества эти не могут не относиться враждебно. «Ибо мы,— сказал Шенк,— убеждены, что вмешательство государства в кооперацию может только повредить кооперативному движению Германии, мы же остаемся по-прежнему при своих принципах самопомощи, самодеятельности и собственной ответственности».

Такое же враждебное отношение к Прусской кассе Всеобщий союз сохраняет и до настоящего времени. II, конечно, руково-

дители союза правы, указывая, что шульцевские товарищества не нуждаются в государственном кредите, они слишком сильны, чтобы испытывать нужду в такой помощи. Напрасно только деятели Всеобщего союза говорят это от имени всей германской кооперации, которая по своему внутреннему строю не имеет с шульцевскими товариществами почти ничего общего и которая далеко не может находить с такой легкостью нужную ей финансовую поддержку у капиталистических банков, как народные банки.

Таким образом, принципы Всеобщего союза встречают все менее отклика в различных направлениях германской кооперации. И это понятно. Пролетарская кооперация идет совсем другим путем, предуказанным еще рочдельскими пионерами. В крестьянской кооперации господствует райффейзеновское течение, относящееся без всякой враждебности к помощи государства. Что же касается мелкобуржуазной среды, среди которой возникла шульцевская кооперация, то и эта среда является менее благодарной почвой для движения, связанного с именем Шульце, чем она была пятьдесят лет тому назад.

Дело в том, что народные банки Шульце удовлетворяли насущной экономической потребности в пятидесятые — шестидесятые годы прошлого века. Пока в стране не было густой сети обычных капиталистических банков, получение кредита даже для более зажиточных слоев мелкой буржуазии было сопряжено с большими трудностями. Историческая роль шульцевских кредитных учреждений заключалась в том, что они явились первыми организациями, при помощи которых кредит стал доступен для мелкой буржуазии. Но чем более разрасталась сеть обычных капиталистических банков с их бесчисленными отделениями, разбросанными по всей стране, тем менее чувствовалась потребность в особых кредитных учреждениях для мелкой буржуазии.

Современный народный банк естественным ходом своей внутренней эволюции все более и более приближается к капиталистическому банку. Но если так, если имеются обычные банки, которые по своему капиталу несравненно сильнее шульцевских и которые в то же время при ожесточенной конкуренции между ними принуждены всюду искать своих клиентов и очень охотно берут на себя обслуживание кредитом тех общественных слоев, которые составляют главную силу народных банков, то для чего нужны эти последние? Конечно, обычные банки не могут кредитовать своих клиентов под долговые расписки, в чем заключалась первоначальная функция шульцевских кредитных учреждений. Но ведь в настоящее время народные банки почти не исполняют этой операции. Для капиталистического кредита — дисконта векселей* и контокоррента —

капиталистический банк является более подходящим учреждением, чем народный банк.

Вот это-то обстоятельство и задержало распространение народных банков. Чем более они сближались внутренне с капиталистическими банками, тем менее чувствовалась потребность в особых кредитных учреждениях для мелкой буржуазии. Дрезденский коммерческий банк превратил прежний центральный банк шульцевских кооперативов в свое собственное отделение к выгоде самих кооперативов. Точно так же поглощение того или иного ссудосберегательного товарищества обычным банком ни малейшим образом не сокращает возможности получения кредита для экономически более сильных клиентов этих банков.

Конечно, для более слабых общественных элементов, продолжающих принимать участие в ссудосберегательных товариществах, обычный капиталистический банк остается по-прежнему недоступен. Те двести миллионов марок, которые ссудосберегательные товарищества выдают в ссуду под долговые расписки, не могли быть выданы обычными банками. Но ведь эти двести миллионов марок составляют ничтожную долю оборотов народных банков.

Более слабые шульцевские товарищества не страдают от конкуренции капиталистических банков: операции этих товариществ не представляют собой ничего заманчивого для обычных банков и не могут исполняться этими последними. Но процветающие ссудосберегательные товарищества уже сами являются банками, и конкуренция обычных банков чувствуется ими очень сильно. Поэтому для таких товариществ открыты, по-видимому, только два пути — или превращения в капиталистический банк, или поглощения этими последними.

Этого не могут вполне отрицать и руководители шульцевской кооперации. В одной из недавних брошюр председателя Всеобщего союза Крюгера мы встречаем, например, следующее характерное признание.

«С глубокой переменой хозяйственных отношений изменилось и положение кредитных товариществ в хозяйственной жизни. В течение десятилетий они могли рассматривать как свою собственную область удовлетворение потребностей в кредите мелкого и среднего промышленника и даже известной части крупной промышленности и торговли. Теперь положение иное. Для кредитных товариществ возникли сильные конкуренты в лице банков, и с этой конкуренцией кредитные товарищества должны считаться в своих операциях, чтобы не утратить лучшей части своих клиентов и чтобы не пострадать в своих оборотах, что, конечно, не соответствует интересам торговли, промышленности и сельского хозяйства».

Однако Крюгер успокаивает себя следующим соображением:

«В настоящее время является праздным вопрос, не окажутся ли для кредитных товариществ с течением времени опасными концентрация крупных банков и расширение сети их отделений по всей стране. Для ближайшего будущего потребность в кредитных товариществах не прекратится, и для отдельных областей, в их отношении к центрам, было бы невыгодно, если бы независимые ныне кредитные организации утратили свою самостоятельность. Это было бы такой концентрацией, которая причинила бы серьезный ущерб хозяйственному развитию отдельных районов».

Все это очень и очень неубедительно. Нисравненно трезвее смотрит на вещи Финк, приходящий на основании тщательного исследования условий развития шульцевской кооперации к следующим заключениям:

«Где современное банковое дело достигло своего полного развития, там кредитное товарищество (шульцевское.— *М. Т.-Б.*) должно отойти в сторону. Но где современные банки еще не укоренились— в маленьких городах и отдаленных, мало заселенных местностях,— там шульце-деличевское кредитное товарищество сохраняет все свое былое значение. Большинство шульце-деличевских кредитных товариществ еще удовлетворяет своему прежнему назначению, но та тенденция развития, которая выражается в наиболее преуспевающих шульце-деличевских кредитных товариществах, и приводит к параллелизму между акционерным и народным банком, обозначается все яснее и направляется в сторону господства современной банковской системы. С политико-экономической точки зрения не приходится жалеть об изменении внутренней природы шульце-деличевского кредитного товарищества, ибо оно только с очевидностью доказывает, что самопомощь нуждающихся в кредите не есть еще единственный выход из кредитной дилеммы прежних десятилетий. Ибо невозможно утверждать, что самопомощь в области кредита образует собой высшую ступень сравнительно с системой современного банкового дела... Первоначальное значение шульце-деличевской кредитной организации все более отходит в прошлое, и в этом нет ничего странного, если вспомнить, что эти хозяйственные учреждения существуют в наше быстро идущее вперед время уже 60 лет».

С этим заключением можно только согласиться. Кооперативная система Шульце имела большое историческое значение, но расцвет ее не мог быть продолжительным; имея своей социальной средой мелкую буржуазию в противоположность пролетарской рочдельской и крестьянской райффейзеновской кооперации, система эта, естественно, тяготеет к капиталистическим формам и сливается с капиталистическими организациями при полном успехе. В то время как рочдельская и райффейзеновская кооперативные системы заключают в себе существенно

новые хозяйственные принципы, преобразующие современный хозяйственный строй, шульцевская кооперация есть не что иное, как преходящее хозяйственное явление, свойственное незрелой форме капитализма и исчезающее по мере дальнейшего развития капиталистического строя.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ В РОССИИ ССУДОСБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ ТОВАРИЩЕСТВ

В России ссудосберегательные товарищества были созданы под непосредственным влиянием идей Шульце, бывшего вдохновителем Лугинина, пионера русской кредитной кооперации. Однако наши ссудосберегательные товарищества, история которых начинается от Дороватовского товарищества Рождественской волости Ветлужского уезда, составляют существенно иной тип, чем народные банки Шульце. Разница заключалась в том, что народные банки были кредитными организациями мелкой буржуазии, а ссудосберегательные товарищества, ведущие свое начало от Лугинина, должны были, по его замыслу, быть организациями крестьянскими.

Иными словами, Лугинин задумал перенести в среду русского крестьянства германские учреждения, приспособленные к нуждам и социальным особенностям германской мелкой буржуазии. Понятное дело, что такая попытка не могла иметь успеха. Хотя основные черты устройства русского ссудосберегательного товарищества и были глубоко переработаны Лугининым и его преемниками по делу, тем не менее кое-что весьма существенное было сохранено из первоначального образца этих товариществ в Германии, и прежде всего был сохранен принцип паевого капитала.

Правда, пай в крестьянских ссудосберегательных товариществах, которые в довольно большом числе возникали в семидесятых годах прошлого века в различных районах деревенской России, были, во-первых, невелики, а во-вторых, до известной степени номинальны в том смысле, что пай не вносился членом товарищества из его собственных средств при поступлении в товарищество, но вычитался из получаемой им из товарищества ссуды. Однако и в таком виде пай все же должен был уплачиваться членом, что при крайней бедности нашего крестьянства делало эти товарищества непригодными для среднего крестьянина. Только немногие более зажиточные члены крестьянского общества могли справляться с требованием уплаты пая.

Таким образом, уже принятие принципа паевого капитала делало ссудосберегательные товарищества непригодными для русской деревни. Еще, однако, важнее как причина неудачи

их было то, что товарищества эти менее всего основывались на самодеятельности населения и в этом отношении самым резким образом отличались от своего германского образца. Все эти товарищества насаждались сверху, сначала несколькими благожелательными интеллигентами, а затем земствами, т. е. в конце концов теми же интеллигентами. Как только ссуды земства стали сокращаться, стало соответственно падать и число вновь открываемых ссудосберегательных товариществ:

Годы	Открыто товариществ	Получили ссуды от земства	В процентах
1871—1875	503	268	53
1876—1880	481	109	23
1881—1885	194	38	19

Щедрые ссуды со стороны земств приводили к тому, что товарищества возникали сплошь и рядом только ради получения этих ссуд, которые разверстывались между учредителями товарищества, чем и заканчивалась деятельность последнего. Неудивительно, что большая часть этих товариществ просуществовала очень недолго.

Годы	Число открытых товариществ	Число товариществ, закрытых к 1 января 1905 г.	В процентах
1871—1875	503	356	71
1876—1880	481	295	61
1881—1885	194	85	44

Наименее жизнеспособными оказались товарищества, возникшие в первую половину 70-х годов, когда земства были всего щедрее на выдачу ссуд и число вновь открываемых товариществ было особенно велико.

Правда, некоторая доля товарищества выживала, но нужно иметь в виду, что значительная часть этих выживших товариществ почти не функционирует в качестве действительных учреждений кредита и занята преимущественно «перепиской» ссуд — возобновлением их по отношению к первоначальным заемщикам.

4. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ В РОССИИ

Эти первые деревенские ссудосберегательные товарищества представляли собой неудавшуюся попытку создать крестьянскую кредитную кооперацию. Однако рядом с ссудосберега-

тельными товариществами в крестьянской среде (для которой данный тип кредитного учреждения был решительно неподходящим) такие же товарищества возникают и в иной социальной среде, той же самой, среди которой они так пышно расцвели в Германии, — в среде мелкой буржуазии.

Как правильно указывает С. Н. Прокопович, одновременно с этими неудачными опытами насаждения сверху кооперативного кредита у нас возникает гораздо более жизнеспособное аналогичное движение в среде городской мелкой буржуазии. Уже в 1867 г. некий Дидерих устраивает среди ремесленников (немецких) г. Петрограда ссудосберегательное товарищество. Правда, это городское движение казалось очень скромным сравнительно с деревенским: в то время как в деревнях новые товарищества возникали в семидесятых годах сотнями, в городах — только десятками. Но зато эти немногие городские ссудосберегательные товарищества оказались гораздо жизнеспособнее, как видно из нижеследующих данных.

Годы	Число вновь открытых городских товариществ	Закрытых к 1 января 1905 г	В процентах
1866—1870	3	—	—
1871—1875	102	65	64
1876—1880	76	33	43
1881—1885	61	12	19

Таким образом, мало-помалу шульцевские кредитные организации находят для себя в России подходящую социальную среду, каковой у нас, как и в Германии, является городская буржуазия. Соответственно этому ссудосберегательные товарищества, начиная с половины девяностых годов прошлого века, открываются преимущественно не в деревнях (как раньше), а в городах.

Весьма интересно отношение народнической печати шестидесятых и семидесятых годов к попыткам насаждения в нашей деревне шульцевских организаций кредита. Отношение это было резко отрицательным. Самопомощи крестьян, нуждающихся в кредите, наши народники противопоставляли помощь таковым со стороны государства, кооперативному кредиту — кредит общинный. Ссудосберегательные товарищества были объявлены «Отечественными записками»* учреждениями буржуазными, направленными против интересов массы крестьянского населения. «Массе рабочего сословия, — писали «Отечественные записки», — нисколько не будет легче от того, что из среды ее выдвинется ничтожный процент и обзаведется капиталом; напротив, по всей вероятности, ей будет несравненно

тяжелее, потому что этот капитал будет стоять непосредственно над ней и действовать в одном и том же поле действия с ней».

С. Н. Прокопович склонен видеть в этом отрицательном отношении народнической печати к псаждению в деревне ссудосберегательных товариществ только непонимание народниками важности кооперации. Однако в действительности тут было не одно непонимание кооперации, но и совершенно правильная оценка непригодности шульцевской кооперации для массы крестьянства. Народническая печать была права, признавая ссудосберегательные товарищества учреждениями «буржуазными», но она ошибалась, отождествляя с шульцевской кооперацией кооперацию вообще; с райффейзеновской кооперацией наша печать того времени была совершенно незнакома, но вряд ли можно допустить, чтобы наши народники отнеслись к райффейзеновским товариществам с таким же осуждением, с которым они отнеслись к шульцевским товариществам.

Как бы то ни было, ссудосберегательные товарищества нашли для себя в России подходящую почву и распространились преимущественно в среде мелкой буржуазии. В этой среде они достигли значительного успеха и обнаружили тенденцию развиваться так же, как и в Германии, — в сторону сближения с капиталистическими учреждениями кредита.

Что следует сказать, например, относительно польских ссудосберегательных товариществ.

По компетентному свидетельству г. Храневича, крупные ссудосберегательные товарищества в Польше* — «кооперативы лишь по имени». Они широко практикуют различные формы капиталистического кредита, учитывают векселя, выдают ссуды под залог процентных бумаг и пр. Установленные уставом предельные размеры для ссуд не соблюдаются, и товарищества практикуют вместо мелкого крупный кредит. Ввиду этого официальные органы надзора за учреждениями мелкого кредита советовали некоторым таким товариществам сбросить форму товарищества и принять устав вполне капиталистических обществ взаимного кредита. Советы эти, однако, отвергались товариществами ввиду того, что форма товарищества дает значительные преимущества по отношению к взысканию долгов с неисправных должников.

Еще более капиталистический характер имеют ссудосберегательные товарищества Прибалтийского края*. Они являются одними из наиболее старых русских товариществ и наилучше организованных. Паевой капитал на члена достигает во многих из них сотен рублей, ссуды — еще больших размеров. Так, например, в Венденском товариществе паевой капитал на члена достигал в 1907 г. 738 руб., а средний размер ссуды — 4820 руб.,

в Вольмарском паевой капитал — 300 руб., ссуды — около 2000 руб. и т. д. Такой высокий размер ссуд объясняется тем, что по уставам этих товариществ размер ссуды ограничен лишь при ссудах по личному доверию, при ссудах же под обеспечение имуществом или ценными бумагами, а также за поручительством двух лиц кредит не ограничен. По словам г. Валаева, товарищества эти обслуживают «главным образом немецких баронов и отчасти промышленную жизнь городов и местечек». Дивиденды пайщиков в этих товариществах обычно очень высоки, и товарищества в обход своих уставов кредитуют не только своих членов, но и посторонних. В отдельных случаях кредит, открываемый на одно лицо, достигает до 20—25 тыс. руб.

Товарищество этого типа уже вполне приближается к народным банкам германского образца.

Большое развитие ссудосберегательные товарищества получили среди русского еврейства. Товарищества эти, общая численность которых к 1912 г. достигала 664 при 347 тыс. членов в 519 городских товариществах, состоят более чем на две трети из ремесленников и мелких торговцев. Однако большинство ремесленников являются мелкими предпринимателями, мало возвышающимися над уровнем обычной еврейской бедноты. Только немногие товарищества слагаются из более зажиточных элементов еврейской буржуазии. Вот что говорит по поводу их С. О. Марголин в своем исследовании «Еврейские кредитные кооперации» (1908 г.): «Товарищества, приближающиеся по характеру своей деятельности к кооперации капитала, отличаются от остальных товариществ не только тем, что у них высокий размер пая и высокая норма оплаченного паевого капитала, но и состав членов этих товариществ резко отличается от обычного состава членов остальных товариществ. В этом отношении наиболее чувствительным показателем характера деятельности товарищества является участие членов-ремесленников. Можно предвидеть, что чем больше товарищество осуществляет у себя тенденции кооперации капитала, тем ниже процент ремесленников в этом товариществе, и, наоборот, чем больше товарищество осуществляет собой принцип кооперации, тем больше возрастает процент ремесленников в данном товариществе».

С. О. Марголин отмечает, что товарищества, состоявшие по преимуществу из торговцев, обнаруживают явно капиталистические тенденции, и в этих товариществах на первый план выступает задача выгодного помещения паевого капитала. «В этом отношении, — говорит он, — наиболее характерна деятельность Мозырского товарищества. В этом товариществе понижение процента на ссуды повело бы к выходу многих членов из товарищества. Многие члены поступают в это товарищество

не с целью пользоваться ссудами на льготных условиях, но с целью найти выгодное помещение своим капиталам».

Однако все тенденции еврейских, равно как и иных городских товариществ Прибалтийского края и Королевства Польского, чрезвычайно затрудняются тем, что товарищества эти все же более или менее связаны своими уставами и не свободны в своей деятельности. Уже одно ограничение нормальным уставом кредита, открываемого одному лицу, имеет в этом смысле большое значение. Правда, эта статья устава на практике обходится, но все же она остается существенным препятствием к тому, чтобы наши городские ссудосберегательные товарищества развивались в сторону обычных банков, как это мы видим в Германии.

Во всяком случае, у нас имеются кредитные кооперативы мелкобуржуазного типа, и основные тенденции развития наших кооперативов этого типа имеют сходный характер с теми тенденциями, которые так ярко обнаружили в Германии.

Глава III. РЕМЕСЛЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕМЕСЛЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

Возникновение кооперативного движения тесно связано с кризисом ремесла. Именно городские ремесленники были той социальной средой, в которой кооперация впервые стала серьезной общественной силой. Так было в Англии, где пропаганда Оуэна после короткого периода неудачных экспериментов с коммунистическими общинами только тогда стала влиять на народные массы, когда захватила десятки и сотни тысяч городских ремесленников, переживающих в первые десятилетия прошлого века трудное время в связи с развитием капиталистической фабрики и вообще современной капиталистической системы. Именно кризис ремесла и сделал английских ремесленников восприимчивыми к коммунистическим мечтаниям Оуэна, давшим в действительной жизни столь непохожие на них плоды.

Точно так же и в Германии кооперативное движение начинается среди городских ремесленников. Но в то время как в Англии ремесленная кооперация не получила дальнейшего развития и явилась почти столь же мимолетным эпизодом в истории английского кооперативного движения (скоро приобретшего пролетарский характер), как и эксперименты с коммунистическими общинами в Германии, соответственно большему значению в общем строе хозяйства страны ремесла, ремесленная кооперация играет известную роль в ряду других форм кооперации вплоть до нашего времени.

Первыми кооперативами Шульце были ремесленные кооперативы — два сырьевых товарищества столяров и башмачников, созданные им в Деличе в 1849 г. С них начинается история германской кооперации.

Кооперативная теория Шульце, разработанная им в целом ряде брошюр и книг, точно так же имела в виду преимущественно класс ремесленников. Сырьевые и магазинные товарищества должны были явиться, по представлению Шульце, первыми ступенями кооперативного движения, долженствующего найти свое завершение в производительной ассоциации. Однако, как известно, до производительной ассоциации дело не дошло, да и сама производительная ассоциация чем больше развивалось кооперативное движение, тем более утрачивала свою привлекательность как для Шульце, та и для его преемников по духу. Таким образом, в действительной жизни специфически ремесленная кооперация выразилась в кооперативах только трех родов: сырьевых товариществах, магазинных и производительно-подсобных. Что же касается ссудосберегательных товариществ (народных банков Шульце), то хотя в этих товариществах ремесленники принимали и принимают деятельное участие, тем не менее ссудосберегательные товарищества не могут считаться вполне ремесленными кооперативами, так как ремесленники составляют и всегда составляли в них только меньшинство членов (за последнее время около $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ всех членов).

Чисто ремесленными кооперативами являются, таким образом, только три названных рода кооперативов.

Им придавал Шульце самое большое значение как средству преодоления кризиса ремесла.

Действительно, необходимость их для поднятия ремесла казалась очевидной не только самому Шульце, но и всем его преемникам по кооперативной работе. Мало того, и теперь идея ремесленной кооперации находит много самых горячих партизанов как среди практиков кооперации, так и среди теоретиков. Вот, например, что говорит о ремесленной кооперации в своем известном курсе политической экономии столь авторитетный германский ученый, как проф. Конрад: «Будущность германского ремесла гораздо больше зависит от того, насколько ремесленники созреют до кооперации, чем от распространения принудительных цехов... Огромное значение для ремесленников магазинных товариществ, в которых публика может делать выбор покупаемых предметов по своему усмотрению и которые позволяют ремесленнику, когда у него нет заказчиков, работать на магазин, так очевидно, что кажется прямо-таки непонятным, каким образом магазинные товарищества не получили большого распространения». Точно так же Конрад выражает удивление, почему достигли пока мало успеха

и другие ремесленные кооперативы, в том числе и производительно-подсобные товарищества, дающие возможность ремесленникам пользоваться сообща машинами и дорогостоящими сооружениями, недоступными для отдельного ремесленника.

Каковы же фактические успехи ремесленной кооперации? Вот соответствующая статистика за время деятельности Шульце:

Год	Сырьевые товарищества			Магазинные товарищества		
	Число	Число давших сведения	В них членов	Число	Число давших сведения	В них членов
1870	135	9	381	29	7	160
1875	168	11	511	199	14	689
1880	150	17	733	131	10	693
1885	140	11	461	148	7	529

Что касается производительно-подсобных товариществ, то их почти совсем не было: отчет шульцевского союза за 1890 г. сообщает о 8 таких товариществах, в том числе о 7 товариществах мясников, имевших общие бойни для скота.

Приведенные данные дают яркую иллюстрацию ничтожных результатов деятельности Шульце в области создания ремесленной кооперации. Правда, по своей численности сырьевые и магазинные товарищества кажутся имеющими известное значение. Но, во-первых, и по своей общей численности товарищества эти за 1875—1885 гг. не выросли, а сократились. Во-вторых, — что еще важнее, — значащиеся в отчетах Всеобщего союза Шульце сотни сырьевых и магазинных товариществ существовали более на бумаге, чем в действительности; это лучше всего доказывается совершенно ничтожной численностью тех товариществ, которые давали о себе сведения: 11 сырьевых товариществ с 461 членом и 7 магазинных с 529 членами, дающих о себе сведения, — вот и все, что достиг Шульце в этой области за 35 лет своей деятельности. Что же касается товариществ, не давших о себе никаких сведений, то, очевидно, это отсутствие сведений вызывалось тем, что товариществам нечего было о себе сообщить.

Неуспех излюбленного детища Шульце — ремесленной кооперации — составлял яркий контраст с успехом ссудосберегательных товариществ, которые быстро росли и по числу членов, и по своим оборотам. Неуспех этот был настолько очевидным, что самый факт его никем не оспаривался. Вопрос заключался лишь в причинах неудачи ремесленной кооперации. Причины же эти отнюдь не могли заключаться в том, чтобы ремесленная кооперация привлекала к себе недостаточное вни-

мание общественных деятелей и правительственных учреждений.

Напротив, можно смело утверждать, что ни одна отрасль кооперации в Германии не встречала такой деятельной поддержки со стороны, как именно ремесленная кооперация. Не нужно забывать, что все кооперативное движение, пока его руководителем был Шульце, имело целью поддержание ремесла, в чем Шульце усматривал верховный смысл своего общественного дела. Поддержание ремесла, помимо своего непосредственного экономического значения, приобретало еще и особую политическую окраску благодаря той роли, которую в глазах политически умеренных кругов германского общества средние классы должны играть в политической жизни как оплот против революционных тенденций пролетариата. Эта идеология вполне разделялась и самим Шульце. Еще большее значение она приобретала у тех общественных элементов Германии, которые были политически правее умеренного либерала Шульце.

Вопрос о причинах слабого развития ремесленной кооперации, равно как и о средствах содействия этому развитию, всегда привлекал усиленное внимание Всеобщего союза, созданного Шульце, и неоднократно обсуждался на общих собраниях союза.

2. ДАЛЬНЕЙШИЕ СУДЬБЫ РЕМЕСЛЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

Что касается самих ремесленников, то среди них кооперативное движение, руководимое Шульце, только отчасти встречало идейное сочувствие. А именно: духовные вожди ремесленников были политически гораздо правее Шульце и в большинстве примыкали не к умеренным либералам, как Шульце, а к консерваторам. В соответствии с этим основной лозунг Шульце — самопомощь при полном отказе от содействия государства — не находил отклика в большинстве ремесленного класса, сочувствовавшего скорее мерам непосредственной государственной помощи ремеслу. Благодаря этому существенному разногласию между Шульце и вождями ремесленного класса ремесленное движение Германии шло своей особой дорогой, не сливаясь с кооперативным движением, во главе которого стоял Шульце, и занимая по отношению к последнему даже отчасти враждебное положение.

Прусское правительство, относившееся вначале неприязненно к Шульце, в котором оно видело одного из опасных представителей либеральной партии, мало-помалу изменило свою позицию и стало поощрять кооперацию. Тем не менее консерва-

тивное ремесленное движение вызвало со стороны правительственных властей отношение еще более сочувственное.

Поэтому правительство ничего не имело против образования в 1901 г. особого Главного союза немецких промышленных товариществ (Hauptverband deutscher gewerblicher Genossenschaften). Союз этот составил из тех кооперативов, которые не входили в состав союза, основанного Шульце. Новый союз с самого возникновения стал получать субсидию из государственных средств, которая с течением времени все возрастала. При помощи его прусское правительство получило возможность вступить в еще более тесную связь с ремесленным кооперативным движением.

Начало этому новому направлению прусской кооперативной политики было положено еще раньше учреждением Прусской центральной кассы кооперативных товариществ в 1895 г. Одной из главных задач кассы явилось развитие ремесленной кооперации. И надо признать, что касса сделала все возможное, чтобы вызвать к жизни ремесленную кооперацию. По признанию в прусском ландтаге Гейлигенштадта, президента кассы, Прусская касса по отношению к кредитованию ремесленных организаций пошла гораздо дальше, чем по отношению к другим кооперативным организациям. «Мы хорошо знаем, — заявлял Гейлигенштадт, — что ремесленные товарищества наталкиваются на особые затруднения, и этим соображением определяется наш образ действий по отношению к ним».

В правительственной записке от 1903 г., представленной в законодательные палаты Пруссии, указывалось, что несмотря на усиленные старания Всеобщего союза Шульце, ремесленная кооперация получила до настоящего времени в Пруссии очень незначительное распространение. «Широкая масса ремесленников осталась почти не затронутой кооперацией. Самостоятельного кооперативного движения среди ремесленников аналогично тому, что мы видим в деревне, совсем не наблюдается. Если и теперь из большинства провинций Пруссии раздаются жалобы, что ремесленники, а тем более мелкие торговцы, не принимают в кооперативных организациях должного участия, то раньше это было общим правилом. Ввиду такого положения дел попытка государства оживить своей поддержкой самопомощь заинтересованных лиц в области мелкой промышленности должна была натолкнуться на серьезные затруднения».

Для поощрения ремесленной кооперации министерству торговли и промышленности был открыт еще с 1896 г. особый кредит, из которого оплачивалось содержание особых «инструкторов кооперации». Инструкторы эти должны были объезжать страну, читать лекции о ремесленной кооперации и приходить непосредственно на помощь при возникновении ремесленных кооперативов. Помощь эта состояла не только в советах и ука-

заниях, но и в кредитовании возникавших кооперативов из государственных средств. Связь инструкторов с основанными при их помощи кооперативами продолжалась и после, причем инструкторы исполняли обязанности бесплатных ревизоров.

Деятельное содействие успеху ремесленных кооперативов оказывала и «Прусская центральная касса». Открываемые ею кредиты обычно колебались между 1500—2000 марок на кооператив, но иногда достигали и 6000 марок.

За 1896—1902 г. государство израсходовало из своих средств на поддержку ремесленных кооперативов 127 тыс. марок. Помощь Прусской кассы выражалась несравненно более крупными цифрами.

Возникший в 1901 г. Главный союз немецких промышленных товариществ покрывал свои расходы преимущественно при помощи правительственных субсидий.

При этом не нужно думать, что прусское правительство стесняло своей опекой свободное развитие ремесленной кооперации, наоборот, оно вполне понимало необходимость для кооперации свободы деятельности. Министр торговли Меллер заявил, например, в 1905 г. в прусском ландтаге по этому поводу следующее: «Мы далеки от того, чтобы при посредстве Главного союза, содержимого преимущественно на наши средства, в каком бы то ни было смысле подчинять кооперацию бюрократическому влиянию».

Точно так же и руководители Главного союза отмечают отсутствие какого бы то ни было бюрократического давления на их деятельность. «Несмотря на широкую поддержку Главному союзу, оказываемую прусским правительством и Прусской центральной кассой,— читаем в отчете о съезде союза в 1906 г.,— союзу представлена полная свобода в разрешении всех его внутренних вопросов и во всей внутренней организации».

Затем не нужно забывать, что и ремесленные палаты — полуправительственные, полуобщественные учреждения, ставящие себе целью развитие ремесленной промышленности, также содействуют ремесленной кооперации. Главный союз действует в полном согласии с ремесленными палатами. В мае 1904 г. это согласие было окончательно установлено на конференции Главного союза с представителями ремесленных палат.

Таким образом, наряду с Всеобщим союзом Шульце целый ряд других общественных организаций преследует цели развития ремесленной кооперации, причем, несмотря на несколько враждебную позицию, которую Всеобщий союз Шульце занял по отношению к Главному союзу (враждебность эта вытекала из того, что Всеобщий союз принципиально отрицает государственную помощь кооперации, между тем как Главный союз именно на этой помощи и основывается), все эти различные

организации в равной мере озабочены распространением и ростом ремесленных кооперативов. Тому же содействует и правительственная власть, располагающая для этой цели таким мощным кредитным учреждением, как Прусская центральная касса.

Не менее энергичные усилия для развития ремесленной кооперации делали и делают и другие германские государства, кроме Пруссии. Так, в Баварии было учреждено в 1903 г. Центральное ремесленное товарищество в значительной степени на государственные средства; баварское правительство и раньше оказывало щедрую поддержку ремесленным кооперативам как кредитом, так и непосредственной затратой государственных средств. В Саксонии уже в 1891 г. была учреждена Кооперативная касса в Дрездене, с 5 млн. марок капитала, из которых $\frac{2}{5}$ были предназначены на помощь ремесленным кооперативам. В Бадене вновь учреждаемые ремесленные товарищества имеют право получать на покрытие первых расходов по своему устройству правительственную субсидию, доведенную в 1908 г. в среднем до 48 % этих расходов.

Об общем отношении германских государств к ремесленной кооперации может дать представление циркуляр вюртембергского министерства внутренних дел от 20 января 1904 г. «Общинные власти, — говорится в этом циркуляре, — нередко могут оказать деятельную поддержку ремесленным товариществам, если при отсутствии подходящих лиц среди ремесленников они возьмут на себя руководство вновь возникающими ремесленными товариществами, как это уже практикуется с большим успехом по отношению ко многим сельскохозяйственным товариществам, а в отдельных случаях и по отношению к промышленным товариществам. Затем нередко общинные власти могут содействовать образованию товариществ сырьевых, производительно-подсобных и по сбыту предоставлением в их распоряжение без всякой платы или по пониженной плате помещений и складов, принадлежащих общине, или же, поскольку община владеет соответствующими источниками механической двигательной силы (вода, газ, электричество), предоставлением в распоряжение товариществ соответствующей силы по пониженной плате для первых операционных годов товарищества, наконец, освобождением товариществ на известный срок от общинных налогов. Кроме того, общинные власти могут содействовать образованию промышленных товариществ и оплатой расходов по слушанию местными ремесленниками особых курсов по ремесленной кооперации».

К каким же результатам привели эти упорные и настойчивые усилия правительственных и общественных кругов создать почти отсутствующую ремесленную кооперацию? Пусть отвечают цифры:

Число ремесленных кооперативов в Германии

Год	Товарищества			Год	Товарищества		
	Сырьевые	Производительно-подсобные	Магазинные		Сырьевые	Производительно-подсобные	Магазинные
1890	113	10	61	1900	92	53	73
1891	110	8	61	1901	145	67	79
1892	110	13	59	1902	188	78	81
1893	64	14	48	1903	215	91	94
1894	59	17	54	1904	266	106	108
1895	61	17	57	1905	290	112	120
1896	58	21	56	1906	257	341	73
1897	66	23	68	1907	299	390	81
1898	73	30	70	1908	349	447	96
1899	82	34	67	1909	363	673	115

Цифры эти могут показаться свидетельствующими о полном успехе новой правительственной политики по отношению к кооперации. До 1895 г. ремесленные кооперативы не только не развивались, но несомненно падали — ремесленная кооперация как бы вымирала. Факт этот сам по себе чрезвычайно поучителен и знаменателен: в то самое время, когда германское кооперативное движение в деревне делало такие огромные успехи и росла с поразительной быстротой, ремесленная кооперация, предоставленная своим собственным силам и не опиравшаяся на правительственную поддержку, быстро шла к полному исчезновению.

Можно было думать, что пройдет еще немного лет и о ремесленной кооперации не придется говорить по ее совершенному отсутствию. Ожидания эти не оправдались. В 1895 г. в истории германской ремесленной кооперации происходит перелом. Сначала прекращается падение числа ремесленных кооперативов, затем начинается их рост, сперва очень медленный, затем все более и более быстрый, за последние же годы рост этот становится даже по отношению к некоторым кооперативам стремительным.

Правда, это относится не ко всем трем родам кооперативов. Магазинные товарищества растут медленно и с большими колебаниями, зато сырьевые товарищества дают картину правильного и ускоряющегося роста. А производительно-подсобные товарищества растут за последние годы огромными прыжками.

Легко понять, почему 1895 г. сыграл такую роль в истории германской ремесленной кооперации. В этом году была учреждена Прусская центральная касса. С этого года начинается новая эра германской экономической политики — деятельного правительственного содействия кооперативному движению во-

обще и ремесленной кооперации в частности. Отсюда и огромный рост числа ремесленных кооперативов.

Однако делать вывод о полном успехе правительственной политики было бы преждевременно. Одно число кооперативов говорит еще очень мало. По данным Прусской центральной кассы для 1908 г., в этом году было во всей Германии 4 308 205 членов кооперативов, причем на долю ремесленных производительно-подсобных товариществ приходилось 27 204 члена, сырьевых товариществ — 11 964, магазинных — 4 544 члена, сырьевых и магазинных вместе — 4 856 членов. На все эти три рода ремесленной кооперации приходилось в общем менее 50 тыс. членов, т. е. немногим более 1 % всего числа лиц, участвующих в кооперативах Германии.

Таким образом, успехи ремесленной кооперации оказываются при сравнении их с общим ростом германского кооперативного движения весьма и весьма скромными. Ремесленников в Германии более полутора миллиона. 50 тыс. членов ремесленных кооперативов составляют лишь немногим более 3 % общей численности ремесленников; это после многолетних усилий правительственных учреждений и могущественных общественных союзов развить ремесленную кооперацию не может считаться крупным результатом.

Главное дело, однако, в том, что рост числа ремесленных кооперативов, равно как и 50 тыс. участников ремесленных кооперативов, значатся более на бумаге и весьма мало соответствуют действительности.

В число ремесленных кооперативов германская статистика включает многие кооперативы и предприятия, которые ничего общего с ремеслом не имеют.

Так, из значительного числа производительно-подсобных товариществ, по мнению Эрнста Пэха, автора новейшего исследования германской ремесленной кооперации «Die wirtschaftliche Bedeutung des kleingewerblichen Genossens — chaftswesens» (1912 г.), на долю действительного ремесла приходится не более 50 товариществ. Анализируя данные о ремесленных кооперативах в последние годы, Пэх приходит к выводу, что ни о каких действительных успехах ремесленной кооперации не может быть и речи. «Картина ремесленной кооперации осталась в течение десятилетий по существу неизменной. И это те ремесленные кооперативы, ради которых Шульце-Делич создал всю свою кооперативную систему! Таков результат почти шестидесятилетней деятельности! Деятельности, которая по своей интенсивности не оставляла желать ничего лучшего; ибо как Шульце-Делич уже при первых шагах движения защищал дело ремесленной кооперации, совершенно так же почти каждый съезд Всеобщего союза, а с 1901 г. и Главного союза занимался этим видом кооперации. А рядом с такими усилиями

заинтересованных лиц сколько еще было приложено труда вне круга последних! Как бесконечно много затрачено усилий, сколько сделано расходов государством и общинами, теоретиками и практиками, посторонними и заинтересованными лицами, чтобы создать столь неудачное детище ремесленной кооперации! Это поистине граничит с трагедией!» В признании неуспеха ремесленной кооперации сходятся все исследователи данного вопроса. Вот, например, отзыв Цейдлера, автора истории германской кооперации: «Шульце и его друзья питали особенную теоретическую симпатию к промышленной кооперации. Факты, чем дальше, тем менее давали опору для этой симпатии, и теперь нельзя не признать практической безрезультативности ремесленной кооперации». Точно так же докладчик о ремесленной кооперации на Фрейбургском съезде Всеобщего союза в 1909 г. Лор должен был согласиться, что «если сравнить фактические успехи ремесленных товариществ с большой работой, потраченной на их поддержку на 50 съездах союза, то нельзя не сказать, результаты не утешительны».

Неуспех ремесленной кооперации кажется тем разительнее, что крестьянская кооперация, возникшая значительно позже, быстро достигла огромного развития.

3. НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ НЕУСПЕХА РЕМЕСЛЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

Вопрос о причинах неуспеха ремесленной кооперации приобретает, таким образом, значение серьезной теоретической проблемы. Посмотрим же, как объясняют этот неуспех кооператоры-практики, непосредственно заинтересованные в деле и ближе всего знакомые со всеми его деталями. Вопрос этот обсуждался много раз на съездах Всеобщего союза, и все частности его могут считаться достаточно выясненными.

Особенно обстоятельно разобран вопрос о причинах неудачи ремесленных кооперативов в докладе, прочитанном пресмником Шульце по руководительству Всеобщим союзом Крюгером на Крещнахском съезде союза в 1902 г.

Финк, автор очень ценной работы «Das Schultze — Delitzsche Genossenschaftswesen» (1909 г.), сводит указания Крюгера на основные причины неудачи ремесленной кооперации к следующим 11 пунктам.

1. Равнодушие ремесленников, особенно более зажиточных, ко всякого рода реформам и новым общественным начинаниям.
2. Конкуренция между ремесленниками и взаимная зависть их к успеху другого.
3. Кредитование ремесленными кооперативами своих членов и задолженность самих кооперативов; эта пассивная и ак-

тивная задолженность препятствует ремесленным кооперативам приобрести экономическую устойчивость, что достижимо лишь в том случае, если операции ремесленных кооперативов могут основываться на платеже наличными деньгами.

4. Недостаточное знакомство со стороны членов товарищества с современной бухгалтерией.

5. Недостаточное знакомство со стороны широких кругов ремесленников с сущностью кооперации, а именно: ремесленники относятся подозрительно ко всяким призывам к самодеятельности, между тем как самодеятельность является единственно возможной основой кооперации.

6. Недостаточное знакомство с действующим законодательством.

7. Преувеличение значения кооперации: не следует думать, что кооперация есть талисман для создания благополучия всех падающих ремесленных хозяйств; только те ремесленники могут рассчитывать на поднятие своего экономического уровня, которые сами по себе располагают достаточными силами, «ремесленников же, спустившихся до уровня пролетариата, нельзя сделать успешными предпринимателями с помощью кооперации».

8. Соединение в одном кооперативе существенно различных целей и задач; один и тот же кооператив не может быть одновременно и кредитным, и сырьевым, и магазинным, и производительно-подсобным товариществом; такое соединение приводит лишь к тому, что ни одна из целей не достигается должным образом.

9. Непонимание со стороны устроителей кооперативов значения личного момента в кооперации: обычно думают, что для устройства кооператива требуются только достаточные денежные средства; в действительности же успех кооператива зависит прежде всего от индивидуальных свойств входящих в его состав лиц; если нет соответствующих лиц, то никакие материальные средства не могут обеспечить успех кооператива.

10. Неправильное отношение к вопросу об образовании кооперативом собственного капитала: нередко устроители кооператива относятся слишком легко к получению капитала со стороны, например, государства или общины; между тем кооператив может иметь успех только в том случае, если он располагает достаточным собственным капиталом: «в том-то и заключается опасность всяких субсидий, что субсидируемое учреждение привыкает на них рассчитывать, как будто бы им конца никогда не будет, и кооператив чувствует себя освобожденным от обязанности заботиться об образовании своего собственного капитала».

11. Зависимость кооперативов от влияния чуждых им учреждений: кооперативы не должны быть под влиянием учреж-

дений, которые по своему строю и духу не имеют с ними ничего общего, как, например, ремесленные палаты и вообще все учреждения, обладающие в большей или меньшей степени принудительной властью.

Перечень «корней зла», данный Крюгером, настолько обширен, что в смысле полноты он, казалось бы, не оставляет желать большего. Перечень этот кажется скорее слишком обширным и грешащим в противоположную сторону. Действительно, почти все причины неуспеха ремесленной кооперации, перечисленные Крюгером, не менее существенны и по отношению к другим преуспевающим видам кооперации, например крестьянской. Разве, например, крестьяне, особенно зажиточные, не «равнодушны ко всякого рода реформам»? Разве крестьянские кооперативы не страдают задолженностью и не склонны слишком кредитовать своих членов? Разве крестьяне не обнаруживают еще больше, чем ремесленники, полного незнакомства с современной бухгалтерией и т. д., и т. д.? Если же все эти неблагоприятные условия несколько не мешают поразительно успеху крестьянской кооперации, то почему они оказываются столь губительными по отношению к кооперации ремесленной?

Это кажется мало понятным. Вообще, попытка Крюгера дать исчерпывающий список причин неуспеха ремесленной кооперации производит на непредубежденного читателя скорее обратное впечатление: получается впечатление, что указываемые причины маловажны и несущественны, во всяком случае, вполне устранимы при надлежащей постановке дела. А следовательно, и вывод получается несколько неожиданный — благоприятный для ремесленной кооперации. Если действительно причины ее неуспеха так разнообразны и мало связаны с самым существом ремесла, то проблема неуспеха ремесленной кооперации оказывается Крюгером нерешенной. Ведь совершенно ясно, что если в двух областях хозяйственной жизни, в данном случае в крестьянском хозяйстве и ремесле, сходные экономические образования дают результаты совершенно различные, то причины различий результатов должны корениться в различии обеих областей хозяйственной жизни. Крюгер же сваливает в одну кучу и то, в чем крестьянское хозяйство отличается от ремесла, и то, в чем ремесло совершенно сходно с крестьянским хозяйством. Неудивительно, что результаты таких приемов анализа оказались неудовлетворительными: вместо объяснения проблемы неуспеха ремесленной кооперации Крюгер только запутал эту проблему привлечением к делу множества частных факторов, но ничего не говорящих об общих причинах их гибели, свойственных именно ремесленным кооперативам как таковым в отличие от кооперативов крестьянских.

4. ОБЩИЕ ПРИЧИНЫ НЕУСПЕХА РЕМЕСЛЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

Очевидно, «люди практики» именно потому, что они стоят слишком близко к делу и знают слишком много частных причин, приведших к гибели отдельные ремесленные кооперативы, не могут разрешить общей проблемы неуспеха ремесленной кооперации. Из-за деревьев люди эти совершенно не видят леса.

Обратимся же к общей экономической теории, которая, быть может, еще раз покажет, насколько она выше грубой эмпирии. В чем принципиальное экономическое различие между крестьянским хозяйством и ремеслом?

Различие это двоякого рода. По производимым продуктам крестьянское хозяйство отличается от ремесла тем, что крестьянин изготавливает сельскохозяйственные продукты, растительные или животные, ремесленник же занят промышленным производством. Крестьянин — сельскохозяйственный, а ремесленник — промышленный производитель.

Этим отличается крестьянское хозяйство от ремесла по роду производимых продуктов, а следовательно, и по характеру производственных процессов. Иначе говоря, различие это коренится в области техники.

Что касается экономической формы крестьянского хозяйства и ремесла, то и тут различие не менее глубоко. Правда, и в ремесле, и в крестьянском хозяйстве предприятие является мелким. Но мелкое предприятие ремесленника и крестьянина относится к существенно различным формам предприятий. А именно: ремесленник работает всегда непосредственно на потребителя, иначе говоря, на узкий и определенный рынок, без торгового посредника. В этом заключается само существо ремесла как определенной формы промышленности. Если только мелкий промышленный производитель начинает работать на широкий и неопределенный рынок, то он неизбежно нуждается в торговом посреднике, который связывал бы его с рынком; но тем самым он попадает в зависимость от этого посредника-капиталиста, утрачивает свою экономическую самостоятельность и превращается из ремесленника в кустаря. Итак, самое существо ремесла заключается в работе на узкий рынок без всякого посредничества торгового капитала.

Напротив, крестьянин, как общее правило, работает на широкий и неопределенный рынок, приближаясь в этом отношении к кустарю. В то время как рынок для ремесленника ограничивается небольшим районом, в пределах которого покупатель или заказчик ремесленного продукта вступает в личные сношения с ремесленником, для крестьянина рынком является, можно сказать, целый мир. Действительно, разве хлеб, масло,

мясо и другие сельскохозяйственные продукты не являются предметом самой широкой международной торговли?

Итак, по своей экономической форме ремесло и крестьянское хозяйство различаются как работа на узкий рынок без посредства торгового капитала и работа на широкий рынок через торгового посредника.

Оба эти различия ремесла и крестьянского хозяйства — техническое и экономическое — глубоки и существенны. Ими и объясняется различие судеб кооперации в области крестьянского хозяйства и ремесла.

Из первого различия вытекает совершенно иное положение крестьянского хозяйства и ремесла в процессе развития современной хозяйственной системы. В то время как в сельском хозяйстве в силу технических особенностей мелкое производство не только не слабее крупного, но, наоборот, сильнее последнего и вытесняет последнее,* в промышленности мелкое производство (а следовательно, и ремесло) не может выдержать конкуренции с крупным и падает под ударами капиталистической фабрики. В соответствии с этим среди ремесленников наблюдается глубокая дифференциация: часть их подымается выше и мало-помалу превращается из мелких в крупных капиталистов-предпринимателей, большинство же опускается книзу, пролетаризируется и сливается с классом наемных рабочих. Дифференциация наблюдается иногда и среди крестьянства, но в гораздо слабой степени. Большинство крестьянства сохраняет свой своеобразный экономический тип — самостоятельных, трудящихся хозяев, почти не пользующихся наемным трудом и своим личным трудом участвующих в производстве.

Весь смысл разнообразной крестьянской кооперации сводится к тому, что кооперация дает возможность крестьянину укрепить свое мелкое самостоятельное хозяйство теми выгодами крупного хозяйства, которые доставляет кооперация. Но для того чтобы кооперация могла развиваться и обрести, так сказать, со всех сторон мелкое предприятие, требуется, чтобы само это предприятие, составляющее естественную опору кооперации, было сильно и жизнеспособно. Если же мелкое предприятие слабо и неустойчиво, то и кооперации не к чему, так сказать, прислониться; падающее мелкое предприятие увлекает в своем падении и кооперацию, ибо кооперация не все-сильна и может дать мелкому предприятию только некоторые, но не все выгоды крупного хозяйства.

В этой несравненно большей жизнеспособности мелкого трудового предприятия в сельском хозяйстве сравнительно с промышленностью заключается основная причина гораздо большей жизнеспособности крестьянской кооперации сравнительно с ремесленной*. Правда, и ремесло держится очень упорно; общая численность ремесленников в развивающейся капитали-

стической системе, несмотря на быстрый рост фабрики, если и сокращается, то настолько медленно, что ремесло дает и еще долго будет давать занятие миллионам рабочих рук.

Но дело в том, что в связи со своим положением в современной хозяйственной системе класс ремесленников глубоко дифференцирован и слагается из общественных элементов существенно различного типа и с существенно разными интересами. С одной стороны, в состав ремесленников входят мелкие капиталисты, имеющие наемных рабочих и иногда настолько успешно развивающие свои операции, что они мало-помалу вышаются над своим классом и постепенно превращаются в крупных капиталистов. Этим ремесленникам, наиболее зажиточным и преуспевающим, счастливым конкурентам своих менее удачливых товарищей, кооперация не нужна, так как и без помощи кооперации они чувствуют себя хорошо. Им противостоит масса ремесленников, опускающихся книзу, пролетаризирующихся и с трудом сохраняющих свое предприятие. Этим кооперация очень нужна и могла бы дать существенную помощь, если бы сами они были сильнее. Но неустойчивость их предприятия делает их неспособными воспользоваться выгодами кооперации.

Практические деятели ремесленной кооперации указывают на равнодушие ремесленников ко всяким мерам самопомощи, как на первую причину трудности возникновения ремесленных кооперативов. Воспользуемся этим указанием, но спросим, почему же именно ремесленники обнаруживают такой общественный индифферентизм и отсутствие понимания своих классовых интересов. Не потому ли, что падающий общественный класс вообще всегда оказывается неспособным к созданию в своей среде сильных организаций? Естественными вождями ремесленного класса являются более удачливые и зажиточные ремесленники; уже самим фактом своей удачи они доказывают свою большую талантливость, предприимчивость и экономическую умелость. И уровень образования в их среде, естественно, является более высоким. Их голос звучит всегда наиболее внушительно и авторитетно во всех общественных начинаниях той социальной группы, к которой они принадлежат.

Однако именно они всего менее заинтересованы в успехе кооперации, а иногда даже заинтересованы в прямо противоположном — в неуспехе товариществ, объединяющих их менее удачных конкурентов и увеличивающих силу последних. Что же касается более слабых и бедных ремесленников, которые, казалось бы, должны были бы крепко держаться за кооперацию, то, слагаясь в своей массе из менее талантливых, образованных, энергичных и предприимчивых представителей своего класса, они оказываются неспособными к самостоятельным общественным выступлениям. Отсюда и тот общественный индифферентизм всего класса ремесленников, на который жалуются практи-

ческие деятели кооперации,—индифферентизм, который является естественным последствием неблагоприятного положения ремесла в системе современного капиталистического хозяйства.

Что индифферентизм ремесленников отнюдь не является прирожденным свойством последних, видно хотя бы из той выдающейся роли, которую ремесленники играли в общественной жизни средневекового города. Ведь именно ремесленники были тем классом, который создал цех и вместе всю сложную и стройную организацию средневекового городского хозяйства.

Ремесленники прежде времени были классом, отличавшимся перед всеми другими исключительной способностью к социальной организации. Можно сказать, что вообще во всемирной истории ни один общественный класс не обнаружил до сих пор такого умения подчинять общественный процесс производства регулирующему влиянию общественной власти, гармонично примиряя противоположные общественные интересы, такой способности к социальному творчеству, как ремесленники былой исторической эпохи.

И потому не нужно удивляться, что Шульце в начале своей деятельности более всего рассчитывал в своей кооперативной работе именно на ремесленников, на их историческую привычку к социальной организации.

Надежды Шульце были, однако, разбиты историей, и его преемник Крюгер, констатируя неудачу ремесленной кооперации, как на первую причину этой неудачи указывает на общественный индифферентизм ремесленников и на их неспособность к организованным выступлениям. Откуда эта перемена?

Из изменившегося положения ремесла в системе общественного хозяйства. Когда ремесло составляло вершину городского хозяйства, оно обладало исключительной способностью к социальному творчеству; когда оно было оттеснено на заднее место растущим капитализмом и стало слабейшим звеном промышленной системы, оно утратило способность к организации и пульверизировалось на отдельные предприятия, каждое из которых думает только о самозащите и своих частных интересах, обнаруживая полное равнодушие к интересам других. Вот откуда является тот «индивидуалистический тип» современного ремесленника, на который так жалуются кооператоры.

Но это еще далеко не все. Причины слабости ремесленной кооперации заключаются не только в том, что ремесло является одной из отраслей обрабатывающей промышленности в противоположность крестьянскому хозяйству, имеющему дело с биологическими процессами природы. Кроме этого технического различия между ремеслом и крестьянским хозяйством, между ними существует не менее глубокое различие и по отношению к экономической форме.

Ремесленник работает на узкий потребительский рынок,

а крестьянин — на широкий рынок через посредство торговца. Непосредственно отсюда вытекает и вторая основная причина слабости ремесленной кооперации сравнительно с крестьянской.

К своему изумлению, кооператоры открыли у крестьянина полную готовность к объединению своих личных интересов с интересами своих товарищей в общественном коллективе и отвращение к такому объединению у ремесленника. Между тем ничего другого и ожидать было нельзя, если только понимать различие хозяйственного положения крестьянина и ремесленника как членов кооператива.

Крестьянин потому не избегает кооперативного объединения, что по самой сущности своей хозяйственной деятельности он не является конкурентом другого крестьянина. Успех одного крестьянина никогда не причиняет ущерба другому. Если, например, благодаря улучшенным приемам обработки поля и получению лучших семян тому или иному крестьянину удастся увеличить количество хлеба, который он выносит на рынок, то от этого нисколько не страдает сосед, производство хлеба у которого осталось прежним. Ведь рынком для крестьянского хлеба является весь мир и увеличение производства хлеба у одного из бесчисленных производителей того же продукта ровно никакого влияния на цену последнего не оказывает и никаких трудностей для сбыта этого продукта не создает.

Обширность, можно сказать, беспредельность рынка для продуктов крестьянского труда приводит к тому, что крестьяне не чувствуют себя ни в каком смысле конкурентами. Среди них отсутствует экономическая почва для взаимной зависти и вражды. А так как объединение нескольких крестьянских хозяйств в кооператив дает существенные выгоды каждому из них, то вполне естественно, что крестьяне охотно вступают в кооперативы, хотя крестьяне еще менее, чем ремесленники, знакомы с рациональной бухгалтерией, еще менее, чем ремесленники, привыкли к общественным организациям, еще более консервативны и недоверчивы ко всякому новому, незнакомому начинанию, еще более склонны к широкому пользованию кредитом и т. д., и т. д. Словом, почти все частные причины неудач ремесленных кооперативов, которые с такой исчерпывающей обстоятельностью перечисляет Крюгер, действуют с еще большей силой и среди крестьян — с одним единственным исключением: среди крестьян нет поводов к «конкуренции и взаимной зависти друг к другу». Эта причина, занимающая у Крюгера второе место в его списке, у крестьян отсутствует не в силу их врожденной доброжелательности, а в силу свойств их хозяйственного предприятия.

Наоборот, ремесленники отнюдь не вследствие низкого уровня своей морали относятся друг к другу с такой завистью и недоверием, а вследствие совершенно правильного понимания

своих хозяйственных интересов. Ремесленники работают на местный потребительский рынок, размеры которого не только не беспредельны, но очень ограничены и не могут быть расширены никакими кооперативами.

Перед нами сапожник в небольшом городе или деревне, продающий сапоги в своей лавке или делающий их по заказам потребителей. Количество сапог, которое требуется жителям городка, представляет собой строго определенную величину, не зависящую от усилий сапожника. Ремесло находится теперь в упадке благодаря тому, что продукты ремесленного труда вытесняются продуктами капиталистической промышленности. Поэтому рынок для ремесленных продуктов как нормальное явление переполнен предложением, и ремесленников больше, чем требуется для удовлетворения местного спроса.

При таком положении дела, когда ремесленники данного района производят более продуктов, чем может быть потреблено местным населением, каждый из ремесленников не может не видеть в другом своего конкурента и не относиться с завистью к его успехам. Ведь если один из ремесленников в силу тех или иных причин расширяет сбыт своих продуктов, то это неизбежно должно вызывать при ограниченности рынка сокращение сбыта продуктов остальных ремесленников. Успех одного равносителен неуспеху другого.

Поэтому ремесленники видят друг в друге не товарищей, а соперников. Хотя они в большей или меньшей степени являются трудящимися производителями, подобно крестьянам или фабричным рабочим, но их психика, в их отношении друг к другу, не имеет ничего общего с психикой крестьянина или рабочего. Психика ремесленника есть психика предпринимателя, существованию которого угрожает конкуренция других предпринимателей.

Правда, за последние десятилетия мы видим все растущую тенденцию среди крупных предпринимателей к замене конкуренции соглашением, к образованию мощных предпринимательских союзов, картелей и трестов. Почему же и ремесленникам не последовать примеру своих более сильных собратьев и не сменить конкуренцию соглашениями? Если такая замена соответствует интересам крупных предпринимателей, то разве того же не требуют интересы и мелких предпринимателей?

Здесь нужно, однако, принять в соображение совершенно различное положение в системе современного хозяйства крупного и мелкого промышленного предприятия. Крупное предприятие безусловно побеждает; ему не приходится опасаться конкуренции мелкого. Картели и тресты потому получают такое распространение среди крупных предпринимателей, что они заменяют конкуренцию монополией. Монополия же дает возможность предпринимательскому союзу захватывать потреби-

теля в свои руки и поднимать цены путем сокращения предложения соответствующих продуктов.

Возможно ли нечто подобное для ремесла? Ведь ремесло страдает от конкуренции крупных предприятий, которые являются в этой борьбе бесспорно сильнейшей стороной. Цены ремесленных продуктов не могут быть подняты соглашением ремесленников, так как цены эти диктуются конкуренцией с ремеслом крупных предприятий.

Представим, себе, например, что деревенские мельники, являющиеся одним из наиболее типичных представителей деревенского ремесла, заключают между собой соглашение для поднятия цены за помол. Соглашение это повело бы только к тому, что хлеб стал бы подвозиться для помола не на мелкие, а на крупные капиталистические мельницы, конкуренция которых держит на низком уровне цену за помол на деревенских ветряках. Точно так же попытка деревенских сапожников поднять путем соглашения цены на сапоги должна потерпеть неудачу потому, что цена ремесленного сапога определяется его конкуренцией с фабричным и кустарным сапогом; поднятие цены ремесленного сапога должно повести к вытеснению его фабричным и кустарным сапогом.

Но если даже в силу тех или иных местных условий ремесленники и могут не опасаться в данном районе конкуренции крупных предприятий и, значит, могут достигнуть путем соглашения монополии, монополия эта не может доставить им таких выгод, которые получают от монополии крупные предприниматели. Ибо каким образом монопольный трест достигает поднятия цен своих продуктов? Путем сокращения их производства. В Америке при слиянии многих фабрик в трест трест обычно начинает свою деятельность с того, что закрывает некоторые из этих фабрик или даже большинство и сосредоточивает производство в тех, которые представляют некоторые преимущества перед остальными. Точно так же и капиталистические картели достигают повышения цен лишь путем соответствующего сокращения производства.

Мыслима ли подобная политика для союза ремесленников? Могут ли они достигнуть поднятия цен своих продуктов путем сокращения производства? Очевидно, нет. Ни один ремесленник не согласится прекратить или сократить свое производство для того, чтобы таким образом поднять цены ремесленного продукта, ибо его рабочая сила окажется в таком случае неиспользованной или не вполне использованной.

Отсюда следует, что путь соглашения в целях достижения монополии, которым идут в настоящее время крупные капиталисты, закрыт для полукапиталистов-полурабочих ремесленников. И вот почему «дух конкуренции» в ремесле более живуч, чем в крупной промышленности.

К этому присоединяется еще другое обстоятельство, столь же непосредственно вытекающее из существа ремесла и столь же неблагоприятное для кооперации. А именно: ремесленные предприятия по самой своей природе должны быть в современном обществе разбросаны на обширных пространствах. В средние века ремесленники могли жить большими скученными группами, потому что ремесло было господствующей формой промышленности. Теперь не то. Теперь ремесло оттеснено из крупных населенных центров в мелкие, да и там должно быть разбросано на большой площади, чтобы находить клиентов. В каждом отдельном населенном центре (маленьком городке или деревне) ремесленников известного рода немного, ибо большое количество их не нашло бы сбыта продуктов своего труда.

И в этом отношении наблюдается разительный контраст между крестьянами и ремесленниками. Крестьяне живут в большом числе бок о бок друг с другом, занимаясь одним и тем же родом труда и имея одни общие интересы. Напротив, ремесленники, занимающиеся тем же родом труда, имеются в небольшом количестве в каждом отдельном населенном центре и живут в большом отдалении друг от друга. Это требуется самими условиями их промысла. Несколько рядом живущих ремесленников не нашли бы заказчиков или покупателей своих продуктов. Очевидно, например, что булочные заведения не могут быть скучены в одном пункте города, но должны быть равномерно рассеяны по всей территории города.

Но чем меньше лиц, могущих войти в состав кооператива, тем слабее и этот последний. Из трех, четырех лиц не может составиться кооператив, как бы эти лица ни сочувствовали кооперации. Кооператив может иметь хозяйственное значение лишь в том случае, если он является более или менее крупным предприятием. Даже самые мелкие крестьянские кооперативы — кредитные товарищества райффейзеновского типа — считают своих членов многими десятками. Но легко ли набрать несколько десятков ремесленников того же рода и притом живущих настолько близко друг от друга, чтобы собираться вместе и вести общее хозяйство? И вот мы видим, что ремесленные кооперативы по недостаточной численности ремесленников, живущих в определенном районе, имеют обычно ничтожные размеры. Среди ремесленных кооперативов встречается много таких, число членов которых определяется не сотнями или десятками, а немногими единицами. Но кооператив с 7 или 8 членами уже почти не кооператив*.

Итак, существенным препятствием к успеху ремесленной кооперации является и то обстоятельство, что ремесленники живут рассеянно на обширной территории, кооперация же может удаваться только при тесном общении между собой более или менее обширных групп лиц, живущих достаточно близко друг

от друга. Разбросанность же ремесла есть непосредственное следствие конкуренции с ним капиталистической промышленности, оттеснившей ремесло в маленькие города и деревни, да и там рассеявшей ремесленников отдельными единицами среди населения, покупающего продукты ремесленного труда.

5. МАГАЗИННЫЕ И СЫРЬЕВЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА

Среди различных видов ремесленных кооперативов наиболее глубоко захватывают условия ремесла магазинные товарищества. Эти товарищества обещают ремесленнику всего более: ведь современный кризис ремесла коренится именно в изменении условий сбыта. Поскольку ремесленник страдает от недостатка сбыта, постольку и меры помощи ремеслу должны быть направлены на улучшение условий сбыта. Магазинное товарищество обещает ремесленнику поставить сбыт его продуктов в те же условия, в которых сбываются и продукты капиталистической промышленности. Современный потребитель привык покупать все нужное ему в магазине, он не может разыскивать ремесленника и ждать, пока тот исполнит сделанный ему заказ. Кроме того, современный потребитель нуждается в большом подборе разнообразных товаров: он выбирает среди многих товаров те, которые ему более всего по вкусу.

Именно потому, что ремесленник не может удовлетворять этим требованиям, он и оказывается таким слабым в борьбе с капиталистической промышленностью. Магазинные товарищества, объединяя сбыт продуктов многих ремесленников, ставят их, казалось бы, в такое положение, при котором они могут вести эту борьбу с большей надеждой на успех.

Вот почему именно эти товарищества особенно необходимы для ремесла и составляют как бы пробный камень силы всей ремесленной кооперации.

Между тем не подлежит сомнению, что магазинные товарищества ремесленников являются самым неудачным детищем в кооперативной семье. Их совсем мало. Правда, их считается в Германии около сотни, причем в 1908 г. число членов в них достигало 4544. Последняя цифра незначительна, но еще хуже то, что из этих 4 тыс. членов магазинных товариществ свыше 3 тыс. приходится на один род ремесла — товарищества мясников. В этом ремесле товарищества по сбыту получили некоторое распространение в силу особых условий мясного дела. А именно: мясное дело дает, кроме мяса, целый ряд отбросов — шкуры, рога, жир, внутренности и пр. Эти отбросы имеют довольно значительную ценность, но не могут сбываться той публике, которая составляет нормального покупателя мясной лавки.

Товарищество по сбыту среди мясников имеет в виду сбыт отбросов мясного дела, но отнюдь не сбыт самого мяса. Товарищества эти получили за последнее время некоторое распространение, но они совершенно не затрагивают условий сбыта главного продукта мясного дела — мяса. В области сбыта мяса товарищества по сбыту совершенно отсутствуют.

Почему же магазинные товарищества так мало удаются ремесленникам? Помимо общих причин слабости ремесленной кооперации, в данном случае действуют особые причины. А именно: магазинные товарищества противоречат как бы внутренней природе ремесла. Ведь ремесло есть работа непосредственно на потребителя без всякого посредника. Если же между производителем и потребителем становится посредник — магазин, то это уже не ремесло, а кустарная промышленность.

Концентрируя в одном магазине продажу продуктов многих ремесленников, магазинное товарищество прежде всего требует больших расходов на содержание магазина. Продавая свой продукт у себя дома, ремесленник избегает всех расходов, связанных с ведением сложного торгового предприятия. Продукт переходит к покупателю, неся на себе только расходы производства. Будучи продан в магазине, продукт несет на себе еще очень крупные расходы по продаже. А эти последние расходы могут выразиться цифрой не менее крупной, чем расходы производства. Практика показала, что расходы по содержанию магазина сплошь и рядом превосходят все выгоды, которые ремесленники получают от продажи своих продуктов через посредство магазинов.

Затем магазин собирает к одному пункту ремесленные продажи. Но этим самым ремесленник отделяется от потребителя. Ведь ремесло работает на потребителя, а потребитель рассеян по всей площади известного населенного центра. Стягивая ремесленные продажи в магазин, товарищество разъединяет ремесленника и потребителя и затрудняет сбыт ремесленных изделий.

Правда, зато магазинное товарищество дает ремесленнику такое могущественное средство расширения сбыта, каким является магазин. Но не ясно ли, что магазин ремесленного товарищества стоит гораздо ниже обычного капиталистического магазина. Последний ничем не стеснен в выборе товаров, предлагаемых вниманию публики. Обычный магазин покупает тот товар, который всего дешевле и всего лучше удовлетворяет требования публики. Он торгует и ремесленными, и кустарными, но главным образом фабричными продуктами. Только таким образом и может быть достигнута полнота ассортимента товаров, составляющая главное условие для успеха магазина.

Напротив, магазинное товарищество ремесленников в своем чистом виде ведет торговлю только теми товарами, которые из-

готовляют его члены. Поэтому оно должно проигрывать в конкуренции с обычными капиталистическими магазинами.

На франкфуртском съезде Всеобщего союза в 1908 г. магазинные товарищества были предметом продолжительного обсуждения, выяснившего, что магазинные товарищества могут рассчитывать на успех только при одном условии: если они сбывают не только продукты своих членов, но и продукты, покупаемые со стороны. Все немногие магазинные товарищества, которые удаются, торгуют преимущественно товарами этого последнего рода, так, например, товарищества башмачников и мебельщиков.

Но ведь в этом случае магазинное товарищество превращается в простую капиталистическую лавку, и, конечно, нет никаких оснований, почему бы группа ремесленников не могла устроить успешной капиталистической лавки, в которой продавались бы наряду с товарами, покупаемыми на стороне, также и продукты, производимые хозяевами лавок. Такие лавки вполне возможны, но все же более сильным предприятием является обычная лавка, принадлежащая одному капиталисту; связь лавки с товариществом ремесленников отнюдь не требуется для успеха лавки, а, напротив, мешает этому успеху, ибо крайне усложняет и запутывает все дело и создает огромные трудности для надлежащего руководства им. Не нужно забывать, что хозяевами общего предприятия являются в данном случае люди, видящие друг в друге опасных конкурентов и рассматривающие каждый успех другого, как убыток для себя. Товарищество из таких людей распадается очень легко, и нужны довольно исключительные условия, чтобы оно долго держалось.

При таких трудностях магазинных товариществ неудивительно, что они удаются так редко. На франкфуртском съезде один из видных кооперативных деятелей сказал, что, когда к нему обращаются с просьбой помочь устройству магазинного товарищества, у него «пробегают мороз по коже».

Единственным видом ремесленной кооперации, имеющим известное значение на практике, являются сырьевые товарищества. Правда, и эти товарищества большого распространения среди ремесленников не получили. Но все же это — кооперация не только на бумаге, а хозяйственное явление, играющее свою, хотя и скромную, роль в современной жизни. В 1908 г. в 296 сырьевых товариществах Германии насчитывалось 11 964 члена. Всего более были развиты сырьевые товарищества среди башмачников (2698 членов), булочников (2007), портных (1336) и парикмахеров (1420 членов). К этим сырьевым товариществам в чистом виде нужно присоединить еще товарищества смешанного рода, по закупке и по сбыту, которых насчитывалось 130 с 4856 членами.

Необходимость этих кооперативов для ремесленников так очевидна, что объяснения требует не наличие их, а их слабое распространение. Действительно, ведь главную затрату для ремесленника составляет обычно приобретение сырого материала для обработки. Для ремесленников закупочные товарищества гораздо необходимее, чем для крестьян, так как в сельском хозяйстве отсутствует затрата на сырье*. С другой стороны, закупочные товарищества ремесленников не наталкиваются на те трудности, которые мешают успеху магазинных товариществ: сырьевые товарищества ни малейшим образом не противоречат внутренней природе ремесла, не изменяют условий сбыта ремесленных продуктов и не вызывают крупных добавочных расходов на устройство магазина.

Кроме того, нужно иметь в виду, что вообще в условиях современной хозяйственной системы закупка несравненно легче осуществима, чем сбыт. Поэтому наличие в некоторых отраслях ремесла жизнеспособных сырьевых товариществ не должна нас удивлять. Кооператоры-практики также относятся к сырьевым товариществам совершенно иначе, чем к магазинным. Они не только не говорят, что при просьбе об устройстве такого товарищества у них «пробегают мороз по коже», но, напротив, называют этот вид кооперации «благодетельным для всякого промысла, где появляются сырьевые товарищества».

Однако, как показывают факты, огромное большинство ремесленников обнаруживает полнейшее равнодушие к этому благодетельному, и лишь в очень немногих промыслах сырьевые товарищества получили, хотя и ограниченное, распространение. Поэтому в ничтожном успехе сырьевых товариществ следует видеть наиболее убедительное доказательство неприспособленности ремесленников к кооперативным организациям вообще. В данном случае действуют в чистом виде те общие причины неудачи ремесленной кооперации, о которых сказано выше. Слабость ремесла в современном строе хозяйства, разбросанность ремесленников среди других элементов населения, ожесточенная конкуренция между ними — вот что мешает распространению среди ремесленников даже таких кооперативов, выгоды которых очевидны.

6. КООПЕРАЦИЯ СРЕДИ КУСТАРЕЙ

Из изложенного видно, что кооперация не имеет никаких шансов получить среди ремесленников значительное распространение. Кооперация не для ремесленников — таков грустный вывод, который вытекает из беспристрастного анализа фактов.

Однако отсюда не следует заключать, что вообще в промышленности нет места для кооперации. В мелком промышленном

производстве мы различаем две совершенно различные формы: ремесло и кустарную промышленность. Существенное различие между ними заключается в том, что ремесленник работает на узкий потребительский рынок без всякого посредника; кустарь же работает на широкий рынок через посредника.

По своей экономической форме кустарничество вполне сходно с крестьянским сельским хозяйством: в обоих случаях рынок для изготавливаемого продукта неопределенно широк. Но в противность крестьянскому сельскому хозяйству кустарничество является не растущей, а падающей формой хозяйства потому, что мелкое производство в промышленности слабее крупного.

Из трех основных причин неудачи ремесленной кооперации в области кустарничества действует лишь первая — кустарничество не менее ремесла вытесняется крупным производством. Однако по отношению к двум другим причинам слабости кооперации в ремесле кустарничество сближается не с ремеслом, а с крестьянским сельским хозяйством: работая на широкий рынок, кустари живут значительными группами друг подле друга, и они так же мало конкурируют друг с другом, как и крестьяне. Успех одного кустаря не причиняет никакого ущерба его товарищу по промыслу. Поэтому кооперативная организация кустарей не наталкивается на такие непреодолимые препятствия, как кооперативная кооперация ремесленников.

Товарищества по сбыту ни малейшим образом не противостоят внутренней природе кустарничества. Последнее неизбежно предполагает посредническую организацию сбыта. Таким посредником обычно является скупщик-капиталист. Пользуясь своим выгодным экономическим положением, скупщик стремится свести к минимуму оплату кустарного продукта. Товарищество кустарей по сбыту может оттеснить скупщика и существенно повысить оплату кустарного труда.

Товарищество по закупке столь же необходимо кустарям, как и ремесленникам, но гораздо легче осуществимо, так как кустари живут обширными группами и не имеют основания опасаться успеха друг друга, ибо их экономическое существование не зависит от ограниченного местного рынка.

Таким образом для кустарной кооперации открывается возможность развития. Затрудняется кустарная кооперация одним чрезвычайно важным обстоятельством: крайним упадком экономического благосостояния кустарей, представляющих собой по уровню своего существования едва ли не ниже всего стоящую социальную группу в современном обществе. При такой экономической слабости кустари не могут собственными силами, без посторонней поддержки создавать кооперативы.

Но тут могут и должны прийти им на помощь другие общественные организации — как более сильные крестьянские коо-

перативы, так и земство, равно как и правительственные учреждения, помогающие кустарной промышленности. В настоящее время среди всех практических деятелей по восполнению кустарной промышленности является общепризнанным, что кооперация составляет необходимое условие поднятия кустарных промыслов. Теория вполне подтверждает возможность кустарной кооперации, имеющей шансы на значительное развитие, в противоположность безнадежности ремесленной кооперации.

Глава IV. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ

1. МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ КООПЕРАТИВЫ НА ЗАПАДЕ

Наиболее совершенным типом мелкобуржуазной потребительской кооперации могут считаться известные лондонские чиновничьи общества потребителей. В английской кооперативной литературе общества эти не признаются кооперацией, хотя сами эти общества именуют себя кооперативами. Дело тут, разумеется, не в словах. Но крайне характерно, что различие во внутренней структуре оказывается в данном случае так велико, что представители пролетарской кооперации отказывают лондонским обществам даже в названии кооперативов.

Сравнение организаций чиновничьих и пролетарских потребительских обществ лучше всего выясняет классовую природу кооперации. Действительно, откуда все различие тех и других обществ, как не из различия классового состава членов этих организаций?

Благодаря тому, что лондонские чиновничьи общества не признаются английскими кооператорами кооперативами, литература о них очень невелика. Наиболее обстоятельное и детальное описание этих обществ содержится, по-видимому, в книге Сернсона «*Les sociétés cooperatives Anglaises*» (1905 г.).

Прежде всего нужно констатировать, что общества эти отнюдь не являются малозначительными или плохо устроенными организациями. Самое крупное из этих обществ — *Civil Service Supply Association* — имело в 1903 г. свыше 62 тыс. участников. Другое лондонское общество сходного типа — *Civil Service Co-operative Society* — насчитывало в том же году свыше 10 тыс. участников.

Лондон называют «кооперативной пустыней», однако Лондон обладает огромным потребительским обществом — указанным обществом чиновников гражданской службы, которое по числу своих участников оставляет позади себя самые крупные рочдельские кооперативы Англии. И если Лондон действительно

является «кооперативной пустыней», то это потому, что названные чиновничьи общества не признаются английскими кооператорами кооперативами.

Чиновничьи потребительские общества Лондона возникли уже довольно давно, в половине шестидесятых годов прошлого века, под непосредственным влиянием успехов рочдельской кооперации. История их возникновения такова.

В 1866 г. несколько мелких чиновников почтового ведомства стали производить совместные закупки предметов потребления. Побудительным толчком к этому явились сведения об успехах рочдельских обществ. Движение скоро охватило и высших служащих, возникло два особых потребительских общества: одно — мелких чиновников, другое — высших. Общество с большим числом членов Civil Service Supply объединяет мелких, а Civil Service Cooperative — высших служащих в различных учреждениях гражданского ведомства, офицеров армии и флота, врачей и вообще лиц либеральных профессий.

Различие того и другого общества видно уже по размеру пая: в первом обществе каждый член должен иметь одну акцию ценной в 1 ф. ст., во втором каждый должен иметь акций не менее чем на 5 ф. ст.

Припомним, что рочдельские общества требуют самых ничтожных единовременных взносов: для того чтобы стать членом, обычно первоначальный взнос должен быть не менее 1 шилл., остальная сумма до полного пая пополняется отчислениями из остатков, следуемых члену.

Рочдельское общество ставило своей целью преобразование всего существующего общественного строя. Лондонские общества чиновников более скромны в своих стремлениях; их цели сформулированы в уставе как «покупка по оптовым ценам предметов потребления с перепродажей их по возможно более низким ценам».

Уже в этой формулировке бросается в глаза отрицание основного рочдельского принципа продажи товаров по рыночным ценам. Чиновничьи общества стремятся продавать свой товар по возможно более низким ценам и, понятно, не задаются никакими отдаленными утопическими целями.

Полученные сбережения рочдельские общества распределяют между своими членами пропорционально забору каждого. Напротив, общества чиновников распределяют свои прибыли пропорционально числу акций в распоряжении каждого.

В общих собраниях рочдельских обществ каждый имеет один голос независимо от числа паев, которыми он владеет. Напротив, в Supply Association число голосов каждого определяется числом акций в его распоряжении (с максимумом в 10 голосов).

И то, и другое чиновничье общество знает две категории своих участников: членов и только покупателей. Первые дол-

жны обладать акциями, вторые обязаны делать лишь небольшой ежегодный взнос. Первые являются полноправными хозяевами всего дела, вторые же не имеют права голоса и не пользуются никакой долей прибылей общества. Первые составляют около одной десятой всего числа участников, в то время как вторые — несравненно более многочисленные — увеличивают своими покупками дивиденды первых.

Число акций в каждом из этих обществ представляет заранее определенную величину. Капитал общества низших чиновников равняется 300 тыс. ф. ст., капитал второго общества — 100 тыс. ф. ст. Чтобы стать акционером и, следовательно, полноправным членом, нужно приобрести акцию у кого-либо другого.

Процент прибыли, выручаемый этими обществами, очень невелик, если его распределить на общую сумму продаж общества. И это неудивительно, так как общества стремятся продавать свои товары по возможно более низким ценам. Но эта небольшая прибыль, распределенная на акции, дает огромные дивиденды. Первое общество в 1903 г. имело на акции всей прибыли 13 %, а второе, более аристократическое, — даже 16,5 %.

Эта огромная прибыль получается потому, что в пользу акционеров идут все выгоды от продажи товаров неакционерам.

Вся организация чиновничьих обществ построена иначе, чем пролетарских. Пролетарские потребительские общества дают самое ничтожное вознаграждение лицам, образующим правление общества, — обычно не более 10 ф. ст. в год. И это неудивительно, ибо пролетарские общества рассчитывают на преданность кооперативному делу со стороны его руководителей. Напротив, вознаграждение членов правления чиновничьих обществ выражается сотнями фунтов стерлингов.

Обладая значительными капиталами и превосходным управляющим персоналом, чиновничьи общества в смысле техники своего устройства не оставляют желать лучшего. Их магазины принадлежат к наиболее благоустроенным и элегантным в Лондоне. И в то же время общества эти признают себя несколько не менее кооперативами, чем рочдельские общества.

Однако если под кооперацией понимать организации, существенно отличные от капиталистических товариществ, то придется согласиться с английскими кооператорами, что потребительские общества чиновников не могут считаться кооперацией чистого типа. Они служат не интересам массы потребителей, а прежде всего капитала. Хозяевами их являются лишь акционеры, составляющие небольшую долю участников этих обществ. Организации эти очень близки к капиталистическим акционерным компаниям.

Крайне характерно, что эти общества, располагая довольно

крупными капиталами, отнюдь не обнаруживают той тенденции к неограниченному расширению и захвату в свои руки за розничной торговлей оптовой, а затем и производства, которая составляет такую важную особенность рочдельских обществ. Ни одно из чиновничьих обществ не занимается производством чего бы то ни было. «Коротко говоря, эти общества,— замечает Сернссон,— после тридцатисеми- или тридцативосьмилетнего существования ограничивают свою деятельность теперь, как и в 1867 г., продажей в розницу товаров, покупаемых оптом. Они как бы застыли в своем первоначальном виде; но зато — и это стоит отметить — они все продают спиртные напитки, чего никогда не делают рабочие потребительские общества».

В то же время расходы по содержанию этих обществ очень велики сравнительно с рабочими обществами: во-первых, расходы названного рода не превышают в среднем 7 % общей суммы продаж, а в чиновничьих обществах те же расходы выражаются вдвое большими цифрами и доходят даже до 20 %.

Может показаться непонятным, почему же чиновничьи общества не переходят к собственному производству, если это производство оказывается выгодным для рочдельских обществ.

Это зависит от следующего. Прежде всего, как ни странно это может показаться, чиновничьи общества обладают сравнительно с пролетарскими небольшими капиталами. Дело в том, что пролетарская кооперация в Англии, начав без всяких капиталов, накопила за долгие годы благодаря следованию рочдельским принципам капиталы, значительно превосходящие ныне капиталы чиновничьих обществ. Так, общество Civil Co-operative при 10 тыс. участников имеет капитал в 100 тыс. ф. ст. Целый ряд пролетарских обществ с таким же числом членов имеет капиталы от 200 до 300 тыс. ф. ст. Капитал Civil Co-operative при 60 тыс. участников достигает 320 тыс. ф. ст., между тем как пролетарское Лидское потребительское общество при 50 тыс. членов имело капитал в 700 тыс. ф. ст.

Итак, пролетарские общества прежде всего богаты, в то время как общества людей высших классов бедны. Главное же дело в том, что пролетарским обществам присущ дух дерзания, стремления к новым путям, чего совершенно лишены чиновничьи общества.

Члены пролетарских обществ не имеют собственных капиталов, а их пай, вложенные в общество, представляют собой очень небольшие суммы. Богатству этих обществ противостоит бедность их членов. А так как общество управляется членами, то последние легко соглашаются на риск, последствий которого им особенно опасаться не приходится.

Совсем в ином положении находятся чиновничьи общества. Сами эти общества сравнительно бедны; но каждый из их акционеров владеет довольно крупными суммами в виде акций.

Утрата этих сумм является существенным ущербом для их владельцев, и поэтому члены чиновничьих обществ в страхе отступают перед всяким новым предприятием, сопряженным с опасностью потери капитала. Да и для чего им рисковать, когда капитал, помещенный в акциях этих обществ, и теперь им дает очень крупный дивиденд.

Кроме того, весь внутренний дух пролетарских и чиновничьих обществ различен глубочайшим образом. Во главе пролетарских обществ стоят идейные люди, сознающие себя участниками великого общественного движения, имеющего еще более великое будущее. Они принимают участие в кооперативных конгрессах, читают кооперативную прессу, сами принимают участие в ней. Вознаграждение их в общем так невелико, что только интерес к самому делу может привлекать их к нему. Напротив, директора и администраторы чиновничьих обществ видят в своей деятельности только более или менее хорошо оплачиваемую службу, подобно всякой другой.

Столь же различна психология пролетария, рядового члена рабочего общества, и чиновника, рядового члена чиновничьего общества. В результате столь различной психологии и руководителей, и рядовых членов должен получиться и совершенно различный ход развития обществ того и другого рода, что мы и наблюдаем в действительности.

Общество, охватывающее имущие классы, неизбежно должно принять совершенно иной вид, сложиться в совершенно иную форму, чем потребительские общества фабричных рабочих.

2. МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ КООПЕРАТИВЫ В РОССИИ

В России потребительская кооперация возникает среди имущих классов в шестидесятых годах прошлого века. Вот как характеризуются наши первые потребительские общества в литературе того времени.

«Учредителями и членами в этих обществах являлись или богатые помещики и купцы, не испытывавшие никаких серьезных нужд и никогда не думавшие делать какие-либо сбережения, или чиновники, лишенные всякой способности к самостоятельности и привыкшие что-либо делать только по приказу или из-за наград». Именно этим составом первых потребительских обществ и объяснялась, по правильному мнению современной литературы, их полная неудача. «Люди, состоятельные настолько, чтобы лакомиться конфетками и бордоскими винами, не могут думать о копеечных сбережениях на какой-либо крупе или ржаном хлебе и не станут из-за гривенника ходить в общественную лавку, когда под боком у них есть частные гастроно-

мические и колониальные магазины, которые удовлетворяют их вкусам, если и не лучше, то, во всяком случае, так же, как и общественная лавка. В большинстве случаев у нас общества устранивались вполне искусственным образом или с целью поддержать модную идею, или с целью поиграть в общественные деятели и поупражняться, причем крупные вкладчики были уверены, что они приносят громадную пользу и глубоко благодетельствуют человеческому роду.

При таком положении дела общества не могли рассчитывать на сколько-нибудь продолжительное существование, так как они имели характер скорее забавы богатых людей, чем серьезных хозяйственных предприятий. И действительно, эти общества быстро ликвидировали свои дела, поглощая в несколько лет или даже месяцев вложенные в них сравнительно крупные капиталы.

Неудачи эти вызвали в русском обществе разочарование в потребительской кооперации, и число вновь открываемых обществ в семидесятых годах прошлого века значительно падает. Затем следует новый подъем, идущий нарастающим темпом вплоть до нашего времени. В этом подъеме принимают видное участие и потребительские общества среди имущих классов. Чиновничьи и офицерские общества нередко являются у нас наиболее благоустроенными обществами.

Некоторые из этих потребительских обществ имущих классов по своей образцовой технической постановке напоминают лондонские чиновничьи общества, как, например, гигантское петроградское Экономическое общество офицеров гвардейского корпуса. Но кооперации в подобных организациях нет почти и следа.

Глава I. КЛАССОВАЯ ПРИРОДА
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ
КООПЕРАЦИИI. АРГУМЕНТАЦИЯ В ПОЛЬЗУ ВНЕКЛАССОВОГО
ХАРАКТЕРА КООПЕРАЦИИ

В кооперативной литературе обычно утверждается, что кооперативы являются внеклассовыми организациями. Кооператив согласно этому взгляду есть такая хозяйственная организация, которая по самому своему существу не связана ни с каким определенным общественным классом и открыта для всех сочувствующих ей. В особенности это кажется бесспорным относительно потребительской кооперации. Ведь всякий человек, какому бы классу он ни принадлежал, всегда вместе с тем и потребитель. Не существует особого класса «потребителей», значит, потребительское общество, если только оно построено правильно, должно быть открыто для всех потребителей, совершенно независимо от того, к каким классам принадлежат последние. Поэтому кооператив, а в особенности потребительский кооператив, не должен иметь классового характера, и всякая попытка приурочить кооперацию к определенным классам должна быть отвергнута как основанная на недостаточном понимании природы кооперации.

И действительно, нельзя спорить, что кооператив является организацией, открывающей свои двери для всех желающих. Если миллионер пожелает стать членом потребительского общества, то общество, конечно, так же охотно примет его в свой состав, как всякого другого. Поэтому с точки зрения своей внешней формы кооперативы, естественно, противопоставляются таким организациям, которые охватывают только лиц определенных профессий и которые закрыты для лиц иной профессии или иного общественного класса. Возьмем, например, какой-нибудь рабочий союз, хотя бы рабочий союз углекопов. В эту организацию никоим образом не могут войти, с одной стороны,

рабочие других отраслей труда, кроме добычи угля; с другой же стороны, в союзе по самому существу дела не могут принимать участие и владельцы угольных копей, ибо союз для того и существует, чтобы защищать интересы рабочих в борьбе с работодателями.

Напротив, потребительское общество, устроенное теми же углекопами, имеет иной характер. Оно должно быть открыто как для рабочих, которые ничего общего с добычей угля не имеют, так и для капиталистов, владельцев копей. Действительно, для чего обществу закрывать свои двери перед капиталистами? Ведь рабочие, состоящие членами общества, только выигрывают от участия в обществе богатых людей, приносящих с собой не только паевой капитал, но и значительную покупательную силу.

Поэтому рационально организованное потребительское общество должно быть построено совершенно иначе, чем рабочий союз: оно должно быть открыто для всех желающих и никого не должно отвергать, если только данное лицо удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляются ко всем, принимающим участие в общественном деле.

Все это совершенно бесспорно, и вот на основании этих-то соображений и говорят, что кооперация стоит вне классов, которые за пределами кооперации ведут между собой ожесточенную борьбу. Кооперация согласно этому представлению есть как бы некоторый оазис в современном капиталистическом обществе, раздираемом классовой борьбой; в этом оазисе царит социальный мир и исчезает антагонизм интересов, место которого заступает общая гармония.

Так, смотрит, например, на кооперацию выдающийся деятель современного международного кооперативного движения, бывший секретарь Международного кооперативного союза Ганс Мюллер. Для него потребительское общество и капиталистическая система современности — это два разных мира. «Потребительское общество, — говорит он, — в целом является полной противоположностью капиталистическому предприятию, и не только со стороны своих хозяйственных принципов, но и со стороны социальных и нравственных тенденций. В капиталистических предприятиях мы — в царстве противоречий классовых интересов погони за богатством и наслаждением, короче — в царстве мамоны; в потребительском обществе, напротив, мы — в царстве экономической и социальной солидарности, в царстве высших культурных интересов, в царстве социализма. Все живые силы его мы находим в потребительском обществе... Потребительское общество — не привилегия одного какого-нибудь класса. При приеме в члены оно не спрашивает ни о занятиях, ни о поле, ни о положении, ни о расе; оно не требует ни аттестаций, ни рекомендаций. Каждого охотно принимает общество.

Все то, что носит образ человека, может войти в потребительское общество и имеет равные права с другими членами».

Сходным образом смотрит на этот вопрос и другой выдающийся деятель современного кооперативного движения Георг Кауфман, создатель и генеральный секретарь Центрального союза германских потребительских обществ, являющийся вместе с тем одним из наиболее выдающихся теоретиков кооперации. «Потребительская кооперация,— говорит Кауфман,— служит членам всех классов, которые обращаются к ней, и как раз в той мере, в какой они обращаются к ней. Здесь нет преимущества одного класса перед другим; никто не в состоянии употребить помощь кооператива только для себя как привилегию. Кооператив постоянно служит членам всех классов, насколько они являются в качестве организованных потребителей и насколько они как таковые, невзирая на классовые перегородки, соединены в один большой, однородный, всеобщий потребительский кооператив. Вне этого кооператива они могут оставаться ярыми классовыми борцами.

Эти взгляды могут считаться типичными для большинства кооперативных деятелей как на Западе, так и в России. Не трудно понять, в чем заключается ошибочность всей приведенной аргументации. Аргументация эта основывается на чисто формальном толковании внешних признаков кооператива. Действительно, потребительский кооператив является организацией, открытой для всех потребителей, без различия сословий, классов и профессий. Но ведь отсюда не следует, что все классы общества в равной мере обнаруживают готовность входить в состав этих открытых организаций. Чтобы примкнуть к кооперативной организации, нужно иметь для этого достаточные побудительные мотивы. Одинаково ли сильны эти мотивы для лиц всех классов общества? Вот в чем заключается вопрос, ответ на который может быть только отрицательный.

Тот же Георг Кауфман, настаивающий в теории на внеклассовом характере потребительских обществ, совершенно отказывается от своего тезиса, переходя на конкретную почву фактов. «Потребительские кооперативы,— заявляет он,— служат для защиты интересов потребителей. Потребительский интерес существует не только в рабочем классе. Таким же интересом обладают и служащие. Потребительский интерес сильно выражен и в крестьянстве, как это показывают примеры Дании, Венгрии, Финляндии и России. И у мелкой буржуазии потребительский интерес не противоречит их производственному интересу. Таким образом, не один класс, а четыре из шести социальных классов заинтересованы в развитии потребительских кооперативов».

Итак, что же утверждает Кауфман? То, что потребительские общества суть внеклассовые организации? Отнюдь нет, по его

собственным словам, в потребительских обществах заинтересованы не все общественные классы, а только некоторые, именно четыре класса из шести. Какие же общественные классы, по мнению Кауфмана, не заинтересованы в потребительской кооперации? Очевидно, что два имущественных класса — крупные землевладельцы и крупная буржуазия.

Все это сознается Кауфманом, как и всяким, сколько-нибудь знакомым с кооперативным движением. «Само собою разумеется,— говорит он,— и нет надобности это подчеркивать, что некоторые потребители никогда не помышляют сделаться членами потребительских кооперативов. У некоторых лиц производительные интересы настолько превышают потребительские, что они становятся во враждебное отношение к потребительской кооперации. Другие же живут в таких хороших условиях, что мелкая хозяйственная выгода, которая предлагается им потребительской организацией, не играет для них никакой роли. Ни один потребительский кооператив и не думает о том, чтобы приспособлять свое хозяйство к потребностям миллионеров, которые принципиально могли бы быть его членами. Кооперативная организация хорошо знает, что эти миллионеры едва ли станут членами ее, хотя бы двери кооперативов и были открыты для всего народа. Вход открыт, но не каждый заходит в него, а потому каждая кооперативная организация сообразует свою практическую деятельность с потребностями того слоя населения, который не остается вне кооперации, но фактически участвует в ней».

Что же выходит? То, что потребительская кооперация является, по мнению Кауфмана, организацией не внеклассовой, а объединяющей лишь некоторые классы современного общества, именно трудящиеся классы. Ведь все четыре класса, перечисленные Кауфманом в качестве единственных, для которых существует потребительская кооперация, суть трудящиеся классы в противоположность двум нетрудящимся классам — крупным землевладельцам и крупной буржуазии. Напрасно только Кауфман говорит о четырех трудящихся классах современного общества, между тем как нужно говорить о трех таких классах — рабочем классе, крестьянстве и мелкой буржуазии (промежуточном классе между трудящимися классами и буржуазией). Служащие, рассматриваемые Кауфманом как особый класс, входят в состав более широкого рабочего класса, а отчасти мелкой буржуазии. Но если даже вместе с Кауфманом и признавать наемных служащих особым классом, все же ясно, что Кауфман, вопреки своему собственному заявлению о внеклассовом характере потребительского общества, признал потребительскую кооперацию хозяйственной организацией только некоторых классов современного общества, иначе говоря — организацией классовою.

Впрочем, с этим в сущности все согласны. Кто же отрицает, что кооперация есть организация нетрудящихся, капиталистических классов, как, например, картели, тресты и т. п. С этим никто не спорит. Но ведь если так, то как же отказать кооперации в классовом характере? Ведь, чтобы быть действительно внеклассовой организацией, кооперация должна была бы охватывать не только трудящиеся классы, но также и классы капиталистические. Если же этого нет, то совершенно ясно, что кооперацию следует признать организацией с определенными классовыми чертами.

2. КЛАССОВЫЕ И ВНЕКЛАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Нужно, однако, заметить, что фактически в кооперативах действительно участвуют все классы общества, участвуют не только рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия, но и крупные капиталисты и крупные землевладельцы. Возьмем, например, сельскохозяйственную кооперацию. Участие в ней помещиков, даже самых крупных, даже владельцев латифундий, чрезвычайно характерно для многих стран. В Германии, например, политическая позиция сельскохозяйственных кооперативов определяется политическими интересами крупных помещиков. То же наблюдается в Бельгии, Франции и других странах.

Нисколько не отрицая этого, мы все же должны признать сельскохозяйственную кооперацию хозяйственной организацией в интересах отнюдь не помещиков, а крестьянства. Классовые интересы крестьянства, а отнюдь не помещиков определяют собой всю структуру этих хозяйственных организаций.

Действительно, какой смысл имеет демократическая организация кооперативов, как не защиту интересов именно трудящегося люда? Откуда, например, правило, что каждый имеет в общем собрании только один голос независимо от числа паев в своих руках, какой смысл имеет запрещение скопления в одних руках более определенного числа паев, откуда требование, чтобы доход распределялся между членами не по паям, а по участию данного лица в оборотах предприятия и т. д. и т. д.? Какой смысл имеют все так называемые райффейзеновские принципы, как не защиту интересов крестьянства? Фактически в райффейзеновских кооперативах Германии огромную роль играют помещики. Но кооперативы эти в хозяйственной области служат интересам не помещиков, а крестьян, ибо не помещики, а крестьяне нуждаются в мелком кредите. Правда, участие помещиков в кооперации не проходит бесследно и является для них средством укрепить свое политическое влияние среди крестьянства. В политической жизни Германии сельские коопера-

тивы служат интересам отнюдь не крестьян, а именно помещиков, так как в области политики не помещики идут за крестьянами, а крестьяне за помещиками. Но в пределах чистохозяйственных функций кооператива участие помещиков ни малейшим образом не мешает тому, что кооператив обслуживает интересы именно крестьянства, как участие богатых лиц во главе благотворительных организаций не мешает тому, что эти организации непосредственно служат интересам бедных, а не богатых.

Чтобы дать вполне точный ответ на вопрос, есть ли кооперация классовое или внеклассовое движение, мы должны прежде всего констатировать, что кооперативы, конечно, не являются такими организациями, в которых участвуют представители только одного какого-нибудь общественного класса. Общественных организаций, приуроченных только к определенному общественному классу, вообще существует в современном обществе очень немного. Так, общественной организацией с совершенно чистым классовым составом являются союзы рабочих как продавцов рабочей силы и союзы работодателей как покупателей рабочей силы. Вполне ясно, что капиталисты никоим образом не могут быть членами рабочего союза, который именно для того и возникает, чтобы вести борьбу с капиталистом; точно так же в союзе работодателей рабочие по самому существу дела не могут принимать участия.

Кроме союзов рабочих и работодателей в области их профессиональных интересов, в современном обществе почти не существует широких организаций всецело классового характера; в остальных организациях, поскольку они возникают свободно и без участия государства, обычно участвуют представители различных классов. Тем не менее мы имеем полное основание говорить о классовом характере многих из современных общественных организаций — не в том смысле, чтобы в состав этих организаций входили представители только одного какого-либо класса, а в таком смысле, что организации эти, будучи смешанного классового состава, служат интересам преимущественно того или иного общественного класса.

В этом смысле мы говорим, например, о классовом характере современных политических партий. Конечно, таких партий, которые целиком состояли бы из одного общественного класса, не существует. Из всех германских политических партий (а именно в Германии политическая жизнь наиболее ярко отражает борьбу классовых интересов) наиболее чистый классовый состав имеет партия социал-демократов. Однако и в состав этой партии входят далеко не одни промышленные рабочие. Как показала известная работа Бланка относительно классового состава тех нескольких миллионов лиц, которые голосуют в Германии за социал-демократических депутатов, в числе этих голо-

сующих имеется очень значительное число лиц, не принадлежащих к рабочему классу, сколько именно, определить невозможно, но, во всяком случае, не менее полумиллиона. Если же мы возьмем другие германские политические партии, то об однородности классового состава каждой из них и говорить нельзя.

В особенности это ясно относительно политических партий, представляющих собой интересы имущих классов. Так, никем не оспаривается, что консервативная партия в Германии является партией крупных землевладельцев, а партия национал-либеральная — партией крупной буржуазии. Но ведь очевидно, что крупные землевладельцы, равно как и крупные капиталисты, составляют только ничтожное меньшинство среди миллионов лиц, голосующих на выборах в рейхстаг за консерваторов и национал-либералов, ибо численность крупных землевладельцев и крупных капиталистов в стране весьма ограничена, и партии, состоящие только из представителей двух названных классов, никогда не могли бы провести в рейхстаг и одного депутата.

Итак, ясно, что в состав консервативной и национал-либеральной партий должны входить в значительно преобладающем числе лица, принадлежащие к иным общественным классам: крестьяне, сельские рабочие, мелкая буржуазия и пр. И если мы говорим, что консервативная партия в Германии есть классовая партия прусских юнкеров, то не в том смысле, чтобы эта партия состояла только из прусских юнкеров (их так мало, что сами по себе они никакой политической партии образовать были бы не в состоянии), а в том смысле, что прусские юнкера играют руководящую роль в консервативной партии, их интересам служит эта партия, и их классовые интересы она представляет в политической жизни страны.

Конечно, было бы неправильно на основании сложности классового состава любой политической партии говорить о политической партии как о некотором оазисе классового мира в раздираемом классовой борьбой современном обществе. Именно в политических партиях и наблюдается особая обостренность классовых интересов: партия защищает с чрезвычайной энергией интересы того общественного класса, который играет в ней руководящую роль, хотя бы представители этого класса в партии численно далеко уступали членам ее из других классов.

Вполне внеклассовых общественных организаций в современном обществе так же мало, как и организаций, построенных только на классовом начале. Внеклассовой организацией являются, например, разного рода религиозные объединения, да и то далеко не всегда. Обычно же разнообразные организации современного общества имеют более или менее классовый характер; хотя они отнюдь не слагаются из представителей только одного какого-нибудь общественного класса и в состав их входят, как общее правило, лица различных общественных клас-

сов, все же интересы тех или других общественных классов получают в них преобладание, и данная организация в своей практической деятельности служит вполне определенно тем или другим классовым интересам.

Имея все это в виду, можно дать вполне определенный ответ на вопрос о классовой природе кооперации. Преобладающий тип кооператива — организация сложного классового состава. В нее обычно входят лица нескольких классов. Кооперативы чистого классового состава являются исключением. Такими чисто классовыми кооперативами являются по самой своей природе трудовые артели разных видов (производительно-подсобные артели, трудовые и производительные). Это — кооперативы столь же определенного классового состава, как и рабочие союзы, в них могут принимать участие только трудящиеся производители. Однако трудовые артели являются, как известно, тем видом кооперации, который играет наименьшую роль в кооперативном движении современности.

Все же другие кооперативы, кроме трудовых артелей, — смешанного классового состава. В этом отношении они походят на политические партии, отличаясь, однако, от последних в сторону большей определенности своего классового строения. А именно, в состав политических партий входят лица всех общественных классов, причем в партии, защищающие интересы господствующих классов, по самому существу дела входят как представители господствующих классов, так и народных масс, ибо без участия последних партия не могла бы собрать достаточное число голосов для проведения своих представителей в парламент. Поэтому консервативные и умеренные партии обнаруживают чрезвычайно пестрый классовый состав.

Напротив, кооперативы обслуживают хозяйственные интересы лишь некоторых общественных классов, именно: трудящихся классов, пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. Хозяйственным интересам крупной буржуазии и крупных землевладельцев служат другие формы хозяйственных предприятий, а отнюдь не кооперативы, которые построены так, чтобы защищать интересы труда в противность капиталу. Поэтому, казалось бы, крупные землевладельцы и крупные капиталисты не должны бы принимать в кооперации какое бы то ни было участие.

На самом деле, как указано выше, это не так. Правда, крупные капиталисты участия в кооперации почти не принимают. Но крупные землевладельцы в некоторых странах очень деятельно участвуют в сельскохозяйственной кооперации и даже играют в ней руководящую роль.

Эта деятельная роль крупного землевладения в сельскохозяйственной кооперации некоторых государств объясняется историческими и политическими условиями развития кооперации

в этих государствах. В таких странах, как Германия, Бельгия, отчасти Франция, крестьянство находится в политическом союзе с крупными землевладельцами, причем этот союз основывается на взаимности услуг: в политической жизни крестьянство идет за крупными землевладельцами и оказывает им деятельную поддержку, а в хозяйственной жизни в кооперативах крупные землевладельцы сотрудничают с крестьянами и оказывают поддержку их организациям.

Поэтому сложность классового состава многих сельских кооперативов несколько не мешает этим кооперативам служить вполне определенным хозяйственным интересам крестьянства, совершенно так же как еще большая сложность классового состава германской консервативной партии несколько не мешает ей служить вполне определенным классовым интересам германских аграриев.

Итак, кооперация не может считаться чисто классовой организацией, подобно рабочему союзу или союзу работодателей, ибо только немногие кооперативы имеют столь же чистый классовый состав. Но классовый состав кооперативов, в общем, более определен, чем классовый состав политических партий, и кооперация преследует в более чистом виде определенные классовые интересы, чем политические партии.

3. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИИ РАЗЛИЧНОГО КЛАССОВОГО СОСТАВА

Каждый общественный класс находит выражение своих интересов в той или иной политической партии. Но кооперация служит в хозяйственной области интересам не всех общественных классов, а только некоторых из них — именно интересам трудящихся классов. Соответственно трем основным классам, интересам которых служит кооперация, кооперативное движение совершенно естественно и без малейшей натяжки распадается на пролетарское, крестьянское и мелкобуржуазное кооперативное движение.

Каждая из трех основных ветвей кооперативного движения имеет свой особый характер и свои специфические черты. Соответственно этому различно и то общее направление, в котором движется кооперация в каждой из этих трех различных областей.

Пролетарская кооперация тяготеет к полному преобразованию современной хозяйственной системы, к созданию нового хозяйственного строя на основе подчинения всей хозяйственной системы интересам общественного потребления. Иначе говоря, потребительская кооперация тяготеет к коллективизму.

Отсюда, однако, не следует, что такой строй может быть

достигнут собственными силами пролетарской кооперации. Известные слова бельгийского кооператора и одного из вождей бельгийской социалистической партии Анзееле о сокрушении твердыни капитализма бомбами из ковриг хлеба и картошек в складах потребительских обществ свидетельствуют о крайнем преувеличении Анзееле общественных сил потребительской кооперации. На самом деле пролетарская кооперация наталкивается в своем развитии на известные пределы, которых она своими силами преодолеть не может.

Поэтому не следует думать, будто потребительская кооперация сама по себе может привести к крушению капиталистической системы хозяйства и замене капитализма коллективизмом. Но не подлежит сомнению, что потребительская кооперация в своем собственном развитии тяготеет именно к этой последней системе хозяйства*.

Пролетарская кооперация далеко не исчерпывает собой всего пролетарского движения нашего времени, которое, кроме кооперации, находит себе выражение также в политической партии рабочего класса и в рабочих союзах. Таким образом, пролетарская кооперация согласно классической форме, данной Давидом на Ганноверском съезде, является одной из трех ветвей освободительного движения рабочего класса.

Совсем иное следует сказать о крестьянской кооперации. Крестьянская кооперация тяготеет не к коллективизму в какой бы то ни было форме, а к совершенно иной системе общественного хозяйства. Действительно, ведь сама сущность типичного пролетарского кооператива — потребительного общества — характеризуется тем, что это — организация в интересах потребителей, а не производителей. Производители в потребительском кооперативе являются наемными рабочими потребителей. Именно поэтому потребительское общество и является прообразом коллективистической системы хозяйства, ибо эта последняя система мыслится как крупная хозяйственная организация, в которой общественный труд управляется из единого центра, выражающего собой интересы всего общества, совпадающего с совокупностью потребителей.* Напротив, крестьянский кооператив есть организация в интересах не потребителей, а производителей. Это полагает принципиальное различие между пролетарской и крестьянской кооперацией.

Если бы мы предположили, что крестьянская кооперация дошла до своего логического предела, т. е. охватила со всех сторон крестьянское хозяйство не только в области обмена, но и в области производительного труда, то мы получили бы крестьянскую производительную артель. Мы можем предположить, что такие крестьянские артели сливаются одни с другими и таким образом возникает одна огромная крестьянская производительная ассоциация. Но все это отнюдь не было бы

коллективизмом, а представляло собой хозяйственную систему существенно иного типа — синдикальный социализм, при котором средства производства находятся во владении ассоциаций производителей, самостоятельно руководящих процессом общественного производства, а отнюдь не управляемых потребителями как при системе коллективизма. Таким образом, крестьянская кооперация ни в каком случае к коллективизму вести не может, какого бы развития она ни достигала.

Но нужно иметь в виду, что крестьянская кооперация отнюдь не обнаруживает тенденции охватывать со всех сторон крестьянское хозяйство. На самом деле, как показывают факты, крестьянская кооперация захватывает только одну область крестьянского хозяйства, именно область обмена, а не крестьянского производительного труда. Мы почти не знаем успевающих крестьянских производительных артелей (итальянские производительные земледельческие артели не могут быть примером противного, ибо они не являются самостоятельными производительными предприятиями, будучи лишь своеобразной формой помощи безработным, вспомогательной организацией при рабочих союзах). И потому мы не имеем никакого основания предполагать, что крестьянская кооперация мало-помалу захватит и область крестьянского производительного труда, не можем думать, что в дальнейшем своем развитии крестьянские кооперативы возьмут на себя и производство земледельческих продуктов, причем крестьянин лишился бы самостоятельного хозяйственного предприятия, перестал бы самостоятельно обрабатывать свое поле, которое вместе со всем инвентарем перешло бы крестьянскому кооперативу. Жизнь не показывает таких примеров, и ни малейших тенденций к такому процессу развития мы пока не наблюдаем.

Наоборот, факты показывают, что по мере развития кооперации крестьянин все крепче сидит на своем поле и не обнаруживает ни малейшей охоты отказаться от своего хозяйственного предприятия и передать его какому-либо кооперативу.

Поэтому, считаясь с реальными фактами, мы должны прийти к заключению, что крестьянская кооперация отнюдь не имеет тенденции упразднить собственное хозяйство крестьянина, а, наоборот, укрепляет последнее и только преобразовывает его в том отношении, что отношения крестьянина с рынком утрачивают свой прежний индивидуалистический характер и заменяются кооперативной организацией. В сфере обмена, а также в сфере переработки крестьянских продуктов кооперация действительно упраздняет частное хозяйство крестьянина; но в сфере производства этих продуктов крестьянское хозяйство не только не терпит умаления, а, наоборот, только укрепляется благодаря тому подъему благосостояния, которое создается кооперацией.

Итак, стоя на почве фактов, мы должны прийти к выводу, что крестьянская кооперация вовсе не заключает в себе тенденции к замене крестьянского хозяйства синдикальным социализмом. Благодаря кооперации создается новый тип крестьянского хозяйства, в котором для индивидуального хозяйства остается только одна область — сельскохозяйственного труда, все же остальные хозяйственные операции — купли-продажи, получения кредита и переработки сельскохозяйственных продуктов — исполняются не единоличными силами сельскохозяйственного производителя, а коллективной силой организованных в кооперативы производителей. В результате получается некоторая новая система крестьянского хозяйства, но система совершенно иная, чем та, к которой приводит естественный ход развития пролетарской кооперации.

Наконец, что касается мелкобуржуазной кооперации, то тенденции развития этой ветви кооперативного движения опять-таки совершенно иные. Мелкобуржуазная кооперация не тяготеет ни к коллективизму, ни к какой-либо иной новой хозяйственной системе. Более всего она тяготеет к чисто капиталистическим организациям и нередко при благоприятных условиях испытывает капиталистический метаморфоз — превращается в капиталистические предприятия. Таков, например, ход развития одной из самых характерных форм мелкобуржуазных кооперативов на Западе — народных банков Шульце в Германии, которые, как это было выяснено выше, путем естественного развития превращаются в обычные капиталистические банки. Точно так же и потребительские общества мелкобуржуазного состава легко принимают формы, мало уклоняющиеся от обычных акционерных компаний. Примером таких потребительских обществ являются знаменитые лондонские общества чинов гражданского ведомства, относительно которых возникает вполне обоснованный вопрос, можно ли их считать кооперативами или нет.

Правда, превращение в капиталистические предприятия не является неизбежным законом развития мелкобуржуазных кооперативов. Нельзя, например, утверждать, что всякое потребительское общество мелкобуржуазного состава непременно должно в конце концов при благоприятном ходе дела превратиться в акционерную компанию. Это превращение возможно, но для общества может оказаться более удобным сохранение кооперативной формы. Как общее правило, потребительские общества мелкобуржуазного состава сохраняют форму кооперативов, потому что эта форма более соответствует хозяйственным интересам их членов.

Но, во всяком случае, ясно, что мелкобуржуазные потребительские общества никакого тяготения к социализму в какой бы то ни было форме не обнаруживают. Они твердо ограничи-

вают свои функции своей непосредственной задачей — доставкой своим сочленам предметов потребления возможно лучшего качества и по возможно более низкой цене и ни к чему большему не стремятся, обнаруживая в этом отношении резкий контраст с пролетарскими рочдельскими обществами, которым присущ дух стремления к неограниченному расширению своих операций путем захвата в круг своего влияния все новых и новых областей хозяйственной жизни.

Таким образом, мы видим, что кооперация в каждой из своих основных классовых ветвей имеет существенно иной характер и имеет различные тенденции развития. Отсюда ясна невозможность объединения всего кооперативного движения в одну организацию и неустранимость внутренних трений между кооперативами, представляющими кооперативы различной классовой природы.

4. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КООПЕРАТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Во всех тех странах, где кооперация достигла значительного развития, кооперативное движение с течением времени резко поделилось на несколько различных организаций соответственно своему классовому составу. Это мы видим, например, в Англии, где кооперация имеет три особых центра соответственно трем основным классам, участвующим в кооперативном движении: пролетарская рочдельская кооперация объединена в двух обществах оптовых продаж (английском и шотландском) и в Кооперативном союзе; мелкобуржуазная кооперация имеет свой особый центр в лондонских чиновничьих потребительских обществах, которые ни в каком общении с рочдельскими обществами не состоят, не принимают участия ни в обществах оптовых продаж, ни в Кооперативном союзе; недавно народившаяся, но быстро развивающаяся крестьянская кооперация Англии имеет также свои особые центры и стоит особняком от Кооперативного союза.

Только в начале своего развития кооперативное движение может сохранить известное единство благодаря невыясненности своей классовой природы и невозможности развернуть все свои силы. В этом отношении очень поучительна история германской кооперации. При своем возникновении она тесно объединена в одной организации — Всеобщем союзе Шульце. В этот союз входят все виды кооперативов, и некоторое время кооперативы эти прекрасно уживаются вместе. Затем рядом со «Всеобщим союзом» и совершенно независимо от него начинают расти крестьянские кооперативы, созданные Райффейзенем и скоро объединившиеся в свою особую центральную организацию, при-

чем между обеими организациями — Шульце и Райффейзена — начинается многолетняя распря и ожесточенная полемика. Враждебные отношения между Шульце и Райффейзеном вытекают из различия тех принципов, на которых строились кооперативы в пределах шульцевской и райффейзеновской организаций. Райффейзеновские принципы казались и не могли не казаться Шульце совершенной нелепостью, ибо, действительно, принципы эти в применении к мелкобуржуазной кооперации, во главе которой стоял Шульце, не имели никакого смысла. Но они были вполне приспособлены к условиям жизни общественного класса, с которым имел дело Райффейзен, — крестьянства.

Таким образом, в германской кооперации оказалось два центра: Всеобщий союз Шульце и райффейзеновский союз. Но этим раздробление германской кооперации, вызванное ее естественным развитием и ростом, не кончилось. Только до тех пор, пока пролетарская кооперация была слаба, она могла уживаться в рамках шульцевского союза. Но с началом ее роста пребывание ее в пределах этого союза оказалось невозможным, и союз исключил все пролетарские кооперативы из своего состава. Любопытно, что пролетарские кооперативы очень противились этому исключению и всячески цеплялись за союз. Очевидно, они не понимали неизбежности этого разрыва и верили в единство кооперации, как продолжают верить в его единство многие кооператоры и до настоящего времени.

То, что произошло после исключения из Всеобщего союза пролетарских кооперативов, лучше всего доказало, до какой степени были неосновательны страхи руководителей германской пролетарской кооперации. Оказалось, что разрыв этот не только не помешал росту пролетарской кооперации, но чрезвычайно содействовал этому росту. Только после утраты связи с шульцевским союзом начинается то стремительное развитие германской потребительской кооперации, которое мы наблюдаем за последние годы.

Таким образом, в Германии, как и в Англии, возникло три центра кооперации соответственно трем общественным классам, участвующим в кооперативном движении, — пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии. Всеобщий союз — центр мелкобуржуазной кооперации, Центральный союз германских потребительских обществ (созданный пролетарскими кооперативами, исключенными из Всеобщего союза) — центр пролетарской кооперации и Имперский союз — центр крестьянской кооперации. Никому не приходит в настоящее время в Германии мысль о возможности возвращения к доброму старому времени, когда Всеобщий союз объединял всю германскую кооперацию, — до такой степени очевидно, что такое объединение различных по своей классовой природе кооперативов и невозможно, и нежелательно.

Вообще, ни в одной стране со значительным развитием кооперации мы не встречаем организаций, включающих в себя все виды кооперативов без различий. В частности, крестьянская кооперация везде стоит особняком от пролетарской и идет своей особой дорогой.

Только в таких странах, как Россия, где кооперативное движение только начинается, может быть речь об организациях, объединяющих все кооперативное движение. При незрелости русского кооперативного движения такие объединяющие организации могут быть полезны, но, конечно, при дальнейших успехах русской кооперации и ей придется подразделиться в соответствии с классовым делением современного общества.

Очень поучительны в том же смысле попытки создать международное объединение кооперации. Творцы «Международного кооперативного союза» имели в виду объединение всего мирового кооперативного движения, а не какой-либо его части. И вначале в конгрессах союза принимали участие (хотя и далеко не равное) представители различных кооперативных течений — как вожди пролетарской кооперации, так и представители шульцевского и райффейзеновского союзов. Но уже через несколько лет такое совместное сожительство в одной организации разнородных общественных элементов оказалось невозможным, и из Международного союза ушли последователи как Шульце, так и Райффейзена. В настоящее время союз принял форму всемирной организации только одного вида кооперации — именно пролетарской кооперации.

Наряду с этим возник международный союз крестьянских кооперативов как организация, совершенно независимая от «Международного кооперативного союза».

Что касается мелкобуржуазной кооперации, то она никакого объединяющего международного центра не имеет и, по-видимому, не чувствует ни малейшей потребности в таком центре. Это и понятно: мелкобуржуазная кооперация в противность пролетарской и крестьянской не стремится ни к каким широким задачам или отдаленным целям, а прекрасно уживается в условиях существующей хозяйственной системы, почему и не испытывает нужды в международном объединении.

5. ВЗАИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ И КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Но если признать, что различные ветви кооперативного движения идут различными путями, то возникает новый вопрос: как же должны складываться отношения между этими различными кооперативными течениями? Существует ли неустранимый антагонизм между этими течениями или же они, не сливаясь в одно целое, все же могут быть примирены друг с другом?

Вопрос этот имеет значение в особенности по отношению ко взаимным отношениям пролетарской и крестьянской кооперации. Что же касается мелкобуржуазной кооперации, то так как по самому своему существу кооперация этого рода преследует только ближайшие, узкие хозяйственные цели, то она вообще стоит вне широкой общественной жизни современности, не встречая ни горячих защитников, ни ожесточенных врагов.

Совсем другое дело пролетарская и крестьянская кооперация. И та и другая представляют собой мощные общественные движения с огромными задачами, глубоко затрагивающими самые существенные жизненные интересы современного общества. Крестьянская и пролетарская кооперации быстро растут и охватывают собой миллионы трудящихся. И потому вопрос о взаимоотношениях пролетарской и крестьянской кооперации имеет первенствующую важность для нашего времени.

Нельзя отрицать, что до сих пор отношения пролетарской и крестьянской кооперации в тех странах, где кооперативное движение получило значительное развитие, были далеко не дружественными. И это понятно. Помимо того, что крестьяне и пролетариат в важнейших странах Западной Европы входят в состав противоположных политических партий (крестьянство обычно является опорой консервативной, а пролетариат — социалистической партии), и в чисто хозяйственной области крестьянская и пролетарская кооперация легко приходят в столкновение.

Пролетарская кооперация, выражением которой являются потребительские общества, стремится к понижению цен предметов потребления. Важнейшими же предметами потребления рабочего класса являются разного рода сельскохозяйственные продукты, производимые крестьянами. Поэтому потребительская кооперация стремится к понижению городской цены продуктов крестьянского труда.

Наоборот, крестьянская кооперация, представляя интересы не городских потребителей, но деревенских производителей, ставит себе целью поднятие той цены, которую крестьянин выручает при продаже в деревне продукта своего труда.

На почве этих противоположных стремлений может возникнуть самый резкий антагонизм между пролетарской и крестьянской кооперацией. В странах Запада мы сплошь и рядом замечаем, что городская потребительская кооперация видит в деревенской производительной кооперации своего опасного врага.

Во время волнений, вызванных в 1911 г. в разных западноевропейских странах обострением дороговизны жизни, деревенские кооперативы подвергались ожесточенным нападкам со стороны вождей пролетарской потребительской кооперации. Да и вообще отношения деревенской и пролетарской кооперации на Западе отнюдь еще не могут быть названы дружественными.

Итак, наличие известного антагонизма интересов пролетарской и крестьянской кооперации может считаться бесспорным фактом. Но отсюда еще не следует, что мы должны признать обе важнейшие ветви кооперативного движения естественными врагами.

Прежде всего нужно принять в соображение следующее. Покупная цена предметов потребления в городе и продажная цена тех же предметов, выручаемая крестьянином в деревне, весьма значительно разнятся друг от друга. Между деревенским производителем и городским потребителем стоит ряд торговых посредников, присваивающих себе львиную долю цены продукта на месте потребления. Вот эта-то разница между покупной и продажной ценой и есть область, за счет которой могут быть удовлетворены интересы и производителя, и потребителя.

Если бы производитель непосредственно сносился с потребителем, то, конечно, выигрыш в цене одного был бы равносильным проигрышу в цене другого. Но ведь положение не таково, и за счет присвоения прибыли торгового посредника возможно одновременно повышение продажной цены деревенского производителя и понижение покупной цены городского потребителя. А так как торговый посредник получает очень значительную долю товарной цены,—специальные расследования показали, что очень часто товар, доходя до розничной городской лавки, повышается в своей цене сравнительно с той ценой, по которой он был продан сельским производителем, в два раза и более,—то, значит, для согласования интересов производителя и потребителя имеется очень широкая область.

Но, конечно, возможность одновременного выигрыша за счет продажной цены и производителя, и потребителя все же заключена в известные пределы, за которыми примирение интересов производителей и потребителей этим путем достигнуто быть не может. В таком случае остается прибегнуть к принципу «справедливой цены» — цены, соответствующей труду производства. Такая трудовая цена должна быть признаваема основой для установления прочного мира между крестьянской кооперацией производителей и городской кооперацией потребителей*.

Крестьяне и фабричные пролетарии в равной мере принадлежат к трудящимся классам населения, а это создает почву для солидарности их интересов. За последние десятилетия повсеместно замечается отлив населения из деревни в город: крестьяне и сельскохозяйственные рабочие превращаются в городских рабочих, причем нередко в одной и той же семье одни члены семьи пахут землю, а другие работают в городе на фабрике. Не говоря уже о таких странах, как Россия, где фабричный рабочий еще сплошь и рядом работает летом в деревне, а зимой в городе или же, работая на фабрике, содержит свою

семью в деревне на своем наделе; и на Западе, где имеется уже вполне дифференцированный класс фабричного пролетариата, фабричные рабочие имеют много общих интересов с крестьянами. Падение благосостояния деревни и на Западе невыгодно отражается на заработной плате фабричных рабочих, вызывая усиленный приток рабочих в города и сбивая плату городских рабочих.

С другой стороны, падение заработной платы городских рабочих невыгодно отражается на деревне, уменьшая возможность для деревенского люда находить себе заработок в городе и в то же время сокращая городской спрос на изделия крестьянского труда. Ведь если в известном смысле интересы продавца и покупателя противоположны, то в другом смысле солидарны: продавец нуждается в платежеспособном покупателе, как и покупатель нуждается в обладающем достаточными производственными средствами продавце*.

В силу этого при наличии известных различий интересов между трудящимися классами в деревне и городе существует и глубокая общность интересов, создающая почву для взаимного сближения крестьянского и пролетарского кооперативного движения.

Правда, в руководящих странах Запада пока такого сближения не наблюдается. Но для этого взаимного разъединения существуют особые причины, корнящиеся не в хозяйственной, а в политической области. Если же оставить в стороне политику, то пролетарской и крестьянской кооперации следовало бы идти рука об руку, а не находиться во взаимной вражде. В России до настоящего времени, к счастью, не наблюдается антагонизма между крестьянской и пролетарской кооперацией: обе ветви кооперативного движения не только не враждуют между собой, но и обнаруживают стремление объединяться в одних общих организациях. Последнее можно было считать возможным лишь при начале кооперативного движения. После революции обособилась пролетарская кооперация и должна получить свой особый центр крестьянская кооперация. Последнее еще дело будущего. Во всяком случае, сохранение дружественных отношений между крестьянской и пролетарской кооперацией отнюдь не противоречит классовому характеру кооперации, и было бы крайне желательно, чтобы то положение дела сохранилось у нас и в будущем*.

6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ КООПЕРАЦИИ

Итак, кооперация отнюдь не является организацией, стоящей вне и выше социальных классов. Она объединяет определенные классы на почве их классовых интересов в еще большей мере, чем это можно сказать относительно политических партий. Не

следует ли из этого сделать вывод, что кооперация должна тесно примкнуть к политическим партиям и объединиться со всеми другими организациями, защищающими интересы того же класса?

В некоторых странах кооперативное движение не имеет самостоятельного характера и входит в состав политического движения. Это мы видим, например, в Бельгии, где пролетарские кооперативы находятся в тесной связи с бельгийской социалистической партией, а крестьянские кооперативы являются опорой консервативной католической партии. Сходное положение дела наблюдается и в Италии, отчасти во Франции и других странах. Напротив, в Англии, родине пролетарской кооперации, кооперация не была до последнего времени в определенной связи с какой бы то ни было политической партией и всегда сохраняла строгий политический нейтралитет (в настоящее время позиция английской кооперации по отношению к парламентским выборам как будто изменилась, но какое практическое значение получит решение кооперативного конгресса 1917 г. в пользу участия кооператоров как таковых в парламентских выборах — покажет будущее). Германские кооператоры почти без исключений высказываются принципиально за полную независимость кооперации от каких бы то ни было политических партий, за полный политический нейтралитет; однако фактически германской кооперации не удалось удержаться на этой политически нейтральной почве, и различные ветви германского кооперативного движения тяготеют к известным политическим партиям.

Так, германские пролетарские кооперативы, объединенные в Центральном союзе германских потребительских обществ, хотя и исповедуют принцип политического нейтралитета, но фактически стоят близко к социал-демократической партии. Мелкобуржуазные кооперативы, входящие в состав Всеобщего союза, также тяготеют к либеральной Свободомыслящей партии. А сельские кооперативы Имперского союза находятся под сильным влиянием аграриев, стоящих во главе консервативной партии.

На примере Германии мы видим, как трудно кооперации сохранить нейтральную позицию, если политическая борьба очень обострена. Тем не менее можно считать несомненным, что вовлечение кооперации в политическую борьбу не усиливает, а ослабляет кооперативное движение. Действительно, ведь кооперация сама по себе никаких политических целей себе не ставит и является организацией чисто хозяйственного характера. Непосредственные задачи кооперации такого рода, что в кооперативе могут принимать участие лица самых различных политических партий, ибо все они в равной мере заинтересованы в целях кооперации*.

И консерватор, и либерал, и умеренный, и радикал являются в равной мере потребителями и в равной мере заинтересованы в том, чтобы их предметы потребления были хорошего качества и стоили возможно дешевле. Точно так же, каковы бы ни были политические убеждения крестьянина, он одинаково заинтересован в улучшении условий продажи своих продуктов или в удешевлении необходимого для него кредита. Поэтому кооперация привлекает к себе лиц трудящихся классов совершенно независимо от их принадлежности к той или иной политической партии.

Если кооперация приходит в связь с политическими партиями, то в состав одного и того же кооператива не могут входить лица, принадлежащие к различным политическим партиям. Иными словами, отказ от принципа политического нейтралитета неизбежно приводит к раздроблению кооперации и, значит, к уменьшению ее силы.

Кооперативное движение и так естественно подразделяется на особые организации соответственно своему классовому составу: крестьянская кооперация складывается особо от кооперации пролетарской, а пролетарская кооперация не сливается с мелкобуржуазной. Крайне нежелательно, чтобы наряду с этим делением, вытекающим из неустрашимых классовых различий, возникало еще новое подразделение кооперации в пределах каждого класса соответственно политическим взглядам членов того же общественного класса. Между тем именно это мы видим там, где кооперация вовлечена в политические партии. Так, например, в Бельгии имеются потребительские общества как социалистические, так и либеральные и католические. В Италии имеются как социалистические, так и католические крестьянские кооперативы и т. д.

Это неизбежно приводит к такому дроблению кооперации, которое существенно ее ослабляет. Привнесение политических целей ни малейшим образом не требуется существом кооперации как организации, созданной для разрешения определенных хозяйственных задач, в которых в равной мере заинтересованы лица самых противоположных политических воззрений.

От соединения кооператива с политической партией проигрывают обе стороны, как партия, так и кооператив.

Что касается кооператива, то проигрыш его очевиден. Партия ровно ничего не может дать для укрепления кооператива. Если партия оказывает известное давление на своих членов для того, чтобы они вступали в кооператив, то от этого кооператив несколько не выигрывает, ибо участие в кооперативе должно быть вполне добровольным. Только при полной свободе участия в кооперативе последний может успешно достигать своих целей: такова основная сущность кооперации. Поэтому кооператив отнюдь не может желать, чтобы к участию в нем привлекались

лица, которые сами по себе, без внешнего давления не вступили бы в его состав.

С другой стороны, партия не может оказывать и экономической поддержки кооперативу, финансировать его, ибо политические партии не являются финансовыми организациями, располагающими излишними капиталами. Наоборот, партия нуждается в финансировании ее со стороны кооператива.

Таким образом, ни с какой стороны связь кооператива с политической партией не может принести кооперативу пользы. Но такая связь приносит кооперативу несомненный вред.

Кооператив преследует хозяйственные цели, а политическая партия — политические. В кооперативах люди группируются по своим хозяйственным интересам, а в партиях — по политическим взглядам. Но при сходстве интересов взгляды могут быть различны. Действительно, в пределах каждого общественного класса находятся сторонники самых различных политических партий.

Связь кооператива с партией должна, очевидно, вести к тому, что в состав кооператива не будут входить лица, принадлежащие к другим партиям. Иначе говоря, численный состав кооператива существенно сокращается и кооператив становится благодаря связи с партией слабее.

В литературе часто указывается, например, что благодаря партийной окраске бельгийских кооперативов бельгийские потребительские общества слабее швейцарских, где принцип политического нейтралитета кооперации проводится очень строго. Ничего другого и быть не может, ибо в Бельгии наряду с социалистическими имеются в тех же районах либеральные и католические потребительские общества, которые все находят себе членов, между тем как в Швейцарии в данном городе обычно имеется лишь одно потребительское общество, в состав которого входят лица самых различных политических партий, что несколько не мешает им мирно работать в кооперативе друг около друга.

Но и партия не выигрывает от связи с кооперативом. Действительно, в чем может выражаться этот выигрыш? Почти исключительно в финансовой поддержке партии кооперативом. Однако такая финансовая поддержка не может выражаться крупными цифрами, так как в противном случае кооператив оттолкнет от себя членов, которые ведь представляют собой не исключительных личностей, готовых к самопожертвованию, но заурядных людей, отнюдь не склонных уделять значительную часть своего дохода на нужды, не связанные непосредственно с их жизненными потребностями.

И действительно, мы видим, что везде, где кооперация связана с политическими партиями, финансовая поддержка партии кооперативами выражается самыми скромными цифрами, вы-

зывая, однако, большое недовольство со стороны многих членов кооператива и упреки в эксплуатации кооперации партией.

Таким образом, от полного разрыва между кооперацией и политическими партиями выигрывают обе стороны. Конечно, между партией и кооперативом, выражающими интересы того же общественного класса, могут и должны быть дружественные отношения, что может выражаться самым различным образом. Но и та, и другая организации должны быть совершенно автономны и самостоятельны во всех своих действиях и решениях. В состав партии и кооператива могут входить одни и те же лица, но крайне важно, чтобы формальной юридической связи между обеими организациями не было, так как только таким образом может быть достигнута полная свобода роста кооперации.

И потому партии, сочувствующие кооперации, поступают наилучшим образом, совершенно отказываясь от стремления подчинять себе в каком бы то ни было отношении кооперативное движение, которое должно быть вполне свободно от каких бы то ни было партийных целей.

Эта необходимость полной свободы кооперации была признана и на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене в 1910 г.,* на котором вопрос об отношении социалистических партий к кооперации подвергся обстоятельному обсуждению. Конгресс значительным большинством признал принцип самостоятельности и независимости кооперации.

Требования, выставленные конгрессом по отношению к потребительской кооперации, заключались в следующем.

Денежные суммы, распределяемые потребительскими обществами, не должны возвращаться целиком членам, но должны также идти в фонд для организации обществ оптовых закупок, а также и самостоятельного производства. Кроме того, этот фонд должен служить целям воспитания, образования и поддержки членов. Затем конгресс постановил, что отношения труда и заработной платы служащих в кооперативах должны соответствовать постановлениям рабочих союзов, что собственное производство потребительских обществ должно быть образцово поставлено и что должно быть обращено внимание на условия труда в производстве тех товаров, которые покупаются кооперативом.

Все эти требования вполне соответствуют интересам здорового развития кооперации и потому никаких возражений не вызывают. Конгресс не формулировал в данном случае ничего нового, а только одобрил реальную практику кооперации. Конечно, кооперация жизненно заинтересована в развитии собственного производства, поднятии духовного уровня своих членов и поддержании их в случае нужды. Точно так же в области своего рабочего вопроса кооперация должна действовать в со-

ласии с рабочими союзами. Требование, чтобы кооперативы обращали внимание на условия труда в производстве товаров, приобретаемых кооперативом, обосновывается солидарностью коопераций со всеми мерами, направленными к улучшению положения трудящихся.

Таким образом, Копенгагенский конгресс занял по отношению к кооперации вполне правильную позицию, предоставив кооперации идти своей собственной дорогой.

Однако признание политического нейтралитета кооперации еще неравносильно требованию полного отказа кооперации от участия в политической жизни. При известных условиях кооперация может и должна участвовать в политической жизни — именно тогда, когда дело идет о защите законодательным путем жизненных интересов кооперации. Если является необходимость в выработке кооперативного закона или в изменении правового положения кооперативов, улучшении условий обложения кооперативов налогами и т. п., то кооперация не может не защищать на политической арене своих интересов, чем ни малейшим образом не нарушается принцип ее политической нейтральности, ибо в этом случае кооперация становится на почву защиты вполне определенных собственных интересов, а не стремится влиять на общее направление политической жизни в стране.

И, конечно, защищая свои специальные интересы в законодательных палатах, кооперация не имеет надобности в создании своей собственной политической партии. Политическая партия не может преследовать только узкоопределенные, частные цели, но должна участвовать во всей политической жизни страны. Кооперация же принципиально уклоняется от политической деятельности и только по необходимости, для защиты своих специальных интересов, может нарушать свое воздержание от политики. Поэтому для кооперации недопустимо не только образование политической партии, но и выставление кооперативных кандидатур при выборах в законодательные палаты.

Участие кооператоров как таковых в выборах в парламент может выразиться только в том, что кооператоры оказывают поддержку лишь тем кандидатам, которые обязываются поддерживать в законодательных палатах меры, благоприятные для развития кооперации. Точно так же при проведении в законодательных палатах мер, непосредственно затрагивающих интересы кооперации, кооператоры в лице своих выборных представителей могут и должны стремиться влиять на решения законодательных палат в смысле, благоприятном для кооперации. Для этого могут быть образованы при парламентах особые выборные органы из среды кооператоров.

Но в самих парламентах для кооперативной партии места нет, и кооператоры должны защищать свои интересы через

посредство всех депутатов, к какой бы партии последние ни принадлежали, если только они сочувствуют делу кооперации.

Так поступила русская кооперация при внесении в Государственную думу проекта общекооперативного закона, выработанного и одобренного представителями всероссийской кооперации. Проект поступил в думу не от имени той или иной политической партии, но как поддерживаемый целым рядом партий, от умеренных до крайних левых. В данном случае еще столь молодая русская кооперация обнаружила большую политическую зрелость, и было бы крайне желательно, чтобы такую же политическую зрелость наша кооперация продолжала проявлять и в будущем.

Но, конечно, за пределами кооператива члены его становятся гражданами и как таковые участвуют в политической жизни страны. Увлечение кооперацией не должно ни малейшим образом приводить к политическому индифферентизму: устранение политики из кооперации основывается не на пренебрежении к политике со стороны кооперации, а на сознании различия этих областей общественной жизни.

Глава II. О КООПЕРАТИВНОМ ИДЕАЛЕ

Кооперация является новой формой общественного хозяйства, которая может иметь успех только при условии известного воодушевления, морального подъема участников этого хозяйства. В этом глубокое принципиальное отличие кооперации от капитализма.

Капитализм обращается к грубым и первобытным инстинктам человеческой природы — к инстинктам эгоизма. Жажда богатства, жажда власти, страх перед потерей заработка — вот основные хозяйственные мотивы человеческого поведения в капиталистическом обществе.

Человек в строе капитализма превращается в слугу капитала. Но ведь капитал — продукт самого человека. Таким образом капитализм заключает в себе нечто противоестественное и как бы безумное. Вещь, созданная человеком, становится его собственным повелителем.

В этом заключается своеобразный фетишизм капитализма, природа чего была так гениально раскрыта Марксом в его знаменитых страницах о товаре—фетише. Как деревянный идол, сделанный собственной рукой дикаря, становится для дикаря богом и кажется дикарю управляющим всем его поведением, так и трудовой продукт цивилизованного человека становится при господстве капиталистических отношений повелителем этого

самого человека и определяет собой, в его собственных глазах его поведение.

Банальным образом этого господства в современном строе хозяйства вещь над человеком является власть над человечеством денег, золотого тельца.

Золото, иначе говоря — капитал, царит над миром. И не только пролетарий, рабочий, лишенный средств производства, подвластен капиталу, — нет, и сам капиталист служит золотому идолу.

Чрезвычайно любопытна в этом смысле личная жизнь крупнейших капиталистов современного мира — американских миллиардеров. Эти люди — Гульды, Морганы, Рокфеллеры, — располагающие или располагавшие невероятными денежными капиталами, менее всего пользовались своей хозяйственной властью для удовлетворения своих личных потребностей. Они отнюдь не ушли «в свое удовольствие», отнюдь не тратили своих огромных богатств на роскошь и прихоти личного вкуса.

Напротив, эти люди, которым в мире чувственных наслаждений все было доступно в самом неограниченном размере, в своей личной жизни были образцом упорнейшей и напряженнейшей работы, иногда прямо самоотречения.

Скромная и умеренная пища, отказ от каких бы то ни было развлечений и непрерывный труд, поглощавший до конца всю их духовную и физическую энергию, — такова была жизнь этих владык и вместе слуг капитала, олицетворявших собой в общественном мнении власть золота, но в свою очередь поработенных капиталом, хотя и в другом смысле, чем рабочие*.

Таким образом и капиталист, и рабочий подчинены в капиталистическом мире, хотя и в разных формах и смыслах, капиталу.

Истинным владыкой этого мира является не человек, хотя бы и капиталист, а безличная сила общественных отношений капиталистической системы, сила, господствующая над всем капиталистическим обществом, — капитал.

Кооперация представляет собой прямо противоположную систему хозяйства. В ней царит не капитал, не вещь, а человек, личность*. И для успеха кооперации требуется господство в душе человека не жажды богатства, а чувства общественной солидарности, готовность жертвовать личным интересом ради интересов общественной группы*.

Вот почему кооперативное хозяйство настоятельнейшим образом требует воспитания соответствующего человека.

Затрачивая огромные суммы на поднятие духовного уровня современного человечества, устраивая библиотеки, музеи, учебные заведения, курсы, лекции, народные дома, кооперация следует не только свойственным ей идеалистическим мотивам, но и своему правильно понятому хозяйственному интересу. Ибо для

достижения своих хозяйственных целей кооперация должна прежде всего создать человека, способного ей служить.

Кооперация может преуспевать лишь в атмосфере энтузиазма, увлечения высокими целями. Энтузиазм так же необходим кооперации, как жажда богатства капитализму.

Попробуйте представить себе цветущее капиталистическое хозяйство в среде людей с психическим строем первых христиан — не является ли само предположение такого общественного состояния внутренне противоречивым? Христианский отшельник — спекулирующий на бирже; христианский мученик — считающий свои барыши и накапливающий капиталы — все это чудовищно, невозможно и нелепо.

Столь же невозможна кооперация среди людей, чуждых общественной солидарности и думающих лишь о себе.

Но в то время как капитализму не приходится заботиться о создании требующегося для него человека — ибо об этом достаточно позаботилась сама природа, — кооперации нужно создавать своего человека с величайшими усилиями, так как весь современный строй хозяйства воспитывает в человеке отнюдь не те душевные свойства, которые требуются для кооперации*.

Кооперации нужно идти против господствующего течения, создавая встречное историческое течение, которое должно преодолеть течение капитализма.

И кооперации удастся побеждать капитализм. Каждый год возникают новые и новые тысячи кооперативов, примыкают новые и новые миллионы работников к великой кооперативной армии мира.

Но победы и завоевания кооперации возможны лишь благодаря росту кооперативного воодушевления и энтузиазма.

Вот почему в кооперативной литературе обычно так сильно звучит идеалистический мотив. Почти все популярные работы, посвященные кооперации, — все эти бесчисленные брошюры и листовки, кооперативные календари, журналы и газеты, которые расходятся среди миллионов кооператоров, — являются в большей или меньшей степени хвалебными гимнами кооперации, более или менее удачными попытками доказать величие, силу и моральную красоту кооперации.

Правда, научное исследование должно подходить к кооперации с таким же беспристрастным анализом, как и ко всякому другому предмету изучения. Но кооперативная пропаганда ставит себе иные цели и совершенно законно апеллирует не только к разуму, но и к чувству человека, стремясь увлечь массового читателя яркими картинками возвышенности и благородства целей кооперативного движения.

При таком положении дела и для научного исследования кооперации вопрос о конечной цели кооперации — о кооперативном идеале — приобретает первенствующий интерес*.

К чему в конце концов стремится кооперация — действительно ли ее конечная цель так высока, как это думают кооператоры?

Что цели кооперации благороднее, чем цели капитализма, это ясно само собой и ни в каком доказательстве не нуждается.

Но многие (даже кооператоры) думают, что цели кооперации могут требовать себе предпочтение лишь по сравнению с целями существующей хозяйственной системы — капитализма*.

Кооперация выросла на капиталистической почве и питается соками капиталистического общества. Весь смысл современной кооперации заключается в борьбе с различными формами капитализма. Кооперацию, как она реально существует в обществе нашего времени, почти нельзя себе представить вне капитализма и частной собственности.

В основе современной кооперации, несомненно, лежит частная собственность, и не только частная собственность, но и капиталистическая эксплуатация труда. Паи, проценты на капитал, наемный труд — что это такое, как не элементы капитализма?

Многие очень убежденные апологеты кооперации являются столь же убежденными противниками социализма и сторонниками общественного строя, основанного на частной собственности.

Не говоря уже о таких исторических деятелях кооперации, как Шульце-Делич, все мировоззрение которого было насквозь проникнуто мелкобуржуазным духом, и теперь большинство вождей кооперации не стоит на почве социалистического мировоззрения.

Только в тех странах, где кооперация связана на практике с политическими партиями, мы видим мощные кооперативные течения, принципиально приемлющие социализм. Но и тут рядом с социалистической кооперацией мы встречаем кооперацию, самым решительным образом враждебную социализму.

В то же время следует подчеркнуть, что и социалистическая кооперация* столь же твердо, как и либеральная и консервативная, строит все хозяйство на буржуазной основе.

Паи, проценты на капитал и наемный труд в равной мере свойственны всякой кооперации, кроме трудовой, независимо от ее партийной окраски.

Нисколько не удивительно поэтому, что кооперативные идеалы (даже представляющие собой социалистическую кооперацию) обнаруживают сильное тяготение к буржуазным теориям прибыли — к теориям, отрицающим борьбу классов, эксплуатацию труда капиталом и т. д.

Эти идеологи хотели бы оправдать с точки зрения теории ту реальную практику кооперации, которая исходит из капиталистических отношений как своей естественной основы.

И вот с этой точки зрения, которая является в кооперативном мире, безусловно, преобладающей, кооперативный идеализм кажется чем-то весьма половинчатым и компромиссным.

Кооперация оказывается при таком понимании идеологией мещанства.

Частная собственность должна быть сохранена, но лишь в виде мелкой собственности, доступной рабочему. Процент на капитал и, значит, капиталистическая прибыль также должны остаться, но опять-таки ограниченные невысоким пределом. Сохраняется и эксплуатация труда капиталом, но опять лишь в известных границах.

Словом, кооперация в таком понимании оказывается как бы новой формой капитализма, ограниченного в интересах трудящихся масс.

Если бы это понимание кооперации было верным, то о кооперативном идеале совсем нельзя было бы говорить.

Ведь сущность идеала в том-то и заключается, что идеал есть некоторый абсолют, нечто верховное, не знающее ограничений.

Идеал есть верховная ценность, на которой основываются и из которой исходят низшие ценности, но выше которой ничего нет и быть не может.

Социальный компромисс, как бы он ни был необходим и практически целесообразен, никогда не станет идеалом. Напротив, идеал всегда является сам по себе чем-то стоящим вне и выше всевозможных компромиссов.

Если кооперация является только компромиссом, значит, она не есть ни в каком смысле социальный идеал.

И, конечно, существующая кооперативная идеология до сих пор была не в силах вскрыть природу кооперативного идеала. Наоборот, эта идеология сделала все, чтобы затемнить эту природу и представить кооперацию в мещанском виде социального компромисса.

Однако если бы эта идеология была объективно правильна и если бы кооперация была лишь компромиссом, то было бы непонятно, откуда практика кооперации черпает столько идеализма.

Ведь оставляя в стороне всякие теории и обращаясь к живой действительности, нельзя не видеть, что кооперативное движение в целом проникнуто самым действенным и мощным, неподдельным в своей искренности, глубоким идеализмом.

Кооперация по своей идеалистичности является единственным в своем роде социальным движением современности.

В кооперации больше идеализма, чем хотя в социализме наших дней. Современный социализм имеет узкоклассовый характер и его пафосом является преимущественно классовая вражда — на одном полюсе и классовая солидарность — на другом. Конечно, и в социалистическом движении, как оно выражается

ныне, очень много самого чистого морального пафоса и идеализма.

Но наряду с этим социалистическому движению свойственны и мотивы далеко не высокого характера — даже мотивы прямо низменные, как жажда личного обогащения, зависть бедных к богатым и т. д. Все вместе составляет весьма сложную амальгаму с высокими мотивами и создает своеобразный социалистический пафос, в котором рядом с элементами морали огромную роль играют и мотивы классового и личного эгоизма.

Напротив, кооперативный пафос другой природы, и в нем гораздо сильнее звучат чистые, благодарные струны человеческой души.

Кооператоры любят сравнивать свое движение с движением первого христианства, и, действительно, кое-что общее тут есть. Как и первые христиане, кооператоры надеются возродить мир не мечом и насилием, а общей дружной работой на пользу всех; как и первое христианство, кооперация интернациональна — она стоит вне национальных рамок и свободно переливается за границы отдельных государств; как и христианство, кооперация стремится создать новый социальный мир, с новым человеком, новыми формами общественной жизни, новыми целями и новыми мотивами человеческого поведения.

Правда, в реальной жизни кооперативное движение является классовым движением. Но ведь и первое христианство в исторической действительности было классовым движением, движением социально обездоленных и эксплуатируемых классов греко-римского общества.

По своим же целям кооперация, как и первое христианство, стоит выше каких бы то ни было классовых интересов.

Идеал кооперации, как и современного социализма, есть внеклассовый идеал, общество, не знающее социальной эксплуатации*.

Наличность в реальном кооперативном движении этой мощной струи социального идеализма доказывает недостаточность и несовершенство существующей кооперативной идеологии.

Ибо откуда бьет эта идеалистическая струя, если не из подлинного кооперативного идеала, который живет в сознании кооперативной массы?

Значит, существует же он, кооперативный идеал; значит, он не призрак, а некоторая реальность; значит, не компромисс кооперация, а некоторая абсолютная ценность, которую наука должна точно описать и установить ее действительную природу*.

И в этом случае, как и в стольких других, серая теория оказалась позади зеленеющей жизни. Бессознательный разум масс оказался выше ученых теорий.

Кооперативное движение не по недоразумению насквозь проникнуто, в своих высших проявлениях идеализмом, и я постара-

ую показать, что кооперативный идеал не только существует, но что это самый высокий социальный идеал, какой только может себе представить слабая человеческая мысль.

2.

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом совершенного анархизма *. Кооперация отрицает какую бы то ни было власть человека над человеком, власть большинства над меньшинством совершенно так же, как и власть меньшинства над большинством.

Кооперация вполне свободна — кооператив никого не принуждает вступать в члены кооператива и никого не задерживает в своей среде. Всякий столь же свободно входит в кооператив, как и уходит из него.

В кооперативе нет принудительной власти. Правление, избранное членами, отнюдь не является такой властью, ибо каждый может избавиться от подчинения данному правлению, выйдя из кооператива. В этом существенное принципиальное и основное различие между правлением и правительством. Правительство в демократическом государстве (хотя бы это государство было социалистическим) также избирается прямо или косвенно большинством граждан, но оно является принудительной властью потому, что само-то участие в государстве не является для каждого гражданина актом свободного волеизъявления.

Весь строй кооператива в каждый данный момент определяется связанным договорами участвующих в нем лиц и может быть во всякий момент изменен в желательном смысле. Правда, этот строй определяется волей большинства, и меньшинство должно склоняться перед этой волей. Тем не менее воля меньшинства нисколько не подавляется волей большинства, ибо меньшинство имеет полную возможность уйти из кооператива и построить новый, свой собственный кооператив, в котором получит полное проявление воля тех лиц, которые были не согласны с решениями большинства членов старого кооператива.

Таким образом, все лозунги анархизма находят себе полное проявление в кооперативе. Кооператив является, следовательно, организацией анархического хозяйства, иначе говоря, в кооперативе осуществляется в принципе самый высокий социальный идеал *.

С точки зрения современного социального мировоззрения, признавшего человеческую личность высочайшей ценностью мира, абсолютной целью в себе, только свобода личности и может быть признана высшим социальным идеалом. Это открыли отнюдь не анархисты — это ясно и определенно сформулировал величайший представитель философской мысли нового времени — Кант, категорически заявивший в своей «Метафизике нра-

вов»*, что существует только одно прирожденное, естественное право человеческой личности и этим правом является право каждого человека на свободу, независимость от принуждающей воли другого человека. Все прочие права человеческой личности суть следствие основного и единственного, первоначального естественного права.

Современное социальное мировоззрение признало личность человека верховной и абсолютной ценностью, целью в себе. Каждый человек есть бесконечно сложная, никогда не повторяющаяся индивидуальность, которая однажды приходит в мир, чтобы потом навсегда из него исчезнуть. Как верховная цель в себе человек не может быть никогда обращен в средство для других целей*.

В этом смысле все человечество имеет не больше ценности, чем каждый отдельный человек. Ибо бесконечность не может быть увеличена ни от какого ее умножения.

«— Представь,— говорит Иван Карамазов Алеше в «Братьях Карамазовых»,— что ты возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого неминуемо предстояло бы замучить всего одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бившего себя кулачком в грудь, и на неотмытых слезках его основано это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

— Нет, не согласился бы,— тихо проговорил Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, чтобы люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а, приняв, остаться навеки счастливыми.

— Нет, не могу допустить.»

И, конечно, иначе не может ответить ни один человек с нравственным сознанием. Даже ради всего человечества нельзя приносить в жертву человеческую личность, как бы ничтожен ни казался отдельный человек!

Социальным идеалом является такое состояние общества, при котором ничья личность не приносилась бы в жертву интересам целого, при котором все интересы были бы гармонично примирены и все были бы одинаково свободны. Совершенное общество есть общество вполне свободных людей.

К этому идеалу стремится человечество своим трудным и тернистым путем, через кровь, насилие и борьбу. Как далекая звезда, идеал свободы озаряет исторический путь людей и указывает им цель, к которой нужно направлять свои усилия.

В нашу историческую эпоху социальная борьба идет под знаком интересов большинства. Трудящиеся народные массы, эксплуатируемые незначительной группой неработающих, стремятся завоевать свою свободу. Но власть большинства над мень-

шинством все же есть отрицание свободы, и социальная борьба не прекратится, пока каждый не станет вполне свободен, пока не исчезнет какая бы то ни была власть человека над человеком.

Коллективизм, государственный социализм есть организация общества в интересах большинства *. Коллективизм предполагает сильную государственную власть, поглощение воли отдельных личностей волей большинства.

Социалистическое государство стоит гораздо выше современного, в котором меньшинство господствует над большинством. Но господство большинства над меньшинством все же есть отрицание свободы, все же есть деспотизм и насилие.

Социальный идеал требует вполне свободного общества. Но, конечно, вполне свободное общество не есть общество, лишенное организации, и в свободном обществе одни люди должны руководить действиями других, а другие должны исполнять указания первых.

Но такое исполнение, чтобы быть свободным, должно основываться не на принуждении, не на власти руководителя, а на добровольном согласии исполнителя следовать указаниям руководителя.

Кооператив дает нам образчик свободного общественного союза уже в недрах современного общества, основанного на насилии. Правление кооператива не обладает принудительной властью, но его деятельность существенно важна для успеха кооперативной работы; правление организует все хозяйство кооператива, указывает задачи и цели каждого отдельного работника, устанавливает взаимную зависимость всех отдельных частей и элементов кооперативного хозяйственного целого, не опираясь ни на какой внешний авторитет, кроме согласия каждого члена кооператива подчиняться решениям большинства.

Правда, реальная кооперация, которая объединяет миллионы трудящихся во всех странах, не может считаться выражением вполне свободной хозяйственной организации.

Дело в том, что в основе огромного большинства современных кооперативов лежит наемный труд. Рабочий, работающий по найму в кооперативе, работает в нем не потому, что эта работа соответствует его желаниям и влечениям, а под влиянием голода и нужды — совершенно так же, как и при работе в капиталистическом предприятии.

В кооперативе, основанном на наемном труде, свобода существует лишь во взаимных отношениях хозяев кооператива — его членов. Но в отношениях кооператива к тем, кто выполняет в нем трудовую функцию, царит такая же принудительная власть имущего над неимущим, как и в отношениях капиталиста-предпринимателя к своему рабочему.

Значит, современная кооперация лишь в принципе является свободным хозяйственным союзом; в реальной же действитель-

ности кооперация, как общее правило, опирается на насилие, подобно капиталистическому предпринятию.

Однако это верно только по отношению к части современной кооперации, именно к той части последней, которая основывается на наемном труде.

Вся же трудовая кооперация имеет иной характер. Трудовая кооперация действительно является вполне свободным хозяйственным союзом трудящихся лиц. Трудовая кооперация стремится осуществить, таким образом, в своих внутренних отношениях уже хозяйственный строй идеального общества.

3.

Трудовые кооперативы являются во всех отношениях свободными хозяйственными организациями, ни с какой стороны не опирающимися на принуждение.

Правда, именно благодаря этому трудовые кооперативы при современных условиях хозяйства оказываются наименее жизнеспособными и распространенными, представляя в этом отношении разительный контраст с кооперативами, основанными на наемном труде.

Но по той же самой причине, по которой в капиталистическом обществе только кооперативы, основанные на наемном труде, могут иметь успех, в социалистическом обществе для всех этих кооперативов места не найдется.

Все кооперативы, основанные на наемном труде, объединяют те или другие группы собственников. Уничтожение частной собственности упразднит в социалистическом обществе всю эту кооперацию.

Однако одна группа кооперативов возможна и при социалистическом строе, именно трудовая кооперация. Для кооперации этого рода найдется место и при социализме по той причине, что государственный социализм объединяет и организывает национальный труд на принудительном начале*, между тем как трудовая кооперация исполняет то же на началах полной свободы трудящихся.

Чтобы предотвратить подавление личности обществом, в социалистическом государстве крайне важно оставить открытым путь к совершенно свободным хозяйственным организациям. Такими свободными организациями явятся в социалистическом обществе трудовые кооперативы различных типов.

Прежде всего в социалистическом государстве должны получить большое развитие производительные артели. На государственных и муниципальных фабриках работа должна исполняться на основе всеобщей трудовой повинности, причем не может быть предоставлено полной свободы в выборе рода труда. Конечно, чрезвычайно важно во всех отношениях, чтобы ограничения

в выборе занятий были сведены к минимуму. И это вполне достижимо при помощи регулирования продолжительности труда в зависимости от его большей или меньшей привлекательности и других соответствующих мер.

Однако полной свободы в выборе труда при государственной или муниципальной организации производства все же не будет, ибо государственная власть не может не настаивать на том, чтобы все продукты, в которых нуждается население, и в соответствующей пропорции для каждого продукта были изготовлены.

Принудительно организуемый труд в социалистическом государстве еще долгое время должен иметь первенствующее значение в области производства всех тех продуктов, которые жизненно необходимы для общества и производство которых в то же время мало привлекательно для человека само по себе.

Сюда относится, например, горное дело. Работа в глубоких рудниках и шахтах мало кому может быть приятна, но общество без нее обойтись не может.

Однако принудительный хозяйственный труд сам по себе настолько нежелателен, что он должен быть сведен к возможному минимуму. Принудительная система труда должна быть восполнена в социалистическом государстве трудом совершенно свободным, организуемым на началах кооперации.

Государство и его местные органы могли бы брать на себя организацию тех родов труда, которые мало привлекают добровольных рабочих. Вместе с тем государство могло бы открывать возможность образования разного рода свободных трудовых кооперативов*.

Эти трудовые кооперативы могли бы возникать следующим образом*. Государство при социалистическом строе является владельцем и верховным распорядителем всех общественных средств производства. Но нет никакой необходимости, чтобы государство во всех случаях и неизменно само руководило общественным трудом.

Возможен и такой порядок. Государственная власть отдает во временное пользование те или иные средства производства трудовым кооперативам. Трудовые кооперативы берут на себя обязательства выполнять все требования, которые им предъявит государство, и прежде всего поставлять в государственные склады и магазины определенное количество продуктов.

Весьма возможно, что при такой передаче общественных средств производства в пользование рабочей ассоциации государство обеспечит себе большее количество продуктов, чем при непосредственном использовании данных средств производства при помощи трудовой повинности. Эта возможность объясняется благоприятным влиянием свободы частной предприимчивости и организации труда на добровольных началах.

Всякая государственная организация страдает бюрократизмом и шаблонностью выполнения. Государственная власть может рассчитывать только на среднего рабочего, среднюю производительность труда, среднюю изобретательность, предприимчивость и т. д. Рабочий на государственной фабрике не имеет никаких мотивов развивать более чем среднюю энергию труда и давать более среднего количества трудового продукта. То же нужно сказать и о руководителях хозяйственных процессов — техниках, инженерах и пр.

Трудовая кооперация должна дать выход свободным творческим силам общества. Группа рабочих берет на свой страх и риск определенный комплекс средств производства, принадлежащих государству. Государство обеспечивает свои интересы обязательством, возлагаемым на образующийся трудовой кооператив, поставлять в пользу государства необходимое количество продуктов.

Но рабочая группа может произвести большее количество продуктов или продуктов лучшего рода, чем те, которые производились раньше при помощи данных средств производства. Избыточное количество продуктов, равно как и выгода улучшения их качества, достается самому кооперативу.

Таким образом, члены кооператива получают мотив развивать более чем среднюю энергию труда, более чем среднюю предприимчивость, изобретательность и пр.

В трудовые кооперативы будут объединяться люди выше среднего уровня, между тем как для рядовых рабочих будут открыты государственные и муниципальные мастерские*.

Возможность большего заработка в трудовых кооперативах будет вполне оправдываться большей производительностью труда членов этих кооперативов сравнительно с рядовыми рабочими. С другой стороны, эта возможность большего заработка будет компенсироваться риском заработать менее: если кооператив не выполняет перед государством своего обязательства поставить определенное количество продуктов (соответствующее среднему поступлению продуктов при государственной организации труда), то члены кооператива обязываются возместить государству недостающую ценность из своего собственного трудового дохода.

Трудовые кооперативы, возникающие таким образом, будут двоякого рода. Одни из них будут объединять производителей того же продукта, другие будут объединять производителей различных продуктов, удовлетворяющих потребностям членов трудовой группы. Кооперативы первого рода образуют собой производительные ассоциации, кооперативы второго рода — общины.

Областью производительных ассоциаций явится промышленность, областью общин — сельское хозяйство.

Идеал коммунального социализма, представителями кото-

рого были Фурье и Оуэн, в наше время должен считаться устаревшим ходом хозяйственного развития.

Мы не можем в настоящее время представлять себе будущее общество, распавшимся на независимые или почти независимые друг от друга небольшие общины, которые соединят внутри себя сельское хозяйство с промышленностью и будут удовлетворять большую часть своих потребностей своим собственным трудом. Коммунальный социализм игнорирует огромное значение территориального разделения труда внутри общества, а также необходимые размеры концентрации промышленного производства.

Внутри социалистической общины не найдется места ни для современного металлургического завода, ни для угольной копи, ни для современной фабрики.

Распадение социалистического общества на отдельные общины знаменовало бы собой отказ от всей современной техники с ее железными дорогами, машинами и пр. И, конечно, на такой отказ человечество не пойдет.

Тем не менее коммунальный социализм все же заключает в себе зерно истины. Зерно это заключается в идее сельскохозяйственной общины.

Как всем известно, и как это множество раз доказывалось в специальной литературе, выгоды крупного производства в сельском хозяйстве гораздо менее значительны, чем в промышленности. В некоторых отраслях сельского хозяйства, например в интенсивном животноводстве, выгоды эти почти исчезают, так как уход за молодыми животными и птицей требует такой тщательности и такой индивидуализации труда, которые недостижимы при крупных размерах производства.

Тем не менее в большинстве случаев и в сельском хозяйстве крупное производство представляет известные, хотя и не столь большие, выгоды сравнительно с мелким; но выгоды эти компенсируются преимуществом трудового хозяйства перед капиталистическим*.

При социалистическом строе крупное сельское хозяйство с точки зрения интересов всего общества явится более желательным, чем мелкое, ибо при крупном хозяйстве общество будет обеспечено в наибольшем количестве предметами питания.

Между тем в настоящее время в большинстве стран в сельском хозяйстве решительно преобладает мелкое производство, причем в силу социальных условий наблюдается постепенное вытеснение мелким сельским хозяйством крупного; в России этот процесс разрушения крупного сельского хозяйства принял в связи с революцией 1917 г. особенно стремительный характер.

Таким образом, ко времени возникновения социалистического строя сельское хозяйство будет в большинстве случаев в руках мелких хозяев — крестьян.

Крестьяне во всех странах обнаруживают большую привязанность к своим привычным формам хозяйства. Везде, кроме Англии, крестьяне составляют очень многочисленный класс населения, а во многих странах и большинство населения. Нечего и думать о каком бы то ни было насилии социалистического общества над крестьянским классом: где сельское хозяйство находилось до эпохи социализма в руках крестьян, там оно останется в тех же руках и после осуществления социалистического строя.

Каким же образом крестьяне могут прийти к крупному сельскому хозяйству? Только через трудовую кооперацию.

О фаланстерах в настоящее время мечтать не приходится, и, вероятнее всего, члены сельской общины будущего предпочтут жизнь не в общем социальном дворце, а в отдельных домах, как и в настоящее время. Еще менее приходится рассчитывать на то, что сельская община объединит в своей среде сельское хозяйство и промышленность. Только мелкое производство промышленных изделий могло бы получить некоторое развитие в социалистической общине, и очень вероятно, что это производство в социалистической общине будет иметь место, так как сельские производители располагают зимой свободным временем, которое они могут с пользой употреблять на изготовление промышленных продуктов.

Можно себе представить, что социалистическая община будет перерабатывать свои продукты и при помощи машин благодаря электрической энергии.

Электричество не произвело в капиталистическом обществе промышленной революции и не вернуло былого значения мелкому производству, как на это рассчитывали очень многие. Но возможно, что при социализме передача электрической энергии на расстояние поведет к тому, что мелкое промышленное производство оживет и в сельской общине заработают сотни станков, приводимых в движение из центральной электрической станции.

Все это возможно и весьма желательно. Однако все же выгоды крупного производства в промышленности столь значительны, что центром тяжести промышленного производства и при социализме останется фабрика, а не сельская община. В лучшем случае мелкое промышленное производство в общине составит при господстве социализма существенное дополнение к фабричной промышленности.

Социалистическая община будет построена по другому принципу, чем производительная ассоциация. А именно: в производительной ассоциации объединяются рабочие, изготовляющие тот же продукт. Напротив, в общине объединяются производители разнообразных продуктов, работающие не только на нужды всего общественного целого, но и для удовлетворения своих собственных потребителей.

Социалистическая община должна иметь характер автономной хозяйственной организации, живущей в значительной мере своими собственными продуктами*. В этом смысле идеалы Оуэна и Фурье сохранили и теперь свое значение.

Но, конечно, социалистическая община не будет верховным хозяином своих средств производства. Над общиной будет социалистическое государство.

Подобно тому как государство предоставляет на известных условиях средства производства производительным ассоциациям, точно так же государство будет поступать и по отношению к общинам. Верховным хозяином земли, которой пользуется данная община, останется все общество в лице государства. Но государственная (или хотя бы муниципальная) организация сельскохозяйственного производства трудно осуществима во всех тех случаях, когда социализм застанет сельское хозяйство в руках крестьян.

Во всех этих случаях задачей социалистической сельской политики будет развитие сельских общин с общим производством сельскохозяйственных продуктов. Каждая община будет обязана поставлять в пользу государства известное количество продуктов, которые затем будут тем или иным порядком распределяться между остальным населением.

За вычетом этого количества продуктов община будет совершенно свободно распоряжаться создаваемым ею богатством. Но для успеха всей этой организации весьма важно, чтобы она имела не принудительный, а вполне добровольный характер, чтобы общины возникали как трудовые кооперативы, а не как учреждения, навязываемые сельскому населению.

В таких кооперативных социалистических общинах возможна будет весьма различная степень кооперирования различных сельскохозяйственных процессов.

Некоторые из этих процессов будут кооперированы до конца — весь соответствующий труд будет исполняться общими силами всех членов общины и продукт будет безраздельно принадлежать всей общине, которая по уплате следуемого государству будет распоряжаться остатком совершенно свободно по своему усмотрению: распределять его на тех или иных основаниях между членами общины, сохранять в общем нераздельном пользовании или же сбывать в свою пользу через посредство государственных и муниципальных магазинов остальному населению. В других случаях процесс производства того или иного продукта будет находиться частью в руках всей общины или известной доли ее членов, частью исполняться трудом отдельных лиц.

Наконец, в третьих случаях возможно, что процесс производства с начала до конца будет исполняться трудом отдельных лиц.

Так, например, более простые сельскохозяйственные процессы, как производство хлеба, могут быть легко кооперированы до конца: вся община будет сообща пахать поле, собирать урожай и молотить его.

Напротив, в молочном хозяйстве возможно будет разделение процесса производства на две ступени: уход за коровой и получение молока могут быть делом отдельного лица, но переработка молока в масло должна исполняться особым трудовым кооперативом, причем в состав этого кооператива будут входить не все члены общины, но лишь те из них, которые заняты молочным хозяйством.

Однако социалистическая маслодельная артель будет тем отличаться от современной, что современная построена на наемном труде лиц, занятых переработкой молока в масло, между тем как в социалистической артели наемных рабочих не будет: маслоделы и все рабочие маслодельного завода будут такими же полноправными членами маслодельного кооператива, как и владельцы коров, поставщики молока.

Доход в социалистической маслодельной артели будет распределяться поэтому не по количеству поставленного молока, а по каким-либо иным основаниям.

Наконец, в огородничестве для собственного потребления возможно сохранение с начала до конца индивидуального производства. Небольшие огороды составляют естественное дополнение домашнего хозяйства, и поскольку домашнее хозяйство сохранить свой обособленный характер (а наиболее вероятно, что социализм не уничтожит обособленности домашнего хозяйства, связанного с характером современной семьи,— пока сохранится современная семья, до тех пор обособленный домашний очаг будет привлекать человека), постольку и огородничество будет делом каждой отдельной семьи в общине.

Само собой разумеется, что весь сбыт продуктов социалистической общины, равно как и все совершаемые ею закупки, должны быть делом коллективного целого.

Таким образом, почти все виды современных кооперативов, кроме кредитных, найдут себе место в социалистической общине будущего, с тем, однако, существенным различием сравнительно с кооперативами нашего времени, что они, по необходимости, примут характер трудовых кооперативов и, соответственно этому, должны будут существенно измениться в своей внутренней структуре.

4.

Итак, свободная кооперация найдет себе в социалистическом обществе широкое применение.

Кооператоры не должны думать, что этот хозяйственный

строй, который они создают, представляет собой низший социальный тип, сравнительно с социалистическим государством.

Нет, кооперация представляет собой более высокий социальный тип, чем коллективизм, ибо коллективизм является организацией, основанной на принудительной власти большинства над меньшинством, между тем как кооперация является типом вполне свободного хозяйственного и общественного союза.

Конечно, современная кооперация, основанная на наемном труде, кооперация, платящая проценты на капитал, кооперация, эксплуатирующая рабочего и охраняющая интересы мелкого собственника, очень далека от того общественного идеала. Но современный облик кооперации есть результат приспособления кооперации к той социальной среде, в которой она возникла, — к среде капиталистического общества. В кооперации, однако, заложены основы и совершенно иного хозяйственного строя, стоящего выше не только капитализма, но и коллективизма.

Этот новый, свободный хозяйственный строй возник, в виде кооперации, уже в пределах капиталистического хозяйства, которое развивается, таким образом, в двух различных направлениях; с одной стороны, в сторону коллективизма, государственного социализма; с другой стороны, в сторону свободных анархических хозяйственных союзов, выражением чего является кооперация*.

Но что будет, когда капитализм сойдет с исторической арены и коллективизм вытеснит капитализм, — не остановится ли тогда всемирная история? Каков будет следующий исторический день после того светлого «завтра», которое уже бросает свои лучи на сумрак сегодняшнего дня?

Нет, всемирная история никогда не прекратится. Дальнейшее развитие будет заключаться в постепенном вытеснении в общественном строе более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации.

Общество должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей — стать насквозь свободным кооперативом*.

Таков социальный идеал, который полностью никогда не будет достигнут, но в приближении к которому и заключается весь исторический процесс человечества.

Приложение 1.
СТАТИСТИКА КООПЕРАЦИИ
СТАТИСТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО
КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ

Нижеследующие данные заимствованы из последнего выпуска «Jahrbuch der internationalen Genossenschafts bevegung» за 1913 г.

Статистика эта весьма несовершенна и сильно запаздывает. Данные для России исключены ввиду их крайней неполноты.

	Число кооперативов	Число членов кооперативов (тыс. чел.)	1 член кооператива на число жителей
Европа:			
Дания	5 033	614	4
Швейцария	7 827	375	10
Австрия	16 563	2 400	12
Германия	30 555	4 800	13
Румыния	2 904	443	13
Бельгия	2 270	500	15
Финляндия	1 929	200	15
Нидерланды	2 679	355	16
Соединенное Королевство	2 500	2 750	16
Италия	7 564	1 667	20
Норвегия	3 078	100	24
Венгрия	6 000	800	26
Швеция	2 100	160	30
Сербия	1 252	60	44
Франция	10 983	800	49
Болгария	727	50	80
Испания	274	80	244
Всего	104 238	16 154	
Азия:			
Япония	5 149	500	103
Америка:			
США	500	60	1533

ОБЩАЯ СТАТИСТИКА РУССКОЙ КООПЕРАЦИИ
(по подсчету М. Л. Хейснна).

На 1 января 1917 г.

Кредитных кооперативов	16 055
Потребительских обществ	20 000
Сельскохозяйственных обществ	6 032
Сельскохозяйственных товариществ	2 100
Маслодельных артелей	3 000
Всего	41 187

Число членов их близко к 13,5 млн. чел.

**СТАТИСТИКА РУССКОЙ КРЕДИТНОЙ
КООПЕРАЦИИ**
(по данным управления по делам мелкого кредита).

На 1 января 1916 г.

	Кредитные товарищества	Ссудосберега- тельные това- рищества
Число товариществ	11 412	4 042
Число членов	7 786 724	2 297 709
Число членов на одно товарищество	682	559
		Тыс. руб.
Средства собственные		129
Вклады и займы у частных лиц		558
Правительственные		95,5
Ссуд выдано		569

На 1 января 1917 г.

	Балансы (млн. руб.)	Вклады (млн. руб.)
Кредитных товариществ	601,4	419,6
Ссудосберегательных товариществ	382,3	262,7
Земских касс	167,7	
70 союзов	75,2	

По подсчету А. В. Меркулова на 1 января 1918 г. в России было около 22 500 потребительских обществ. Число членов в них — около 8—9 млн. чел., обороты — свыше 5 млрд. руб. Союзов потребительских обществ было свыше 500.

	1914 г.	1915 г. (на 15 октября)	1916 г.	1917 г.
Кредитных товариществ	10 695	11 465	11 972	12 114
Ссудосберегательных товариществ	3 891	4 108	4 289	4 363
Союзов кредитных товариществ	11	25	83	136
Земских касс	232	254	281	281

Приложение 2. **ЛИТЕРАТУРА ПО КООПЕРАЦИИ**

В нижеследующем указаны лишь те книги по вопросам кооперации, которые кажутся мне имеющими более важное значение для изучения кооперации и притом преимущественно на русском языке. Только в крайних случаях, когда на русском языке соответствующих книг совсем нет, указаны иностранные источники.

Для общего ознакомления с состоянием кооперации в разных странах Западной Европы можно рекомендовать книгу: *Фей Ч. Р.* Кооперация в Западной Европе. (1912). Книга эта имеет характер довольно полной сводки фактических данных о состоянии кооперации на Западе; теоретическая часть ее мало интересна.

Что касается общей теории кооперации, то вполне подходящую книгу указать не легко. Правда, в германской литературе имеется работа, соответствующая по теме этой задаче: *Jacob.* Volkswirtschaftliche Theorie der Genossenschaften. (1913). Но эта книга кажется мне очень неудачной во многих

отношениях. Единственной ценностью и главным содержанием ее является не лишенная известного значения оригинальная классификация кооперативов. *Bernard Lavergne. Le régime coopératif.* (1908). При известных достоинствах также не может быть рекомендована ввиду крайнего своеобразия теоретических построений автора, с которыми трудно согласиться и которые не встретили сочувствия среди представителей кооперативной мысли.

Таким образом, по общей теории кооперации русскому читателю можно указать только книги: *Николаев А. А.* Теория и практика кооперативного движения. (1908). В 2-х т.; *Пажитнов К. А.* Основы кооператизма. (1917).

Последняя книга интересна своеобразным освещением понятия кооперации: кооперативное движение автор сближает с профессиональными союзами рабочих.

По пролетарской кооперации литература обширна и содержит в себе ряд выдающихся работ, но, к сожалению, только иностранных авторов. Некоторые из этих работ переведены и на русский язык.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ

Уэбб Б. (Поттер). Кооперативное движение в Великобритании. (1905). *Холюк.* История рочдельских пионеров. (1913). *Riehn.* Das Konsumvereinswesen in Deutschland. (1902). *Göhre P.* Die deutschen Arbeiterkonsumvereine. (1910). *Cernesson J.* Les sociétés coopérative anglaises. (1905). *Жид Ш.* Кооперация. (1909).

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ И ТРУДОВЫЕ АРТЕЛИ

Webb S. a B. Cooperative Production and Profitsharing//The new Statesman. 1914. Special Supplement. Vol. II. N 45. *Cernesson J.* Les associations Ouvrières de Production. *Huber.* Capital-und Verwaltungsbeteiligung der Arbeiter in den britischen Produktivgenossenschaften. (1912).

По **домостроительной** кооперации можно указать книгу: *Диканский М. Т.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. 2-е изд. (1912).

По **крестьянской** кооперации имеется несколько очень ценных работ русских авторов: *Косинский В. А.* Учреждения для мелкого кредита в Германии. (1901); *Анцыферов А. Н.* Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции. (1909). *Современное* положение кредитной кооперации в странах Западной Европы (Курсы по кооперации). Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского. Т. 1. (1913); *Железнов В. Я.* Теория мелкого (кооперативного) кредита (Курсы по кооперации). Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского. Т. 1. (1913); *Чупров А. И.* Мелкий кредит и кооперация. (1909); *Он же.* Мелкое земледелие и его основные нужды. Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского. (1909); *Каратыгин Е.* В стране крестьянских товариществ (Сельскохозяйственная кооперация в Дании). 2-е изд. (1913).

По **мелкобуржуазной** кооперации можно рекомендовать превосходную монографию: *Fink R.* Das Schulze-Delitzschsche Genossenschaftswesen. (1909).

По **промысловой** кооперации можно указать обширную работу: *Петров Г. П.* Промысловая кооперация и кустарь. (1917).

Вопросу о **классовой природе** и **политической позиции** кооперации посвящены две имеющиеся в русском переводе брошюры: *Мюллер Г.* Теория классовой борьбы и принцип нейтралитета кооперативного движения. (1909); *Кауфман Г.* Теория потребительской кооперации. (1912).

Против **политического нейтралитета**: *Vandervelde Emile.* La coopération neutre et la coopération socialiste. (1912).

Литература по **русской кооперации** обширна, но имеет по преимуществу характер пропаганды и популяризации принципов кооперации. Из книг много рода можно рекомендовать следующие:

Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. (1913). (Безусловно, самая ценная обобщающая работа о русском кооперативном движении.); *В. В. Артель* в кустарном промысле. (1895); *Макаров Н. П.* Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. (1910); *Евдокимов А. А.* Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства в России. (1911); *Марголин С. О.* Еврейские кредитные кооперации. (1908); *Зак Л. С.* Кооперация среди евреев. (1913); *Мавричев В. В.* Земство и мелкий народный кредит. (1912); *Зельейм В. Н.* Организация и практика потребительных обществ в России (Курсы по кооперации). Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского. Т. II. (1913); *Бондарев И. А.* Организация и практика учреждений мелкого кредита в России. Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского; *Кулыжный А. Е.* Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства. Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского; *Кн. К. В. Кекуатов.* Кооперация и право. (1914); *Подольский И. М.* Ответы на вопросы учреждений мелкого кредита. (1915); *Меркулов А. В.* Исторический очерк потребительной кооперации в России. 2-е изд. (1917); *Хейсин М. Л.* 50 лет потребительской кооперации в России. (1915).

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО РУССКОЙ КООПЕРАЦИИ

Меркулов А. В., Хейсин М. Л. Как организовать и вести потребительные общества? (1912); *Мацевич К. А.* Справочная книга для сельских товариществ. (1913); *Бородаевский С. В.* Сборник по мелкому кредиту. 5-е изд. (1915).

По вопросу изучения кооперации и русской кооперативной литературы имеется прекрасный очерк: *Фортуатов А. Ф.* Об изучении кооперации (Курсы по кооперации). Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского. Т. I. (1913). Тому же вопросу с педагогической точки зрения посвящена интересная книга: *Подольский И. М.* Пособие при устройстве курсов, чтении и бесед по кооперации и литературе для изучения кооперации. (1913).

Русская кооперативная пресса: «Вестник кооперации» (Петроград), «Кооперативная жизнь» (Москва), «Союз потребителей» (Москва), «Вестник кооперативного кредита» (Москва), «Вестник кооперативных союзов» (Москва), «Кооперативный мир» (Москва).

КОММЕНТАРИИ

Отдел I

К стр. 44

* Соотношение между марксизмом и различными теоретическими концепциями М. И. Туган-Барановского необходимо исследовать специально.

В 1905 г. М. И. Туган-Барановский писал: «Мы переживаем теперь знаменательную эпоху, когда старое рушится и отовсюду растут побеги новой жизни... Уступает напору жизни и застывшая догма марксизма. Величественное теоретическое здание, воздвигнутое автором «Капитала», дает одну трещину за другой, обваливается, и если пока держится, то лишь потому, что еще не созрела новая социальная система, долженствующая заменить марксизм...» [34. с. 259]¹. В то же время он специально подчеркивал, что его критика марксизма не направлена против Маркса как носителя определенных социальных идеалов, а имеет своей целью их лучшее, более прочное обоснование [40. с. 1].

К стр. 46

* По мнению М. И. Туган-Барановского, «чем дальше идет общество, тем в большей мере общественный строй, все формы общежития и даже формы хозяйства становятся продуктом свободного сознания людей, заключающего в себе самом свои непреложные законы». Тезис Ф. Энгельса о предстоящем человечеству «скачке» из царства необходимости в царство свободы представляется ему чрезмерно заостренным, вытекающим из его обычного представления, что исторический прогресс совершается путем катастроф, прыжков. В действительности же социальное развитие идет постепенно и непрерывно; царство свободы растет медленно, но неуклонно в недрах царства необходимости уже много тысячелетий...» [40. С. 96—99].

* Здесь и далее автор фактически имеет в виду не социализм как общественный строй, а идею социализма, справедливо указывая на непосредственную причину ее возникновения. Однако необходимость возникновения и распространения идеи социализма в трактовке М. И. Туган-Барановского совпадает с необходимостью перехода к социализму, поскольку крушение капиталистического строя, по его мнению, «не есть экономическая необходимость». [40. С. 206].

К стр. 47

* Подробнее М. И. Туган-Барановский излагал свои взгляды на различные теории социализма в книгах: Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма; Современный социализм в своем историческом развитии; В поисках нового мира. Социалистическая община нашего времени. Социализм как положительное учение.

Примечательна позиция автора по вопросу о соотношении утопического и научного социализма.

«Противопоставление науки утопии несостоятельно в том отношении, что наука и утопия отнюдь не являются противоречащими понятиями.

¹ В квадратных скобках указан номер книги в библиографии.

Утопия не есть вздор или нелепость. Утопия — это идеал». [34. С. 71]. «От утопистов Маркс получил (не говоря уже об остальном) самое важное и ценное — социальный идеал. И лишь при свете этого идеала Маркс мог выработать свое замечательное учение о законах капиталистического развития» [34. С. 258].

Правда, М. И. Туган-Барановский признает, что Оуэн, Сен-Симон и Фурье были утопистами в том отношении, что все они «изобретали новый общественный строй, как Механик изобретает новую машину» и «были проинкнуты прямо трогательным по своей наивности доверием к разуму человека». Но тут же оговаривается, что великие утописты «далеко не были только утопистами» [34. С. 72].

К стр. 66

* Контокоррент — единый текущий и ссудный счет, открываемый банком клиенту.

К стр. 68

* К. Маркс различал «денежный капитал» как форму, с необходимостью принимаемую любым капиталом в процессе его кругооборота, и «ссудный капитал» как капитал, приносящий процент, в условиях господства капитализма. Процент рассматривался им как часть прибыли, а в конечном счете — часть прибавочной стоимости, представляющей собой специфическую форму прибавочного продукта. М. И. Туган-Барановский подчеркивал: «Первичной основой прибыли и, вообще, нетрудовых доходов является именно прибавочный продукт, а отнюдь не прибавочная ценность...» [57. С. 454].

К стр. 69

* Положение, согласно которому господство банков над промышленностью есть важнейшее явление новейшего капитализма, было выдвинуто немецким социал-демократом Р. Гильфердингом в книге «Финансовый капитал» (1910). Высоко оценивая работу в целом, В. И. Ленин считал важным уточнить характер взаимоотношений между промышленными и банковскими монополиями: не «господство», а «слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 344).

* Подробнее представления самого автора об экономическом строе социалистического общества изложены в заключительном отделе настоящего издания.

К стр. 70

* Следует иметь в виду, что в период написания книги термин «ценность» широко использовался как равнозначный термину «стоимость», в том числе при переводе работ К. Маркса. Характерно замечание, сделанное В. И. Лениным в связи с тем, что редакция журнала «Научное обозрение» заменила везде термин «стоимость» на «ценность» в его статье: «Заметка к вопросу о теории рынков (по поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)»: «Я не придаю особенно существенного значения вопросу об употреблении того или другого термина, но считаю необходимым отметить, что я употреблял и употребляю всегда термин «стоимость»» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4 С. 68 прим.).

В то же время сам М. И. Туган-Барановский не случайно пользовался термином «ценность». В его представлении обе категории — ценность и стоимость — «не только не тождественны, но, в известном смысле, противоположны, как получка противоположна затрате». Под хозяйственной ценностью он понимал «значение, которое мы придаем данному предмету в силу нашего сознания, что от обладания им зависит большая или меньшая сте-

пень нашего хозяйственного благополучия». Под стоимостью — «хозяйственную затрату, совершенную для приобретения этого хозяйственного предмета». Факторами ценности он считал не только труд, но и предельную полезность предмета. [57. С. 39—64].

К стр. 86

* Под «трудовой стоимостью» М. И. Туган-Барановский понимает «труд, затраченный на производство хозяйственного предмета». Однако развиваемая им теория стоимости отличается от марксистской как по содержанию, так и по той роли, которую она играет в общей системе взглядов автора. Подробнее см., например, книгу М. И. Туган-Барановского «Основы политической экономии».

К стр. 87

* Специально об отличии теории кооперации М. И. Туган-Барановского от утопических теорий «кооперативного социализма» см. предисловие к настоящему изданию.

К стр. 93

* Представления М. И. Туган-Барановского о роли личного («частного») интереса при социализме резко изменились в 1917 г. Если еще весной 1917 г. он писал, что социализм «имеет в виду не частные интересы, а общий интерес», то осенью того же года он утверждал: «Современный социализм (теория социализма — Т. С.) не только не подчиняет личность обществу, но, наоборот, стремится подчинить весь строй общества интересам личности. Противопоставление современного социализма индивидуализму есть несомненное заблуждение...» [107. С. 22; 119. С. 10]. «Полное нравственное перевоспитание человечества» в направлении приобретения им склонности добровольно поступаться своими личными интересами в пользу общественных рассматривалось им уже как условие перехода не к социализму, а к коммунизму [119. С. 98].

* Это утверждение в системе взглядов М. И. Туган-Барановского, во-первых, отнюдь не означает, что кооперация «стоит выше классовых антагонизмов» с точки зрения ее взаимоотношений с внешней капиталистической средой (см. наст. изд. с. 95 и далее). Во-вторых, и с точки зрения отношений внутри кооперации, сфера применимости этого утверждения существенно ограничивается самим автором постольку, поскольку он безусловно признает факт эксплуатации кооперативами своих наемных работников.

К стр. 106

* Социальный класс,— считал М. И. Туган-Барановский,— можно определить «как общественную группу, члены которой находятся в одинаковом экономическом положении по отношению к общественному процессу присвоения одними общественными группами прибавочного труда других групп, и, вследствие этого, имеют общих антагонистов и общие экономические интересы в процессе общественного хозяйства». Акцент делается на второй части определения, причем подчеркивается, что «отличительным признаком класса является не общность, а противоположность интересов».

«Трудовое крестьянство», не пользующееся наемным трудом, но и не работающее по найму, автор рассматривает как особый класс. В отличие от пролетариата — потому, что у них, наряду с общностью «многое совершенно различных интересов»: «рабочему приходится бороться с капиталистом-предпринимателем, а крестьянину — преимущественно с землевладельцем и денежным капиталистом». В отличие от мелкой буржуазии —

потому, что, во-первых, трудовое крестьянство является «эксплуатируемым, а мелкая буржуазия — эксплуататорским классом», во-вторых, мелкая буржуазия «под влиянием хода экономической эволюции гибнет... трудовое крестьянство упорно удерживает свои позиции, а иногда и растет за счет других классов». Последний аргумент вытекает из убеждения автора в относительной устойчивости среднего крестьянского хозяйства. [57. С. 355—360].

К стр. 107

* Интеллигенцию М. И. Туган-Барановский считал «совокупностью профессиональных общественных групп без определенной классовой окраски» постольку, поскольку ее деятельность «как нехозяйственная, стоит вне экономического процесса присвоения прибавочного труда». Отсюда — способность представителей умственного труда «защищать самые различные экономические интересы, не вступая в конфликт со своими собственными...» Близость некоторой части интеллигентов (причем именно западноевропейских в отличие от русских) к мелкой буржуазии он объяснял их происхождением, наложившим глубокую печать на все их мирозерцание. Подробнее см. [57. С. 362—364; 38].

Отдел 2

К стр. 114

* В работе конгресса участвовали представители кооперативных обществ из Манчестера, его пригородов, а также из Болтона, Рочделя, Ливерпуля и др.

11-й конгресс проходил в октябре 1831 г. в Бирмингеме.

Люди, которые собирались на первые конгрессы, были, несомненно, воодушевлены кооперативными идеями до фанатизма (например, два делегата из Глазго пришли в Бирмингем пешком, чтобы принять участие в конгрессе). Постепенно от стадии взаимной информации участники конгрессов переходили к попыткам обобщений, выработки общих принципов. На III-ем конгрессе (Лондон, апрель 1832 г.) было постановлено, что «к участию в кооперации допускаются все, каковы бы ни были их религиозные верования или политические убеждения».

На IV-ом конгрессе (Ливерпуль, 4—6 октября 1832 г.) присутствовали делегаты от 40 товариществ. Председателями конгресса были Оуэн и Томпсон. Из обсуждавшихся проблем следует отметить идею организации центрального склада для оптовых закупок, против которой резко возражал Оуэн, вопрос о задачах кооперации, о пропаганде кооперативных идей, для последней была найдена и организационная форма. Смитт (из Манчестера) предложил создать группу «постоянных апостолов кооперации», которые вели бы пропаганду. Томпсон предлагал составить в помощь «апостолам» кодекс кооперативных доктрин. Конгресс постановил избрать группу «апостолов» и просить Оуэна, Грея, Моргана и Томпсона дать каждому «апостолу» по одному экземпляру своих сочинений. Комитету было поручено к следующему конгрессу разработать проект инструкции для апостолов-миссионеров.

Конгресс обсуждал вопрос об образовании общин (коммун) по докладу Оуэна.

V конгресс состоялся в 1833 г. в Лондоне.

К стр. 115

* The Crisis — еженедельное издание, выпускавшееся Р. Оуэном и печатавшее отчеты об его многосторонней деятельности. Издавалось с 1832 г.

по сентябрь 1834 г., когда его заменил еженедельный кооперативный журнал «The New Moral World». В этом издании печатались отчеты о кооперативных конгрессах, различных проявлениях движения, основанного на учении Оуэна. В нем было помещено описание Квинвудской общины, последней попытки Оуэна воплотить в жизнь свои идеи.

Последовательное изменение названий этого издания дает некоторое понятие о его направленности. В 1835 г. к названию было добавлено «and Millenium» («и Тысячелетие»). Слово «тысячелетие» в названии указывало на то, что Оуэн продолжал верить в наступление века с новым порядком вещей, который заменит отжившую систему конкуренции. В конце 1836 г. слово «тысячелетие» было заменено словами «Научное обозрение» («Manual of Science»).

Через 60 лет в 1896 г. издание стало называться «Газета всемирной общины религиозных рационалистов, легализованная парламентом».

К стр. 122

* Чартизм — первое массовое политически оформленное движение пролетариата в Великобритании в 30—50-х годах XIX в.; проходило под лозунгом борьбы за проведение требований, изложенных в виде законопроекта — «Народной партии» («Пиплс чартер» — отсюда название движения). Впервые опубликован в мае 1838 г. Движение пережило три основных периода, когда в него вовлекались широкие массы пролетариата. В 1840 г. была основана Национальная чартистская ассоциация — первая массовая рабочая партия. В 1840, 1842, 1848 гг. чартисты вносили в парламент петиции с требованием введения всеобщего избирательного права (для мужчин), ограничения продолжительности рабочего дня, повышения зарплаты и пр.; петиции были отвергнуты. Чартизм, по определению В. И. Ленина, представлял собой «... первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 305). После 1848 г. чартизм вступил в полосу упадка, а в середине 40-х годов, о которых идет речь, отмечался его очередной подъем.

К стр. 129

* Конгресс Британских потребительских обществ — точнее конгресс Британского Кооперативного союза состоялся в Бирмингеме в 1906 г. На открытии выступил генеральный секретарь Союза Джон К. Грей. По традиции речи на открытии конгресса придавалось большое значение. Она произносилась как бы от имени руководящего органа Союза и носила программный и директивный характер. В упоминаемой М. И. Туган-Барановским речи, которая «произвела глубокое впечатление», Дж. Грей обрисовал, как отмечалось в печати, «смелой кистью», а на деле идеалистический план слияния всех потребительских обществ Великобритании в один могучий, охватывающий всю нацию, кооператив. Умножив свой общественно-кооперативный капитал, кооперация, полагал он, сумеет быстро осуществить свои широкие конечные идеалы, которые, как он считал, ставил перед ней еще Оуэн, — т. е. преобразовать капиталистический строй.

К стр. 136

* «Трудовой коопартнершип» — принцип участия рабочих в прибылях предприятия и управлении им. Первоначально возник как система участия рабочих в прибылях в кооперативных товариществах. В дальнейшем получил распространение (особенно в Англии) как особая форма классового сотрудничества. Обычно выступает в форме распределения среди рабочих некоторого числа акций данного предприятия, фирмы (чаще безголосых) и допущения представителей рабочих в административные органы предприятия

(фирмы), чем создается впечатление, будто рабочие тоже являются совладельцами предприятия.

Хотя, как показано в книге, сторонники коопартнершипа терпели поражение, они не теряли настойчивости в его пропаганде. В резолюцию I конгресса Международного кооперативного альянса (1895 г.) им удалось включить пункт, что этот альянс «основан усилиями организаций и лиц, продолжающих начатое В. Нилом и его друзьями дело, с целью содействия кооперации и участию рабочих в прибылях во всех их формах».

К стр. 137

* Кооперативный Союз первоначально был лишь моральным центром английской кооперации. Возник в начале 70-х годов XIX в., когда идея его создания постепенно оформлялась, уточнялись цели и задачи этой организации. Были намечены его цели — пропаганда идей кооперации, помощь потребительским обществам в их организации, улаживание конфликтов, защита интересов кооперации в законодательной сфере с помощью Парламентского комитета. При Союзе было создано статистическое отделение. В 1871 г. Союз начал издавать еженедельный журнал «Cooperative News», для чего основал издательскую компанию «Cooperative Newspaper Society».

В 1883 г. Центральный комитет Союза получил новую структуру, и с тех пор он являлся организационным центром кооперативного движения. Взносы и число голосов каждого общества были пропорциональны числу его членов.

К стр. 139

* «Ассоциация трудового коопартнершипа». Проповедником принципа коопартнершипа в английской кооперации был В. Нил, в 1873—1891 г. возглавлявший Кооперативный Союз Великобритании.

* «Cooperative News» — второй по распространенности в Англии (в начале XX в.) печатный орган.

Выходил раз в неделю объемом 40 страниц. Давал широкое представление о различных сторонах деятельности английской кооперации. Много места уделял вопросам образования женщин и воспитания детей. Тираж 75 тыс. экземпляров.

К стр. 148

* Книга П. Гере «Die Deutschen Arbeiter Konsumvereine» (1910; рус. назв. «Рабочие потребительские товарищества в Германии») вызвала бурную реакцию в кругах деятелей кооперации, ратовавших за партийную нейтральность кооперации.

К стр. 155

* Слово «туземный» употреблялось в значении «местный».

К стр. 158

* Население Великобритании в 1911 г. составляло 41,9 млн. чел. (Англия и Уэльс — 36 070 тыс. чел., Шотландия — 4741, Северная Ирландия — 1 256 тыс. чел. в 1926 г.).

К стр. 173

* Кооперативный закон 1917 г. — так называли утвержденное Временным правительством 20 марта 1917 г. Положение о кооперативных това-

риществах и их союзах. Положение было одобрено Государственной думой. Срок введения его в действие был назначен на 1 мая 1917 г. Положение предусматривало ряд облегчений для кооператоров. По нему кооперативы могли создаваться явочным порядком, без какого-либо разрешения властей, но для приобретения прав юридического лица кооперативные товарищества и их союзы должны зарегистрироваться в окружных судах. Ставилась задача завершить объединение кооперации в форме образования всероссийского, областных и других советов съездов представителей кооперативов, активизации кооперации. Закон выдвигал новые требования к основным пунктам устава, который должен был представлять государственным органам при регистрации вновь создаваемый кооператив. Затрагивался вопрос о порядке предоставления некоторых льгот кредитно-кооперативным учреждениям (по обложению промысловым и подоходным налогом, а также налогом с денежных капиталов, по оплате документов кооператива гербовым сбором: по изысканию просроченных ссуд бесспорным порядком). Однако оставались открытыми вопросы финансирования кооперации со стороны правительства и некоторые другие вопросы.

* Московский Союз потребительских обществ (МСПО) создан в 1898 г., стал затем всероссийским центром этого вида кооперации. К 1910 г. объединял более 300 обществ. С 1917 г. — Центросоюз.

Западноевропейская потребительская кооперация имела два центра: хозяйственный (торгово-производственный, общества оптовых закупок) и организационно-идейный (кооперативные союзы). Русская кооперация такого деления не знала. Центросоюз являлся и является и хозяйственным и организационно-идейным центром всей системы потребительской кооперации.

К организационно-инструкторской деятельности МСПО приступил в первые годы своего существования. С 1905 г. эта работа союза была объединена в особом отделе — Секретариате. О размерах неторговой деятельности МСПО можно судить хотя бы по такому факту: с 1908 г., когда Союз начал собственное издательское дело, до 1917 г. им было выпущено до 7 млн. экз. различных книг, брошюр, листовок и других изданий по вопросам кооперации. Из опыта и непосредственной работы Секретариата Центросоюза вырастал и воспитывался корпус кооперативных инструкторов, причем уже в 1915 г. армия инструкторов во всей системе потребительской кооперации насчитывала свыше 1000 чел. В 1913 г. при активном содействии Секретариата были организованы годовичные кооперативные курсы при университете им. А. Л. Шанявского в Москве. Секретариат собирал и обрабатывал статистические данные о положении потребительской кооперации. С 1903 г. Центросоюз начал издавать журнал «Союз потребителей», с 1911 г. журнал «Объединение», тираж которого в 1914 г. достиг почти 17 тыс. экз.

Что касается хозяйственной деятельности, то цифры оборотов Союза свидетельствуют о том, что Центросоюз являлся крупнейшей торговой организацией. В 1916 г. по своим оборотам Центросоюз занимал третье место среди кооперативных обществ оптовых закупок в мире, уступая только Английскому и Шотландскому.

К организации собственного производства Центросоюз приступил сравнительно поздно — незадолго до I Мировой войны. В более широких масштабах эта деятельность была развита уже во время войны.

К стр. 180

* «Вестник кооперации» — журнал, издававшийся с 1909 г. по 1918 г. Санкт-Петербургским (с 1914 г. — Петроградским) Отделением Комитета о нуждах сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ. Журнал был посвящен вопросам теории и практики кооперативного дела, пропаганде кооперативных идей. Регулярно публиковались материалы по важнейшим вопросам истории и практической жизни кооперации в России и за границей. Первые два года выходили четыре книги (номера) в год объ-

емом по 10 листов, затем по 6, 9, 10 книг в год, а в 1918 г. вышло 18 книг, что отражало рост интереса к этим материалам, расширение разработок, служивших для публикаций в этой области.

Редактором журнала с самого начала был проф. М. И. Туган-Барановский.

К стр. 184

* «Интернациональная ассоциация рабочих» (по современной терминологии «Международное товарищество рабочих») — автор имеет в виду I Интернационал — первую массовую международную организацию пролетариата, основанную в Лондоне 28 сентября 1864 г. К. Маркс составил «Учредительный манифест Международного Товарищества рабочих», устав и большую часть воззваний, циркуляров и решений, в которых были развиты важнейшие программные и тактические положения марксизма.

К стр. 185

* Цитируется «Учредительный манифест Международного Товарищества рабочих», основанного 28 сентября 1864 г. на публичном собрании, состоявшемся в Сент-Мартинс-холле, Лонг-Эйкр, в Лондоне (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 3—11).

* Первый конгресс Международного Товарищества рабочих (Интернационала) состоялся в Женеве 3—8 сентября 1866 г. На заседании Генерального Совета Товарищества 17 июля 1866 г. было принято решение подробно разработать и обсудить повестку дня предстоящего конгресса. 31 июля К. Маркс сделал на заседании Совета доклад по вопросам повестки дня от имени Постоянного комитета; несколько позже им был составлен текст «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (на английском языке, переведена на французский П. Лафаргом).

На Женевском конгрессе присутствовали 60 делегатов от Генерального Совета, различных секций Товарищества и рабочих обществ Англии, Франции, Германии и Швейцарии. Председателем конгресса был Г. Юнг. «Инструкция», составленная К. Марксом, была зачитана как официальный доклад Генерального Совета. Прудонисты, располагавшие на конгрессе одной третью голосов, противопоставили «Инструкции» свою развернутую программу по всем пунктам повестки дня. Из девяти сформулированных К. Марксом пунктов «Инструкции» шесть было принято в качестве резолюций конгресса, в их числе о кооперативном труде, цитируемая Туган-Барановским (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 199—200).

К стр. 190

* 100 млн. талеров — около 150 млн. рублей.

К стр. 191

* Фабрианское общество — реформистская организация в Великобритании. Основана в январе 1884 г. в Лондоне. Создана для пропаганды идеи постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое посредством реформ. Среди его основателей Б. Шоу, С. Вебб и др.; позднее к обществу примкнула Б. Вебб, в 1903 г. — Г. Уэллс. Названо по имени римского полководца Фабия Максима Кунтатора (Медлителя) (З в. до н. э.), достигшего успеха в борьбе с Ганнибалом применением тактики постепенного истощения армии Ганнибала, уклоняясь от решительного сражения. Фабрианцы не стремились стать массовой организацией.

Воззрения фабрианцев эклектичны: в центре их внимания находились идеи «муниципального социализма», сотрудничества классов, реформ и т. п. Счи-

тая социализм неизбежным результатом экономических тенденций XIX в., они признавали лишь эволюционный путь развития, испытывая страх перед революцией, «социальными катаклизмами». Вслед за Ф. Энгельсом и В. И. Ленин характеризовал фабианский «муниципальный социализм» как «...направление *крайнего оппортунизма...*» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 16. С. 338). После основания лейбористской партии (1900 г.) Фабианское общество вошло в ее состав, сохранив свою организацию; и до настоящего времени играет в ней роль идеологического центра, разрабатывая программные и тактические основы лейборизма.

К стр. 195

* В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин посвятил Павловскому району специальную главу (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 3. С. 414—418). В течение XIX в. район занимал почти монопольное положение в России по производству металлических предметов широкого потребления (ножей, ножниц, вилок, замков, мелких инструментов). Промысел возник в районе более 300 лет тому назад. С 1745 г. Павлово принадлежало гр. Шереметьевым, устроившим здесь в 1770 г. железоделательный завод, способствовавший развитию здесь указанной отрасли кустарного промысла. Кустари находились в тяжелой зависимости от скупщиков. Эта зависимость несколько ослабла после создания в 90-х годах XIX в. Павловской артели. Образовалась она по инициативе некоего А. Г. Штанге, долго остававшегося ее руководителем, при денежной помощи ряда частных лиц (С. Т. Морозова и др.). В Муромском уезде был организован филиал, артель заказывала изделия кустарям, проверяла их качество и продавала их под своим клеймом. Члены артели вносили паевые взносы, но эти взносы по своим размерам могли иметь лишь значение залога, обеспечивающего правильное исполнение членами артели принятых на себя обязанностей. К 1897 г. было 64 члена артели, позднее их число достигло 300 чел. В годы I Мировой войны артель вырабатывала для армии лопаты, кирки и хирургические инструменты.

* Первый Всероссийский кооперативный съезд. В развитии кооперативного движения в России предреволюционных лет большую роль сыграли два всероссийских кооперативных съезда, проходившие в Москве в 1908 г. и в Киеве в 1913 г. Они решили вопросы развития различных форм кооперации и немало способствовали их объединению, а также решению вопросов, касавшихся всего кооперативного движения. На съездах велась острая борьба между революционными и реформистскими элементами в кооперативном движении, съезды способствовали размежеванию политических направлений (в частности, выделению самостоятельной рабочей кооперации).

К стр. 204

* Санкт-Петербургское (с 1914 г. Петроградское) Отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах (сокращенно КССПТ) — организация, соединявшая функции научного общества по проблемам кооперации и организационного, научного, методического центра по развитию всех видов кооперации в России.

Комитет существовал в Москве. Его устав был утвержден 6 ноября 1871 г., и в декабре того же года было создано и начало действовать Санкт-Петербургское Отделение Комитета. Именно оно играло главную роль в развитии кооперации в России. Первоначально оно занималось только вопросами мелкого кредита. В 1897 г. при нем образовалась Постоянная комиссия по делам потребительских обществ, которая впоследствии была преобразована в III отдел Отделения. В отделении было в 1904 г. создано три отдела: I — учреждений мелкого кредита, II — промышленных товариществ и артелей и сельскохозяйственных обществ и III — потребительских това-

риществ и обществ. Отделы выполняли роль научных секций и организационно-методических центров по соответствующим видам кооперации. Отделение насчитывало на 1 января 1908 г. 100 индивидуальных членов, на начало 1909 г.—150. Впоследствии обсуждался вопрос и о приеме коллективных членов.

Общее собрание избирало Совет Отделения в составе председателя, заместителя председателя совета (М. И. Туган-Барановский с 1913 г.—председатель), секретаря Отделения и руководителей (председателей и их заместителей) трех отделов.

После реорганизации в 1904 г. деятельность Отделения и отделов расширилась.

Совет стремился содействовать развитию теоретических работ по кооперации, возможно широкому распространению в стране сведений о кооперации посредством печатных изданий, систематического преподавания начал кооперативного дела. С 1909 г. издавался журнал «Вестник кооперации». Организовывались курсы и циклы лекций по кооперации. Издавались отдельные брошюры.

Отделение давало консультации обществам и частным лицам (за 1908 г.—более 130 консультаций), осуществляло инструктирование товариществ на местах.

Отделение видело своей задачей содействие всем формам объединения кооперативных учреждений — участие в местных съездах кооперации и даже принятие на себя инициативы по их созыву. Выступило с инициативой созыва II Всероссийского кооперативного съезда.

Отделение присуждало премию (500 руб.) за наиболее значительные труды по проблемам кооперации. Проводило анкетирование обществ, вело учет, собирало сведения о кооперации в России и за рубежом, публикации по соответствующей тематике.

Объявляло конкурсы на составление популярных брошюр по кооперации.

Наметив по своей инициативе по возможности в каждой губернии отдельных лиц, обратилось в 1910 г. к ним с просьбой стать членами-корреспондентами Отделения и принять на себя в качестве таковых заботу способствовать развитию кооперативных учреждений в соответствующем регионе и их связи с Отделением.

С середины 1910 г. стало издавать «Известия С.-Петербургского Отделения» (12 тыс. экз.) и бесплатно рассылать всем кооперативным учреждениям, а также земским управам, агрономам, редакциям, библиотекам.

К стр. 219.

* В программном документе I Интернационала — «Учредительном манифесте Международного Товарищества рабочих» — К. Маркс, обращаясь к опыту кооперативного движения в разных странах, отмечал, что успехи кооперации доказывают способность рабочих справиться с организацией производства в крупных размерах без капиталистов (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 10). Более того, К. Маркс указал на историческую миссию кооперации в общественном развитии и ее великую прогрессивную роль в экономических преобразованиях. В «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» перед первым конгрессом Интернационала (1866 г.) он писал: «Мы считаем, что кооперативное движение является одной из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме. Большая заслуга этого движения заключается в том, что оно на деле показывает возможность замены современной деспотической и порождающей пауперизм системы подчинения труда капиталу — республиканской и благотворной системой ассоциации свободных и равных производителей». (Там же. С. 199). Но в то же время результаты деятельности кооперативных обществ при капиталистическом строе неоспоримо доказывают, — отмечал К. Маркс, «что как бы коопера-

тивный труд ни был превосходен в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополии, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, пока он не выходит за узкий круг случайных усилий отдельных рабочих». (Там же. С. 10).

Хотя вопрос о кооперации не являлся центральным в деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, в их трудах можно встретить очень ценные замечания и по некоторым формам кооперации. Например, важна мысль о необходимости кооперирования мелких частновладельческих производителей для развития сельскохозяйственного производства, повышения производительности труда, решения социальных проблем. В работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Ф. Энгельс писал: «Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели» (Там же. Т. 22. С. 518). Но в целом, убедившись, что кооперация не способна стать магистральным путем в борьбе пролетариата за власть, они как бы отложили анализ ее возможностей на будущее. «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались»,— писал в 1886 г. Ф. Энгельс, подытоживая марксистское понимание этой проблемы (Там же. Т. 36. С. 361).

К стр. 222

* Reggio-Ciano — железнодорожная ветка в Северной Италии, соединившая города Реджо-нель-Эмилия и Чано-д'Энца. Ее построил в 1907 г. консорциум производственных кооперативов провинции Реджо-Эмилия по инициативе Антонио Верньянини, тогдашнего генерального секретаря Национальной кооперативной лиги.

Отдел 3

К стр. 237

* Автор имеет в виду ни в коем случае не замену капитализма новым строем, а лишь создание организации некапиталистического, по его мнению, типа.

* Под «экономической силой» здесь, вероятно, имеется в виду преимущественно рыночная сила, поскольку известно, что в сельском хозяйстве, например, автор высоко оценивал достоинства именно мелких производств.

К стр. 255.

* Повторяющееся утверждение автора о том, что пролетарская и крестьянская кооперация не имеют «ничего общего» с капиталистическим предпринимательством, следует, очевидно, относить на счет характеристики их глубинной сущности, но никак не формы их деятельности, по необходимости принимающей капиталистический характер (применение наемного труда, выплата процентов на заемный капитал и т. д.).

К стр. 258

* Характерный для М. И. Туган-Барановского акцент на самостоятельности как сущностной черте подлинно кооперативного предприятия весьма

созвучен ленинским представлениям. Показательно, что под государственной поддержкой кооперации В. И. Ленин призывал «понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 371).

К стр. 260

* В данном случае капиталистическое перерождение крестьянской кооперации, по-видимому, Туган-Барановский связывал с капиталистической эволюцией самих крестьянских хозяйств. Главным признаком капиталистических предприятий он считал не применение наемного труда, а преследование ими цели увеличения прибыли. Наоборот, собственно крестьянские хозяйства рассматривались им как преимущественно потребительские, нацеленные на обеспечение существования самих производителей. Отсюда выводились и важнейшие причины повышенной устойчивости крестьянских хозяйств: возможность продолжения их существования даже при отсутствии прибыли, когда хозяйство не дает крестьянину ничего, кроме заработной платы; относительная независимость от рыночных колебаний цен на сельскохозяйственные продукты, поскольку преобладающую часть производимых продуктов крестьянин потребляет в собственном хозяйстве. По поводу последнего аргумента заметим, что трактовку крестьянских хозяйств как натурально-потребительских активно критиковал В. И. Ленин. Например, в 1908 г. он писал, что «даже хозяйство *среднего* крестьянина,— не говоря уже о хозяйстве *зажиточных* и *обнищавших*, полупролетариев, крестьян,— в чрезвычайно сильной степени подчинено рынку. Поэтому всякое рассуждение о крестьянском хозяйстве, игнорирующее преобладающую и растущую роль рынка, обмена, товарного производства, неправильно в корне». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 120).

К стр. 268

* Успехи датских маслодельных кооперативов автор рассматривает как свидетельство успехов крестьянских молочных хозяйств. Между тем, по расчетам В. И. Ленина, уже к началу XX в. $\frac{3}{4}$ всего скотоводческого хозяйства Дании было сосредоточено в руках менее чем трети общего числа хозяев. Представление о Дании как «идеальной стране сельскохозяйственных товариществ» и «крестьянской стране» Ленин критиковал, доказывая, что в «основе датского сельского хозяйства лежит крупное и среднее *капиталистическое* земледелие». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 254—255, 248).

К стр. 270

* Забегая вперед, уточним, что речь в данном случае идет об объединении лишь однотипных кооперативов. Создание союзов из кооперативов, различных по своей классовой природе, автор считал и невозможным и нежелательным (см. наст. изд. С. 422—424).

К стр. 272

* Открытие такой формы труда должно было казаться М. И. Туган-Барановскому особенно значительным потому, что задачей будущего социалистического строя он считал «возможно более полное примирение двух противоположных начал — свободы личности и господства общственности». Для этого, полагал он, социалистическое общество должно представлять собой «систему общественных союзов различной широты и различным образом построенных» от международных союзов, до государственных производительных ассоциаций и общин, до единоличного труженника. Так что хозяйствен-

ной единицей явится «на одном полюсе — все человечество, на другом — отдельная человеческая личность». [119. С. 95, 96]. О проекте социалистической экономики см. также главу «Кооперативный идеал» (Наст. изд. С. 433—450).

К стр. 278

* В. И. Ленин иначе расценивал значение крестьянской кооперации в капиталистическом обществе. По его мнению, «каждый кооператив, облегчающий закупку», так же как каждая верста железной дороги, каждая новая лавка в деревне, каждая фабрика и т. д. «втягивают крестьянское хозяйство в торговый оборот. А это значит, что крестьяне *распадаются* на пролетариев и хозяйчиков, которые нанимают наемных рабочих.

Ни одного улучшения в крестьянском хозяйстве не может быть, которое бы не усиливало эксплуатацию наемного труда улучшающимися хозяйствами. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 329).

К стр. 280

* Гипотека, ипотека [греч. *hypothekē* — залог, заклад] — залог недвижимого имущества для получения ссуды.

К стр. 281

* М. И. Туган-Барановский занимал в данном случае промежуточную позицию между Герцем, утверждавшим, что «товарищества приносят наибольшую пользу именно мелким и самым мелким владельцам», и В. И. Лениным, считавшим, что «благами товариществ... пользуются главным образом капиталисты».

(Герц. Аграрные вопросы в их связи с социализмом. Спб., 1900. С. 269; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 228—229).

К стр. 285

* Морген — единица измерения площади, применявшаяся в Пруссии (а также Дании и Норвегии) и составляющая немногим более $\frac{1}{4}$ гектара.

К стр. 289

* Следует уточнить, что «мелкие хозяева», в данном случае, это — крестьяне вообще (в отличие от капиталистов — помещиков и крупных крестьян), а не мелкие крестьяне. Последние, по мнению самого автора, составляют как раз меньшинство в сельскохозяйственной кооперации. Причем «мелкие хозяева», в терминологии М. И. Туган-Барановского, совсем не то же самое, что «мелкие буржуа» (как у В. И. Ленина, например). Туган-Барановский признавал наличие в крестьянской среде верхнего слоя, примыкающего к буржуазии, и низшего, пролетаризированного. Однако он не поддерживал вывод о мелкобуржуазной природе среднего крестьянства, который В. И. Ленин считал «основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России...». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 118). О классовой характеристике крестьянства см. также комментарий к с. 106.

Что же касается тезиса о возможности для крестьянина пользоваться, благодаря кооперации, выгодами и преимуществами крупного хозяйства, читателю будет небезынтересно, по нашему мнению, заглянуть на с. 392 настоящего издания. Оговорка о том, что «кооперация не всеильна», делает позицию автора более реалистичной.

* Среди факторов, существенно сокращающих экономические преимущества крупного капиталистического хозяйства в земледелии перед мелким трудовым, М. И. Туган-Барановский называл «закон падающей производительности земледельческого труда», меньшую заинтересованность наемных работников по сравнению с хозяином, трудность надзора за ними при труде на обширной площади, невозможность глубокой специализации сельскохозяйственного труда, меньшее значение машин по сравнению с природными условиями и т. д. в достаточном традиционном духе. Однако «главной причиной устойчивости мелкого сельского хозяйства» он считал не его экономические преимущества, а то, что оно «может существовать и развиваться при значительно меньшем валовом и чистом доходе, чем капиталистическое крупное», а также то, что «мелкое земледелие, служа потребительским нуждам земледельца, гораздо менее зависит от рыночных колебаний цен на сельскохозяйственные продукты» [57. С. 200—210].

* К. Каутский в своей знаменитой книге «Аграрный вопрос» (1899) также доказывал, что крестьянская кооперация, захватывая область товарного обращения и кредита, не может в условиях капитализма перерасти в кооперацию в сфере собственно сельскохозяйственного производства. При этом ему были совершенно чужды представления о преимуществах и устойчивости мелкого производства, а кооперативы Каутский рассматривал даже как возможное средство усиления обычного превосходства крупных хозяйств. Он исходил исключительно из факта объективно обусловленной привязанности крестьянина к земле, к частной собственности. Поэтому переход крестьянства к крупному, товарищескому производству мыслился им лишь в условиях уже осуществленного социалистического преобразования основ экономического строя. (Каутский К. Аграрный вопрос. М., 1906. С. 105—116).

* Это утверждение автора не было совершенно бесосновательным. Известно, например, что в первой аграрной программе французской Рабочей партии (1892) и, особенно, в ее теоретической мотивировке (принятой на съезде в Нанте в 1894 г.) в качестве «настоятельной обязанности социализма» провозглашалась защита владений «живущего своим трудом крестьянина против фиска, ростовщика и против посягательств со стороны вновь возникших крупных землевладельцев...». Однако такое заявление тогда же подверглось критике со стороны Ф. Энгельса, который подчеркивал, во-первых, нереальность этой задачи в силу экономической обреченности мелких крестьянских хозяйств; во-вторых, несовместимость ее с основной задачей социализма, состоящей «в передаче средств производства производителям в их *общее владение*». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 509—511).

* К. Каутский, действительно, считал своей задачей доказать, что «крестьянам нечего бояться социал-демократии», что «они вполне могут на нее рассчитывать» и призывал к поддержке крестьянской кооперации. (Каутский К. Указ. соч. С. 401, 365). При этом он опирался на обоснованное еще Ф. Энгельсом положение о недопустимости насильственной экспроприации мелких и, «вероятно», даже крупных крестьян, о необходимости их «частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели.» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 518).

Однако К. Каутский принципиально отрицал значение «существенно иных» технических условий производства в сельском хозяйстве: «Общест-

венное развитие идет в сельском хозяйстве в том же направлении, как и в промышленности. Общественные нужды, как и общественные условия толкают и там и здесь к общественному крупному производству...» Поэтому относительно крестьян он, вслед за Ф. Энгельсом, писал, что «не может быть ничего более опасного и жестокого как вызывать в них иллюзии о будущности мелкого крестьянского хозяйства».

Что же касается условий социалистического государства, то сохранение индивидуальных крестьянских хозяйств предусматривалось Каутским: 1) лишь до тех пор, пока крестьяне не осознают выгоды ведения совместного крупного производства; 2) наряду с сохранением в порядке «исключения из общего типа производства» мелкого промышленного производства — ремесла; 3) в качестве звеньев общественного производства «даже если они и сохраняют свое якобы изолированное положение». (Каутский К. Указ. соч. С. 275, 291, 396—398).

К стр. 296

* Сравнивая этот тип крестьянского хозяйства с проектом социалистической сельскохозяйственной общины, изложенным в последней главе, приходится признать наличие определенного разрыва в логике автора. Остается неясным, каким образом мыслил себе М. И. Туган-Барановский переход от индивидуального производства всех сельскохозяйственных продуктов к кооперации труда в сфере относительно «более простых» сельскохозяйственных процессов, таких, как выращивание зерновых.

Наличие этого разрыва, вероятно, можно объяснить тем, что социализм для М. И. Туган-Барановского оставался все же достаточно далеким «социальным идеалом». Так что разработка программы непосредственного движения к нему не входила в задачу автора.

К стр. 303

* Именно среднее крестьянство, ведущее «более или менее самостоятельное хозяйство без помощи наемного труда», составляло, по мнению Туган-Барановского, «значительное большинство» в России — не менее 80 % всех крестьян. [57. С. 212—216].

Заметим, что В. И. Ленин исходил из представления о гораздо более глубоком расхождении крестьянства, указывая, что под Москвой, например, «подавляющее большинство» крестьянских дворов «представляют из себя хозяйства маленьких капиталистов, нанимающих рабочих». А то, «что происходит под Москвой, происходит — в более слабой степени — повсюду». Всякие рассуждения о крестьянском хозяйстве вообще он считал равносильными защите интересов эксплуататоров, «ибо, чем больше крестьянин похож на «хозяина», тем сильнее эксплуатирует он наемный труд». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 329).

* В конце XIX — начале XX вв. спор между сторонниками и противниками теории устойчивости мелкого крестьянского хозяйства разворачивался в условиях, когда практика требовала пересмотра самого понятия «мелкое производство», изменения самих критериев его выделения. Начавшийся процесс капиталистической интенсификации сельского хозяйства делал показатель посевных площадей все менее пригодным для этой цели. На первый план выдвигались показатели, характеризующие объем вложенного в производство капитала и произведенного в хозяйстве продукта. На это неоднократно указывал В. И. Ленин (См. например: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 196, 213).

К стр. 329

* Констатация этого факта вступает в противоречие с теоретическими представлениями автора, согласно которым именно «в области производ-

ства», «в силу технических условий» сельского хозяйства крестьянское хозяйство должно быть «значительно более производительным, чем капиталистическое». (См., например: Наст. изд. С. 309.)

* Здесь помещичьи хозяйства отождествляются с капиталистическими в отличие от крестьянских — трудовых. Автор не учитывает, что, во-первых, капитализм развивался и на базе крестьянских хозяйств; во-вторых, значительная часть помещичьих земель и после отмены крепостного права обрабатывалась некапиталистически — на основе так называемой «отработочной» системы. Последняя характеризовалась В. И. Лениным как «прямой и непосредственный пережиток барщины», «переход от барщины к капитализму». Сравнивая урожайность на различных землях, В. И. Ленин приходил к выводу, что «помещичьи земли, обрабатываемые крепостнически (испольщина и мелкая аренда), дают *меньшие* урожан, чем надельные земли!», в то время как «урожайность «экономических» посевов, т. е. обрабатываемых капиталистически помещичьих земель, выше крестьянских...» Обосновывая необходимость решительной ликвидации помещичьего землевладения, В. И. Ленин исходил именно из интересов развития производительных сил, из большей выгоды «фермерского» пути развития капитализма по сравнению с относительно замедленным «юнкерским». «Поскольку на помещичьих землях хозяйничает и теперь своими стародедовскими орудиями, способами и т. д. кабалный крестьянин, *постольку* помещичье землевладение есть главная причина отсталости и застоя», — подчеркивал он. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 72—77, 134).

* Имеется в виду реформа 19 февраля 1861 года.

К стр. 330

* То, что автор называет «непосредственным, здоровым нравственным чувством» крестьянства, В. И. Ленин считал исторически-определенным и исторически-ограниченным пониманием справедливости, связанным с осознанной необходимостью «крестьянской чистки земель» для капитализма. В провозглашавшемся крестьянами «праве на труд» и «праве на землю» Ленин усматривал «реальное буржуазное содержание». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 376—378).

Неисторическая позиция М. И. Туган-Барановского в данном случае объясняется характерной для него повышенной оценкой независимости процесса формирования нравственности. Особенно ярко эта особенность его мировоззрения проявилась, например, в стремлении противопоставить обоснование социализма с точки зрения противоречия между капиталистической частной собственностью и господствующей в обществе «этической нормой» обоснованию его с точки зрения экономической необходимости. [40, С. 96, 228].

К стр. 331

* Антиисторический способ обоснования с позиций «естественного права человека» весьма характерен для М. И. Туган-Барановского. См., например, о социализме как требовании «естественного права, логически связанного с первым и основным природным правом человека на свободу». [С. 16]. В то же время предлагаемые автором пути решения проблем отличаются, как правило, достаточным реализмом. (См., например, ниже о значении сельскохозяйственной кооперации в условиях земельной реформы).

К стр. 334

* М. И. Туган-Барановский был склонен, видимо, недооценивать различия аграрных программ большевиков, меньшевиков и эсеров, касающиеся темпов и методов ликвидации помещичьих хозяйств, а также отношения

к кулацким хозяйствам. Между тем различия эти ярко проявились в категорическом неприятии последними большевистского «Декрета о земле», в попытках разработки и принятия альтернативных «законов», наконец — в реальной экономической политике, проводившейся эсеровскими и меньшевистскими правительствами на подвластных им территориях (Поволжье, Сибирь, Грузия). (См., например: Иллерицкая Е. В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М.: Наука, 1981. Гл. 4).

К стр. 337

* По данным советского историка П. И. Лященко, движение к образованию коллективных хозяйств началось примерно с января 1918 г., а к концу 1918 г. в РСФСР, по данным Наркомзема, числилось 1501 коллективное хозяйство. Кооперация охватывала именно сферу сельскохозяйственного производства — коммуны, артели, товарищества. Однако значительную часть участников составляли не крестьяне, а безземельные батраки и пришлое рабочее, городское и беженское население. Соответственно, главным стимулом к созданию кооперативов были не соображения повышения эффективности крестьянских хозяйств, а необходимость преодоления бедственного экономического положения их устроителей, а также социалистические иллюзии явно утопического толка. Так Ключниковская коммуна Владимирской губернии записала в уставе свое намерение открывать высшие (1) и средние учебные заведения, столовые, библиотеки, издавать журналы и газеты (1), устраивать публичные лекции. (Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. С. 46—49).

К стр. 344

* В статье М. И. Туган-Барановского «Земельная реформа и кооперация», материал которой в основном воспроизводится в настоящей главе, содержалась также аргументация в пользу кооперации с точки зрения опасности «разрыва революционного фронта», объединявшего рабочих и крестьян. Автор указывал на крестьянскую кооперацию в качестве «лучшего средства» против такого разрыва «и притом в двояком смысле: в смысле поднятия производительности крестьянского труда и предотвращения упадка города; и в смысле постепенного воспитания у крестьянина социалистического мировоззрения». «Вот почему только под знаком кооперации русская революция может отстоять свои завоевания», — заключал он. (Вестник кооперации. 1918, № 1—2, С. 3—25).

Отдел 4

К стр. 351

* Ф. Лассаль — один из основателей и президент созданного в мае 1863 г. «Всеобщего германского рабочего союза». Его заслуги высоко оценивал В. И. Ленин, указывая, что именно он превратил рабочий класс Германии «... из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 169—170). Однако разработанные Лассалем программа и тактика резко критиковались К. Марксом и Ф. Энгельсом.

* О принципиальном несогласии К. Маркса с точкой зрения Ф. Лассалья на роль производственных товариществ в процессе перехода к социализму см.: Маркс К. «Критика Готской программы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 25—32). Позицию Ф. Лассалья К. Маркс считал замешанной у буржуазно-реформистского теоретика «христианского социа-

лизма» Ф. Бюше и оценивал как противоречащую задачам революционного преобразования общества.

К стр. 352

* Имеется в виду одна из резолюций первого конгресса Международного товарищества рабочих (I Интернационала), проходившего в Женеве 3—8 сентября 1866 г. В качестве резолюции конгрессом был принят раздел «Кооперативный труд» из написанной К. Марксом «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам». (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 199—200).

К стр. 354

* В такой формулировке положение представляется некорректным прежде всего в силу существенного различия взглядов К. Маркса и Ф. Лас-сала на кооперацию. В то же время следует признать, что К. Маркс и Ф. Энгельс не уделяли проблемам кооперации особого внимания, считая своей главной задачей критику реформистских проектов мирного перерастания капитализма в социализм через кооперативное движение.

К стр. 358

* Под «средними классами» здесь, вероятно, имеется в виду социальная группа торговых посредников.

К стр. 364

* «Коммандитное товарищество» — «товарищество на вере» — предприятие, один или несколько участников которого отвечают по обязательствам товарищества всем своим имуществом, а остальные участники — только своими вкладами. Первый или первые являются руководителями предприятия, а вторые (коммандитисты) лишь участвуют в прибылях и обладают определенным правом контроля.

К стр. 371

* «Дисконтирование векселей» — «дисконт векселей» — учет векселей — покупка банком векселей у векселедержателей до истечения их срока.

К стр. 376

* «Отечественные Записки» — журнал, в котором с 1839 г. принимал участие В. Г. Белинский. С 1868 г. журналом руководили Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин и др. В этот период журнал группировал вокруг себя революционно-демократическую интеллигенцию. В 1884 г. журнал был закрыт царским правительством.

К стр. 377

* В XIX—XX вв. Королевство Польское входило в состав России. 29 августа 1918 г. Советское правительство приняло декрет об отказе от договоров и актов, заключенных правительством бывшей Российской империи о разделах Польши.

К стр. 392

* См. комментарий к стр. 291.

* Очевидно, это утверждение носит конкретно-исторический характер и в современных условиях устарело.

* Вероятно, автор хотел подчеркнуть отсутствие у крестьянина необходимости закупать сырье на рынке, поскольку семена, корм и т. д., как правило, воспроизводятся в его собственном хозяйстве. Однако, сформулированное таким образом, положение выглядит как повторение ошибки Родбертуса, полностью игнорировавшего затраты на сырье в земледелии и объяснявшего таким образом существование абсолютной земельной ренты.

Отдел 5

* Это утверждение автора неправомерно истолковывать в духе иллюзий «кооперативного социализма» потому, что он принципиально отвергал возможность выявления общественными науками каких-либо «эволюционных законов», т. е. законов, в категорической форме устанавливающих последовательные фазисы развития общественных систем или хотя бы указывающих определенное неизменное направление их развития. При этом М. И. Туган-Барановский исходил из исключительной пластичности общественных форм, реагирующих на каждое изменение внешней среды, которая сама непрерывно изменяется под влиянием неповторяющегося хода всемирной истории. Отсюда — вывод о том, что законы общественного развития вообще можно понимать лишь как тенденции, обоснованные внутренними для данного общественного организма причинами, реализация которых зависит, однако, от всей непредсказуемой суммы внешних условий. Подробнее см.: [57. С. 86—96].

* Интересно сравнить эти рассуждения с известным ленинским положением о том, что «...социалистическое общество есть одно большое потребительное общество с планомерно организованным производством для потребления...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 77. С. 369—370).

* В данном случае автор переходит на нормативные позиции, на точку зрения должного, которая противоречит объективному исследованию интересов, следующему далее. Неясно, как можно установить «трудовую цену» до столкновения интересов продавца и покупателя на рынке, если только не признать «справедливым» оплату любых трудовых затрат, как необходимых, так и бесполезных для общества.

* Подобные рассуждения теоретиков «гармоний интересов» К. Каутский называл «выдумкой», правильной «лишь в том отношении, что капиталистическое общество, как и всякое другое, представляет собой единый организм, в котором каждое повреждение одной части не остается без некоторого вредного влияния на другие части». Однако противоположность классовых интересов в капиталистическом обществе он считал вообще «несравненно более решительной», чем их общность. «То же самое и в отношениях между продавцами и покупателями средств продовольствия. Их противоположность слишком непосредственна, чтобы ее могла сглаживать слишком отдаленная заинтересованность продавца в покупательной силе покупателя». (Каутский К. Аграрный вопрос. С. 284—285).

* Единство интересов пролетариата и крестьянства Ф. Энгельс связывал с тем, что «нынешний крестьянин-собственник» в условиях капитализма неизбежно — «будущий пролетарий». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 507). То же и у К. Каутского, призывавшего пролетарскую партию апеллировать к «интересам будущего» в крестьянской среде. (Каутский К. Указ. соч. С. 290—291). Ясно, что для М. И. Туган-Барановского, верившего в устойчивость крестьянских хозяйств, такая аргументация была неприемлемой.

К стр. 428

* Характеристику непосредственных задач кооперации как чистохозяйственных, политически нейтральных автор далее дополняет характеристикой ее «идеала» (конечной цели) как родственного идеалам социализма. (См.: Наст. изд. С. 438). Подобное представление, на наш взгляд, не содержит в себе никакого противоречия. О двойственной природе кооперативного движения писал А. В. Чаянов: «Приступая к определению кооперации, имеем перед собой не один, а два объекта определения. С одной стороны, кооператив как организационно-хозяйственную формулу, могущую вовсе не ставить перед собой никаких социальных задач... С другой стороны, мы видим перед собой широкое социальное движение или точнее движение, обладающие свойственной им идеологией и пользующиеся кооперативными формами как одним из орудий... своего конкретного воплощения». (Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919). Вероятно, можно утверждать, что именно в этом сочетании стремления к обеспечению классовых хозяйственных интересов со стремлением к кардинальному преобразованию капиталистического общества вплоть до уничтожения всяких классов и заключается сила кооперативного движения.

К стр. 431

* Речь идет о конгрессе II Интернационала, международного объединения социалистических партий, основанного в Париже в 1889 г. при участии Ф. Энгельса. В работе Копенгагенского конгресса принимал участие В. И. Ленин.

К стр. 434

* О своеобразной форме порабощения капиталистов их же капиталом писал еще К. Маркс, например в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Анализировались и объективные причины, побуждающие капиталиста считать свое личное потребление «грабительским посягательством» на накопление своего капитала. Однако, по мнению К. Маркса, «воздержание» капиталиста от потребления характерно в основном для начальной стадии накопления капитала, индивидуального и всего общественного. «На известной степени развития некоторый условный уровень расточительности, являясь демонстрацией богатства и, следовательно, средством получения кредита, становится даже деловой необходимостью для «несчастливого» капиталиста. Роскошь входит в представительские издержки капитала... Правда, расточительность капиталиста никогда не приобретает такого bona fide [простодушного] характера, как расточительность разгульного феодала, ...тем не менее расточительность капиталиста возрастает с ростом его накопления, отнюдь не мешая последнему». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 607).

* Здесь автор, очевидно, имеет в виду не действительную кооперацию, а ее «идеал». Далее (см. наст. изд., с. 441—442) он уточняет свою позицию: о свободе человека в реально существующих кооперативах, об освобожде-

нии его от капитала можно говорить лишь применительно к трудовой кооперации только в ее «внутренних отношениях».

* Ранее (см. наст. изд., с. 64—65) М. И. Туган-Барановский подчеркивал, что отличие кооператива от социалистической общины заключается именно в том, что «кооператив обращается, прежде всего, к хозяйственному интересу человека», тогда как община требует от человека жертвования личным хозяйственным интересом ради высших, неэкономических целей. В данном случае речь, на наш взгляд, идет о возможной необходимости временного подчинения личного интереса коллективному в целях их согласования. Подробно о роли личной заинтересованности см.: наст. изд. С. 91—94.

К стр. 435

* Внимание к проблеме «человеческого фактора», необходимого для развития кооперации, следует, на наш взгляд, рассматривать как свидетельство реализма, а не идеализма автора.

* Понятия «социального идеала» и «социального идеализма» занимали важное место во взглядах М. И. Туган-Барановского. По его мнению, попытка К. Маркса поставить на место социального идеала научное социальное предвидение не только ошибочна, но и заведомо обречена на неудачу. Если научное предвидение будущего общества абсолютно полно, «если мы читаем в будущем как в раскрытой книге», то всякая активная общественная деятельность становится бессмысленной. Поскольку же научное познание и предвидение не могут быть полными, постольку остается место для социального идеала. Причем «идеал и наука в равной мере необходимы для жизни. Идеал дает нам верховные цели нашей деятельности; наука указывает средства для осуществления этих целей и снабжает нас верным критерием для определения, что в наших целях и в какой мере, в какое время осуществимо». «Пренебрежение к социальному идеалу не только теоретически неправильно, но и практически вредно. Теоретически неправильно потому, что в своей практической работе марксизм столь же мало может обойтись, без социального идеала, как и другие общественные движения. Практически же вредно потому, что великая борьба требует и великого напряжения сил личности... И если марксизм на практике не утратил энтузиазма, то лишь потому, что, вопреки всякой теории, марксистское движение оказалось проникнутым могучей струей социального идеализма». [34. С. 72, 258—259].

Развивая эту мысль, М. И. Туган-Барановский писал, что «этика, социальный идеал не вредят научности экономической теории, но лишь в том случае, если в научном рассуждении строго различаются области сущего и должного» [57. С. 37].

К стр. 436

* Речь идет о кооперации с социалистической ориентацией, но в капиталистическом обществе.

К стр. 438

* См. комментарий к с. 428.

* Без понимания мотивов экономической деятельности определенных социальных групп реалистическое политэкономическое исследование, действительно, невозможно. При этом политэкономия должна исследовать не само по себе общественное сознание, но характер взаимодействия между объективной экономической действительностью, с одной стороны, и массовым экономическим сознанием — с другой. В рассуждениях М. И. Туган-Барановского особенно ценным нам представляется четкое различие идеала, реально господствующего в сознании масс кооператоров, и «идеала», навя-

зывается трудящимся кооператорам буржуазными и мелкобуржуазными идеологами.

К стр. 439

* Подробнее об идеале анархического социализма и коммунизма см. Гл. 1 настоящего издания.

* Развернутое основание «анархического коммунизма» как высшего социального идеала содержится в книге М. И. Туган-Барановского «Социализм как положительное учение». Здесь заметим только, что представления автора о путях и сроках реализации этого идеала гораздо ближе к марксистско-ленинскому учению о постепенном «отмирании» государства, чем к анархистской идее его «отмены». См. также: Наст. издание. С. 62.

К стр. 440

* Подробнее об отношении М. И. Туган-Барановского к учению Канта см. его предисловие к книге К. Форлендера «Кант и Маркс. Очерки этического социализма». М., 1909.

* Речь идет не о практике современного автору капиталистического строя, а о современном ему нравственном сознании, вступающем в противоречие с хозяйственной практикой. Именно из этого противоречия М. И. Туган-Барановский выводил и необходимость социализма. [40. С. 227—228]. Однако в повторяемых автором рассуждениях о «естественном», «прирожденном» праве человека на свободу просматривается и антиисторический, идеалистический подход.

К стр. 441

* Подробнее о модели коллективизма («централистического социализма») см. Гл. I, § 2, 3.

К стр. 442

* Как видно из дальнейшего изложения, «принуждение» автор понимает в экономическом смысле и объясняет исторической необходимостью, сохраняющейся до тех пор, пока весь труд не станет сам по себе настолько привлекательным, что превратится в самостоятельную потребность.

К стр. 443

* Современная хозяйственная практика свидетельствует о возможности возникновения кооперативов и в наименее привлекательных с точки зрения условий и содержания труда отраслях. Причем именно в таких отраслях потребность в создании наиболее свободных социально-экономических условий труда ощущается наиболее остро. Они служат своеобразной компенсацией занятым в них рабочим как сами по себе, так и в качестве орудия обеспечения повышенного заработка.

* Развиваемую далее практическую программу соединения социалистической государственной собственности на средства производства с кооперативной формой организации труда следует, на наш взгляд, считать крупной теоретической заслугой М. И. Туган-Барановского. Примечательно, что сама идея такого соединения выдвигалась еще Ф. Энгельсом. В 1886 г. он писал в письме А. Бебелю о необходимости широкого использования кооперативного производства «в качестве промежуточного звена» при переходе к полному коммунистическому хозяйству: «Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы Кооперативного товарищества не могли бы возобладать над инте-

ресами всего общества в целом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36 С. 361).

Можно предположить, что и В. И. Ленин в знаменитой статье «О кооперации» имел в виду именно такую форму существования социалистических кооперативов. Во всяком случае в статье ни разу не употребляется термин «кооперативная собственность», зато неоднократно подчеркивается, что кооперативные предприятия являются социалистическими, «если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 375).

К стр. 444

* Интересно сопоставить это предвидение автора с недавними надеждами на то, что кооперативное движение в нашей стране будет развиваться преимущественно силами пенсионеров, учащихся, а также за счет вторичной занятости работников государственных предприятий. Уже первый год действия Закона о кооперации в СССР выявил серьезность проблемы конкуренции между кооперативными и государственными предприятиями за трудовые ресурсы высшего качества.

К стр. 445

* О преимуществах мелкого трудового хозяйства в трактовке М. И. Туган-Барановского см. комментарий к стр. 291.

К стр. 447

* Это положение наводит на мысль о недооценке автором возможностей регионального и отраслевого разделения труда внутри сельского хозяйства. Кроме того, утверждение об экономической автономности социалистической общины выглядит необоснованным, не вытекающим из предшествующих рассуждений.

К стр. 449

* Термин «анархические» употребляется здесь в противоположность «государственным», а не в противоположность планомерно организованным союзам. О несогласии автора с характерным для анархизма отрицанием необходимости какого-либо общественного регулирования процесса производства см. например; наст. изд. С. 62.

* Вероятно, здесь автор имеет в виду не простое вытеснение государственных предприятий кооперативными. Тем более, что применительно к условиям социализма установление господства кооперативов в промышленности он сам считал невозможным (см. предисловие к наст. изд.) Скорее всего подразумевается качественное преобразование всей совокупности социалистических производственных отношений в направлении коммунистического идеала, наиболее близким прообразом которого М. И. Туган-Барановский считает именно кооперацию.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Анзееле (Анзэле, Анзель), Эдуард (1856 г.—год смерти не установлен) — кооперативный деятель Бельгии конца XIX — начала XX в., политический деятель, социалист.

Родился в семье сапожника, служил в конторе нотариуса, был типографским рабочим. Имел большой авторитет среди рабочих г. Гента. Неоднократно избирался в парламент, где защищал интересы рабочих.

В 1880 г. по инициативе Анзееле в Генте был организован кооператив «Вперед», вокруг которого долгое время сосредоточивалось все рабочее движение северной части Бельгии. Этот кооператив во втором десятилетии XX в. занимал одно из первых мест в ряду бельгийских кооперативов. Анзееле руководил этим кооперативом до 1914 г.

На русском языке брошюра с его речью «Кооперация и социализм» издана в Женеве в «Библиотеке русского пролетариата» в 1903 г.

Анциферов Алексей Николаевич (1867 — год смерти не известен) — русский экономист, много занимался исследованием вопросов кооперации. Его перу принадлежат книги «Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции», 2-е изд. Воронеж, 1909; «Кооперативный кредит», 2-е изд., Пг., 1918; «Кооперативный кредит и кооперативные банки», Харьков, 1919; Сб. лекций «Очерки по кооперации», 2-е изд. пересм. и дополн., М., 1915; «О желательном направлении деятельности земских касс мелкого кредита», Харьков, 1912; «Новый кооперативный закон и ближайшие задачи русской кооперации», 1917; «Новая форма кооперации. Снабжение деревни электрической энергией»; М., 1912; «Центральные банки кооперативного кредита», Харьков, 1916; и другие — всего около 30 работ.

Бекер, Жанн Филипп (годы жизни не установлены) — социал-демократ, жил в Швейцарии. В кооперативном движении известен тем, что ввел идею учредительного фонда в разработанный им типовой устав для производительных товариществ.

Блан, Луи (1811—1882) французский утопический социалист. В период Революции 1848 г. — член Временного правительства, вел соглашательскую политику. Выступал против Парижской Коммуны.

В. И. Ленин называл Блана «вождем рабочих на словах, хвостом буржуазии на деле» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 313).

Бланк Р. М. (годы жизни не известны) — автор книги «Роль еврейского населения в экономической жизни России». Спб., 1908 г., на которую была положительная рецензия в сборнике «Вопросы общественного воспитания».

Бородаевский, Сергей Васильевич (даты жизни не установлены) — русский буржуазный экономист, общественный деятель. Занимался разработкой общих вопросов кооперации, сельскохозяйственной кооперации, мелкого кредита.

До 9.XI.1915 г. — Председатель I отдела Петроградского Отделения Комитета (кооперативные учреждения мелкого кредита). Входил в состав «Постоянной комиссии для консультирования земских касс мелкого кредита» при I отделе Центрального Отделения (до начала 1916 г.).

Как представитель Управления по делам мелкого кредита выступал на I Всероссийском кооперативном съезде (Москва, 1908) с докладом о необходимости учреждения центрального Имперского Кооперативного Банка. Автор более 30 работ.

Бюлов, Бернхард (1849—1929) — германский государственный деятель, рейсканцлер и министр-президент Пруссии (1900—1909). В 1902 г. провел в интересах крупных аграриев таможенный тариф на хлебные продукты, что привело к их удорожанию. В борьбе против усиливающегося рабочего движения прибегал к введению осадного положения (1903 — Криммичау в Саксонии) и посылке войск в районы забастовок. Добивался всемерного увеличения военной мощи Германии с целью подготовки войны за передел мира. Стремился к сплочению господствовавших классов для борьбы с усиливавшимся рабочим движением и для проведения активной экспансионистской внешней политики.

Бюше, Филипп Жозеф Бенжамен (1796—1865) — французский политический и общественный деятель, публицист и историк. По образованию — врач. В период реставрации Бурбонов принимал участие в движении карбонариев. В 1825 г. примкнул к ученикам Сен-Симона. После Июльской революции 1830 г., напуганный ростом рабочего движения, стал пропагандировать христианский социализм.

«Отец французской кооперации» (по выражению Вебб), стремясь примирить католицизм и социализм, выдвинул план создания рабочих производительных ассоциаций при помощи государства. Бюше основал производительную ассоциацию столяров (в 1831 г.), которая вскоре распалась. В 1834 г. основал ассоциацию золотых дел мастеров (просуществовала тридцать лет, но скоро потеряла свой кооперативный характер).

Кооперативная идея Бюше, считавшаяся многими мистической, заключалась в том, что капитал ассоциации, образованный вначале из сбережений ее членов, а впоследствии из прибылей, должен был оставаться неприкосновенным и нераспределяемым, увеличиваясь постоянно и переходя от поколения к поколению, к выгоде тех, кто пожелает воспользоваться ассоциацией, пока ее капитал не поглотит всего промышленного капитала страны и не объединит все орудия производства в трудовых ассоциациях.

Вебб (Уэбб) Сидней и Беатриса — английские экономисты и общественные деятели, реформистские историки английского рабочего движения, теоретики тред-юнионизма и т. наз. фабианского социализма. Сидней В. (1859—1947) — лорд с 1929 г. Родился в семье клерка. По образованию юрист. В 1878—1891 гг. работал в различных министерствах по экономическим и правовым вопросам. Был одним из организаторов и руководителей «Фабианского общества». В 1892—1910 гг. член совета Лондонского графства. В 1912—1927 гг. профессор Лондонской экономической школы. В 1915—1925 гг. входил в состав Национального исполкома лейбористской партии, представляя в нем «Фабианское общество». В 1918 г. был автором первой программы лейбористской партии. В 1924 г. министр торговли, в 1929—30 гг. министр доминионов, в 1929—1931 гг. министр колоний.

Беатриса (до 1892 г. Поттер) родилась в семье крупного промышленника. Получила частное образование. Была членом ряда правительственных комиссий по вопросам безработицы и положения женщин. В 1891 г. в Лондоне выпустила книгу «Кооперативное движение в Великобритании». (В «Библиотеке кооператора» издавалась на русском языке в 1917 и 1918 гг.).

Труды Веббов содержали большое количество фактического материала по истории английского рабочего движения, что вызывало интерес марксистов к этим работам. Работа Веббов «Промышленная демократия» (1897; в русском переводе «Теория и практика английского тред-юнионизма». Т. 1, 2. 1900—01). В. И. Ленин перевел на русский язык 1-й том этой работы, а перевод 2-го тома отредактировал).

В 1932 г. Веббы посетили СССР и в 1935 г. издали написанную в объективных и дружественных тонах книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?» (т. 1—2. Русский пер. М., 1937). В 1942 г. С. Вебб выпустил книгу «Правда о Советской России».

Сочинения (в рус. пер.): *Вебб С. и Б.* История рабочего движения в Англии. Спб., 1899; *Они же.* История тред-юнионизма. В 5-ти т. М., 1922—1925; *Они же.* Закат капитализма. М., 1925; *Вебб Б.* Кооперативное движение в Великобритании. М., 1918. *Вебб С.* Положение труда в Англии за последние 60 лет. Спб., 1899; *Он же.* Истинный и ложный социализм// Социализм в Англии. П., 1918.

Вивиян, Генри (даты жизни не установлены) — член парламента, видный социал-реформатор, либерал. Выступал с агитацией создания кооперативов квартиронанимателей на основе коопартнершипа.

В 1907 г. основал союз 14 товариществ «Co-partnership Tenants Linvited». Союз исполнял роль эксперта, оптового закупщика и финансиста объединенных товариществ. Другая организация «Co-partnership Tenants Housing Council» организовывала выступления с лекциями, издание брошюр, использовала и др. формы распространения идей строительной кооперации. К участию в этом Совете привлечены видные экономисты (А. Маршалл и др.), архиепископ Кентерберийский, члены парламента и другие деятели. Председатель Совета — все тот же Генри Вивиян.

Член президиума и фактический руководитель «Ассоциации коопартнер-шиппа» (создана в 1884 г., президентом ее был избран В. Нил).

Виггодзинский, Вилли (1869 — год смерти не известен) — германский ученый, теоретик кооперации.

Родился в г. Киршберге в Силезии. В 1894 г. окончил Берлинский университет, где сначала изучал юридические, а затем экономические науки. С 1906 г. — доцент Боннского университета, позднее профессор сельскохозяйственной академии и университета (Бонн), где читал лекции по политической экономии, экономике сельского хозяйства, кооперации.

В 1911 г. издал учебник по кооперации. В 1912 г. издал учебники по политической экономии и по экономике сельского хозяйства «Кооперация в Германии» (рус. пер. 2-го изд. М., 1918).

Вольф, Генри Виллиам (1840 г. — год смерти не установлен) — деятель английского и международного кооперативного движения конца XIX — начала XX в. Родился в семье богатого фабриканта в Англии. Учился на философском факультете Боннского, затем Гейдельбергского университета. В Англии занимался изучением экономических вопросов и вопросов кооперации. После этого выступал в журналах по разным общественным вопросам и по вопросам кооперации.

Кооперативная деятельность Г. Вольфа началась в 1893 г., когда его пригласили в комитет по организации Международного Кооперативного Союза. В 1895 г. был избран первым казначеем Международного Кооперативного Союза. В 1896 г. на съезде Союза в Париже был избран председателем (занимал этот пост до 1909 г.).

В 1910 г. Г. Вольф учредил общество для насаждения кооперации в деревне, которое существовало при значительной правительственной помощи. На русском языке опубликована брошюра «Кооперативные товарищества в Италии» (Спб., 1904).

Д-р Гааз Вильгельм (год рожд. не установлен — 1913) — основатель и директор-секретарь «Имперского Союза» («Дармштадтского»), деятель крестьянской сельскохозяйственной кооперации Германии.

Герц, Фридрих (1878 — год смерти не известен) — австрийский экономист, советник управления государственного канцлера; в 1898 г. выступил с книгой «Аграрный вопрос и социализм» (рус. пер.: СПб.), затем обратился к изучению национального и расового вопроса, более поздние его работы посвящены экономическим перспективам Австрии.

Гёре Павел (Пауль) (годы жизни не установлены) — германский социал-демократический деятель. Окончил курс наук в университете и занял место помощника пастора в Лаунице (тшацкий район), затем простой рабочий в Хемнице в Саксонии (ныне — г. Карл-Маркс-Штадт). В течение трех лет — секретарь при Евангелически-Социальном Союзе в Берлине. Затем пастор в рабочем районе. Был одним из основателей национально-социального общества, переросшего в партию. Гёре ставил своей целью поддержку и помощь пролетариату, поэтому вступил в рабочую социал-демократическую партию.

Упомянутая в тексте М. И. Туган-Барановского брошюра содержала текст речи, в которой автор обосновал свое вступление в рабочую партию.

Вышедшая в русском переводе под названием «Рабочая кооперация в Германии» книга представляла собой сделанное самим автором извлечение из его обстоятельного труда о германской рабочей кооперации (*Die Deutschen Arbeiter Konsumvereine*. 1910).

Автор ряда работ по рабочей (пролетарской) кооперации. В России в 1905—1906 гг. вышло несколько изданий книги Гёре «Как священник стал социал-демократом».

Голейок (Холиоук), Джордж Джакоб (1817—1906) видный пропагандист кооперативных идей.

Родился в семье рабочего. В 1839 г. познакомился с Оуэном и стал его

учеником. Читая публичные лекции, популяризировал учение Оуэна. Вскоре разошелся с Оуэном и его последователями.

В 1843 г. в Рочделе прочитал лекцию, рекомендовав слушателям открыть потребительскую лавку на кооперативных началах. И через несколько месяцев было основано знаменитое общество «Рочдельских пионеров».

В 1846 г. основал журнал «Reasoner», где выделил раздел для вопросов кооперативного движения.

Самое известное из сочинений Голейока «История рочдельских пионеров» напечатано впервые в 1857 г. в газете «Дейли Ньюс». Это сочинение переведено на многие европейские языки (русский пер.: М., 1918).

Г. с. 1869 г. был членом центрального комитета Кооперативного Союза. Автор множества произведений: История кооперации. В 2-х т. Лондон, 1897; 60 лет жизни агитатора (Лондон, 1901); Кооперация в наши дни (рус. пер.: Современное кооперативное движение. Пг., 1918).

Глебов А. В. — см. Меркулов А. В.

Грабейн Макс (годы жизни не известны) — в 900-е годы видный деятель кооперативного движения в Германии — генеральный секретарь «Империального союза». Автор книги «Деревенская кооперация в Германии, ее хозяйственное и общественное значение» (1918 г.).

Грей Джон К. (1854—1912) — последователь Оуэна, генеральный секретарь кооперативного союза Великобритании. Родился в семье священника. Образование получил в г. Хебден-Бридже. С 13 лет работал в железнодорожной компании. В 20 лет поступил на должность помощника секретаря кооператива ткачей, а через 6 месяцев стал главным секретарем этого предприятия. В 1881 г. издал работу о производительной кооперации. Его доклад на эту же тему на кооперативном съезде в Плимуте в 1886 г. вызвал всеобщее одобрение. С тех пор много писал по различным практическим и теоретическим вопросам кооперации. В 1890 г. был выбран на место генерального секретаря Кооперативного Союза Великобритании, которое не покидал до 1912 г.

Председательствовал на I конгрессе Международного кооперативного альянса в Лондоне в 1895 г. Был почетным секретарем «Международного кооперативного альянса». Под руководством Грея составлялись ежегодные отчеты кооперативных съездов, организуемых Кооперативным Союзом.

Губер, Виктор-Эме (1800—1869), профессор, считается одним из отцов германской кооперации, пропагандист опыта «рочдельских пионеров».

Происходил из семьи профессора литературы Лейпцигского университета. Среднее образование получил в частной школе в Швейцарии, в 1816—1820 гг. учился на медицинском факультете Геттингенского университета.

С 1833 г. в качестве профессора филологии и литературы и редактора журнала проповедовал свои идеи самопомощи, взаимопомощи, на основе которых люди должны объединяться в союзы, ассоциации. В 1851 г. вышел в отставку и поселился в г. Гарце, желая посвятить себя кооперации. Сначала учредил ссудное товарищество, которое существовало и в начале XX в. Попытки создания строительного и потребительского общества в г. Вернигероде оказались неудачными, что заставило его обратиться к литературной пропаганде идей кооперации.

В 1854 и 1860 гг. совершил поездки в Англию. Одним из первых познакомил Германию и всю Европу с основами английского кооперативного движения.

Автор многих работ, среди которых наиболее известна книга «О рабочем вопросе в Германии».

Давид, Гертруда (годы жизни не установлены) — немецкая писательница и общественный социал-демократический деятель конца XIX — начала XX в.

Ряд ее работ переведен на русский язык: Социализм и кооперативное движение. Спб., 1906; Что дает потребительское общество жене рабочего. Спб., 1908.

Дидерих Э. (годы жизни не известны) — основатель первого в С-Петербурге мелкого общества взаимного кредита — «Ссудо-сберегательной кассы С.-петербургских ремесленников». Устав ее утвержден 26 июля 1867 г. Касса начала свою деятельность 15 августа 1868 г. с 22 членами, внесенными в резервный капитал 220 руб. К 1 января 1869 г. она имела уже 50 членов и 1000 руб. капитала. Известный исследователь кредитной кооперации в России и Западной Европе начала второй половины XIX в. А. В. Яковлев назвал эту кассу «Первым народным банком в Петербурге».

Кабэ, Этьен (1788—1856) — французский социалист, журналист.

По образованию юрист. За высказывания радикально революционных идей уволен с государственной службы. Основал газету «Попюлер». В 1840 г. опубликовал труд «Путешествие в Икарию», затем издал «Икарийский альманах», организовал серию лекций для популяризации своих идей. Собрав по подписке крупную сумму, с большой группой приверженцев его идей в начале 1848 г. отбыл в Америку.

Община «Икарийцев» Кабэ и его последователей проявила наибольшую устойчивость среди подобных общин. Через несколько лет первая община распалась, но группа сторонников Кабэ основала новую общину, которая в 1887 г. тоже разделалась, одна из частей в Калифорнии просуществовала до 1895 г.

Каутский, Карл (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков германского и австрийского социал-демократического движения и II Интернационала.

Кауфман, Генрих (1864 — год смерти не установлен) — руководитель потребительских обществ в Германии начала XX в.

Родился в семье торговца. Окончил учительскую семинарию. Учителем служил в Киле и Гамбурге. В Киле слушал в университете лекции по политической экономии, истории, естествознанию и математике. В 1894 г. стал редактором социал-демократической газеты в г. Гамбурге. Отошел от марксизма и принял участие в кооперативном движении. Будучи избран в ревизионную комиссию гамбургского потребительского общества, в 1900 г. принял на себя обязанность редактора печатного органа оптового магазина потребительских обществ в Гамбурге.

В 1903 г. был избран секретарем вновь образовавшегося «Центрального Союза германских потребительных обществ».

На съезде в Эйзенахе в 1908 г. получил от кооператоров титул генерального секретаря. Кауфман выступал за нейтралитет и беспартийность кооперации.

Его книга «Теория потребительной кооперации» переведена на русский язык (СПб., 1912).

Кауфман Георг (годы жизни не установлены) — немецкий историк, автор обширного исследования «Политическая история Германии в XIX в.» (Лейпциг, 1900, русск. пер. СПб., 1909).

Кингсли, Чарльз (1819—1875) — «христианский социалист», активный организатор и пропагандист кооперативных товариществ.

Родился в семье священника. Окончил Королевский колледж в Лондоне в 1842 г. и стал священником. Познакомившись в 40-х годах с Ф. Д. Морисом, стал активным проповедником идей христианского социализма. Желая помочь трудовому народу, с конца 40-х годов пытался основать организации товарищеской самопомощи. Писал с этой целью книги, рассказы, стихотворения, поэмы. Призывал рабочих к устройству кооперативных производительных товариществ.

Был не только проповедником, но и непосредственно организовывал кооперативы. В 1853 г. создал «Колледж для рабочих» в Лондоне. Участвовал в движении, приведшем к выработке и принятию парламентом в 1852 г. закона о кооперативных товариществах.

Комб, Авраам (дата рождения не установлена — 1827) — последователь Оуэна.

Основатель Орбистонской общины. Община была основана на религиозных началах, но ее основатели не навязывали своих убеждений лицам, вступившим в общину, 18 марта 1825 г. на приобретенном участке были начаты строительные работы. Однако возникло множество затруднений, и община распалась в августе 1827 г.

Комрад, Иоганнес (годы жизни не установлены) — профессор Берлинского университета, автор курса политической экономии.

На русский язык переведены его работы: Положение сельскохозяйственных пошлин в предстоящих торговых договорах Германии 1903 г. (М., 1901); Сельское хозяйство и аграрная политика. (М., 1910); Посредничество в приписании работы в Германии (Спб., 1913).

Краинский В. А. (годы жизни не установлены) — русский экономист, активный деятель кооперативного движения — в 10-х годах XX в. был избран помощником председателя I Отдела (так назывались научные секции) Санкт-Петербургского Отделения КССПТ, занимавшегося кооперативными учреждениями мелкого кредита.

Среди его работ: Община и кооперация (Спб., 1908); Аграрный вопрос и кооперация (Спб., 1906).

Красильников Г. П. (годы жизни не установлены) — автор брошюры Кредитная кооперация в Уфимской губернии. (Уфа, 1913).

Крюгер (годы жизни не установлены) — председатель Всеобщего союза германских промышленных и хозяйственных товариществ, основанных на самопомощи. Участвовал в ряде международных конгрессов как представитель Всеобщего союза шульце-деличских организаций.

Лассаль, Фердинанд (1825—1864) — деятель немецкого рабочего движения, публицист. Организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза (1863—1875 гг.), деятельность которого стремился приспособить к режиму О. Бисмарка.

Лугинины, Владимир Федорович (1834—1911) и *Станислав Федорович* (1838—1866) — основатели первого кредитного кооператива в России. Лугинины владели имением в Ветлужском уезде. В. Лугинин родился в Москве, Святослав — в Вене. Детство их и воспитание прошло за границей.

В 1850 г. В. Лугинин поступил в Михайловское Артиллерийское училище в Петербурге, которое окончил в 1853 г. Он был оставлен для научной деятельности, но добился направления в действующую армию. Принимал участие в русско-турецкой войне и Крымской кампании, где познакомился с Л. Н. Толстым.

После Крымской кампании оставил службу и уехал учиться за границу. Увлекался физикой и химией, слушал лекции в Цюрихе и Париже, где начал ряд работ по термохимии, которые принесли ему известность.

За границей В. и С. Лугинины увлеклись идеями Шульце-Делича. После возвращения в Россию Святослав организовал ссудо-сберегательное товарищество у себя в имении из крестьян в Рождественской волости. После его смерти В. Лугинин в 1865 г. добился утверждения устава Рождественского ссудо-сберегательного товарищества.

Марголин, Соломон Осипович (годы жизни не установлены) — автор работ «Еврейские кредитные кооперации». Спб., 1908; «Евреи труженики». Спб., 1910; «Примирительные камеры». Пг., 1917.

Меркулов Александр Васильевич (псевдоним Глебов А. В.) (годы жизни не установлены), русский советский экономист, автор работ по истории и практическим вопросам потребительской кооперации.

До революции — активный деятель кооперативного движения. Входил в руководящее ядро научного общества, принявшего на себя роль не только теоретического, но и организационно-методического центра российской кооперации, так называемого Санкт-Петербургского (Петроградского) отделения Комитета КССПТ, первоначально был избран секретарем III Отдела, занимавшегося потребительскими товариществами и обществами, а с апреля 1910 г. — секретарем Санкт-Петербургского Отделения.

Входил в состав Совета Всероссийских кооперативных съездов, избранного на Всероссийском кооперативном съезде (25--27.3.1917, Москва) для руководства неторговой деятельностью кооперации.

Наиболее крупные работы: Артельные маслodelьни. (Спб., 1909); Исторический очерк потребительской кооперации в России. (М., 1915); Как организовать и вести потребительское общество (совместно с М. Л. Хейсиным). (Спб., 1910); Кредитные товарищества (Спб., 1913); Популярныe очерки по кооперации. Сущность, задачи и работы кооператоров разного вида (Пг., 1918); Как пользоваться сообща машинами. О машинных товариществах и прокатных пунктах. (М., 1925).

Митчел, Джон (1828—1895) — один из наиболее крупных практических деятелей английской кооперации второй половины XIX в., один из основателей английского Общества Оптовых закупок.

В 1853 г. вступил в потребительское общество «рочдельских пионеров», а спустя два года стал членом его правления. В 1869 г. вошел в состав правления Общества Оптовых закупок. Общество «Рочдельских пионеров», находившееся недалеко от Манчестера, было одним из его учредителей, и Дж. Митчел вошел в его состав как представитель Рочдельского общества.

В 1874 г. Митчел был избран председателем Общества. По инициативе Митчела Общество впервые в 1873 г. приступило к собственному производству — изготовлению обуви, спустя 20 лет оно владело рядом фабрик и заводов. В 1869 г. оборот английского Общества Оптовых закупок равнялся 5 млн. руб., а в 1895 г. свыше 100 млн. руб.

Мор, Томас (1478—1535) — английский гуманист, государственный деятель и писатель, один из основоположников утопического социализма.

Морис, Фредерик Денисон (1805—1872) — один из первых в Англии пропагандистов «Христианского социализма», активный участник кооперативного движения.

Родился в семье священника. Став пастором и профессором нравственной философии в Кембриджском университете, пропагандировал идеи христианского социализма, собрал в 1848 г. и 1849 г. кружок молодежи, которую увлек своими идеями (в него входили и Нил и Кингсли), и основал общество для содействия рабочим ассоциациям. Пропагандировал создание кооперативных мастерских среди лондонского пролетариата.

Позднее вошел в число лиц, способствовавших принятию парламентом закона, предоставившего потребительным обществам права юридического лица. В 1854 г. участвовал в создании в Лондоне «Колледжа для рабочих» и стал его директором.

д-р Мюллер, Ганс (1867 — год смерти не установлен) — один из вожakov швейцарского и международного кооперативного движения 10-х годов XX в. и главный теоретик политической и классовой нейтральности и беспартийности кооперативного движения. Книга «Теория классовой борьбы и принцип нейтралитета кооперативного движения» (рус. пер. Спб., 1909).

Родился в купеческой семье в Германии. Изучал экономические науки в университетах Цюриха, Женевы и Парижа. В 1890 г. редактировал социал-демократическую газету в Магдебурге.

В 1890—1891 гг. вместе с «молодыми» выступил против партии и ее политики. В результате «охладел» к политике вообще и к марксизму. Завершил обучение в Бернском университете. Редактировал экономический журнал. Сблизился с тогдашними руководителями кооперативно-потребительского движения и Союз швейцарских потребительских обществ в Базеле поручил ему написать историю швейцарского кооперативного движения (1896). В 1897—1907 гг. секретарь Союза. Активно участвовал в международном движении, в 1908—1910 гг. секретарь Международного кооперативного Союза. С 1910 г. редактировал ежегодник Международного альянса. В 1911 г. в центральном органе швейцарской социал-демократической партии поместил статью «От революционного марксизма к кооперативному социа-

лизму» в ответ на обвинения его в ренегатстве, в которой обосновывал такой переход.

Кроме названных работ известны работы: Настоящее и будущее потребительской кооперации (рус. пер. М., 1911); Как основать и вести потребительское общество (рус. пер. Спб., 1909); История образования и развития Международного кооперативного альянса.

Нил, Эдуард Венсарт (1810—1892) — один из первых христианских социалистов, активный деятель и руководитель кооперативного движения в Англии середины и второй половины XIX в., первый генеральный секретарь Кооперативного Союза Великобритании (1873—1891 г.).

Родился в семье пастора. В 1832 г. окончил Ориель-колледж Оксфордского университета, поступил в одну из корпораций лондонских адвокатов.

В 1849 г. присоединился к христианским социалистам, основавшим «Общество для содействия рабочим ассоциациям», посредством которого они надеялись уничтожить систему «выжимания пота» и эксплуатации труда. Общество организовывало артельные мастерские. Нил многократно ссужал артели рабочих деньгами, чтобы они открыли кооперативную мастерскую, но всякий раз дело кончалось неудачей, а деньги пропадали. На этих попытках он обеднел, но продолжал верить в успех.

Учредил Центральное Кооперативное Агентство для продажи по оптовой цене кооперативным обществам доброкачественных товаров (тоже окончилось неудачей и стоило ему и Томасу Юзу много денег). В 1854 г. основал с друзьями в Лондоне «Колледж для рабочих». С 1852 по 1876 г. Нил, Томас Юз и Д. М. Лэдлоу были заняты составлением и проведением в парламенте законов о производительных и потребительских товариществах.

В 1873 г. на конгрессе в Ньюкастле был избран Генеральным секретарем Центрального Комитета Кооперативного Союза.

Вместе с Т. Юзом составил «Руководство для кооператоров». Был большим поклонником общежитий, будучи в этом отношении последователем Оуэна. Пропагандировал идеи участия рабочих в прибылях. Председательствовал на ряде конгрессов.

В Ориель-колледже учреждена стипендия его имени для детей кооператоров.

Опенгеймер, Франц (1864 — год смерти не установлен) — экономист и социолог, один из наиболее видных представителей аграрного социализма реформистского направления. Работал вначале в качестве врача.

С 1909 г. приват-доцент, затем профессор Берлинского университета, с 1919 г. — профессор во Франкфурте-на-Майне.

В числе главных работ: «Поселковые товарищества — опыт преодоления коммунизма путем разрешения кооперативной проблемы и аграрного вопроса» (1896); «Социальное значение кооперации» (1899); «Гармонические и дисгармонические товарищества» (1904).

Оуэн, Роберт (1771—1858) — английский социалист-утопист.

Прокопович Сергей Николаевич (1871—1966) — русский буржуазный экономист и публицист, политический деятель. В 90-х годах, находясь в Бельгии и Швейцарии, входил в «Союз русских социал-демократов за границей», стоял на позициях крайне правого «экономизма»; один из первых русских проповедников бернштейнианства. В 1904 г. вошел в совет буржуазно-либерального «Союза освобождения». В 1905 г. избран членом ЦК кадетской партии, но вскоре вышел из него. В 1906 г. совместно со своей женой Е. Д. Кусковой издавал в Петербурге журнал «Без заглавия», сотрудничал в газете «Товарищ». Автор многочисленных исследований по рабочему вопросу, написанных с бернштейнианско-либеральных позиций.

Активно участвовал в кооперативном движении: был председателем III отдела Петроградского Отделения КССПТ, занимавшегося потребительскими обществами.

После Февральской революции 1917 г. — министр торговли и промышленности (август) и министр продовольствия (сентябрь-октябрь) Времен-

ного правительства. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В 1921 г. входил в «Общественный комитет помощи голодающим», пытаясь использовать его для борьбы с Советской властью, в 1922 г. выслан из СССР за антисоветскую деятельность.

Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный политический деятель, философ, социолог и экономист, один из основоположников анархизма.

Пумпянский Л. (годы жизни не установлены) — русский ученый. Издал книгу «Кооперация и социализм в Англии в 20-х и 30-х годах XIX столетия».

Исследование было столь глубоким и детальным и вносило столь существенные поправки в теорию Б. и С. Веббов, что последние выразили намерение учесть их при подготовке очередного издания своей книги.

Райфайзен, Фридрих Вильгельм (1818—1888) — идеолог и практик сельскохозяйственной кредитной кооперации в Германии.

Окончив народную школу, избрал сначала военную карьеру. Дослужился до оберфельдшера, но по состоянию здоровья перешел на государственную службу в Кобленц, где начал младшим чиновником.

Потом в разных городах был бургомистром, но в 1862 г. вышел в отставку и открыл сначала сигарную фабрику, а затем виноторговлю.

В 1881 г. передал свое дело фирме «Райфайзен, Фасбендер и Ко». Последний период его жизни тесно связан с сельской кооперацией.

Рини, Рейнольд (годы жизни не установлены) — германский общественный деятель, член Общества за социальные реформы. Автор работ «Потребительные общества в Германии» (1902), «Рабочие потребительные общества» (1903).

де-Рокиньи, Роберт (полное имя граф Анри Мари Робер де Рокиньи дю Фэйель, годы жизни не известны) — активный деятель французского кооперативного движения конца XIX — начала XX в., один из руководителей сельскохозяйственной кооперации, реакционный политик, активно выступал против социалистических идей. На I Международном кооперативном конгрессе (август 1895 г., Лондон) был избран в постоянную комиссию для выработки способов установления коммерческих отношений между производственными кооперативными обществами одной страны и кооперативными потребительскими обществами другой страны (как представитель земледельческих кооперативных обществ).

Участвовал в ряде других международных мероприятий.

Автор книг: «Сельскохозяйственные синдикаты и аграрный социализм» (франц. яз.), Париж, 1893; Союзы в сельском хозяйстве. русск. пер.: М., 1907; Производственная кооперация в сельском хозяйстве (1896); Взаимное страхование скота (1898); Обследование сельских кооперативных булочных (1899); Руководство по организации взаимного страхования в сельском хозяйстве (с приложением образцов устава, министерских циркуляров, форм счетов и т. д.) (1903); Сельский пролетариат в Италии, Лиги (союзы, объединения) и стачки крестьян (1904).

Сернессон, Жозеф (годы жизни не установлены) — французский экономист конца XIX — начала XX вв. Его книга «Английские кооперативные общества» (1905) является результатом поездки автора по основным кооперативным центрам и организациям Великобритании, детального изучения их документации, бесед со многими видными кооперативными деятелями.

Известна другая его книга «Кооперативные общества во Франции и за границей (кроме Англии)» (1908 г.).

Томпсон, Уильям (1785—1833) — английский экономист, социалист-утопист.

Тьер, Адольф (1797—1877) — французский государственный деятель. В 1836 г. и 1840 г. — премьер-министр и министр иностранных дел. 17 февраля 1871 г. стал главой исполнительной власти Французской Республики, установившейся после сентябрьской революции 1870 г. 26 февраля 1871 г. подписывал мир с Пруссией. Попытка правительства Тьера разоружить ра-

бочих Парижа послужила толчком к пролетарскому восстанию 18 марта 1871 г. и провозглашению Парижской Коммуны 1871 г. Руководил борьбой против Коммуны. Заручившись поддержкой немецких оккупационных войск, с исключительной жестокостью подавил Коммуну, стяжав позорную славу палача коммунаров.

Характеристика Тьера дана в работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 317, 370). 31 августа 1871 г. Тьер стал президентом Третьей республики; в мае 1873 г. вышел в отставку.

Фасбендер (годы жизни не установлены) — профессор, товарищ Райфайзена по работе, компаньон по виноторговой фирме «Райфайзен, Фасбендер и Ко», которой Райфайзен передал свое дело.

Фурье Шарль (1772—1837) — французский утопический социалист.

Хейсин, Минея Леонтьевич (псевдонимы Леонтьев, М., Мишин М.) (год рождения не установлен — 1925) — экономист, много писавший в дореволюционные годы по общим вопросам теории кооперации, истории и практике работы кооперативных учреждений.

Был товарищем председателя III Отдела Петроградского Отделения КССПТ. По поручению Отдела написал брошюру «Письма к потребителям» (6-е испр. изд. Пг., 1917), участвовал в разработке первой анкеты для сбора данных о деятельности потребительских обществ, в чтении лекций о кооперации, вместе с А. В. Меркуловым подготовил книгу «Как организовать и вести потребительное общество» (Слб., 1910). Автор работ «Потребительская кооперация» (1917), «Рабочая кооперация и социал-демократия» (1917), многих статей в «Вестнике кооперации».

Хижняков В. В. (годы жизни не известны) — экономист, много занимавшийся вопросами кредитной кооперации на периферии, выступавший на II Всероссийском кооперативном съезде (Киев, 1913 г.) с сообщением «О районных кредитных и ссудо-сберегательных товариществах» и докладом об уставе земских касс мелкого кредита. Автор таких работ, как «Губернские и земские кассы мелкого кредита» (СПб., 1911 г.), «Кредитные товарищества Московской губернии» (1911 г.), «Потребительные общества Московской губернии» (М., 1913 г.), «Кооперативно-счетоводческие курсы в Московской губернии в 1912 и 1913 гг.» (М., 1913), «Кооперация после революции» (М., 1917), «Земство и кооперация» (М., 1918 г.), «Кооперативные курсы. Общие указания районным союзам по устройству курсов 1—3 мес. продолжительности в целях подготовки кооперативных работников в кооперативах первой степени» (Чернигов, 1919 г., М., 1923 г.) и др.

В марте 1917 г. был избран в состав Совета Всероссийских кооперативных съездов, предназначавшегося для руководства неторговой деятельностью кооперативов.

Храневич Константин Иерофеевич (годы жизни не известны) — автор таких работ как «Характерные черты кредитной кооперации в Царстве Польском (картина состояния кредитной кооперации в Ц. Польском к январю 1911 г.)», «Очерки по истории союзного строительства кредитной кооперации в России» и др.

Христиан Г. (годы жизни не известны) — автор многих статей о различных аспектах кооперативной жизни Италии, опубликованных во втором десятилетии нашего века в журналах «Вестник кооперации», «Союз потребителей» и др. русских кооперативных изданиях: «Союз итальянских кооперативов», «Итальянская коллективная аренда, ее формы и тенденции», «Рабочая индустриальная кооперация», «Национальный институт кредитования кооперации. Письма из Италии», «Национальный съезд итальянской кооперации», «Молочный вопрос и итальянская кооперация», «Новые начинания в рабочей кооперации Италии», «Борьба за кооперативное законодательство в Италии», «Новая победа кооперативов», «Итальянская потребительская кооперация и война» и др.

д-р Цейдлер, Гуго (годы жизни не установлены) — приват-доцент Бер-

линского университета, автор исследования по истории германских кооперативных обществ за период с 1848 г. до середины 90-х годов (Лейпциг, 1893 г.).

Чайковский Николай Васильевич (1850(51)—1926) — активный участник работы (позднее — председатель) II Отдела (промышленные товарищества и артели и сельскохозяйственные общества) Петербургского Отделения КССПТ.

В молодые годы — революционный народник. Член кружка «чайковцев». В 1874—1906—в эмиграции. В 1880—1890 гг. участник «Фонда вольной русской прессы». В 1904—1910 гг. эсер. Входил в состав Оргкомитета по созыву совещания представителей губернских земских касс мелкого кредита, которое намечалось провести в Петрограде в апреле—мае 1916 г. Публиковал статьи о кооперативном движении в Англии, Шотландии, Ирландии.

Шереметьев Н. А. (годы жизни не установлены) — активный деятель Петербургского Отделения КССПТ в 10-х годах XX в. Являлся секретарем «Постоянной комиссии для консультирования земских касс мелкого кредита» при I Отделе Петроградского Отделения. Выступал с докладами на заседаниях отдела, автор ряда статей по вопросам мелкого кредита и кредитной кооперации, организации их ревизий, брошюры «К вопросу об объединении деятельности земских касс мелкого кредита» (1916).

Шульце-Делич Франц-Герман (1808—1883) — немецкий буржуазный экономист и политический деятель. Во время революции 1848—1849 гг. был депутатом прусского Национального собрания, примыкал в нем к либеральной группировке. После основания в 1861 г. партии «прогрессистов» стал одним из ее лидеров. В 1848 г. был председателем комиссии национального собрания для изучения рабочего вопроса. В 1849 г. выступил с планом «спасения» от нужды пролетаризирующихся ремесленников и рабочих путем создания среди них кредитных, снабженческо-сбытовых, а также и потребительских кооперативов. В 1849 г. он основал первое сырьевое товарищество для приобретения материалов для столяров; в 1850 — первое кредитное товарищество; в 1852 г. — первое потребительское общество. Потом основывал производительные общества.

Видя в этих мерах единственный путь избавления от нужды, Шульце-Делич и его сторонники отвлекали рабочих от классовой борьбы и способствовали подчинению рабочего движения влиянию либеральной буржуазии. В 1853 г. Шульце-Делич издал свою первую книгу: «Об ассоциациях для немецких рабочих». В 1854 г. он основал печатный орган для пропаганды кооперации. В 1858 г. он издал книгу: «Трудящиеся классы и кооперативные общества в Германии» и затем много брошюр по кооперации и кооперативному законодательству. В 1859 г. Шульце-Делич созвал первый кооперативный конгресс немецких обществ в Веймаре. В 1861 г. был избран секретарем «Всеобщего союза германских товариществ». В 1861 г. был избран в прусскую законодательную палату (ландтаг), а позднее в общенемецкий рейхстаг.

В своих кооперативных планах Шульце-Делич оставался таким же сторонником «гармонии интересов» труда и капитала, как и в области теоретической политической экономии. Кооперация, по его мнению, должна иметь внеклассовый характер, объединять представителей всех классов; цель ее — осуществление социального мира в рамках капиталистического общества. Банкротство товариществ, основанных Шульце-Деличем, и рост самостоятельности рабочего движения в Германии обусловили крах кооперативных планов Шульце-Делича.

Фон-Эльм, Адольф (1857—1916) — деятель германского рабочего, профессионального и кооперативного движения. Главный инициатор и председатель Наблюдательного совета Гамбургского кооператива «Продукцион», в течение 14 лет был депутатом парламента от германской рабочей партии.

После окончания обучения ремеслу сигарного рабочего присоединился к профессиональному и политическому движению, из-за чего лишился работы

и вынужден был эмигрировать в САСШ. Там пробыл четыре года (1878—1882) и был деятельным участником профессиональной и политической жизни. В Нью-Йорке был членом «Совета труда», в Детройте — членом правления рабочей партии.

По возвращении в 1882 г. в Гамбург организовал Всегерманский Профессиональный Союз сигарных рабочих, председателем которого состоял с 1885 до 1912 г. Был членом «Генеральной комиссии германских профессиональных союзов».

По окончании локаута табачных рабочих в Гамбурге основал производительную артель табачных рабочих (18 марта 1891 г.), заведующим делами которой состоял вплоть до 1910 г., т. е. до того момента, когда все предприятия артели перешли в руки «Кооперативного Общества оптовых закупок германских потребительных обществ», а фон-Эльм стал техническим заведующим сигарных фабрик этого общества. Автор многих статей по политическим, профессиональным и кооперативным вопросам.

Юз, Томас (1822—1896) — один из руководителей кооперативного движения в Англии середины и второй половины XIX в., «христианский социалист». По образованию юрист. В 1845 г. окончил Ориель-колледж Оксфордского университета и получил степень бакалавра. Был среди основных участников Общества для содействия рабочим ассоциациям. Участвовал в создании в 1854 г. «Колледжа для рабочих» в Лондоне, был его директором. В 1865 г. стал членом парламента. В 1882 г. назначен судьей. Был председателем первого Британского Кооперативного съезда (1869 г.). Вместе с Нилом написал «Руководство по кооперации» (1882), где они проводили идеи «христианского социализма». В 1879 г. основал в Теннесси (САСШ) кооперативную колонию (через несколько лет потерпела крах). В 1886 г. кооператоры учредили в Оксфордском университете стипендию имени Юза для сыновей рабочих-кооператоров.

БИБЛИОГРАФИЯ

Социальные основы кооперации. М., 1916. 2-е изд. М., 1918, Берлин, 1921.
3-е изд. М., 1919:
пер. на польский Варшава, 1918, 1923. 1-го изд.
пер. с сокр. на иврит. Тель-Авив, 1937

Рецензии

Пажитнов К. А. На книгу М. И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации»//Современный мир. 1916. № 4. Ч. II. С. 146—148.
Кондратьев Н. Д. Рецензия//Вестник Европы. 1916. № 6. С. 352—354.

Работы М. И. Туган-Барановского

1. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности//Юридический вестник. 1890. № 10. Т. II. С. 192—230.
2. П. Ж. Прудон, его жизнь и общественная деятельность. Биогр. очерк. СПб., 1891.
3. Дж. С. Милль. Его жизнь и учено-литературная деятельность. Биогр. очерк. СПб., 1892.
4. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшее влияние на народную жизнь. СПб., 1894.
5. Промышленные кризисы. Очерк из социальной истории Англии. 2-е соверш. перераб. изд. СПб., 1900.
6. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 3-е соверш. перераб. изд. СПб., 1914;
4-е пересм. изд., Пг., 1923; Смоленск; 1923.
пер. на нем. 2-го изд. Вена, 1901.
пер. на фр. 2-го изд. Париж, 1913.
пер. на англ. (США) 1954 (частичный).
пер. на яп. с франц. Нихонсё ранся, 1931.
пер. на яп. с нем. Пеликан, 1872.
7. Промышленные кризисы//Сборник правоведения и общественных знаний. 1895. № 5. С. 69—87.
8. Значение экономического фактора в истории//Мир божий. 1895. № 12. С. 101—118.
9. Экономический фактор и идеи. Ответ моим оппонентам//Мир божий. 1896. № 4. С. 269—291.
10. Письмо в редакцию//Мир божий. 1896. № 5. С. 279—280.
11. Мерсье де-ла Ривьер//Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. С. 137.
12. Генри Джордж. Прогресс и бедность. Исследование причин промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средство избавления. С послесл. М. И. Туган-Барановского. СПб., 1896.

В библиографии приведены русские издания работ М. И. Туган-Барановского и работы, выходившие сначала на иностранных языках.

13. К вопросу о влиянии низких хлебных цен. По поводу книги «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства»//Новое слово. II. 1897. № 6. С. 73—83.
14. Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности//Новое слово. II. 1897. № 7. С. 1—33.
15. Генри Джордж и национализация земли//Новое слово. 1897. № 9. С. 108—129.
16. «Народники» крепостной эпохи (из истории русского общественного сознания)//Новое слово. 1897. № 11. С. 49—85.
17. Борьба фабрики с кустарем//Новое слово. 1897. № 1.
18. Статистические итоги промышленного развития России. (Доклад М. И. Туган-Барановского в заседании III отд. Императорского Вольного Экономического об-ва 17 января 1898 г.)//Труды ИВЭО, Кн. 1. Вып. 1. 1898. С. 1—41.
19. Письмо в редакцию. (Ответ проф. А. Карышеву)//Мир божий. 1898. № 5. С. 77—82.
20. Капитализм и рынок. (По поводу книги С. Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд». М., 1897)//Мир божий. 1898. № 6. С. 118—127.
21. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в 19 веке. СПб., 1898.
22. Споры о фабрике и капитализме (Моим критикам)//Начало. 1899. № 1—2. С. 22—52.
23. Русские переводы 1 т. «Капитала» Маркса (Заметка)//Мир божий. 1899. № 2. С. 10—16.
24. Неосторожный критик: Н. Каблуков//Начало. 1899. №3. С. 64—82.
25. Рецензия на работу Н. Карелина (Псевдоним В. И. Засулич) «Жан-Жак Руссо»//Начало. 1899. № 5. С. 118—121.
26. Письмо в редакцию//Жизнь. 1899. № 3. С. 70—73.
27. Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса//Научное обозрение. 1899. № 5. С. 973—985.
28. Экономическая наука//Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28. СПб., 1899. С. 851—854.
29. Основные причины кризисов в капиталистическом хозяйстве//Мир божий. 1899. № 11. С. 194—222.
30. Некоторые черты из новейшей эволюции капитализма. Доклад, читанный М. И. Туган-Барановским в заседании III отд-я ИВЭО 4 декабря 1899//Труды ИВЭО. Т. 2. Вып. 5—6. 1899. С. 90—114.
31. Трудовая ценность и теория прибыли. (Моим критикам)//Научное обозрение. 1900. № 3. С. 607—633.
32. Современный промышленный кризис//Мир божий. 1900. № 11. С. 1—18.
33. Предисловие М. И. Туган-Барановского к русскому переводу книги: Зомбарт В. «Организация труда и трудящиеся». СПб., 1901.
34. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб., 1903.
35. Земский учитель в Лохвицком уезде. (Письмо из Лохвиц)//Мир божий. 1903. № 12. С. 33—37.
36. Что такое общественный класс?//Мир божий. 1904. № 1. С. 64—72.
37. Психические факторы общественного развития//Мир божий. 1904. № 8. С. 2—28.
38. Борьба классов как главнейшее содержание истории//Мир божий. 1904. № 9. С. 242—259.
39. Крушение капиталистического строя как научная проблема//Новый путь. 1904. № 10. С. 166—206.
40. Теоретические основы марксизма. СПб., 1905.
41. Земельная реформа. Очерк движения в пользу земельной реформы и практические выводы. СПб., 1905.

42. Очерк движения в пользу национализации земли и практические выводы. СПб., 1906.
43. Социалистическое учение об эксплуатации труда//Мир божий. 1906. № 3. С. 133—154.
44. Как осуществится социалистический строй//Мир божий. 1906. № 5. С. 166—199.
45. Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906.
46. Национализация земли и выкуп//Украинский вестник. 1906. № 4. С. 212—221.
47. Предисловие М. И. Туган-Барановского к книге: Войтинский В. С. Рынок и цена. Теория потребления, рынка и рыночных цен. СПб., 1906.
48. Проповедник национализации земли. М., 1906.
49. Лекция по политической экономии. Сокр. излож. СПб., 1907.
50. Рецензия на книгу: Кулишер И. М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. I. СПб., 1906//Журнал министерства народного просвещения. 1908. № 1. С. 174—183.
51. Subjektivismus und Objectivismus in der Wertlehre//AMWP. 1906. N 2. С. 557—564.
52. Нравственное мировоззрение Достоевского//Вопросы обществоведения. СПб., № 1. 1908. С. 243—259.
53. Вопросы обществоведения. Орган академической и научной жизни/Под ред. М. И. Туган-Барановского и П. И. Люблинского. СПб., 1908.
54. Методология политической экономии//Образование. 1908. № 12. С. 1—19.
55. Gesunder Menschenver Stand und wissenschaftlinche Wahrheit. Die Neue Leit. 1908. N 19. С. 640—658.
56. Предисловие к рус. пер. книги: Бем-Баверк Е. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб., 1909.
57. Основы политической экономии. СПб., 1909.
58. Предисловие к рус. пер. книги: Форлендер К. Кант и Маркс: Очерки этического социализма. СПб., 1909.
59. Социальная теория распределения//Русская мысль. 1910. № 1. С. 100—114.
60. Общественно-экономические воззрения Н. Г. Чернышевского//Памяти Н. Г. Чернышевского. СПб., 1910. Труды ВЭО. 1910. Т. I. Вып. 1. отд. 5.
61. Интеллигенция и социализм//Интеллигенция в России. Сб. статей. СПб., 1910. С. 235—258.
62. Оживление промышленности//Речь. 1910. № 283.
63. Первый шаг//Речь. 1910. № 339.
64. Состояние нашей промышленности за последнее десятилетие и виды на будущее//Современный мир. 1910. № 92. С. 27—53.
65. Вздорожание жизни//Речь. 1910. № 353.
66. Еще о сельскохозяйственном банке//Речь. 1911. № 27.
67. Новая опасность для русской кооперации//Речь. 1911. № 54.
68. О кооперации//Речь. 1911. № 58.
69. Крепостная фабрика//Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. С. 139—154.
70. Неурожай и промышленный подъем//Речь. 1911. № 275.
71. То же. Часть II//Речь. 1911. № 282.
72. Торговый договор с Германией//Речь. 1911. № 323.
73. Современная промышленная конъюнктура//Речь. 1911. № 345.
74. Труды экономического семинара под рук. М. И. Туган-Барановского при Юридич. фак-те С. Петербургского ун-та/Под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Т. I. СПб., 1912; Т. II.— 1913.
75. К лучшему будущему. СПб., 1912.
76. Очерк развития мануфактурной промышленности в России. М., 1912.

77. Война 1812 года и промышленное развитие России//Отечественная война и русское общество. М., 1912. С. 105—112.
78. Ввоз и вывоз мануфактуры (Лекция). М., 1912.
79. Современная школа политической экономии в критическом освещении. Социально-политическое направление в Германии//Вестник знания. 1913. № 1. С. 58—65; № 2. С. 147—154.
80. Социалистические общины последователей Оуэна и Фурье//Вестник Европы. 1913. № 2. С. 179—197.
81. Социалистические общины нашего времени//Вестник Европы. 1913. № 3. С. 170—193.
82. Sociale Theorie der Verteilung. Berlin, 1913.
83. Социальная теория распределения. Пер. на рус.//Известия С. Петерб. Политехн. ин-та Императора Петра Великого. 1913. XX. С. 1—96.
84. Социальная теория распределения. СПб., 1913.
85. Общественно-экономические идеалы нашего времени. СПб., 1913.
86. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. СПб., 1913.
87. О русском социализме//Речь. 1913. № 213.
88. Классовый характер сельскохозяйственной кооперации//Вестник кооперации. 1913. № 7. С. 11—29.
89. Новый труд по экономической теории. (Рецензия на книгу П. Струве. Хозяйство и цена. Ч. 1. СПб., 1913)//Русское богатство. 1913. № 10. С. 371—382.
90. К нашей анкете. Ответ проф. М. И. Туган-Барановского//Украинская жизнь. 1914. № 1. С. 15—16.
91. Теория народонаселения при свете новых фактов//Новые идеи в экономике. Сб. 2. 1914.
92. Взгляды Каутского на вопросы народонаселения//Новые идеи в экономике. Сб. 2. 1914.
93. Подчиняется ли история общества законам развития//Новые идеи в экономике. Сб. 5. 1914.
94. Экономическая борьба России с Германией//Речь. 1914. № 24.
95. О причинах падения крепостного права в России//Речь. 1914. № 48.
96. Война и народное хозяйство//Чего ждет Россия от войны. Сб. статей. Пг., 1914. С. 5—23.
97. Памяти И. И. Янжула//Речь. 1914. 28 октября.
98. Еще о природе кооперации. Ответ Е. Левину//Вестник кооперации. 1914. № 8. С. 39—45.
99. Война и промышленность//Речь. 1914. № 321.
100. Экономическая природа кооперативов и их классификация. М., 1914.
101. Бумажные деньги и война//Речь. 1915. № 16.
102. Развитие производительных сил России//Речь. 1916. № 44.
103. Об экономическом развитии России//Речь. 1916. № 91.
104. Неужели правда//Речь. 1916. № 276.
105. Куда мы идем//Речь. 1917. № 40.
106. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917.
107. Русская революция и социализм. Пг., 1917.
108. Русская кооперация и заем свободы. Пг., 1917.
109. Военные займы/Под ред. М. И. Туган-Барановского. 1917.
110. Федерализм та державний суверенітет//Нова Рада. 1917. № 168
111. Откуда берутся деньги для войны. Пг., 1917.
112. Земельная реформа и кооперация. Тверь, 1918.
113. Русская земельная реформа и кооперация//Вестник Кооперативных Союзов. 1918. № 1—2.
114. Крестьянская кооперация на Западе. Тверь, 1918.
115. Остання мета кооперації//Українська кооперація. 1918. № 1.
116. О кооперативном идеале//Вестник кооперативных Союзов. 1918. № 4.
117. О кооперативном идеале М., 1918.

118. Продукційні підприємства кооперативів з точки погляду кооперативної теорії//Українська кооперація. 1918. № 12.
119. Социализм как положительное учение. Пг., 1918.
120. Невікладна справа//Українська кооперація. 1919. № 1. С. 2—7.
121. Кооперація, соціально-економічна природа и та мета. Київ, 1919. 2-е изд. Львов, 1936.
122. Влияние идей политической экономии на естествознание и философию. Киев, 1925.
123. Вплив ідей політичної економії на природознавство та філософію//Записки Української Академії Наук. Т. 1. 1918.
124. Кооперація в сучасну світову епоху//Українська Кооперація. 1919. Ч. 2.
125. Політична економія. Київ, 1919.

Биобиблиография

1. Курский Л. В. Теория рынка и промышленных кризисов. М. И. Туган-Барановского. М., 1916.
2. Бухарин Н. И. Теоретическое примиренчество. Теория ценности М. И. Туган-Барановского. В прил. к книге «Политическая экономия рантье». М., 1919.
3. Воблий К. Г. Академік М. И. Туган-Барановський//Записки соц.-економ. бiггiлю. Укр. АН. 1923. Т. 1.
4. Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923.
5. Skerst L. Die Ausgestaltung der Gewerkvereinstheorie von Thornton Brentano bis Tugan-Baranowsky und ihre Kritik in der deutschen Nationalökonomie. Leipzig, 1925.
6. Гольдман М. Б. Туган-Барановщина. М., 1926.
7. Gringaus S. M. I. Tugan-Baranowsky und seine Stellung in der heoretischen Nationalökonomie. Kaunas, 1928.
8. Gerschenkron A. Die Genossenschaftstheorie Tugan-Baranowsky//Vierteljahrsschrift für Genossenschaftswesen. N 3, oct. 1929; N 4, genn. 1930.
9. Gotz W. Zum ökonomischen System Tugan-Baranowsky. Riga, 1930.
10. Moisev. L'evolution d'une doctrine. La theorie des crises de Tugan-Baranowsky//Reve d'histoire economiques et sociale. Paris. 1932. N 1.

СОДЕРЖАНИЕ

М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ И ЕГО КНИГА «СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КООПЕРАЦИИ»	5
Предисловие	42
Отдел I. ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О КООПЕРАЦИИ	45
<i>Глава I. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ</i>	45
1. Кооперация и социализм	45
2. Общая классификация форм социалистического строя	47
3. Централистический, корпоративный, федералистический и анархический социализм	50
4. Централистический, федералистический и анархический коммунизм	55
<i>Глава II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КООПЕРАЦИИ</i>	62
1. Различие кооператива и социалистической общины	62
2. Кооператив как хозяйственное предприятие	64
3. Различие кооператива и капиталистического предприятия	67
4. Характер дохода кооперативных предприятий	75
5. Кооператив и муниципальные предприятия	88
6. Определение кооператива и различие кооперации от других форм самопомощи трудящихся классов	93
<i>Глава III. КЛАССИФИКАЦИЯ КООПЕРАТИВОВ</i>	96
1. Кооперативы как некапиталистические предприятия	96
2. Классификация кооперативов как хозяйственных предприятий	99
3. Важность правильной классификации кооперативов	102
4. Формы кооперативного движения	106
Отдел 2. ПРОЛЕТАРСКАЯ КООПЕРАЦИЯ	108
<i>Глава I. РОБЕРТ ОУЭН И СВЯЗАННОЕ С НИМ КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ</i>	108
1. Мировоззрение Оуэна	108
2. Возникновение кооперативного движения	109
3. Кризис мелкого производства и кооперации	116
<i>Глава II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКИХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ</i>	121
1. Кооперация и пролетариат	121
2. Рочдельское общество и сущность его принципов	122
<i>Глава III. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ</i>	133
1. Оптовая организация потребительской кооперации	133
2. Производство потребительских обществ	135
3. Рабочий вопрос в кооперации	141
4. Пределы потребительской кооперации	150
5. Потребительская кооперация и борьба классов	160
6. Потребительская кооперация в России	170
<i>Глава IV. ДОМОСТРОИТЕЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ</i>	174
<i>Глава V. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ АРТЕЛИ</i>	181
1. Производительные ассоциации во Франции	181
2. Производительные ассоциации в социалистической кооперативной литературе	184

3. Неудачи производительных артелей	190
4. Причины неудач производительных артелей	196
5. Организация типа коопартнершип	211
6. Желательные формы кооперативного производства	215
Глава VI. ТРУДОВЫЕ АРТЕЛИ	220
Глава VII. МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ КООПЕРАЦИИ	225
Отдел 3. КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ	228
Глава I. РАЙФФЕЙЗЕН И ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ	229
Глава II. РАЙФФЕЙЗЕНОВСКОЕ КРЕДИТНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО	232
1. Возникновение райффейзеновского кредитного товарищества	232
2. Райффейзеновские принципы	234
Глава III. РАЗВИТИЕ РАЙФФЕЙЗЕНОВСКОЙ КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ	246
1. Райффейзеновское движение в строгом смысле	246
2. Движение Имперского союза	250
3. Крушение центральной организации германской крестьянской кооперации	254
Глава IV. КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ВНЕ ОБЛАСТИ КРЕДИТА	260
1. Крестьянские потребительские общества	260
2. Кооперация в области покупки и сбыта	263
3. Товарищества по переработке и сбыту	267
4. Производительно-подсобные товарищества	273
5. Сельскохозяйственная кооперация в Англии	276
Глава V. СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ	277
Глава VI. СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ	289
Глава VII. КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В РОССИИ	296
1. Условия возникновения крестьянской кооперации в России	296
2. Кредитная кооперация	298
3. Потребительская кооперация	309
4. Кооперация по закупке и сбыту	312
5. Кооперация по переработке	314
6. Кооперативные союзы	319
7—8.	322—324
Глава VIII. РУССКАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И КООПЕРАЦИЯ	326
Отдел 4. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КООПЕРАЦИЯ	345
Глава I. ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧ И СВЯЗАННОЕ С НИМ КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ	345
1. Шульце-Делич и его общественное мировоззрение	345
2. Вызванное Шульце кооперативное движение	348
3. Раскол в кооперативном движении Германии	353
	495

Глава II. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ	359
1. Характеристика народного банка Шульце	359
2. Развитие народных банков	366
3. Возникновение в России ссудосберегательных товариществ	374
4. Мелкобуржуазная кредитная кооперация в России	375
Глава III. РЕМЕСЛЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ	379
1. Возникновение ремесленной кооперации	379
2. Дальнейшие судьбы ремесленной кооперации	382
3. Непосредственные причины неуспеха ремесленной кооперации	388
4. Общие причины неуспеха ремесленной кооперации	391
5. Магазинные и сырьевые товарищества	399
6. Кооперация среди кустарей	402
Глава IV. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ	404
1. Мелкобуржуазные потребительские кооперативы на Западе	404
2. Мелкобуржуазные потребительские кооперативы в России	408
Отдел 5. КООПЕРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ	410
Глава I. КЛАССОВАЯ ПРИРОДА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ КООПЕРАЦИИ	410
1. Аргументация в пользу внеклассового характера кооперации	410
2. Классовые и внеклассовые организации в современном обществе	414
3. Тенденции развития кооперации различного классового состава	418
4. Центральные кооперативные организации	422
5. Взаимные отношения пролетарской и крестьянской кооперации	424
6. Политическая позиция кооперации	427
Глава II. О КООПЕРАТИВНОМ ИДЕАЛЕ	433
Приложения	450
Комментарии	454
Указатель имен	476
Библиография	489

Научная

Туган-Барановский Михаил Иванович

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КООПЕРАЦИИ

Зав. редакцией *Б. А. Мясоедов*, мл. редактор *Н. В. Бигеева*, корректор *Г. М. Галенкова*, техн. редактор *Л. С. Сазонова*, худож. редактор *В. П. Рафальский*

ИБ № 3331

Сдано в набор 13.01.89. Подписано к печати 24.08.89. Формат 60×90^{1/8}. Бумага кн.-журн. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 31/31 усл. кр.-отт. Уч.-изд. л. 34,36. Тираж 11 000 экз. Заказ № 160. Цена 2 р. 50 к.
Изд. № 6792.

Издательство «Экономика», 121864, Москва, Г-59, Бережковская наб., 6

Ленинградская типография № 4 ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191126, Ленинград, Социалистическая ул., 14.